

РОБЕРТ ФОРСАУД

СИСТЕМА

БАНТИК

С ДЕНЬГАМИ

О ДЕНЬГАХ СОСУДОВ

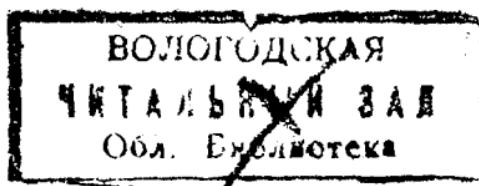
32326

Роберт Гринвуд

МИСТЕР БАНТИНГ В ДНИ МИРА И В ДНИ ВОЙНЫ

ЧЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО
*Н. Волжиной, Н. Дарузес
и Т. Озерской*

32326

О Г И З

Государственное издательство
художественной литературы
Москва 1943

ROBERT GREENWOOD

M. R. BUNTING
IN PEACE AND WAR

1941

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

МИСТЕР БАНТИНГ В ДНИ МИРА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Мистер Бантинг шел по песчаной дороге, поднявшейся в гору к Кимворт-Гарден. Была суббота, и мистер Бантинг возвращался домой обедать. Он был человек пожилой, несколько шарообразной комплекции, с рыжеватыми усами; его синий шевиотовый костюм лоснился от долгой носки на локтях и коленях. Поля котелка мистера Бантинга успели немногого пообстрепаться от ежедневного соприкосновения со щеткой, а следы, которые оставляли его башмаки на мягкой дороге, с успехом могли служить рекламой каучуковым подошвам фирмы Бакстер. Мистер Бантинг не производил впечатления особо состоятельного человека; зато его коренастая фигура и походка свидетельствовали о наличии в нем чисто британской независимости характера. В одной шухлой руке он крепко держал фибрзовую сумку для завтрака, в другой — довольно помятый зонтик и сегодняшний номер газеты «Стрена».

Котелок у мистера Бантинга был сдвинут на затылок, во-первых, из-за жары, во-вторых, из-за того, что мистер Бантинг был чем-то взволнован. Обычно он относился ко всем служебным волчениям фаталистически; ему уже давно пришлоось убедиться на собственном опыте, что волнения так же неизбежно сопряжены со службой, как изжога с принятием пищи. Но теперешние волнения... он задумался, подыскивая нужное слово, ибо всегда старался быть точным, — теперешние волнения не имели себе равных в прошлом. То, что котелок был сдвинут на затылок, не помогло мистеру Бантингу —

голове не стало прохладнее, и неприятные мысли, циркулирующие под котелком, не испарились. Как и все последние дни, они жужжали у него в мозгу осенним роем, противясь его попыткам изгнать их оттуда. А это действовало раздражающе и даже пугало мистера Бантина, ибо по складу характера он с большой неохотой допускал к себе неприятные мысли. Мистер Банting, по его же собственным словам, «не одобрял» напрасных волнений, и сейчас он был зол не столько на Вспинора и Сакингера — двух чиновников его тревог, — сколько из самого себя, за то, что позволял мыслям о служебных делах с такой настойчивостью жужжать в мозгу. Да к тому же в субботу, в последний день трудовой недели.

А вот и почтовый ящик! Мистер Банting взглянул на свои часы, ежевечерне сверяясь с Биг Беном¹, и направил мысли по другому руслу. — Секунда в секунду, — пробормотал он. Дома на кухне без минутной задержки поджарят фильт, стол будет накрыт, тарелки подогреты. Вся семья знает, что сейчас отец идет по Кэмбърленд-авеню. Мистер Банting несколько воспрянул духом; раз пясесть заведенный порядок дня не тяготил его, папротив, он служил ему источником радости. Мистеру Банtingу было приятно каждый день в одно и то же время заняться одними и теми же делами, и ему было приятно проходить по субботам мимо почтового ящика ровно в двадцать минут второго, ибо тогда-то он и чувствовал, что его уик-энд действительно наступил.

«Погода будет хорошая», — подумал он. Ничто другое не имело такой цены в его глазах, как хорошая погода в субботу и воскресенье. Нельзя сказать, чтобы мистер Банting не любил своей работы (он сам никогда не забывал это подчеркнуть во избежание превратных толкований), но каждый уик-энд доставлял ему истинное наслаждение.

Миновав почтовый ящик, мистер Банting тотчас выбрасывал все мысли о служебных делах из головы — он щвырял их через плечо, точно изрешеченный башмак.

¹ Часы на здании парламента.

Во всяком случае, так было до сегодняшнего дня.

Заботы и волнения неизбежны, убеждал он самого себя; они и раньше скоплялись тучами — легионы армии забот, и мелких и крупных. Если пеешь на себе какую-нибудь ответственность, от забот не уйти. Это он никак не мог втолковать членам своей семьи. Они отказывались верить, что отдел железо-скобяных товаров универсального магазина Брокли может поставить перед заведующим ряд задач, требующих для своего разрешения самых высоких умственных способностей. Вот плоды обучения детей французскому языку и алгебре — наукам, о которых их родители не имеют ни малейшего понятия. В результате выходит, что дети презрительно относятся к другим, более практическим, занятиям. Мистер Бантинг подозревал, что у него есть прозвище в семье, а именно «глупый старик». Он иронически фыркнул. Чтобы заведывать железо-скобяным отделом, надо быть энтомоком этого товара. Иной раз просто диву даешься, каких только трудностей не встретишь в торговле: сложные отношения с поставщиками, мелкие неполадки с покупателями — не тот размер, не тот диаметр. Железо-скобяные изделия способны привести в ярость даже самого спокойного человека. Канризный товар; с ним нужно терпение и терпение, а кроме того — опыт. Короче говоря, нужно обладать тем, чем мистер Бантинг обладал в полной мере, — знанием дела.

Да, волноваться приходилось и у Брокли, волноваться приходилось и дома. Денежные дела, очередные пачки счетов, блоки подоходного налога, местные налоги, не-прерывный поток заказов, дача сведений в различные инстанции. Он воевал со всем этим с тех пор, как женился и обзавелся семьей; он плавал по бурным волнам финансовых неурядиц, отводя душу то крепким словечком, то философскими размышлениями, и все-таки не разу не ушел с головой под воду, а только сердился иногда, а иногда усмехался под рыжеватыми усами. Бывали времена, когда он признавался, что у него опускаются руки, но бывало и так, что он ощетинивался и восставал против судьбы. Впрочем, сил у него было еще много.

В какой-то мере все это доставляло ему удовольствие, и у Брокли он работал тоже с удовольствием — во всяком случае, до последнего времени. Весьма возможно, что магазин становится немножко старомодным, теперь этого уже не скроешь, но качество товара всегда стояло у них на первом месте; работой в таком магазине можно было гордиться. Пятьдесят лет назад мистер Бантинг поступил рассыльным в универсальный магазин Брокли прямо со школьной скамьи, из переулка в Кэмдентауне. А теперь он заведует целым отделом. Солидная должность, прочное положение. Прочное? Да, так ему казалось. Он полагался на традиции магазина и чувствовал под собой твердую почву. А теперь эта твердая почва ускользала у него из-под ног.

Старый Джон Брокли умер. Когда-нибудь старику надо было умереть — ему уже было под восемьдесят. Но мистер Бантинг никогда не представлял себе, что старик может умереть. И все-таки Джон Брокли умер, и традиции Джона Брокли тоже умерли, а на его месте сидит теперь этот суевийский торопыга мистер Вентнор, у которого нет никаких традиций, а есть только нескрываемое презрение ко всему, что было в обычай у старика Брокли, и ко всем его старым служащим. Будущее мистера Бантинга стало весьма неопределенным. Вентнор же раз давал ему это почувствовать.

Вот почему члены мистера Бантинга бороздили морщины, вот почему котелок у него было сдвинут на затылок, вот почему черные мысли, которые он отогнал от себя, выйдя из Кэмберленд-авеню, снова слетались к нему, словно вороны на опустелое живье. Всю дорогу из Лондона, все утро в магазине, весь вчерашний и позавчерашний день страх перед будущим тикал у него в мозгу, как часы, не требующие завода. Тяжелый гнет страха преследовал его с утра до вечера и с вечера до утра. Это причиняло почти физическую боль. Страх пеплом обволакивал ему язык, когда он садился есть, камнем лежал у него под подушкой, когда он пытался уснуть. В сущности говоря, за последние три ночи мистер Бантинг почти не сомкнул глаз. Ему было больно, что жена даже не заметила этого.

Сегодня утром за бритвem в мозгу у него появилось

откуда возникли слова: «Отойдешь ко сну, и страх не будет владеть тобой». Он стоял с бритвой в руках и вслушивался в эти слова. Но это же неверно! Это невозможно! Страх владел им: Вентнор винил ему страх — молокосос Вентнор, который годится ему в сыновья, человек, ни к чему непригодный, без всякого практического опыта, ничего не имеющий за душой, кроме каких-то там теорий. В мире, где царствует справедливость, этого не могло бы быть.

А ведь прошло всего два месяца с тех пор, как он впервые встретил Вентнора в кабинете молодого Брокли; тогда эта встреча не произвела на него никакого впечатления. За завтраком они с Кордером даже слегка пошутили на его счет. В тот день Вентнор впервые появился в магазине — «посмотреть (как не без смущения сказал молодой Брокли), не сможет ли он помочь нам внедрением более современных методов торговли».

«Сомневаюсь!» — подумал тогда мистер Бантиг, с первого взгляда оценив этого высокого блондина, оценив его молодость, его красные губы и жеманный голос. Он покровительственно улыбнулся Вентнору и держал себя с ним лебрежно, пожалуй, даже с чересчур явной неприязнью.

Потом они обменялись мнениями по этому поводу с Кордером из отдела ковров и линолеума.

Кордер был человек с литературными склонностями, изъяснявшийся главным образом при помощи цитат. Уловить смысл его изречений любой раз бывало трудновато. Мистеру Бантигу часто приходилось лазить в толковый словарь за разгадкой того, что говорил Кордер, даже когда он не ударялся в поэзию. Кордер весьма способствовал обогащению речи мистера Бантига новыми, хотя и не всегда правильно понятыми, словами, и тот частенько повторял цитаты Кордера в семейном кругу, всякий раз вызывая всеобщее изумление.

— У него голодный, алчный вид, — провозгласила Кордер. — Не одобряю.

— В нем есть что-то бабье, верно?

— Взгляд хищника и пепкий хобот. Заметил ты? Такие люди всегда что-то таят в себе.

— А как он к нам попал? Наверное, по протекции,

через прежних товарищев по школе, — перебил его мистер Бантинг, вспомнив, что последнее дни «Сирена» вела ожесточенную кампанию против использования в личных интересах старых школьных связей. — Ну, одним словом, этакий шаркун из Итона или Гарварда, вот он кто! — презрительно припечатал мистер Бантинг. Он весь ощетинился при одной только мысли, что им будет командовать человек, авторитет которого поконится на такой антидемократической основе, как престиж привилегированного учебного заведения.

По Кордер имел более точные сведения. Молодой Брокли присутствовал на «одном из совещаний, которые созывают коммерсанты», и подцепил там этого субъекта, а может быть, тот сам его подцепил. — Нам нужны новые методы, — заявил молодой Брокли своим старшим служащим. — Мистер Вентнор изучал торговлю в Америке и на континенте. Он знаток своего дела. — Служащие внимали молодому Брокли и жалели его за то, что он проявил такое легковерие. Им уже приходилось слышать об этих «экспертах». Беспокоиться нечего; хозяйские причуды, только и всего. И вдруг молодой Брокли угостил их бомбой: Вентнор будет стоять во главе магазина. — Нам пехватает координации, — заявил молодой Брокли и, чтобы исправить этот недостаток, предложил «знатоку» Вентнору возглавлять весь штат служащих, следовательно, ломыкать всеми и каждым и всюду совать свой нос.

Они решили, что молодой Брокли сошел с ума; мистер Бантинг так тот был убежден в этом. — Координация, — пробормотал он, открыв толковый словарь (мистер Бантинг коллекционировал слова, как другие коллекционируют морских раковины), и нашел в нем только: «координировать — приведить в соответствие» и «координация — приведение в соответствие». Это мало чем помогло ему, и он сделал вывод, что молодой Брокли употребляет высокопарные слова, не понимая их смысла.

Что бы теперь ни предпринималось во всех восьми отделах магазина, обо всем надо было сперва докладывать Вентнору и ждать его решения. До сих пор заведующие пользовались на своей территории неограничен-

ной властью; теперь же надо было думать о дисциплине и «координации». Вентпор, словно ястреб, кружил по всем отделам, зорким оком вливался в каждую витрину, которая почему-либо приходилась ему не по вкусу, хищно налетал на каждого продавца, который не проявлял достаточного рвения, вернее, не рыл землю на глазах у начальства. Он выпаливал вопросы, словно из шлемета. — Где плакаты? Почему нет ассортимента? Почему не выставляете новинки? Это какой-то морг! Настоящий морг! — изрек он в отделе железо-скобяных товаров и присовокупил: — В шагу с веком! — по своему обыкновению изъясняясь готовыми формулами. Потом во мгновение ока осмотрел отдел, осудил методы торговли, свойственные поколению мистера Бантина, ввел ряд новшеств, распорядился ускорить темп работы и запугал всех, пачкая с рассыльного и выше. Теперь заведующие отделами должны были то и дело представлять ему письменные доклады, присутствовать на совещаниях, а в конце каждого месяца составлять общую сводку с кривой, похожей на кривую температуры, высшая точка которой показывала (тем, кто в этом разбирался), «благополучен» отдел или нет.

Из того, с чем Вентпору пришлось столкнуться у Брокли, мало что заслужило его одобрение. Он хотел поставить по-новому рекламу, завести новые стэнды, новые и более ходкие товары. Но больше всего, как подозревал мистер Банting, ему хотелось набрать новый штат.

Мистер Банting вскоре же заметил, что Вентпор поглядывает на него каким-то особо задумчивым взглядом. — Ведь вы, Банting, кажется, очень давно здесь работаете? — спросил он его однажды. Не устояв перед желанием похвастать, мистер Банting отступил с взлупившей откровенностью: — Почти пятьдесят лет, сэр.

— Пятьдесят лет, — повторил Вентпор, и взгляд его стал еще задумчивее.

Мистер Банting был твердо уверен, что ни от кого другого не требуют такого количества письменных отчетов, как от него. Эти отчеты были далеко не образцовые, но они несли на себе следы генеральной борьбы мистера Банtingа с языком. Каждый возвращался

к нему с подчеркнутыми красным карандашом грамматическими ошибками и щедро украшенный восклицательными знаками. Такова была тактика интомцев привыкавших школ. Мистер Бантинг чувствовал себя оскорбленным. Он знал, что образования ему не хватает. Но какое особенное образование нужно, чтобы торговать скобяными изделиями? Сведения он дает нравильные — неужели этого мало? Старый Джон Брокли считал его лучшим знатоком скобяного дела во всем Лондоне и по техническим вопросам советовался прежде всего с ним. Старик Джон никогда не требовал письменных отчетов. К нему в кабинет можно было зайти за просто с любым делом. А у Вентнора приходилось долго ждать в неприветливом кабинете, установленном новомодными картотеками, и начинать разговор первому там ис полагалось. Вот, например, сегодня утром: несколько минут Вентнор не обращал на него никакого внимания, а потом вдруг поднял голову и сказал с слегка заметной усмешечкой: — А, Бантинг! Значит, вы специалист по скобяным изделиям?

«Передразнивал меня!» — подумал мистер Бантинг и зашагал быстрее, в слепой злобе сжав в руке зонтик; точно это был меч.

«Сколько мне лет?» — спохватился он и на минуту задумался. Когда началась война, было сорок; значит, сейчас шестьдесят два, скоро стукнет шестьдесят три.

«Шестьдесят два, — повторил он с целодельным изумлением. — Чорт побери! Неужели правда?»

Он прошел еще несколько шагов. Невероятно! Шестьдесят два года. Он чувствует себя гораздо моложе. Сия и бодрости у него вполне достаточно, здоровье отменное. А все-таки годы катятся один за другим, время не переспоришь. Шестьдесят два года — вот что не нравится Вентнору. Эта мысль потрясла его. Он самый пожилой из всех старших служащих Брокли. Те, кого он знал еще с юношеских лет, одни за другим сходили со сцены. Он последний и самый старый. Он продвигался все дальше и дальше и вот очутится, так сказать, на самом краешке скамьи. Что стоит столкнуть его? Столкнуть... куда?

Мистер Бантинг с трудом обуздал свои мысли. Нечего торопиться навстречу таким ужасам. Они всегда успеют настичь его во мраке ночи.

«Вентилятор наступил мне на мозоль, — подумал он, — а у меня первы разыгрались. Надо как-нибудь подбодрить себя».

— Нечего волковаться поизапрасину, — храбро сказал он вслух и заставил себя оглядеться по сторонам, присмотреть зелень лужаек, свежесть летний и настурций, окаймлявших только что подметенные асфальтовые дорожки. Все здесь было такое знакомое и приветливое. Он хорошо знал эти сады; во время своих ежедневных путешествий из станции и домой он видел, как появляются в них первые зеленые побеги, как облетают последние увядшие цветы. К нему вернулось чувство покоя, то чувство покоя, источником которого служат такие вот мелочки. Не надо тревожить себя лишними мыслями, лучше терпеливо ждать, как и подобает истому англичанину, и не падать духом. Да ведь он сотни раз проходил по этой самой улице, ломая себе голову над тем, как предотвратить сотни возможных бедствий, и ни одно из них так и не нагрянуло. На деле все часто обворачивается гораздо лучше, чем думаешь, надо только выждать время. О время, ты искупитель всех забот, как говорит Кордер. Но в молодые годы этого не понимаешь. Его юнцы тоже не поймут. Им даже в голову не приходит, как много знает о жизни человек таких солидных лет, как мистер Бантинг.

А вот и его «Золотой дождь» — его гордость; вполне современный коттедж и «обособленный с обеих сторон», как выражалась миссис Бантинг.

В давние времена страховой агент ухитрился так запугать мистера Бантинга, что он застраховал «Золотой дождь» на случай осадки фундамента. Обуреваемый страхом, он совершил по вечерам обходы вокруг своего жилища и в дождь, и в резкий ветер, и в холод, с тревогой присматриваясь, не появились ли в группе трещины. В засушливые месяцы фундамент даже целивали из шланга по совету одного человека, брат которого работал десятником на стройке. И «Золотой дождь» до сих пор стоит прочный, незыблемый, как нормандский

замок, подкрепляя собой веру мистера Бантигра в то, что дурные предчувствия никогда не сбываются.

Он сунул ключ в замок и вошел в холл. Часы приветствовали его боем — ровно половина второго. «Секунда в секунду», — весело подумал он и проследовал на кухню, переступив ее порог как раз в ту минуту, когда миссис Бантигр вынимала жаркое из духового шкафа.

— Ии с места! — скомандовал мистер Бантигр и поцеловал жену сперва в одну щеку, потом в другую, а она, застигнутая врасплох, держа сотейник в обеих руках, только и могла выговорить: — Вот глупый, ведь костюм вымажешь!

— Немочь тебе?

— Нет, Джули все сделает.

— Да не может быть! — пропищавши воскликнул мистер Бантигр и, войдя в столовую, совершил непротивительный по своему плебейскому тону проступок, всякий раз возмущавший членов его семьи: он снял с шеи крахмальный воротничок и надел его на бронзовую Пенхею, стоявшую на буфете.

— Папа! — взмолилась Джули, появляясь в столовой с горкой горячих тарелок.

— Надо же его когда-нибудь снять?

— Теперь так, никто не делает, — сказала Джули, семнадцатилетняя девица, воспитывавшаяся в школе мисс Мерган-Дэлл, где ей главным образом прививали правила хорошего тона.

— Долой воротничок! — твердо заявил мистер Бантигр. — Это первое, что я делаю, когда приду домой. Символический акт!

Сыновья сидели в гостиной; мистер Бантигр вошел туда, и его сразу охватило чувство — передко за последнее время, — что перед ним находятся двое незнакомых юношей. В таких случаях он часто прикрывал смущение деланиной шутливостью, но с некоторых пор ему начало казаться, что сыновья считают его шутки глуповатыми. Они взрослели с пепельницами моих быстротой, взрослели и уходили от него все дальше и дальше, замыкаясь в себе. Пой раз мистер Бантигр даже робел в их присутствии. Особенно в при-

существии старшего сына, Эрнеста. Двадцать один год, высокий, серьезный, и как будто ничего отцовского в нем — вот он сидит за роялем и листает ноты!

По все же мистер Бантиг спросил довольно бодрым голосом:

— Что это у тебя, Эрнест?

— Это я только что купил, — сказал Эрнест. — Этюды Шопена.

— Этюды?

— Да. Хочешь послушать?

— Нет! Нет, спасибо, — поторопился ответить мистер Бантиг. — Пора обедать. — Про себя же он подумал: «Этюды! Еще чего не придумает ли!» Одно время Эрнест играл только фуги — фуги Баха. Мистер Бантиг наслушался их до отказа.

Он посмотрел на Криса, который сидел на кушетке, уткнувшись носом в книгу. Крис был моложе и не такой солидный, как Эрнест, поэтому мистер Бантиг вгутливо хлопнул его по плечу.

— Что ты читаешь, Крис?

— «Авиамоторы, их проектирование и эксплуатация», — ответил Крис.

— Авиамоторы! — недоумевающе повторил мистер Бантиг. — Что тебе вздумалось читать про авиамоторы?

— А это очень интересно, тут и аэродинамики немножко есть.

— Какой тебе смысл изучать аэродинамику? — спросил мистер Бантиг отеческо-поучительным тоном. — Работаешь ты в балке. Читал бы лучше книги по банковскому делу. Арифметика... золотой стандарт — вот что тебе надо знать.

— Ну, — брезгливо сказал Крис. — Терпеть не могу эту материю.

— И напрасно, — мистер Бантиг становился явно дидактичным. — Это твоя профессия, значит, надо совершенствоваться в ней. Не мешает подумать и о будущем. Перед тобой открываются такие возможности, Крис. Господи боже, да я в своем возрасте...

Крис поднял голову от книги. Его прервали на самом интересном месте, но добродушие все-таки не изменило ему.

— Да ну, брось, папа, — кротко сказал он.

И мистер Бантинг решил отказаться от роли властного отца, вернее, не сумел выдержать ее. Да, впрочем, такая роль не менее глупа, чем шутливый тон. Красивый мальчик, но он не видит, где его выгода. Мистер Бантинг смотрел на обоих сыновей, которые были погружены каждый в свое дело и, видимо, не желали вступать в разговор. Двое незнакомцев. Он чувствовал себя непрошенным гостем здесь и, глядя в окно на садовую герань, думал: «Что такое делается с нашей молодежью?» Она не испытывает никакой радости от того, что должно бы ее радовать. Вот, скажем, Эрнест — молодой человек двадцати одного года, мыслящий, а чем он занят? Склонился над клавишами, тренирует какие-то этюды. Судя по его серьезному лицу, он получает удовольствие лишь от того, что требует величайшей сосредоточенности, огромной работы мозга. А Крис, который читает книги только по технике, и все такие замысловатые, что если его спросить, о чем там написано, он потрет себе нос и ответит: — Видишь ли, папа, тому кто специально этим не занимается, пожалуй, не объяснишь.

Все этих сугубо специальных интересов жизнь казалась им скучноватой.

«Чего им не хватает?» — удивлялся мистер Бантинг. Чувство скуки было незнакомо ему. Он вдвое старше своих сыновей, полон сил и находит жизнь весьма интересной. Мистер Бантинг барабанил пальцами по оконной раме и смотрел на садовую лужайку — надо подрезать газон и пройтись по нему с катком. Крису и Эрнесту вряд ли придет в голову заняться этим. По лужайке бегал дрозд — пробежит и остановится, нагнув голову набок и будто прислушивааясь. «Неужели червей слышит?» — подумал мистер Бантинг, увидев, как дрозд в мгновение ока выхватил из травы червяка. Дрозд побежал вдоль бордюра из лобелии, остановился послушать, засеменил дальше, вернулся и снова прислушался. «Еще один на прижете, — подумал мистер Бантинг уже окончательно заинтересовавшись. — Его не прорвешь, жулика. Ага!.. Нет, не вышло!»

— Обедать! — провозгласила Джули. — Папа, постой у окна, ведь ты без воротничка. Как это некрасиво!

— Не следует забывать, — с напускной строгостью сказал Крис, — что жиро окна может пройти какая-нибудь фишечка из подружек нашей Джули, и вдруг увидит тебя в таком виде!

Джули показала ему язык.

— Довольно, довольно, — остановил их мистер Бантиг. — Не ссорьтесь. Давайте обедать.

Вся семья села за стол, собираясь пообедать не торопясь и со вкусом. Их трудовой день был закончен.

— Кто такие поселились в «Дерридине»? — спросил мистер Бантиг, разрезая жаркое.

— Он — чиновник гражданской службы, — с готовностью сообщила миссис Бантиг. — Я знаю это от миссис Оски, мы с ней сегодня встретились в мясной лавке. Она разговаривала с его женой.

— Гражданская служба! — сказал Крис. — Да ведь он работает на почте.

— А разве это не гражданская служба?

— Ну, так говорится просто для шика. Он сортировщик, только и всего.

— Неужели им по средствам жить здесь? — сказал мистер Бантиг. — Мы и то из последних сил пыжимся.

— Килворт скоро совсем омешается, — заявила Джули, вся передернувшись от вульгарности отца. — В «Уэверли» поселились какие-то ужасные люди. Муж ходит на работу в комбинезоне.

— Как раз то, о чем я мечтаю, — сказал Крис.

— На жалованье механика в таком месте не и рожиешь, — вступил в разговор мистер Бантиг, не упуская случай лишний раз показать Крису всю несуразность его замыслов. — Держись за свой банк.

— У Криса комплекс комбинезона, — сказал Эрнест.

Мистер Бантиг не стал допытываться, что сие значит. Эрнест постоянно твердил о каких-то комплексах, но поскольку толковый словарь объяснял комплекс, как «совокупность чего-либо, составляющую одно целое», смысл его замечаний оставался для мистера Бантига неясным. Но на этот раз он не был расположен вступать в спор с Эрнестом.

— Мэри, какой сегодня пудинг?

— Из манной крупы.

— Мой любимый, — объявил мистер Бантиг. — Ну, давайте тарелки.

— А все-таки Бильворт омешанится, — стояла на своем Джули. — Вся приличная публика разъезжается отсюда. Я бы тоже хотела переехать куда-нибудь в другое место.

— Никуда мы не переедем, — твердо сказал мистер Бантиг. — Будем жить, где живем, и будем залавывать здесь тон. (Получилось плохо, то почему-то никто не засмеялся.) Старичок из «Манделэя» дал мне росток того самого плюща.

— Пана, какой старичок, — полковник? — вдруг ожила Джули. — Я и не подозревала, что ты с ним знаком.

— Конечно, знаком. Разве он полковник? А я думал — какой-нибудь бывший бакалейщик или что-нибудь в этом роде.

— К кому я совершенно равнодушен, так это к полковникам, — высокомерно сказал Эрнест. — Большей частью безмозглая публика. Насколько я знаю, он играет на пианиоле.

— А что в этом плохого? — спросил Крис.

— В пианиоле? Бог мой, консервированная музыка!

— А тем не менее цена пианиоле восемьдесят гиней, — сказал мистер Бантиг. — Тебе это шескоро будет по карману. И пластинки у него хорошие. Но то что фуги. Кому еще? — вопросил он, обводя всех глазами, точно аукционер, но не получил никакого ответа.

Ощущая приятную полноту в желудке, он поднялся из-за стола и расстегнул верхнюю пуговицу брюк. Это делалось всегда с известной нарочитостью, чтобы досадить Джули, которая, по его мнению, стала слишком уж церемонной за последнее время.

— Чай будешь пить, Джордж?

Вот неуместный вопрос! Гораздо тактичнее было бы ничего не спрашивать, а просто принести чашку чая. В последнее время мистер Бантиг старался отвыкать от послеобеденного чая. К счастью, он заранее объявил в своем памерении. В одном из номеров «Сирены» была статья по этому вопросу. Чай разжижает желудочный сок, утверждал алоцимпийский эскулап, изо дня в день на-

наставлявший читателей «Сирены». Вследствие этого желудочный сок не может оказывать должного действия на белки... За белки ли? А может быть, на углеводы?

Мистер Бантинг успел забыть доводы, приводимые против чая, но в то время они показались ему весьма убедительными. Ознакомление со статьей не подвигнуло его на решительный отказ от послеобеденного чая, но в силовой мере уменьшило удовольствие, которое он получал от этого напитка. Каждому, кто, подобно мистеру Бантингу, изучил свой организм с помощью «Домашнего лекаря», было совершенно очевидно, что воздействие чая на желудочный сок губительно.

— Мари, если мне одному, то не надо, — твердо сказал он и, поднося зажженную спичку к трубке, услышал самый сладостный из всех домашних звуков — звон чайной посуды из кухни. Так и есть, она готовит чай. Превосходная женщина!

ГЛАВА ВТОРАЯ

— Ну, Крис, — сказал мистер Бантинг, поставив чайную на стол и вздохнув, — пойдем прогуляемся?

Крис уже успел переодеться и, стоя перед зеркалом в серых фланелевых брюках и спортивной хуртке, смахивал щеткой воображаемые вы滋生ки с плеч.

— Самый подходящий деск для загородной прогулки. Вспомним какой-нибудь из наших старых маршрутов. Поснимем в лесу. А, Крис?

Крис отвёл не сразу: — Ты меня извиши, пана, но я уже говорился с Бертом Родло.

Мистер Бантинг заранее опасался, что его приглашение будет отвергнуто. А ведь не так давно он был героям в глазах Криса и авторитетом по всеозможным вопросам. Ежедневную субботу они гуляли за городом и беседовали по душам. Силомы и рядом мистер Бантинг отправлялся из такие прогулки исключительно ради сына, не успев или следуя отдохнуть и прити в себя после работы. И ведь прошло не так уж много времени с тех пор, как они прекратились. Но Крис уже давно перестал

ходить в ученическом кени и коротких снарях штанишках до колен. Он быстро вытянулся. Теперь Крис — щеголеватый банковский служащий, носит широкополую фетровую шляпу, складка на брюках у него тщательно оттузюжена, и всякий раз, как отец почтительно отвечает в его обществе, выясняется, что он уже успел встретиться с неотразимым Бертом Ролло.

— Что-то перестали мы с тобой ходить за прогулки! — Мистер Бантинг оновестил об этом, словно о каком-то совершившемся поразительном факте.

— Что ж, папа, если тебе хочется погулять со мной, давай сберемся как-нибудь в субботу.

В предложении Криса была такая готовность притеснить свои развлечения в жертву сыновнему долгу (готовность сама по себе весьма похвальная), что мистера Бантинга покоробило. Может быть, Крис считает теперь прогулки с отцом слишком ребяческим времяпрепровождением? Мистер Бантинг вспомнил себя в его возрасте. Но чувство разочарования по покинуло его. Ему не хотелось оставаться одному, ему нужно было чем-нибудь отвлечься от мыслей о Вентнере. Если он не думает о Вентнере сейчас, так только потому, чтоознательногонападет от себя эти мысли. А остаться заедине с самим собой — значит опять Вентнер, опять всякие страхи.

— Ведь не могу же я надуть Берта Ролло!

— Конечно, нет, — согласился мистер Бантинг, недрогнувшей рукой подлеся сигарку к трубке.

Он вздохнул и направился в гостиную. Он чувствовал себя одиноким, таким одиноким! Тревожные мысли уже подбирались к нему, точно волки к костру, разложенному в поле.

Эрнест перебирался у себя в комнате. Его этюды все еще стояли на пюпитре. «Непонятная вещь — музыка», — подумал мистер Бантинг, перелистывая поты. Его удивляло, что кому-то она доступна. Этюды, наверное, несложные. Он судил об этом по количеству черных пот; такие черные страницы очень трудно играть. А Эрнест спаривает их с легкостью, будто читает газету. Но Эрнест — способный юноша. Нет такой премудрости, которую он не смог бы одолеть при желании.

В школе ему все давалось легко — и латынь, и фран-

ицузский язык, и всякие иксы-игреки, которые казались его отцу совершенство непостижимыми. Похвальных грамот за эти науки у него накопилась уйма. А как он готовился к аттестату зрелости! Сколько раз мистер Бантинг, услыхав среди ночи скрип стула, поднимался с кровати, съедая вниз и, застав Эрнеста за книгами, насильно прогоняя его спать. Да, в то время Эрнест не оставлялся ни перед чем.

Но теперь он представлял собой загадку, и это раздражало отца. Весь был его как рукой сняло. Эрнест ходил ко всему безучастный, хмурый и даже перестал интересоваться своей работой. Казалось бы, мало ли тему можно научиться, служа клерком в городском управлении. Так нет же! Более дельного занятия, чем бренчать из рояля, Эрнест не смог найти. В занятиях музыкой ничего плохого нет — до известных пределов, конечно, — но что это даст в будущем? Бесцельная траты времени — только и всего. Эрнесту следовало бы изучать парламентские акты и... ну, всякие другие вещи, с которыми происходит сталкиваться клеркам в городском управлении, а не какие-то там этюды, фуги и соаты.

Мистера Бантинга подчас сердило даже выражение его лица. Он видел в нем, как в зеркале, отвращение к воске с протоколами, отвращение к выступлению их на шинущей машинке — женская работа! Эрнесту никакими силами нельзя было внушить, что пахтанье приходится всегда с самой нижней ступеньки лестницы.

— Вот возьми хотя бы меня, — не раз говорил ему мистер Бантинг. — Я поступил к Брокли на пять шиллингов в неделю. — Правда, он упорно пробивал себе дорогу, а главное, интересовался своей работой. Но Эрнест не желал равняться по отцу. Он не проявлял ни малейшего интереса к тому, что делалось у них в городском управлении. Положение по службе у него хорошее, прочное, часы работы удобные, когда-нибудь дослужится и до пенсии. И тем не менее другого такого приворедливого юноши не найдешь во всем Кильворте.

— Ну что с тобой? — с раздражением спросил однажды Эрнеста мистер Бантинг. — Тебе не нравится эта работа?

И вместо того, чтобы ответить в обычном для него колюче-насмешливом тоне, Эрнест вяло сказал:

— Да нет, пока ничего. Но ведь это не профессия. Я, конечно, знаю, пана, что тебе не по средствам дать мно^г настоящую специальность.

— По-моему, я и так уже много для тебя сделал, Эрнест.

— Ты сделал все, что мог, пана, для всех нас. — Он помолчал, потом снова заговорил, густо покраснев: — Может быть, с моей стороны глупо так рассуждать, но я встречаюсь по службе с клерками-практикантами и с национающими адвокатами. Никаких особых хитростей в этой работе нет, я бы моментально все это постиг. А мне приходится выполнять их поручения, величать их «сэр» только потому, что их отцы дали им возможность выйти в люди. Кроме того, они не стыгаются чрезмерной тактичностью.

— Ага! — сказал мистер Балтинг, вспомнив Вентора и сущая я съюз товарища по несчастью. — Передразнивают? А тебе это не попутру?

— Да нет, не в этом дело. Просто мне тоже хотелось бы иметь возможность выйти в люди, по-настоящему выйти в люди.

Сочувствующее лицо смягчило недовольство мистера Балтинга.

— Но у тебя есть такая возможность, — загородил он. — Ты человек молодой, способный. Вот доживешь до моих лет, тогда и прощайся со всеми надеждами, а сейчас еще рано.

Но, поскольку отец мог судить, такие разговоры не производили на Эрнеста должного впечатления.

Сейчас Эрнест спускался по лестнице, одетый в светлозеленый дубортный костюм, качеством куда лучше отцовского. Он пододнул к шкафчику в холле и достал оттуда свою серую фетровую шляпу, лежавшую в бумажном пакете.

— Ты куда, Эрнест?

— На состязание по крикету. Ведь скоро конец сезона.

— Я хотел немножко прогуляться. — В этих словах слышалось рабское приглашение. — Сегодня за городом, наверное, очень хорошо.

— Да, наверное. Ну, до свиданья, пана.

Эриесту, должно быть, и в голову не пришло, что отцу не хочется ити одному. Мистер Бантиг прополил его глазами до калитки, выкрашенной зеленою и белой краской, и дальше по Кэмберленд-авеню. Высокий, стройный, действительно иззаурядный юноша. Какая жалость, что у него не лежит душа к работе! С болью в сердце мистер Бантиг увидел, как Эриест повернулся за угол.

В коттедже «Золотой деждь» воцарилась тишина, на душе у мистера Бантига — одиночество. Почему он не сказал Крису пакистоту: слушай, сынок, у меня столько всяких забот и волнений. Я не могу торчать здесь один. Будь другом, оставь своего Родло и пойди со мной погулять. Если бы ты знал, как это подбодрит меня!

Хоть и немножко также вымолвить, а все-таки следовало бы. Неужели бы Крис не откликнулся? А вот Эриесту ничего подобного не сказешь.

Мистер Бантиг подошел к камину и остановился, вслушиваясь в тишину дома. Ни единого звука, кроме тикания идеально выверенных часов. Шагнув в сторону, мистер Бантиг задел ногой кочергу; она упала с таким грохотом, что он вздрогнул. Сердце испуганно забилось. Теперь все действует ему на нервы. Чувство одиночества угнетало его, хотя прежде он тысячу раз оставался один в гостиной. И без всяких па то оснований мистер Бантиг дотронулся большим пальцем до запястия и почувствовал биение пульса — как будто не своего, а чужого. Он сосредоточенно посмотрел на себя в зеркало над камином. Он разглядывал свое лицо, словно это было лицо какого-то незнакомца, сидевшего напротив него в автобусе. Как страшно! За последнее время столько было всяких ужасов и волнений, и хоть бы они как-нибудь сказались на нем! И он подумал: «Вот каким меня видят Вентнор. Вот он, Бантиг, из отдела скрабильных товаров, шестидесяти двух лет отроду: таков я из взгляд Вентнора». Вентнор! Весь он дал себе слово не думать о Вентноре. Но стоило только остаться наедине с самим собой, и Вентнор высокопар, точно из засады, и шагнул вперед, поглядывая на него своим высокомерным взглядом. Мистер Бантиг уединил этот до противного жеманский голос: — Э-э... Бантиг!

— Привались ты к торту! — пробормотал он. Что с

ним такое делается? Неужели он не может совладать со своими мыслями? Одиночество — вот в чем вся штука; не с кем поговорить, почем заняться. Он вспомнил о жене. По субботам миссис Бантиг обычно ложилась после обеда, а он садился у нее в ногах и мирно разговаривал с женой, пока она отдыхала. Мистер Бантиг поднялся из пыточек по лестнице и тихонько вошел в спальню. Жена лежала на кровати одетая и спала. Ее жидкие волосы чуть растрепались; черты лица, смягчившиеся во сне, выдавали ее возраст, чего никогда не бывало в часы бодрствования. Мистер Бантиг с легкостью смотрел на нее. Он не огорчался тем, что это лицо, много лет назад привнесшее его своей миловидностью, стало теперь совсем другим. Они были вместе уже сорок лет. Мистер Бантиг женился, имея сотню фунтов на текущем счету и жалованье тридцать два шиллинга и шесть пенсов в неделю. Какие далекие времена, если оглянуться из них отсюда, из относительного комфорта «Золотого дождя»! Когда мистер Бантиг вспоминал свою холостяцкую жизнь, ему приходилось возвращаться вспять к отдаленным годам, которые были лишены для него плоти и крови. Он склонно прожил с женой всю свою жизнь. А сейчас она спит. Придется обойтись без того усмоксения, которое дает ей голос. И спит крепко! Он прислушался к ее ровному дыханию. Потом осторожно поднял край пухового одеяла, усугубил ее поги в домашних туфлях, бесшумно опустил шторы и так же из пыточек спустился вниз.

Не оставалось ничего другого, как пойти в сад. В саду всегда найдется какое-нибудь занятие. Мистер Бантиг ходил за своей садовой шляпой, ибо, по его твердому убеждению, самой необходимой принадлежностью для работы в саду являлась потерянная всякий вид шляпа. У него имелся такой головной убор, а именно истасканная, отслужившая свой срок, пожелтевшая от солнца цапана, которая становилась ему тем дороже, чем сильнее возмущалась ею жена. Он даже проткнул в тулье две дырки на предмет вентиляции, а также для придания панаме романтического вида. Украсив макушку этим сногсшибательным головным убором, мистер Бантиг вышел из солнышко и с удовольствием оставил свой

взор на соседа, мистера Оски, копающимся рядом у себя в саду.

Оски принадлежал к той категории садоводов, которые каждый уик-энд сломя голову пускаются домой, наскоро перехватывают что-нибудь вместо обеда и, вооружившись полным набором инструментов, приступают к тому, что является, по их мнению, основной задачей для.

Никто еще не видел, чтобы Оски получал какую-нибудь радость от своего сада. Он никогда не сидел там, никогда не покуривал в раздумья трубочку среди роз, как это делал мистер Бантиг. Он трудился и только. Его постоянно можно было видеть в саду — и большей частью согнувшись в три ноги; надо сказать, что копался он в земле с чисто германским упорством. Бантиги чаще всего имели удовольствие созерцать его седалище.

Так и сейчас, увидев среди грядок капусты зад Оски, мистер Бантиг обрадовался. Наконец-то есть с кем поговорить! До тех пор пока разговор велился та садоводческие темы, сосед не считал перерывы в своей работе потерей драгоценного времени. — Нам всем следует учиться, — многозначительно говорил Оски, ибо он был твердо убежден, что мистер Бантиг ничего не смыслит в садоводстве, по крайней мере в той его разновидности, которую с таким успехом применял на практике сам Оски, — а именно в садоводстве научном.

Часто, сажая цветы на бордюрах, мистер Бантиг чувствовал, на себе пристальный взгляд соседа, и вслед за тем до него доносились слова: — Что это у вас, — львиний зев? Ну, так вы его слишком густо садите. Так нельзя, — и вселенность требовала, чтобы мистер Бантиг поднялся с колен и, обозрев идеально рассаженный, великолепно прижившийся львиный зев Оски, выслушал лекцию о выращивании этой культуры.

— Из то, что пишут в справочниках, не обращайте внимания. Все они врут. Надо изучать самую почву.

Всеведение Оски сперва вызывало зависть мистера Бантига, но потом он открыл, что тот может с равной уверенностью разглагольствовать решительно обо всем, стоит только навести его на нужную тему. Оски давал пространственные объяснения по любому вопросу, даже самому

пустяковому. Однажды мистер Бантинг попросил его показать, как надо действовать мотыгой, и Оски продемонстрировал применение этого инструмента на содняках мистера Бантинга, с важностью показывая свою «хватку», словно на уроке игры в гольф. — Ничего, как будто поняли, — сказал он, подойдя днем через два к изгороди. Повинному, Оски считал мистера Бантинга человеком не слишком сообразительным.

— Посмотрите, какие у меня помидоры. Видите что-нибудь подобное? — такими словами он приветствовал мистера Бантинга в тот день. — Нет, вы только полюбуйтесь!

До сих пор мистер Бантинг всеми силами старался игнорировать помидоры Оски и теперь с большой неохотой обратил глаза в ту сторону. Его собственными тщедушные, бесплодные ростки, казалось, захирели еще больше под взглядом эксперта.

— Там же нет солица. Вам бы следовало посадить их на северной стороне.

— Они и так сидят дальше к северу, чем want.

— Дело не в том, дальше или ближе, — сказал Оски, чувствуя необходимость дальнейших разъяснений. — При посадке помидоров нужно руководствоваться стрелками компаса.

— Ирменного благодарен. Уж как-нибудь обойдусь без компаса.

— Да разве они у вас так созревают? Вот, допустим, — продолжал Оски, — допустим, что мы стоим здесь, значит, экватор будет в той стороне... Следовательно, сажать помидоры надо вот там.

— Экватор в той стороне? — удивление воскликнул мистер Бантинг.

— Ну конечно.

— Я сажаю помидоры, при чем же тут экватор?

— Как при чем? Мы ведь в северном полушарии. А вы их посадили будто не в Англии живете, а в Австралии.

— Послушайте! — сказал мистер Бантинг, подходя ближе к изгороди и начиная горячиться. — Что вы тут молете?

— Экватор, старина, экватор. — И вдруг его взяло

сомнение. — Ведь вы же знаете, что такое экватор? Воображаемая линия. Неужели вас в школе этому не учили?

— Об экваторе я знаю не меньше вашего, а вот чтобы мне говорили, где он находится, да сице показывали: «вот, мол, там», — это я в первый раз слышу.

Где же он, по-вашему, на северном полюсе, что ли?

— А мне все равно, где он. Ну его к черту! Подавайтесь вы своим экватором.

Оски с удивлением взорвался на него.

— Чего вы так разъярились? Я вам говорю, что помидоры у вас посажены не там, где надо. Да вы сами посмотрите. Даже завязи нет.

— Да что я, не могу купить помидоров, что ли?

— Купить? Э-эх! — воскликнул Оски и, бормоча что-то себе под нос, вернулся к своей капусте. Он был возмущен.

Но у мистера Бантияга пламя отлегло от сердца после этой перешалки. Она освежила его. Ухмыляясь, он закурил трубку, отошел от искусственной каменистой горки к цветочным бордюрам и осмотрел свои многолетники — те, которые уцелели. Он совсем не стремился непременно выискивать себе какую-нибудь работу, он попросту наслаждался своим садом. Что касается гадоводства, так тут мистер Бантиг был фаталистом. Он не считал нужным волноваться из-за филоксеры или засухи. Он сажал цветы и овощи с должным тщанием, а оставшее предоставлял природе. Погода есть погода — для одного растения хороша, для другого нет; он принимал неудачи спокойно, полный той мудрости, которая превыше всякой техники. В прежние годы мистер Бантиг возился со своими посадками — опрыскивал их профилактическими химикатами, подкармливая патентованым удобрением. Часто бывало так, что те растения, которые он больше всего охаживал, увядали и гибли, а предоставленные самим себе разрастались, как крапива. Незвестно, какие заключения делал из этого факта Оски; мистер же Бантиг видел в нем подтверждение своей жизненной философии: когда с растениями слишком дялчается, им это идет впрок, так же как и людям.

Они должны сами пустить корни поглубже в землю и

поднять листья повыше к солнцу. За жизнь надо бороться. То же самое делал и он, и это не повредило ему. Вот дожил до шестидесяти двух лет, обзавелся хорошим коттеджем, хорошим садом, иша счету в балансе кое-что отложено.

«Ничего, живем помаленьку», — размышлял мистер Бантинг, с гордостью глядя на «Золотой дождь». Через два года страховые взносы будут погашены полностью, закладная выкуплена, и «Золотой дождь» перейдет в его безраздельную собственность. Прочный, основательно построенный домик. За него всегда дают восемьсот пятьдесят фунтов, если надумаешь продавать. Конечно, продавать «Золотой дождь» он не собирается, но все-таки — восемьсот пятьдесят фунтов. На это можно прожить несколько лет, перетерпеть черные дни.

Он отмахнулся от этих неприятных мыслей.

Не может же человек, который начал рассыпанным и дослужился до заведующего отделом (думат он), потерпеть крах. Образования ему не хватает, это верно, но что будь у него способностей, он не достиг бы своего теперешнего положения при таком скромном начале. Дом, в котором он провел юность, был совсем непохож на «Золотой дождь». Кирпичная клетушка в Кэмдентауне, вечные клубы пара от соседской стирки, жидкие тюлевые занавесочки, коврики, сплетенные из старых лоскутов. Егерь всегда ходила какая-то растерянная, словно недоумевая, что ей делать с таким количеством детей; отец — кэбмен по профессии — неполнял скучные заработки продажей дров.

В этом доме мистеру Бантингу (часто с помощью ремня) прививали викторианские добродетели — бережливость и упорство. Он вспоминал об этом без недобрую чувства. Память родителей была для него священна. Но такие, как Вентпор, не склонны восхищаться человеком потому, что он справлялся с житейскими трудностями; они презирают тех, кому эти трудности выпадают на долю. Для Вентпора такой человек — существо *элизианской* породы, которое можно поминутно одергивать и ставить на место. Вот почему их учат в привилегированных учебных заведениях.

Этот высокомерно-жеманный голос, эта манера при-

творяться, будто он не понимает, что вы говорите, — стоит вам только неправильно произнести какое-нибудь слово, а потом вдруг догадывается... осенило! Эти неожиданные переходы от спокойствия к изумлению — все это снова нахлынуло на мистера Бантина, когда он стоял среди розовых кустов.

— Если б не дети, я бы и дня там не остался. Ни единого дня. Всегда бы расстроил. А ему такого бы наговорил! — бормотал мистер Бантинг. По приходится думать о детях, о карьере сыновей, о закладной на «Золотой дождь», о страховке. Приходится думать обо всем том, что он любит и чем гордится, — о том, что сейчас держится исключительно милостью Вентнора. И если в одно прекрасное утро Вентнор вручит ему жалование вперед за месяц и предупредит об увольнении...

— Ну к чему я об этом думаю! — беспомощно воскликнул мистер Бантинг и зашагал к дому.

Жена уже сошла вниз и собиралась мыть посуду на кухне. Увидев его, она улыбнулась, повернула к нему лицо, и они поцеловались. Когда детей поблизости не было, мистер и миссис Бантинг позволяли себе большую интимность отношений.

— Как я сладко вздрогнула! Уж очень спать захотелось, даже посуду не убрала.

Он взял полотенце и стал вытирать тарелки. — Разве Джули не может этим заняться? Да и у Криса с Эриестом тоже руки по отвалятся.

— Я не хочу их утруждать, милый.

— Питето кроме пользы от этого не будет, — горячо возразил мистер Бантинг. Давно зародившаяся мысль вскрыла на поверхность и вылилась в такие слова:

— Право, мы с ними уж слишком няньчимся.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Бланк подоходного налога пришел с шестичасовой почтой. Все члены семьи видели это; каждый приготовился выслушать взволнованную и сбивчивую проповедь мистера Бантина, в которой он будет изобличать расточительство домашних и излагать собственные свои

«соображения по поводу подоходного налога». Он считал, что вся система налоговых сборов построена, повидимому, по принципу выжимания соков, главным образом, из плательщиков, сходных по своему положению с мистером Бантигом. Вскрывая эти конверты, он всякий раз свирепо бормотал какие-то проклятия.

Мистер Бантиг сел к столу и начал заполнять бланк, смутно надеясь, что результаты подсчета будут более или менее в его пользу. Но он сразу же сделал одно крайне не приятное открытие: льготу на Джули требовать уже нельзя, так как ей теперь больше шестнадцати лет. Он сердито заерзal на стуле.

— Опять ты волнишься из-за этих налогов, — сказала миссис Бантиг, не отрываясь от занятия белья. Она спровадила детей в гостиную, откуда теперь доносились экспериментальные пассажи Эрпеста, пробующего свою силы на этюдах.

— Неужто он ни на минуту не может прекратить это бранчанье? — разразился мистер Бантиг, устремив яростный взгляд на перегородку. Он трижды подсчитывал цифровой столбик, и неожиданная шенчевская трель трижды сбивала его со счета.

Если Джули действительно большие шестнадцать лет, то сумма обложения сразу же подскочит на пятьдесят фунтов. Запрошенная по этому поводу миссис Бантиг подтвердила возраст Джули (мистер Бантиг прекрасно знал его и сам, но ему хотелось, чтобы другие тоже осознали, с какими трудностями приходится сталкиваться при заполнении бланка подоходного налога). Миссис Бантиг с предельной точностью установила дату, указала час и даже минуты рождения Джули и на некоторое время увела мужа в прошлое к воспоминаниям об отом тревожном дне. Но самый факт был установлен твердо: Джули исполнилось семнадцать лет, и она уже не могла служить козырем в руках мистера Бантига при его спорах с министром Финансов Великобритании. Надо заметить, что с той же почтой — эта писареведливость больше колнула мистера Бантига — пришло и очередное письмо мисс Морган-Дэлл, написанное на элегантной шероховатой бумаге с персиковым обрезом. В верху страницы стояли слова: «Ната за

семестр», а в постскриптуме перечислялись дополнительные детали школьной формы и другие вещи, которыми мисс Бантиг должна обзавестись к предстоящему учебному году.

— Меня возмущает по плата, — но вполне правдиво заявил мистер Бантиг, — а все эти ленточки на панамы, спортивные кофточки и хоккейные клюшки. Какое это имеет отношение к урокам?

— Ну как же, милый. В хороших школах все одеваются одинаково.

— А по-моему, это выкачивание из нас денег, и больше ничего. — Он посмотрел на заполненный бланк. Раздражение сделало свое дело — некоторые цифры были написаны неразборчиво и с излишним напрямом пера. Ничего, разберутся, им за это деньги платят!

— Так я в этом году внесу подоходный налог — просто не знаю! — сказал мистер Бантиг. — Расходы по дому колоссальные. Министерство, нежелание экономить — этим они все страдают. Он открыл папку со счетами и, бросив взгляд на ее содержимое, воскликнул таким испуганным голосом, словно патинулся на спящую кобру: — Господи боже! И это только за последний квартал?

Миссис Бантиг спокойно подтвердила его догадку.

— Ну, знаете! — сказал он с растерянным видом, возвратился на одну минуту к счетам; он словно оцепенел от ужаса.

Все счета мистер Бантиг сам, собственно говоря, складывал в папку, и все же, извлекая их оттуда, он каждый раз изучался их количеству. У него, вероятно, возникло подозрение, что счета каким-то путем размножаются в папке. Но некоторые он взирал удивленными и полными недоумения глазами. — Виски? Разве я покупал бутылку виски? — и после долгих размышлений смутно припоминал, что такой факт действительно имел место. Но все же некоторая доля сомнения в нем оставалась. — Но знаю, может быть! — воскликнул он.

Мистер Бантиг рассматривал счет за электрическое освещение, и чело его все больше омрачалось. Согласно новому тарифу эта статья расхода должна была бы уменьшиться. А получилось наоборот: счет значительно возрос.

— Три фунта десять шиллингов за электричество!

Каким же это образом? Да когда Эриест готовился к экзаменам, и то было меньше!

— Право, не знаю, милый.

— Это кто-нибудь из детей. Да, и я догадывалась кто, — конечно, Джули!

Взволнованный, он встал из-за стола, вспомнив, как однажды вечером, когда он курил на лужайке перед домом последнюю трубку на ночь, в спальню Джули вспыхнул подозрительно яркий свет. Он хотел тут же расследовать это дело, но Джули уже раздевалась. Мистер Бантиг редко бывал у нее в спальне. К мальчикам она заходил когда угодно, предварительно постучавшись. Но Джули взрослая и становилась, что называется, демицей с претензиями. За последнее время ему не раз случалось наблюдать, что как только на лестнице раздавались чыничнубудь шаги, дверь в комнату Джули, — даже если бывала приоткрыта всего на какой-либобуть дюйм, — захлопывалась с демонстративным стуком, магнито утверждавшим святость женского уединения. Это бесмысленное хлоцанье дверью возбуждало гнев в мистере Бантиге. Скромность — вещь хорошая, он сам стоит за скромность, но срываться с места и хлопать дверью только потому, что отец поднимается по лестнице, — в этом было что-то оскорбительное. Он все собирался напоминать Джули, что не так давно отец каждую пятницу собственноручно купал ее по вечерам в цинковой ваннечке.

Мистер Бантиг быстро поднялся по лестнице, распахнул дверь в комнату Джули и сразу окунулся в атмосферу, насыщенную сильным запахом косметики. Он папунал выключатель и зажег свет.

Комната залита мягким голубоватым сиянием.

— Ах ты!.. Лампочка дневного света! Вот дрянь девчонка! Ввернула такую нитку и хоть бы слово кому сказала! — Мистер Бантиг выхватил лампочку и обледовал ее в желтоватом свете на площадке лестницы. Восемьдесят ватт! Кровь бросилась ему в голову. Он чуть было не швырнул лампочку об пол, но во время охвата. Такая штучка стоит по меньшей мере три шиллинга шесть пенсов.

— Вот, полюбуйся! — сказал он, входя со своей

добычей к миссис Бантинг. — Восемьдесят ватт! Мы с тобой можем сшить при сорокаваттной, почему же она этого не может?

— Ей хотелось такую лампочку, которая дает натуральный свет. Это у них теперь модно.

— Натуральный свет! — сухо сказал мистер Бантинг. — Судя по тому, как там разит пурпурой и ломадой, он ей меньше всего нужен. Господи боже, это еще что?

Он взял в руки следующий счет и строго взорвался на него.

— Свитер и фланелевые брюки — два фунта пять шиллингов. Тоже наша покупка?

— Это Эрнесту, — пояснила миссис Бантинг,ничуть не смущаясь недоумевающим тоном мужа. — Когда он вступил в члены клуба, ему пришлоось купить себе такие же костюмы, как и у других молодых людей.

— Пришлоось! — с раздражением повторил мистер Бантинг. — Пришлоось! Слишком уж часто у нас в семье слышно: «Пришлоось купить это, пришлоось купить то». Значит, так: модные брюки ему, а счет мне? Наш Эрнест, — продолжал мистер Бантинг, — живет так, будто у него сотни три в год дохода, а сам получает... сколько он получает, Мэри?

— Он дает мне двадцать пять шиллингов в неделю.

— Так ты не знаешь, сколько он получает?

Миссис Бантинг с невозмутимым видом перекусила пирожок. — Точно не знаю, милый.

— Ну, тогда я сам постараюсь узнать. Я поговорю с Эрнестом, — и мистер Бантинг решительно отложил счет в сторону. — Не вижу я, чтобы мы с тобой богатели, старушка, — задумчиво проговорил он. — Да и вряд ли это когда будет. Бьемся, как рыба об лед.

— Такова жизнь, Джордж.

— Да... если обзаведешься семьей. А я, — он вздохнул, — я вот уже пятнадцать год говорю, что тебе надо купить меховое манто.

— Мне это как-то не подходит, Джордж.

— Хорошо, что ты так думаешь.

Его зев сплюнул на лампочку дневного света. После стольких трудов ему не хотелось двигаться, но нужно было принять какие-то меры; этого требовал

отцовский долг. Он попробовал разжечь в себе угасшее негодование. Лампочка в восемьдесят ватт горит уже которую неделю: можно биться об заклад, что по небрежности ее оставляют погибнуть на целые часы, когда Джуди уходит в кино. У них у всех такая манера — оставлять свет. Сколько раз ему приходилось отрываться от вечерней газеты, идти в холм или из лестницы, выключать ненужное освещение и спрашивать, как они, собственно, думают: это «Золотой дождь» или площадь Шакадзин?

— Слушайте, — начал он, входя в гостиную, — кто из вас так роскошествует с электричеством?

Во взглядах, которыми его встретили, читалась весьма слабо завуалированная насмешка. Пропасть о мотовстве являлась неизбежным следствием единоборства мистера Бантинга со счетами, и за последние полчаса в гостиной с минуты на минуту ожидали его появление. Но какой текст положил он в основу своей проповеди, этого никто не мог предвидеть заранее. На сей раз, очевидно, будет об электричестве. Ну что ж, пожалуйста. Все трое уселись поудобнее и приготовились выслушать гневную речь. Эрисст повернулся на табурете лицом к отцу, склонил руки на груди и опустил глаза вниз. Крис зонзил голову от книги и жаждал, держа пазух на том месте, где его прервали. Но Джуди вдруг ни с того, ни сего закашлялась и была вынуждена прибегнуть к помощи носового платка. — Подавилась конфетой, — подсказала она захихикав.

— С каким электричеством? — ангельским новичным голосом спросил Крис, а у Джуди затряслись плечи от смеха.

Ах, так! Значит, они принимают все за шутку?

— Кто ввернул эту лампочку в комнате Джуди?

— Крис, — не задумываясь, с чисто женским коварством передала Джуди брата. — С той малосенькой, которая у меня была раньше, я ничего не видела.

— Двадцать пять вагт, — подтвердил Крис.

— А вы знаете, что по сравнению с прошлым кварталом счет подскочил на одиннадцать фунтов восемь пенсов?

Молчание. Таких ужасных последствий, повидимому, никто из них не предвидел. — Так вот, да будет вам

известно, — сказал мистер Бантинг. — Одиннадцать фунтов восемь пенсов, — и помахал счетом.

— Слушай, папа, — рассудительно начал Эрнест, — если мы будем платить не по счетчику, а с точки...

— Мы будем платить только по счетчику, — перебил его мистер Бантинг. — Надо немножко сократиться. Нам всем. Приучайтесь гасить за собой свет. Кажется, это не труднее, чем зажигать.

Никто не стал оспаривать эту истину. В гостиной воцарилось тягостное молчание — очевидно, знак согласия.

— И вот еще что: тут у меня есть счет за твои костюмы, Эрнест. Два фунта пять шиллингов. Для чего такая трата? Только для того, чтобы играть в какую-то игру. Если уж ты решил фразить, тогда проши прибавки в своей ступенции.

— Стилений, папа, — осторожно поправил его Крис. — Да это, кстати, совсем и не сти...

— Хорошо, — к своему жалованью. Сколько ты получаешь?

Эрнест всхихнул. — Я даю маме все, что могу. Мне платят сто фунтов и будут прибавлять до двухсот — по десять фунтов ежегодно. К тому времени мне исполнится двадцать девять лет, — Он говорил с горечью.

— Я только хотел узнать, — примириительным тоном сказал мистер Бантинг. — Нам надо как-то сократить расходы. Счета приходят огромные, просто огромные. Придается малость урезать себя. Втянуть рёбжи, как сказали у поэта. Шоптаки? — Он вовсе не собирался закончить на такой жалостной ноте. Он хотел говорить строго, властно, но, сам того не замечая, сбавил тона и под конец решил, что так, по-дружески, будет лучше.

Эрнест и Крис кивнули головой в знак согласия. Опять поняли его. Но Джуди, считавшая разговоры о деньгах признаком дурного тона, была запята складыванием разрезной картички.

— Сколько ты заплатила за эту штуку? — спросил ее мистер Бантинг, нестараясь вложить в свой вопрос всю проплию, на которую он только был способен.

— Один шиллинг шесть пенсов, — нежным голоском ответила Джуди, не прерывая своего запятия.

— Выброшенные деньги. На мой взгляд, совершенно бессмысленная игра! — И с сокрушительным сарказмом: — Разве только для малышей годится.

— Куда же мне сунуть этот красный кусочек? — размышляла Джули вслух. — Ты что, папа, говоришь?

— Ничего! — рявкнул мистер Бантинг на прощанье.

— Ну, все им сказал, — доложил он, вернувшись к жене. — Хотя вряд ли это па них подействует. Джули, так та прямо просится, чтобы ее отшлепали. Неужели она не может помочь тебе с починкой? Чем она занята? Складывает какие-то картиночки?

— Свои вещи она теперь сама чинит, Джордж.

— И вообще, почему дети так мало помогают по дому? Впрочем, что удивительного? Ждут, когда за них все будет сделано. Мы бились, мы боролись каждый пенини, чтобы дать им образование, устроить их на работу, воспитать как следует. А теперь, когда просят их сократить расходы, они поворачиваются к тебе спиной и над тобой же смеются.

— Ну, что ты, жалый! Они никогда этого не делают. Но разве молодежь понимает, каких денег стоит содержать целый дом?

Мистер Бантинг в раздумье набивал трубку. Пожалуй, она права; во всяком случае от пынчевского поколения этого ждать нечего. Его детство прошло совсем по-другому. Ему-то было хорошо известно, каких трудов стоило родителям не допускать судебного пристава в кирпичную клетушку в Кэмдентауне. Он не помнил такого времени, даже в самом раннем детстве, когда не требовалось бы его участия в этой борьбе. Каких только он дел не переделывал в вечерние часы после школы! То рассыпьши, то газетчиком, то подручным на дровяном складе. Бывала и черная работа, о которую Крис и Эриест и руки бы марать не захотели. Да, в те дни он не упускал ни одного случая заработать лишний пенни. И что получилось в результате? Получился человек закаленный, независимый, сумевший преуспеть в жизни.

Но теперь все стало совсем по-другому. Отсутствие инициативы у молодежи подчас повергало в уныние даже «Спрену». Взять хотя бы его собственных детей: они воспитывались в искусственно благополучной атмосфере. Точно

теснитчные растения. Им не надо было прилагать какие-то особенные усилия, чтобы поглубже пустить корни в землю и повыше поднять листья к солнцу. Ветер нужды никогда не веял им в лицо. А предположим — и призрак Вентнора снова омрачил думы мистера Бантига — предположим, что наступит такое время, когда им придется самим постоять за себя. Мистер Бантиг не мог даже вообразить, чтобы Крис и Эрнест пробивали себе дорогу в жизни, как это делал он. Что касается выносливости, то молодому поколению далеко до стариков. У них опускаются руки, они растеряются. Что тогда с ними будет?

Мистер Бантиг рисовал себе самые мрачные перспективы и затруднялся ответить на этот вопрос.

— Как мы будем жить, если со мной что-нибудь случится на работе, просто не знаю, — сказал он вслух.

— А что может случиться, Джордж?

Он решился кое на что памягнуть ей: — Ну, например, если меня уволят.

— Да будет тебе, — невозмутимым тоном ответила миссис Бантиг.

— Нет, Мэрри, я говорю совершенно серьезно. Ведь тогда наше положение несколько изменится, верно?

— Ну, еще бы. — Она вдруг отшатнулась от своего шитья и посмотрела на мужа.

— Джордж, почему ты вдруг заговорил об этом? Ведь у Брокли все попрежнему, да?

— Да.

— Тогда откуда у тебя такие мысли?

— Да просто настроение такое, хочется поразмыслить. Знаешь — старею. Шестьдесят два года.

На несколько минут в комнате воцарилась тишина. Он чувствовал на себе испытующий взгляд жены. А потом у нее вырвалось только одно слово: — Джордж!

Он поднял голову, и сердце у него дрогнуло. — Мэрри, умоляйся, да что с тобой?

— Джордж, скажи мне — ты болен?

— Да нет, конечно!

— Но что случилось?

— Ничего. Просто я задумался.

— Если б ты заболел, ты не стал бы скрывать это от меня?

— Копечно, нет. — Пришлось успокоительное похлопать ее по плечу. — Ничего, ничего, не расстраивайся.

— Как ты меня напугал!

— Я совершил здоров, — решительно заявил мистер Балтинг. — Мне просто захотелось обдумать все как следует — тут и счета, и закладная, и то, что сыновья ничего не зарабатывают. Ведь все это лежит на мне. Как на том великане, который держал на своих плечах весь мир. Помнишь? Атлас, па обложке учебника. Так что, если со мной сейчас что-нибудь случится, это будет очень некстати.

— Нука ты с нами, — весьма практически заметила миссис Балтинг, — мы как-нибудь выкрутимся. Всегда ведь выкручивались.

Стоя у каминца, веселый огонек которого приятно притягивал ему поги, мистер Балтинг, исполненный супружеской нежности, расчувствовался и решил заменить свои пессимистические взгляды на будущее более оптимистическими. В самом деле, счета не такие уж страшные, за предыдущие кварталы набиралось не меньше. Чебольшая головойойка — вееръ вполне закочная, когда хочешь внушить детям необходимость жить более экономно. Он только этого и требует — разумной экономии. Не жадности и не скряжничества, как им кажется, а разумного расходования средств до тех пор, пока обстоятельства не изменятся к лучшему. И правда, у Брокли дела его идут не совсем ладно. Надо объясняться с Вентиором. А если с Вентиором все уладится, тогда можно жить спокойно и ждать, когда сыновья начнут зарабатывать побольше и станут на ноги. Сейчас вся беда в том, что он расклевался. Нервы. Истрапаные нервы; в «Домашнем лекаре» они так и нарисованы — болтаются лохмотьями. Сейчас хорошо бы пронестить стаканчик. Отчасти это, конечно, роскошь — двенадцать шиллингов шесть пенсов бутылка, но лучшего подкрепляющего не сыщешь. Сотрудник «Сирены» по медицинским вопросам утверждал, что стаканчик виски не может повредить человеку, которому уже перешло за сорок, и мистер Балтинг с особенным вниманием отнесся к этим его словам. Винив виски, он всякий раз говорил миссис Балтинг, что чувствует себя значительно лучше. Оно «подбадривает» его и, повидимо-

иу, служат хорошим средством против разжижения желудочного сока.

— В кино? — спросил мистер Бантиг Крис и Эрпеста, которые появились в пальто и шляпах. Элегантные молодые люди, заботятся о своей внешности.

— Не забудьте потушить свет в гостиной.

— Там Джули, папа.

Тихо напевая что-то, он вошел в гостиную. Джули уже бросила складывать картинку и, сидя с погами на кушетке, читала журнал в яркой глянцевой обложке — один из тех, к которым мистер Бантиг отнесился неодобрительно, так как они посвящали свои страницы частной жизни кинозвезд.

— Хэлло, папочка, — улыбнулась ей Джули. — Но смешай мою картинку. Я уже сколько времени наднейюсь. Ужасно трудная.

Цокнув трубкой, мистер Бантиг бросил пебрежный взгляд на не сложенную до конца картинку. На ней изображалась процессия лорд-мэра — не современная процессия, которую он считал убожеством, а живописное полотно времен его безрадостного детства. Солдаты в доведенных красных мундирах, выложенные перламутром портшезы, щеголи во фраках и торжественный краснолицый лорд-мэр, подобающей ему важности и тучности.

И вдруг мистер Бантиг рассмеялся: — Ну-ка, Джули, поди сюда на минутку. Красный кусочек — это пос лорд-мэра. — Он приладил его на соответствующее место.

— Ой, папа, какой ты молодец!

— Теперь нужно бакенбарды, белые бакенбарды. Сейчас найдем. Давай переложим на стол.

— Хочешь, я включу камни?

— Нет, милочка, в столовой уже горят. Два камина сразу не стоят. Не забывай про счета.

— Иправильпо, — послушно сказала Джули, поднесла ему спичку и заставила его несколько раз пылнуть трубкой. В пей словно вспыхла прелая ребяческая нежность к отцу.

— Папочка, — сказала вдруг Джули. — можно мне поехать в субботу на экскурсию со школой?

— Экскурсию? — повторил он. В сердце его закралось подозрение, что все эти нежности Джули объясняются

меркантильными соображениями, но он отогнал от себя такую черную мысль.

— Да, в Виндзор. Мэвис тоже собирается. Почти все едут. Мисс Морган-Делл достала разрешение, и мы будем осматривать всякую всячину. Ужасно интересно. И всего семь шиллингов шесть пенсов.

Мистер Бантинг вытащил губы.

— Ну, там будут еще кое-какие расходы, например, чай. Ах, папочка! — и ее мягкие руки нежно обвились вокруг шеи мистера Бантинга. — Как мне хочется поехать!

— Там видно будет.

— Но в понедельник надо уже внести мисс Морган-Делл все деньги. Папочка, пусть позовут!

Рука мистера Бантинга как-то сама собой полезла в карман и начала исследовать его содержимое. В кармане были обнаружены поскольку шиллингов, полкроны (или это пени?) и мелочь, которую, честно говоря, следовало бы вернуть миссис Бантинг. Эти небольшие личные сбережения откладывались им для себя и были предназначены на покупку бутылки «Прища Чарли».

Однако, подчинаясь той власти, которую женщины имеют над мужчинами еще с тех давних пор, когда денежными знаками служили морские раковины, мистер Бантинг неохотно вытащил руку из кармана и пересчитал монеты.

— Девять шиллингов и четыре пенса. Все, что у меня есть.

Оба они помолчали несколько минут.

— Ну, дочка, возьми, — со вздохом сказал он. — Когда же я веселился, как не в твои годы.

— Папочка, ты ахал! — вскрикнула Джули и расплакалась с совершенно необычной горячностью. А потом вдруг вырвалась из отцовских объятий... Секунда — и ее шаги донеслись уже с лестницы. Мистер Бантинг услышал какую-то возню сверху. Джули посыпалась по своей спальне, открывала и закрывала ящики, потом что-то стукнуло, паверное, сбросила туфлю с ног.

«Что она такое придумала?» — недоумевал мистер Бантинг. Он встал и пошел ей навстречу, когда она уже побежала вниз по лестнице. Может быть, купила ему

какой-нибудь маленький подарочек, как это бывало раньше?

— Побегу сказать Мэвис! — крикнула Джули, на секунду высунув из-за двери свое горящее оживлением лицо. — До свидания, папа!

Он слышал, как она сбежала по дорожку, стукнула калиткой... Исчезла! Ему попадобилось несколько минут, чтобы осознать этот факт. Сцепала деньги, и след ее пропытал! А теперь мчится по улице, а об отце и думать забыла.

Во второй раз за этот день мистер Бантинг стоял в гостиной, подавленный чувством одиночества. Он все еще ощущал теплое, мягкое лицо Джули у своей щеки и ее руки, нежно обвивавшейся вокруг шеи.

Все его поклонули, бросили. Детям он совсем не нужен. Они видят в нем добытчика, и только. Как человек он для них не существует. Но все же это его дети, и стоит им только помянуть отца лаской, и он уже растаял, а потом будет терзаться, понимая, что любит их больше, чем они его. «Неужели все дети такие?» — думал мистер Бантинг. Неужели всем отцам приходится испытывать то же самое? Как бы ты ни старался для своих детей, все равно — лучшее, что есть у них в жизни, проходит где-то в стороне от тебя.

Стоя перед камином и покачиваясь с носка на каблук, мистер Бантинг замечал, как его размышления приобретают все большую и большую глубину. Такое настроение он привнесал исключительно первым. Он попробовал отогнать от себя эти мысли. Откуда в нем такая подозрительность? Но факт оставался фактом: Джули, что называется, выудила у него девять миллионов четыре пенса, так как она прекрасно знает, что он всегда готов ее побаловать, и пользуется этим. Таких особ еще называют интересантами. А теперь опа, пазерло, идет и не нарадуется своей удаче.

У мистера Бантинга бывали минуты, когда он считал себя слишком уж податливым человеком.

— А, да что там! — сказал он, отогнав прочь это мало приятное предположение и вознаграждая себя мыслями о собственной щедрости. — Пускай се! Когда же я веселиться, как не в ее годы.

— Ты один, Джордж? — окликнула его миссис Бантинг из другой комнаты. — Иди сюда, подержи мне щерсть.

— Иду, — сказал он, но задержался у буфета, чтобы захватить с собой бутылку «Принца Чарли». Бутылка была почти пустая. Тем не менее, мистер Бантинг, все еще не теряя надежды, поднял ее и поглядел на свет.

— Все?

— Все, — мрачно ответил мистер Бантинг. Он знал это и раньше, же глядя, но все же тешил себя надеждой, что ошибся. Он поставил пустую бутылку на стол, чувствуя, что эта пустота символическая. Это напомнило ему одно стихотворение, которое любил цитировать Бордер: что-то насчет пустого стакана. А у него не только стакан пуст, а и бутылка тоже пуста — это похоже, чем у Омара Хайяма. Тем более, что надежды на следующую совершиенно неожиданно отдалились на весьма изображенное время.

— Купи себе другую, Джордж.

— Да нет, ладно, — сказал мистер Бантинг. Ведь обходился же он раньше без виски. Пожалуй, теперь опять придется кое в чем себе отказывать. Им всем придется во многом себе отказывать, если со службой дело обернется плохо. И на мгновение перед ним снова всплыл Вентнор.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Даже в году от рождества Христова тысяча девятьсот тридцать шестом торговая фирма Брокли попрежнему оставалась солидной старомодной фирмой; все дело велось в духе ее основателя, Джона Брокли. Старик Джон был теперь на небесах, но в кабинете директора висел его портрет — старик с викторианскими бахромами сурово глядел на посетителей из-под нависших лохматых бровей. Всего полгода назад под этим портретом сидел сам старик Джон, хотя ему было уже около восьмидесяти лет. Это был настоящий англичанин старого закала, тори по убеждениям, взъерошенный, уважаемый всеми и презираемый великие новшества. Он ни за что на свете не стал бы

устраивать распродажу остатков или рекламировать дешевые товары. Рекламу он вообще не одобрял и считал ее распространение верным признаком того, что коммерция утрачивает свое былое достоинство. Он терпеть не мог социалистов, безалкогольные напитки и товары массового производства.

Если вы покупали у Брокли хотя бы такой пустяк, как медный винтак, то это был очень прочный винтак, со стандартной нарезкой, рассчитанной на долгую службу. Сегодня вы его ввинчивали на место, а через двадцать лет могли вывинтить и снять пустить в дело. Если вы покупали у них садовую косилку, то это была добротная косилка из шарикоподшипниках, которую вам продавали с ручательством, что она не сломается и не износится вонек веков. Литолеум от Брокли был настоящий ливолеум, как следует быть, проштампованный насквозь, с клеймом, с гарантией — вечная вещь. Нигде нельзя было найти таких чемоданов, как у Брокли, кожаных чемоданов сверхъестественной прочности, изготовленных по специальному заказу; чемоданы других фирм не в состоянии были конкурировать с ними на дальних расстояниях; чемоданы Брокли упорно сопротивлялись солищу, морозу, морской воде и варварскому обращению посыльников. Правда, эти чемоданы были очень дороги. С дивана, купленного у Брокли, можно было сдирать все обивку, но и ободраный он мог, не стыдясь, выставлять напоказ прочную основу из добротного, выдержанного дерева. Что бы вы ни спросили у Брокли, вам всегда показывали только самое лучшее. Продавец обращал ваше внимание на ярлык: «По заказу фирмы Брокли», стоявший на каждой вещи. Он даже заходил застолько далеко, что рекомендовал вам купить эту вещь. А впрочем, как хотите, — наше дело обеспечить качество.

Если же вы искали ложную-нибудь мелочь броде шестипенсовой лопатки для перекапывания земли в цветочных горшках и ящиках на подоконнике и спрашивали что-нибудь подешевле, не первого сорта, фирма Брокли, к сожалению, ничего не могла вам предложить. Вы чувствовали, что эти слова — «не первого сорта» — покоряли и заставляли настороженно притихнуть все здание.

«Вы ошибаетесь, сэр, — казалось, говорил вам продав-

вещ. — Это фирма Брокли. Но Билсон, и не Стилсон, и не какой-нибудь шестипенсовый базар. Мы не сомневаемся, что эти учреждения тоже полезны в своем роде. Возможно, что в другом магазине вы найдете какое-нибудь подобие лопатки, изготовление по из пилированной стали, а позвестно из чего, если уж вам пришла охота покупать такую дрянь. Но мы таким вещами не торгуем и никогда не торговали!»

После смерти старика Джона молодой Брокли — ему было за сорок, то его так называли в отличие от отца — принял бразды правления пти.скорее, ему волей-неволей пришлось взять их в руки. В изможденные, белые руки, умело и любовно наклеивавшие редкие марки в альбомы, по привыкшие к обращению с более грубым товаром. Молодой Брокли всю жизнь страдал оттого, что отец у него был человек кромвелевской складки. Никому из служащих и в голову не приходило советоваться о чем бы то ни было с молодым Брокли; ни один коммис-брюкер не считал нужным обращаться к нему со своими предложениями. Если кто-нибудь случайно заходил к молодому Брокли, он поспешно направляя посетителя к старику Джону и скрывался к себе в кабинет. Там, в комнате, убранной с чисто женским вкусом, он делает записи в конторских книгах своим топсиком, как паутинка, почерком, отличие отпая, что отец презирал его и смотрит на него как на пустое место.

Старик Джон умер скоропостижно. Смерть настигла его за письменным столом. Первым обнаружил это молодой Брокли и был так потрясен, что ему попадалось на целый месяц уехать за границу для укрепления расшатанных нервов. Странствия по Европе, осматривая дворцы и собирая марки, — он специально заезжал в Румынию за марками нового выпуска, — он явно раздумывал о том, что делается в фирме без него, и о том, что ожидает ее в будущем. По вечерам, сидя за бутылкой вина, он размышлял с тоскливыми выражением в мягких карих глазах. «Пожалуй, надо будет пригласить директора, — решил он, наконец. — Да, конечно, директора». А может быть, эту мысль подсказала ему жена. Как бы там ни было, после многих бессолицких лет, проведенных в отелях разных стран Европы, он вернулся в Англию и

там на выставке в Институте рекламы повстречался с Вентнором.

Вентнор сразу произвел на него сильное впечатление. Вот человек неисчерпаемой энергии и непоколебимой самоуверенности, человек с передовыми взглядами и даже с дипломом, удостоверявшим его глубокие познания по части рекламы и коммерции. Молодому Брокли его лицо показалось спасительным маяком. Бросив в огонь уже приготовленное для отсылки в газету и весьма обдуманно составленное объявление — как его пугала одна мысль о разговорах с кандидатами! — он притянул на вакантное место Вентнора и сразу почувствовал, что его нервы успокаиваются.

И вот Вентнор сидит в кресле старика Джона, и старик Джон взирает на него с портрета сверху вниз. Когда кого-нибудь из служащих фирмы критиковали за чрезторопчность, Джон отвечал обычно: — Не беда, что он нерасторопшен. Зато это честный человек. Нам чересчур бойких не требуется! — А Вентнор цепил бойкость про выше всего. Он и сам был из бойких. В нем была именно та новизна, в которой нуждалась фирма, и теперь он планировался провести дело по новому курсу. Какая может быть прибыль от товаров, которым пет изюса?

А новый курс требовал новых людей. Продавцы! Во всей фирме не было ни одного настоящего продавца. Были только люди, которые снимали товар с полок и подавали его покупателю через прилавок, а то и выпускали этого самого покупателя из магазина с пустыми руками. Если товар высокого качества залиживался на полках, они не делали никаких усилий, чтобы «воздействовать на потребителя», и даже не имели понятия о том, что такой метод воздействия существует. С этими людьми нечего было и думать о том, чтобы увеличить оборот капитала. А Вентнор горячо желал увеличить оборот. По этому пункту он заключил очень выгодное соглашение с молодым Брокли, который смыслил в делах очень мало, меньше даже, чем предполагал Вентнор.

В попедельник утром мистер Бантинг направлялся к магазину Брокли с чувством боксера, которому предстоит выдержать еще один трудный раунд. Тем не менее, уже один вид универсального магазина Брокли, этого против-

го, солидного и столь знакомого здания, несколько подбодрил его. У него была эта способность — вдруг успокаиваться и крепнуть духом. Отвечая мимоходом на сыпавшиеся со всех сторон приветствия, он напомнил себе, что занимает в этом маленьком мире постоянное, ответственное и весьма почетное место.

Он проследовал в свои собственные владения, где его встретили знакомые запахи смазочного масла и червого лака. За исключением большой вывески «Отдел розничной продажи», по мнению мистера Бантинга, совершиенно взя повешенной Вентпором, здесь все оставалось непрежнему. В огромной поменклатуре товаров не было ни одного, который он не мог бы сразу отыскать. Он мог сказать вам, где этот товар выделывается, во что обходится фабриканту и по какой цене продаётся, оптом и в розницу. Во всем, что касалось металлоизделий, инструментов и переносных печей, это невозможно было провести. Он знал, каков должен быть стандарт этих изделий и в чем возможно надувательство. Там, где дело касалось мастерства, у него был на редкость зоркий глаз.

— Поплите за Бантингом, — говорил старик Джон, когда возникали сомнения, — Бантинг знает в этом толк.

Отдел скобяных изделий помещался на первом этаже, в одной половине просторного зала; другая половина была отведена под ковры и линолеум. Этим отделом заведывал Кордер, большой приятель мистера Бантинга. В огромном окне, выходившем на улицу, был выставлен ассортимент самых разнообразных инструментов и скобяных товаров.

Эта «выставка», если употребить выражение, которое на языке Вентпора имело особый смысл, не вполне ясны мистеру Бантингу, выполняла только одну функцию, при том самую элементарную. В окне были разложены скобяные изделия; это значило, что здесь находится отдел скобяных изделий — и только. Мистер Бантинг редко обращал внимание на эту витрину. Много лет подряд товар в ней располагался по следующему принципу: печи — на заднем плане, кухонная посуда — на переднем, садовые инструменты — по углам, а остальное — в промежутках. Как только мистер Бантинг

замечал крохотный клочок свободного места, куда можно было пристроить хотя бы щипчики, он давал ученику щипчики, и тот лез с ними в витрину.

Теперь витрина стала самым уязвимым местом мистера Бантига. В первый же раз, как только Вентнор увидел эту витрину, он позвал мистера Бантига на улицу. — Малый мой, посмотрите, что это такое? — Мистер Бантиг смотрел как пельзя внимательнее, но не видел ничего особенного, кроме слегка запотевшего стекла.

— Витрина, Бантиг, — наставительно профизнес Вентнор, — это ваша визитная карточка, которую вы предъявляете публике.

«Да он прямо рехнулся, — подумал мистер Бантиг. — Кому же не известно, что в холодную погоду стекла потеют? От сгущения водяных паров. Неужели он даже про водяные пары ничего не слыхивал?»

В одном углу отдела скобяных изделий был отгорожен маленький пыльный чуланчик, который мистер Бантиг называл своим кабинетом. Выдвинув чуть-чуть нижний ящик стола и встав на него, он мог окинуть взглядом все отделение. Малейшая суета или подозрительная тишина — и голова мистера Бантига словно на пружине поднималась над перегородкой, а затем и сам он бурей вылетал из кабинета. За последние годы мистер Бантиг все чаще искал убежища в своем кабинете. Там можно было отдохнуть, когда болели ноги или начинались спазмы в желудке, те самые спазмы, которые заставили его купить «Домашнего лекаря». Здесь же он прочитывал «Сирену», но слух у него был тонкий, и подчиненные никогда не заставали его иначе, как углубленным в товарные книги, что было занятием вполне законным. Приходилось окликать его дважды — настолько он бывал поглощен этим делом.

Падев рабочий пиджак из альпака, мистер Бантиг стал на ящик и, приподнявшись над перегородкой, окинул взором своих подчиненных. Да, все на местах и все в порядке. Старший помощник Слингер почтительно приветствовал его: — С добрым утром, сэр, — и начал подгонять остальных. — Крыса этакая, — пробормотал мистер Бантиг, опускаясь до нормального уровня. Что-то в этом прилизанном Слингеро и его прилизанных ма-не-

рах глубоко возмущало мистера Бантига. Уж слишком усердно кланяется и лебезит, слишком старательен, а вместе с тем в его бесцветных глазах все время усмешка и тайное неодобрение. Впрочем, чего другого можно ждать от человека, получившего воспитание в такой сомнительной фирме, как Билсси?

Над перегородкой показалась пара глаз, очень живых и темных, и с ироническим выражением взорвалась на мистера Бантига. Приятного тембра бас приветствовал его:

— День добрый, мой Георг. Скажи мне, почему лицо твое так бледно? И почему так быстро увяли розы на щеках твоих?

Не дожидаясь ответа на это замечательное обращение (которое было припято мистером Бантигом за поэтическую цитату), Джо Кордер зашел за перегородку, уселся на высокий отполированный долговременным употреблением табурет и начал болтать поганки. У него было насмешливое выражение глаз, а лицо то собиралось в складки, когда он искал меткого слова, то спотыкалось, точно резиновое. Природа, говорила он, предназначала ему быть оксфордским профессором, а судьба заставила продавать ковры.

Мистер Бантиг преклонялся перед Кордером, человеком гибкого ума, неизменно находчивым, неизменно веселым, никогда не терявшим присутствия духа. Невозможно сумасброд, быть может, зато верный друг в беде. Он помог мистеру Бантигу набраться мужества для предстоящей встречи с Вентпором, который самому Джо Кордеру, новидимому, не видал никакого страха. Удивительное дело, как Кордер умел отвечать Вентпору, — очень вежливо, слегка извинительно, и при этом так, что Вентпору было решительно нечем крыть.

— Иными словами, — перефразировал Кордер, — что вырастило твое чело?

— Получил сегодня утром новую росинку облекания.

— Господи! Стоит ли беспокоиться из-за пальгов? Это ведь неизбежно.

— Как же не беспокоиться? Ведь платить-то надо? Хорошо провел воскресенье, Джо?

Тут его ухо уловило звук приближающихся шагов и

резкий голос. — Выметайся, Джо, — прощентал он, — Вентнор идет!

Вентнор застал мистера Бантигра за подведением итогов в товарной книге и с минуту молча наблюдал за ним.

— Что здесь попадобилось Кордеру? Нечего сказать, хороший пример вы подаете служащим. Занимаетесь болтовней в служебное время.

— Он приходил по делу...

— Впрочем, это неважно. Ойять у вас товар не выставлен как следует. Это не витрина, а черт знает что. Неужели нельзя подобрать что-нибудь к текущему сезону?

— Какие же могут быть сезоны для скебиных товаров, сэр?

— Что вы меня спрашиваете? Вы заведуете отделом, а не я. Если вам ничего не приходит в голову, пускай Слипгер попробует что-нибудь придумать. Он, кажется, не лишен сообразительности.

«Вот как, не линен?» — подумал мистер Бантиг.

— А теперь иройдемся по отделу, — и Вентнор пошел вперед, размахивая какими-то бумагами.

— Наши товары слишком дороги, — заявил он, переходя от прилавка к прилавку и что-то отмечая у себя в книжке.

— Что вы, сэр!

— Да, слишком дороги.

Он нагнулся над выстроеными в ряд весами, поклонив мистеру Бантигу обтянутое элегантными брюками седалище, и мистера Бантига вдруг охватило шенреодолимое желание плуть его ногой в зад.

— Вот хоть это: весы «Экспельсиор». У Кромптона они стоят вдвое дешевле.

— Простите, сэр, но такие весы. У нас весы на агатовых подшипниках, с медными чашами, на бронзовом скеле, — перечислил он технические детали. — Это вечная вещь.

— Кому это нужно, чтобы они были вечные? Другие могут продавать дешевые весы, а почему мы не можем?

— Хороших дешевых весов вообще не существует, — возразил мистер Бантиг. — Весы должны быть изящные.

Слингер, делая вид, что вытирает пыль, подобрался к нему поближе и кашлянул, чтобы показать, что он тут и тоже хочет принять участие в разговоре.

— Если позволите сказать, сэр, у Билсона мы продавали очень хорошие дешевые кухонные весы немецкого производства.

— Не хуже этих?

— Пичуть не хуже, сэр. — Перехватив грозный взгляд мистера Бантина, он добавил: — То есть по виду, сэр.

— Раскупались хорошо?

— Да, сэр.

— Я полагаю, у вас часто спрашивают дешевые весы, Слингер?

— Отнюдь нечасто, сэр. Не правда ли, мистер Банting?

Мистер Банting окинул его яростным взглядом. Кивком головы он указал Слингеру на прилавок ножового отделения. — Покупатель! — сказал он. Слингер поклонился секунду-другую и отступил.

— Нам следует использовать опыт Слингера, — заключил Вентнор беседу. — Мы ставим себе слишком узкие рамки. Сейчас огромный спрос на дешевые товары.

— Как всегда, — лаконически ответил мистер Банting.

«Опыт Слингера! Боже ты мой!» — подумал он. Возвращаясь к теме весов, он пустился в самое подробное техническое описание. Пружинные весы, весы с чашками, потеря упругости, прочность пружины, прочность подшипников, влияние пыли на дешевые сорта весов, но Вентнор углубился в бумагу, делая вид, что не слышит.

— Хорошо, хорошо, — прервал он Банtingа. — Мы здесь не на лекции, — и отошел к другому прилавку. Садовые инструменты. Он оглядел ассортимент, вздохнул, по промолчал. Его влекла к себе кухонная посуда. Он бесподобным взглядом уставился на вавилонскую башню кастрюль и горшков.

— Неужели нельзя придать всему этому более привлекательный вид?

— Более привлекательный вид? — Мистер Банting застыл на месте от изумления. Что он думает — тут цветочная выставка, что ли?

Вентнер ждал ответа, но с таким видом, как будто он опустил монету в автомат и теперь убедился, что автомат бесполезно испорчен.

— Ну что ж, идите, работайте, — сказал он, пожав плечами. — Надо нам снизить цены. У нас самый дорогой магазин во всем Лондоне.

— По качеству товара цены не так высоки, сэр. Этот товар создал фирме имя. Качество, сэр. Фирма Брокли.

— Ваша правда... Брокли и есть, — сказал Вентнер и посмотрел на Бантинга, словно договаривая: «И ты тоже стопроцентный Брокли».

Бантинг вернулся в свой закуток. Опять все не так. Весь товар выставлен не так, как надо. Не «интересно», не «привлекательно». Значит, если товар с виду непривлекателен, так его нужно замаскировывать, превращать во что-то другое. Нет, железо есть железо, тут уж ничего нельзя сделать. А если Джордж Бантинг ничего не может сделать, то не может и Слингер и даже сам Вентнер.

В его ушах звучало еще и нечто другое: ну что ж, идите, работайте. Так ли сказал Вентнер? Он не добавил «пока что»? Нет, нет, он этого не сказал, мистер Бантинг хорошо слышал.

Намазанная бриллиантином голова Слингера высунулась из-за перегородки. — Кажется, мистер Вентнер сказал, чтобы я убрал заново витрину?

— Нет, он этого не говорил!

В бесцветных глазах мелькнуло упрямое выражение: — Мне как будто послышалось.

— Знаете что, Слингер, — сказал мистер Бантинг очень твердо, — вы что-то уж слишком заважинчали. Зайдите свое место: пока вы еще не заведуете отделом, да и сдавали будете зарабатывать.

— Не буду, сэр? — отозвался Слингер. Именно так, с вопросительной интонацией в голосе.

— Диаграмма сбыта, сэр, — вдруг послышался фальшивый младшего клерка. — Мистер Вентнер просил все суждения излагать письменно.

Мистер Бантинг понимающе кивнул. Оставшись один,

он озабоченно нахмурил брови, разглядывая длинные столбцы цифр. Кроме них, там была еще волнистая линия, которая, как он теперь знал, именовалась «статистической кривой». Она показывала соотношение между сбытом за прошлый месяц и сбытом за тот же месяц прошлого года. Внизу листа были примечания и вопросы, и все произведение было подписано: «С. Б. Вентнор».

Сбыт в отделе железо-скобяных изделий повысился на два процента. Два процента! Он воспрянул духом, его лицо просияло. Как это вышло, он и сам не знал. А все-таки повысился. Это доказывает, что в отделе все обстоит благополучно. В отделе ковров и линолеума сбыг понизился на десять процентов, и против этой цифры стояло примечание: «Второе последовательное понижение! Выяснить причину!» — подчеркнутое реакой чертой.

«Бедняга Кордер! — подумал мистер Бантинг, по ему тут же пришло в голову, что никто не сможет лучше Кордера объяснить необъяснимое. А все-таки снижение порядочное — на десять процентов. Значит, между их отделами двенадцать процентов разницы. От этой поэзии один только вред деловому человеку. Двенадцать процентов разницы. «Да еще, чего доброго, Вентнор зажулит у меня процент-другой», — подумал он.

Следующая страница была озаглавлена: «Предстоящее оживление торговли в отделах». Памятая о достижениях своего отдела, мистер Бантинг начал ее читать, даже не без некоторого самодовольства.

Но такого благодушия ему хватило только на вступительный абзац. Совещание заведующих отделами у мистера Вентнора в шесть часов вечера. — Почему именно в шесть? — спросил себя мистер Бантинг, слегка выпятившая нижнюю губу. — А потому, что Вентнору жалтельно, чтобы ты опоздал на поезд. К шести часам заведующие отделами благоволят подготовить свои предложения по части снижения цен, обновления ассортимента и текстов для новых плакатов.

Он беспокойно заерзал на стуле. Плакаты? Даужели он обязан придумывать тексты для плакатов? Насчет железо-скобяных товаров?

«Белал бы я знать, что ему понадобится в следующий раз?» — в возмущении подумал мистер Бантинг.

Но если 'другие' заведующие могут придумывать тексты, то почему же он не может. Ощущая прилив вдохновения, он взял лист бумаги, окунул перо в чернила и написал: «Новые тексты для плакатов».

Засим последовал период напряженной работы мысли, поисков чего-нибудь оригинального и блестящего, а тем временем чернила сохли на пере и приходилось снова и снова макать его в чернильницу.

— Должно придумать сама собой, — пробормотал он после долгой паузы. Вдохновение! Надо подождать, пока магические слова сами возникнут в голове, и тут сразу наброситься на них и поймать, как ловят бабочку сачком. Лучше всего запаться этим попозже вечером, когда все домашние лягут спать, решил он в конце концов. Позже, когда оба приятеля сидели за завтраком в кафе Мак-Эндрю, Кордер вытащил из кармана диаграмму сбыта. Он прочел ее вслух, усиленноgrimасничая и комментируя чтение насмешливыми восклицаниями.

— Что ты думаешь об этой страшне из затасканных штампов и отлагольных существительных?

— У меня повышение на два процента.

Бордер препреждательно махнул рукой. — Отвяжись ты со своими процентами, — сказал он. — Нет, что ты об этом думаешь? Видел я канцелярской жаргон, но это неложительно зенит, вершина из вершин. Второе последовательное снижение! Чорт его дери, мы ведь совсем недавно выполчили охотный заказ на ковры для целой гостиницы. Что он думает, это каждый день бывает, что ли? Выяснить причину! Ну, уж я позабочусь, чтоб он ничего не выяснил!

— Можешь ты сочинять тексты для плакатов, Джо?

— На счет Вентиора — могу. Даже в стихах! Я их читаю же не из сон грядущий.

— В жизни не видал ни одного плаката пасчет железо-скобяных изделий! — сказал мистер Бантирг, словно подыскивая доказательства, что такой вещи в природе не существует.

— Должно быть, Вентиор сам ничего не может выдумать, вот и взвалил это дело на нас. Я тебе лучше прогекламирую стишок про Вентиора, — и Кордер начал декламировать вполнеголоса и нараспев, в такт размахивая

напирской, а мистер Бантиг, наклонившись вперед, старался не пропустить самого смешного.

— Четверть третьего, мистер Кордер, — напомнила официантка.

Они со вздохом поднялись из-за стола.

— Опять я к вам, ковры и честные дорожки, из оболочки грубой извлеску вас, чтобы продать не меньше, чем за прошлый год!

— Добрый старый Шекспир, — сказал мистер Бантиг. Они вошли в магазин вместе.

Первое, что увидел мистер Бантиг, был дурхшлаг, обычковский эмалированный дурхшлаг, который держал в грязных руках мальчик, числившийся посыльным для всего отдела. Глаза мистера Бантига приковались к этому предмету.

— Дай-ка мне эту штуку, — приказал он и, вертя дурхшлаг в лухлых руках, исследовал его внимательно и всесторонне, поджав губы. В конце концов он ловко стукнул им об угол прилавка. Осколок слишком блестящей эмали отлетел и упал на пол.

— Откуда это у тебя?

— Мистер Слингер дал, сэр.

— Слингер! — Мистер Бантиг насторожился, и его усы зашевелились. Схватив дурхшлаг, словно ручную грапату, которую надлежало метнуть в ненавистного обладателя этого ненавистного имени, он направился на склад.

Слингер распаковывал ящик с эмалированной посудой, в котором лежали такие же дурхшлаги. На ящике был наклейки ярлык: «Чехословакия». Мистер Бантиг сразу же оценил, чего стоит содержание ящика.

— Это что такое, Слингер?

— То есть что, сэр?

— Вот это, — мистер Бантиг сделал широкий жест. — Это не пани товар.

— Простите, сэр, а я думаю, что наш, — ответил Слингер с явительной вежливостью.

— А я вам говорю — не наш, — возразил мистер Бантиг, почувствовавший дерзость в слингеровском «простите».

— Посмотрите! — от подисе дурхилаг к самому посу Слингера. Слингер посмотрел, но промолчал.

— Ничего не видите?

— Нет, но вижу, — с вызовом ответил Слингер.

Мистер Бантиг окинул его презрительным взглядом.

— Где уж вам увидеть! — и он бросил дурхилаг в раскрытый ящик. — Форма для пудинга! — заметил он с убийственным сарказмом, беря в руки другой образец чехословацкого производства. — Кастрюля! Посмотрите, что это за кастрюля, Слингер! И тут ничего не видите? Как это попало к вам?

— Вероятно, потому, что адресовано нашей фирме.

— Едва ли. Скорее нашему старому жулику Балсону.

Слингер подошел к ящику, содрал ярлык и молча показал его мистеру Бантигу.

Да, ящик был несомненно адресован фирмѣ Брокли: Чехословакия, фабрика эмалированной посуды. Мистер Бантиг сразу упал духом.

— Ну, что! — пролепетал он. — Кто бы мог подумать?

Значит, Вентнор заказал этот товар, не достойный фирмѣ Брокли, не сказав ни слова заведующему отделом, даже не показав образчиков мистеру Бантигу, запачку этого дела. Ироделал все это за его спиной, обошел его, поставил в человеческое положение перед подчиненным.

— Тут сказано Брокли, не правда ли, сэр? Конечно, я могу снова запаковать.

— Запакуйте, когда я скажу! — сурово прервал его мистер Бантиг. — Ступайте в магазин!

Мистер Бантиг окинул взглядом посуду, в беспорядке расставленную на полу. Никогда в жизни он не торговал такой дрянью. Ему стало противно.

— Мерзость! — пробормотал он, — просто мерзость! Ни формы, ни отделки, эмаль наляпана кое-как, бугрится.

Ему противен был даже блеск этой эмали; он подумал о том, как она обезобразит полки с прекрасной бирмингамской посудой.

О, черт! Стыдио даже и предлагать такую дрянь покупателю.

И вдруг, схватив то, что стояло поближе, он реши-

тельно зашагал по центральной лестнице к кабинету Вентнора и громко постучал в дверь.

— Да? — холодно сказал Вентнор.

Мистер Бантинг поставил на стол дурхилаг и кастрюлю. Он сам слышал свое учащенноe дыханье.

— Такой товар для нас не годится, сэр!

— Для кого не годится?

— Для нас, сэр!

— Для нас? — повторил Вентнор, вопросительно глядя на Бантинга. — Для нас? Простите, я вас не понимаю.

— Плохой товар, сэр!

Вентнор тщательно промакнул написанное — Вот как! Уберите это отсюда, и чтоб было продано!

— Вы не хотите меня понять, сэр, — и мистер Бантинг перевернул кастрюлю кверху дном, показав то, что его особенно угнетало. — Тут стоят штами: «По заказу фирмы Брокли». Мы не можем торговать таким товаром.

— То есть вы не можете? — спросил Вентнор с некоторой резкостью.

Красный сигнал! Мистер Бантинг отшатнулся, словно очутившись на краю пропасти. Вентнор ждал, не сорвется ли он, не скажет ли что-нибудь необдуманное, и, вероятно, готов был подтолкнуть его к краю этой пропасти.

— Я имел в виду... — смущенно забормотал мистер Бантинг. — Я хотел только указать...

— Если вы не желаете торговать этим товаром, то я не нужен. Найдется сколько угодно энергичных молодых людей. Вы понимаете, что я хочу сказать?

— Да, сэр (очень слабым голосом).

— Ах, понимаете? Отлично! Теперь ступайте, и чтобы это было продано. Я запята.

Мистер Бантинг, весь бледный и дрожащий, плюхнулся на стул в своем кабинете. Дурхилаг и кастрюля маячили перед ним, словно сквозь туман. Чуть не уволили! Ему казалось, что он видит направленное па него дуло револьвера. Теперь Вентнор все время будет грозить ему этим бандитским оружием.

В конце концов он только выполнил свой долг. Старик Джон еще поблагодарил бы его за это. — Несира-

ведливо! — с жаром воскликнул мистер Бантинг. — Честное слово, хотелось бы мне...

Голова Слингера высунулась из-за перегородки. Мистер Бантинг шумно выхмыкался, чтобы скрыть на-вернувшиеся на глаза слезы. — Да? — сказал он. — Вы что-то, кажется, сказали?

— Лицо, сэр. Распаковывать его или нет?

— Можете распаковывать, — отозвался мистер Бан-тинг по возможности безразличным тоном и со смутным, но тяжелым предчувствием посмотрел вслед Слингеру, скрывающемуся в дверях кладовой. Даже спина Слингера выражала торжество.

ГЛАВА ПЯТАЯ

В одном пункте дети мистера Бантинга проявляли пол-по едиподушие, которое, по правде сказать, было бы более уместно проявить в чем-нибудь другом: они находили бережливость мистера Бантинга смешной и неприятной. Он затрачивал пропасть труда ради совершенной пичтожной выгоды. Каждый ящик, который попадал в дом, он немедленно раскалывал на дрова; он терпеливо распутывал и сохранял каждый обрывок веревки; он свертывал бумажные жгутики и прикуривал от каминна ради экономии спичек и во всех имеющихся в доме топках укладывал лишний ряд кирпичей, чтобы лучше сохранялось тепло. Он даже следил за тем, чтобы газовый кран никогда не открывали больше, чем на три четверти. Такое скопицомство можно было, конечно, объяснить зрывыками, приобретенными мистером Бантингом в тя-желые дни юности, о которой его детям так часто и так недосадливо напоминалось, но, по их мнению, с этим давно пора было покончить.

А что, собственно, выгадывал мистер Бантинг своей беспрестанной возней с электричеством, дровами и спич-ками? «Всего (по словам Ерпса) каких-нибудь два пенса». Дети мистера Бантинга постыдились бы признаться, какое презрительное скряжничество царит у них в доме. Это была мрачная тайна коттеджа «Золотой дождь».

Мистер Бантинг упорно отказывался установить в

спальнях электрические камини (хотя Крис мог устроить это со скидкой через своего приятеля Ролло); он не пожелал поставить телефон и не проявлял ни малейшего интереса к радио. Подобные усовершенствования, да и многие другие, известные Крису как специалисту в этой области, были необходимой принадлежностью любой английской квартиры двадцатого века. И любой отец семейства вводил эти новшества в своем доме как пехто самое собой разумеющееся, — даже проделывал это с некоторым энтузиазмом. Мистер Бантинг, однако, не испытывал ни малейшего энтузиазма при мысли о современных усовершенствованиях, которые, по его мнению, только поощряли леность и расточительность.

Когда режим экономии становился окончательно беспрекаемым, дети мистера Бантинга созывали негласный митинг протesta.

Одни вопрос особенно занимал их всех: сколько у мистера Бантинга денег? Все склонились на том, что их было гораздо больше, чем он пытался изобразить. Однако, вопреки их единодушной уверенности в бесконечности мелочной экономии, все они были твердо убеждены в том, что мистер Бантинг именно при помощи этой самой мелотной экономии успел скопить солидную сумму, обогащаясь таким образом за счет вынужденного самопожертвования всех членов семейства.

Затем был еще один пункт: наследство тети Эпия. Бедняжка умерла два года назад, оставив своему брату, Джорджу Бантингу, все свое движимое и недвижимое имущество. Это событие было отмечено затасканным волшением мистера Бантинга, которое он старательно скрывал от своих домашних. Но израсходовал ли он хотя бы ничтожную часть этого пожаленного дара небес, разумеется, которого продолжали оставаться тайной? Крис желал знать, есть ли какие-нибудь указания на то, что мистер Бантинг хоть once истратил из этих денег, — пусть сигару себе купил, что ли. А уж что касается автомобиля...

В гараже Ролло, сообщил Крис своим слушателям, стоит сейчас — если, конечно, кто-нибудь уже по перехватил его — автомобиль, и это сущая находка для того, кто хочет купить подержанную машину. Он осматривал его

сегодня вместе с Ролло и папой, что это прекрасная машина. Кузов, правда, немножко облупился, зато что касается основных частей (а именно на это и следует прежде всего обращать внимание), то никакой другой машине не уступить. Мотор работает бесшеребено — ни чуть не хуже ролл-ройса, шасси, коробка скоростей превосходны. Словом, это такая машина, что если бы за нее нужно было отдать все, что только есть у Криса, он сделал бы это без малейших колебаний.

Видно было, что Крис с такой же неохотой расставался с этим автомобилем в гараже Ролло, с какой араб прощается со своим скакуном.

А мистер Бантиг вполне мог бы купить его... При мысли об этом Крис сгорал от зависти, выходил из себя; он чувствовал, что имеет дело с каким-то совершенно патологическим упрямством. Его родной отец может в любую минуту пойти в гараж к Ролло и сказать: «О'кэй, я беру этот «Босток» в двенадцать лошадиных сил». Но разве он это сделает? Разве сделает? — вопрошал Крис с таким сарказмом, что вопрос звучал чисто риторически. А если даже мистер Бантиг и поддается на уговоры, па это уйдет столько времени, что автомобиль успеют продать какому-нибудь более предприимчивому человеку. Нет, уж если вам представляется возможность купить хорошую подержанную машину, хватайтесь за нее обеими руками.

— Подумайте, как было бы хорошо для мамы, если бы у нас был автомобиль. Она ведь сейчас иoughtи никак не выходит. Но ему, конечно, наплевать. Он думает только о том, как бы побольше сэкономить.

— И что он будет делать с такой кучей денег? — спросила Джуди. Слова «с такой кучей денег» произнучали так, что ее отец подскочил бы как ужаленный, доведясь ему их услышать.

— За последнее время он стал еще скончен, — мрачно заметил Крис.

— Я только что хотела это сказать.

По мнению Эрпеста, мистер Бантиг был не столько скончен, сколько педалью виден. Вся его политика по отношению к семье была попросту проявлением близорукости. Вместо того чтобы истратить лишнюю сотню фунтов и

дать детям возможность сделать приличную карьеру, он сунул их в первую попавшуюся контору, предпочитая, видимо, оставить им несколько сотен в наследство. А потратить он эти деньги из них сейчас, им бы и наследство не понадобилось.

В других семьях отцы обладают более здравым взглядом на вещи. Он, Эрнест, был просто поражен, когда некоторые из его товарищей, готовившиеся сделать блестящую карьеру, познакомили его со своими отцами. Все эти отцы — самые обыкновенные люди; у одних небольшие лавки, другие где-то служат, и всем им далеко до мистера Бантига, заведующего отделом универсального магазина Брокли. Однако они понимают, что нужно дать сыновьям возможность выйти в люди. Они не хуже самого Эрнеста, не хуже всякого человека, обладающего хоть крупицей здравого смысла, понимают, что дать сыну возможность зарабатывать, ну, скажем, тысячу фунтов в год, злачить чрезвычайно выгодно поместить капитал. Совершенно ясно, что это самое выгодное помещение капитала, которое можно себе представить. И все же — и тут Эрнест красноречиво пожал плечами — их отец не в состоянии это понять.

— Да, ты прав, — согласился Крис, но без особого энтузиазма, так как эти рассуждения напомнили ему о неприятной перспективе приближающихся экзаменов по баковскому делу, а Джули сказала: — Ты считаешь, что он должен был бы послать нас учиться? И в Паусон никаро проводит время в своем колледже. Почти никакой зурбэшки.

— Не нужно забывать, что в некоторых отношениях он совсем не плохой старикан, — изрек Крис после паузы. — Я не думаю, чтобы он сознательно желал нам зла.

— А я думаю, — сказал Эрнест веско, как и подобало старшему брату, — что он даже не понимает, что делает нам зло. У него это вроде... вроде павязчивой идеи.

— Да что ты Эрнест! — воскликнула Джули, и ее глаза расширились от ужаса.

Но к субботе настроение мистера Бантига заметно улучшилось. Отчасти просто потому, что настала суббота, но больше всего потому, что Вентнор на целую неделю покинул торговый дом Брокли, отправившись в по-

ездку по центральным граffтам в поисках новых клиентов. Выйдя из ванны в несмета жизнерадостном пастроепии, мистер Бантинг облачился в штаны-гольф кирпичного цвета и, весело папевая, спустился с лестницы. Одил человек, с которым он разговаривал в поезде, обещал дать ему отводки замечательного и очень редкого ползучего растения, вывезенного им из Бретани. Этим растением были увиты стелы пансиона, в котором он там жил, и оно носило какое-то совершенно неудобопроизносимое название; мистер Бантинг с грехом пополам, по слуху, записал его в своем блокноте. Мистер Бантинг намеревался посадить его в таком месте, чтобы оно каждый день неминуемо попадалось на глаза Оски. Раскрыв блокнот и освежив в памяти название растения, он пахлобучил садовую папашу и, прихватив мотыгу, служившую ему не столько необходимым орудием, сколько некоей обязательной бутафорлей, вышел в заливной солнцем сад.

Красивым глаза он заметил, что где-то на заднем плане маячит Эриест с листком бумаги в руках. Повидимому, он намеревался ему что-то сообщить. Чудно, подумал мистер Бантинг, стоит отцу захотеть хоть немножко побывать с детьми, и тотчас окажется, что им никогда, что они с кем-то уже условились, а если отцу хочется, как, например, сейчас, спокойно выкуриТЬ трубку пачками с самим собой, тут-то и начинают увиваться вокруг тебя эти пижандные проекти. Вот они, прелести семейной жизни! И мистер Бантинг, сделав вид, что не замечает Эриеста, с притворным увлечением занялся своими питокрозами.

В руках у Эриеста был некий документ, который он составил несколько недель назад и хранил в ящике своего туалетного стола под застилавшей его дно газетой. Это был плод честолюбивых мечтаний под громким названием «Проект Карьеры». Слова Эриеста о мудрых отцах, вкладывающих капитал в будущую карьеру своих сыновей, не были результатом вдохновения. Это было давно и всесторонне продуманый план. Вот уже нескользко месяцев, как Эриест понял, что ему нечего делать в канцелярии городского управления; перебирая в уме другие, более солидные, профессии, он решил, что ему

следует стать бухгалтером. Он не мог объяснить, почему его мысли устремились именно в этом направлении, но он был совершенно убежден, что это как раз то, что ему нужно. Долго дремавшее честолюбие пробудилось, наконец, и жгло его душу. Он станет бухгалтером.

В этом документе с деловитостью, которая сама уже свидетельствовала о его особой пригодности для бухгалтерского дела, он перечислял все, что требовалось для достижения намеченной им цели. Это было сделано с крайней добросовестностью: все мельчайшие издержки были точно подсчитаны; три основные вещи отмечены красными чернилами — испытания предварительные, испытания промежуточные, испытания заключительные; при каждом из этих событий была проставлена соответствующая дата. В примечании указывались колосальные оклады, получаемые дипломированными бухгалтерами.

Уже не раз доставал он свой проект, чтобы показать отцу. Уже не раз прятал его обратно в ящик стола под газету. Требовалось немало мужества, чтобы представить подобный документ человеку, поднимавшему шум из-за каждого лишнего пенса в счете за электричество. Самый вид проекта — измятые, потертые края, выцветшие чернила — был живым укором Эрнесту за его малодушие и нерешительность. Он старался укрепить свой дух, перечитывая проспект «Старейшей школы бухгалтеров». Эта книжка начиндалась отеческим наставлением, в котором глава школы, прежде чем перейти к изложению своего метода заочного обучения бухгалтерскому делу, обращался с призывом к юным честолюбцам. Это вдохновляющее предисловие стояло перед Эрнестом вопрос, готов ли он отринуть переходящие усады юности ради карьеры зрелого мужа. Наделен ли он подлинным честолюбием? Готов ли он к труду? Верит ли он в себя? На все эти вопросы Эрнест без колебаний давал утвердительный ответ. Он, по правде говоря, был бы рад, если бы от мистера Бантинга можно было ждать вопросов хотя бы наполовину столь же разумных.

Чтение этой книжки всякий раз окрыляло Эрнеста и снова вливало в него бодрость; но стоило ему обратиться к своему «Проекту Карьеры», и он чувствовал, как мужество покидает его и все надежды рассыпаются

прахом. Общая сумма издержек была чудовищно велика, а годы обучения представлялись целой вечностью. И затем еще залог — что-то от ста до трехсот фунтов. Чем больше Эрнест изучал проект, тем более утопический характер он приобретал; самая мысль предложить его отцу лачинала казаться чистейшим безумием. И все же... и все же... Что такое, в сущности, сто или двести фунтов, когда на карту поставлена вся будущность! Предварительные расходы были ничтожны по сравнению с наградой, которая ждала его в случае успеха.

Размышляя таким образом, он сидел на кровати, чувствуя то прилив решимости, то упадок духа. Наконец, взглянув на свою неподдающуюся никакому сокращению смету, он сжал кулаки и подумал: «Сейчас или никогда! Я должен на него настесть».

Самое важное — выбрать подходящий момент. Это было делом столь же щекотливым, как предложение руки и сердца. Однако все предзнаменования, казалось, сулили Эрнесту удачу. Мистер Бантинг сегодня, повидимому, не страдал расстройством пищеварения и был в прекрасном расположении духа. Он падел штаны-гольф и свою пеленую садовую панаму; он разговаривал с этим дураком Оски, а это всегда наполняло его сознанием светоумственного превосходства. Действуя тактично и не слишком паседая на него, можно было, пожалуй, привести его в то податливое настроение, — посещавшее его весьма редко, — когда он под влиянием отеческих чувств принимал опрометчивые решения.

«А потом пусть себе ворчит сколько душе угодно», — подумал Эрнест.

Итак, Эрнест, собравшись с духом, бледный и полны решимости, спустился с лестницы; заглядывая в застекленную дверь и стараясь оставаться незамеченным, он ждал, когда прступит подходящий психологический момент. Некоторое время он исподтишка выслеживал мистера Бантинга. То судорожно вытаскивал из кармана свой «Проект Карьеры», то пряча его обратно, он тщетно гнался за своей лячью из комнаты в комнату, притужденный довольствоваться зреющим проморро удалявшихся от него клетчатых чулок мистера Бантинга. Дело в том, что обсуждение такого вопроса требовало уединения

и тишины, и потому из всех комнат коттеджа «Золотой дождь» подходящей была только гостиная. Но когда Эриест настиг своего отца в гостиной, там сидела Джули, углубившись в изучение проспекта школы танцев. Возможно, что мистер Бантинг тоже заметил этот проспект. В таком случае его бегство в сад было стратегическим маневром.

— Слушай-ка, Джули, тебе что хочется пройтись?

— Нет.

— Ну, противная! — воскликнул Эриест.

— Сам противный, — ответствовала Джули, усаживаясь поплотнее на диван. — Не хочу ли я пройтись! Как вам правится такая наглость!

— Ладно, заткнись!

— И не подумаю.

Эрнест хлопнул дверью и, перекочевав в столовую, с растерянным видом остался у камина.

— Что случилось, Эриест? — спросила миссис Бантинг. — Что ты все бродишь взад и вперед?

— Я хочу поговорить с папой. Знаешь, мама, о моей... моей карьере.

Он подошел к застекленной двери в сад и распахнул ее. Мистер Бантинг разговаривал с Оски, объясняя ему, что собирается посадить в саду *Garrisia elliptica* — свое любимое растение.

— Растет в Бретани.

— Растет где угодно, — возразил Оски. — Ничего в нем нет особенного. Где вы хотите его посадить?

— Где?.. Да где-нибудь тут.

— Но примется на этой почве. Слишком глинистая.

— Вы в этом уверены? — спросил мистер Бантинг. — Потому что, видите ли, это растение как раз любит глинистую почву.

«Они этак до ночи проболтают, — подумал Эриест. — Какая попытка болтовни... а тут у человека решается вопрос всей его будущности». Он направился к ним.

— Папа, я хочу попросить у тебя совета.

Мистер Бантинг обернулся, радуясь возможности прервать свой поединок с Оски. Кроме того, ему было приятно услышать от Эриesta столь необычную просьбу. На минуту он даже усомнился, так ли он расслышал. —

Я всегда готов дать совет любому из вас, Эрнест. Ты же знаешь. А в чем дело? Что-нибудь серьезное?

— Да, очень. — Эрнест извлек из кармана большой лист бумаги. — Я хочу знать, что ты на это скажешь.

Мистер Бантиг взял проект и прижался его рассматривать, причем на его лице с каждой минутой все сильней отражалось недоумение.

— Понимаю, — произнес он, пакощец. — Нечто вроде сметы. Пожалуй, надо очки надеть.

Они прошли в дом. Мистер Бантиг сел на стул, снова развернул проект и в течение нескольких минут внимательно его изучал. — Очень хорошо продумано, — сказал он, пакощец.

— У тебя в Сити, наверное, есть знакомые бухгалтеры, папа?

— Сколько угодно. Они приходят к нам проверять книги. Я хорошо с ними знаком. Это имеет какое-либо отношение к бухгалтерии? — Он пробежал глазами столбцы цифр и проверил итог. — Как будто все правильно, — объявил он.

— Видишь ли, папа, — начал Эрнест, — если кто-нибудь хочет сделаться бухгалтером, он должен заключить контракт, верно?

— Разумеется. Точно так же, как стряпчий, как... ну, словом, есть certain профессий, которые требуют контракта.

— Затем нужно внести залог?

— Ты, я вижу, хорошо в этом разбираешься.

— После этого ты начинаешь получать небольшое жалование.

— Совершенно правильно.

— Так вот, видишь ли, здесь подсчитано, сколько все это будет стоить. Мне бы хотелось знать, находишь ли ты это разумным плапом? Считаешь ли ты, что это стоящее дело?

— Да, пожалуй. Конечно, нужно еще выдержать испытания. Но, мне кажется, это довольно разумный план. Кто думает этим заняться, Эрнест? Кто-нибудь из твоих товарищей?

Спазма сдавила Эрнесту горло. — Нет, — начал он чуть слышно. — Понимаешь... я думаю, что если тебе,

папа, поправится эта мысль... — Он замолчал, заметив, что отец вдруг насторожился.

— Ну, что все это значит? — строго спросил мистер Бантиг. — В чем дело?

Голос Эрнеста с каждым словом звучал все тише и тише.

— Я думал, может быть, мне этим запяться.

— Тебе? — воскликнул мистер Бантиг. — Тебе?.. Да ты рехнулся, что ли?

— Ты сам только что сказал, что это разумный план.

— Разумный для того, кому это по средствам. Но, черт побери... — он замолчал, винзалию потеряв дар речи. — Знаешь, — произнес он, паконец, — в жизни своей... Это ты ко мне с этим обращаешься?

— Ты можешь это сделать.

— Что?..

— Ты можешь это сделать, — повторил Эрнест твердо.

Мистер Бантиг уставился на него. — Вот что, — начал он предостерегающим тоном. — Брось эти выдумки. Если ты воображаешь, что я поддамся на такую чепуху, так не позорьтесь. Выкинь это из головы.

— Это не чепуха — ты сам сказал. Твои деньги не пропадут. Посмотри, сколько я могу заработать.

— Сколько он может заработать! — повторил мистер Бантиг ядовито. — Сколько он может заработать! Ты что же, думаешь, я могу погратить на тебя все свои сбережения? Ради чего, по-твоему, я работаю, как вол, и выбиваюсь из сил?

— Не знаю. Ради чего?

Тут последние остатки самообладания покинули мистера Бантига. Он вскочил с стула, он начал размахивать руками, он повысил голос: — Ради того, чтобы отдохнуть, пожить хоть немного тихо и спокойно. Вот ради чего я работаю! — загремел он. — Я дал тебе возможность жить в люди? Дал? Я в твоем возрасте ворочал ящики на складе за десять приллингов в неделю. Но эта штука, — и он презрительно хлопнул ладонью по «Проекту Карьеры», — это... это... я не знаю, что это такое.

— Это вполне разумный проект, — сказал Эрнест с

горечью, — для всякого другого. Только не для твоего сына. Конечно, он слишком хорош для меня. Слишком дорого стоит.

— Ну, довольно, Эрнест.

— Ты, значит, даже подумать не хочешь?

— О чём тут еще думать? Двести фунтов залога!

— Очень хорошо. Теперь мисс все ясно. Если ты воображаешь, что я всю жизнь буду торчать в этой конторе и возиться с пишущей машинкой и копировальной бумагой, так ты очень ошибаешься. Не буду! Слышишь? Не буду!

Это было совершение неожиданным ультиматумом. Какие, собственно, у Эрнеста были основания предъявлять отцу ультиматумы, он и сам не знал. Но он отбросил всякую осмотрительность, всякую дипломатию, при помоиц которой собирался вынудить у отца великодушное согласие. Он ждал, что этот разговор изменит всю его жизнь, раскроет перед ним все двери, даст ему цель, ради которой стоит работать. А вместо этого они с отцом стояли друг против друга, как враги, обменявшись угрозами и ультиматумами. От этой мысли слезы выступили у него из глазах. Как слепой, вышел он в переднюю, ощупью разыскал свою шляпу, и, спотыкаясь, выбрался на улицу.

Когда он проходил мимо окна, лицо у него было расстроенное и жалкое.

— А, черт бы побрал все на свете! — пробормотал мистер Бантинг. Сердце у него заколотилось. Он приложил руку к жилету. Неужто сердце шалит? — подумал он. Нужно будет заглянуть в раздел «Сердце» в «Домашнем лекаре». Вирочем, ему наплевать, ему теперь за все наплевать. Исчезло его счастье, праздничное настроение, вокруг был мрак, и он чувствовал себя глубоко несчастным. Он поднял «Проект Карьеры», тупо посмотрел на него, бросил обратно на стол, вздохнул и закричал:

— Мэри, пойди сюда на минутку.

— Ради бога, что случилось? — воскликнула миссис Бантинг, появляясь в дверях и на ходу вытирая руки передником. — Неужели из-за этого костюма?

Он вопросительно посмотрел на неё, почувствовав в ее словах намек на какое-то новое сумасбродство, совершившееся

нос за его спиной, но у него не было сил расследовать это сейчас.

— Взгляни-ка, — сказал он, положив перед ней «Проект Карьеры». — После всего, что мы сделали для Эрнеста, — дали ему образование, устроили на хорошее место, — он хочет теперь стать дипломированным бухгалтером и требует, чтобы я внес за него залог.

— Наверно, он, бедняжка, думает, что это интереснее, чем работа клерка.

— Дело не в том, что ему интереснее. Посмотри, во сколько это нам обойдется. Вот — по его собственным подсчетам. А выйдет еще дороже. За кого он меня принимает — за Ротшильда, что ли?

— Вот из-за чего вы тут шумели.

— Это шумел? — возразил мистер Бантинг раздраженно. — Это он не умеет себя вести.

Миссис Бантинг смотрела на проект; но это не был, как мог заметить мистер Бантинг, трезвый, аналитический взгляд. Мистер Бантинг сомневался, чтобы смысл документа был для нее ясен. Она рассматривала его любовно и с восхищением, как мать, всегда готовая изумляться необыкновенным способностям своего замечательного сына. Красиво выписанные цифры и аккуратно подчеркнутые черным и красным итоги приводили ее в восхищение, и она думала о том, каких трудов это стоило Эрнесту и какой он способный мальчик.

— Бедняжка, — пробормотала она. — Как это па не-го похоже. Сколько труда он на это положил. Уж он всегда так, что бы ни делал.

— Да это нужно отдать все, что у нас есть, до последнего пенса... или почти все... А мы еще не знаем, сколько нам самим может понадобиться... С тех пор как умер мистер Брокли, в магазине все пошло вкось и вкось. У меня уже не раз были неприятности. Кроме шуток, Мэри, мороз по коже подирает, когда я подумаю, что может случиться.

Дверь распахнулась настежь, и на пороге появился Эрнест, — волосы его были растрепаны, лицо бледно, глаза неестественно блестели.

Неужто он ходил по улицам в таком виде?

— Я забыл тебе сказать, — выпалил он. — Я верну

тебе все, что ты на меня затратишь. Все до последнего пенса. С процентами. Готов дать письменное обязательство по всей форме.

— Эрнест! — горестно воскликнула миссис Бантиг.
Эрнест всхлипнул.

— Да не расстраивайся ты так, голубчик. Поговори спокойно с папой обо всем.

— Что толку говорить! — воскликнул Эрнест и, унавя на диван, разразился рыданиями.

Сопровождаемый этими душераздирающими звуками, мистер Бантиг тихонько вышел из комнаты.

Он бессильно опустился на нарочито деревенского вида самодельную садовую скамейку, которая когда-то казалось ему завершающим штрихом в художественном убранстве его сада, и отдался во власть противоречивых чувств. Неужели его семья никогда не будет довольна? При воспоминании о том, как рос он сам, он казался себе воинственной щедростью. В первые счастливые дни отцовства он мечтал дать своим детям все, чего он сам был лишён: домашний уют, образование, привличные, «чистые» профессии. Он видел себя на склоне лет окружённым нежными заботами благодарной и счастливой семьи. Уважения, немножко любви — больше он ничего не просил. А вместо того, — и при этой мысли мистер Бантиг явственно ощущил, что у него повышается кровяное давление, — вместо того вышло так, что худших мотов, сумасбродов и эгоистов, чем его дети, не найдешь во всем Килворте. А отчего? Да оттого, что по глупой добродете сердца он так их избаловал, что они вообразили, будто могут иметь все, чего им потребуется.

Сейчас он немного осадил мистера Эрнеста. И потсидит теперь здесь, изгнанцем из своей собственной гостиной, а там, в коттедже «Золотой дождь», который он и купил-то за безумную цену только ради детей, его жена втихомолку утешает Эрнеста, лёгковерным материнским сердцем втиная его жалобам.

Мистер Бантиг сидел на своей нарочито деревенской садовой скамейке в своих коричневых штанах-гольф и чулках в клетку и чувствовал, что к горлу у него подступает комок, а глаза как-то странно жжут и щиплет.

— А, пропади все пропадом! — проворчал он, вы-

сморкался и сделал вид, что не замечает Оски, поджидавшего его у ограды, чтобы продолжить диспут о пригодности тяжелой, глинистой почвы для *Garria elliptica*.

Тут мистер Бантигг заметил па земле конверт, видимо, выпавший у него из кармана, когда он доставал платок. Содержание конверта было ему и так хорошо известно. Но сейчас, еще пуще растревляя себе душу, он снова открыл конверт и еще раз удостоверился в том, что должен внести кильвортскому налоговому управлению двадцать фунтов десять шиллингов налога. Управление требовало — на этот раз в форме официального уведомления — немедленной уплаты этой суммы. Шесть фунтов десять шиллингов лежали в ящике туалетного стола, три фунта он дополнил из жалованья, которое получит по чеку в конце месяца — вот как мистер Бантигг намеревался разрешить эту проблему, именно так, а не иначе; а управление пусть себе требует и грозит сколько ему угодно. Из того же месячного жалованья нужно сделать очередной взнос по закладной, — эти платежки, к счастью, подходили уже к концу, — а также оплатить совершиенно непредвиденные счета за липолесум в гаппой комнате, за пальто для Джуди и за новый кухонный буфет, без которого, как недавно выяснилось, невозможно обойтись. По правде говоря, количество непредвиденных расходов, из месяца в месяц параставших в домашнем бюджете, былошиболее поразительной особенностью хозяйства Бантиггов.

А что будет, если он перестанет получать свои ежемесячные чеки? Это будет, если Вентнор... Но при одной мысли об этом он вздрагивал, как от прикосновения к раскаленному железу. Стоило Вентнору завладеть его мыслями, и он терял последнее мужество. Он должен изгнать от себя мысли о Вентноре. С тех пор как Вентнор три дня назад с широким укатил в своем элегантном сером димузине, мистер Бантигг ни разу не вспоминал о нем. В первый раз за последние недели он забыл о существовании Вентнора. И теперь ему казалось, что, перестав тревожиться из-за него, он как бы пренебрег каким-то сиященным ритуалом и тем лакрикал па себя боду.

И все же он не станет о нем думать. Благодаря

наследству тети Эвии он немногого припас на черный день. На худой конец, он продаст «Золотой дождь», и переселится на Липпартском шоссе в одном из коттеджей, которые она ему оставила.

Мистер Бантиг вспомнил, какое горькое разочарование испытал он при виде этих коттеджей, когда в один из субботних вечеров отправился взглянуть на них. Четыре крошечных ветхих домика на участке болотистой земли, сданной в аренду желчному неудачливому огороднику. Мистер Бантиг приберегал эти коттеджи как последнее прибежище на случай, если грянет гром. Как-никак это крыша над головой, и очаг, и земля, которую можно обрабатывать; он будет вести суровую трудовую жизнь, но прожить все-таки будет можно. Ничего не поделаешь, приходится считаться и с такой перспективой.

Такие мысли проносились в уме мистера Бантига, пока он упирался сидя на садовой скамейке. Но никто из членов его семьи не понимал его, никто не хотел попытаться. Он должен думать о будущем, должен строить планы и заботиться о своей семье, даже если его семья мало заботится о нем. Вот что значит быть отцом.

— Папа, чай пить! — крикнула Джули, прервав его размышления.

Все сидели за столом, как пришибленные. Эрнест был все еще бледен, молчалив и очень вежлив с отцом. Все были очень вежливы с мистером Бантигом, словно пытались умилостивить беспринципно разгневанное божество. Мистеру Бантигу было же по себе. Он сидел среди общего патяпугого молчания, и в душе его поднимался протест, ему хотелось сказать им, что он совсем не такой, как они думают. Внезапно он с особенной силой почувствовал, как беспомощно, как мучительно они ему дороги. Он жаждал прервать это механическое наполнение желудков, открыть им свою душу, сказать им: я хочу только одного — чтобы всем было хорошо. Но он, попытавшись, не мог этого сделать. Он сидел за столом такой же подавленный и молчаливый, как и они, и, выпив чай, торопливо проскользнул в гостиную и укрылся за вечерней газетой. Очень трудно объяснить кому-либо свои чувства.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

По Крис отличался неунывающим характером, как это свойственно молодым людям, целиком поглощенным своими личными делами, и поэтому, несмотря на подавление страшное, царившее за час, час спустя он с грохотом подкатил к воротам в автомобиль. Конечно, это была уже не та замечательная машина, о которой он рассказывал; тот уникальный экземпляр безвозвратно погиб на Гилворт-хилле, под водительством юного Ролло, и Крис подозревал, что причиной гибели был лопнувший цилиндр. Новый автомобиль был гораздо более внушительным, лучше сохранившимся, более быстроходным и вообще несравненно более роскошным экипажем. Это был, как говорил Крис с благоговейной дрожью в голосе, двенадцатисильный «грандикс». Общее с прежним фаворитом Криса у него было только одно — оба продавались феноменально дешево.

Автомобили для Криса были тем же, чем для Эрнеста Шопена. Автомобильные журналы служили ему прибежищем, где он искал спасения. А спасения он искал преимущественно от занятых банковским делом и, в частности, от назойливых мыслей о предстоящем экзамене по этому предмету. Он видел неотвратимое, как сама судьба, приближение рокового утра, когда ему ролей-неволей придется предстать перед экзаменаторами и подвергнуться испытаниям по теории и практике банковского дела, по вопросам процентов, учета векселей, валюты, курса и прочих затхлых, абстрактных понятий. Ни об одном из этих предметов у него не было сколько-нибудь ясного представления. Его невежество было столь явным, что не могло укрыться от постороннего взора даже на той скромной должности, которую он занимал в балке Барклэй. Управляющий отделом, мистер Освальд Лик, бледный, тонкий, костячий и совершенно лысый человек, дал Крису попять, что он наблюдает за ним, и это предостережение прозвучало весьма многозначительно. Понятому, мысль о Крисе беспрестанно посещала его среди его личных и служебных забот, так как он раздава пригрозил Крису, что подвергнет его устному экзамену по книге Бенхилла «Банковское дело в Англии».

Все предвестия и предзапоминания не сулили ничего хорошего, и прочность взаимоотношений Криса с балком Барклэй казалась довольно сомнительной.

Каждый раз, встречаясь взглядом с мистером Ликом, Крис чувствовал, что приближается день расплаты. Порой что-то похожее на совесть дремотно шевелилось в его душе, побуждая его взяться за книгу. Тогда он извлекал из ящика стола свои учебники и принимался за них с отчаянной решимостью проглотить их как можно быстрее — одним глотком, как глотают касторку. Но с первой же страницы, при первом столкновении с тем особым складом ума, которым отличаются составители учебников по баяновскому делу, в нем поднимался протест. Его охватывала досада, он даже пачкал отчужденные саркастические замечания вслух. Он остававливается, изо всех сил стараясь сосредоточиться, и снова пускался в путь, пробираясь через бесплодную пустыню боянских параграфов в поисках живительного источника, имеющего логическим смыслом. Но ему никак не удавалось обнаружить его.

А ведь есть люди, которые занимаются этой белибердой, хотя никто их не заставляет. Трудно поверить, но Крис встречал таких людей. — Послушай, — сказал он однажды Берту Ролло и прочитал ему несколько особо заковыристых абзацев, — видел ты что-нибудь подобное?

— По-моему, это просто бред, — заявил Ролло.

То ли дело техника! Всякая техническая кляга, которая попадала Крису в руки, сразу возбуждала в нем острый интерес. Палироса гасла, он сбрасывал подушки на пол и вытягивался на диване. Все окружающее представляло существовать. В технических книгах были чертежи, здесь вы имели дело с металлами, с газами, с электрическим током, словом, с реальными явлениями, подчищавшимися здравой логико — законам причин и следствия. Больше того, в технике вы постоянно паталкивались па актуальные проблемы, проблемы, для которых способный человек, — он сам, например, или Ролло, — мог найти решение. Здесь, насколько Крис мог судить, перед вами открывались неограниченные возможности.

В частной мастерской Ролло-младшего, позади гаража,

ила настоящая серьезная работа; это было возможно только потому, что старик Ролло был необыкновенный отец, вызывавший восхищение Криса тем, что та в чем не походил на мистера Бантинга.

Как только Крис вошел в гараж и вдохнул вонючий запах бензина, шин и целлюлозы, он тотчас заметил «грандикс». Левая бровь у него поползла вверх, и он обратил внимание Ролло на эту, как он выражался, «славную штучку».

— Машина — о'кэй, — ответствовал Ролло, который до такой степени проклонялся перед всем американским, что даже выражаться старался как можно американнее.

Они подняли капот радиатора, испытующим оюм за-тянули в механизм и несколько раз повторили: «Шикарно!» Потом завели мотор и с сосредоточенным видом специалистов по сердечным болезням стали прислушиваться к биению грандикского сердца.

— Ну, что ж, работает ровно, — объявил Ролло.

— Красавец!

— Верно, дружище. Валай, если хочешь, попробуй, как он на ходу.

— Можно??

— Понятно, можно.. Я договорился со стариком.

Завладев таким образом «грандиксом» и подкатив на нем к коттеджу «Золотой дождь», Крис несколько раз включил и выключил мотор просто ради удовольствия лишний раз почувствовать под ногой живой послушный механизм, и, выйдя из машины, предложил своему отцу осмотреть ее.

Желая проявить дружелюбие и отзывчивость после тяжелой сцены с Эрмистом, мистер Бантинг направился к воротам.

— Я взял машину часа на два, хочешь прокатиться, папа?

Мистер Бантинг подумал о своих коттеджах и картофельном поле. — Успеем мы добраться до Линнпорта?

— На такой-то машине? Да это сущие пустяки.

— Ну, ладно, я сейчас. — После чего последовали громкие возгласы с требованием пальто, кашне и подушки, чтобы положить ее на сиденье.

— Да зачем тебе все это? — возражал Крис. — Это же лимузин.

— Не желаю дрожать от холода всю дорогу, — ответил мистер Бантиг.

После недолгой возли с теплодатливой ручкой дверцы мистер Бантиг влез в машину. Миссис Бантиг и Джули вышли к воротам.

— Готово, — сказал мистер Бантиг, и Крис нажал на стартер.

Машина беспечно рванулась вперед и остановилась, снова рванулась и снова остановилась. На мгновение Крис растерялся. Он уже чувствовал, что в душу отца закрадывается сомнение.

— Сейчас я покручу ручку, — сказал он небрежно. — А ты, папа, потянни вот за это, а тут нажми ногой.

Получив эти инструкции, мистер Бантиг стал тянуть и пожимать что было мочи. Мотор раза два злобно фыркнул Крису в лицо, потом послышался глухой рев, и шасси угрожающе дрогнуло. Глаза мистера Бантига испуганно вопросили: что делать дальше? Крис вскочил в машину и усмирил «грандикс», после чего рев перешел в мирное урчание.

— Готово, — сказал Крис с детской веселостью. Лицо его было несколько краснее обычного.

— Надеюсь, машина в порядке?

— Первоklassная машина. Ей только нужно привыкнуть.

Собрав всю свою решимость, мистер Бантиг ухватился обеими руками за сиденье и стал глядеть вперед на дорогу. Он и не подозревал, что Крис умеет управлять автомобилем, и на душе у него было далеко не спокойно.

— Хорошо идет, правда?

— Да, сейчас как будто ничего.

— Шикарная машина. Двенадцатисильный «грандикс».

Мистер Бантиг изумился: — Двадцать лошадиных сил? Неужели?

— Вот я ее сейчас разгоню, — сказал Крис и, прибавив ходу, резво промчался мимо двух медленно громыхавших по шоссе грузовиков. — Замечательно послушавшая машина, папа.

Мистер Бантиг уже немного пришел в себя. Он раз-

мотал кашне и, заметив небольшую полочку, положил на нее перчатки. Затем его внимание привлекла выдвигающаяся пепельница; ему пришло в голову, что он может покурить. Истратив полапрасину несколько спичек, так как он ни на секунду не отрывал глаз от опасных поворотов дороги, он в конце концов раскурил трубку.

— Ничего машина, а, Кристофер?

— Роккоша машина.

— Ролло не берут с тебя за прокат?

— Конечно, нет.

— Ну, значит, все в порядке, — сказал мистер Бантинг, чувствуя, что теперь ничто не мешает ему наслаждаться прогулкой.

Машина циркула под густой лиственным сводом и вынырнула опять на встречу теплым лучам солнца. Дорога поднялась на холм, и свежий ароматный ветер повсюду им в лицо. Потом она оттого спустилась вниз к приютившейся у подножия холма деревушке. Живые изгороди были усыпаны цветами щиповника и вьюнка; коровы дремали в тени густых вязов; от царапавшего временами ветра серебристая рябь пробегала по траве. «Очень живописно», — подумал мистер Бантинг, обозревая расставлявшийся перед ним пейзаж взглядом будущего сельского жителя, заранее решившего примириться со своей судьбой. Если он потеряет работу у Брокли, ему придется поселиться здесь, в одном из лондонских коттеджей. Придется продать «Золотой дождь» и выкупить закладную. Бессспорно, это поражение, но падо приготовиться ко всему, нужно уметь заглядывать вперед; и если уж так суждено, — стойко встретить все невзгоды.

Ведь многие даже предпочитают жить в деревне. Сам мистер Бантинг имел о деревенской жизни довольно смутное представление. Он был городской житель, лондонец, типичный горожанин. Робертом он узнал из книжек и календарей с картинками, что где-то далеко-далеко за Кэмдентауном есть страна голубых небес и зеленых полей, обильно усеянная ветряными мельницами и густо заселенная резвыми ягнятами, — счастливый мир, вечно залиятый золотыми лучами солнца и ищущий деревней. Но ему так и не пришлоось побывать там, пока он не стал взрослым. Принимая участие в пикниках, он при-

шел к убеждению, что прелести деревни непомерно преувеличены — это прескучное место, кишащее отвратительными насекомыми. Но то были всего-навсего пикники; сейчас он готов был поверить, что совсем прослышался в деревне, может быть, даже доволен приятно. Окружающий его пейзаж и в самом деле начинал слегка смехаться на аляповатую картинки, запечатлевшиеся в его памяти с детства. Люди здесь, месомешно, вели очень простой образ жизни. Жизнь их текла неторопливо и, как ему казалось, была проще, свободней и в известном смысле романтической. Размыслиения мистера Бантига были, разумеется, очень наивны даже для горожанина; он рисовал себе румяных фермеров, распивающих эль в старой харчевне, пахарей, шагающих, посвистывая, за плугом, веселые сенокосы и сборы урожая.

Он уже видел себя окраинным, загорелым, мирно покуривающим трубку в садике перед коттеджем, в лучах заходящего солнца. Он посадит в саду все эти славные деревенские цветы — лаванду, пастурции и огромные подсолнечники. Он вырастит горошек и бобы и будет есть их свежими и сочными прямо с грядки.

Можно даже развести свиней.

Простая, скромная, независимая жизнь. Чего ради трепетал он перед Вентнором? Совсем это не нужно. Немного мужества, немного отречения — и он избавится от всех неприятностей.

Правда, надо подумать об Эрлесте и Крисе, об их службе в Бильворте. И Джули. Это осложняет дело. Если бы мальчики уже стали на ноги! Как всегда, планы мистера Бантига разбивались об этот подводный риф.

— Что это дребезжит? Ты не замечаешь? — спросил он, потеряв надежду, что Крис сам обратят внимание на этот подозрительный звук.

— Да нет, папа, просто плохая дорога. Трехпенсовая каучуковая втулка — и все в порядке. Ну, как? Нравится тебе?

— Правится. Остановись-ка около этих коттеджей.

Удивленный Юкс затормозил. Мистер Бантиг выпал из машины. — Хочу немножко пройтись, — сказал он в ответ на вопросительный взгляд Криса. — Ты пока тащишь пока один.

— Ладно, папа. Не одолжишь ли ты мне полкроны на бензин?

Вручив требуемую сумму и посмотрев вслед рванувшемуся вперед «грапдиксу», мистер Бантинг перевел взгляд на коттеджи, будущий свой приют и воплощение своих новых идеалов. Он старался подавить разочарование, охватившее его при взгляде на эту недавно доставшуюся ему собственность. По правде говоря, коттеджи большие всего походили на ящики, и вид у них был довольно городской. Это были совсем голые и очень мрачные строения. Кустик ампельосиса или завиток плюща, или какое-нибудь другое декоративное растение, рекомендуемое сельскохозяйственными прейскурантами, значительно смягчили бы их внешний облик. Но это были простые кирпичные дома с тииферными крышами, выстроенные в двух милях от Линнпорта на плоском, голом участке, у края унылого шоссе. Вокруг па редкость безрадостный пейзаж — ни деревушки, ни придорожной харчевни, ни живописной рощицы. Мистер Бантинг не мог поплыть, почему эти коттеджи нужно было построить именно здесь. Должно быть, решил он, из каких-то таинственных сельскохозяйственных соображений. Позади коттеджей расстипалось поле, засаженное картофелем; посреди поля виднелась мрачная фигура неудачливого огородника в лозе, напомнившей мистеру Бантингу Оски. За полем па месте идиллической деревушки, рисовавшейся мистеру Бантингу в его мечтах, желтела глинистая проселочная дорога. Мистер Бантинг — в клетчатых чулках и штанах-гольф коричневого цвета — стоял у края дороги, являя собой странную и необычную для здешних мест фигуру; он всеми силами старался не дать идеалу потускнеть, однако уже готовился подвергнуть его значительному видоизменению.

Падо будет соединить два коттеджа в один, сделать окна фонарем, залить дорожки асфальтом и оштукатурить стены. Озабоченный предстоящими расходами, он внимательно рассматривал коттеджи, и ему показалось, что кто-то, спрятавшись за занавеской, украдкой наблюдает за ним из окна. Он уже собирался было обследовать внутренность коттеджей в связи с намечаемой им перестройкой, по это настойчивое наблюдение исподтишка за-

помнило ему о некоей переписке по вопросу о кухонной плитте, которой он до сих пор не уделил еще достаточного внимания.

Он свернул на глинистую тропинку и, стараясь не испачкать свои клетчатые чулки, направился к просвету в живой изгороди, откуда он мог все осмотреть, не опасаясь, что в нем сразу признают хозяина. Какие-то деревенские сараи, кое-как сколоченные из досок, бескоряжечно загромождали участки. А сами участки! Заброшенные грядки с прелой капустой, буйные заросли одичавшего ревеня. Кучи мусора. Первое столкновение с практической стороной жизни в «Жасмовых коттеджах» — и мечты мистера Бантига о сельской идиллии разом поблекли.

Забраться в такую дыру! Нет, это просто невозможно вообразить. Разве только нужда заставит. Приблизившись к крайней случай.

— Ну, что ж, придется привыкать, — пробормотал он, выбиралась обратно на шоссе. Он видел, что его появление взволновало умы всех обитателей этого богом забытого уголка. Огородник бросил работу и уставился на него, как будто силясь припомнить, где он его раньше видел. Двое каких-то людей вышли из дома и стояли, рассматривая унылую флору своих заросших сорняками грядок и время от времени поглядывая в его сторону; они видимо, мало-момалу приходили к убеждению, что это «сам».

— Послушайте, мистер!

Мистер Бантиг сделал вид, что занят своей трубкой, в то же время пытливо озирая окрестность, не покажется ли где-нибудь «грандикс». К воспоминанию о кухонной плитте присоединились мысли о протекающих крышах и прогнивших полах.

— Послушайте, вы не мистер Бантиг?

Мистер Бантиг прятаялся глухим и с видом заядлого патуралиста углубился в созерцание летавших над ним скворцов. Ему хотелось убраться куда-нибудь подальше от этих коттеджей, бежать отсюда, как из зачумленного места, раз и навсегда изгнать из своей памяти самое воспоминание о них.

Но вот, пакощец, подкатил «грандикс», и Крис пустился в объяснения: ближайшая бензиновая колонка

оказалась в нескольких милях отсюда, и ему нужно было еще запастись маслом, а потом он останавливался, чтобы закрепить штулки.

— Опа идет теперь в сто раз лучше, — заявил он.

Мистер Бантиг влез в машину и сидел, стараясь не глядеть по сторонам. Видя все это, обитатели коттеджей пришли к заключению, что мистер Бантиг собирается отбыть, но не трогались с места, считая, должно быть, невозможным задерживать столь роскошный экипаж разговорами о худых крышах и угольных сараях. «Грандикс» сделал скачок вперед и так круто остановился, что мистер Бантиг чуть не свернулся шею.

— Легче, легче! — взмолился он, вытаскивая изо рта едва не проглоченную трубку.

— Немного заедает, — объяснил Крис. — Обыкновенное дело.

Мистер Бантиг опасливо присел на сиденье, чувствуя себя, как на электрическом стуле. В это время проезжавший мимо автомобиль остановился и загородил им дорогу, а водитель, вывернув шею, словно любопытствующий лебедь, выглянул из кабинки. В чем-то, повидимому, удостоверившись, он вышел из машины и направился прямо к «грандиксу».

— Прошу прощения, но вы ли владелец этого участка?

Мистер Бантиг признался, что оп., и сразу занял оборонительную позицию.

— Подумайте, какая удача! — воскликнул новоприбывший, оказавшийся чрезвычайно вертлявым человечком с целым арсеналом карандашей в жилетном кармане. — Я чуть было не проехал мимо, но вдруг заметил ваш автомобиль и подумал: держу пари, что этот джентльмен — мистер, мистер... ах ты, господи, я же отлично знаю вашу...

— Бантиг.

— Ну, конечно, мистер Бантиг. Очень рад познакомиться с вами, мистер Бантиг. Меня зовут Доукинс, — и он изящным жестом протянул ему карточку. — Постройки, контракты — все, что вам потребуется. Управляющий коттеджами, — теми, что выше по шоссе. Вы, наверное, мимо них проезжали. А вы, я вижу совершаете прогулку. Прелестный лимузинчик.

Его глаза выпуклые и быстрые, казалось оценивали мистера Бантина, оценивали его автомобиль, его штаны-гольф — все, вплоть до ногтей на его пальцах. Он производил впечатление человека, который с одного взгляда умел оценить всех и вся и, видимо, этим гордился.

Мистер Банting, все еще чувствуя некоторое замешательство, признался, что так оно и есть, что он действительно совершает прогулку в своем прелестном лимузинчике.

— «Грандикс», — пояснил он. — Двадцатисильный.

— Да, вижу, вижу. Это хорошие машины.

— Очень хорошие, — сказал мистер Банting и уже собирался упомянуть о жидкостных тормозах.

Доукинс поставил погу на подножку и принял чрезвычайно небрежный вид.

— Не думаете продать ваш участок? Разумеется, — продолжал он поспешно, — он не представляет сейчас большой ценности. Глухое место, будет таким еще годы. Но вам, конечно, — он дал понять, что знает положение мистера Бантина и сочувствует ему, — поскольку вы живете в Лондоне, земельная собственность ни на черта, извините меня, не нужна. Так что, если вы хотите от нее отделаться, я мог бы, пожалуй, это устроить. Я ничего не обещаю, но попробовать можно. — Он замолчал и, уставившись на мистера Бантина, с таким напряженным вниманием следил, как тот реагирует на его слова, что казалось, ни одно движение на лице его собеседника не могло от него ускользнуть.

— Вы хотите купить землю?

— Весь участок, — поправил мистер Доукинс.

Мистер Банting засторожился. — Коттеджи я не продаю.

— Ноице нужна придорожная полоса. Участок ничего не стоит без придорожной полосы, — заявил Доукинс таким тоном, словно мистер Банting старался его одурачить. — Вы согласны со мной? — обратился он к посредничеству Криса.

— Я, пожалуй, продам землю, — нерешительно сказал мистер Банting.

Заметив, что земля в этих местах не стоит и шиллинга за ярд, так как Линнорт развивается в противо-

положном направлении, Доукинс достал портсигар, предложил Крису папиросу и закурил сам, проделав все это со свойственной ему стремительностью движений.

— Вы, значит, хотите продать землю?

— Может быть, и продал бы, — ответил мистер Бантиг, твердо решив не нападать впросак.

— Послушайте, сэр. Четыре сотни за весь участок. Что вы скажете? Это хорошая цена. Вам никто столько не даст.

— Коттеджи я не продаю, — повторил мистер Бантиг упрямко.

Доукинс взглянул на мистера Бантига, как бы оценивая его запове, и, казалось, обнаружил в нем печто, ускользнувшее от него при первом осмотре.

— Если такова ваша точка зрения, — заявил он, — то нам с вами не о чём разговаривать. До свиданья, — и он с необыкновенной поспешностью зашагал к машине, словно хотел как можно скорей наверстать потерянное время, а мистер Бантиг смотрел ему вслед, испытывая смутное чувство неловкости от сознания, что чем-то его обидел.

Но не прошло и минуты, как Доукинс вернулся. — Послушайте, сэр. Мы встречаемся с вами не часто. Четыреста пятьдесят — земля, коттеджи, — все огулом подходит вам?

— Коттеджи я не продаю, — повторил мистер Бантиг твердо, повысив голос и всем своим видом показывая, что начинает сердиться. — Я ведь уже сказал вам.

— Вы еще подумайте. Вот моя карточка. Утро вечера мудрено, сообщите мне, когда надумаете.

— Послушай, пана, — заметил Крис, когда Доукинс удалился. — Это твои дома?

Мистер Бантиг утвердительно хмыкнул.

— И земля тоже?

— Много ли тут земли.

— Должно быть, это и есть наследство тети Эллы, — сказал Крис с таким видом, словно он разгадал, наконец, давнюю всех мучившую тайну.

— Занимайся-ка лучше своим делом, — отрезал мистер Бантиг. — Поехали.

«Грандикс» остановился перед коттеджем «Золотой дождь».

— Как тебе нравится машина, папа? — спросил Крис.

— Неплохая машина. Спасибо, Кристофер, словно прокатились.

— А знаешь, она стоит всего-навсего двадцать пять фунтов.

— В самом деле? Так дешево?

— Думаю даже, что мистер Ролло отдаст ее за двадцать наличными.

— Да неужели? Ну, ступай поужинай, да отведи машину в гараж.

По у Криса явно было что-то на уме. Он никак не мог оторваться от «грандика». Он пробормотал что-то о прекрасном состоянии шин и необычайно малом расходе горючего. — Это замечательная машина, — без конца повторял он, — замечательная машина.

Ему так не хотелось с ней расставаться, что отец взглянул на него с подозрением.

— Ступай-ка домой, — сказал он резко. — Становится сырое, — и повернулся, собираясь войти в дом.

— Передать что-нибудь мистеру Ролло, папа?

— Насчет чего?

— Возьмем мы автомобиль?

Увы! Оправдались подозрения, которые мистер Бантиг все время старался отогнать от себя как недостойные. Словно шипы, воинствились они в его сердце. Он был оскорблен и разочарован. Чтобы Крис, именно Крис, так беззастенчиво обнаружил корыстные побуждения!

— Так вот почему ты пригласил меня покататься! — сказал он с упреком. — Не потому, что тебе хотелось доставить мне удовольствие. О, нет! Не потому, что тебе приятно было провести со мной время. И просто ты хотел умаслить меня, чтобы я купил машину.

— Вовсе нет, папа. Но ты только подумай, ведь как дешево!

— Дешево! — вскричал мистер Бантиг, которого это слово задело за живое. — Ты думаешь, я могу выбросить двадцать фунтов на покупку машины? А затем понадобится еще гараж, потом разрешение и бог знает, что

еще. И все для того, чтобы иметь эту старую колымагу!

— Что ты говоришь, папа? Это же «грандикс»!

— Двадцать пять фунтов! — не слушая его, бушевал мистер Бантинг, и в его устах эта сумма превращалась в астрономическую цифру. — Подумать только! Что, мне некуда девать двадцать пять фунтов, кроме как на покупку автомобилей у мистера Ролло? Отведи машину назад и скажи мистеру Ролло, пускай сам на ней ездит. И будь добр больше не притаскивать сюда всякие дурацкие машины, пока тебя об этом не спросят.

Он зашагал к дому и увидел, что при его приближении Эрнест и Джули поспешно покинули свой наблюдательный пост у окна гостиной. На лицах у них было написано вопрос: «Чего это он опять разбушевался?» и кроткая покорность воле тирана.

Он подумал, что, пожалуй, черезсур ногорячился, показал себя в аревыгодном свете. Так всегда бывает, когда человека одолевают заботы, — всегда говоришь не то, что думаешь. Они с Крисом плохо ладили до этой минуты.

— Хорошо прогулялся, Джордж? — спросила миссис Бантинг сладким голосом. Эрнест на несколько дюймов пододвинул к нему стул, а Джули проворковала:

— Хэлло, папка-ворчун!

Он опять возвращался в ту же атмосферу взаимного непонимания, которую оставил час назад. Ничто, казалось, не в силах было разрушить столицу между ними стечку, помочь семье увидеть его таким, каким он себя чувствовал — измученным, обремененным заботами, но с нежным, любящим сердцем.

Крис тем временем поставил «грандикс» в гараж и унылым жестом дал понять молодому Ролло, что дело безнадежно провалилось.

— Что ты говоришь! Какую же еще машину ему нужно? Должно быть, он порядочный скряга, а?

— Не знаю, что он такое, — ответил Крис мрачно, но в глубинах души он думал, что его старик просто какой-то чудак. Ему дают четыреста пятьдесят фунтов, и он не желает их брать. А в то же время не может раскошелиться на каких-то двадцать пять фунтов, даже не двадцать пять, а двадцать, и, главное, за что, — за

«грандис»! Не человек, а загадка! Потому что в концах концов, — это Крик готов был великодушно признать, — член у него совсем не дурак.

«Хотел бы я знать, что у него же умеет!» — мысленно воскликнул Крик и глубоко задумался.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Встреча с Доукинсом, естественно, привела мистера Бантинга к выводу, что если ему без всяких стараний с его стороны была предложена сумма в четыреста пятьдесят фунтов, то, значит, он легко может получить и больше. Он написал письма земельным агентам, в частности некоему Хаулешу, у которого была контора на Главной улице в Линнорте, предлагая свою землю для продажи. Агенты ответили в оптимистическом тоне, обычном для энтоллярного стиля земельных агентов, и единодушно заверили мистера Бантинга, что покупатель для него будет найден без промедления. Их уверенность очень его ободрила.

У него появилась привычка производить вычисления на полях «Сирены», прибавя за основу четыреста пятьдесят фунтов, предложенные ему Доукинсом; он оплачивал полностью всю закладную и помешал χ фунтов в ценные бумаги, руководствуясь при их выборе биржевыми отчетами из последней странице газеты. Упомянутые χ фунтов были перемежей величиной, колебавшейся в зависимости от настроения мистера Бантинга, однако даже в самые оптимистические минуты он никак не предполагал, что этот χ может означать для него полную независимость.

А кроме того, покупатель, с такой уверенностью обещанный земельными агентами, пока что не появился.

За этим последовал период, в течение которого мистер Бантинг вел оживленную переписку с десятком земельных агентов, ирическ ответы последних с каждым разом становились все короче и приобретали довольно кислый тон. Они заявляли, например, что его земля, — самый обиженный земледельческий участок, из чего можно было понять, что земледельческие участки вообще не представ-

яют для них никакого интереса. Повидимому, строительные участки были одно, а земледельческие — нечто, совершенно другое. Мистер Бантинг до сих пор думал, что строить можно на любой земле, за исключением болота. Он не имел ни малейшего понятия о том, сколько может стоить один акр земледельческого участка, и даже не представлял себе, как этот самый акр выглядит. Но тем не менее он упорно противился всем попыткам сбить цену. Он решил лично повидаться с агентами.

Его первый и, как судьбою было угодно, последний визит был в мистеру Хаулэшу, которого он нашел в его кабинете — маленьком кирпичном домике на Главной улице. Хаулэн оказался болезненным па вид человеком, со впалыми щеками; при первом взгляде па него у вас возникало впечатление, что этого человека преследуют несчастья. Он с некоторым трудом припомнил, кто такой мистер Бантинг.

Когда мистер Бантинг упомянул об их переписке, а также о существовании пяти «Жасминовых коттеджей» и картофельного поля, Хаулэн признался, что в то время как других клиентов он без всяких затруднений избавляет от их недвижимости, благодаря чему его дело, кстати сказать, находится в самом цветущем состоянии, с участком мистера Бантинга он по каким-то необъяснимым причинам совершил бессилен что-либо сделать. Он сам поражен этой неудачей. Просто невозможно сдвинуть с места это во всех отношениях недвижимое дело. Повидимому, мистер Хаулэн впервые за свою долголетнюю практику сталкивался с подобным случаем.

— А если бы вам все же удалось найти покупателя, сколько, по-вашему, можно получить?

Хаулэн затруднялся сказать что-нибудь определенное. Может так случиться, что мистеру Бантингу выгоднее будет продать, но может случиться и так, что ему выгоднее будет воздержаться. Ввиду чрезвычайно быстрого роста некоторых поселков в этой местности сейчас особенно трудно определить реальную и, если ему будет позволено так выразиться, потенциальную ценность липортовских участков.

Мистер Бантинг никем дал попять, что это слово доступно его пониманию.

— У вас были какие-нибудь предложения, мистер Бантиг?

Мистер Бантиг упомянул о Доукписе. Это имя произвело сильное впечатление на агента.

— Какой Доукпис, не из городского управления?

— Подрядчик; предложил мне четыреста пятьдесят.

— Чорт возьми, неужели! — воскликнул Хаулэн. — Это очень интересно. Потому что вообще-то считается, что в эту сторону Ашпорт не будет развиваться, а Доукпис — председатель Дорожного комитета, а также заместитель председателя Комитета городского благоустройства. — Хаулэн, казалось, был очень возмущен тем, что Доукпис занимает эти почетные должности.

— Вот как? — сказал мистер Бантиг, не понимая, какое отношение это имеет к его делу.

— Здесь что-то кроется, — сказал Хаулэн, положив па кончик языка таблетку висмута и задумчиво ее посыпал. Он жевал ее, подойдя к карте Ашпорта, начал водить по ней указательным пальцем, сунув другую руку в карман и позываявая мелочью. Его нахмуренные брови свидетельствовали о том, что мозг мистера Хаулэна усиленно работает в интересах мистера Бантига. Внезапно Хаулэн обернулся.

— Я раскусил, в чем тут дело! Это старый проект дороги.

Он уставился на мистера Бантига, ожидая, что тот проявит хоть какие-либо признаки понимания. — Ну да, вы, конечно, не в курсе дела. Вы ведь сами не живете в этой проклятой дыре. Этот проект дороги уже много лет лежит в городском управлении. Даже в то время, когда я еще был членом городского управления — а я был бы им и по сей день, если бы не эта свинья Доукпис, — даже тогда этот проект не раз ставили па обсуждение и опять клади под сукно. Ручаюсь, что областное управление пожимает па них; и министерство, возможно, тоже. В таком случае, им придется теперь за него взяться. С открытием дороги эта часть города расцветет. Предполагалось даже разбить там парк и построить аэропорт. И он предложил вам четыреста пятьдесят? Вот жулик! Вы со своим участком пошли в самую точку. Можете тысячу фунтов получить.

Мистер Бантинг обернулся так стремительно, точно
что-то прожужкало у него под самым ухом.

— Как вы сказали? — с трудом выдавил он. —
Тысячу?

— Если мои предположения оправдаются.

— Вы это серьезно?

— Конечно, — заявил Хаулэн. Он заговорил скороговоркой, для большей убедительности постукивая пальцем по карте. До мистера Бантинга долетали слова, произвавшие некоторый свет на старинную расприю, существовавшую между Хаулэном и Даукисом, и подтверждавшие, что он искал как раз за того человека, который ему нужен.

— Что же теперь надо делать?

— Прежде всего выяснить, правильны ли мои предположения.

— А как это сделать?

— Есть способы. Предоставьте это мне. Но имейте в виду: я требую монопольных прав! — он вспыхнул взглядом на мистера Бантинга. — Никаких других агентов.

— Понятно.

— Вы согласны?

— От всей души, — сердечно заверил его мистер Бантинг.

— Значит, решено, — удовлетворенно произнес Хаулэн. Держа пресспанье наготове, он с заметным удовольствием следил, как его клиент подписывает официальную доверенность. — Положитесь во всем на меня, — заключил он.

Возвращаясь домой после этого замечательного снаряжения, мистер Бантинг чувствовал такой прилив жизненных сил, что они рвались из него наружу, как пар из наового котла; к тому времени, как он добрался до коттеджа «Золотой дождь», он был уже на волосок от взрыва. Чуть не вприскожку побежал он из своих коротких пижах по тропинке к дому, повозился с дверным запором, фугалась, правда добродушно, и с шумом ввалился в переднюю. Тут он вспомнил о детях и о необходимости сдерживать свои чувства; дети могли быть дома.

Они и были дома — все трое. Эрнест, Крис и Джуди — и сидели у камина. При его появлении они обер-

нулись и, как по команде, возвраталисьща него с таким удивленным видом, словно заметили что-то совершившееся необычное в его наружности. Вспыхнула напряженная тишина, как всегда при внезапно оборвавшемся разговоре. Мистер Бантинг посмотрел на себя в зеркало, но оно не дало ему никаких объяснений. Правда, щеки его немного раскраснелись, должно быть, оттого, что он слишком быстро шел в гору, да на голове он обнаружил шляпу, которую позабыл снять. Приняв самый небрежный вид и что-то шептали, он прошел на кухню и, остановившись в дверях и ломотувши немногого, чтобы овладеть голосом, позвал жену:

— Мэри, войди-ка сюда на минутку!

Он плотно притворил за ней дверь.

— Тысячу фунтов самое меньшее — вот что говорит Хаулэн. — объявил он в заключение, изложив жаркое дело, и упругой, энергичной походкой принялся ходить из угла в угол по выложеному плитками полу. — Тысячу фунтов! — воскликнул он снова и снова и, как бы неизвестной схватив с буфета гладкий широкожок, отправил его в рот; пережевывая сочные куски теста с вареньем, он принялся добавлять к своему рассказу некоторые красочные подробности.

— Как это будет чудесно, правда, Джо? Мы заживем прискокающими.

Он подумал, что ее следует предостеречь. — Подожди. Еще неизвестно, выгорит ли. Только не говори им, — он склонился в сторону гостиной. — Они сейчас же бог знает что придумают.

— Но ведь это все-таки будет перемена в нашей жизни? Для всех нас?

— Ну, еще бы! Как ты думаешь, не сбегать ли мне за бутылочкой «Принца Чарльза»? А тебе прихвачу портера. Отпразднуем.

— Не стоит тратиться на портер...

— Нет уж, извини, старушка, сегодня ты получишь бутылочку «Гинесс», — величественно объявил он. — Стимулирует красные кровяные шарики. Ты что-то бледна последнее время. Только, смотри, им, — он жестом дал понять, что имеет в виду детей, — им ли слова.

В этот вечер они засиделись у камина, причем виски

и бутылка «Гипесс» на столике перед камином придавала беседе оттенок широтства.

Как только эта сделка осуществится, он выложит Вентпору все, что он о нем думает, все начистоту и объяснит о своем уходе. Он долго смахивал эту сцену, на все лады разыгрывал ее в своем воображении. Если бы только мальчики зарабатывали побольше! Одна-два лишних фунта в неделю — и совсем другое было бы дело. Он бы тогда ни от кого не зависел. А так придется, пожалуй, попрежнему гнуть спину и терпеть Вентпора и Слингера, — и все только потому, что Крис и Эриес не желают интересоваться своей работой.

— Вот если бы Каулэшу удалось поднять цену до полутора тысяч, — бормотал он. — Он ловкий парень. Энергичный.

— Вот увидишь, у тебя теперь и в магазине все наладится, — сказала миссис Бантинг. — Теперь тебе во всем пачнет везти. Лучше всего, знаешь что? Продолжай работать, как раньше. Теперь все будет хорошо, Джордж, голубчик. — Она подняла стакан и блаженно хихикнула.

— Я хочу уйти из нынешней, Мэри, — солидно сказал мистер Бантинг. — Довольно я поработал. Хочу сидеть дома и заниматься своим садом. Ну, там, тебе немножко помочь по хозяйству. Может быть, даже в гольф поигратъ. Мне ведь нехватает только клюшек: штаны у меня уже есть.

Затем он перешел к делам: — Если придет письмо из Линнпорта, ты его распечатай. Теперь его можно ждать со дня на день. Если это будет запрос о продаже, закажи междугородный разговор и позвони мне в магазин.

— Голубчик Джо! Разве нельзя подождать, пока ты приедешь домой?

— Может потребоваться срочный ответ. Дело серьезное. — Затем последовал довольно продолжительный экскурс в технику телефонных переговоров. — Помни же, — добавил он, — ни слова детям.

Мысль о тысяче фунтов, которая, как маппа пебесная, могла свалиться на него с каждой минутой, очень поддерживала мистера Бантинга во всех исприятностях, упорно преследовавших его последние времена.

Главной и непосредственной причиной этих неприят-

ностей был его нелюбимый, густо нахмаженный и с каждым днем все более пенавистный помощник — Слигер.

Слигер, тщась окончательно обольстить Вентнора, с каждым днем все больше и больше становился воплощением приказчиков добродетелей. Излучая самодовольство всем своим существом, — отчего мистера Бантига просто тошило, — он стремительно превращался в образцового приказчика. Он являлся в магазин ни свет ни заря и покидал его позже всех и с видом пеохотой; все свое время и самого себя он отдавал фирме Брокли со страстью и самозабвением фанатика. Он довел до пределов мастерства свой природный талант обращать на себя внимание усердием и расторопностью. Стоило Вентнору войти в отдел, и Слигер был уже тут как тут. Он сразу бросался в глаза — озабоченная фигура в белой куртке, буквально разрывавшаяся из части. Но все же не пастолько, чтобы не улучить минутки осведомиться у Вентнора, одобряет ли он его деятельность, и выслушать это одобрение с сосредоточенным и глубокомысленным видом человека, который старается запомнить каждую мелочь или сделать какое-нибудь оригинальное предложение, свидетельствующее о том, что, чем бы он ни занимался — сидел ли в кино, катал ли в колясочке своего младенца, лежал ли в постели, — мысли его неизменно были заняты одним — заботами о благосостоянии фирмы Брокли. При этом он обычно выражался так:

— Я сделал все, как вы предлагали, сэр. Это замечательная идея, сэр. Замечательная, сэр. — От беспрестанного повторения словечка «сэр» от него все время исходил какой-то свист и шипение.

«Как сифон с содовой водой, — думал мистер Бантиг, мрачно взирая на эти «обезьяньи ужимки». — Ведь вот подииза!» Его поражало, как Вентнор мог терпеть подобную угодливость.

— Проклятая болонка! — бормотал мистер Бантиг, выглядывая из-за перегородки и загораясь гневом. — С какой стати Вентнор разговаривает с ним? Кажется, я здесь заведующий, а не Слигер.

В нем медленно зрело решение.

«Слигер опять начал забываться. Пацо его осадить». Поскольку долг и внутренняя потребность для

мистера Бантинга сливались в этом вопросе воедино, он решил произвести «сокоживание» как можно основательнее и при первом же удобном случае.

— Какого ты мнения о Слингер? — спросил он Кордер за завтраком. — Я его просто не выпишу.

— Слингер? — повторил Кордер и в попытках точного определения устремил взгляд на таявший в воздухе дымок папиросы. — Из гадов всех, книпающих на земле, нет также Слингера.

Это изречение показалось мистеру Бантингу необыкновенно метким и острумым. Он повторил его несколько раз, он смахивал его. — Здорово сказано, Джо. А главное — не в бровь, а прямо в глаз.

— Опасный человек.

— Кто? Слингер? — Мистер Бантинг досадливо отмахнулся, но желая даже слушать подобную недепность.

— Опасный человек, — повторил Кордер и захмурился самым свирепым образом, пытаясь придать своему лицу гротескное выражение. — Иней в виду, — продолжал он зловеще, — это — змеиное яйцо, из него может вылупиться... как ты думаешь, что, Джордж? — Он остановился, держа чашку в руке и ожидая ответа.

— Понятия не имею.

— Дорогой мой Бантинг! — Кордер поставил на стол чайницу чашку. — Это одно из тех скользких пресмыкающихся, которые пролезают в каждую щель. Кроме того, он мерзкий ябда. Чуть что, бежит к Вентиору. Накостит тебе, где только может. Старается показать, что лучше тебя сумел бы заведывать отделом. Короче говоря, это змеопыши. Убей его в зародыше.

— Ты думаешь, он хочет сесть на мое место? — Мистер Бантинг недоверчиво посмотрел на Кордера. Чтобы биллоновский приказчик заведывал отделом у Брокли! Конечно, когда он сам уйдет... — Я еще не ушел.

— Пока нет.

И вдруг, словно откровение свыше, мистера Бантинга осенило. Последнее время он не раз с удивлением замечал, что у него в отделе «что-то творится». Приказчики, казалось, все время лад ком-то подшучивали; мистер Бантинг знал по опыту, что на это не следует обращать внимания. Он слышал приглушенный шепот, мгновенно

специалист в неестественной тишиной, как только он вылезал из своего закутка; он видел лица, с которых тетка сползала улыбка, стоило ему выглянуть из-за перегородки. Теперь он понял — предметом шуток был он сам. Весь отдел с интересом наблюдал, как Слипгер крутит и вертит за его спиной, и все ждали, когда он обратит на это внимание и задаст ему перцу.

«Чорт возьми, — думал он. — Я ему покажу! Я раздавлю эту гадину». Ему вспомнились неоднократные попытки Слипгера превысить свою власть, вскочилась плохо скрытая наглость Слипгера, все возрастающее самомнение Слипгера, короче говоря, вся эта «слипгеровщина», и это еще подлило масла в огонь и разожгло справедливый гнев мистера Бантинга. Среди всех этих воспоминаний было одно, особенно неотвязно его преследовавшее: Вентнер входит в отдел с пачкой бумаг в руке и говорит: — Мистер Слипгер, будьте добры на минутку.

И все это он терпел! Дурак он был. Слепой дурак. Он даже покраснел, вспомнив об этом унижении.

— Надеюсь, я не пробудил в тебе мятежных чувств? Я рекомендую тебе соблюдать величайшую осторожность с этим ползучим гадом. Иди к нему с отравленным цветком, а не с лубянкой, Джордж.

— Я сначала поднесу ему цветок, а потом огоропу лубянкой. Ты не думай, что я не заметил его пропеков, Джо. Я все время подстерегал его, хотел напасть на него врасплох.

Вернувшись после этой беседы в свой отдел, мистер Бантинг тут же заметил, что ему представляется прекрасный случай для задуманного нападения. Взгромоздившись на самую верхушку лестницы, младший помощник разыскивал что-то на покрытой пылью верхней полке, и для мистера Бантинга было полнейшей загадкой, что он мог там искать.

— Я ищу стальные полугородковые задвижки. — разъяснял младший помощник, задыхаясь от камня в облаке пыли.

— Напрасно ищете. У нас их нет.

— Мистер Слипгер сказал, что, может быть, они здесь, сэр. Остатки старой царити.

— Вот как? — ядовито заметил мистер Бантиг. — Ну что ж, если найдете, пошлите их в Британский музей. За последние тридцать лет из стали не вырабатывалось никаких изделий размером меньше двух дюймов.

Можно было не сомневаться, что Слингер, торчащий за соседним прилавком, все прекрасно слышал, ибо его длинные уши покраснели. Доказав таким образом свое профессиональное превосходство, мистер Бантиг, преисполненный самых воинственных намерений, продолжал осмотр отдела. Окинув помещение властным взглядом, он заметил, что мальчик-рассыльный старательно пачкает кожевой товар, выставленный чод стеклом на прилавке, что само по себе не было предосудительным запятым, если бы только не указывало на постороннее вмешательство в дела мистера Бантига.

— Кто распорядился спать все это с прилавка?

— Мистер Слингер, сэр.

— Ну, так положи-ка все это обратно и отправляйся на склад резать оберточную бумагу. И если в другой раз не будешь знать, что тебе делать, потрудись спросить меня. Меня, понятно? А же мистера Слингера.

Он направился дальше, чувствуя воцарившуюся вокруг выжидающую тишину — казалось, все сотрудники, затаив дыхание, наблюдают за ним и ждут, безмолвно ободряя его, чтобы он раздавил пенавистного Слингера. Волнение достигло предела, когда он позвал Слингера к себе за перегородку.

— В дальнейшем, Слингер, будьте любезны воздерживаться от каких бы то ни было распоряжений по отделу. Все распоряжения, какие нужно делать, делаю я. Понятно?

— Пропуши прощания, — начал Слингер, подчеркивая приторно вежливую наглость, с которой он всегда произносил эти слова, — прошло десять минут после положенного на завтрак времени, а вас все не было. Я и дал мальчишке работу. Он болтался без дела.

— Вы хотите сказать, что я слишком долго завтракал, так, что ли?

— Я ничего не хочу сказать, мистер Бантиг. Просто констатирую факт. Но, конечно, если вы хотите, чтобы мальчишка целых десять минут плевал в потолок,

пожалуйста. Я за это не отвечаю. — И с этими словами Слингер неожиданно и очень поспешно удалился, довольный тем, что последнее слово осталось за ним.

Мистер Бантинг почувствовал себя, как копка, у которой мышь ускользнула из-под носа.

Из-за перегородки до него донесся голос Слингера, пьючавшего мальчика-рассыльного топом, в котором почтительность к начальству сочеталась с демонстративной готовностью беспрекословно и буквально выполнять самые нелепые приказания.

— Нет, оставь все так, как есть. Ничего, что беспорядок. Ступай на склад и режь бумагу, как велел мистер Бантинг. Ничего, что там сколько угодно уже парезанной бумаги. Делай, как велит мистер Бантинг.

Прислушиваясь к его словам, мистер Бантинг с горечью думал о том, что Англия стала чересчур цивилизованной страной, если даже такой глупской твари, как Слингер, нельзя безнаказанно дать чихка в зад. Стоило вам только прикоснуться к нему пальцем, и он мог возбудить против вас «дело». Он мог притягнуть вас к суду, втоптать в грязь, потребовать с вас в возмещение ущерба совершиенно несуразную сумму. Короче говоря, все это только доказывало полную непригодность дубинки. Что же касается отравленного цветка...

Пекоторое время он сидел, размыщая над этой восхитительной метафорой, но без особой пользы. Хорошо Кордеру рекомендовать отравленные цветы, когда Слингер, повидимому, побрал их целый букет и уже дал ему почувствовать их запах своим замечанием о десятиминутном опоздании после завтрака. Об этом случае, соответственно его приукрасив, он мог шепнуть на ухо Вентикуру. А там найдется еще что-нибудь... Мистер Бантинг начал мешать свое мнение о Слингеро. Этот человек, несомненно, обладал особыми качествами, — конечно, гнусными, по тем не менее с этими качествами необходимо было считаться, бороться против них и постараться их обезвредить.

Мистер Бантинг достал парочку каталогов, книгу заказов и инвентарную книгу и разложил их на столе, рядом с прейскурантом и пачкой писем. В данную минуту у него не было особенной нужды в этих предметах,

но они должны были служить свидетельством его административного решения. В отношении Спенгера необходимо принять какие-то меры — это было ясно. Но какие? Это, к сожалению, было далеко не так ясно. Мистер Бантиг сунул кончик карандаша в рот и нахмурил брови.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Несколько часов спустя мистер Бантиг устало взбирался по склону Кэмберлендского холма; он вернулся в коттедж «Золотой дождь» позже обычного. На буфете лежала книга в желтой суперобложке: «Основы счетоводства». Заметив ее, мистер Бантиг что-то проворчал себе под нос. Да, обитателям коттеджа «Золотой дождь» скоро на практике придется познакомиться с кое-какими основами счетоводства. Впрочем, это его не волновало. У него уже больше не было сил взволноваться.

— Что случилось, папочка?

— Устал, детка. Тяжелый был день.

— У тебя и правда усталый вид, — озабоченно проговорила миссис Бантиг, разливая чай; это было сказано таким тоном, словно она столкнулась с совершением необъяснимого явления. — Это, наверное, от города. — Мистер Бантиг возмутился. Ей кажется странным, им всем кажется странным, даже просто невероятным, что кто-нибудь, работая у Брокли, может чувствовать себя усталым.

— Чей это тут учебник по счетоводству? Твой, Эннест?

— Мой, папа.

— Купил?

— Да.

За столом воцарилось застороженное молчание; все ждали, что он станет углублять эту тему. Но он сунул в рот ломтик поджаренного хлеба и предпочел углубиться в свои мысли. Семейство поняло, что на него снять «что-то нашло», и миссис Бантиг, явно стараясь его умилостивить, встала из-за стола и протянула ему тарелку с его любимыми ватрушками. Такие бес tactные попытки задобрить его всегда раздражали мистера Бантига. Что

ой — избалованный ребенок, что ли, которому приходится потакать? Он деловой человек, по уши заваленный работой, на нем лежит ответственность, о которой они также понятия не имеют. И он устал, устал, и голова у него болит. Убежать бы куда-нибудь от этой болтовни — телеписе и кино, посидеть совсем одному и отдохнуть. Он угрюмо оттолкнул тарелку с ватрушками, наспех проглотил вторую чашку чая и, выйдя в гостиную, закурил трубку.

— Джордж! — раздался кроткий голос жены.

Он стремительно обернулся, и в голове у него проплыла мысль: гоёпода, когда же его оставят в покое!

— Джордж, — повторила миссис Бантинг, подозвав мужа до таинственного шепота, в которому супруги обычно прибегают при обсуждении семейных дел. Она осторожно прикрыла дверь, что еще больше усилило таинственность момента, и подошла к нему поближе.

— Ну, в чем дело?

— Письмо. Нет, не из Линчпорта. Мне же хотелось беспокоить тебя до чая. Это местное письмо, и на конверте написано: «Лично».

Тон, каким она говорила, встревожил мистера Бантинга. Предчувствие беды усилилось. Он взял письмо — толстый белый конверт из превосходной бумаги, адресованный «эсквайру» Бантингу, и притом, как сказала его жена, «лично». Для мистера Бантинга было не совсем обычным делом получать корреспонденцию, столь явно не предназначавшуюся для посторонних глаз.

Он вскрыл конверт и увидел штами банка Барклей. «Сэр,

Я огорчен необходимостью писать Вам о Вашем сыне Кристофере. К несчастью, обстоятельства вынуждают меня к этому. Как Вам известно, он позорно провалился (уже в третий раз) на предварительных испытаниях по банковскому делу. Я ничего дурного не могу сказать о поведении Вашего сына, но мне кажется, что он совершенно не подходит для занятий банковским делом. Ваш сын не проявляет никакого интереса к работе и ни малейшего желания совершенствоваться в своей специальности, хотя вполне возможно, что в какой-либо другой области он мог бы оказать большие успехи. Мне кажется,

что в интересах Вашего сына Вам следовало бы подыскать ему другое место. Я надеюсь, Вы поймете необходимость сделать из этого письма соответствующие выводы.

Уважающий вас Освальд Лик (управляющий)».

Мистер Балтинг прочел письмо до конца, затем медленно перечитал его снова. Он сам был удивлен тем, как спокойно он к нему отнесся. Письмо не пробудило в нем гнева — для этого он слишком устал, — он только смутно почувствовал, что злая судьба нарочито избрала его мишенью для своих ударов. Он вспомнил красное, смущенное лицо Криса за столом и что Крис тотчас же после обеда убежал из дома. Он протянул письмо жене.

— Ты знала, что Крис в третий раз провалился на экзамене?

— Да, Джордж, я знала, что он провалился.

— Да, но в третий раз! Провалился нозо... смотри, что тут написано — окончательно провалился. После всего, что мы сделали, чтобы поставить его на ноги. Знаешь, старуха, это не пустяки.

— Я ужасно огорчена, Джордж, голубчик.

Он встал со стула и зашагал по комнате; потом остановился и посмотрел на нее с обидой и упреком. — Мари, зачем ты все от меня скрываешь? Зачем?

— Джордж, дорогой... — Она перво сжимала пальцы. — Я так надеялась, я даже молилась, чтобы он выдержал па этот раз, и тогда тебя не пришлось бы даже тревожить. Потому я и не сказала тебе.

— Ладно, — сказал он ворчливо. — Не расстраивайся. Принеси мне пальто и шляпу.

— Что ты хочешь делать?

— Хочу повидать этого Лика. Ты видишь, что он пишет: «Сделать соответствующие выводы». Ты понимаешь, что это значит? Это значит, что Криса выгонят. Ничего сказать, хорошая рекомендация для другого бапка.

— Ты войдешь к нему домой — на Бленхейм Крестчент? — с благоговейным трепетом спросила она.

— Бленхейм Крестчентом меня не запугаешь, — ответил он, суетливо собираясь в дорогу и снова становясь

самим собой. — Скорее чистый воротничок и моя воскресные башмаки. Это дело нельзя откладывать.

Итак, мистер Бантиг, усталый и подавленный, но в своем новом пальто и котелке, не без волнения позвонил у двери дома мистера Лика и был допущен в гостиную этого джентльмена. Это была большая, просторная, приветливая комната, и вид ее сейчас же заставил мистера Бантига оценить богатые возможности банковской карьеры. На всем лежал отпечаток утонченной роскоши, все говорило о высоком жизненном уровне, несравненно более высоком, чем уровень жизни в Кэмберлендском поселке. Все это восхищало мистера Бантига, это вместе с тем и слегка его подавляло. Почему эта комната произвела на него такое впечатление, он и сам не мог понять. Даже ковры не просто устилали пол, а, казалось, были разбросаны как попало, даже диваны не были чиппо расставлены яドль стен, а стояли как-то наискось. Как ни странно, но это ему почему-то понравилось. На стенах — хотя и не в таких хороших рамках, как у него дома, — висели не литографии, а настоящие картины. Как специалист он сразу оценил кампаниальные шпалы. Медь, добротный материал, настоящее старое английское изделие, стоит по меньшей мере...

— А, мистер Бантиг!

Мистер Лик, высокий, тощий, в светлокоричневой домашней куртке, скользнул в комнату, распространяя вокруг себя легкий аромат турецкого табака, и быстро с головы до ног окинул взглядом своего посетителя, словно колодку цифр, быть может, не совсем правильно подсчитанных. С этим человеком, должно быть, легко работать, подумал мистер Бантиг. У него было даже какое-то отдаленное сходство с Вентнером, и это помогло мистеру Бантигу особенно торжественно выступить на защиту Криса.

— Конечно, — уронил мистер Лик, пока мистер Бантиг распространялся по поводу преститутского, по его мнению, легкомыслия молодости. — Да, конечно, конечно, — повторил он, время от времени с удивительной точностью страхнув пепел папиросы в самый центр Фарфоровой пеньельвицы. — Разумеется!

Когда мистер Бантиг начал уже беззадежно повтор-

ряться, мистер Лик выпул из внутреннего кармана куцкки червый сафьяновый бумажник, достал оттуда листочек бумаги, холеным указательным пальцем разгладил на нем все складки и протянул его мистеру Бантигу для ознакомления.

— Вот из что ваш сын тратит служебное время и — я позволяю себе добавить — служебную бумагу, мистер Бантиг. Это отнюдь не первый образчик, обнаруженный мною. Может быть тут хоть что-нибудь появится, найти какой-то смысл, какую-то целесообразность?

Мистер Бантиг внимательно и досконально обследовал предъявленный ему документ. Это был чертеж, технический чертеж, очень аккуратно исполненный, точно рассчитанный и снабженный цифровыми выкладками. Но он ровным счетом ничего не говорил уму мистера Бантига. (На самом деле это был чертеж последней модели автоматического автомобильного тормоза системы Ролло-Бантиг.)

— Абракадабра, не так ли?

Мистер Бантиг сам не знал, следует ли ему приять или отвергнуть это определение, но постарался удержать его в памяти, с тем чтобы спроситься на этот счет в толковом словаре.

— Пожалуй, в какой-то мере... — отважился он, набоцец.

— Видите ли, — пояснил мистер Лик, чувствуя необходимость начать с азов и изложить основы своей жизненной философии, — мы хотим, чтобы молодые люди, служащие в нашей банке, изучали банковское дело. Не химию, не агротехнику, не учение Афанасия Александрийского. Просто банковское дело, мистер Бантиг. Это наша специальность. И тут есть над чем потрудиться молодому человеку, даже если он не будет отвлекаться посторонними предметами. А моя обязанность как управляющего следить за тем, чтобы они действительно его изучали.

— Конечно, конечно, — с готовностью согласился мистер Бантиг. — Вполне вас понимаю. Я сам заведую отделом. Да, да, в магазине Брокли, в Сити. Разумеется, вы должны поддерживать дисциплину. Это ваша прямая обязанность. Но все же в таком случае, как с моим сыном, отцовское слово, во-время сказанное отцовское

слово... — его просительный взгляд был устремлен на лицо мистера Лика.

И было что-то в тревожной пытливости этого взгляда, что заставило мистера Лика невольно отвести глаза в сторону.

— Конечно, я вполне согласен с вами относительно этого, сэр, — и мистер Бантинг постучал по чертежу своими короткими толстыми пальцами. — Разумеется, это абракадабра. Не может быть никакого сомнения. И сам теперь это вижу. И кроме того, он не должен был запинаться этим на службе. Но все же, с другой стороны... — Мистер Бантинг судорожно проглотил слюну. — Видите ли, сэр, он меня очень беспокоит. Я вчера не жалел для моих мальчиков, и если вы уволите его... — взгляд мистера Бантинга был прикован к лицу управляющего. — Разрешите, я поговорю с ним, сэр. Я чувствую, я уверен, что когда поговорю с ним, когда я скажу ему... — Он запнулся, запутавшись в бессмыслицем повторениях одних и тех же слов; он невольно наклонился вперед, он смотрел на мистера Лика глазами бессловесного животного, и голос его звучала мольба, в каждой минутой он становился все более и более тяжким и беспомощно паившим.

Внезапно мистер Лик, чувствуя себя не в силах противиться этим мольбам, встал и положил руку на плечо мистера Бантинга.

— Я вижу, для вас это очень серьезный вопрос. Вы, кажется, очень расстроены.

«Ужасно!» — чуть не сорвалось с губ мистера Бантинга, но он сдержался и только кивнул в ответ.

— У меня и без того немало забот, сэр.

— Да, — произнес мистер Лик глубокомысленно, — у каждого из нас есть свои заботы. Я уж совсем было решил уволить вашего сына, а теперь... — он устремил на мистера Бантинга залумчивый взгляд.

— Дайте еще ему попробовать, сэр.

Лик глубоко вздохнул. — Хорошо, мистер Бантинг, пусть будет по-вашему. Правда, это против моих принципов, но я согласен еще раз дать вашему сыну возможность исправиться. Но это в последний раз. Имейте в виду.

Мистер Бантинг почувствовал, что холодная и костлявая, рука, которую он схватил, ответила ему крепким, дружелюбным рукопожатием.

«Неплохой человек, честное слово, — подумал он, закрывая за собой калитку. — Нужно только уметь подойти к нему».

Усталый, но торжествующий, взобрался он, уже во второй раз за этот вечер, вверх по холму и вышел на Кэмберленд-авеню. Устроители Кэмберлендского поселка всегда подчеркивали преимущества жизни на холме, но мистер Бантинг с каждым днем все меньше и меньше склонялся с ними соглашаться. Вид запущенного, пенисторижевого газона в саду заставил мистера Бантинга почувствовать, как бесконечно он устал. Он всегда любил подстригать свой газон, любил позякивание косилки и запах свежего сена, всегда связанные с этим занятием. Но только не сегодня, нет. Пусть его газон — позорище для Кэмберленд-авеню, но он не в состоянии припяться сейчас за работу. Почему это никому из мальчиков никогда даже в голову не приходит подстричь газон, подумал он; и затем с возрастающим возмущением: почему им вообще никогда не приходит в голову поработать немножко в саду? Дела там сколько угодно, а они и пальцем не шевельнут. Ему уже начала надоедать эта вечная возня с садом и придется заняться им. Ему, а не сыновьям! О, нет! Они для этого слишком важные. Они будут прогуливаться по саду, когда он приведет его в порядок, покуривать папироски и ронять покровительственным топом: «А ты тут немало потрудился, ванючка».

Он устало опустился на самодельную скамью и по какой-то ассоциации вспомнил о палоге. Слава богу, он уплатил его паконец, — девять фунтов десять шиллингов! — а через два месяца снова придет повестка. Ему вдруг бросилось в глаза, что дом следовало бы покрасить. Окинув его критическим оком, он увидел, что краска совсем облупилась. Удивительное дело, живешь и не замечаешь, что делается вокруг тебя, а потом в один прекрасный день оглянешься, — и все вдруг так и лежат тебе в глаза.

Миссис Бантинг увидела его в окно и поманила к себе.

Она гладила белье, и он с досадой подумал: вечно-то она за работой. Он никогда не видел, чтобы Джуди что-нибудь гладила, если не считать каких-то прозрачных тряпок, которые она загораживала от него с недавно появившимися у нее таким идиотски стыдливым видом, словно ни один мужчина на свете никогда не видел дамских панталон.

— Ну как, говорил ты с ним, Джордж? Все сопло благолепично? — Можно было подумать, что он только что побывал на приеме в Букингемском дворце.

— Конечно, все в порядке. Знаешь, Мэри, банковская служба — очень неплохое дело. Ты бы видела, какая у этого Лика гостиная. Он прекрасно живет. Вот из этой дорожке Крису, и надо ити — выдержать испытания и получить должность управляющего. Я хочу с ним поговорить. Дома он?

— Нет, милый. Один Эрнест дома.

— Это-то я слышу, — едко заметил мистер Бантиг. Медленные, торжественные звуки рояля, извлекаемые щими-то проникновенными пальцами, плыли по комнатам; меланхолические аккорды следовали один за другим, сливаясь в погребальную мелодию, от которой мистера Бантига мороз подирал по коже.

— Опять он играет эту гадость!

— Господи, Джордж, да ведь это «Лунная соната».

— А мне все равно, что это такое. Мне она до смерти надоела. Не может он сыграть что-нибудь повеселее?

— Господи, Джордж, — взмолилась миссис Бантиг, — ведь это Бетховен!

— Ну и пусть! Все равно дрянь. Почему бы ему не сыграть «Лилию лагуны»? Я купил рояль не для того, чтобы меня каждый вечер выживали сонатами из дома.

— Он только что сел за рояль, милый. Он так много занимается.

— Чем это он занимается? Бухгалтерией, надо полагать. — Он придал этому слову чрезвычайно ядовитый оттенок. — Бухгалтерия! Далась ему эта бухгалтерия. Я ведь сказал, что это не для него.

— Знаешь, Джордж милый, я все время думаю об этом. Что если мне продать мои табачные акции?

— Что? — мистер Бантиг, усевшийся было на стул, так и подскочил.

— Опи поднялись вдвое с тех пор, как я их купила, так что я могу внести за Эрикса залог, и у меня еще останется... Да нет, Джордж, ты выслушай.

Надо признаться, она его просто поразила. Она уже все обдумала; без каких новых покупок она может обойтись, какие старые вещи можно подштопать. Казалось, она совершенно не замечала, что ее одежда и так уж вся в штолках, не замечала, что ее ботинки прохудились, кофточка износилась, что руки у нее опухли от стирки, которой она занималась сама, чтобы сэкономить на прачке. В первый раз за все эти месяцы мистер Бантиг с любопытством взглянул на свою жену. Пожилая, уяденная женщина, близоруко прищурившись, нытьяще, даже тревожно всматривалась в него сквозь сгущавшийся сумрак. На исповеди перед ним возник образ живого, веселого создания с пушковыми губами, в украшенной цветами шляпке — образ, павеки утраченный, от которого сохранился лишь мягкий, кроткий голос, уверяющий его, что какие бы жертвы ни притеснили им принести, ничто не нарушит его личного комфорта.

«Зачем она так говорит?» — думал он. Ее слова резали его, как ножом.

— Послушай, старунка. Я не меньше твоего хочу добра Эрику. Но мы не можем... — Он хотел сказать: «изволить себе», но что-то удержало его; быть может, он почувствовал, что эти слова слишком легко слетают у него с языка.

Получив обещание, что она ничего не предпримет, феноменально ободрившись с ним, мистер Бантиг вышел в сад и, вдыхая аромат сирени, облокотился о садовую изгородь. Этот сладкий, пижмовый запах почему-то бередил ему душу. Он чувствовал себя бескостечно одипоким. Из окна доносились звуки «Лунной сонаты», — бурные и стремительные массажи второй части. Обогнув дом, мистер Бантиг прошел до конца газона и остановился там в сгущавшихся сумерках.

Тяжелые капли росы лежали на траве, густой запах левкоев плыл в теплом вечернем воздухе. Мистер Бан-

тиаг глубоко вздохнул. Он чувствовал красоту ночи, но не мог наслаждаться ею; она наполняла его невыносимой тоской, она излевалась над ним, шепча: «Отдохни, отдохни...» Но отдыха не было.

Мысли теснились у него в голове — клубок мучительных воспоминаний и еще более мучительных предчувствий.

Крис! Сколько денег потратил он на Криса! Дал ему хорошее образование, подыскал приличную службу и никогда не спрашивал с него ни одного пенса за содержание. А Крису на это наплевать, он ничего не ценит, даже работать как следует не хочет! Чертит на службе какие-то идиотские чертежи, да еще ухитрился попасть с пими на глаза старому Лису. Надо кого-говорить с Крисом. Мистер Бантиг вздохнул и глубоко задумался. Пожалуй, если позвать к его чувству, обратиться к нему как к товарищу, как мужчине к мужчине... Мысли беспорядочно пропосились у него в голове. Через минуту он уже думал о том, что бесполезно звать к Крису, бесполезно вызывать к кому-либо из них.

И вдруг он отчетливо появлял, что, как бы он ни боролся, его дело у Брокли безнадежно проиграно, Вентнор все равно его выживет. Скоро, очень скоро, быть может, не пройдет и недели, и он услышит слова, которые положат конец его трудовой жизни. Ибо ему стукнуло шестьдесят лет, и он всю жизнь прослужил в одной фирме, ни для какой другой работы он не годится. Вентнор может, так сказать, вычеркнуть его из книги жизни. И это посчастью заслоняло все остальное. Грудь мистера Бантига вздымалась от распиравших его чувств. Если он потеряет работу, что с тобой с ними будет? Что будет?

А жена хочет продать свои табачные ции и вымырнуть эти деньги на прихоти Эрлеста.

Так стоял он в своем саду, залитом светом поднимавшейся луны, — маленький толстый человечек, сбитый с толку, потерянный и невыразимо несчастный, беспомощное человеческое существо, изливавшее свою душевную муку в печале раздельных воспоминаниях и бессвязной браня.

Острый, как игла, луч света пробегал по газону

соседнего сада; Оски с электрическим фонариком охотился за улитками. Мистер Бантинг слышал, как он раздирает капустные листья и хрюкает, расправляясь с улитками. Чуть слышное «чорт бы побрал этого Бантинга, — не сад, а мусорная яма!» донеслось до его слуха. Стоит взглянуть за ограду и задать какой-нибудь вопрос, и выслушаешь целую лекцию об образе жизни и привычках улиток. Но мистер Бантинг чувствовал, что он даже и это не в состоянии сделать, не в состоянии даже пемпого подразнить Оски.

Словно измерив до дна всю глубину своих несчастий, мистер Бантинг медленно повернулся, побред по газону и скрылся в доме.

Миссис Бантинг спускала на окнах шторы.

— Дети ушли?

— Юлли, дружок.

Он чувствовал на себе ее взгляд. Наступило долгое, тягостное молчание. Затем она спросила, и ее вопрос прозвучал так, словно она давно его обдумывала:

— Джордж, что с тобой творится последние времена? Уж не болен ли ты?

— Да нет.

Она подошла к нему ближе; голос ее звучал нежно:

— Джордж, что с тобой? Ты что-то скрываешь. Ты ничего не ешь, не спишь по ночам. Чего случилось? Скажи мне, голубчик.

Значит, она все-таки заметила. От близости другой человеческой души лед в его собственной душе растаял; лицо его судорожно сжалось, рука неуклюже полезла в карман за платком, и слеза, скатившись по небритой щеке, повисла на кончике усов и упала.

— Я расстроен, Мэри. Давно уже расстроен. На работе у меня неладно.

— Расскажи мне, голубчик. Расскажи все.

Они уселись рядом на старом диване, не зажигая света; она просунула свою руку под его большую ладонь, и ее пальцы все крепче и крепче сжимали его руку, по мере того как он выкладывал ей все: про Вентнора, про Стингера — все. И в эту ночь мистер Бантинг спал спокойно.

Разговор Криса с отцом имел одно очень важное последствие: объяснилось таинственное исчезновение чертежа автомобильного тормоза системы Ролло-Бантигн. Эта пропажа вызвала в свое время немало мучительных догадок. Чертеж могли похитить с целью продать его лорду Пеффилду (предположение Ролло) или случайно передать вместе с другими бумагами директору банка, чего отайнё опасался Крис. Теперь все тревоги рассеялись, и истинна раскрылась. Лик отдал чертеж мистеру Бантигну, и мистер Бантигн торжественно его уничтожил. Это, конечно, было досадно, особенно если принять во внимание, что на чертеже был увековечен тормоз новой конструкции, а Крис не мог теперь вспомнить некоторые существенные детали. Как заявил Ролло-младший, их изобретение было настоящим золотым дном, и употребить подобную драгоценность на раскуривание трубки было в достаточной мере несообразно.

Однако даже сам Ролло-младший забросил теперь тормоз. Модель ржавела среди других недоделанных созданий молодого техника под его верстаком. Это бывало, как он говорил, «одна из тех идей, которые так, между прочим, приходят в голову». Сейчас он был занят производством усовершенствованного стеклоочистителя, а Крис изучал банковское дело.

Каждый вечер, усевшись у себя в комнате за старый скрипучий стол, Крис с великой неохотой погружался в «Практическое руководство по банковскому делу в Англии» сочинения Трофилуса Уокера, па редкость тупого человека. Уокер, повидимому, написал свое руководство с единственной целью сделать его как можно менее удобопонятным. Он явно принадлежал именно к этой категории составителей учебников. Его объяснения были то невразумительно лаконичны, то невразумительно пропастрены: он заполнял целые страницы непонятными ссылками, забираясь все выше и выше по иерархической лестнице банковских авторитетов, отчего в конце концов пропадало всякое желание следовать за ним, голова начинала кружиться и ум заходил за разум. И все это было невыразимо скучно, от начала до конца проникнуто парочкой педантичной, усыпляющей скучой.

И все же ради отца Крис готов был сразиться даже с

Теофилусом Уокером. Старик упрашивал его с таким волшением, что это просто невозможно было выдержать. Он просил и просил, а Крис стоял, переминаясь с ноги на ногу, чувствуя, как ладони у него становятся влажными. Этот разговор все же повлиял на него, и с того времени он взялся за Теофилуса Уокера. Но когда под окно появлялся Ролло-младший из своем Форде и начинал давать гудки, они действовали на Криса, как призывающие звуки рога, допосившиеся из волшебной страны.

Ролло садился на кровать и смотрел из своего друга задумчивым болезненным взглядом человека, пришедшего навестить узника в одиночной камере. Иногда он сам на мигнуту заглядывал в Уокера; при этом его брови сдвигались все больше и больше, затем он переворачивал книгу, рассматривал корешок с таким видом, точно хотел убедиться в том, что это действительно книга, предназначенная для чтения, и бормотал: — Кому нужна эта чепуха? — Ему просто не верилось, что можно печатать подобный вздор.

— Крис, отец позволил мне взять старое шасси, чтобы собрать гоночную машину.

— Не может быть!

— Я тебе говорю.

Крис с такой завистью посмотрел на Ролло, что тому стало жаль друга, и, ласково потрепав его по плечу, он сказал:

— Ну, уж ладно! Я не буду начинать сборку, пока ты не разделаешься с этой белибердой. А как насчет перерыва?

— Не могу. Надо нажимать.

— Ладно, приятель! — Ролло-младший удалился. Крис некоторое время прислушивался к фырканью мотора на Эмберленд-авеню, потом, вздохнув, опять взялся за грязную книгу мистера Уокера.

Эрнест тоже трудился: он сидел в гостиной и изучал бухгалтерию. На столе перед ним была разложена винтильная коллекция книг и тетрадей. Его склоненная над книгами голова, которую мистер Бантинг заметил через окно, казалось, говорила: «Смотри, как упорно я в памятной пись»). На что мистер Бантинг отвечал *sotto voce*, но очень решительно: «Валийте, валийте, молодой

человек, по платить двести фунтов залога я не намерен».

Бухгалтерия увлекла Эрпеста. Эта наука оказалась гораздо обширней, чем он думал раньше, но это открытие не только не испугало, а скорее даже обрадовало его. При мысли о том, что всякому здуряющему человеку этот предмет показался бы скучным и трудным, в нем крепла уверенность, что сам он человек далеко не здуряшний. Он чувствовал, что сам он в какой-то мере исключение, и строил самые честолюбивые планы, как и полагалось исключительному человеку. Сначала он овладеет основами бухгалтерской науки, а затем, забравшись свою сеть все дальше и дальше, захватит все смежные вспомогательные предметы. Он накупит еще много книг. И будет работать. Как он будет работать!

Мысли, подобные этим, передко заставляли его погружаться в мечты над раскрытой книгой, и тогда он недолго сидел, строя планы и рисуя узоры на промокательной бумаге. Он называл это «накапливанием вдохновения». Этот метод рекомендовался учебником психологии.

Если бы только он мог подписать контракт с одной из вестэнских фирм и засесть за подготовку к экзаменам! Людей, овладевших первой ступенью сложной бухгалтерской науки, вероятно, ждут отличные должности, замечательные должности: вы сидите в роскоши, похожей на дворец, частной конторе и принимаете «ответственные решения». Так, по крайней мере, изображалась профессия бухгалтера в проспектах Старейшей Школы.

Он мечтательно поднял глаза, и тут звук косилки привлек его внимание. Рисовавшаяся его взору картина сердечных рукопожатий, которыми он обменялся с директорами фирмы, выражая им благодарность за щедрую прибавку жалования, бесследно исчезла. Из роскошных палат, созданных его воображением, он позрился в унылую гостиную коттеджа «Золотой дождь». Косилка, казалось, пастойчиво требовала, чтобы к ней прислушивались. Опа, жужжа, проползла по узкой полоске дерна, остановилась, крякнула и, жужжа, поползла обратно. Вे время каждой паузы мистер Бантигт, задыхаясь, издавал: «Уф!» и затем, подвигаясь вперед, пыхтя и шадувая пот-

ные щеки, проходил мимо окна, навидимому, увлеченный своей косилкой, как ребелок заводным паровозом. Только и знаст, что свой газон подстригать! — полумал Эрнест. — Неужто он не может хоть на минуту оставить его в покое? Или он думает, что человек может заниматься изучением столь трудного предмета, как бухгалтерское дело, когда под окном поднимают такую возню? Впрочем, его отец вовсе не заинтересовал в том, чтобы он занимался. Он хочет, чтобы Эрнест подзал по цветочной клумбе, выпалывая крестовник, или укатывал катком дорожки, словом, чтобы бы делал «что-нибудь полезное». Но дальше чем вчера он буквально так и выразился. Уже по этому можно судить, как ограничен, как безнадежно узок его кругозор.

Эрнест раздраженно оттолкнул от сейя книгу. Где уж тут сосредоточиться! Есть ли в Англии хоть один одушевленный столь же благородным честолюбием юноша, которому приходилось бы преодолевать такие дурацкие препятствия? Просить о чем-нибудь мать теперь тоже совершило бесполезно. За последнее время с ней произошла какая-то необъяснимая перемена. Эрнест склонялся к мысли (так же как Брис и Джули), что миссис Балтинг заразилась от своего мужа горячкой бережливости и притом в исключительно тяжелой форме. Что же касается уплаты за него залога...

В последние дни стало ясно, что она не собирается это делать. Стойло Эрнесту упомянуть о табачных акциях, и она смущалась, краснела, всячески уклонялась от ответа. А ведь это была ее мысль — продать акции. Сначала она покупала ему учебники и письменные принадлежности, а теперь и знать большее ничего не хочет. Это возмутительно, это просто нечестно, думал Эрнест, поманить человека, заставить его зубрить так, как это делает Эрнест, а затем бросить его на произвол судьбы.

Гнетущее чувство, что его обманти, предали и обрекли на неудачу, охватило Эрнеста. Ему никогда не удается пробить себе дорогу, никогда, начного и стараться. Он может лезть из кожи, убивая на зебрежку все свое свободное время, а в результате ни из шаг не сделается с места, — как стучал до сих пор на пишущей машинке в Кильвортском городском управлении, так и будет стучать

до конца жизни. Если бы он был такой, как все, то уж куда ни шло, он бы тогда и отнosiлся ко всему иначе. Но если ты от природы честолюбив, поглуп, и паден в иззаурядными способностями...

Жужжение косилки, наконец, прекратилось: Эрнест мог теперь возобновить свои запятия. Но он этого не сделал. Он так глубоко погрузился в уныние, что сидел, барабаня пальцами по столу, бесцельно перелистывая страницы учебника и думал о том, что сегодня нет уж никакого смысла продолжать работу. Если занимаешься чем-нибудь, требующим напряженного внимания, и тебя прерывают, чрезвычайно трудно снова войти в колею. Конечно, отец и попытка об этом не имеет: ему ведь никогда не приходится так напрягать внимание.

Почти все вечера оканчивались у Эрнеста подобным угасанием пыла. Скоро он все это бросит. Он всеми силами этому противился, во знал, что так будет. Периоды напряженной работы чередовались у него с состоянием, когда он, по выражению мистера Бантинга, «ловился из дома, как лунатик». Как ни сильно претили мистеру Бантингу занятия Эрнеста бухгалтерией, еще сильней, повидному, претило ему это лунатическое состояние. Сам он в молодости никогда не слонялся без дела. Всегда находил он, к чему приложить руки, и весь отдавался работе... И вот в результате... Слушая его, Эрнест изо всех сил стискивал зубы.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Сколько ни ломал голову мистер Бантинг, как ему поступить со Слингером, самое большее, до чего он додумался, это что Слингера надо разорвать на части, расстоптать, стереть с лица земли. Нетрудно было определить, что надо сделать со Слингером; для этого мистер Бантинг находил уйму выражений, преимущественно кровожадных. Трудно было оторваться от этих заманчивых картин и перейти к решению более спокойной проблемы, как это осуществить.

Прежде всего необходимо положить конец всем этим «прошум прощения» и наглым замечаниям, которые Слин-

гер норовит ввернуть сквозь щелку притворяющей за собой двери. Слипера надо припереть к стенке, привзвать к ответу и заставить хранить почтительное молчание, пока ему не будет разрешено удалиться. Можно предъявить ему ультиматум: либо, мол, делайте то-то и то-то, либо ступайте на все четыре стороны; не вредно бы памекнуть на испытательный срок — пусть чувствует, что его судьба висит на волоске. Одно было ясно: экзекуцию следует произвести спокойно и с достоинством. Не горячиться, не выходить из себя: спокойствие, олимпийское спокойствие — вот что должно быть лозунгом мистера Бантина.

С такими мыслями он отправился на рекогносцировку по отделу, — здесь о чем-то спросил, там что-то ответил, одному разъяснил, другого пожурил, — и пошел дальше, повсюду на пути своего следования повышая активность своих подчиненных. За последнее время он редко проделявал такие административные обходы, особенно во второй половине дня. Молочную лудиги у Мак-Эндрю располагали к послебеденной летаргии.

«Должно быть, слишком много углеводов, — размышлял мистер Банting. — Надо будет впредь от них воздерживаться».

Мистер Банting продолжал обход отдела. Следуя по своей орбите, он увидел пёблескивающую за перегородкой витрины пепавистичную черную прилизанную голову. Его взору предстала также гора различных товаров, разбросанных в беспорядке, словно во время весенней уборки магазина, и фигуры рассыльных и младшего помощника, старательно вытаскивавших и передвигавших вещи под руководством Слипера.

«Что за чорт! Да они никак меняют витрину! Без моего приказания, даже не спросив меня. А, чтоб их!» — Мистер Банting весь ощетинился и заспешил к витрине, но тут же, вспомнив о необходимости сохранять достоинство и хладнокровие, снова умерил шаг.

Внешне спокойный, но тяжело дыша, он памеренно неторопливо приблизился к витрине и, заглянув за перегородку, вопросил:

— Могу я узнать, если это не слишком нескромный вопрос со стороны заведующего отделом, кто велел вам заняться этой витриной?

Слингер круто обернулся, пораженный мягким тоном, каким были произнесены эти слова.

— Могу я узнать? — повторил мистер Бантинг и, так как Слингер молчал, присовокупил: — Может быть, вы предпочитаете дать мне объяснение в моем кабинете? — Младшему помощнику он сказал: — Поставьте все на место.

Младший помощник в перешкользности посмотрел на Слингера, к которому уже возвращалась его обычая самоуверенность. Рассыльный, сугубо веснущатый представитель лондонской молодежи, ухмылялся во весь рот.

— С вашего разрешения...

— Положите обратно, — приказал мистер Бантинг. — Все вещи до единой. А вы... — соответствующий эпитет был проглочен с человеческим усилием воли, — следуйте за мной.

Он двинул вперед, сопровождаемый бровевитим Слингером, по длинному проходу между двумя рядами прямавков, и каждый приказчик при их приближении делал вид, что он занят своим товаром, и каждый приказчик за их спиной подмигивал другому приказчику. А тех, кто, как на грех, были в это время запяты с покупателями, охватило такое беспокойство, что они мгновенно утратили все недавно усвоенные ими вентровские методы розничной торговли.

— Итак, — начал мистер Бантинг сурово, — изволите объяснить ваше поведение.

— А что тут, собственно, объяснять? Витрину нужно убрать, верно? Вирочем, если вас, мистер Бантинг, она удовлетворяет в таком виде, нечто что. Я за нее не отвечаю.

— Если вы не отвечаете, зачем же вы даюте распоряжение?

Никакого ответа. А выражение лица, — для которого в военном уставе имеется очень точное определение: скрытое исповинование.

— Я уже предупреждал вас, Слингер, и сейчас предупреждаю в последний раз. Вы слишком много себе позволяете, слишком много на себя берете. Зайдите свое место. А не то вылетите вон. Понятно?

— Вот как? — Надо было слышать этот наглый

теп! — Если вы будете так со мной разговаривать, я пойду к мистеру Вентнору.

— Вы пойдете к Вентнору?

— Я сказал: к мистеру Вентнору, — повторил Слингер, уличая мистера Бантина в оскорблении величества.

— Вы и так слишком часто ходите к Вентнору. Совсему вам это прекратить. Ничего вы этим не добьетесь.

— Вы так думаете?

— Добьетесь только, что вас уволят.

Молчание. Улыбка расплывается все шире. Улыбка явно высокомерного свойства. Чем дальше мистер Банting ее наблюдает, тем сильней клокочет в нем гнев, тем свирепей шуринит он своими бумагами.

— Если вы будете грозить мне, я сейчас же пойду к мистеру Вентнору.

Тут самообладание окончательно покинуло мистера Бантина. Меньше всего на свете хотел он, чтобы Вентнор вмешивался в эту историю: единственное правильной политикой было запугать Слингера так, чтобы он поджал хвост. Но есть вещи, которых не в силах вынести ни один мало-мальски уважающий себя человек.

— Ну, так ступайте к нему... Вы думаете, я очень испугался. Ступайте! Дорогу вы хорошо знаете.

Еще не договорив до конца, он уже пожалел об этих словах. Это был вызов, а люди, которым бросаешь вызов, способны на что угодно. Послать Слингера, расплюстившегося и велеречивого, изливать свои горести перед благосклонным к нему Вентнором было самоубийственной глупостью. Внезапно, по, как всегда, слишком поздно прозрев, он понял, что дал Слингеру в руки не меньший «козырь», чем если бы применил к нему физическое воздействие. Теперь Слингер получил тактическое преимущество: первое слово скажет он. И он не преминет этим воспользоваться. Его подзадорили бросить бомбу, и он ее бросит. Вот он решительно направился к двери и распахнул ее настежь.

Катастрофа, приближение которой мистер Банting чувствовал уже несколько месяцев, наступила — грозная, неотвратимая. Сердце у него упало. Но он подумал: «Все равно, рано или поздно, этим бы копчилось», — и приготовился стойко встретить беду.

Слингер в дверях остановился, повернул голову — он явно колебался; и эта секунда колебания оказалась для него роковой. Он стоял неподвижно, держась за деревянную ручку, и задор его угасал из глазах. Нижняя губа его слегка задрожала, щеки побледнели. Душа мистера Бантига, ушедшая было в пятки, радостно вернулась на место, а сердце забилось спокойно и ровно.

Он понял, что стремительно распахнутая дверь — всего лишь театральный жест. Он настолько осмелел, что позволил себе произноситься: — Что же вы, ступайте, доложите Вентпору.

— Да, пойду и скажу.

— Ну, так ступайте. Чего же вы здесь торчите? Отправляйтесь.

— Будьте спокойны, я сму все скажу, — отвечал Слингер, не двигаясь с места. — Все как есть выложу.

Мистер Бантиг нашел уместным перейти теперь к отеческому тону. — Ступайте-ка вы за своей прилавок, — посоветовал он, — и постарайтесь вести себя прилично. Вам не мешает ознакомиться с размерами стальных и медных задвижек. Вам приходилось слышать о змениных яйцах?

Слингер в недоумении склонил голову набок.

— Вам, должно быть, неизвестно, что змеи кладут яйца? А из яиц выплываются змеспыни. Так вот у вас, Слингер, слишком много змениных повадок. А мы не собираемся разводить змей в нашем отделе. — И, взяв в руки прейскурант, мистер Бантиг углубился в него, давая понять, что аудиенция окончена.

— А как быть с витриной?

— Я скажу вам, когда найду нужным.

— Что ж, если она вас удовлетворяет, мистер Бантиг, — и он выпел. Возможно, что он при этом и хлопнул дверью — чуть-чуть; мистер Бантиг не мог сказать с уверенностью.

Оставшись одни, мистер Бантиг отложил прейскурант и предался отдохновению, наслаждаясь своей победой. Он восстановил свой авторитет, оказался хозяином положения и теперь ему до смерти хотелось курить. Но в магазине Брокли единственным местом, где он мог это сделать, была уборная, а мистер Бантиг последнее

время поспешно освобождался от всяких привычек, которые могли быть поставлены ему в вину.

К тому же ему нужно было составить доклад для Вентнора, а эти литературные упражнения поглощали массу времени и терпения и несопоразмерно большое количество бумаги. Этому докладу еще неделю назад полагалось занять место в вентноровской ланке с делами, но он еще до сих пор преследовал своего автора, слова и снова возвращаясь к нему с пометками на полях: «Недостаточно детально» или: «Старайтесь быть кратким», что, по мнению мистера Бантина, явно противоречило одному другому. Самая удачная фраза мистера Бантина была подчеркнута синим карандашом и украшена несколькими восклицательными знаками без всякого видимого основания.

Вот почему он с особым усердием взялся сейчас за предстоящий ему литературный труд. Заглавие «Доклад касательно недостатков в уоткинских печах» он вывел с горделивым чувством человека, восстановившего свой престиж; висевшее над самым его ухом прозвучало резкий окрик Вентнора:

— Почему витрина не убрана, Банting?
— Сейчас займусь этим, сэр.
— Почему это до сих пор не сделано?
— Я только что собирался заняться витриной, — миролюбиво ответил мистер Банting. — Был очень занят.

Вентнор раздраженно махнул рукой: — Я распорядился, чтобы сделать новую выставку, и, поскольку я понял, вы отменили мое распоряжение.

Мистер Банting быстро взглянул на него. Некий замек, заключенный в этих словах, заставил его подготовиться к защите.

— В первый раз слышу о новой выставке, — ответил он твердо.

— Господи Иисусе, вот человек! Разве вам не передали? Но могу же я бегать к вам с каждым пустяком. Я обо всем договорился со Слингером.

— С вашего позволения, сэр, — этот оборот речи казался мистеру Банtingу весьма эффективным, и он произнес его с должным ударением, — этот отдел пверен мне, а не Слингеру. И мне ничего не известно о новой

выставке. Если вы что-нибудь и сказали Слингеру, он оставил это при себе.

— Мне кажется, — заметил Вентнор, разглядывая мистера Бантина с таким же неторопливым любопытством, с каким мистер Банting разглядывал букашек у себя в саду, — мне кажется, в этом отделе что-то шеладво. Нет должной работы, нет единодушия. Какая, скажите на милость, могла быть у Слингера иная причина не сообщать вам о своем проекте левой выставки, как не боязнь встретить неодобрение с вашей стороны? Потому-то он и пришел со своими планами ко мне. Может быть, это и не по правилам, но вполне объяснимо. Очень жаль, что вы не можете сработать со своими сотрудниками.

— А что это за проект Слингера? — вопрос звучал весьма иронически.

— О, ничего потрясающего. Никто на это и не рассчитывает. Просто он сделал эскиз витрины, небольшая кухонька, обставленная папками изделиями, включая кое-какие цюпинки, которые мы продаем со скидкой. Это будет несколько лучше того, чем вы до сих пор угощали публику. Вот список предметов, которые ему нужны. Он сам присмотрит за перестановкой витрины, поскольку это его идея.

Слингер уже «присматривал», внося временную дезорганизацию в работу отдела. Мальчик-рассыльный и младший помощник возобновили свою возню в витрине, сторож подавал через перегородку брокляневскую машинку «Чудо» для отжимания белья; еще один юнец путешествовал от прилавка к прилавку, собирая горшки, сковородки и ножи всевозможных фасонов и мешая всем и каждому заниматься своим делом.

«Закрыл бы совсем магазин для публики, и дело с концом», — цинично думал мистер Банting, созерцая эту кипучую деятельность. Он пытался поднять взгляд Слингера, чтобы послушать ему справедливое возмездие, но Слингер, казалось, совершенно не замечал ни метительных намерений мистера Бантина, ни даже его присутствия. Он ревностно надзирал за устройством витрины, цицыряя взглядом во все стороны, только не в сторону мистера Бантина.

Какой-то сердитый джентльмен, одноко дожидавшийся

у прилавка, несколько раз громко постучал по нему зонтиком, бросая вокруг себя возмущенные взгляды. Секунду мистер Бантиг колебался, не признать ли ему Слингера к исполнению его прямых обязанностей, но осторожность восторжествовала, и мистер Бантиг, смирив свою гордость, с наигранный приветливостью обслужил покупателя сам. Но в сердце его бушевала черная ярость.

Бантиг стоит за слингеровским прилавком, а Слингер распоряжается чуть ли не всем персоналом. Было что-то пророческое в этом обмене ролями: каждый мог без труда разгадать тайный смысл этой сцены. Когда покупатель ушел, мистер Бантиг, подняв глаза, перехватил взгляд Слингера, украдкой следившего за ним из-за перегородки. На лице его была самодовольная, злорадная улыбочка, явно не предназначавшаяся для взоров мистера Бантига, ибо Слингер поспешно отвернулся, как только заметил, что тот на него смотрит. В мистере Бантиге словно какую-то каплюк пожали, и его взорвало, как бочку с порохом.

Он быстро зашагал к витрине, и вид у него был столь свирепый, что даже всенущатый рассыльный вытаращил на него глаза.

— Слингер, ступайте ко мне в кабинет, — приказал он.

— Вы же знаете, что я получил распоряжение...

— Мое распоряжение вы слышали? В кабинет! — рявкнул мистер Бантиг и угрожающим жестом распахнул дверцу в перегородке. Казалось, еще секунда, и он вломится в витрину и с лозорем вытащит оттуда Слингера. Проворно пырнув под простертую руку своего начальника, Слингер торопливо зашагал к закутку, преследуемый по пятам мистером Бантигом.

— Послушайте, вы, низкая тварь! Почему вы не сказали мне, что получили от Вентфорта распоряжение?

— А вы же меня не спрашивали.

— Какого черта буду я вас спрашивать? Ваше дело сказать мне. Почему вы не сказали? Я вас спрашиваю? — загремел мистер Бантиг, стукнув кулаком по столу. Затем, угрожающе понизив голос: — Берегитесь, Слингер! Я вижу, куда вы гните. Берегитесь. Предупреждаю вас.

— Да что это вы все грозитесь? И я же не позволю обзывать меня тварью.

— Кто обозвал вас тварью?

— Вы.

— Обозвал вас тварью? — недоверчиво переспросил мистер Бантинг.

— Ну да. И я этого не позволю.

— Я вам скажу, что вы такое, если уж па то пошло, — сказал мистер Бантинг и, тщательно подобрав слова, пустил ими в противника, точно это был смертоносный снаряд: — Вы гад, ползущий по земле. Вот вы кто, Слингер, — ползучий гад.

От этих эпитетов Слингер потерял дар речи. Грудь его вздымалась, адамово яблоко дрожало, и мистер Бантинг, чутьем поняв, что всякая новая хула, добавленная к этому шедевру, могла бы только ослабить эффект, открыл дверь и, легонько подтолкнув Слингера, выпроводил его из закутка. При этом он увидел Вентнора, стоявшего у перегородки в позе человека, к чему-то прислушивающегося.

Секунду он еще лежал тщетную надежду, что Вентнор только что появился здесь и ничего не слышал. Он открыл прейскурант, придал лицу сосредоточенное выражение и, цепенея от страха, смотрел на открывавшуюся дверь.

У Вентнора был вид сыщика, только что завладевшего цеппейшей уликой.

— Я спрашивал его, почему он ни слова не сказал мне о вашем распоряжении, — послышал разъясниль мистер Бантинг.

— Я не слышал, чтобы вы о чем-нибудь спрашивали. Все, что я слышал, — это грубую, непристойнейшую брань. Вы понимаете, что так продолжаться не может?

— Я вынужден был сделать ему выговор, сэр. Уж очень он стал пропырлив.

— Что-о? Как вы сказали?

— Нахалец, сэр.

Вентнор медленно оглядел мистера Бантинга, словно перед ним был какой-то старый, залежавшийся товар.

— Вы давно служите в нашей фирме, Бантинг, и мне не хотелось бы прибегать к крайним мерам. Но

если вы будете оскорблять и запугивать всякого подавшего надежды молодого человека, взгляды которого не совпадают с вашими, я вынужден буду серьезно призадуматься над вашим положением. Вы меня понимаете?

— Да, сэр. — Он слегка выдавил это из себя. Губы у него пересохли, сердце бешено колотилось. Возмущение, протест поднимался в его душе — протест против этого оскорблении, против несправедливости и нечестной игры, против поругания всех смутных, но дорогих его сердцу идеалов.

— Болюсь, Бантинг, что я не могу этого так оставить. Мне придется поговорить о вас с мистером Брокли.

Мистер Бантинг почувствовал малодушное желание упаковано попросить Вентюра склониться над ним. Но он сидел не шевелясь и упрямко молчал.

— Вы, падеюсь, попали?

— Понял, сэр.

Стук захлопнувшейся за Вентюром двери донесся до него как будто откуда-то издалека.

Несколько минут он просидел за столом совершившим подавленный. Господи! Скорей бы это кончилось! Умереть бы, что ли! В чем его вина? Ни в чем. Единственное его преступление — старость: ему стукнуло шестьдесят два года, и его хотят сдать в архив.

На мгновение жалость к самому себе влагой затуманила ему взор.

А надо продолжать обход, выдергивать любопытные взгляды приказчиков. Он критически оглядел себя в зеркало и вышел из закутка. В дверях он столкнулся с курьером из конторы.

— Вам телеграмма, сэр.

Мистер Бантинг вскрыл телеграмму и прочел:

«Телеграмма подписанная Хаулэш Линпорт предлагает только землю 1000 одну тысячу советует согласиться телеграфируй немедленно мамы нет попять невозможно Эрнест».

— Эрнест! А, черт бы побрал все на свете! — воскликнул мистер Бантинг и, стукнув кулаком по столу, с досадой уставился на подиум.

Но мгновение спустя мысль об этой второстепенной неудаче уже исчезла из его сознания. Он перечитал телеграмму.

трамму и почувствовал, как напрится, переполняясь радостью, его сердце, словно живительный родник забыт в его груди. Он схватил котелок, обеими руками нахлобучил его на голову и, задыхаясь, бросился со всех потоков выходной двери. На пороге он остановился и повелительным движением указательного пальца поманил к себе Слишера.

— Присмотрите тут пока, щенок, — приказал он.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Тысяча фунтов! Сердце мистера Бантига весело плясало, словно под перезвон рождественских колоколов. Он сообщил о своей удаче Кордеру, он прокричал радостную весть на ухо старому глухому швейцару и едва не поддался соблазну возбудить зависть самого распроклятого Слишера. Но он тут же обуздал себя, ибо принадлежал к числу людей, для которых сомневаться в своем счастье так же естественно, как ласточкам прилетать по весне.

Десятки раз за этот день удавался он к себе в закутке, перечитывал телеграмму Эрнеста и снова и снова удостоверялся в том, что это не галлюцинация, что там действительно все так и написано. В поезде, возвращающемся домой, он перечитывал ее снова и, подпираясь в гору к Кемберленд-авеню, опушывал жилетный карман, куда он ее спрятал. Она все еще была здесь, как бальзамочек Золушки — живое свидетельство, что все это не сон. Все же он не успокоится, пока не увидит настоящую телеграмму от Хаулеша. Телеграмма — дело каверзное. Какая-нибудь ошибка меняет весь смысл. Но он слышал, что за несколько пенсов можно получить на почте копию.

«Тысяча фунтов! Как обещал. Молодчина Хаулеш, — думал мистер Бантиг. — Энергичный».

Эрнест, Крис и Джули собрались в гостиной, чтобы устроить ему торжественную встречу. Как только мистер Бантиг появился в дверях, раздались приветственные возгласы. Он сразу почувствовал, что дети рассматривают эту тысячу фунтов, как некий дар небес, предназначенный для всего семейства. Они от души поздравляли

сю, не скрывая своего изумления. Кто такой Хаулэш? Послал ли мистер Бантинг ему телеграмму? Принял ли мистер Бантинг его предложение?.. Целый зал вопросов.

Но это проявление интереса к его делам не обмануло мистера Бантинга; он понимал, что этот интерес вызван исключительно меркантильными соображениями. Самые фантастические планы, вероятно, уже родились у них в голове, и промах миссис Бантинг, прозевавшей телеграмму, с каждой минутой казался ей все более прискорбным. «Можно подумать, что это их тысяча фунтов, а не моя», — возмущенно подумал он и с непроницаемым видом дипломата сел на стул, согнулся в три погибели и занялся распинировыванием башмаков; восторженный гул пошемногу затих.

Затем Эриест начал сызнова, более осторожную:

— Ты получил мою телеграмму, папа?

— Получил.

— Я сначала никак не мог понять, в чем дело. Я совсем забыл, что у тети Энни была какая-то собственность в Линпорте. Вот это ты, должно быть, и продал?

— Возможно.

— А-а, папочка, — воскликнула Джуди, — так вот почему ты все время выбегал встречать почтальона! Крис говорил, что это, наверное, насчет линпортских доходов, но нам и не сподобилось, что ты получишь тысячу фунтов, — и она неистово стиснула его в объятиях, что он стойчески перепес, придерживая за задник уже падловину шадстую домашнюю туфлю.

— Спасибо, — сказал он, получив свободу действий и закончив процесс обувания.

— Пашка, дорогуша! — воскликнула Джуди, решив во что бы то ни стало добиться ответа. — Ну скажи, ты рад?

— Вот получу деньги, тогда и буду радоваться. Пока еще ничего нет. Одна телеграмма.

— Очень важно, — разъяснил Эриест, — получить задаток. Сделка считается совершившейся при любом размере задатка, по обычно принято давать десять процентов. После этого нотариус составляет купчую.

— Хаулэшу, вероятно, это известно, — сухо заметил мистер Бантинг. — Будем мы сегодня чай пить или нет?

Показав таким образом, что он желает перенести тему разговора, мистер Бантиг сел за стол. Дети его тоже уселись, обменившись взглядами более красноречивыми, чем слова. На их условном языке эти взгляды обозначали: «Безнадежен! Тысяча фунтов, и хоть бы улыбнулся. Просто невероятно». Он даже сосиски ел без всякого удовольствия, сердито разрывая их на куски с таким видом, словно его поражало, почему на его тарелку неизменно попадают самые толстокожие экземпляры. Между тем миссис Бантиг едва заметным движением бровей умоляла младшее поколение оставить его в покое.

После ужина на кухне она сделала попытку развеселить его:

— Подумай, Джордж, как это чудесно! Как ты мечтал, так и выпило.

— Жаль только, что телеграмма попала в руки Эрнесту.

— Меня не было дома, ну, а раз пришла телеграмма, оц, понятно, вскрыл ее. В конце концов, рано или поздно, а пришло бы им сказать.

Мистер Бантиг что-то хмыкнул себе под нос, подтверждая роковую избежность этого несчастья.

— Ты ж от говорил, что хочешь эта покой, Джордж, я все думала об этом. Тысяча фунтов, конечно, большие деньги, но я не знаю, как мы даже и теперь обойдемся без твоего жалованья.

— Но знаешь? — мистер Бантиг произнес это тоном вопроса, но, по правде говоря, он же сам не знал. Разве только, если продать «Золотой дождь». За последние дни он уже обдумал свое финансовое положение: он прикидывал и так, и этак, на все лады. Он составлял смету за сметой, склонясь заперевор пеумолимой арифметико добиться более благоприятных итогов. Но стоило только взяться за карандаши и бумагу, и тысяча фунтов ужо переставала быть той магической суммой, какой она рисовалась ему в воображении. Он был потрясен тщательностью суммы дохода, на которую он, даже теперь, мог рассчитывать.

К этой жаждкой лифре он прибавлял свое жалованье. В итоге — благосостояние. Он вычитал жалование, снова тщательно проверял цифры, но они были непо-

колеблемы, как гренадеры. Эта смета, как и вообще все сметы, когда-либо составлявшиеся мистером Бантингом, всеми своими цифрами кричала об одном: будь на одной стороне баланса чуть-чуть больше, а на другой чуть-чуть меньше, и мистер Бантинг мог бы спокойно и с полным удовольствием наслаждаться жизнью. Если бы Хаулэш, например, поторговался немножко и выжал еще, ну, скажем, пятьсот фунтов. Просто удивительно, какую бремя можно заполнить лишними пятьюстами фунтов. Но Хаулэш прислал свою стремительную телеграмму, и он послал Хаулэшу свой стремительный ответ, и сделка была совершена, как он видел теперь, без надлежащего размышления. Он просто выбежал, как шальной, из магазина и оторвав голову телеграфировал согласие.

«Поторопился», — говорил он себе.

— Как-нибудь наскребли бы на жизнь, если б только мальчики побольше зарабатывали, — сказал он, неуваженно взглянув на жену.

Слишком продолжительная пауза была ответом на эту рабко высказанную надежду: его слова затерялись в пустыне молчания.

Миссис Бантинг устанавливала тарелки на супильной доеке с сосредоточенным видом, свидетельствовавшим о том, что ею владеет какая-то безрассудная идея, которую она готовится преподнести ему и, конечно, в самый подходящий момент.

— Боюсь, что мальчиков не радует их работа, — проговорила она, наконец. — Трудно ждать, чтобы они чего-нибудь добились, если работа им не по душе.

— Чем' плоха их работа? Они оба на хорошей службе. Когда мне было столько лет, как сейчас Эрлесту...

— Я знаю, Джордж. Но жизнь теперь совсем не та. Мы должны сделать для них все, что только в наших силах.

— А разве я этого не делаю?

Он ждал подтверждения. Его не последовало. В полном молчании она аккуратно поставила тарелки на место, отжала платочек и повесила его на веревку над плитой. Она отгораживалась от него и от его взгляда на вещи; даже в ее обращенном к нему затылке была изкаятая враждебность.

— Глупо бросать работу у Брокли, Джордж. Если уж у тебя там не наладится, ты мог бы уйти в будущем году, когда выплатишь страховые.

Не в будущем году, а через два года, но он не стал поправлять ее. А хотя бы и через двадцать лет — им все равно, тяни свою лямку. Не радует работа! А его-то работа радует, что ли? Уж и радость! Одно горе, и она это прекрасно знает. Сколько раз он рассказывал ей о Вестминстере и Слингере, ясней ясного, кажется, описывал все оскорблении, какие он должен сносить, в мельчайших подробностях изображал все возмутительные сцены, и что же — никакого сочувствия. Но стоит Ерису или Эрнесту пожаловаться на что-нибудь...

— Обидели их, да? — проворчал он и, расстроенный, несчастный, побрел в сад. Он испытывал глубокую горечь. Это чувство за последнее время стало преобладающим в его душе, он страдал от незаслуженных обид, от недостатка сочувствия, а больше всего от одиночества. Было что-то зловещее в этом одиночестве, которым он томился здесь, в собственном саду, рядом с своими детьми и женой, и домом, и всем, что ему дорого. Противоречивые чувства владели им; и на мгновение горе сломило его. Он цаклонился над грядкой сеянцев, чтобы скрыть лицо, и, ничего не видя от слез, наугад выдернул пучок сорной травы. — Что я, по-ихнему, бесчувственный чурбан что ли! — пробормотал он хрипло.

Жизнь, — думал мистер Бантинг, нагнувшись над грядкой и тиская стебелек крестовника в своих коротких толстых пальцах, — горькое чтие. Сколько бы человек ни мечтал, ни трудился, ни надеялся, стоит ему только добиться чего-нибудь, и все оборачивается так, что остается одна горечь. Брак, семья, достаток — ничего в жизни не сбывается так, как этого ждешь. Вот он продал свою липпортскую землю — к бюджету неожиданно приводилась тысяча фунтов. Он должен был ликововать, он должен был прыгать от радости, а он никогда еще, кажется, не чувствовал себя таким несчастным.

Как будто я сам хочу бросить работу. Я боюсь, что мисс там не удержаться, вот в чем дело. Неужто она этого не понимает?

Нет, она думает только об одном, и он знает, о чем.

Эриестова бухгалтерия. Теперь они могут внести залог и содержать его три года, пока он будет работать задаром. А затем придет очередь Бриса. Ему же придется работать в банке — значит, нужно будет внести залог, чтобы он мог заниматься чем-нибудь более увлекательным. А Джули — ну, ола, конечно, захочет в колледж. У них же есть тысяча фунтов! Никто не думает о том, чтобы сбречь эти деньги или выгодно поместить их. Истратить! Иустить на ветер! Вот о чем они мечтают. А когда деньги разойдутся и они получат, наконец, возможность начать свои головокружительные карьеры, тогда им, наверное, опять захочется чего-нибудь другого. Но для него уже будет поздно. Тогда уж не взбунтуешься против Слингера, и от Вентпора ему уж не уйти. Сейчас деньги есть, а истратят их — и конец. Как тогда бороться? Ничего не останется, как спосильт издавательства до конца своих дней.

Господи! От этого можно с ума сойти. Возмущение душило его. Ему хотелось пойти в дом, стукнуть кулаком по кухонному столу, закричать, заявить ей, что он этого не потерпит. Но это ни к чему! Уж если миссис Бантинг заберет себе что в голову, никакая сила на свете этого из нее не выпишет: ни крики, ни уговоры, ни угрозы, ни просьбы, никакие человеческие слова здесь не помогут. На нее словно глухота нападает и полная печувствительность к доводам рассудка. И когда вы истощите весь свой запас аргументов, она кротко, но упрямо начнет опять все спачала и повторит слово в слово все, что говорила раньше.

— Не потерплю! — бормотал он свирепо. — Не желаю! С трудом поборов волнение, он побрел дальше между кустами роз, поклоняясь порой, чтобы поплохать цветы, старался не думать о будущем. Когда-то на всех этих кустах он повесил дощечки с надписями, но он уже давно перезабыл все названия. Неважно, он ис Оски, он способен любоваться розой, не зная, как этот вид называется. Он осмотрел цветы на искусственном пригорке; ему вспомнилось, как он устраивал его вскоре после покупки дома, а Эриест, ковыляя из коротких ножках, бежал за ним по пятам, старался помочь ему и засыпал вопросы. Этот «альпийский сад» был его гордостью: аубреция,

очиток острый, ладанник и... ну, словом, гибель всякой всячины — всего и не упомнишь. Садоводство — интересная штука, нужно только иметь время и — уж если заниматься им как следует — оранжерою. Он всегда мечтал об оранжерее. Оски, тот уже обзавелся ею, он он и сейчас торчит там, усердно выпалывает что-то, и его знакомый зах лиственно виден сквозь стекло. Оски, по убеждению мистера Бантинга, те понимал прелести подлинного любительства: он превращал садоводство в тяжелый труд. Ну, а мистер Бантинг занимался своим садом с беспечностью истинного дилетанта. Все, что он желал, — это мирно жить на пенсии и иметь «ранжерою», а к практическим результатам своего садоводства он относился бы философски.

Его мысли любовно задержались на этом проекте; вот, наконец, цель, которая находится в пределах досягаемости, — «Сад солнечный покой». Это он слышал от Кордера, а может быть, прочел в календаре. Красивые слова; стихи, должно быть. Он страстно желал, он жаждал другой жизни, без торопливого бритья по утрам, без вечной спешки на поезд 8.15, без надоевшего запаха черного лака и металла, без преисцуратов, без докладов Вентибуру, без Вентибру и без Смилера. Не теронясь, по-завтракать утром, помочь миссис Бантинг убрать посуду и, падев старую пачку с дырками на макушке, выйти в сад. Утром, по дороге на станцию, он с завистью глядел на каждого человека в пальме и с лайкой в руке.

— Нужно выполнить маргаритки, — сказал Оски, появляясь у ограды и пробуждая мистера Бантинга от задумчивости.

— Зачем?

— Нельзя, чтобы среди газона росли маргаритки.

— Дело вкуса, Оски. Я вот, например, люблю, чтоб были маргаритки.

— Где? В газоне? — спросил Оски с легкой ironией.

— Ну, я, конечно, срезаю их косилкой.

— От этого толку мало. Нужен специальный истребитель.

Он принял объяснить процесс истребления маргариток. Вооружившись каким-нибудь острым орудием и густым пахнущим порошком, вы подходите к маргариткам

к хладнокровно, методически убиваете их одну за другой. Мистера Бантигта это возмутило.

— Не стану я заниматься убийством маргариток. Это же цветы.

— Не место им в газоне. Он у вас весь цестрит маргаритками. А то и клевером.

— Ну, и что ж тут плохого? И против лягушек ничего не имею.

— Я у вас даже чертополох видел, — сказал Оски, отбросив всякую вежливость.

— Пусть хоть весь побелеет от маргариток, — сказал мистер Балтинг, пропуская чертополох мимо ушей. — Это красиво, по-моему.

— От вас ко мне семена заносит ветром, вот что, — сказал Оски и, вместо того чтобы скромно удалиться, продолжал стоять, облокотившись о забор, неторопливо, критическим оком разглядывая сад мистера Бантигта, словно женщина, ищащая блох в чужой постели. Мистер Балтинг с беспокойством ждал, что Оски сейчас заговорит о тыквах. В гигантскую тыкву мистера Оски была воткнута игла, а к ните привязана шерстяная нитка, конец которой плавал в миске с водой. — Капиллярное притяжение, — заметил мистер Оски в торжке научного пояснения и этим диковинным термином положил начало жестокой лингвистической схватке, в которой на стороне мистера Бантигта фигурировали некие «кантуляры», перемежаясь с запальчивыми угрозами, что он-де не позволит строить из него дурака, и с заявлениями, что тыква должна быть похожа на тыкву, а не на аэростат.

Мистер Бантиг улыбнулся при воспоминании о том, как он тогда сразил Оски, и Джули, приближившаяся к нему по газону, принесла эту улыбку на свой счет, расценив ее как счастливое предзнаменование и знак приветствия. Мистеру Бантигу бросилось в глаза, что на Джули прелестное лицо с воздушными оборочками вокруг шеи и кистей рук; чулки на стройных ногах шелковисто поблескивали, а волосы лежали волнами, чего мистер Бантиг до сей поры никогда не замечал. Ему попадобилась целая минута, чтобы догадаться, что эти волны — из натурального явление, а плод парикмахерского искусства.

— Правится тебе мое новое платье, папочка?

— Хорошее платье. Очень тебе идет. («Новое платье!» — подумал он. Интересно, успел он уже за него по счету или нет? По счетам, пожалуй, не разберешь, то ли это платье, или другое.) Она отвела его в сторону и сказала:

— Папочка, милый! Ты теперь позволишь мне поступить в школу танцев, да?

Высвободив свою руку, к которой она, ласкаясь, крепко прижалась, мистер Бантиг ответил: — В первый раз об этом слышу.

— Ну, как же так? Какой ты глупый, папка! Я показывала тебе объявление еще месяц назад. Это страшно дешево.

Он весьма скептически отнесся к этому сообщению и с явной неохотой взял в руки глянцовитую книжечку, которую она ему протянула. Его внимание привлекла изображенная на обложке весьма скромно одетая девица, скакующая по пляжу в лучах, повидимому, восходящего солнца, размахивая куском шифона. Под рисунком он увидел надпись: «Ритмоэстетика».

— Так, так, — сказал он, сосредоточенно глядываясь в загадочное слово. Внутри книжечки он увидел фотографии молодых особ женского пола в гимнастических позах, что пролило некоторый свет на содержание этого труда. — Что-то вроде шведской гимнастики?

— Ох, папочка, какой ты чудак! Это «Здоровье и Красота». Осанка, походка и всякое такое. Чем греки занимались.

— Какие греки — древние? — спросил он, вспомнив вертушку белых фигур, виденных им в Британском музее.

— Ну, конечно. Папочка, миленький! Хильда Бартол будет учиться, и Этель Кей, и... иу, словом, все. Даже Мэгги Калверт, и та.

Мистер Бантиг по зданию, кто такая Мэгги Калверт, но сделал вывод, что, повидимому, это существо низшего порядка, которому мало что доступно. Он уловил намек на то, что уж если мэгги отец может себе это позволить, то он и подавно.

— Ну-да, — произнес он, обследуя книжницу в поисках графы, обозначенной словом «плата». По изяществу оформления этой книжки он сразу догадался, что во-

главо Калвертичской академии тамца стоят люди, которые всякое упоминание о деньгах считают вульгарным и о плате за обучение могут говорить только всхорь. Изловив, паконец, эту увертливую графу, мистер Балтиг оттопырил губы. Он подумал, что Джуди, благодарение богу, вполне достаточно наделена здоровьем и осанкой и не нуждается ни в какой ритмонастике.

— И подожди, детка, пока закончится дело с продажей.

— По занятия начинаются на будущей неделе. Я одна-единственная из всех наших девочек не попаду туда. Напочка, миленький, обещай!

Встретив ее молящий взгляд и не будучи впечатленным к чарам розовых платьев, мистер Балтиг по устоял. — Ну, ладно, посмотрим... — начал он.

— Напочка, ты ангел! — Она вознаградила его поцелуем. — Смотри же, ты обепала.

Оставшись один, мистер Балтиг проследовал к своей излюбленной скамейке и закурнул трубку. Еще два дня до уик-энда, думал он. Уик-энд — в этом был сейчас весь смысл его существования; он считал дни до конца недели, и жизнь на покое рисовалась ему как спиральная нить суббот и воскресений.

Пока мистер Балтиг сидел на садовой скамейке, настроение его поднялось, магазин Брокли остался где-то далеко позади, и он почувствовал, что слова становятся самими собой. «Сада солнечный покой», — мысленно продекламировал он, задумчиво попыхивая трубкой; или, как частенько цитирует Бордер: «Сад сияет, та-та-та-та, сад цветущий — божий рай». Ловко они закручивают эти поэты, подумал он.

Увидев в окне гостиной Эрнеста, он поманил его к себе...

— Скажи, Эрнест, сколько времени понадобится на окончательное оформление купчей?

Этот вопрос, повидимому, обнаружил пробел в познаниях Эрнеста. Из его слов можно было понять только, что все зависит от обстоятельств.

— Мне казалось, что ты как раз это изучал.

— Ну да, — кровь мгновенно прилила к его лицу. — Но, видишь ли, продажа недвижимости, строго говоря, не входит в компетенцию бухгалтера. Это относится к передаче имущества.

— А-а! — сказал мистер Бантинг, после чего последовала пауза, во время которой он подумал: «Чем меньше разговоров о бухгалтерии, тем лучше».

— В купчей крепости должен быть обозначен срок. Через несколько дней тебе должны прислать ее на подпись.

— Понимаю. Запомню. Спасибо, Эрнест, — сказал мистер Бантинг, давая понять, что аудиенция закончена.

Эрнест, однако, не пожелал поплыть памек. Он решил, что вопрос отца — это преходя к более серьезным переговорам. Отец вызвал его в сад, заговорил о его занятиях бухгалтерией и о продаже недвижимости. Быть может, эти деньги в конце концов все уладят? Почему же тогда он ничего не говорит? Волнение Эрнеста дошло до предела, стоять так перед отцом было глупо, и он впесацию уселся на самодельную скамью рядом с мистером Бантингом и с настянутым видом закурил напироку. Но он все еще чего-то ждал, первыничка и заражая своим волнением отца, который изо всех сил старался придумать какую-нибудь тему для разговора, не имеющую отношения к спорам о карьере.

— Ты бы как-нибудь подвязал эту рыбинку, Эрнест.

— Непременно, папа. Я думаю, недели через три, самое большее, продажа будет закончена.

— Надо надеяться.

Они молча курили. Мистеру Бантингу показалось, что его жена выглядывает в окно из-за занавески. Он накоса взглянул на Эрнеста — тот сидел неподвижно, напряженно глядя перед собой; он ждал, явно ждал, что вот сейчас с ним заговорят или что заговорит он сам. Изведя три лишние спички на свою трубку, мистер Бантинг неожиданно спросил:

— Слышал ты когда-нибудь о капиллярном присасывании, Эрнест? Капилляция, покоймесь? Не имеет никакого отношения к капитуляции. Капиллярное присасывание?

При этом вопросе Эрнест вздрогнул и очнулся. — Я знаю про капиллярность, — неуверенно пробормотал он после паузы.

— Нет, не то, — капиллярное присасывание. Вода поднимается по шерстяной нитке.

— А это, под-моему, называется адсорбция.

— Я так и знал, что он все врет. Это капиллярное присасывание выдумал наш Оски, он так тыкву выращивает. Я сказал ему, что капилляр — это кровяной сосуд. Кто же этого не знает!

— Собственно, это значит «волосяной». От латинского *capillus*, то есть волос.

— Да лет же, Эриест, причем тут волос? Это кровяной сосуд. Я смотрел в «Домашнем лекаре».

— Ну, конечно, капилляр — это кровяной сосуд, папа, но вместе с тем и все, что похоже на волос.

— И шерстяная нитка, значит, тоже?

Ответа не последовало; Эриста загпали в тупик.

— Тогда, может быть, Оски и прав, — разочарование сказал мистер Бантинг. — Шерсть ведь тоже вроде волос, верно? Я хочу сказать, что у овец волос нет. У них шерсть вместо волос.

— Вечно этот Оски спорит, — проворчал мистер Бантинг, зажигая еще одну сигарку. — И все-то он знает. Ясное дело, это адсорбция. Тебе лучше знать, тебя этому учили. Ну, пойдем ужинать. Не забудь про рыбину.

— Нет, не забуду, — заверил его Эриест, по голосу его звучал глухо.

Миссис Бантинг, поджидавшая их, распахнула перед ними дверь. Она встретила их слишком сияющей улыбкой. — Приятно побеседовать? — спросила она сладким голоском и бросила на сына вопросительный взгляд (не скрывавшийся от мистера Бантинга).

— Очень приятно побеседовать, а теперь собираемся так же приятно поужинать, — бодро ответил мистер Бантинг, всем своим видом показывая, что он не желает ничего замечать.

Эриест покачал головой: — Ничего не вышло. Даже Джули, валявшаяся на диванах с журналами в руках, выжидалительно привстали.

— Ну, как, уломал его?

Эриест покачал головой: — Ничего не вышло. Даже занялись по делам.

— Что это с ним? — спросил Крис. — Что он собирается делать с такой кучей денег?

— Копить будет, должно быть, — ответил Эрнест. — Занихнет их на книжку и будет получать по два процента годовых. Годову даю на отсечение, ни одного пенса не истратит ни на нас, ни на маму. Даже на себя и то не истратит.

— А мне он обещал заплатить в школу ритмопластики.

— Что-о?

Оба брата уставились на Джули. Удивление сменилось завистью, потом возмущением против такой несправедливости, затем гневом и, наконец, уверенностью, что мистер Балтинг рухнулся основательнее, чем они думали.

— Ну и ну! — воскликнул Эрнест.

— А почему бы и нет? — спросила Джули.

— Да что такое ритмопластика по сравнению с карьерой мужчины? — спросил Эрнест. — Пустая трата времени.

— Много ты понимаешь.

— Это все потому, что ты девчонка, — глубокомысленно разъяснил Крис. — Он всегда делает для тебя больше, чем для нас. Ну, а во что ему это обойдется?

— Не имею ни малейшего понятия, — ответила Джули надменно.

— Ритмопластика! — язвительно повторил Эрнест. — Ручаюсь, что он даже не знает, что это за штука. Кстати, что это такое?

— Искусство задирания ног, — ответил Крис. — Довольно любопытное зрелище. Знаешь, Эрнест, это в общем хороший признак. Если старик раскошелится для Джули, ему придется раскошелиться и для нас. Так или иначе, я покончил со своими банковскими делами. Старого черта Теофилуса я отправил сегодня утром на чердак, и падеюсь, что его там съедят мыши. Теперь я припимаемся за технику, настоящую научную технику.

Он извлек из кармана несколько довольно помятых и засаленных бумажек. — У мистера Ролло есть приятель, который может устроить меня учеником на авиационный завод. Мне нужно только внести залог и пройти заочный курс, о котором вот тут написано, после чего я стану авиаконструктором. Может быть, даже в министерстве авиации буду работать. Послушай, что я тут сказал:

«С каждым годом нужда в квалифицированных техниках возрастает. Ни одна область не представляет такого широкого поля деятельности для молодых людей, чувствующих склонность к техническим наукам».

— Да, вот это его заинтересует. Ты уже показывал ему?

— Докажу, как только совершится эта продажа. В конце концов для залога мне нужно всего каких-нибудь сто фунтов.

— Ужинать, —озвестила миссис Бантинг.

Они двинулись в столовую, уже тонувшую в сумерках, и уселись за стол в полном молчании, что, как было известно мистеру Бантингу, свидетельствовало о только что закончившемся обсуждении его особы. Миссис Бантинг спросила:

— Зажечь свет, Джордж?

— Нет, по-моему, рано... И так все видно.

Эрнест, Крис и Джули переглянулись. Джули принялась водить пяском чуть не по самой скатерти, делая вид, что никак не может пойти свою чашку. Крис ухмылялся, но Эрнест выпалил, потеряв терпение:

— Право же, это переходит все границы. Если бы мы платили по счетчику...

— Довольно, — прервал его мистер Бантинг. — Если уж в летнее время мы не можем сэкономить немногого на свете, так зимой и подавно не сэкономим.

— Но ведь если бы мы платили...

— Оставь свои советы при себе, Эрнест. Будешь сам платить за свет — тогда жги, сколько влезет. Очень жаль, что при всей своей учелости ты никак не можешь добираться прибавки жалованья и не помогаешь мне справлять кое-какие счета.

— Что это за скверничество, — проворчал Эрнест. — Просто не видишь, что в рот кладешь.

— Замолчиши ты, наебонец! — загремел мистер Бантинг. Он окинул стол воинственным взглядом. Тотчас воцарилось молчание. Вилки и пози застыли в воздухе, и в этой неестественной тишине миссис Бантинг чуть слышно пролепетала:

— Джордж, прошу тебя!

— Да что это с вами со всеми? Перешептываются,

перемигиваются, носятся с какими-то планами, а на меня как на дурака смотрят!

Эриест отодвинул тарелку, с парочкой спокойствием поставил стул к стене и вышел из комнаты. У мистера Бантинга от изумления язык отнялся. Он споткнулся на полуслове, гневная речь его прервалась, и наступила тишина. Миссис Бантинг, наклонившись над столом, заглянула в оставленную Эрнестом чашку и произнесла:

— Даже какао не долил! — Легкое юмористическое изъяснение возобновилось, но никто не проронил ни слова.

Мистер Бантинг поймал себя на том, что прислушивается к звукам, доносящимся из соседней комнаты. Эриест же ушел из дома, он был в гостиной. Вот он поднял крышку рояля, вот опустил ее снова. Должно быть, слишком темно, не видно логт. Мистер Бантинг вдруг заметил, что в комнате темней, чем ему казалось. Но вправде говоря, уже совсем стемнело. В эту пору всегда так; а когда садились за стол, было еще совсем светло.

— Я никого не хотел обидеть, — начал мистер Бантинг, — но Эриест вечно лезет со своими замечаниями.

Никто не ответил. Джуди долила какао и встала из-за стола. Проходя мимо мистера Бантинга, она вдруг поцеловала его в щеку.

— Ты старый медведь, панка. Настоящий посорог, вот ты кто.

Он быстро повернулся к ней — ему очень хотелось загладить свою резкость:

— Скажи Эриесту, чтобы зажег свет, если хочет поиграть на рояле. Пусть сыграет «Лунную сонату».

Мистер Бантинг остался наедине с женой. Он встал и зажег свет. Они посмотрели друг на друга, и ему стало совестно.

— Боюсь, что эти деньги не принесут нам счастья, Джордж, — сказала миссис Бантинг, унося грязную посуду на кухню.

Из всех вздорных хайзеских выдумок, которыми вдевалисты, пасторы и календари с изречениями на каждый день мучают простых смертных, самой глупой и самой

Вредной была, по мнению мистера Бантинга, проповедь о том, что деньги приносят людям несчастье. Он этому не верил. И он не верил также, чтобы люди, распространяющие этот вздор, сами в него верили. Деньги делают человека счастливей: это ясно каждому здравомыслящему человеку.

Он готов был признать, что ожидание тысячи фунтов стерлингов пагубно повлияло на состояние умов в котедже «Золотой дождь», но это произошло только потому, что домочадцы мистера Бантинга были лишены здравого смысла. Слишком уже много было разговоров, волнений, таинственности. С каждой утренней почтой па имя кого-нибудь из младших Бантингов прибывали объемистые пакеты — каталоги, проспекты и прочая ерунда. Миссис Банting со дня на день все больше погружалась в задумчивость, первы самого мистера Бантинга были напряжены до предела, и весь дом превратился в гнездо раздора.

И все это с тех пор, как на горизонте появилась эта злосчастная тысяча фунтов. В сущности, и тысячи-то не получится. Комиссионные Хаулэншу — огромная сумма, — затем всякие налоги, которые он по оплохости забыл включить в свою приходо-расходную смету. Это снова спутало все его расчеты.

Оставалось только ждать, пока закончится продажа. Дети, так те даже не скрывали, что только и ждут этого события. Об этом совершенно открыто было заявлено за столом и потом весьма непринужденно повторялось еще не раз, словно линнортские участки по были еле личным достоянием, а пеким кушем, совокупно сорванным его домочадцами на скачках. Миссис Банting ждала, когда она сможет осуществить свой план превращения Эрнеста в дипломированного бухгалтера; Джули ждала, когда к своим занятиям танцами она сможет присоединить овладение драматическим искусством, а Крис, новичиному, находился в стадии беспрерывной переписки с каким-то заочным университетом. Количество дешевых подержанных автомобилей, появившихся за последнее время в гараже Ролло, стояло на грани Фантастики. Мечты о покупке машины неожиданно начали казаться куда более реальными, чем месяц назад. За последние

время неудобства, создаваемые отсутствием телефона, становились все ощутимее, тем более что все джулины подруги обзавелись телефонами.

— Мне кажется, — задумчиво произнес Крис во время одного из очередных совещаний в гостиной, — он рассматривает эти деньги как свою личную собственность. И мы, по его мнению, тут ни при чем.

— Как так, его собственные дети — и ни при чем! — недоумевающе отозвалась Джули.

— Да, в каком-то смысле именно так, — ответил Крис, стараясь изъясняться как можно понятнее. — А в каком-то смысле совсем наоборот. Ты понимаешь, что я хочу сказать?

— Ничего не понимаю. Для чего же тогда дети, если не для того, чтобы все для них делать? Будь у меня дети, будь у меня их даже двадцать пяток...

— Вон куда хватила! — прыснул Крис. — Смотри, тебя еще и замуж-то никто не возьмет.

— Все дело в том, — начал излагать свою точку зрения Эрнест, — что у отца неправильный взгляд на вещи. Он положит эти деньги на книжку из двух процентов годовых, а гораздо рациональнее было бы вложить их в будущность своих детей.

Он сделал паузу, заметив, что аудитория со вниманием прислушивается к его словам.

— Лучшее помещение капитала — это мозг его детей, это их способность добиться успеха в свободно избранной каждым из них сфере деятельности.

— Вот, вот, и я так думаю, — подтвердил Крис, на которого эти слова произвели большое впечатление. — В свободно избранной им сфере. Словом, ты хочешь сказать, что каждый должен заниматься тем, что ему по душе, а не балковской премудростью.

— Я готов выдать ему расписку, что обязуюсь вернуть все до последнего пенса, пусть только он даст мне ссуду, чтобы я мог стать дипломированным бухгалтером. Но если мама продаст свои табачные акции, ему совсем не придется на меня тратиться.

— А как же насчет моей карьеры? — спросил Крис, прекрасно зная, что этих табачных акций не так уж много. — Я тоже хочу выйти в люди.

— И я! — сказала Джули.

— В этом мире, — сердцемозно ответил Эриест, — чтобы достичнуть своей цели, нужно за нее бороться. И я к этому готов.

— Вот весело-то будет! — воскликнула Джули. Но у Эриesta был чрезвычайно решительный вид.

ГЛАВА ОДИНАДЦАТАЯ

Наконец продажа состоялась. В этот вечер мистер Балтинг должен был по дороге домой побывать у поварихи. Поэтому после семейного чаепития посуду со стола убрали и постелили самую лучшую парадную скатерть, а на кухне готовились специальные блюда в виде миндального пирожного и омлета, издававшего несъма соблазнительный запах. Хотя миссис Балтинг была не совсем уверена в уместности этого ширпотреба, все же она решила, что такой случай должен быть как-то отмечен. Она была в слегка приподнятом настроении, и все семейство было в приподнятом настроении; ее опасения уменьшились бы наполовину, если бы дети согласились уйти из дома, как она им советовала.

— Четверть седьмого, — сказал Эриест, взглянув на часы. — Сейчас уже, наверно, все закончено. Подписано, скреплено печатью и вручено.

Для Эриesta приблизилась решительная минута. Если отец, благополучно положив в банк неждано-негадано свалившуюся на него тысячу фунтов, попрежнему откажется помочь ему стать бухгалтером, он возненавидит его на всю жизнь. Он уже чувствовал, как эта мечта вынуждает первые победы, словно ядовитое растение, обвившееся вокруг его сердца. Что творится с ним последнее время? Он сам не понимал. Он все больше ожесточался и замыкался в себе, от ненавидел себя за те слова, что порой срывались у него с языка, и еще сильней за другие, более жестокие, но невысказанные. После таких вспышек его начипали мучить угрызения совести. Ему страшно хотелось пойти к отцу и сказать: «Поверь, папа, я ведь совсем не такой. Все дело в том, что я хочу что-то делать, хочу стать кем-то».

Сейчас вся его судьба была поставлена на карту.

Крис, розовощекий и веселый, сидел на диване, читая проспекты заочной школы, изрядно замусоленные после их обследования Ролло-младшим. Последний, кстати, их одобрил, заявив, что это вполне надежное дело; да и плата была всего-навсего пятнадцать фунтов. Это совсем не так уж много, совсем не то, что у Эрнеста, и тут нет никакой спешки; Крис все это объяснит старшему, только бы выбрать подходящий момент. Пока нужно одно: поскорее устроиться в авиационно-конструкторское бюро, и благополучно связаться с башком до экзаменов.

— Не забывай, — сказал он Джули, — ты уже выудила у него денежки на свою ритмопластику.

— Ну так что?

— А то, что не лезь и оставь, иаконец, отца в погоне, попрошайка.

— Крис!.. — возглас миссис Бантинг.

— Ручаюсь, что она придумала новую глупость и будет приставать с ней к отцу. Мы с Эрнестом хотим добиться карьеры.

— «Добиться карьеры», — фыркнула Джули. — Не удивительно, что ты провалился на экзаменах. Не умешь даже выражаться правильно.

— Господи, хоть бы вы все ушли куда-нибудь, — сказала миссис Бантинг в отчаянии. — Он только расстроится, когда увидит, что вы тут сидите и ждете. Имелю это его всегда сердит. Ему все кажется, что вы только и думаете, как бы у него что-нибудь выпросить.

— Мне не нужно от него ни единого пенса, — объяснил Эрнест. — Я прошу только суду.

— Потерпи пожного, голубчик.

— Я уже достаточно терпел. Больше не могу позволять себе эту роскошь. Мне не девятнадцать лет, как Крису. Мне двадцать два года. Я и так уже ото всех отстал. Еще год-два, и мне вообще уже поздно будет за что-либо приниматься. — И он снова зашагал из угла в угол.

Шаги по дорожке, ключ поворачивается в замке. Мистер Бантинг вошел в комнату. По виду у него отнюдь не такой, какой должен быть у человека, получившего

тысячу фунтов, и это тотчас отмечено всеми; скорее можно предположить, что он только что расстыдился с этой суммой. Войдя в комнату, он не издал радостного взгляда, не приветствовал их торжествующей улыбкой. Нет, мистер Бантигг тяжело вздохнул, всяя шляпу, и, обернувшись к лицом, остановился с таким странным, затравленным видом, словно он побывал в руках гестапо. Мать, правда, говорила как-то, что ему очень тugo приходится у Брокли, и они охотно верили, что это так, но, даже делая складку на это, все же... все же не мог он разве проявить хоть чуточку радости при подобных исключительных обстоятельствах, ну хоть улыбнулся бы или сказал что-нибудь приятное. Да вымолвил бы, пакощец, хоть слово.

Нет, он отстегнул воротничок, усталым движением, не глядя, надел его на бронзовую Психею и опустился на стул все с тем же видом мученика. Он даже по замечтал, что специально для него сервировал чай. Он смотрел мимо стола в окно.

— Ты не подвязал эту рыбинку, Эрнест?

Эрнест вздрогнул.

— Прости, пожалуйста, папа. Я сейчас пойду и подвязку.

— Я подвяжу, — сказал Крис. — Где взять эту штуку, папа, чем подвязывают?

— Можете не утруждать себя, — успокоил их мистер Бантигг. — Я сделаю сам. По крайней мере буду знать, что сделано.

Миссис Бантигг метнула на Эрнеста предостерегающий взгляд за спиной своего супруга. Затем, повернувшись к нему, улыбнулась и спросила с самым леприонужденным видом:

— Заходил ты к нотариусу, дружок?

— Заходил.

— Ну как, все в порядке?

— Да.

Мистер Бантигг помешал ложечкой чай и оглядел стол с видом человека, страдающего от беспаренния желудка. Он, повидимому, был недоволен кушальями, стоявшими перед ним. Он поплюхал омлет и отодвинул тарелку в сторону, миндальное пирожное не пробудило в

нем никакого восторга. Так как кроме хлеба с маслом на столе больше ничего не было, он отрезал кусочек хлеба, но, как видно, только потому, что надо же было что-нибудь съесть.

— Джордж, ты что ж, не будешь есть омлет?

— Не хочется мне сейчас омлетов.

— Ну, а чего бы тебе хотелось?

— Пичего, вот чаю, — и он начал большими глотками отхлебывать чай. — Накрой-ка это миской, — сказал он, передавая тарелку с омлетом. — Останется за закатрак.

Бантинги-младшие были ошарашены; они переглянулись, они удивленно подняли брови, они пожали плечами, они безмолвно предлагали друг другу полюбоваться этим диким зрелищем. Прячет педоеденный омлет! Помешался он, что ли, или нарочно корчит из себя скрягу, чтобы они не вздумали его о чем-нибудь проспить? Щеки Эрнеста пылали от нетерпения, Джули хихикала, а Крис взирал на отца в полном недоумении.

Да, все-таки отец какой-то чудак, никаку от этого не денешься. У него явный заскок, какой-то комплекс. В груди Бантингов-младших поднималась буря протesta. Почему он этого не может, того не может? Словом, почему он не может быть рассудительным, почему он не может быть, как все люди, как все другие отцы?

И вдруг он обернулся к пим. — Ну, чего вы все ждете?

Никто не ответил; все смущенно глядели на него.

— Чего вы ждете, я вас спрашиваю?

Столь решительное проявление родительского авторитета заставило их присмиреть. Затем Эрнест вспомнил о взятой на себя роли предводителя восстания:

— Если ты в самом деле хочешь знать...

— Нет, нет, Эрнест; только не сейчас, — быстро прервала его миссис Бантинг.

— Нет, пусть сейчас. Выкладывай. Опять бухгалтерия, так, что ли? Ты хочешь быть бухгалтером? Так, да? Ну? — повторял мистер Бантинг, раздражаясь все больше и больше.

— Да, совершенно верно.

— Прекрасно, так ты им не будешь, — объявил ми-

стер Бантинг, и самый топ его говорил без слов: «Решено — и баста».

— Ты хоть бы выслушал Эрнеста, милый.

— Надоело мне слушать всякий вздор об этой бухгалтерии.

— Да почему же, Джордж? Почему ты против? Ты ведь хочешь, чтобы мальчики вышли в люди?

— Давно уже этого жду. Только пока что-то ничего не вижу. Да и не особенно надеюсь увидеть. Вот посмотри на Криса. Что это торчит у тебя из кармана, Крис?

— Курс по авиастроению.

— Ну вот, пожалуйте, — сказал мистер Бантинг. — А он работает в банке.

— Вот в этом-то и все дело! — воскликнул Эрнест. — Никто из нас не выбирал себе профессии. Я хочу заниматься бухгалтерией. Я чувствую к этому склонность. Это мое призвание. Почему бы мне не попытать счастья?

— Потому, — ответил мистер Бантинг, отчеканивая каждое слово, — что нам это не по карману.

Все дружно ахнули от возмущения.

— Нет, нам это по карману, — заявил Эрнест. — Я уже все подсчитал.

— О господи! Сил моих больше нет, — пробормотал мистер Бантинг, оттолкнув от себя чайку и растерянно озираясь.

— Вот послушай, папа. Тысячу фунтов ты получаешь за линкорские участки, да у тебя остается еще арендная плата с коттеджей. Затем твое жалование, табачные акции и то, что у тебя есть в государственных процентных бумагах. Теперь, если ты выплатишь оставшиеся двести фунтов по закладной... — Следом, уверенно Эрнест приводил цифру за цифкой, ярким светом своей молодой ученоности озаряя финансовые дела мистера Бантига. А мистер Бантинг сидел, пригвожденный к месту столь беспримерной наглостью сына. Он слушал Эрнеста, и глаза его темнели, щеки припомали пурпурный оттенок, и взрыв, казалось, был неминуем. Но взрыва не последовало. Измученный, опустошенный, уставший до предела от жизни, от своей семьи, мистер Бантинг ждал, когда Эрнест кончат свой доклад; затем он сказал:

— Ну, ты кончил? Все подсчитал и пересчитал?

— Мне кажется, ты мог бы хоть подумать над этим.

— Я уже сказал: нам это не по карману.

Для Эрнеста, как и для всех остальных, стало ясно, что отец уперся на своем и никакая сила не сдвинет его с места. Он отказывался рассуждать здраво или прислушиваться к здравым доводам. Он огородился со всех сторон и отражал все нападения, тупо, как затверженный урок, повторяя одно и то же.

— Право же, Джордж! — запротестовала миссис Бантинг, давая понять, что даже с ее точки зрения он немного хватил через край.

— Ах, ты просто скун! — разбушевался Эрнест. — Ты не хочешь ничего для нас сделать. Я прошу не только для себя. Для Криса тоже. Но тебе совершенно наплевать, если мы так и проторчим всю жизнь на этой убогой работе с этим убогим жалованьем. Ты вечно твердишь о том, как тебе трудно сводить концы с концами, а сам зарабатываешь куда больше, чем сможем мы когда-нибудь зарабатывать там, куда ты нас запихнул.

Красный, разгоряченный, он, наконец, умолк, а мистер Бантилг, чуть побледнев, спокойно слушал его выкрики, и рядом с несдержанной запальчивостью Эрнеста это спокойствие и выдержка мистера Бантинга особенно бросались в глаза, придавая ему какой-то оттенок благородства, которого до той поры никто в нем не замечал. Он молча сидел за столом, к жилету у него прилипли крошки, и когда он заговорил, в голосе его не слышно было гнева.

— Совсем не в этом дело, Эрнест. Ты вот говоришь, что у нас есть то и у нас есть это и еще мой триста двадцать в год. Ну, так у нас их больше нет. С Брокли все покопчено. Сегодня моля рассчитали.

И в мгновение воцарившейся тишины мистер Бантинг наклонился вперед, опершись руками о колени, голова его упала на грудь, и по телу его прошла дрожь. Дети услышали какой-то прислушанный звук — не тз вздох, не то всхлипывание, — звук, который совершенно непереносимо было слышать. Крупная слеза упала въ пол между его ног.

Потрясенные, не проронив ни слова, Эрнест, Крис и Жули торопливо вышли из комнаты.

В два часа ночи мистер Бантиг сел на постели, вспомнив из своих забывшихся простынь, как Венцера из пены морской. О сие печего и думать. Он вглядывался в темные углы комнаты, как в' погруженный во мрак зрительный зал. Утренняя сцена с Вентиором в который уже раз сызнова разыгрывалась в его воображении. Сцены, собственно, никакой не было — именно поэтому мистера Бантига так и корчило при одном воспоминании. Все произошло очень быстро и как-то невзначай, а главное, без его участия: сам он играл в этом эпизоде совершенную пассивную роль.

Обычная утренняя аудиенция была окончена, и мистер Бантиг уже собирался удаляться, когда голос Вентиора остановил его у самого порога, откуда уже взялся было за ручку двери.

— Екстати, Бантиг, — небрежно произнес этот голос, — с послезавтрашнего дня мы больше не нуждаемся в ваших услугах.

Мистер Бантиг обернулся, блазоруко вглядываясь в говорившего. Да нет, не может быть, таким небрежным тоном говорят только о каких-нибудь стичках не значащих, будничных пустяках. Конечно, он ослышался, чего-то не слыхал.

— Как вы сказали, сэр?

Теперь голос резал его слух, как скрип пожа по тарелке.

— С послезавтрашнего дня вы нам больше не нужны. Я предупредил кассира.

Вентиор с самым демонстративным видом обратился к своим бумагам. Он, казалось, совершенно не замечал ни растерянного взгляда мистера Бантига, ни его изойлиового торчания у дверей. Мистеру Бантигу вдруг показалось, что он неожиданно превратился в пустое место. В горле у него запершило, он откашлялся и произнес:

— Слушаю, сэр.

Сила привычки принудила его к этому. Теперь он уже был за дверью. Позвольте, что Вентиор сказал? Но пождаются в его услугах. Не может быть! Мистер Бантиг остановился посреди коридора. Воротиться? Переспросить?

Все же поги кое-как донесли его до двери и вниз по лестнице. Ничего не соображая, как слепой, добрел он через отдел к своему закутку и, опустившись на стул, сразу весь обмяк. Бесспорядочно проносиившиеся в его голове мысли постепенно начали оформляться, приобретать некоторую последовательность.

«Вы нам больше не нужны...» — Он вдруг попытался; эти слова, как волна прибоя, обрушились на его мозг.

— «Уволен!» — Это было словно весть о чём-то внезапной смерти, рассудок не принимал ее. И все же это сверпилось. Вот так — мимоходом, без всяких видимых оснований, даже без всяких объяснений. Мистер Бантигт встал со стула и зашагал по крохотному пространству своего закутка. «Он не смешает это сделать», — возмущенно стучало в его мозгу. И все же он это сделал — не подиная шума, легко, уверенно, спокойно. Вот, значит, как получают расчет. Точно ему показали, как ловко и искусно можно вешать людей.

— Слушай, Кордер! — крикнул он, приваясь в отдел ковров, чтобы поделиться с другом этой ужасной новостью. — Меня уволили.

Кордер, скатывавший зеленую дорожку, прервал свое занятие, медленно выпрямился и без труда прочитал на лице мистера Бантигта следы пережитого им потрясения.

— Вон что! — проговорил он, иаконец, негромко.

— Да, да, вот сию минуту. Послезавтра могу убитьца за все четыре стороны. — Он умоляюще посмотрел на Кордера. — Что же мне делать, Джо?

— Всюtnor! — негромко произнес Кордер, обращаясь не столько к мистеру Бантигту, сколько к зеленому рулону дорожки. — О пегодяй, проклятый пегодяй! Что ж теперь делать? Юнцы с мужчинами стоят уж вровень. Я очень огорчен, Джордж. — Он крепко стиснул руку своего приятеля.

Тут чувства, расширавшие мистера Бантигта, вырвались наружу. Верхняя часть его жилетки начала бурно вздыхаться и опускаться, лицо сморщилось, и все чёлки распялись, как растаявший воск.

Кордер провел его в свой кабинет и притворил дверь.

Но вот он появился снова с красными, опухшими глазами, — любопытное зрелище для окружающих. В уборной он умылся и побывал еще некоторое время в полном одиночестве, пока, как ему казалось, все следы волнения по исчезли с его лица. Так протекли самые горестные минуты его жизни.

Теперь он лежал в постели. Лежал и, не отрываясь, глядел в темноту, а воображение снова развертывало перед ним картины за картиной, разукрашивая их всеми новыми трагическими подробностями. Время от времени рука жены тесней обнимала его плечи.

Он откашлялся и заговорил.

— Нужно будет завтра же приняться за дело — перекопать газон.

— Зачем, Джордж, голубчик?

— Насажать овощей. Картошки. Чтоб было что есть.

— Да мы и так не умрем с голода.

Его поразила эта удивительная беспечность. — Нужно подумать о детях. Как мы сведем концы с концами?

— Ничего, проживем.

— Тебе легко говорить — «проживем», — возразил он с оттенком раздражения. — Но как?

— Спи, милый. Старайся не думать.

— Нет, ты скажи, как? — настаивал он. — Я должен думать. Мы не можем полагаться на мальчиков. Они, видно, ничего не в состоянии заработать. Ни какой-то в них энергии, никакой предприимчивости. Я просто не знаю, что будет. — И он беспокойно ворочался в постели, переворачиваясь с боку на бок и проклиная вполголоса все время сбивавшиеся простыни.

— Можно бы открыть небольшую торговлю скобяным товаром, — проговорил он вдруг, раскрывая ход своих мыслей.

Досада на себя за проявленное малодушие снова начала его терзать. Все слова, которые он мог бы сказать и не сказал, назойливо вертелись в его мозгу. Он сжал кулаки, все тело его напряглось.

— Чорт возьми! Хотел бы я...

— Тише, милый. Не мучь себя понапрасну. Постарайся уснуть.

Мистер Бантиг испустил утомленный вздох и лежал

откинулся на подушках. Уснуть! Смешно... Как может он уснуть! Но разве ей или вообще кому-нибудь это втолкуешь? Он одивок, сожершенно одивок.

— Атлас! — пробормотал он. — Титаны терпеливости приемлют удары, что назначены слабейшим. Титаны терпеливости. В самую точку; нельзя выразиться точнее. Ах, Кордер знает, он все понимает, Кордер. — И, с пежностью думая о Джо Кордере, мистер Бантинг, чаконец, крепко уснул.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

МИСТЕР БАНТИНГ В РОЛИ ЗРИТЕЛЯ

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Было что-то сугубо английское в том, как семейство Бантингов встретило разразившуюся катастрофу, хотя сам мистер Бантинг приписывал это просто недостатку здравого смысла. Прежде всего они, повидимому, толком даже не понимали, что их действительно постигло несчастье, и во всяком случае не были им чересчур подавлены. На следующее утро все (за исключением самого мистера Бантинга) с обычным благодушием уселись за стол, разговоры велись о чем угодно, только по об этом искали данином поворот фортуны. Такие единодушные усилия игнорировать неприятную действительность были, по мнению мистера Бантинга, совершенно неуместны. Столь же неуместной казалась ему и царившая за столом веселость; все это заставило мистера Бантинга сомневаться, обладают ли его дети достаточными умственными способностями, чтобы оценить серьезность положения. Только трагически неумолимый ход событий, которые — он ясно это видел — надвигались из них черной тучей, мог открыть им глаза.

Все же он пашел нужным обратиться к своим сыновьям с небольшой речью о необходимости улучшить свое служебное положение. Это, сказал он, очень существенно, абсолютно необходимо и должно быть сделано во что бы то ни стало. В ответ они поимавшие кивнули, повидимому, проникнувшись сознанием, что этим действительно следует заняться.

Когда они ушли на работу, мистер Бантинг с еле заметным видом лога, приступающего к процессу само-

углубления, пришлось обдумывать свое отчаянное положение. Его раздумья были, однако, прерваны в самой ранней стадии взглясом миссис Бартлиг, хлопотавшей по хозяйству:

— Ну что пользы так унывать, Джордж? Все равно ничего не поделаешь. — И она посоветовала ему «немного прибодриться».

Он тяжко рассмеялся.

— «Прибодриться»! Когда все это на нас надвигается!

Что именно «все это», он и сам точно не знал. Воспоминание рисовало ему мелодраматические картины бедности; потухший очаг, пустую кладовку, комнаты, из которых вынесена вся мебель. Он видел все это и проникался смутным страхом перед грозящими изменениями и незнанием и перед последующей окончательной нищетой. Сколько раз приходилось ему видеть, как подобные несчастья обрушивались из головы когда-то состоятельных людей. В эти первые дни после своего увольнения он был словно загипнотизирован страхом и не мог лайти в себе мужества обуздать его и спокойно обдумать свое положение.

Только железным усилием воли удалось ему заставить себя выйти из дома и предстать перед населением поселка вновь для себя качестве праздного человека. Он заранее чувствовал ужасную жалость при одной мысли о предстоящих встречах. Но обстоятельства сложились так, что ему не пришлоось рассказывать никаких небылиц. Сосед-полковник, увидев его на улице, перебежал через дорогу, чтобы пожать ему руку и поздравить с заслуженным отдыхом. — Ваша жена сообщила мне. Теперь мы сажаем розы и читаем Омар Хайяма? Лучший удел человека! — Миссис Оски тоже поздравила его: он правильно сделал, что послушался совета своей супруги. Настор остановил его и заметил что-то насчет «бремени и тягот нашей жизни». Все это было очень неожиданно, и он не был уверен, что его ответы всегда попадали в точку, но во всяком случае это было приятно — при условии, конечно, что он сумеет и дальше выдержать марку.

В первые недели его праздного существования очень много времени у него ушло на то, чтобы освоиться со своим положением и предугадать час, когда должна бу-

дёт состояться его решительная схватка с судьбой. Его стол попрыгая счетами, банковскими книжками, пачками акций и приходо-расходными сметами. Закладная была выкуплена, платить за Джуди в школу больше не требовалось, и вопрос о дорогостоящих барьерах тоже, наконец, отпал. Деньги, вырученные им за продажу земли, он положил на книжку из четырех процентов годовых, и у него еще оставалась арендная плата за коттеджи. Недоходный налог платить не придется, за дом тоже. Платить ничего не надо, кроме обычного налога на недвижимость. Когда он несколько прояснившись взором окинул эту картину, она совершенно неожиданно показалась ему в общем не столь уж мрачной. Его дела были значительно лучше, чем он предполагал. Правда, до той поры, пока сыновья станут на ноги, все время будет происходить небольшая утечка капитала, но, как бы то ни было, мистер Бантинг видел, что он может выдержать длительную осаду.

Было бы несправедливо утверждать, что мистер Бантинг был огорчен этим открытием, по оно его еле-еле удивило. Не раз замечал он с некоторой гордостью, что в самых важных жизненных вопросах он обычно оказывался прав. Уже много лет подряд он твердил, что находится на краю банкротства. Вначале он говорил так из педагогических соображений, но затем столько раз это повторял, что и сам тому поверил. Непринявшая мысль о том, что он является, в скромном масштабе, человеком обеспеченным и может делать, что ему угодно, — если не считать его обязанностей перед сыновьями, — первое время никак не укладывалась у него в голове. Но ведь вот цифры. Он позвал миссис Бантинг, и она подтвердила их правильность. Она и сама пришла к сходным выводам, произведя такие же вычисления в уме. Они проживут.

— Да, по только-только, — сказал он, вспомнив про неизбежную утечку капитала. — Теперь дело за мальчиками. Неужто они не могут хоть немножко встряхнуться? Что, у них совсем нет самолюбия, что ли?

— Я уверена, что они постараются, милый.

— Посмотрим, — заметил мистер Бантинг *не слишком оптимистическим тоном*.

Так-то вот, подводя время от времени итог домашних приходов и расходов, мистер Бантинг попечивому воспирял духом, и, пока дни текли за днями, в его духовном облике произошла перемена — из уволненного служащего он превратился в удалившегося на покой бизнесмена. Настор был прав — он долго нес тяготы и бремя жизни и заслужил отдых и покой. Осенью его частенько можно было видеть в саду — загорелого толстенького человечка в одной жилетке и продырявленной садовой папаме, пичем особенным не занятого. Необходимости превращать газон в картофельное поле так и не возникло; у газона урвали только весьма скромную полоску земли как опытное поле для выращивания грибов. На самодельной скамейке, придавленный сверху камнем, обычно лежал очередной номер «Любителя-садовода», а фигура мистера Бантинга, вооруженного садовыми ножницами (по фирмы Брокли, но тем не менее превосходного качества), виделась около розовых кустов, которые аккуратно подрезались согласно указаниям вышеупомянутого авторитетного периодического издания. Мысли о палого и домашних расходах, правда, порой пропускались в его мозгу, как сквозь, случайно залетевшие в амбар, чтобы тотчас оттуда выпорхнуть, по больше всего его одолевала забота, как побить Оски в разведении гибридов. От вопроса о том, как свести концы с концами, он мало-помалу отстранился, решив, что это касается прежде всего его сыновей и в особенности Эрнеста. С течением времени он уяснял роль иронический настроенного зрителя, который наблюдает, как хлопочут его дети, воображающие, что они лучше сумеют устроить свои дела, чем он когда-то сумел это сделать для них. Ну, что же, па здоровье, пусть продолжают в том же духе.

Итак, вообразите себе мистера Бантинга, когда он, решив, что оставшиеся розовые кусты могут и подождать, и удобно развалившись на садовой скамейке под надавлено сооруженным самодельным павесом, вытирает выступившие на лбу капельки пота. Он выкупит трубочку, приятию вздремнет, а там, глядишь, подоспят четырехчасовый чай — весьма приятное нововведение последних дней. По вот сверху, из окна джулиной спальни, парущая его дремоту, доносится металлическое

«Клип-клик», перемежаясь с глубокомысленными паузами и прерывистым треском запончка: Джули упражняется на пишущей машинке, которую Крис раздобыл для нее из Фолловского гаража. Время от времени мистер Бантинг слышит, как каретка с треском проскальзывает до конца строки и там беспадежно застревает. Этот дефект происходил от того, что машинка в свое время была оборудована специальным глушителем системы Ролло-Бантинг, за счет удаления некоторых существенных частей механизма. Мистер Бантинг бесновойно ездит на скамейке. Невысоко ни спать, ни думать, ни даже покурить с приятностью, когда у тебя над головой устраивают такой содом. А сейчас еще Джули кричит ему, чтобы он поднялся вверх, прихватив с собой отвертку.

— Слушай, — возвал он к миссис Бантинг, появляясь у кухонного окна, — не можешь ли ты сказать Джули, чтобы она прекратила этот адский грохот?

— Она же готовится поступить в контору, Джордж. Ей необходимо практиковаться.

На это трудно было что-нибудь возразить.

— Удивительное дело, вечно-то оть подгадает так, чтоб помешать мне со всему после обеда, — ворчит он.

Разве от них дождешься хоть капельки внимания к человеку, который так долго писал тяготы и бремя жизни.

Для Эриста, принужденного влезанию отказаться от надежд на приличную карьеру и заняться шизменным делом выколачивания лишнего фунта в неделю (к чему отец неустанно его покуждал), настутили дни тяжких разочарований. Все, с такой любовью выпошенные им жизненные теории, разом рухнули.

Так, к примеру, он был страстным почитателем брашюрок, кратко озаглавленных «Успех». Он верил в практическое применение законов психологии и в пластичность внешних обстоятельств жизни. Чтобы добиться успеха, вы должны отчетливо вообразить себя пожинаяющим плоды этого успеха, вы должны утверждать себя, должны верить в силу своей воли.

Эриест верил, верил со страстью. Он считал, что обладает незаурядной силой воли. Он утверждал порой, что

излучает успех, и старался винуть себе уверенность в своих силах, приумная уверенную осанку и решительное выражение лица. На сей грядущий он всякий раз известным образом настраивал свое подсознание так, чтобы и во сне продолжалось совершенствование его духа, каждая клеточка его мозга была пронизана непреклонным стремлением во что бы то ни стало добиться успеха на бухгалтерском поприще.

Ведь так хорошо все складывалось! Продажа линкоровых участков, остаток в восемьдесят фунтов после уплаты по закладной и так удачно сделанное им открытие «Старейшей школы бухгалтеров» — почему происходят подобные благоприятные стечения обстоятельств? В таких случаях обычно говорят о совпадениях, но ведь никаких совпадений не существует. Мысль действует на события. В позитивном мышлении есть магнетизм, который все подчиняет воле мыслителя.

И вдруг внезапно обстоятельства упрямо и грубо вышли из повиновения и опрокинули все теории практической психологии. Мистера Бантигга выгнали со службы, и семья оказалась в довольно затруднительном положении. Вопреки всем психологическим заклинаниям шансы Эриеста стать дипломированным бухгалтером сразу свелись к нулю.

Но он не был обескуражен. Правда, от бухгалтерии пришлось отказаться, но другие пути были открыты для него. Иной раз возникающие на первых порах препятствия только подстегивают предпримчивых людей, заставляя их с тем большей энергией добиваться успеха собственными силами. Брошюры, озаглавленные «Успех» (а надо сказать, что Эриест не совсем от них отрекся), были полны подобных примеров: люди начинали с нуляиков, используя потребность в каком-либо самом обыденном предмете, и сколачивали капитал тем, что поставляли этот предмет публике. Состояния наживались самыми неожиданными способами: торговлей открытками, разведением бабочек, выращиванием сортового клевера, поставкой конторских полотенец, — ну, словом, ца тысячу ладов. Даже здесь, в Кильвурте, имелось предприятие по снабжению ресторанов чипсовым картофелем. Непочатый край прибыльных запятей.

К своему безграничному удивлению, Эрнест был не в силах ни одного для себя придумать.

Он составил письменный перечень своих талантов, ибо всегда «лучше умел думать на бумаге». Получилось следующее: он знает стенографию, умеет печатать на машинке, обладает хорошим почерком и может вести счетные книги. Умеет еще играть на рояле. Вот и все, и сколько он ни просматривал составленный им список, он ничего не мог к нему прибавить. Разумеется, в нем таились еще не раскрытые возможности; в их существовании он был глубоко убежден. При благоприятных обстоятельствах и известной свободе действий эти скрытые в нем качества могут проявиться. Но пока что ни один человек в мире, за исключением его самого, не подозревал об их существовании. Пишущая машинка, стенография, рояль — ни кого этим удивишь!

Вот если бы ему посчастливилось попасться на глаза какому-нибудь проинцательному дельцу, человеку с положением, который ищет высокоодаренного юношу, чтобы приблизить его к себе в качестве доверенного лица. Эрнест был убежден, что существуют десятки и сотни крупных коммерсантов, которые, мысленно перебирая свой штат, — как сделал бы он сам, будь он крупным коммерсантом, — ищут молодого человека именно такого типа, как Эрнест, ищут и не могут найти. Вот почему в газетах так много пишут о том, что современная молодежь ни на что не годна. Но, предположим, Эрнест добьется свидания с таким дельцом; произведет на него благоприятное впечатление. Делец подумает: «Способный юноша, этот Бантинг. У него просто не было случая проявить себя». И, положившись на свою интуицию, даст ему эту возможность, и Эрнест проявит себя так, что превзойдет самые смелые ожидания. Такие случаи бывают, почему бы нет? Эрнест не видел никаких причин, почему бы этому не случиться.

И все же ничего пока не случалось; быть может, потому, что Эрнест не применял своих теорий на практике и не добивался свиданий с проинцательными дельцами, а вместо того проводил время в бесплодных и все более отчаянных попытках найти себе хоть какое-нибудь применение и почему-то личного не мог найти. Он

читал объявления в газетах о различных вакансиях, но там требовались специальности, в которых он был несведущ; кроме того, наперед нельзя было знать, приведет это к чему-нибудьциальному или нет. «Должно же найтись для меня какое-нибудь дело, — думал он. — Ведь мне это дозарезу нужно!» И он хмурил брови и думал, думал. Но ничего не находилось, решительно ничего, чем бы он мог заняться, чтобы помочь семье в тяжелую минуту.

Тогда его охватило отчаяние, и, распростившись со своими тщеславными надеждами, он ударился в другую крайность — впал в болезненное самоуничтожение. Он — неудачник, растряпа, ничтожная козявка. Контора городского управления — вот его лужица, и в ней он будет баражаться всю жизнь. Сможет только по временам высывать оттуда нос и взирать на мир, где орудуют предпримчивые и волевые молодые люди, поглощенные собой и своими делами. Молодые коммерсанты, архитекторы, поставщики, земельные агенты, люди, знакомые ему со школьной скамьи, никогда не отличавшиеся особым умом, но наделенные той напористой предпримчивостью, которой, он начинал это понимать, ему самому, к сожалению, так недоставало.

«Если бы отец помог мне начать, — размышлял он, и тут же себя одергивал: — Нет, теперь я должен действовать на свой страх и риск».

Результатом всех этих напряженных дум было нечто не слишком грандиозное, а именно объявление в «Кильвортской газете», что Джордж Бантиг из коттеджа «Золотой дождь» проверяет торговые книги и составляет расчеты подоходного налога. Он показал его отцу и объяснил, что пришлось употребить «Джордж» вместо «Эрнест», так как Кильвортское городское управление не одобряет, когда служащие занимаются побочным заработком, в особенности если они отбивают хлеб у членов управления.

Лицо мистера Бантига сморщилось, словно ему супули в рот ломтик лимона.

— Опять бухгалтерия. Эрнест? Ты все еще носишься со своей бухгалтерией! Ты бы лучше занимался как следует своим делом и старался выдвинуться на работе.

— Я стараюсь пайти какую-нибудь дополнительную

работу, чтобы нам было легче, — разъяснил Эриест, уязвленный тем, как мало оценили его старания. — А у нас на службе прибавляй ждать нечего.

— Ну, когда им попадается хороший работник, они и платят ему как следует, это ведь так.

— Вовсе нет. Мы все на твердой ставке. Дойдешь до известной цифры, и дальше ни с места.

Но мистер Бантинг не желал даже слушать такие неправдоподобные объяснения.

— Есть же у них управляющие, как во всяком предприятии. В каждой конторе, в каждом отделе должен быть управляющий. Ты ведь не станешь меня уверять, что в городском управлении все занимают одинаковые должности?

— Нет, конечно.

— Ну вот тебе и возможность. Чудиб! Как это ты не видишь. Налегай на работу, налегай! Я знаю, Эрлест, это несложно. Я сам через это прошел.

— Я уж и так налагаю, нача.

— Помни, что сказал поэт, — заметил мистер Бантинг, ухватив за хвост папку, промелькнувшую в его уме. — Великих удел достигать до вершин, по луть к ним продолжат они же один. Их думы в заоблачных высинах парят, пока их безвольные спутники спят».

— Я хочу только подбодрить тебя, — сказал он, встретив изумленный взгляд Эрлеста. — Нужно же что-то сделать, чтоб мы не завязли в долгах. И как можно скорее.

Из этого разговора Эрлест вынес убеждение, что в иных случаях его отец может быть самым тупоголовым человеческим во всем Соединенном королевстве.

Но он твердо решил, что должен что-то предпринять. Когда-нибудь, как-нибудь он еще покажет себя. И, главное, будет действовать на свой страх и риск. Эта проверка, торговых книг, которую он придумал, — это просто так, пока нет ничего лучшего. Потом, о, потом он займется другими, действительно серьезными вещами.

Крис стоял в нижнем перед туалетным столиком и сперва притягивал щеткой волосы. Он знаком предложил Эрлесту притворить плотнее дверь.

— Послушай, Эрлест...

— Ну?

— Завтра утром у нас поднимется буча.

Эрнест, занятый расстегиванием жилетки, вопросительно вскользь глаза на брата.

— Я покончил с банком, — заявил Крис с таким возбужденным видом, словно хотел сообщить, что он его ограбил.

— Что?

— С банком Барклэй все покончено. Получил работу в гараже у Ролло. Для начала лишние десять шиллингов в неделю.

— Ты бросил банк? — Эрнест был ошеломлен.

— Ну да. Отец же сказал, что мы должны двигаться вперед, верно? Вот я и двинулся.

Эрнест заметил, что он взирает на своего младшего брата с чувством, похожим на восхищение. Быть может, Крис совершил пепростительную глупость, но он, без сомнения, был одним из тех предпримчивых и волевых людей, которым Эрнест так завидовал.

Мистер Бантиг после завтрака просматривал «Сирену» и не сразу понял, что его ставят в известность о свершившемся факте. Ему показалось, что с ним просто совсемются.

— Но я уже ушел оттуда.

— То есть как?

— Да так, ушел, и все, — сказал Крис. — Бросил банк.

Проплыв несколько секунд, прежде чем мистер Бантиг учел себя, что его сын действительно сделал то, о чём он говорит, — не посоветовавшись, не спросив разрешения, даже не предупредив его, бросил банк Барклэй и сегодня утром уже приступает к работе в ролловском гараже.

Как только эта ошеломляющая мысль проникла в его сознание, наступила короткая, но ужасная пауза, во время которой лицо мистера Бантига медленно багровело. Когда здря репли вернулся к нему, его первые слова были столь образны, что мистер Бантиг пришлось напомнить о присутствии дочери.

Усилием воли он заставил себя говорить более связно: — Ты бросил хорошее место... погубил свое будущее?.. И все лишь ради того, чтобы торчать у беззиновой колонки? Одурел ты, что ли? И после всего, что я для тебя сделал! Какого черта, спрашивается, я плакала за тебя в школу?

— Но я буду обучаться технике, папа, и зарабатывать любых десять шиллингов в неделю.

— Техник!.. Накачивать шины и лепить заплаты — вот и вся твоя техника.

— По послушай, папа, ты же сам всегда говорил, что мы должны быть более предприимчивыми.

Мистер Бантинг, все время шагавший из угла в угол, даже остановился. Он вперил в Криса такой изумленный и пристальный взор, словно только сейчас понял, какого, прости господи, болвана произвел он из света.

— Ты что же воображаешь, что проявил предприимчивость?

— Конечно. А разве нет?

Мистер Бантинг воздел руки к небу. — Хороша предприимчивость! Отказался от прекрасной карьеры...

— Ну, а избранная мной сфера, профессия инженера, чем плохая карьера?

Неожиданно промелькнувшая в словах Криса рифма, да еще в такой сугубо напряженный момент, рассмешила Джули; она прыснула, но тут же осеклась. Мать испуганно шикнула на нее. Мистер Бантинг бросил подозрительный взгляд в их сторону и вернулся к прежней теме.

— Беда, Крис, в том, — торжественно произнес он, — что у тебя нет никакого понимания... нет понимания... этого... ну, одним словом, у тебя нет понимания. Ты предпочитаешь возиться с автомобильными моторами, лишь бы не утруждать себя экзаменами. Тебя это тешит, сегодня это твой новый конек, ну, а что будет завтра — об этом ты и не думаешь. Во помяни моё слово: Цемезида тебя шастит, и тогда ты сам поймешь, каким ты был ослом. Рабочий в гараже! После всего, что я для него сделал! — повторял он слова и слова. Он был не на шутку расстроен.

— Но теперь уж все кончено, папа, — сказал Крис, несколько смущенный волнением отца. — Старый Лик

не возьмет меня обратно в банд. К тому же я уже купил комбинезон.

— Fait accompli¹, — вставил Эркест.

— Пожалуйста, не остири, — свирепо огрызнулся мистер Бантинг. — Все вы воображаете, что пивесть как умы и лучше всех все знаете. Ну и живите, как хотите. — И, проворчав, что жизнь скоро их кое-чему научит, мистер Бантинг развернул, наконец, газету, не столько, впрочем, чтобы ее читать, сколько для того, чтобы под этим прикрытием продолжать свою воркотню.

— Не понимаю я отца, — задумчиво промолвил Крис вечером. — Сам вечно твердит, что мы должны двигаться вперед, а когда что-нибудь для этого сделаешь, пачкает корчить из себя обиженного.

Но в гараже Ролло Крис был по-настоящему счастлив. Этот гараж был его излюбленным местом отдыха. Входить или выходить из мастерской гаража не как случайный посетитель, а как лицо, причисленное к штату и наделенное различными правами и привилегиями, вплоть до права управлять машинами, — большого он и не требовал от жизни. Теперь он носил синий комбинезон, и из кармана у него торчал гаечный ключ. Песчаными днями он вдыхал запах машинного масла, резины и целлюлозы — специфический запах гаража, оценить который может только подлинный энтузиаст-автомобилист.

Гараж Ролло назывался «Первый килворгский гараж». При нем имелся огромный выставочный зал, где стояли новые автомобили — чудесные, ослепительно отполированные, безупречные со всех точек зрения. При одном взгляде на них Криса охватывала экстаз, как верующего при созерцании божества. В этих сказочных чудовищах хрелись силы, которые можно было пробудить к жизни одним прикосновением пальцев, и тогда, послушные, бездумные, неутомимые, они помчат вас хоть на край света. Пределом мечтаний было иметь свой собственный «тозеррайт» стоимостью в 1000 гиней. На худой конец можно было бы обойтись и «бентли» или большим «райли». Да, по правде говоря, Крис был бы в восторге, имей он даже второсортный фордик или вообще любую работаю-

¹ Совершившийся факт (фр апц).

шую на бешине и способную к передвижению автоколы-
магу. Созерцая автомобили, стоявшие в выставочном зале,
он испытывал священный трепет перед теми сверхчеловеческими
умами, которые могли изыскать подобные чудеса. — Чорт возьми! — бормотал он в благоговейном восторге. — Красавцы!

В мастерской стояли старые, замызганные машины, в той или иной степени разобранные и распотрошённые. Самые сокровенные их части, известные до сих пор только по описаниям и чертежам, открывались его жаждному взору. Здесь вы заглядывали в пурпур машины сплошь вверх, словно из колодца. Машины висели над вами, поднятые для обозрения со всех сторон. Вас окружали станки, электросварочные агрегаты, промыватели, различные механизмы и инструменты в безграничном многообразии.

С таким местом службы, как гараж Ролло, башк Баркдэй не мог, конечно, ити ни в какое сравнение, ибо, как хорошо известно, в банке вообще нет никаких машин, если не считать за таковые ниппующие и копировальные машины. В гараже главенствовал неторопливый и все видящий, облаченный в твидовый костюм мистер Ролло — существо спокойное, терпеливое и рассудительное. Если вы сообщали ему о каких-либо поломках или других убытках, он не вскакивал с места, как безумный, и не начинал бегать по гаражу с воплями, что его разоряют, как сделал бы мистер Банкинг; нет, он только кивал и спокойно продолжал заниматься своим делом. Если ему говорили, что он заключил выгодную сделку, он не проявлял неумеренного восторга, не пытался вспушить язык, что он гений деловой изворотливости; он так же невозмутимо кивал и, как ни в чем не бывало, продолжал заниматься своим делом. Попытие это был поразительный человек. Он был наделен самообладанием и чувством меры и умел воспринимать жизнь с безмятежным спокойствием. Крис восхищался им превыше всех других людей в мире и твердо решил взять его себе за образец. В частности, он очень завидовал способности мистера Ролло целый день курить, не выпуская изо рта толстую черную сигару.

Его поражало, что Барт не находил ничего примечательного в своем отце и считал даже, что в некоторых

отношениях ему далеко до мистера Бантинга. Берт несмѣя
испруженію позволялъ себѣ критиковать его деловые
приемы.

— Уж очень онъ юбсий человекъ, — заметилъ какъ-то
Берт. — Не понимаетъ до сихъ поръ, какъ въ нашемъ деле
важна реклама.

— Какая реклама, Берт?

— Ну что ты, не знаешьъ, какая бываетъ реклама? Мѣтоды высокого давленія. Здоровый, крепкий напоръ. Какъ у американцевъ. Всякий понимаетъ, что въ наше время нельзѧ вести ни одного дела безъ рекламы.

— Но мне кажется, у васъ дело идетъ совсѣмъ неплохо.

— Да поди ты къ чорту, американцы просто подняли бы насъ смехъ съ нашей выставкой. Нерцъ въ ней петъ, вотъ что. Даже при одной световой рекламѣ! А говоритьъ съ нимъ — только зря время тратить. Ии за что не при-
знается, что дело идетъ не такъ, какъ надо. Ничемъ не интересуется, кроме своего крикета.

Ролло-младший былъ не болѣе высокого мнѣнія и, об-
остальпыхъ членахъ своей семьи. Взять хотя бы его сестру. Крис отнюдь не принадлежалъ къ разряду дамскихъ
угодниковъ, готовыхъ бегать за каждой юбкой, но сестра
Берта Ролло, вне всякихъ сомнѣй, была девочка хоть
куда. Крис чувствовалъ, что онъ никогда не забудетъ свою
первую встречу съ ней, — въ его жизни это было событие.
Какъ-то утромъ — онъ уже несколько недель работалъ тогдѣ
у Ролло — онъ зашелъ въ выставочный залъ посмотретьъ
только что полученнуу «лагонду» и неожиданно на-
толкнулся на незнакомую девушку. Прежде всего онъ
заметилъ, что эта девушка выглядела, какъ настоящая
кинозвѣза. Любая королева карнавала показалась бы
рядомъ съ ней просто гусыней. У нее были ослепительно
желтые волосы и сверкающие шелкомъ ноги, и она вы-
тирала тряпкой «лагонду» съ пѣбрежно-аристократиче-
скимъ видомъ. Крис наблюдалъ за ней съ таинимъ напряжен-
нымъ вниманіемъ, что даже забылъ полюбоваться на
чудесный обтекаемый радиаторъ «лагонды». Девушка по-
ставила стройную ногу на подножку и, тряхнувъ
локонами, продолжала грациозно начищать машину.
Крису было ясно, что она совершенно не замечаетъ его
присутствія.

— Послушай, — взволнованно прошептал он, схватив за рукав проходившего мимо Ролло-младшего, — это кто такая?

Берт посмотрел в указанном направлении. Его взгляд был устремлен через самое дальнее окно на улицу. Прошло некоторое время, пока он уразумел, паконец, куда смотрит Крис. Тогда он перевел взгляд на более близкие предметы.

— Ах, это! — воскликнул он. — Да это наша девчонка.

— Как? Твоя сестра?

Берт утвердительно кивнул. От него по укрылся странный взгляд, которым Крис смотрел на его сестру. Это его смущало, так как он всегда остро чувствовал недостатки своих родственников; он поспешил предупредить панибежицу, как ему показалось, критику по ее адресу:

— Не обращай на нее внимания, — сказал он извиняющимся тоном. — Она у нас немножко того...

Крис же сразу освоился с мыслью, что эта ослепительная красавица — сестра Берта, о которой он знал только то, что она учится где-то в городе и живет в школьном пансионе. Крис привык думать, что отсутствующая сестра Ролло-младшего была существом низшего порядка и не шла ни в какое сравнение с другими девушками. Он даже немножко жалел Берта, которому так не повезло с сестрой, хотя, если уж па то пошло, то и ему по поводу Джуди не было оснований особенно задирать нос. Сейчас Крис пытался выяснить, нет ли у Берта еще другой сестры или это та самая и есть, только в паружности ее почему-то произошла чудесная перемена. Да, это она и есть, единственная сестра Берта, возвратившаяся домой из пансиона.

Невольно возникала мысль, что в некоторых отношениях Ролло-младший явно туповат.

— Да, реклама, — продолжал между тем Берт. — Нужно шагать в ногу с веком. Если бы я занравлял всей этой лавочкой, хо-хо!..

И Берт с жаром начал рассказывать, как он к черту разломал бы этот курятник и какой бы он отстроил новый гараж, весь сплошь в электрической рекламе,

задитый ослепительными огнями, точ-в-точь, как тот
лосанжелосский, которым он любовался на обложке
журнала.

— Я бы все здесь перетряхнул. Все бы повернули
по-новому. Тебе бы, конечно, поручил всякие там
гросбухи, ведь ты все же, как-никак, работал в банке.
Мне самому исхода с пими возиться, а нашей девочон-
ке тогда не справиться.

— Ты имеешь в виду свою сестру? — Крис постара-
лся придать вопросу как можно более небрежный
оттенок.

— Угу. Сейчас она этим занимается.

Крис решил, что ему представляется удобный случай
удовлетворить свое любопытство.

— Кстати, как ее зовут, Берт?

— Кого? Ее? — Натужившись, сдвинув брови, Ролло-
младший отвягчивал гайку. На мгновение эта опе-
рация поглотила все его внимание. — Будь она про-
клята, эта резьба в левую сторону. Ну-ка, будь другом,
кини мне сюда немножко керосину.

Крис кашнул и ждал, когда же Ролло-младший от-
ветит на заданный ему вопрос. Но, повидимому, он
совершенно улетучился у него из памяти, и Крис не
знал, как ему снова об этом заговорить, не уронив
своего мужского достоинства. Это было глупо, Крис
сам это чувствовал, и в душе ему было даже стыдно,
но он испытывал непомерное, ничем не объяснимое
желание во что бы то ни стало узнать ее имя. С того
самого дня он непрестанно думал об этом. В конце кон-
цов у нее могло быть самое заурядное, а то и вовсе
бездобразное имя, что-нибудь вроде Клары или Роды.
Впрочем, какое это имеет для него значение?

— Вот где можно денежки лопатой ограбить, — про-
должжал молодой Ролло, — если изобрести какое-ни-
будь новое приспособление. Вроде, например, щита от
солдата. Тот, кто его выдумал, здорово избил себе кар-
маны. А ведь знаешь, я сам об этом думал. Честное
слово, еще за год до того, как его пустили в ход.
Я как раз лежал в это время с ангиной. Только я
тогда не занялся этим как следует.

Он задумался над упущеной возможностью.

— А я хотел бы заняться продажей автомобилей, —
сказал Крис.

— Вот еще одна область, в которой мы здесь безобразно отстаем, — сказал Ролло-младший, откладывая в сторону гаечный ключ. — Это наше английское «хотите — берите, хотите — нет» ни к чорту не годится. Американцы, так те торговлю превратили в науку. У них даже специальные колледжи есть. Ты думаешь, в американском гараже могло бы стоять столько непроработанных машин? Нет, сэр, уж там что-нибудь да придумали бы. Но старик ни бельмеса не смыслит в научных методах торговли. Он думает, что тот, кому нужна машина, сам за неё придет, а ему надо только сидеть и дожидаться.

Он сообщил об этом Крису как о предельной глупости, как о каком-то беспримерном недомыслии. Крис поддакнул, хотя он не совсем понимал, что же другое надо делать мистеру Ролло.

— Но послушай, Берт, ведь если человеку не нужна машина...

— Ага, в этом-то все и дело! Ты должен сделать так, чтобы она стала ему нужна. Ты должен заставить его купить.

— Да как же ты его заставишь, если он не хочет?

— Вот об этом самом я тебе и толкую. В этом и состоит искусство торговли. Чорт, неужели ты не понимаешь, Крис? Всякий дурак сумеет продать машину тому, кто хочет ее купить. Нет, ты сумей продать независимо от того, хотят ее покупать или нет. В этом-то вся штука.

Он взъерошил волосы, силясь выразиться как можно ясней.

— Американский агент по продаже — я говорю о настоящем, сто процентном знатоке своего дела — не беспокоится о том, хотят покупать его товар или нет. Даже наоборот, если покупатели хотят купить, так ему уже скучно иметь с ними дело, и он поскорей заканчивает с ними сделку. Он хочет заставить их хотеть. Тогда он берет их приступом и иродает им свой товар.

— А я не понимаю, как он это делает?

Ролло-младший взглянул на него, начиная терять терпение.

— Так ведь об этом же я тебе и толкую. Да то он и есть настоящий торговый агент. В этом и заключается искусство торговли. Я дам тебе почитать одну книжку. Она тебя кое-чему научит.

— Мне кажется, я мог бы продавать машины, — сказал Крис и погрузился в размышления. Агенты получают жалование и комиссионные. По словам Берта, они зарабатывают сказочные суммы, особенно в Америке.

— Я думаю, что нужно попимать толк в автомобилях. И в людях, — продолжал Крис, подводя итог своим размышлениям.

— Разумеется, — нетерпеливо подтвердил Ролло-младший. — Но нужно еще овладеть искусством торговли.

В этот вечер, уходя домой, Крис набил себе все карманы рекламными брошюрками различных автомобильных фирм. Он прихватил также с собой «Искусство торговли» Гомера Цейса (цена 50 центов) — предшествующую книгу, если не считать некоторой пехватки страниц, израсходованых мистером Ролло на прикуривание вместо спичек. Крис взялся за изучение этой литературы с несколько смутными для него сачого наименованиями. Вернее даже, он вообще не рассматривал это как «изучение», во всяком случае не в том смысле, какой имеет это слово в применении к трудам Теофилуса Уокера. Будь это иначе, он, конечно, быстро бы сдался. А так ему было очень интересно знакомиться с различными особенностями автомобильных марок и узнавать, за что именно дерут с вас либонее. Агент должен, конечно, знать все эти штуки, и Криса попемогу все больше увлекала идея сделаться агентом по продаже автомобилей.

Каждый вечер он усаживался в гостиной, обложившись автомобильными пресскурантами. Подойди к нему, вы могли услышать невнятное однотонное бормотание: «Модель с четырьмя дверцами — на семь фунтов дороже. Цвета — черный, серый или красновато-коричневый. Четырехцилиндровый или...». Он твердил все это слова, и снова, и снова, с таким же упорством, как Эрнест

когда-то свои гаммы. И когда мистер Бантиг, несколько утомленный после проведенного в саду дня, входил в комнату, расплагая с приятностью почтитель «Стар», его встречало это монотонное, упрямое повторение автомобильных терминов. Он шумно щелкал газетой и выглядывал из-за нее, чтобы показать, что ему меняют.

— Что это ты там бормочешь, Крис? — не выдержал он, наконец.

— Я изучаю методы торговли, папа.

— Изучаешь... что ты изучашь? Я думал, ты собираешься стать инженером.

— Я и собираюсь, — весело ответил Крис.

— Ты не пробыл еще и месяца на этой работе, — сказал мистер Бантиг неторопливо, — а уже надумал что-то новое.

— Да вовсе нет, папа. Это же автомобильное торговое дело.

Мистер Бантиг легонько стукнул кулаком по столу.

— Это ничего не меняет. Инженерное дело — это одно, а торговля совершенно другое. Неужели ты не можешь на чем-нибудь остановиться?

— Ах, папа, ты не понимаешь.

— Очень возможно, — ответил мистер Бантиг мрачно. — Но я понимаю, что если человек бросается от одного дела к другому, из него никогда не выйдет толку. Вирочем, ты, конечно, все сам лучше знаешь, поэтому продолжай, пожалуйста, изучай. Методы торговли! — произнес он извивательно и опять взялся за газету. Все чаще и чаще он теперь занимал позицию человека, который демонстративно снимает с себя всякую ответственность за поступки своих детей.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Прошло несколько недель мучительных раздумий, хлопот с объявлениями в газетах, не приносящих никакого результата, и вдруг на Хай-стрит перед Эрнестом предстала удача и, как водится, представлена внезапно и в самом неожиданном обличье. Человеком ее оказался

бледный молодой человек в маечинтоше с поднятым для иущей элегантности воротником и в полосатых брюках, купленных, как нетрудно было догадаться, еще к свадьбе. В его наружности — в круглом, мягко очерченном лице и пухлых розовых губах — было что-то женственное, однако взгляд у него был очень смыщеный, — и держался он с большим самообладанием. Эрнесту казалось, что этого молодого человека он уже где-то видел, но где именно и при каких обстоятельствах, он не мог вспомнить.

— Если не ошибаюсь, вы как-то выступали на концерте в городском управлении? — осведомился незнакомец.

Эрнест подтвердил этот факт и, приняв предложенную ему папиросу, тем самым очутился в плену у своего собеседника. — Значит, я не ошибся, — сказал тот, услужливо зажигая спичку и поднося ее Эрнесту. Убедившись, что после такой любезности с его стороны добыча никуда не убежит, он объявил: «Я Артур Уилсон» — таким тоном, словно это было по меньшей мере «я Хор-Белиша», и выдержал паузу, видимо, уверенный, что его немедленно узнают. Не дождавшись желаемой реакции, он пояснил: — Рыжик Уилсон из «Гармонической пятерки», — и протянул визитную карточку в подтверждение своих слов, в которых, впрочем, Эрнест не усмотрел ничего чепралодобного.

— Ищу пианиста. Мой настоящий лежит в больнице. Так что это только на время. Вас не заинтересует? — И он уставился на Эрнеста во все глаза.

— То есть как? — начал Эрнест, не сразу осознавший всю чудовищность такого предложения. — Вы приглашаете меня играть в вашем джаз-бэнде?

Уилсон, повидимому, не заметил ни возрастающего удивления, с которым произнеслись эти слова, ни того обстоятельства, что Эрнест был потрясен его дерзостью.

— В этом сезоне больше в ходу блюзы, чем настоящая джазовая музыка, — сказал он с точностью профессора. — У нас в репертуаре, конечно, есть всякая, и с перцем и без него. Мы на все вкусы потрафляем.

Эрнеста передергнуло от такого жаргона.

— Боюсь, что это не мой жанр. Я предпочитаю классиков, а джаз не очень люблю. — Он хотел сказать: «Джаз я презираю», но удержался из вежливости.

— Ну, уж если вы классиков играете, так тут и подавно справитесь, — сказал Уилсон. — Тут вся соль в том, чтобы уловить ритм.

— Но я совсем не играю джазовую музыку, — сказал Эрнест, словно провозглашая некий моральный принцип. — Мои любимые композиторы — Бетховен, Бах. В виде исключения — Колъридж-Тэйлор. — Он не хотел показаться снобом.

— Будете получать пятнадцать шиллингов за вечер, — продолжал Уилсон, направляя его внимание на более существенную сторону вопроса. — Два вечера в неделю в течение сезона. Иногда будет и три. Кроме того, полагается ужин.

От тридцати шиллингов до двух фунтов в неделю. Несмотря на верность искусству и высоким идеалам, Эрнест немедленно произвел этот подсчет. В городском управлении он получал два фунта за целую неделю нудной, утомительной работы. Этот джаз сразу удвоил его доходы. Ему никогда не приходило в голову, что можно так легко зарабатывать деньги.

— Приходите на репетицию, попробуйте. Мы народ не плохой.

— Не знаю, смогу ли я.

— А что вам мешает?

Эрнест затруднялся ответить на этот вопрос. Ему казалось, что Уилсон сочтет его щепетильность просто глупой.

— Я вам сообщу, если надумаю.

Отделавшись от этого цавязчивого юноши, он обсудит все спокойно и не торопясь. Два фунта пять шиллингов в неделю — это большой соблазн, но дело идет о принципах. Эрнест не лицемерил. Он неизменно джаз, считая, что такая музыка действует на психику развращающе, и охотно проголосовал бы за изгнание его из программ Британской радиовещательной корпорации. Он часто распространялся на эту тему даже на службе, всякий раз

отпуская какие-нибудь саркастические замечания по поводу джазовой музыки. А теперь его приглашают пианистом в джаз-банд. Играть при публике. Публично отречься от своих идеалов. Потом не оберешься всяких разговоров.

— Я подумаю, — сказал он, растерявшийся от напыши всех этих мыслей. Но другая половина его мозга горнила: стоит ли придавать этому такое значение? Он будет играть на танцевальных вечерах, только и всего. Ничего ужасного тут нет. Будет зарабатывать деньги. Егосыплют золотом. Прежние платья, повидимому, неосуществимы; на одни объявления уходито семь шиллингов.

— Но мне нужно подыскать кого-нибудь сегодня же. Время не терпит. Мы должны играть в пятницу.

Эрнест еще миг колебался на краю пропасти, но такая реальность, как ближайшая пятница, заставила его решиться в бездну. — Хорошо, приду. Попробую. Посмотрим, как получится.

И у него сразу отлегло от сердца. Он принял определенное решение, а это всегда было для него самое трудное. И он продолжал путь в приподнятом настроении духа. Первые пятнадцать шиллингов — дело верное, и, может быть, на следующей неделе он получит еще столько же. Дома эти деньги будут по лишние; пригодятся в хозяйстве. Это соображение хотя и несколько запоздалое, облагородило его поступок, павшего из него глянец жертвенности. Он артист, и ради семьи он готов поступиться своими принципами, готов играть эту трескучую дребедень на потребу толпы. Так было и с Шубертом; что именно было с Шубертом, он не помнил, по что-то в этом роде было, когда тот жил в Вене.

Одно только его утешало: поскольку он помнил, «Гармоническая пятерка» выступала во фраках. Показаться Кильворту в костюме румынского цыгана было бы свыше его сил.

Побравшись без всякой на то необходимости и облачившись в выходной костюм, Эрнест явился на квартиру к Уилсону, готовясь к предстоящему посвящению в тайны ритма. В том мире, в который он теперь вступал,

считалось аксиомой, что ритм присущ только популярной музыке. Обитатели этого мира признавали, что синкопы — изобретение Генделя (или кого-то в этом роде), но Гендель то ли не сумел оценить их в должной мере, то ли по склонности воображения испугался того отонька, который есть в синкопированной ритмике. Поэтому эта одна его вещь не может быть причислена к разряду тех, которые теперь имещутся боевиками.

Хотя Рыжик Уилсон был одних лет с Эрнестом, но он уже успел обзавестись женой, ребенком и, будучи дирижером «Гармонической пятерки», пользовался некоторой известностью в Бульварте. На ближайших к его жилищу улицах и особенно в соседних домах он слыл нарушителем общественной тишины и склонности, а репетиции «Гармонической пятерки» вызывали ярость окружающих, выливавшуюся в мстительные постукивания в стену, постоянные перебранки у дверей и бесконечные потоки писем от адвокатов. Уилсон по-своему тоже был мучеником искусства. Но и он, и миссис Уилсон относились к этим неприятностям легко и считали свою теперешнее местопребывание всего лишь временной остановкой на пути Рыжика к богатству.

Репетиции происходили в душной маленькой гостиной с цветастыми обоями и купленной в рассрочку мебелью, уже успевшей потерять свой первоначальный блеск. По стенам на ярких ленточках висела целая коллекция кукол — размалеванных женских фигурок почти без всякого одеяния; такими сувенирами торгуют все киоски в увеселительных садах и парках. Вкусы миссис Уилсон оказывались и в безделушках от Бульварта и в цветных лентах, которыми были перевязаны занавески. На камянной доске стояли портреты Генри Холла и Джека Пэйпа, а между ними портрет самого Рыжика — все трое были сняты за дирижерскими пультами. Фотография Рыжика свидетельствовала о том, что у него выработан индивидуальный стиль дирижирования. Поты лежали в гостиной повсюду: на стульях, на рояле, на полу, и когда Эрнест вошел, Рыжик с удрученным видом ворочил все эти груды в поисках оркестровой партитуры, которой, как водится, в самую нужную минуту не оказалось на месте.

— А вот и наш новый приятель, — сказал Рыжик, прерывая упражнения своих музыкантов. — Эрни Бентинг.

Его слова вызвали самый дружественный отклик:

— Пожалуйте к нам, пожалуйте!

— Очень приятно.

— Здравствуйте, Эрни.

Музыканты «Гармонической пятерки» расположились полукругом вокруг камина, приспособив первые попавшиеся предметы в качестве сидений. Эти трое молодых людей — Чэд Драйвер, Бек Уилсон и Док Питерс — по виду могли быть чем угодно, начиная с водопроводчиков и кончая приказчиками из бакалейной лавки. В их именах была таlixость, которая считается необходимой для представителей эстрады. Следовательно, и ему придется теперь называться Эрни. Плюнитры мешали свободно двигаться по комнате, и звукометро было сочтено законченным.

— Здравствуйте, — сказал Эрнест. Он робел, стеснялся; он злился на себя, зная, что краснеет, и от одной этой мысли заливался крымской по самую шею. Дотронувшись до кончика носа платком, он неуклюжим движением спрятал его обратно в карман. Совершенно ясно, что его здесь сочтут круглым дураком.

— Суньте куда-нибудь пальто и шляпу, — сказал Уилсон. — Сейчас мы начнем. — Он раздал партни. — Это повинка, друзья. Фокстрот «Луна Аризопы». Испробуем его завтра у Хэрръерса. Эрни, вы следите за мной в зеркало. А ты, Чэд, не очень усердствуй на своем барабане. Соседи опять жаловались.

— Есть, сэр.

— Берите табуретку, Эрни. Приготовился, Док? Ну, дружно! Понти!

Волны джаза подхватили Эрнеста. Тут не было ни вступительных тактов для разгона, ни робкого касания холодной воды кончиками пальцев. Пришло сразу вниз головой броситься в бурное море. Несколько секунд беспомощного барахтанья, и Эрнест, потонув в оглушительном реве саксофона, сбылся с такта и замолчал.

Рыжик остановил музыкантов.

— Простите, пожалуйста, — извинился Эриест, весь побагровев.

— Ничего, ничего. Вы только акцентируйте посильнее и не обращайте внимания на подснитительные знаки. Это для пения. Танцующим нужен четкий ритм — раз-два. Понимаете? Ну, вот. Шпарьте, друзья!

Четкий ритм, первое движение. Эриест всеми силами старался не сплоховать. Это всего-навсего джаз, но он докажет им, что может играть и такую музыку. Он держал ритм, держал самую основу его, проскакивая паузы, знаки поворота, *ritardando* и *accelerando*, круша их, словно танком, и, пожалуй, автоматическая точность движения захватила его и грубо подчинила своей власти. С точки зрения искусства это было варварство, но такая музыка въедалась в мозг и проникала в кровь, словно сильное возбуждающее средство. Эриест именно поэтому так восставал против нее.

Рыжик Уилсон работал над своим оркестром с большим упорством. Вскоре он сбросил с себя пиджак. Достаточно было малейшей нечеткости, и его смычок уже стучал по кампиной доске, требуя остановки.

— Одна такая нота — и кончеко, танцующие сбиваются с ритма. Ну, еще разок. Пошли — раз-два...

— У вас неплохо получается, Эри, — сказал он в одну из пауз. — Только не жалейте вы клавишни! Шпарьте по ним сильнее. И берите октавы не мизинчиком, а средним пальцем. Громче, громче!

И вдруг глаза у него загорелись. — Громче, громче, — повторил он вполголоса, окованный ритмом этих слов. Он застыл на месте, словно в экстазе. — Ну, друзья, кажется, нашел!

— Простите... — начал было Эриест.

— Тсс! — Рыжик зваком остановил его. Он беззвучно шевелил губами, устремив взор в пространство. — Получается, друзья! — раздался через секунду его взволнованный голос. — Слушайте! Как вам это понравится?

Н, покачиваясь из стороны в сторону, Рыжик произнес параспев:

Громче, громче, мистер Джаз,
Пусть сильней рокочет бас!
Слышишь, браво, слышьши...

— Ну, как? — с надеждой обвел всех глазами.

— Недурно, — отозвался Док Питерс после паузы, которая затянулась на секунду больше, чем следовало. Бек Уилсон тоже признал, что «задумано неплохо».

— Эрни, пустите меня к роялю, — сказал Рыжик и начал импровизировать. Такие перерывы репетиций были здесь в порядке вещей.

— Пет, не годится, — сказал Рыжик, пробуя подобрать мелодию. — Слишком похоже на «Леди Банджо». Чорт, ведь только что было в голове — чудесный мотивчик!

— Может быть, так? — сказал Бек Уилсон и извлек из пробу несколько нот из своего саксофона. Рыжик покачал головой. Эрнест понял, что он не любитель чужих идей.

— Слишком монотонно. В такой штучке должен быть огонек. Ничего, я потом вспомню, — и он записал слова в блокнот, всегда лежавший под руками на предмет запечатления вдохновенных порывов.

Мечтой Рыжика, как вскоре узнал Эрнест, было создание боевика. Всем членам «Гармонической пятерки» хотелось создать боевик, по Рыжiku больше всех. В сущности говоря, это было его главной заботой. Днем он подвизался в качестве электромонтера в одной фирме, где не благоволил к тем служащим, которые занимались до поздней почти посторонними делами и были склонны к урезыванию утренних часов своей основной работы. Создание боевика было единственным способом вырваться из-под этой тирании. Боевики писали люди самых разнообразных профессий: письмены, священники, бармены, адвокаты. Стоит только написать боевик, и перед вами открываются врата к богатству. А дальше вы вступаете в тот мир, где издатели, граммофонные компании, кинофирмы и Британская радиовещательная корпорация толпой окружат вас, наперебой предлагая крупные контракты. Вся загвоздка в том, что заранее никогда не угадаешь, какая вещь станет боевиком, а какая нет. Этого не могут сказать даже музыкальные издатели. Вот почему, пояснил Рыжик, они отвергают столько хороших рукописей.

Спустя несколько часов Эрнест вышел на вольный

воздух, в прохладу темной улицы; он был весь в поту, в ушах у него все еще стоял грохот. Какая дребедень! Какая безобразная какофония! А отделаться от нее невозможно. Она отдается во всем теле и не хочет затихнуть. Он брел вверх по Кэмберленд-авеню, чувствуя, как его ноги сами отбивают такт по тротуару, а в устремленном мозгу не умолкают рев саксофона и барабанная дробь.

Вернувшись домой в «Золотой дождь», он развернул захваченные с собой поты. Хотя проба сошла сравнительно удачно, но упражняться все-таки не мешает. А какие диковинные названия у этой чепухи! Достаточно одних заголовков, чтобы отпугнуть всякого человека со вкусом: «Мэри в сквере», «Я жду тебя, бэби». Если раньше из глаза ему попадалась такая, с позволения сказать, музыкальная продукция, он брал ее двумя пальчиками, прежде чем сесть за рояль, и откладывал подальше, точно в ней была какая-то зараза. Теперь уже в гостях такой изысканной брезгливостью не щегольнешь. Да, это самые настоящие боевики. Рыжик Уилсон уверял его, что такие штучки приносят авторам горы денег.

Пальцы Эрастса легли на клавиши. Он сам не знал, что играет, кажется, это был Шопен. Мелодия чистая, как лунный свет, освежающая, как дождь. Он играл до тех пор, пока память не изменила ему. Потом задумался. «Побольше огонька, огонька!» — требовал Рыжик. Если Эраст хочет зарыбовать пятнадцать шиллингов, придется дать им этот огонек. Он взял первую уышоновскую тетрадку, раскрыл ее и, вспомнив наставления своего нового шефа, решительно двинулся в бой.

— Славная вещичка, Эраст, — сказал мистер Бантинг, покинувши свое кресло ради такого красивого мотива. — Очень славная. Что это?

— «Луна Аризона».

— Песенка? — спросил мистер Бантинг, с интересом заглядывая ему через плечо. — Я так и думал, что не соната. Ну-ка, сыграй еще разок.

«Аризона, твоя луна (пом, пом) чародейства и та-ай-ны пол-на-а», — сыграл Эраст. Мистер Бантинг вынул трубку изо рта, откашлялся и начал подпевать с хрипотцой. — Недурманенная вещица, мелодичная.

— Это фокстрот. Я постунил в джаз-банд. Пятнадцать шиллингов в вечер. — Возвестив о своем самоожертвовании, Эрнест ждал, что отец оценит это и проникнется к нему благодарностью.

— А вот Генри Ходл. Этую песенку я слышал по радио. Ну-ка, Эрнест, изобрази.

Эрнест бросил свирепый взгляд на ноги. Разве отец не понимает, как ему тяжело играть в джаз-банде, как ему предавистна эта музыка? Зачем он так говорит? Хоть бы капля благодарности! Неужели у него такое убогое воображение?

Повидимому, воображению у мистера Бантинга было действительно убогое. Он рылся в потах, словно маленький мальчик, с увлечением разглядывающий подарок ко дню рождения.

— Почему ты никогда не покупаешь таких пот? Сыграй вот этот приков. Какие там слова?

Эрнест заснул. Он играл с остервенением, с пепельстью. И чем больше он непавидел, тем сильнее ударял по клавишам, а чем сильнее он ударял, тем лучше у него получалось.

— Пятнадцать шиллингов в вечер, — сказал отец. — Подумать только! И за что!

Шел первый час ночи, бац в клубе «Бэдмингтон» был в самом разгаре, Эрнест и его товарищи по «Гармонической пятерке» восседали на эстраде в ярком электрическом свете. Эрнест сидел бледный, вся «Гармоническая пятерка» сидела бледная, и виной этому был отчасти прожектор, заливавший их белыми лучами, отчасти же обстоятельство, что колотить по клавишам, иликать на скрипке и трубить в саксофон в течение четырех часов — занятие изнурительное, особенно если приходится потеть в крахмальной рубашке. Эрнест уже дошел до той стадии утомления, когда человеку не остается ничего другого, как подбадривать себя мыслью, что надо как-то «вытерпеть» оставшиеся полтора часа.

В зале наступило минутное затишье; теперь можно покурить папиросу и посмотреть на толпу. Эрнест уже не смущался, сидя на эстраде на виду у всех; в его

взгляде чувствовалось раздодушне профессионала, для которого все эти балы не развлечениe, а работа, и только. Танцующие покидали середину зала после очередного фокстрота и жались к стенам, точно листья, развеянные порывом ветра. Посредине очистилось свободное пространство, и здесь навоенный наркет отсвечивал, словно зеркало. В наступившей вдруг тишине чувствовалось, что скуча вот-вот носнет эту толпу своим лезвием. Когда делать перерывы в танцах и на сколько времени — это, так говорил Рыжик, требует знания дела, и Эрнест линший раз убеждался, что Рыжик много чего знает. Но достаточно было одной-единственной поты, и публика снова вставала с мест, забывая о духоте и усталости. Головы поднимались выше, зелки проглатывались, отяжелевшие ноги двигались сами собой. Как марionетки! Музыка властвовала над всеми, увлекала их, и, задыхающиеся, рассаживала по стульям. Температура в зале держалась выше семидесяти, ключья дыма высели фестонами, стены влажно блестели. Все ждали, когда Рыжик возобновит эту оргию грохота и движения. На несколько миль в окружности почтенные граждане, погруженные в сон, лежали распростертые на кроватях, уткнувшись посом в подушки, а молодежь, которой завтра придется стоять с люющими ногами за прилавками и зевать над копторскими книгами, шумно веселилась в этом залитом огнями зале. Девушки блестали пермалентом, они кокетливо поглядывали на своих партнеров или склонялись друг к дружке головками, поверяя свои секреты. Молодые люди чувствовали себя весьма стесненно в смокингах, порой им удавалось забыть о том, до какой степени они элегантны, и тогда они держались свободнее, по все вместе больше всего напоминало пародию на великосветский бал. В общем мещанскоe заведение, этот клуб! Завтра играть у церемонных «Старых грамматиков», а на следующей неделе, может быть, совсем в другой части поселка, в каком-нибудь маленьком зале, где публика ведет себя запросто. Дела «Гармоической пятерки»шли блестящe. Эрнест ничего не имел бы против, если бы наступило некоторое затишье. Все-таки трудно работать в такие поздние часы — слишком много курить, не высыпаясь как следует.

По платят хорошо. Он уже заработал... сколько? Эрнест запялся подсчетом.

— Быстрый фокс «Голубые глаза», — объявил Рыжик. Словно оборвав перед собой ленточку старта, они ринулись вперед, подхваченные ритмом. Но Эрнест продолжал думать. Когда играешь такую чепуху, мысль и глаза в этом не участвуют, они сами по себе. Время от времени его пальцы сильнее ударяли по клавишам — это должно было служить предостережением Беку, чтобы тот не заглушил рояль своим саксофоном. Бек любил подшутить; если Эрнест оглядался, он, обычно сидевший с физиономией бесстрастной, как блауманже, вдруг подмигивал ему. За сегодняшний вечер получу гинею, мысленно подсчитал Эрнест, у «Старых грамматиков» — двадцать пять шиллингов. За прошлой неделе он дал матери два фунта. К концу сезона... И вдруг размысления Эрнеста оборвались. Он опять пробежал глазами по обращенным к эстраде лицам, отыскивая то, которое прервало его мысли.

Эви Стэг! Вот она сидит справа, в каких-нибудь пятнадцати шагах и, чуть щаморщив лоб, внимательно смотрит на него. Неудивительно! Разве можно сразу поверить, что пианист в джаз-банде Рыжика Уилсона не кто иной, как Эрнест Балтыг. Она сама играет — поклонница Дебюсси. Они познакомились на балу в городском управлении и весь вечер проговорили о современных композиторах. Эви Стэг пришла на бал со своей подругой, знакомой одного клерка из городского управления, и, когда Эрнеста подвели к ней, она сидела одна, без партнера. Это было несколько месяцев назад, а в те времена он любил блеснуть остроумием: пасчет джаз-оркестров и «Гейри Холла, заполнившего собой все радиопрограммы». Музыкальное мессиво, вот как это называется. Да, он помнил свои слова. Меткое определение, почерпнутое им из одной статьи. Эви, паверное, подумала, что оно пригодится ему. А теперь он как ни в чем не бывало сидит на ярком свету и преодолевает публике это самое мессиво. И даже с некоторым азартом. Вот почему Эви Стэг морщит лоб и с недоумением поглядывает на него.

Эрнест улыбнулся. И она сейчас же ответила ему

дружеской улыбкой. Он помнил, какие у нее глаза, — лучистые, зеленовато-карие. На такие глаза невольно обратишь внимание. Сегодня на Эви было яркое платье в мелких цветочках — она была такая маленькая, аккуратнейшая, веселая. Ему вдруг пришло в голову, что Эви Стэг одна из тех девушек, красоту которых тем лучше оценивашь, чем чаще их видишь.

Теперь она ужко знает, что это он, а не его двойник. Смешно ей... или противно? Вероятно, ни то и ни другое. Игра в джаз-банде ему самому уже не казалась таким позором, как раньше. Он уже не боялся, что это притянет его воспринимчивость к хорошей музыке. Все дело в том, чтобы избежать одной роковой ошибки: нельзя считать искусством то, что к искусству не имеет ни малейшего отношения. Получив какую-нибудь новинку, «Гармоническая пятерка» сплошь и рядом приходила от нее в восторг и принимала на веру все, что о ней говорили ее восприемники, утверждавшие, что этот сногшибательный шедевр не имеет себе равных. Эрнест не восторгался вместе с ними; он просто признавал, что такие вещи бывают одни хуже, другие лучше, но все они, вместе взятые, дешевка — вулвертоский бриллиант. Да и трудно было вдаваться в рассуждения о музыкальной этике после того, как ты четыре часа подряд дубасил по роялю. Стал хватать только на то, чтобы добраться до дому по темным безлюдным улицам и сразу засыпаться в постель. Он закрывал глаза и тут же просыпался от трескотни будильника.

Городское управление, репетиции,ダンсинг и постель. Такова была орбита, в которой вращался Эрнест, и в течение нескольких недель он не находил в себе достаточно энергии, чтобы выйти за ее пределы. Он так уставал, что ему было не до развлечений, не до книг, не до раздумий о будущем. Он был глубоким туннелем, почти не надеясь выбраться когда-нибудь из поверхности. Жизнь можно было бы устроить гораздо лучше; ведь его таланты зарыты в землю и покрываются илесью. Но он уже не видел в этом ничего трагического.

Больше всего Эрнеста мучило чувство невыразимого

одиночества. Он перестал встречаться с прежними друзьями и даже не занимался спортом в свободные дни. За последние недели ему буквально не с кем было поговорить. А тут вдруг судьба послала ему Эви Стэг, девушку, поскольку он помнил, самую обыкновенную, по-своему и простую, не какую-нибудь фокстротную куколку.

Когда танцы кончились, Эрнест подождал ее у выхода, и она вскоре появилась в светлорыжем пальто и шляпе. Несколько месяцев назад у него нехватило бы смелости даже на такой скромный поступок. Страдая болезненным самолюбием, Эрнест был твердо убежден, что все проявляют самый горячий интерес к каждому его шагу, каждому движению. Раньше ему потребовалось бы несколько дней, чтобы набраться мужества и предложить девушке свое общество. А теперь он легко решился на это, и все вышло просто и естественно.

— Позвать такси?

— Нет, не надо. Я с удовольствием прогуляюсь.

Они спустились по ярко освещенной лестнице и вышли на темную дорогу. Первые минуты оба молчали. Потом она сказала:

— По-моему, джазовая музыка не совсем ваш стиль. А вам она нравится?

— Не слишком.

— Тогда почему?..

— Мой отец остался без работы. Приходится помогать.

— Понимаю, — тихо сказала она.

Он был рад, что так откровенно сказал ей все. Она снова подняла на него глаза, заблестевшие при свете уличного фонаря.

— Вы, пожалуйста, ужасно устаете, а это нехорошо.

— Нет, ничего, пока что держусь.

Они снова замолчали. — Как это грустно, — вдруг сказала она.

Его растрогали не самые слова, а то, как они были сказаны. Он взял ее за руку. Какая она маленькая! А рука нежная, теплая, точно птичья лапка. Он взглянул на ее лицо: правильный точеный носик, округлый

подбородок, энергичная, но мягкая линия рта. На такую девушку можно положиться.

— Расскажите мне о себе, — попросил он. — Что вы делаете? Я часто об этом думал.

— Я работаю фармацевтом у доктора Эрла. Кроме того, веду у него запись больных и секретарствую.

Он сам не знал, почему его удивил такой ответ. Ему никогда не приходило в голову, что у этой девушки есть определенная специальность. Фармацевт. Ведь это — химия, наука очень сложная. Да, у нее хорошая работа, гораздо лучшая, чем у него.

— Вам, паверное, пришлось сдавать экзамен на фармацевта?

— Да, экзамен обязательен.

Он заинтересовался еще больше: — А ваши родители не здесь?

Нет, они живут в Линкольншире, и, как он помял из ее слов, в самом глухом его уголке. Надо доехать до Линкольна, пересесть на местный поезд, который идет в Бартон-Ферри, потом автобусом до Солтмарша, а оттуда еще пешком. Ему представилась деревушка, затерянная среди болот и окаймленная со всех сторон мокрыми полями, над которыми гулит ветер. Ни библиотеки, ни лекций, ли концертов — никаких развлечений. Казалось бы, между этим мирком и кабинетом доктора Эрла в Кливорте лежит непроходимая пропасть. И там, на уединенной ферме, она жила с отцом и с братьями — количество их ему так и не удалось выяснить — и вела все хозяйство. Ходила за курами, возилась в молочной, продавала масло и не переставала мечтать о том, как бы вырваться из мертвящей скуки тамошних болот. Эта жизнь была так непохожа на все то, что знал Эрик, так противоречила его представлению об Эви Стэг, что ему казалось, будто она рассказывает о какой-то другой планете. Но она действительно жила там, действительно делала все это и в конце концов добилась свободы. Она работала и в Ирландии и в Уэльсе и даже успела побывать на Цейлоне, когда служила на океанском пароходе. Все это казалось Эрику каким-то чудом. Его пальцы сильно сжали ее тонкую кисть. Такая хрупкая, а сколько в ней упорства, в этой девушке! Он восхищался ею.

— Как же вы всего этого достигли? — Эрнест словно спрашивал: «В чем секрет успеха?» — поверив вдруг, что таким секретом можно поделиться.

Она засмеялась: — Да так, решилась, начала копить деньги, не побоялась рискунуть. Дома все были против.

— Нет, вы молодец, честное слово, молодец! — сказал он и потом надолго замолчал. Значит, надо просто решиться и действовать. никаких мечтаний и упражнений в прикладной психологии, никаких вывертов и тошкостей. Это только я один такой, думал Эрнест. Взять хотя бы товарищей по школе, Криса, вот эту девушку... Совсем другие люди.

Она остановилась у большого, огороженного изгородью, дома. Эрнест поднял голову, разглядывая темный фасад. — Вот вы где живете? Кажется, хороший дом.

— Он разбит на отдельные квартиры. У меня комната и кухня. Спасибо, что проводили. — Она протянула руку. Ее живые темные глаза смотрели ему прямо в лицо. — Вам нужно подлечиться.

— Я прекрасно себя чувствую. Это в вас профессионал заговорил.

Они рассмеялись. Ему не хотелось отпускать ее. Он вспомнил вечер в городском управлении — как он держался по отношению к ней? Должно быть, по кровительственно. Эдаким заносчивым молодым джентльменом. Не дай бог, она прицяла все это за чистую магистру. Какой он был осел тогда, какой невероятный осел!

— Послушайте, — отважился Эрнест, — давайте как-нибудь встретимся. Пойдем в театр или в кино.

— Если вы хотите.

— Я очень хочу. Можно позволить вам? Ведь я никогда не знаю, когда у меня будет свободный вечер.

— Хорошо, звоните. Спокойной ночи.

Он дождался, когда темный дом поглотил ее, увидел, как в первом этаже вспыхнул свет и в ярко-желтом квадрате промелькнула светловолосая шляпа, потом окно задернулось шторой. Он повернулся и пошел домой. Он воспоминал на ходу, шагая широко и свободно. Чувство одиночества исчезло, и на сердце у него, впервые за много месяцев, было легко.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Мистер Бантиг не совсем одобрял Эрнеста за то, что он подвизается в качестве пианиста в джаз-банде, но лучше уж пропадать из дома по вечерам, чем киснуть в гостиной или играть какие-то этюды и сонаты вместо настоящей «залихватской» музыки. Да, пусть играет в джаз-банде, лишь бы не прикрывался именем отца, выдавая себя за бухгалтера. Все эти объявления в газете привели только к тому, что мистер Бантиг здорово опростоволосился в разговоре с соседом мистером Оски. Оски вдруг возымел желание узнать, какая сумма налога причитается с его сестры, имеющей капиталовложения в Канаде. До сих пор мистер Бантиг думал, что такое лихоимство, как взимание подоходного налога, практикуется только на Британских островах. Он очень удивился, узнав, что канадцы тоже платят подоходный налог, а выказывать свое удивление не следовало, ибо Оски пожел бы это несколько страшным для консультанта по таким вопросам. Когда объявление исчезло со страниц газеты, мистер Бантиг облегченно вздохнул.

Но игра в джаз-банде, даже по пятнадцати шиллингов за вечер, занятие мало солидное; карьеры на этом себе не сделаешь. Кроме того, такое времяпрепровождение ассоциировалось у мистера Бантига с тем, что ему придется слышать о «ночной жизни».

— Как бы это не повредило твоему продвижению по службе, — заметил он однажды. — Ведь в конце концов у тебя есть перспективы выдвинуться.

— Уж и «перспективы», нечего сказать, — презрительно фыркнул Эрнест.

Мистер Бантиг обиженно покосился на сына. Он не любил, когда на его слова фыркали, не любил, когда молодые люди пренебрежительно отзывались о своей работе. И то и другое стало уж слишком частым явлением. Всему виной дух времени; на терпеливый, упорный труд молодежь смотрит как на что-то отжившее, по современному. Давать им советы бесполезно; они сами все знают и поступают по-своему. Откуда у них столько самоуверенности? Крис каждое утро отправляется на работу в своем комбиезоне с таким важным видом, словно Ролло

без него пропадет. Эриест приходит с талончик в три часа ночи во Франк и весь следующий день демонстрирует зевает, чтобы и другие не забывали, как он трудится. И оба вполне удовлетворены такой убогой работой. Чем удовлетворены — тем, что зашли втупик? Они ничего не видят дальше своего носа. Баловаться с автомобилями и проводить ночи в веселых даисипах, конечно, проще, чем упорно трудиться на службе в серьезном, солидном учреждении, но ведь такая чепуха ничего не даст в будущем. Об этом он готов твердить ежечасно. Пы падо держаться за настоящую работу — «держаться крючьями стальными», как сказали у поэта, и тогда все было бы хорошо.

По Крис и Эриест придерживались на этот счет другого мнения и полагали, что их дела идут не плохо. Впервые в жизни они чувствовали себя независимыми в материальном отношении. Больше того, им удавалось даже вносить свою лепту в семейную казну. Таким образом тяжкое бремя облегчилось на две соломинки и не переломило верблюду спину. Мистер Бантиг уже не был похож на собаку, снискивающую пропитание только в собственном хвосте. Бюджет удалось сбалансировать. Время — он старательно подчеркивал это слово — семья Бантига держалась на поверхности. Ему оставалось только указывать на свою непричастность к легкомысленному поступку сыновей, одним махом покрывших такие надежные карьеры.

Мало-помалу он становился на позицию полнейшего фатализма: сыновья могут делать все что угодно — это его не касается. Они знают точку зрения отца, им советовали, как сделать лучше, их корили, предостерегали, уверяли — и все это они пропускали мимо ушей, словно он говорил для собственного удовольствия. — Ну, конечно, где уж мне! Разве я что-нибудь понимаю! — такими словами обычно заканчивал мистер Бантиг, исключая, что всякому попытке заключенная в них пропажа. По Крис и Эриест, новидимому, принимали это как чисто-сердечное признание отца в своей несостоятельности. Ну, что же, пусть; это его мало трогало; он был человеком материально независимым, он пребывал, так сказать, из покоя и посвящал свободное время изучению

журнала «Садовод-любитель», рассчитывая когда-нибудь отдать Оски своими знаниями, почерпнутыми из отдела «Ответы на вопросы читателей».

Если не считать того, что авторитет его был несколько поколеблен, жизнь складывалась довольно приятно. Дешевенький будильник уже не поднимал его своим безжалостным звоном. Он слышал, как Крис уходит из дома в половине восьмого, и поворачивался на другой бок, наслаждаясь возможностью поспать часок-другой. Джули подавала ему в кровать чашку чая. Он спускался вниз как раз к тому времени, когда Эрнест уходил в городское управление. Потом яв спеша завтракал, приткнув к чайнику «Сирену». «Сирена» прочитывалась от доски до доски, включая и финансовый отдел, в котором его интересовали сведения о ценных бумагах. Чество этой страницы было вполне подходящим запятым для оставившего службу бизнесмена, а посему мистер Бантинг культивировал в себе эту привычку и читал финансовый отдел, может быть, не очень в нем разбираясь, но зато с большим интересом и вниманием. Он полумыгал, не продать ли консоли и что купить ли акции Объединенного треста.

— Прежде чем решать, посоветуйся с Эрнестом, — твердым голосом сказала ему миссис Бантинг.

— Посоветуйся с Эрнестом! — фыркнул он. Этого еще недоставало. Чего от него хотят — чтобы он бегал с каждым вопросом к детям?

— Гм! — хмыкнул он, глядя поверх газеты и уже слегка оптишившись. — Ты думаешь, я сам ничего не знаю?

К сожалению, похоже было на то, что именно так думает и жена, и Эрнест, и все остальные.

— Посоветуйся с Эрнестом! — пробормотал он несколько раз подряд весьма насмешливым тоном, с загадочной усмешкой на устах. Эта усмешка должна была показать миссис Бантинг, что у него имеются свои собственные соображения на сей счет — сокровенные, глубокие и ой недоступные.

Однажды вечером Крис опять приткнулся на машине. Мистер Бантинг, сажавший, стоя на коленях, тульшиевые луковицы, узнал об этом по оглушительному грохоту и треску, которые угрожающим crescendo падвигались

ча него с тьма. Он с испугом поднял голову и увидел капот сильно поддержанной машины, осторожно пролезавшей в раскрытые настежь ворота. Там она остановилась, словно напуганная его свирепым взглядом, и судорожно зафыркала, выпуская сзади клубы дыма. Потом — мистер Бантинг не поверил своим глазам при виде такого святотатства — двинулась вперед. Одно ее колесо шло по асфальтовой дорожке, другое припиняло только что подстриженный и укатанный газон. Перед мысленным взором оцепеневшего мистера Бантинга проносились видения поверженных наземь шпалер, изувеченных кустов и бордюров. Он побагровел от ярости, но не двинулся с места. Машина остановилась в трех футах от недавно посаженного «золотого дождя» (мистер Бантинг уже считал его иогибиям), и из нее вышел Крис.

Мистер Бантинг волзил совок в клумбу, решительным движением падинул на лоб свою садовую панаму и шагнул к сыну, уверенный, что тот убоятся его грозного взгляда. Но Крис весело встретил отца! Он был доволен тем, что так ловко провел машину.

— Скажи, пожалуйста, Крис, что это такое?

— Восьмисильный «конвей», — сказал Крис, истолковывая отцовскую горячность как проявление вполне естественной любознательности. — Всего пять лет на ходу и в полном порядке, — он любовно щеглядил капот, словно породистого коня.

Мистер Бантинг смерил машину презрительным взглядом. Следов разрушения позади нее не было заметно, колеса на целый ярд не доходили до его обожаемых тюльпанов. Секунду он подыскивал, что бы такою сказать, чтобы погнать Криса на место. Правда, машина уже в саду. Теперь поздно говорить, что он этого не допустит. Она уже здесь. Как жаль, что он был далеко от ворот, когда она въезжала!

— Разве можно въезжать сюда на машине, Крис! — все-таки сказал он. — Такая неосторожность бесполезно не проходит.

— Ничего, здесь места хватит. Это только так кажется, что машина не пройдет, а потом отлично проходит. Ну-с, как она вам правится?

Мистеру Бантингу она явно не нравилась. Он осмотрел

ое сзади и спереди, выискивая, к чему бы придраться. Даже марки не видно. Его всегда удивляло, как это некоторые ухитряются с такой легкостью отличать одну марку от другой.

— Какая это машина, как ты сказал?

— Восьмисильный «коувэй». Одна из самых популярных моделей легковой машины. Расход горючего — галлон на сорок миль. Налог — шесть фунтов. Теперь попрошу вас сесть за руль.

— Это еще зачем?

— Чтобы оценить прекрасную видимость дороги. Сиденья, как сами можете убедиться, выдвижные. — Он показал это. — Сидишь, как в кресле.

— Печего мне туда залезать, я и так все вижу.

— Механизм управления «коувэя», — продолжал Крис, и мистер Бантингг уловил в его голосе какую-то подозрительную четкость: Крис смыслал словами, точно лектор, — механизм управления — сама простота. Вследствие этого править им гораздо легче, чем какой-либо другой машиной. Благодаря синхронизированному сцеплению второй и третьей скоростей переключение происходит бесшумно. Вот стартер. Прошу нажать эту кнопку.

В ответ на это предложение мистер Бантингг, совершившись сбитый с толку, взглянулся и нажал кнопку. — Эй, эй, она неехала! — крикнул он, отскакивая назад. — Крис, останови ее. Еще испортишь!

— Ничего,ничего, она не на скорости. «Конвэй» славится тем, что легко берет с места, — продолжал Крис, выключая зажигание. (Он обращался с машиной с исключительным мастерством). — Обивка становится синяя или серая, в зависимости от окраски кузова. Теперь будьте любезны сесть.

— Да слушай...

— Ну, папа, что тебе стоит?

— Ладно, ладно, уж если тебе так хочется, — сказал мистер Бантингг и забрался в машину. Он чувствовал, что ведет себя неподобающим образом, но ему никогда в жизни не приходилось сидеть на шоферском месте. Циферблаты и всякие другие приборы на переднем щите заинтриговали его. Сидя за рулем, он чувствовал себя необычайно солидным и важным.

— А где гудок? — спросил он, тщетно отыскивая глазами рожок с резиновой грушей.

— Вот, пожалуйста. Электрический.

Мистер Бантиг пожал кнопку. — Хорошо гудит. Это сразу услышишь. Гм, электрический! — Это произвело на него сильное впечатление.

— Гидравлические тормоза. Все модели снабжены световыми сигналами. Ирош обратить внимание на прекрасные часы с светящимся циферблатом.

— Не вижу. Где они, Крис?

— Часов нет. Я их снял и продал за пять миллионов. Синхронизированного сцепления на этой модели тоже нет.

Отец уставился на Криса и долго не сводил с него глаз.

— Какой же смысл говорить «посмотрите на часы», когда никаких часов нет? Что это, милые плюточки?

— Я практикуюсь. Это работа с покупателем. Ну как, получается?

— Практикующийся на мне? — Мистер Бантиг усмотрел в этом явное неуважение к отцу.

— Постой, папа. Скажи мне теперь, что ты чувствовал — заинтересовал я тебя, пробудил в тебе желание приобрести машину? Ведь в этом все дело.

— Я же глухой, слышал, что ты говорил.

— Нет, папа, неужели ты не подумал, как для меня важно продать несколько машин? Тогда можно будет просить комиссионные. Ролло нужен новый торговый агент. Тернерский — тряпка, никуда не годится. Он старик — ему уже за пятьдесят перевалило.

Мистер Бантиг поморщился.

— С другой стороны, — продолжал Крис, стараясь быть беспристрастным, — меня могут счесть молокососом. Я и на самом деле выгляжу мальчишкой. В том-то все и горе. Может быть, усы отпустить?

Немало мужества требовалось, чтобы выговорить это, но Крис остался доволен собой — все получилось очень естественно. Выраживание усов задача нелегкая, и ему хотелось прощупать мнение людей посторонних. Хуже всего тот переходный период, когда вместо усов ни то ни се, и ты становишься предметом всеобщего и пос-

язынного внимания и должен всякому разъяснить свои намерения. Тем не менее каждый обладатель усов как-то преодолевает эти трудности и мало-помалу приучает окружающих к своей изменившейся наружности. Мистер Бантинг сам носил усы, и в данном случае Крис обращается к нему за моральной поддержкой.

— Я думаю, что усы мне помогут. Вид будет посолиднее.

— Экономия времени — не надо бриться во утрам. В этом все плюс преимущества. А постареть ты еще успеешь. И знаешь что, отведи-ка ты эту машину в гараж Ролло, пока я испортил.

— А я ее купил.

Мистер Бантинг остановился, как вкопанный. Громоподобный звук, вырвавшийся из его уст, должен был означать вопрос.

— Я купил ее, — повторил Крис. И, точно этого было недостаточно, добавил: — Ола теперь ваша.

— Ты что же... на самом деле купил? — Это не укладывалось у него в голове.

— Да. Я теперь работаю сверхурочно, буду постепенно выплачивать.

Мистер Бантинг растерянно смотрел на сына. Нелогичное существование! Их разделяли необыкновенные ширы пространства и времени.

— Ну что ты тут поделаешь! — воскликнул он. — Я бьюсь, как рыба об лед, чтобы семья не погибла, а он не дал нам еще концы с концами свести и — смотрите, пожалуйста — ишел и купил машину в кредит. Мы не лорды и не миллионы, Крис. Мы обычные люди.

— Да я расплачусь за нее, а весной продам и наживу на этом. Кроме того я хочу, чтобы ты научился править.

— Я — править? — У мистера Бантинга была привычка машинально повторять чужие слова, и сейчас он делал то же самое со всем возрастающим нетерпением в голосе. То, что сказал Крис, не сразу дошло до его сознания, а когда, наконец, дошло, в глубине его существа зародилось не лишенное приятности волнистое, которое пришлось немедленно подавить.

— Садись, я тебя поучу.

Мистер Бантинг замотал головой, борясь с искушени-
186

ем. — Я же одобряю этой покупки. Ты даже денег не заплатил, а что если поломаешь? Необдуманный поступок, Кристофер.

Тем не менее он смотрел на машину уже по-новому. Он обошел ее, стараясь ничем не выдать своего интереса, и убедился при ближайшем рассмотрении, что машина совсем приличная. И верх у нее настоящий, но какой-нибудь там брезентовый. Это ему очень нравилось — так гораздо шикарнее. Эмаль во многих местах облупилась, но это дело исправимое. Надо попросить Бордера, чтобы прислал от Брокли бапочку «Пингто». Вот шоферское место и разные приборы из переднем щитке. Сидишь там, как машинист, берешься то за один рычаг, то за другой и мчишься вперед. А сколько раз бывало так, что мистер Бантиг писался по пыльной дороге, с завистью поглядывая на состоятельных людей, которые обгоняли его на собственных машинах.

— А трудно выучиться?

— Проща простого. Сейчас я тебе все объясню.

— Да я собственно не собираюсь учиться, — сказал мистер Бантиг. — Но если уж тебе так хочется, то покажи в общих чертах.

А вечером он сидел в своем кресле в гостиной и с задумчивым видом осторожно постукивал по ковру сначала левой ногой, потом правой. Левой — газ, правой — тормоз. Кнопка гудка на руле. Мысленно он проехал от «Золотого дождя» по Камберленд-авеню (раскланившись с ошеломленным Оски) и под сдержанный басок гудка свернула на Кливорт-роуд. Если впереди на дороге что-нибудь покажется, — правой ногой на тормоз. Нет ничего проще.

— Я, кажется, понял, Крис, — сказал он. — А сколько сейчас плохих шоферов! Сами не знают, что делают.

Машину осматривали все члены семьи: Джули — с воссторгом, миссис Бантиг — недоверчиво поджав губы, а Эрлест, остановившийся при виде ее в воротах, — с чувством, похожим на зависть к младшему брату, который так явно опережал его во всем.

— Крис, ты меня научишь править? — ворковала Джули.

— Скачала папу.

Мистер Бантиг бросил исподтишка взгляд на жену.

— Вряд ли пана захочет учиться управлять машиной, — спокойно и твердо сказала она.

— Ну, мама!

— Пусть этим занимается те, кто поможе. Но им тоже не следует забывать об осторожности, — добавила она, и мистер Бантиг сразу помрачел.

— А ты подумай, как ему будет удобно ездить самому в Липпорт за арендной платой.

— Это, пожалуй, верно, — сказал мистер Бантиг, уступая такому неотразимому аргументу.

— Оп! и тебя будет катать, мама.

— Чтобы отец катал меня? Нет, покорно благодарю!

— Но восемнадцатиродовый «конвей»... — не отступал Крис.

— Вряд ли пана захочет возиться с машиной. Не такие его годы. Это слишком опасно.

Мистер Бантиг вскипал: «Неужели она думает, что у меня нехватит мозгов управлять машиной?» — и решил отстоять свои права. Так началось его обучение.

Ее звали Моника. Когда мистер Ролле обращался к ней своим звучным голосом, придававшим мелодичность каждому произнесенному им слову, Крис всякий раз настораживался и в конце сделал это открытие. Моника! Ему доставляло удовольствие повторять ее имя вслух и чувствовать его сладость на языке. Как-то раз, в минуту задумчивости, часто нападавшей на него за последнее время, Крис пачертал это имя грязным пальцем на капоте машины, которую ему поручили вычистить, — пачертал тщательно для того, чтобы полюбоваться его красотой. Он тут же опомнился и поспешно стер писанное, похолодев от ужаса при мысли, что комибудь из служащих гаража мог оказаться невольным свидетелем его временного умопомешательства. Но нет, все механизмы были заняты своими делами. Крис облегченно вздохнул. Однако, вернувшись к своей работе, он вдруг обнаружил, что слово все еще видно. Там, где лакировка отсвечивала в лучах солнца, из виду у всех красовались маслянистые буквы: «МОНИКА». Перепуганный

Крис схватил смоченную в керосине тряпку, сильными размашистыми движениями руки стер написанное и заново начистил капот. Но до самого конца работы он то и дело осматривал пос машины под разными углами. И все равно у него не было уверенности, что дождь не обнаружит «Монику» и что в один прекрасный день его безумный поступок не станет предметом насмешек для всего мира. Этот случай подействовал на Криса отрезвляюще: он понял, что любовь вещь опасная.

Хотя с ним она держалась крайне заносчиво и высокомерно, то дразня его, то обдавая таким холодом, что он побелел и терялся в ее присутствии, тем не менее он заметил, что при появлении отца все эти замашки исчезали бесследно, уступая место почтительности и беспрекословному повиновению. Эти быстрые переходы от высокомерия к скромности многое ему открыли. И насколько легче ему стало переносить ее тон презрительного превосходства с тех пор, как он понял, что это всего лишь защитная окраска. Его уже не пугали ни горделивые взгляды, ни взмахи ресниц — мазера, неряшливая (как уверял Ролло-младший) у Марлен Дитрих. Ах, если б только Моника знала! Ведь она куда красивее самой Марлен. Уж брови-то во всяком случае лучше. И Ролло-младший и сам Крис были согласны в том, что Марлен Дитрих — ломака, по что касается Моники, то она была ломакой только в глазах своего брата.

Когда она появилась однажды в мастерской и потребовала немедленно дать ей расписание дежурств. Берт Ролло сказал:

— Слыхал, Крис? «Немедленно»! Вот нахальство!

— Ей, пожалуйста, нужно выписывать ведомость на жалование, — ответил Крис, якобы не столько в ее защиту, сколько в интересах истинны.

— Подумаешь, какая деловая особа. Сама только романы читает. У нее в кабинете всегда припрятана какая-нибудь книжечка под подушкой на стуле. Зазнавшаяся, больше ничего. — И Берт начал приводить другие примеры ее зазнайства, с которым ему приходилось сталкиваться и дома, приоткрывая перед Крисом иллюстрированную картину домашнего быта семейства Ролло. Ни одному биографу не удавалось так увлекать читателей рассказами

о преступках великих мира сего, как увлекал Крис Берг Ролло болтовней о многообразных преступках своей сестры. Какой он счастливый, этот Берг! Живет в одном доме с богиней, сидит с ней за одним столом, поднимается по одной лестнице, когда они вечером расходятся по спальням. И хоть бы он понимал свое счастье. Так нет же, ссорится с ней, только и всего! У этого человека нет ни капли здравого смысла, он грубиян, и к тому же слеп на оба глаза. Ему, например, ничего не стоит произвести налет на ее комнату, пользоваться там всяческими сокровищами и отправиться за свидание с другими девушками. Как-то раз он явился в мастерскую с фланелем духов и порекомендовал их Крису как великолепную замену бриллиантина.

— Это я у нашей девчонки спер, — сказал он. — Попробуй, намажь волосы.

Крис с таким благоговением взял у него фланел, словно это была священная реликвия. Фланел с ее тузлетного столика! На этикетке было написано: «Роса Аратии». Не забыть бы это название, пока оно не вспоминается поближе. Он капнул на ладонь и, проведя ею по волосам, выпустил на свободу волны того самого аромата, который задевал струны его сердца, когда она проходила мимо.

— Погоди, — спохватился Крис, — это мы зря, а вдруг она рассердится?

— Ты только бутылку не запачкай, тогда она не догадается. Думаешь, это покупные? Как бы не так! Наверное, образчик.

Крис собрал расписание дежурств и попес их в контору. На взгляд Берта, Ролло Крис слишком охотно соглашался быть на побегушках и не понимал, что стоит только человеку ступить на этот чуть, и ему уж и ми-путы свободной не оставят. Памятая о собственном опыте, Берт давно от чистого сердца предостерегал его, и все возрастающее количество поручений, которым Мотика заваливала Криса, только подтверждало его пророчество. Но, поскольку он мог видеть, все эти предостережения же приносили яи малейшей пользы. Однако Берт видел не так уж много и даже в этом немногом не отдавал себе ясного отчета. Визиты Криса в контору

приурочивались к тому времени, когда мистера Ролло там не было; предлагая для таких визитов отличались крайним разнообразием и делали честь его изобретательности. Но цель их была одна: уговорить Монику пойти с ним в кино. От добивался своего с железной частотойчивостью и, улыбаясь, смотрел на недоумевшую поднятыми брови, выслушивал ледяные ответы, гневные ответы, моргал и с отсутствием всяких ответов, ибо Крис не имел понятия о том, что такое комплекс бесполноценности. Она отклоняла его приглашения с одинаковой твердостью — спачала просто так, без всяких оснований, потом стала говорить, что ей не хочется, потом, что она уже приглашена в другое место, а теперь мотивировала свой отказ тем, что у Криса есть другая девушка. Она сама видела, как он с ней разговаривал, на ней была красная шляпа. Моника проявляла большой интерес к этой обладательнице красной шляпы. И Крис мало-помаду приходил к убеждению, что дело подвигается.

Чтобы завоевать такую девушку, как Моника, надо положить немало трудов. Он знал это, он почерпнул много ценных сведений о женщинах из рассказов Ролло, у которого было нечто подобное с одной официанткой от Джонса. Шикарная штучка! Ролло-младший знал великое множество таких шикарных штучек. Обалдеть можно! Он показывал Крису их фотографии. Все романы с этими очаровательными созданиями проходили через один и те же стадии: поездки на автомобилях, танцы, посещение дорогих ресторанов, просиживание за работкой в любовном углере. Но все эти романы, начинавшиеся так увлекательно, приводили к одному и тому же концу. Рано или поздно в каждой розе обнаруживались шипы, и куда девалось тогда то абсолютное совершенство, которое видел в ней Берт Ролло! Все они, как одна, пытались или перевоспитывать его, или новелевать им, или превращать его в свою безраздельную собственность. Недоразумения, ссоры, пронущенные свидания, полные упреков письма, а затем после взаимных обвинений, из которых уходил целый вечер, наступал разрыв. Сколько велось таких следствий над трупами любви, пока Ролло и Крис разбирали какую-нибудь заднюю ось! Что он сказал, и что она сказала, и как ему было хорошо из-

вестно, что девчонка лжет, а этого он ли за что не потерпит. Нет, не на таковского напали! Берта Ролло не проведешь. Теперь с жепчищами покончено.

И Крис убеждался в необходимости скрывать от Берты свои чувства. Даже не анализируя их как следует, он понимал, что одного писания ее имени на капотах машин недостаточно, — нужно что-то более существенное. Мечтой Криса было заинтересовать собой мистера Ролло. Сейчас он только один из его механиков, к тому же самый молодой и самый неопытный. Крис считал вполне возможным, что мистер Ролло даже ни разу не подумал о нем. Он хотел проявить ту высшую степень расторопности и инициативы, которая сразу подняла бы его над людьми, отличавшимися только энтузиазмом своего дела и больше ничем; и он хотел добиться этого каким-нибудь особенно эффектным способом. Если б, например, ему удалось найти покупателей на два-три новых «коинзя», которыми забыт весь гараж, или хотя бы сбыть с рук несколько подержанных. Не проходило и дня, чтобы мистер Ролло не оставлялся в раздумья перед рядами этих подержанных машин. Мистер Ролло не принадлежал к числу людей, выставляющих напоказ свои чувства, но по тому, как он смотрел на эти машины, по тому, как он забывал попыхивать сигарой, Крис догадывался, что они по-рядком ему надоели и что мысленно он посыпает их к чорту.

На таком материале настоящий продавец и должен показать свое искусство, а старик Резерфорд хоть бы одну сбагрил!

Крис твердо усвоил себе ту истину, что торговля есть искусство. Не совсем такое, каким его изображает Гомер Пейс из Нью-Йорка (считавший, что продавец должен быть чем-то вроде гипнотизера), но все же искусство. Не во-время сказанное слово, слишком большой наожим на покупателя или недостаточное внимание к нему — и конечно, он пойдет домой додумывать. И если вы увидите его еще раз, то в девяти случаях из десяти он будет ехать в машине, купленной в другом месте.

Старик Резерфорд, конечно, не имеет ни малейшего представления об искусстве торговли. Слушая его разговоры с покупателями, Крис пересмыпался с ноги на по-

гу, кусал губы, и в нем поднималось то знакомое чувство бессильной ярости, которое он испытывал, когда их школьная команда промазывала легкий мяч. Конечно, Резерфорд не получал никаких комиссионных, ему и в голову не пришло бы их требовать. А Крис потребует. Вот, честное слово, возьмет и потребует. Надо продать одну-две машины, тогда можно будет постучать в хозяйственную дверь и спросить: а как пасчет монеты? Новышенные оклада или комиссионные, а может быть и то и другое. Во всяком случае, какая-нибудь прибавка. А тогда он начнет откладывать и в конце концов откроет собственный гараж на какой-нибудь дороге, где через некоторое время можно будет расширить дело. Моника (надо надеяться) будет работать в конторе. Так произошло будущее практически мыслящему Крису, и в качестве первого шага на этом пути он решил заняться в свободное время продажей машин.

Не успела «Кливортская газета» сообщить, что контролеру городского управления отпущены средства на покупку автомобилей, как Крис явился на квартиру к этому джентльмену, отрекомендовавшись представителем мистера Ролло, и предложил ему большой выбор новых и подержанных машин. Когда викарий схватил бронхит, возвращаясь из церкви под проливным дождем, Крис, как бывший хорист, навестил больного, преподнес ему фунт винограда и сказал, что, будь у викария маленький «моррие» (в гараже Ролло такую машину можно купить за бесценок), ему не пришлось бы так мучиться, как он мучается сейчас. Чуть ли не первым посетителем капитана королевского флота Гарстинга (в отставке), прибывшего в Кливорт из Сингапура, был Кристофер Бантинг, горевший желаниям предоставить капитану наилучшее средство передвижения для знакомства с красотами родины.

Крис был счастлив; он напевал и у себя паверху и в гостиной, он насыщивал по утрам, поднимаясь с кровати, он улыбался всему божьему свету. У него была интересная работа, и он был влюблен. Правда, ни одной машины еще не удалось продать, но за этим дело не станет. Он продаст десятки, сотни машины. И собственную мастерскую он откроет, не дожидаясь, пока ему стукнет тридцать лет.

В первые откровенности Крис поделился своими мечтами с Эрнестом. Он подробно рассказал ему, во что обойдется оборудование мастерской, на какие доходы можно будет рассчитывать, как сочетать работу мастерской с ирокатом грузовых машин. По его словам, собственный гараж — это неиссякаемый источник радостей и доходов, источник счастья. Эрнесту, который слушал Криса, сидя на кровати, эти мечты казались страшными. Уж очень они были скромные, ограниченные. У него и раньше не укладывалось в голове, как это люди могут так увлекаться машинами. Однако увлекаются. Он вдруг подумал, что у Криса есть сходство с лордом Нэффилдом — то же добродушное, но решительное выражение лица. Энтузиаст хоть и узкого, но своего дела.

— Ты у нас будешь когда-нибудь миллионером, Крис.

— Нет, где там! Просто обычновенным бизнесменом. Собственное дело — это единственный способ прилично зарабатывать. Уилсон твой тоже, паверто, зашибает деньги. Удивляюсь, почему ты не организуешь собственный джаз.

— Я??

— Клад бы прибыль себе в карман, вместо того чтобы работать на других. Почему нет?

Эрнест мог бы привести десятки доводов против такой затеи. Он ненавидел джаз-банды острой неправдой человека, который съят ими по горло. А вот Крис решил, что зарабатывать деньги нужно, и он не позволит ни одному «но» приступить корни в своем сознании. Крис не станет парализовать свою волю лишними раздумьями. Крис добьется успеха; он принадлежит к тому типу людей, которые именуются удачниками; это сквозит у него во всем. А вот он, Эрнест, — типичный неудачник; раньше он об этом не догадывался, а теперь все ясно. Себя не испортишь. Некоторые люди обречены на вечные шеудаши, и вовсе не потому, что они дураки. Среди них попадаются и очень образованные, — они любят поэзию, разбираются в искусстве, в музыке, в философии. Но в житейском смысле — это пеудачники.

Крис осмотрел свой только что выбритый подбородок, держа зеркало на расстоянии дюйма от лица, сплюшил жак, почистил его щёткой и снова надел.

— Слушай, Эрнест, можно мне надеть твой полосатый галстук?

— Пожалуйста. Зачем он тебе понадобился?

— Иду в кино с одной девушки. Хозяйская дочка. Отец, конечно, ничего не знает. Волосы у меня не слишком отросли?

— Нет.

— Вот поищай. «Роса Аравии». Это такие духи. Три шиллинга заплатил.

— Очень хорошие.

Эрнест проводил его взглядом. Он старался подавить в себе зависть к брату, но совсем отделаться от этого неприятного чувства он все же не мог. Крис был такой счастливый, такой уверенный в себе; уж он-то сумеет проложить себе дорогу. Может быть, человеку с его вкусами и легче найти для себя что-нибудь подходящее. Вот Эрнест так что-тоничего не может найти. Ну, ладно, танцевальный сезон подходит к концу; надо немного отдохнуть, а потом подумать, как действовать дальше. Правильно, так и сделаем.

— А, к черту! — сказал он, поднимаясь с кровати. Неужели у него комплекс неполноценности? Это совсем скверно; он читал об этом в книжках по психологии. Иногда его брало сомнение, полезно ли вообще читать такие книги.

Эрнест снял пиджак и достал из шкафа крахмальную рубашку. Сегодня играть в «Ассамблее», или клубе «Гольф», или «Ротари», или еще в каком-нибудь столь же унылом заведении. От восьми до двух — шесть часов потеть в грохоте, в табачном дыму и получить за это гинею.

«Собственный джаз-балд, — вспомнил Эрнест. — Да, только этого нехватало», — и надел фрак.

ГЛАВА ПЯТИДЦАТАЯ

Каждую субботу, несмотря на резкий ветер и пасмурную зимнюю погоду, Эрнест и Эви Стэг отправлялись за город. Они презирали мототуристов, которые топали ногами от холода, сидя в автобусах, и зябли.

прячась за вспотевшими стеклами. Их путь пролегал тропинкой, ведущей через поле, между живыми изгородями; они шли быстрым шагом, согревавшим кровь, и от свежего воздуха и быстрой ходьбы их щеки разгорелись румянцем. Оживленное личико Эви улыбалось Эрнесту из-за мехового воротника, маленькая шапочка с кисточкой была надета набекрень, и даже самый разборчивый спутник нашел бы ее прехорошенькой.

Во время этих прогулок Эрнест обнаружил, что совсем не знает природы, как и многого другого. Он всегда считал, что любит природу, во-первых, потому, что признается, что ты ее не любишь, значило причислить себя к флигистерам, а во-вторых, потому, что он никогда не упускал случая остановиться перед кустом цветущего терновника и воскликнуть: «Как это красиво!» Но Эви родилась и выросла в деревне, и в простоте ее отпращения к земле было что-то совсем новое для Эрнеста. Он только тогда по-настоящему видел зеленую изгородь или вспаханное поле, когда смотрел на них зоркими глазами Эви. До сих пор ему не удавалось разглядеть как следует королька или землеройку — он думал, что землеройки встречаются очень редко. Он думал, что почти все живые существа, описаны у зоологов, встречаются редко, потому что во время прогулок почти никогда их не замечал. Теперь даже птичьи гнезда попадались гораздо чаще, — раньше он и не знал, что их так много: Эви показывала ему гнезда одно за другим — растрепанные ветром остатки их еще держались в гуще облетевших кустарников.

Первой его мыслью было достать какую-нибудь книгу о природе и прочесть ее, а потом он подумал: «Нет!» Он и без того слишком часто обращался к учебникам и забивал голову готовыми, заранее разжеванными следопытчи. Теперь он хотел видеть все своими глазами и понимать.

В какой-нибудь деревенской чайной они пили чай. Эви разливала его и делала это так поглощенно, что Эрнест таял от удовольствия; потом оба они обсуждали его будущее, и из этих обсуждений неизменно выходило, что Эрнест очень способный молодой человек, которому предстоит сделать блестящую карьеру.

Ей было как нельзя лучше известно его теперешнее положение, она знала, сколько он зарабатывает, знала, что видов на будущее у него нет почти никаких, что его честолюбивые замыслы непомерны и очень неоправданны. Он воспарял ввысь, а она снова и снова низводила его к уровню действительности, к тому, что было практически осуществимо.

— Ты слишком умен для своей работы, — решительно говорила она.

— Если даже и так, то я, видно, не умею приложить свой ум к делу, — отвечал он, вспоминая, что очень многие в разное время говорили ему, что он учен. Может быть, что-нибудь в его наружности вводило их в заблуждение: форма головы, высокий лоб, мало ли что? — И иногда мне кажется, что я тупица.

— О нет! — энергично возражала она. — Тебя нужно было готовить к какой-нибудь интересной профессии. А раз тебя не готовили, нужно учиться самому. Знаешь, человек может сделать очень многое.

Во всем, что она говорила, он чувствовал тот же дух, каким был проникнут Крис и те молодые люди, которых в школе учились посредственно, а теперь мало-помалу добирались до ответственных постов; для человека, проникнутого этим духом, городское управление казалось, конечно, затхлым болотом. Правда, для того чтобы рискнуть, нужна смелость, с этим Эви соглашалась, она знала, что успеха нельзя было ждать сразу, но все-таки по ее мнению, ничего особенно трудного тут не было. Удалось же это очень многим людям, которых она знала еще в родной линкольнширской деревне, — они стали теперь дельцами, видными журналистами, завели табачные плантации в Родезии.

Для Эви все профессии были равны и на всех почрищах удача одинаково достижима. Нужно было тольколовить удобный случай, где бы он ни подвернулся — в Южной Америке, на Флит-стрите, в Нью-Йорке, я не очень торговаться с фортуной.

От этих разговоров все закоулки в душе Эрнеста словно продувало холодным, неприятным сквозняком. В том мире, который он знал, писцы занимали место за

конторкой в двадцать лет и с тех пор уже не смели высунуть нос из своей раковины. А Эви требовала, чтобы он вышел из нее на неприветливую арену рабочего рынка. Его охватывали робость, страх, сомнения. Но это был единственный способ сохранить ее уважение, проще говоря, единственный способ удержать Эви.

— Мне кажется, — сказал он, обдумав ее слова, — раньше я боялся риска. Шел по проторенной дорожке. Но я на нее не остановусь, Эви.

Он был полон решимости, он был твердо намерен не сдаваться и, выйдя на борьбу, проложить себе дорогу в мире.

Но для мистера Бантинга, который не мог пропасть в душу сына и видеть то, что там совершилось, Эриест оставался все тем же безучастным ко всему юношей, который молча проглатывал свой обед и сидел потом в гостиной, не произвляя никаких признаков жизни, сникнув, словно флаг в безветренную погоду. Если вы с ним заговаривали, вы извлекали его из таких глубин задумчивости, что он не сразу мог ответить на вопрос; он слишком много курил, часто вздыхал, и притом так, что эти вздохи было слышны в соседней комнате.

«Что-то с пим пеладло, — раздумывал мистер Бантинг. — Нервы, должно быть». — и он листал «Домашнего лекаря» в поисках тех симптомов, которые находил у Эриеста, и попутно набирался всяких полезных медицинских сведений.

— Неврастения, — говорил он жене. — Вот что у него. В сущности говоря, первое исощение.

— Он несчастлив.

Мистер Бантинг отмахивался: — Просто распустился. Ему нужно взять себя в руки, — и, чтобы способствовать этому, он говорил с Эриестом особенно жизнерадостным тоном, потрясая руками и приятно улыбаясь. С неврастениками самое главное — не обращать внимания на их меланхолию.

— Ну, как там у вас на службе, Эриест?

Эриест отвечал в том смысле, что на службе у них все обстоят превосходно.

— А пасчет повышения что слышно?

Эриест вяло улыбался.

— Младшему клерку прибавили сотню. А я с июня буду получать десять фунтов.

— Хорошая работа всегда вознаграждается в конце концов, мой мальчик. Придет и к тебе удача. Само собой так выйдет. Ты делай свое дело, не лови ворон и не надей духом. Знаешь: «Борец отважный стоек до конца». Да ты, должно быть, учил это в школе. Есть такие стихи. Или, может, читал когда-нибудь.

Как бы Эрнесту хотелось, чтоб отец попал в конце концов, что у него это не просто угрюмость, а напряженная работа мысли! Отнюдь не угнетение настроение, а сосредоточенность на вопросах личной судьбы. Как заключенный сидит часами на одном и том же месте, пытаясь мысленно перелететь за ограду своей тюрьмы, так и Эрнест сидел, придумывая какой-нибудь выход из той тюрьмы, в которую он был заключен силою обстоятельств. Ему необходимо было выбраться из волю, в иной, более благополучный мир, где он мог бы добиться уважения и зажить нормальной жизнью: своим домом, с женой и детьми. К этому идеалу постоянно устремлялись его мысли. Он был настроен весьма решительно. Только бы подвернулся случай, и тогда Эви увидит, как храбро он за него уцепится.

И вдруг, не предупредив ни словом, Эви подвергла его испытанию.

В коротенькой записочке Эви настоятельно требовала, чтобы он позвонил ей по дороге на службу.

— Только что умер один из пациентов доктора Эрла, — сообщила она. — Кажется, он работал в счетной конторе в Килворте.

— Ты хочешь сказать... — И вдруг его осенило. — Ты хочешь сказать, что это как раз подходящий для меня случай?

— Не испугайтесь, справки. Он работал у Дэнби на Сильвер-стрит.

Эрнест попросил ее повторить фамилию. Его лоб озабоченно сморщился: кажется, ему были наперечет известны все счетные конторы в Килворте.

— Ты говоришь: счетная контора?

— Да. Но они занимаются не только счетными операциями, у них, кажется, что-то вроде агентства. Посред-

ничество в разного рода сделках: по недвижимости, по страхованию и так далее.

Его удивила в пей эта чисто женская неопределенность.

— И хорошее место, как ты думаешь?

— Разузнать во всяком случае стоит. Почему бы тебе не позвонить туда и не условиться, что ты зайдешь? Ты был бы первым кандидатом на это место.

— Хорошо, я так и сделаю, — ответил Эрнест и повесил трубку. Как это хорошо, что он знаком с девушкой, которая работает у врача с большой практикой. Вероятно, за проделками конторы Дэнби никто еще не знает об открывшейся вакансии. Ясно, что сама судьба посыпает ему этот случай.

Он вышел из телефонной будки с прояснившимся лицом. После долгих недель уныния даже только услышать о такой возможности — и то поднимает настроение. Вино надежды опьянило его. Он думал было, что чувство неизбежности провала никогда его не покинет, а теперь оно исчезло во мгновение ока, оно казалось смешной, неразумной слабостью. Ведь это же хорошо известное психологам явление: тот, кто легко падает духом, легче других приспособляется к перемене. Эрнесту помнилось, что он читал об этом.

И вот, проведя все утро в радостном ожидании, Эрнест отправился в обеденный перерыв на Сильвер-стрит, на свидание с мистером Дэнби, с рассыльным которого ему удалось поговорить по телефону. Мистер Дэнби, новому, всегда приносил обед с собой и съедал его в конторе. Странная привычка, подумал Эрнест. Должно быть, сидит на диете. Во всяком случае, именно поэтому можно сходить к Дэнби во время перерыва, не отпрашиваясь у начальства. А сам он на этот раз может обойтись и без обеда. От такого воздержания он только чувствовал себя бодрее и предпримчивее.

Сильвер-стрит была одной из десятка старых улиц деревни, разросшейся со временем в поселок Килворт. Эрнест помнил, что на этой улице мясные и овощные лавочки выставляли свой товар на самом тротуаре и что хлебобулочный запах жареной рыбы с картошкой наполнял ее по вечерам.

Кажется, там были склады (он плохо знал Сильвер-

стратт); рабочие разгружали фургоны с мясом и упосили части красных разрубленных туш в недра холодильника. Едва ли на такой улице можно было найти хоть одну первоклассную контору. Да и вряд ли у мистера Дэнби имелся аттестат; в сущности, Эрнест понимал, что никакого аттестата у него быть не могло. В «Китвортском справочнике» такой конторы совсем не значилось. Открытие было не из приятных, по Эрнест не упал духом: во что бы то ни стало нужно добиться этой работы. Ни в коем случае нельзя отклопяться от цели — все-таки это выход.

Раньше, когда ему представлялся случай «прискнуть», пыл его остывал очень быстро, он чувствовал непобедимое отвращение ко всяkim переменам. Это необходимо побороть. На этот раз никакого отвращения не должно быть. Так уговаривая сам себя, он подошел к конторе Дэнби и, взглянув на нее, немедленно почувствовал отвращение.

Два грязных окна выходили на улицу, между ними была дверь. Эрнест увидел ободранную деревянную лестницу, ведущую на второй этаж, запачканный, если судить по надписи на окнах, П. Коннером, агентом. На доске, привинченной к двери первого этажа, стояло: «Горэйс Дэнби, счетные операции», но без всяких дальнейших добавлений. Надписи, сделанные более крупными буквами, рекомендовали Горэйса Дэнби как агента по продаже недвижимости, берущего на себя управление имениями, страхование, сбор арендной платы, залог недвижимости. Все окно пестрело ими; создавалось впечатление, что как только для многогранной личности Дэнби открывалось новое поприще, он в ту же минуту заказывал новую надпись и пристраивал ее на окне. Он продавал недвижимость, передавал разного рода заведения на ходу, составлял описи. Повидимому, он соглашался на все и готов был делать что угодно, только не мыть свои окна и не красить вывеску заново.

Эрнест был намерен твердым шагом войти в контору Дэнби и держать себя очень решительно и энергично, так, чтобы произвести впечатление бойкого, честолюбивого и весьма делового юноши. По обзор окна и входа подорбал его решимость. Сравнительно с тем, о чем меч-

там Эрнест, это была коптора даже не второго разряда, а четвертого или десятого. Однако, раз уж он добрался до Сильвер-стрит, надо было хоть зайти и справиться. Впрочем, надо ли? Цельзя же просто стоять вот так и заглядывать в окно, а вдруг выйдет сам Дэнби и, поймав его врасплох, спросит, не он ли тот мистер Бантиг, который недавно звонил ему?

Он медленно побрел прочь, обдумывая, как ему быть, и стараясь не патыкаться на лотки с товаром и детские колясочки, отмахиваясь от копченых селедок, которые продавцы совали ему чуть не под самый нос. Дойдя до конца улицы, он остановился, так ничего и не придумав: где уже тут думать, когда то и дело на что-нибудь патыкаешься. Он только перепес себя самого и все свои непрорешенные задачи подальше от копторы Дэнби и, закурив папиросу, окинул взглядом Сильвер-стрит, мысленно вопрошая сам себя, почему судьба вечно подсовывает ему самые несъедобные плоды. Он смотрел перед собой, хмурил брови и морщил лоб, словно что-то напряженно обдумывая, но на самом деле ни о чем уже не думал, а только досадовал на Эви за то, что она так все преувеличила.

Молодой человек в элегантном костюме в светлую полоску остановился рядом с ним, взглянул на табличку с названием улицы и быстро запагал по Сильвер-стрит. Энергичный, дьявольски самоуверенный молодой человек. Эрнест проводил его внимательным взглядом: почти одного возраста с ним, по всей вероятности, тоже клерк. В груди Эрнеста запищелились недобрые предчувствия. «Неужели?.. О, черт!» — и Эрнест посмотрел ему вслед, слишком поздно осознав, что в этом деле возможна конкуренция. Если этот малый действительно собирается зайти к Дэнби, так он не будет околачиваться перед дверьми, а прямо налетит на Дэнби и уже не даст маху. Это сразу видно по походке, по тому, как он держит голову и плечи, по всему решительно. Он не из тех, что дают маху. А вдруг место достанется ему? И потом окажется, что это совсем не такое уж плохое место?

Эрнест повернулся и решительно запагал вслед за молодым человеком. Он перешел на ту сторону улицы,

чтобы обогнать своего соперника, не сводя глаз с конторы Дэнби, словно с лепточки у фиянца. Он тоже не даст наху на этот раз. Он весь загорелся решимостью.

Даже когда молодой человек в полосатом костюме завернулся в табачную лавочку, Эрнест не убавил шага. Теперь его лозунгом было: «Вперед, не отступать!» Он первым очутился у дверей конторы Дэнби, прошел в комнату прямо напротив, как предлагала указательная стрелка у входа, и перевел дыхание, только когда остановился перед исцарапанным, залитым чернилами прилавком.

Молодой человек в полосатом костюме мишировал контору Дэнби и, настынивая, пошел дальше своей дорогой. Эрнест подумал, что на этот раз он преувеличит опасность конкуренции. При ближайшем рассмотрении оказалось, что конкурент — самый обыкновенный малый, да еще весь в угрях.

Комната, в которую вошел Эрнест, была пуста, но из другой комнаты, рядом, доносилось звяканье стекла о стекло, свидетельствуя о присутствии человека. Он тихонько постучал по прилавку и огляделся. Напротив него был старинного образца камин, в котором пахватало двух-трех изразцов; над камином запыленная реклама страхового общества «Перл» в черной рамке, повешенная, очевидно, лет тридцать тому назад. На стене — список домов, назначенных к продаже, папечатанный на машинке и кое-где исправленный от руки, а кроме того печатное объявление: «Кильвортское акционерное общество по продаже угля. Заказы принимаются здесь».

Он постучал о прилавок погромче и кашлянул.

— Кто там? — отозвались из соседней комнаты. И потом, более нетерпеливо: — Кто там?

— Мистер Дэнби?

— Ну, я здесь, — ответил голос, дверь приотворилась, и из-за нее выглянуло большое лицо, похожее па окорок. Увидев незнакомого человека, мистер Дэнби, челюсти которого усиленно работали, проглотил остатки бутерброда, вытер нижнюю часть лица большим платком и вышел в переднюю комнату. Не отрицая вполне возможности, что Эрнест явился в качестве клиента, он явно подозревал в нем коммивояжера с образцами лент для пишущей машинки.

— Я зашел спрашивать относительно вакансии в вашей конторе, сэр.

— А, вы насчет работы! — воскликнул Дэлби более свободным и естественным тоном — до сих пор он вел себя оченьдержанно. — Это вы звонили? Ваша фамилия?..

— Бантинг.

— Вот, вот, Бантинг. У меня записано. Ну, знаете ли, вы времени не теряли, а?

Эрнест приятно улыбнулся, давая этим понять, какой он энергичный юноша.

— Да, мне нужен человек. И в конторе и вне конторы — работа у нас разпал. Если уж вы зашли, так надо на вас поглядеть как следует, — и, откинув прилавок, он пригласил Эрнеста войти. — Идите-ка сюда. Я тут как раз собрался перекусить. Да, старик Бакстер приказал долго жить — цирроз печени; это, знаете ли, у него от виски. От виски, а не от пива. Пиво никогда не повредит. Я за завтраком всегда пью вортигентовское. Я люблю здешнего. Пены уж очень много.

Он уселся на конторку, на которой стоял чемоданчик с бутербродами, бутылка пива и стакан. — Не возражаете? — спросил он, беря в руку бутерброд и сразу выкусывая из него широкий полукруг. — Где-нибудь работаете сейчас?

— В конторе городского управления.

Челюсти Дэлби на секунду перестали жевать. — Пожалуйста, вас не выгнали, а?

— Нет, что вы!

— И никаких у вас неприятностей нет?

— Никаких, сэр, уверяю вас.

Мастер Дэлби поставил стакан на стол, вытер усы и пристально взглянул на Эрнеста, словно спрашивая: «Тогда за каким же чортом?..»

— Видите ли, сэр, — начал Эрнест, делая вид, что не замечает этого выразительного взгляда, — моя работа сейчас чисто механическая, по заведенному образцу. Этим нечего не дает. Мне хотелось бы заниматься более живым делом.

— Вот как, — заметил Дэлби и с сожалением посмотрел на Эрнеста. — Ну что ж, — продолжал он после паузы.

видимо, на время отклонив дальнейшие размышления. — Мне нужен расторопный молодой человек, мастер из все руки: чтобы письма писал, — я хочу сказать — на машинке печатал, — и переговоры вел с клиентами. Это вы, надеюсь, можете?

— Да, сэр. Ведь вы ревизуете отчетность?

— Приходится иногда, книги, ну и еще там разное. Я ведь, в сущности, посредник. Ну, и с подоходным налогом приходится иметь дело. Со сбором задолженности, арендной платы. В сущности говоря, — пребывая он, решившись быть откровенным, — мы тут за все беречся.

— Понимаю, — сказал Эриест, по нему показалось, что он уловил еще и слова: «за все и за всех».

— Считать умеете?

— Я изучал счетоводство.

— Это хорошо. Я собирался дать объявление в газеты, но, может, вы мне подойдете. Конечно, мне нужна аттестация. — Его глаза вились в Эриеста. — И не от пастора, а со службы. Об операциях с недвижимостью вы имеете понятие?

— Кое-что знаю.

— А надо будет знать все, если хотите работать у меня. Ну да выучитесь.

— Да, конечно.

— Дайте-ка мне ваш адрес, — сказал Дэнби, отрывая клочок бумаги. — Нате, напишите сами, — и он внимательно рассмотрел написанное Эриестом. — Пишите вы хорошо. У Бакстера был хороший почерк, я считать он был мастак, а вот грамотность хромала. Вам не родня тот Бантиг, что держал трактир «Борзая» в Кэмберуэлле?

Повидимому, мистер Дэнби отлично помнил кэмберуэлльского Бантига. — Удивительный человек — мог осушить одинок духом карту пива. Горло, что ли, у него так было устроено, только пиво лилось туда без всякой задержки. Точно вода из крана в раковину, — сообщал мистер Дэнби. — Даже глядеть было удивительно. Без передышки мог пить.

— Какие же, собственно говоря, у меня будут обязанности, сэр? — осведомился Эриест, когда с кэмберуэлльским Бантигом было покончено.

— Все придется делать. Показывать дома съемщикам и покупателям, следить за сроками закладных, проверять работу сборщика арендной платы, Ну, и по части рекламы тоже... Да мало ли еще что! В нашем деле звать не годится. В воскресенье пойдете с вашей девушки гулять, гляните, нет ли поблизости продажных домов. Если есть, узнайте, кто хозяин, запишите для нас адрес. Надо уметь разговаривать с людьми, да глядите в оба, чтобы вас не надули. Особенно те жильцы, которые платят понедельно, и те клиенты, которые передают дело на ходу. И язык нужно держать за зубами, поняли?

— Да, конечно.

— За зубами, — повторил Дэнби, не спуская глаз с Эриеста. — Не все выкладывайте, что вам известно.

— Да, да, конечно.

— Многому вам придется учиться, — в раздумья заметил Дэнби. — Все-таки, может, вы и подойдете. Я вам напишу.

Эриест вышел из конторы на свежий воздух с чувством несказанного облегчения. Ну и контора! Ну и дыра! Опять разочарование. Тем не менее Эриест не чувствовал никакого разочарования, шагая по Сильвер-стрит на службу, паоборот — огромное облегчение. Он сделал все, что мог, павел справки: если бы место было хорошее, он бы за него с радостью ухватился. Но эта Сильвер-стрит! Грязная берлога вместо конторы, безграмотный, налитый пивом Дэнби и его темные делишки! Решительно покинувшее место.

Он вошел в здание городского управления, старательно вымыл руки и направился по коридору в канцелярию. Здание показалось ему великолепным, как дворец, необыкновенно внушительным. Стены в коридорах были украшены портретами мэров и других земенных граждан; обстановка прямо княжеская, умывальники и ватерклозеты — верх комфорта. Уже одно то, что вы здесь находились, придавало вам вес: постороннему человеку вы могли показаться очень важной особой. Он заметил, какие веселые лица были у его сослуживцев, шумной гурьбой входивших в подъезд. Ну да, ведь все они хорошо побеждали, все, кроме него, — ему пришлось обойтись без обеда. Он вдруг ощутил пустоту в желудке и даже легкую дурноту.

Но если хочешь сделать карьеру, надо быть готовым ко всяким жертвам.

Переписанные до половины протоколы дорожной комиссии лежали у него на столе — приятная, песпешная работа, которой должно хватить почти до конца рабочего дня; потом он займется картотекой, а там и домой, к чаю. С облегчением он вернулся от неприятных мыслей о Силвер-стрит к переписке разглагольствований дорожной комиссии, уделяя должное внимание пожам и интервалам в тексте: «Слушали. Постановили: вымостить заново вышеупомянутые улицы за счет домовладений, прилегающих к мостовой».

Эрнест писал слова, по смыслу этих слов почти не доходил до него. Он был в таком ~~настроении~~, что мог бы даже дойти по вышеупомянутым улицам до своего дома, не заметив, что это те самые, которые перечислены в протоколе. Он опять вошел в колею, и облегчение, которое он при этом испытал, было настолько же глубоко, сколько бессознательно. Работали только глаз и рука, а дух бродил, где хотел, как овечка по зеленому лугу. Эрнест, считал, что многое обдумывает во время работы.

Предположим, он поступил бы к Дэнби, что он там будет делать? Водить покупателей и показывать им дома, составлять договоры по тайму квартир, делать это самое «все». Нельзя сказать, чтобы старишка выражался очень определенно. Может, это он нарочно? Да еще сказал: «Я вас возьму на испытание». На испытание! Эрнесту нужно постоянное место, такое же, с которого он уходит.

А вдруг через неделю-другую Дэнби решит, что он ему не подходит? Просто вышвырнет на улицу, и все тут. Бессовестный старый жулик, это и по роже видно.

Он постучал по зубам ручкой, глядя в пространство. Хорошо, что он не сразу согласился. С этим Дэнби надо держать ухо востро.

— Ну, Бантигг, — прервал его старший клерк, заглянув ему через плечо, — мечтать здесь никогда. Работайте, работайте!

И некоторое время Эрнест ощущал взгляд начальства на своей согбенной спине.

Эви ждала его на улице после окончания рабочего дня.

— Был ты у Дэйби?

— Да. Из-за этого обед пропустил. — Он ломал голову, как бы объяснить ей, что такое контора Дэйби. Он совсем не ютариус. Скорее что-то вроде агента по недвижимости.

— Так это же очень хорошо! У этого доктора Эрла бывала как раз такая контора, он очень привлично зарабатывал. Оба сына у него врачи.

— Ну, значит, это было что-нибудь покруче? Ты ведь не знаешь Силвер-стрит, правда?

— Не знаю.

Он хотел рассказать про Силвер-стрит, но побоялся, что выйдет гаупо и бапальло. И потому заметил только: — Это довольно далеко, за Мортон-роуд.

— Если бы ты поработал несколько лет в таком агентстве, то мог бы открыть потом свое дело. Денег нужно не так много. Главное — контора.

— И клиенты.

— Что ж, начинают всегда с малого, как ты думаешь?

«Не было никакой нужды делать это совершенно излишнее замечание таким раздраженным тоном», — подумал Эрнест. Конечно, начинают всегда с малого. Само собой разумется. Может, и стоит взять это место, если благодаря ему удастся завязать знакомства, войти в курс дела и потом открыть свою контору... На минуту эта перспектива показалась ему заманчивой, как всякая новая перспектива. Собственная контора, живое дело, нового фасона письменный стол, телефон, один-два секретаря в приемной. Лоска с надписью «Кабинет мистера Бантинга — без доклада не входить» на дверях его комнаты, одним словом, все точь-в-точь, как изображено на проспектах золотых курсов коммерческой корреспонденции. Все это очень мало, когда у тебя уже есть свое собственное дело, но у Эрнеста пока что ничего не было, кроме надежд на вакансию у Дэйби, и контора Дэйби отчаянно позиционировала в его воображении всех мало приятных подробностях.

— Как ты думаешь, он тебя возьмет?

— Он сказал, что начнет — ответил Эрнест и откликнулся, готовясь преодолеть трудности предстоящего

объяснения. — Это, в сущности, же такое место, какого я ищу.

Он как будто дотрепулся до устрицы, и она тотчас плотно захлопнула створки. Ему показалось, что Эви кратко вздохнула. Они шли теперь молча, и в этом молчании подразумевалось, что Эрнест сказал именно то, чего ждала от него Эви. Так она думала, что он ищет предлога увильнуть? Он копнул на нее сердитый взгляд: каждая черта упрямого лягушка выражала непреклонность, поведевшая ему «взять себя в руки», «сделать, наконец, что-нибудь». Прекрасно, но что именно? Челзия ли высказаться несколько определеннее? Они шли все дальше и дальше, и Эви не проронила больше ни слова; она думает, конечно, что он лентяй, тряпка, разипя, не способный ни на что решиться. Известно уж, что она может о нем думать!

«К чорту все это! — забунтовался он мысленно, совершивши забывая о том, что он сам выдумал ее мысли. — У меня у самого есть голова на плечах. Нет никакого смысла менять лучшую работу на худшую». Почему она не спросит его, что такое, собственно, эта контора Дэнби? Потому, отвечал себе Эрнест, что, по ее мнению, она все знает лучше всех. Женщины всегда так. Эрнест далеко не во всем был согласен с мастером Бантингом, но тут он невольно вспомнил одно его замечание, отославшееся к матери, а именно, что с упрямой женщиной сам чорт не сладит.

— Я тебе сообщу, если будут новости, — сказал Эрнест, когда они дошли до дверей доктора Эрла.

— Хорошо. — Она пристально взглянула на него. — Точно такого места, о каком ты мечтаешь, Эрнест, тебе никогда не получить. Мест на заказ не делают.

— Я и не жду, что для меня сделают. Я только хочу знать паверное, что поступил правильно.

— Не всегда легко это узпать, — сдавалась Эви. — Впрочем, это твоё дело — решать. Я совсем не требую, чтобы ты делал то, чего не хочешь.

— Послушай, Эви, я хочу только сделать так, чтобы нам с тобой было лучше. Ты мне веришь?

— Конечно, верю. Только...

— Что «только»?

— Нет, ничего! Делай, как тебе кажется лучше. — Эви ушла, оставив Эрнеста в мучительной перешимости; никогда еще, кажется, он не чувствовал себя таким несчастным.

По дороге домой он несколько раз то хотел взять место у Дэнби, то решал отказаться от него, и какое бы решение он ни принимал, сейчас же в голову начиндало лезть доводы против и вспыхивали в буйбу с доводами за, так что под конец в голове у него стало гудеть, словно в палате депутатов. Самое лучшее, решил он в заключение, посыпать в гостиной и обдумать это дело за папиросой. Можно написать на бумажке все доводы за и против, подвести итог и после этого решить окончательно. Это будет всего лучше и всего разумнее, — и, вынеся такое решение, он зевелес зашагал домой, а в прихожей на столике наложил письмо от Дэнби.

Его час тому назад привнес рассеянный. Джордж, обдумывая дело со всех сторон, предлагал Эрнесту поступить к нему на испытание, для начала на три фунта в неделю, а через полгода, если Дэнби останется им доволен, ему прибавят еще пять шиллингов. Дальнейшее будет зависеть от его стараний и способностей.

Не теряет времени, подумал Эрнест. Так, значит, он произвел благонравное впечатление на Дэнби. Жалование неплохое, больше того, которое он сейчас получает, и есть надежда на прибавку. Он сунул письмо в карман. Это ультиматум: надо решать теперь же.

К чаю дожидались только Эрнеста. Мистер Бантинг, стоя за камиком перед камином, уже давно в остерегании поглядывал на стол. Он обратил внимание Эрнеста на часы.

— Ты что-то запоздал. Где ты пропадаешь, Эрнест? И к обеду не приходил.

— Много дела. Пришлось кое-где побывать в обеденный перерыв.

— Так ведь городское управление не требует, чтобы ты оставался без обеда.

— А вот сегодня пришлось.

— Значит, у вас что-то пелась с организацией дела, — вынес приговор мистер Бантинг. — Неувязка. Если ты работаешь сверхурочно, то они должны тебе

оплачивать эти часы. Столько дерут налогов, что могут себе это позволить.

— Но, папа, — вмешалась Джули, — может быть, Эриест просто начиняет проявлять интерес к делу?

— Перестань, Джули, — остановила ее мать, и мистер Бантинг подозрительно покосился на дочь: уж не отстричь ли она вздумала?

— Я для тебя сделала яичницу. Ведь ты не обедал, Эриест. Криса мы дожидаться не будем.

— Ах, мама! — воскликнула Джули, сморщив носик. — Я тоже хочу яичницу.

— Говорят, в Германии яйца стоят восемь пенсов штука, — заметил мистер Бантинг. — И все Гитлер и это самое вооружение.

— Но, папа, разве для вооружения нужны яйца?

— Они их подвергают анализу. Извлекают из них различные вещества, нужные для производства бомб. Кажется, гиацинты, что ли. Я читал в «Сирене». Этот Гитлер...

— Джордж, голубчик, не заводи ты все это спачала, — зашротестовала миссис Бантинг.

— Я ничего и не завожу. Сказал просто, что в Германии яйца стоят восемь пенсов штука, потому что строй там не демократический.

— Ну, а у нас в Кильворте они стоят два пенса штука.

— Два пенса? Быть не может! Когда я был мальчишкой, на шиллинг давали полтора десятка, а бой — полцентнера за штуку. А мы и такие редко ели. Большие сидели на хлебе с топленым салом. Никаких витаминов тогда не полагалось. А народ был покрепче пынущего. Грудь — во! Плечи — во! Как пышки.

— А я люблю хлеб с топленым салом, — объявила Джули. — Мама нам никогда не дает.

— Вот жила бы ты в Германии, так и сала бы не выдала, — заметил мистер Бантинг. — Динамит важнее сала, — так сказал Гитлер...

— Джордж, ради бога, оставь ты Гитлера в покое.

— Я ведь только рассказываю, что прочел в газете.

— Так перестань читать газеты. Тебе чего дать, Джули?

— Хлеба с топленым салом.

— Это уже дерзость, — сухо заметил мистер Бантиг.

— А я хочу хлеба с топленым салом, — повторила Джули, делая большие, невинные глаза. — Я хочу, чтоб у меня была грудь, как пышка.

— Джули! — воскликнула шокированная миссис Бантиг.

На секунду глаза мистера Бантига сверкнули опасным огоньком. — Я совсем не то сказал. Ты отлично знаешь, что именно.

Миссис Бантиг вздохнула. — Что такое со всеми вами творится? Неужели вы не можете даже чаю пить спокойно, не заводя ссор?

Эрнест пожал плечами с видом покорности судьбе. Это не дом, а какой-то обезьянник. Его мучило подозрение, что Дэпби недаром погородился предложить ему работу, что тут что-то печально. Да еще «на испытание» — и это тоже неладно.

— Ни минуты покоя, невозможно думать, — сказал он.

— А ты не думай, когда ешь, — сказал отец авторитетным тоном медицинского консультанта «Сирены». — Вредно влияет на пищеварение.

— Вот и Крис, — с облегчением провозгласила миссис Бантиг.

— Он знал чуть ли не па час, — проворчала мистер Бантиг. — Что вы там делаете па службе, просто ума не приложу. Наверное, половицу дня развлекается.

— Здравствуй, отец. Опять завел свою музыку? — весело приветствовала его Крис.

Он придвинул себе стул и улыбнулся сестре.

— Здравствуй, мордашка!

— Здравствуй, оух!

— Ну, ну, — вмешался мистер Бантиг. — Потише, дети!

— Тиш, Эрнест! — поддержал его Крис, употребляя присм, именуемый в стилистике литературы.

Эрнест вскочил с места. — Ей-богу, мне все это па первы действует. Прямо обезьянник какой-то!

— Погоди минутку, Эрнест. Я тебе купил папирес.

— Это еще зачем? — спросил неблагодарный Эрнест. — Не мой день рождения и вообще не праздник.

— А отцу бутылку виски, матери домашние туфли и духи нашему розовому бутончику.

Семейство Бантингов смотрело на него в ошеломление.

— Что случилось? Выиграл, что ли?

— Ты говоришь виски? — спросил мистер Бантинг растерянно, но с проблеском надежды.

— Да, опо в прихожей.

— Как же так...

— Слушайте. — и Крис наклонился вперед, чтобы его речь прозвучала более впечатльно. — Я продал машину. За четыре сотни фунтов, машину в двадцать пять лошадиных сил, одному флотскому капитану. Хозяин получил сегодня чек и уплатил мне комиссионные.

— Ах, чтоб тебя! — воскликнул мистер Бантинг, силясь представить себе это событие во всех подробностях. — Это что же, в свободное время, что ли?

— В свободное время. Потому и комиссионные. Конечно, пришлось все-таки попросить. Я сначала договорился с мистером Ролло насчет комиссионных, а потом уж передал ему заказ.

— Ну и пройдоха же ты! — воскликнул мистер Бантинг. — Впрочем, — тут же спохватился он, — в делах без этого нельзя.

— И, кажется, получу еще заказ на «кояпэй». Да и еще паклювывается. Вот потому я решил отираздювать, — скромно заключил Крис.

— Какие духи, Крис? Покажи мне.

— «Роса Аравии». Кажется, ничего себе. На коробке сказано «неотразимые духи». Тебе как раз это нужно.

— Крис, — сказал мистер Бантинг, делая вывод из события, — тебе надо поздравить с успехом. Да еще в свободное время. Вот это я называю инициативой. Ты в самом деле сначала потребовал комиссионных, а потом передал заказ своему Ролло? По-наполеоновски!

— Я и прибавку получил. Поговорил с мистером Ролло. Старик ничего, поимать может. Я решил, что надо и вам сказать, — объяснил Крис свое повышенное настроение.

— Разумеется, надо, — согласился мистер Бантинг, раздумывая, удобно ли сейчас же откупорить виски, мо-

кет быть, жена не станет возражать ради такого случая.

Эрнест все сидел за столом, глядя на скатерть. Ему хотелось тоже принять участие в потоке поздравлений, но он не мог, слова застревали у него в горле. Как он завидовал Крису, как он ему завидовал! Он думал, и это было похоже на молитву: «Не дай мне завидовать брату, но дай мне завидовать и питать к нему злобу», а лицо у него так горело, что даже глаза жгло.

Пожав ему локоть, Крис положил перед ним пачку папирос. Эрнест поднял глаза. Пет, у Криса не заметно презрения к нему; он скорее смахивает на большую собаку, которая умиленно смотрит на всех, новицкая хвостом, и удивляется, почему ее арансы принимают так холодно. Его эмоции слишком примитивны и он просто не способен кого-нибудь презирать или сравнивать с собой, или питать такие ядовитые мысли, какие разъедают сейчас душу Эрнеста. Глаза его на минуту заволокло туманом. Потом, чувствуя нечто вроде духовного переноса, он сказал:

— Нана, я решил уйти со службы.

Мистер Балтинг, развертывавший бутылку с виски, вздрог на месте. Однако он нашел в себе достаточно присутствия духа, чтобы твердой рукой поставить бутылку на стол и выпрямиться. — Что ты говоришь, Эрнест?

— Я решил уйти со службы.

— Уйти с... — Язык мистера Балтинга просто не мог выговорить таких слов. — Вот, — сказал он, отворяя дверцу буфета, — спрячем-ка это сюда. Боже мой! Уйти со службы! Зачем? Для чего? Да ты не можешь уйти, Эрнест.

— Могу и уйду, несременно. Мне там надоели. Никакого движения, почему учиться. Так что я нашел работу в конторе агента по недвижимости.

— Ты нашел работу? Уже?

— Да.

— Так это то же же, приходишь домой и заявляешь, что нашел другую работу, не спросив даже моего совета? — спросил мистер Балтинг, переходя в наступление. Эрнест никаких не испугался. — Вот именно.

— Я этого не потерплю. Эрнест. Не потерплю. Мне

было немножко подыскать тебе хорошую, постоянную работу, с видами на будущее и пенсии, и я тебе не позволю бросить. Поля!?

— Ты мне не можешь запретить.

— О, чорт! — загремел отец. — Не могу запретить! Да я...

— Джордж, успокойся ради бога, — остановила его жена. — Тебя удар хватит, если ты будешь так волноваться.

Да, она права, подумал он; голова у него слегка кружилась. Вот сейчас его хватит удар, и он эффективно покатится на ковер, жертва сыпучего непослушания. От волнения это может случиться — половина тела будет парализована (в «Домашнем лекаре» это называется «апоплексия»). Ну что ж, так им и надо, и если б ему самому это ничем не грозило, он бы и рад такому мелодраматическому финалу. Осторожность, однако, заставила его сесть на диван, утереть лоб платком и тяжело перенести дыхание.

— Давай спокойно обсудим это, Эрнест, — предложил он.

И он прочел сию целую диссертацию об отрицательных сторонах работы в частных предприятиях. Живут эти предприятия недолго, хозяева успевают нажить капитал и помочь его в государственные бумаги. А затем разражается промышленный кризис, и лавочку прикрывают. Хозяева рассчитывают служащих и уезжают отдыхать на Ривьеру. Сколько людей знал мистер Бантинг в Сити, сколько таких людей, которых хозяева выбрасывали на улицу в возрасте сорока — пятидесяти лет, и они ввалили пороги в разных конторах.

— А твоя работа, мой милый, — я тут мистер Бантинг, окунув свою кисть в розовую краску, принялся написывать блестящие перспективы, открывающиеся перед Эрнестом. Он становился все красноречивее и красноречивее и сам чувствовал, что говорит прекрасно. Эрнест сидел, торжественно ожидая, пока иссякнет изливавшийся на него поток красноречия. Наконец мистер Бантинг умолк, исчерпав весь материал, и, торжествуя, начал подводить итоги.

— Теперь ты видишь, какую глупость ты собираешься

сделать. Просто смешио слушать, — и он уничтожающе улыбнулся.

— Но разве я смогу платить матери столько, сколько плачу сейчас, когда сезон балов кончится? Мне придется недрабатывать.

— Послушай...

— Очень жаль, папа, но я уже разбил. Я знаю сам, что для меня лучше.

Мистер Бантинг понял, наконец, что Эрнест похож на свою мать гораздо больше, чем казалось по внешнему виду, что и в нем живет то же тихое, почти восточное упорство. Объясний, сколько хочешь, пускай в ход самые разумные доводы, — всякий непредубежденный человек неизменно послушался бы. Но только не Эрнест и не его мамаша — у этих всякая мысль застревает в мозгу, как рояль в узких дверях.

— Тогда какой же смысл разговаривать? — заметил он. — Раз ты сам знаешь, что для тебя лучше.

Но он не был уверен, попал ли его сарказм в цель.

ГЛАВА ШЕСТЬНАДЦАТАЯ

Осенью тихие дороги в окрестностях Билворта огласились шумом и фырканьем небольшого синего «копвэя», угрожающее вилявшее из стороны в сторону. Правил им маленького роста и плотного сложения джентльмен, отчаянно цеплявшийся за барабанку руля, словно за спасительный круг, а седоком был веселый, розовый юноша, который, видимо, не так-то легко терял спокойствие духа. На каждом перекрестье машина останавливалась, как вкопенная, и звуки рожка оповещали о том, что мистер Бантинг памеревается завернуть за угол. Затем, если ответный сигнал не просил его обождать, мистер Бантинг двигался вперед самым медленным ходом, предупреждая зевак еще одним, последним, гудком. При этом он бешено махал рукой петерлевшим водителям, пытавшимся обогнать его.

Он давал гудок перед каждым коттеджем, перед каждым поворотом, давал его, завидев велосипедиста, полисмена или хотя бы собаку, давал его просто так, чтобы прове-

рить па всякий случай, действует ли гудок. Из него вышел очень осторожный водитель.

— Надо чувствовать дорогу, — говорил он Крису, который играл при нем роль инструктора. По мнению мистера Бантига, очень немногие из встречных водителей обладали этим чувством.

Он довольно скоро убедился, что нет и не может быть машины лучше «конвэя». Он много разглагольствовал о сравнительных достоинствах машин и, переславшись прейскурант фирмы Конвэй, все чаще и чаще сыпал в разговоре техническими терминами. Всем своим друзьям он с большим жаром твердил о достоинствах «конвэя», особенно первых моделей. Есть, конечно, машины больших размеров, есть машины быстроходнее, роскошнее по отделке. Но лучше этой нет.

— Если вы собираетесь покупать себе машину, Оски, — говорил он, отлично зная, что мистеру Оски это не по средствам, — то лучше «конвэя» вам не найти. Самая надежная марка. Три карданных вала, заметьте. Гидравлические тормоза. Вот я и решил, что пора нам обзавестись машиной — объяснял он, словно это было так просто — взял, пошел и купил мимолетом автомобиль.

— Зато теперь куда легче собирать деньги с жильцов.

Как только миссис Бантиг преодолела иллюстрировое недоверие к шоферским способностям мужа, — а это ей удалось далеко не сразу, хотя настойчивость превозмогает все, — Бантиги начали знакомиться с Англией. Они «выехали на большую дорогу», как выражался мистер Бантиг, сам не зная хорошошенько, что он хочет этим сказать. Мистеру Бантигу, сидевшему за рулем, представлялось мало шансов познакомиться с Англией; он благородно смотрел только прямо перед собой. Зато он внимательно слушал, как его жена описывает пейзаж, и одобрительно хмыкал. Чудесная страна, другой такой во всем мире нет, с глубоким убеждением уверял он миссис Бантиг, хотя никакой другой страны, кроме Франции, ему видеть не довелось, да и ту он видел в подзорную трубу с борта фолкстонского парохода.

Остановиться можно было где и когда угодно. Эта машина, питаемая всеми автомобилистами, — что они мо-

ут останавливаться где и когда угодно, — влекла мистера Бантига все дальше и дальше — так что он вообще редко где останавливался, а если и делал это, то не надолго — впереди ведь ждали другие места и, пожалуй, куда более живописные.

Представьте себе чету Бантигов, въезжающую на базарную площадь какого-нибудь тихого городка в Эссексе.

Подъехав почти вплотную к тому месту, где полагается останавливать машины, мистер Бантиг, облетевший в штаны-гольф, вылезает из «коинвэя». Первым долгом он ревизует шины, подталкивает автомобиль сзади, чтобы убедиться, что мотор выключен, затем идет осматривать город. Если поблизости есть скобяная лавка, он подходит к витрине и критически разглядывает ее. Не бог знает что, говорит он, они тут здорово отстали, и супруги идут дальше. Они осматривают рыночную площадь, церковь, лавки. Во дороге покупают пару яблок, ибо мистер Бантиг верит в витамины. Немедленно за этим следует дискуссия, стоит ли тут поселяться, если дети будут устроены и родители захотят продать свою виллу. — Здесь жизнь, плавное, деловое, чем в Килворте, — замечает мистер Бантиг. — Иначе и быть не может. — Им, конечно, попадается на встречу хорошеный деревянный домик, либо очень старый, либо совсем новенский, но непременно оригинальной архитектуры, похожий на домик с рождественской открытки, что очень нравится супругам. Жить в таком домике, должно быть, одно удовольствие. И, дав волю воображению, они возвращаются к своему «коинвэю», где мистер Бантиг опять ревизует шины, и, усевшись за свое место, выезжает на дорогу задним ходом, а миссис Бантиг стоит на тротуаре и соглашается сесть только тогда, когда он уже отъехал па некоторое расстояние от остановки: совершенно не к чему устраивать потеху для зевак.

Счастливы это были дни; ничто не омрачало их, пока можно было разъезжать в «коинвэе». А он служил им исправно и аккуратно отмеривая свои двадцать пять миль в час, причем мистер Бантиг пасторенным ухом ловил всякий подозрительный скрежет или шум в моторе. Он часто останавливал машину «для проверки», утверждал, что задняя ось не в порядке. По его мнению, задняя ось

была главной причиной немоладок в машине. — Смазывать надо получше. А многие об этом забывают, — и вооружившись отверткой, он поднимал доску под задним сидением; производя эту операцию, он чувствовал, что проникает в самую суть вещей.

— Нет, все-таки хорошо я сделал, что ушел от Брокли, — говорил он, сидя у дороги и жуя бутерброд. — Только вот дели меня беспокоит Эрнест... — И он вздыхал.

— Ну, что такое Эрнест?

— Что-то дело у него плохо ладится. А ведь очень нелуп. Иной раз мне сдается, что от ума человеку мало пользы.

— Ну, это уж пустяки, мой милый.

— Нет, я много раз об этом думал. Возьми хоть Джо Кордера. Ведь ума налата. — Тут мастер Бантиг поднимался на недосягаемые высоты беспристрастия и величия. — Куда умнее меня. В профессора годится. А продаёт ковры у Брокли. Хотелось бы мне его повидать, он еще не знает, что я купил машину.

Он представил себе, что входит в свой бывший отдел, посвежевший, в новых штанах-гольф. Оон там, ножаю, думают, что он совсем опустился — работы найти не может и жить ему печем. Так он им покажет, что они ошиблись. Даже Вентнора он был бы непрочь повидать. Он просто войдет в отдел железо-скобяных товаров счастливый, благополучный, и, встретив там Вентнора, улыбнется, как говорил Кордер, сарднической улыбкой. Он был уверен, что в сарднической улыбке сумеет выразить очень многое.

Это были самые счастливые дни в жизни инстера Бантига, после того как он удалился на покой. Но когда в Кильвурте начались осенние дожди и «конвой» был убран на зиму в гараж, а сад стоял облетавший и мокрый, бледно стало ему в тягость. Ни дома, ни в саду делать было ничего, оставалось только читать «Сирену» да дремать перед камином, солло поглядывая на солнце плачущие часы.

Иногда он вдруг пробуждался от дремоты и решительно взирался по сторонам, ища, чем бы заняться. Он вскакивал, бежал на кухню и отнимал у миссис Бантиг нож и

корзинку с картофелем, говоря: — Ну, уж это я сделаю, — потом шел с ней вместе наверх убирать постели. Он и не подозревал, что миссис Бантинг так разборчива и придирается ко всякой мелочи, — и подушки он кладет не так, и одеяло спущено не настолько, сколько следует, словом, она ходила за ним по пятам и переделывала всю его работу с математической точностью.

По его мнению, это было совершенно лишнее и значило только, что она в грош не ставит его помощь. Но вот уборка как будто приходила к концу, поскольку это доступно было мужскому глазу и пониманию. — А не выпить ли нам чаю? — предлагал мистер Бантинг; он сам все приготовит, они вместе сидут перед камином и выпивают из чашечки. Но миссис Бантинг оскорбляло уже одно предположение, будто у нее есть время рассиживаться среди дыр у камина и пить чай. У нее полны руки дела, полны руки! И педоверчий муж мало-момалу убеждался, что она говорит сущую правду. Домашней работе просто конца и края нет, это совершенно то же самое, что возиться в саду. А кроме того, миссис Бантинг обладала удивительной способностью находить для себя дело. Не знаю, так другое. Половину всего этого можно было поговорить, во всяком случае спешить ей было некуда. Но она твердо верила, что все хозяйственные традиции должны соблюдаться неуклонно и во что бы то ни стало, и это вызывало в нем удивление, а подчас и бесило его. Еще больше его бесило, когда жена подходила к буфету, с которого он только что стер пыль, и отыскивала пыльные заноулки и выступы, а сверх того — следы его пальцев на зеркале. Тут он весьма кстати вспоминал, что все женщины любят разыгрывать мучениц, объявляя, что никогда отстраняется от домашней работы и опять погружалася в дремотную скуку.

По субботам, если погода разгуливала, он беседовал через забор с мистером Оски, главным образом о международном положении. Жизнь на покое дала возможность мистеру Бантингу не думать о делах и на досуге более внимательно прочитывать газету, а потому международное положение волей-неволей привлекло к себе его внимание. Он много думал па эту тему и считал ситуацию в Европе весьма серьезной, даже критической. Он целиком и полу-

ностью разделял воззрения «Сирены». — Посмотрите, что делается на Востоке, — говорил он мистеру Оски. — А положение на Средиземном море? Назревает кризис, а правительство наше точно ослепло, ничего не видит.

Оски, для которого процесс, именуемый «очисткой грунта», был гораздо важнее международного положения, откликнулся даже вникнуть в дело как следует.

— Осточертели мне эти кризисы, — отвечал он. — Сельт надо больше. Вот что нам в Англии требуется, — и он возвращался к участку, засаженному картофелем.

В свободное от этих важных размышлений время мистер Бантинг, порой загораясь жаждой деятельности, возился в саду, если позволяла погода. Он чинил забор, чистил дорожки, обмазывал креозотом шиалеры. Все, что угодно, лишь бы убить время. Целое утро он приводил в порядок сарай, а когда привел, оказалось, что разницы даже не заметно. Досадно было то, что все эти занятия поглощали труд, как пески пустыни поглощают воду, а в конце концов даже нельзя разобрать, было ли тут что-нибудь сделано или нет. Скоро он дошел до того, что, принимаясь за дело, думал, нельзя ли как-нибудь обойтись без этого. Да и все эти дела яйца выеденного не стоят.

«Да, поторопился я уйти на покой, — невесело раздумывал он. — Энергии у меня еще много», — и его мысли возвращались к фирме Брокли, к уютному «закутку», к Кордеру на высоком табурете, боязливому ногами и изрекающему шекспировские афоризмы. Теперь там Слингер. Ну, Слингеру Джо едва ли станет читать стихи. «Из гадов всех, кишавших на земле», — что-нибудь в таком роде, это еще может быть. Пст, к Брокли он никогда не вернется; и сами они за них не принадлежат. А больше леваться некуда. Первоклассный специалист по скобяным изделиям, и вот пропадает зря со всеми своим опытом. — Если бы я мог найти какое-нибудь место, — бормотал он с тоской. Атлас вздыхал о своей иште.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

МИСТЕР ВАНТИНГ В РОЛИ ПРОВИДЕНИЯ

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Эрнест сидя за столиком, служившим ему у Дэнби вместо конторки, и проверял счета прачечной мистера Игла. Ему не часто приходилось «иметь дело с цифирью», как выражался Дэнби, он больше бегал по городу, чем сидел в контере: разговаривал со съемщиками, показывал покупателям продажные дома. Он уже полгода служил у Дэнби, и теперь убогая Силвер-стрит, когда он пробегая по ней, занимаясь каким-нибудь спешным делом, не производила на него такого тягостного впечатления, как раньше. Привычка стерла резкость контраста между его теперешним положением и тем, что сулили ему проспекты Старейшей школы бухгалтерии.

Что в данное время к его мыслям применивалось не годование. Дэнби сегодня утром сообщил ему, и очень бесцеремонным тоном, что положение дела не допускает даже мысли о прибавке. Возражения Эрнеста были отпарированы еще более бесцеремонными намеками на возможность снижения оплаты, и «в самом непр продолжительном времени». Служащих, знаете ли, сейчас можно найти сколько угодно, и очень толковых». Грубость была тут совершенна ия к чему, но Дэнби вчера хватил липнее, и потому сегодня утром встал с левой ноги. Эрнест отлично понимал свое положение. Оно было именно таково, как и следовало ожидать, — Эрнест теперь всецело зависел от воли Дэнби. Вот что значило уйти из городского управления, вот что значило «рисковнуть». Он чувствовал себя в положении мотылька, падающего на свечку.

И все-таки он много кой-чего узнал в этой сомнительной конторе, где занимались всем, что только подвергалось под руку, — много такого, с чем никогда бы не соприкоснулся в атмосфере высокой порядочности, царившей в канцелярии городского управления. Например, он узнал, как легко уговорить людей подписать «нашее обычное соглашение», не читая его, и в какое расстройство они приходят, прочитав его впоследствии. Он узнал, что шестипенсовая гербовая марка может сыграть роль липкой бумаги, на которую ловится беснечный клиент. Он привык слышать доносившиеся из-за перегородки раздраженные голоса клиентов, которые не понимали подобных тонкостей, а потому осыпали бранью мистера Дэнби, привык и к тому, что на его голову изливались остатки гнева, сице кипевшего в душе клиента, когда тот пурей вылетал из кабинета.

Виски и сигары не переводились в кабинете Дэнби, без них тут не заключалось ни одной сделки; и они же были непременным угощением в те дни, когда там собирался кружок спекулянтов, его темных компаний. Как только истекал срок чай-илибль, закладной или являлась возможность оттягивать какую-нибудь лавочонку у ее законного арендатора, прижать какого-нибудь мелкого человечка или положиться на общественный счет, в кабинет Дэнби немедленно слетались эти корпучи. Сидя за тонкой деревянной перегородкой, Эрпест прислушивался к происходившему в кабинете вавилонскому столпотворению, к спорам и ругани; потом разогласия улаживались, слышался смех и звон стаканов, после чего красный, охрипший Дэнби выбегал из кабинета и минут десять оживленно беседовал по телефону, обмениваясь с кем-то информацией сугубо частного характера; такой разговор стояло послушать.

Комиссионные от обманутого продавца (злосчастного клиента конторы Дэнби), причитающиеся доли добычи от шайки темных дельцов, спаслиняков Дэнби, комиссионные от покупателя, следуемые по договору, — вот каким способом Дэнби ухитрялся сдирать по три пикуры с одного вала.

Много способствовала просвещению Эрпеста еще и привычка Дэнби сыпать для его позабавления афоризмами

на деловые темы, как сыплют добавочный корм плохо растущему пылеску. Любимым его изречением было: «За стенами конторы о делах — молчок!» Он повторял это раз сорок на день, особенно если на мази была какая-нибудь сделка, к которой это изречение могло быть с пользой применено. Обычно лицо Эрнеста не выражало никакого сочувствия, и Дэнби иной раз как-то странно на него поглядывал, словно задавал себе вопрос, уж не взял ли он в клерки безнадежного турицу. Он считал Эрнеста «святошней» и однажды даже спросил, не методист ли он. Дэнби питал особую антипатию к Методистам.

Отчетливость по прачечной мистера Игла являла собой крайне исутешительное зрелище. Дело и всегда было небольшое, а теперь быстро катилось под гору и грозило своему владельцу банкротством. Эрнесту было очень жалко мистера Игла — старик ему нравился. Он никогда бывал по-стариковски учрежд, по все-таки характеризовать его можно было только устаревшим словом «джентльмен»: он одевался несколько старомодно, но очень тщательно, был всегда и со всеми безукоризненно вежлив и выслушивал вас с таким вниманием, с каким слушают только советы врача. Он, так же как и Эрнест, любил симфоническую музыку и передко засиживался в приемной, скрестив на ручке зонтика узловатые руки, и беседуя с Эрнестом на печальную тему о том, как изменился мир. — Помню, когда подоходный налог повысился с восьми пенсов до десяти, мой отец сказал, что Англия погибла, — с грустью вспоминал он. — А теперь налог довел до пяти шиллингов.

Вошел Дэнби и нагнулся над плечом Эрнеста — от него разило вином.

— Ну, как идут дела у старика?

— Погодите, в убыток. А ведь заказов очень много.

— Из ума выжил. Ну, на кой чорт ему прачечная? Ведь ему уж под семьдесят. А продать ее нельзя?

— Не выйдет, пожалуй; дело совсем разваливается.

Дэнби задумался. — Если ему нужны деньги, пусть продаст свои два дома на Милтон-стрит. Пятьсот фунтов дать можно.

— Не злаю, захочет ли он продать.

— Нет никакого смысла дожидаться, пока их опишут за долги. Лучше уж пусть кто-нибудь купят их по-дешевке, раз старику все равно вылетать в трубу. Сиротка его. Скажите, что у нас как раз есть покупатель.

— Пятьсот фунтов? — спросил Эрнест довольно кислым тоном.

— Хватит и этого, если деньги нужны дозарезу. Вот что я вам скажу, Бантиг: пора уж вам знать, что мы тут продаем дома не для того, чтоб домохозяева из этом поживались. Понятно?

— Да, сэр.

— Ну, так отправляйтесь к нему с книгами, когда проверите чистоту, и скажите, как я вам велел.

— Слушаю, сэр, — ответил Эрнест, правильно истолковав недовольный взгляд Дэйби. Он давно знал, что новый хозяин отнюдь не считает его ценным приобретением.

Чуть ли не в первый раз Эрнесту захотелось довериться отцу, спросить его совета относительно самых важных в жизни вопросов. Ему хотелось бы поговорить с ним на такую старомодную тему, как честность в делах. Иногда ему казалось, что этой честности вообще не существует, есть только «закон». И Дэйби сильно побаивался «закона», хотя и делал вид, что его презирает. Многие сделки, в которых Эрнесту приходилось принимать участие, тяготили его, боязнь увольнения тяготила его, а всего больше тяготило его это дело с Иглом, которое усложнялось еще и личной симпатией к старику. Однако он не решался посоветоваться с отцом. В последнее время мистер Бантиг, если у него просили совета, всем себя довольно странно. Советовать он, конечно, советовал, но каким-то в высшей степени ироническим тоном; он задавал сам себе риторические вопросы и сам же отвечал на них и неизменно заканчивал эти монологи такими словами: — Вот, может быть, Крис или Эрнест что-нибудь вам посоветуют, а мне где уж. — Такое косвенное неодобрение семейных дел, очевидно, казалось ему весьма остроумным.

В этот вечер Эрнест вернулся домой, разлипаемый сомнениями по поводу предстоящего визита к мистеру

Игу. Он надеялся застать отца одного и в хорошем настроении и обстоятельно поговорить с ним обо всем, что так тяготило его совесть.

В гостиной перед радиокорреспондентом он застал Джули с блокнотом и карандашом в руках. Она практиковалась в стенографии и записывала беседу о ловле котиков. Мистеру Бантингу было очень приятно, что хоть один член его семейства проявляет интерес к такому делу, которое и он одобрял; поэтому всем остальным запрещалось разговаривать в это время. Он внимательно смотрел, как ее карандаш скользит по бумаге, буквально зачарованный его быстротой. Правда, потом оказалось, что она почти ничего не может прочесть по своей записи, но мистеру Бантингу было известно, что в стенографии самое важное — не отставать от оратора.

Тем временем Эрнест и Крис пили чай в вынужденном молчании, зато усиленно гремели чашками, пока, наконец, Крис не взорвался:

— Что ж нам, так и сидеть, точно приговоренным к смерти, каждый раз когда по радио передают беседу? Какая эгоистка эта Джули!

— Ну, пу! — вступил за нее мистер Бантинг.

— Да что это, в самом деле, даже и поговорить нельзя, когда приходишь домой после работы! Надо же хоть немножко развлечься.

— Если тебе так необходимо развлечение, — дерзко ответила Джули, — можешь пойти паверх и полюбоваться на портрет прекрасной Моники Ролло. Это тебя развлечет.

Крис не знал, как ему отнестись к слову «развлече-
ние». — Уж во всяком случае она гораздо красивее тебя!

— Так, по-твоему, Моника Ролло красавица? — насмешливо спросила Джули.

— А по-твоему? — Крис был изумлен; он даже растерялся.

— Что у вас там такое? — вмешался мистер Бантинг. — О чем спор?

— О возлюбленной Криса.

Мистер Бантинг фыркнул. — Возлюбленная! Это в егото возрасте! Чепуха, больше ничего. Эрнест, и тот еще не помышляет ни о каких возлюбленных.

Наступило многозначительное молчание, весьма смущившее старшего из молодых Бантингов.

— Так у тебя нет милой, Эрнест? — невозмутимо допрашивала Джули. — Бедный Эрнест, у него нет милой.

— Господи, вот язва! — беспомощно воскликнул Конс.

— А эта новая девушка в приемной доктора Эрла очень недурна. Правда, у нее не такие длинные ресницы, как у твоей божественной Моники, зато волосы не красшеные.

— Может быть, ты помолчишь немножко? — предложил Эрнест краснея. — Я все-таки надеялся, что в конторе у адвоката тебя хоть приучат к корректности.

— Корректность! — Мистер Бантинг с радостью ухватился за это слово, которое часто попадалось ему на глаза в печати, но которым ему до сих пор не приходилось пользоваться. — Если хотите знать мое мнение, так всем вам нехватаает именно корректности. Вас, конечно, мое мнение не интересует, я всего-навсего ваш отец, — газета запуршила, из-за нее послышались фырканье и сопение и слово «корректность», произнесенное несколько раз подряд.

Эрнест вздохнул. Через несколько минут он надел шляпу и вышел. Нечего было и думать, обращаться к отцу с вопросом о том, как ему вести себя у Дэнби, да и с какими бы то ни было вопросами.

На следующий день он пошел к мистеру Иглу, захватив с собой конторские книги, чувствуя себя мытарем, еще не окончательно погрязшим в грехах. Несмотря на стесненные обстоятельства, старый джентльмен жил довольно широкую ногу в собственной вилле посреди большого сада. Громкая в наколке проводила Эрнеста в просторную комнату с высоким потолком, обставленную тяжлой, солидной мебелью в стиле девяностых годов. На стенах он заметил две-три хороших картины, но особенно привлек внимание Эрнеста большой концертный рояль посередине комнаты, отливавший темным блеском, — такой рояль, к какому Эрнесту до сих пор не доводилось притрагиваться.

— Ну, каков ваши приговор, Бантинг? Велики ли убытки? — спросил мистер Игл, входя в комнату.

Эрнест подробно изложил дело. Он говорил по чистой

совести, ничего не скрывая, и подтверждал цифрами свои слова. Он сознался, что не знает, во сколько именно должно обходиться содержание прачечной, но что накладные расходы показались ему непомерно высокими.

— Оборудование устарело, вот где причина. Вечные поломки.

— Так смешите его.

— Не могу. Весь капитал в прачечной. Нет свободных денег.

Эрнест понял, что пора приступить к делу.

— У вас есть два дома на Милтон-стрит. Вы могли бы их продать.

— Это чертило. Как вы думаете, сколько за них дадут?

— Мы постараемся продать как можно дороже, — Эрнест почувствовал, что краснеет. — Не дешевле, чем во пятисот фунтов каждый.

— Ну, это меня не устроит. Слишком мало. Придется нажимать на своих работниц, пусть приналятут.

Эрнест встал со стула. И, вдруг осмелев, сказал:

— У вас прекрасный инструмент, сэр.

— Стейнвей. Вы ведь играете, Балтиг? Я сам прежде играл. Теперь где уж! — он показал распухшие «уставы».

— Да, играю немного.

— Так сыграйте сейчас. Покажите-ка мне ваше умение. Только не джаз, пожалуйста.

— Шопенга?

— Чет, это слишком жестковато... Что-нибудь сильное, мужественное, Бетховена, например.

Эрнест сел за рояль, чувствуя, что у него никогда еще не было ни такого требовательного слушателя, ни такого чудесного инструмента. Он играл хорошо, пасляясь удивительным тоном и послушностью рояля и чувствуя, что один внимательный слушатель может заменить собой целую аудиторию. Кончив играть, он тихо обернулся к мистеру Иглу, думая, что тот задремал, так бесп意义но он сидел за спиной Эрнеста.

Глаза старика блеснули, встретившись с глазами Эрнеста. — Мой мальчик, у вас прекрасное туне. Если вам не скучно провести вечер со стариком, при-

ходите сюда и играйте мне Бетховена и Баха, я буду просто счастлив. Вам это же будет трудно?

— Я буду очень рад, мистер Игл.

— В самом деле? Отлично. Теперь насчет этих домов. — Он задумчиво посмотрел на Эрнеста. — Мне хочется, чтобы вы сами их для меня продали. Постарайтесь, чтоб вам дали хорошую цену.

Что-то в его тоне встревожило Эрнеста. В его голосе слышались умоляющие потки, видно, старику приходится очень тяжело. Эрнесту хотелось посоветовать ему обратиться в другое агентство, сказать, что Дэнби собирается навсегда спустить его дома своим приятелям, что все это будет подстроено. Но это значило бы выдать своего патрона. А не сказать — значило предать старика. Как бы он ни поступил, все равно он окажется виноват. Кроме того, если Дэнби догадается, а на этот счет он необыкновенно догадлив, то выкинет Эрнеста на улицу.

Возвращаясь в контору, он еще раз обсудил эту сделку со всех сторон. Что он идеалист, ему известно. Этого уж не переделаешь, ничем из него не вытравить этой лакваски. Интересно, как отнесется его отец к тому, что сын будет уволен за твердость своих принципов. Люди очень много говорят о принципах, но, как он замечал, больше те люди, которые заставляют действовать других на основании этих самых принципов, а сами всегда готовы на компромисс, если дело идет о хлебе с маслом для них лично. Инстинкт подсказал ему, что дома терновый венец мученика не будет иметь никакого успеха.

Он прошел в кабинет к Дэнби и доложил, что ему поручено продать дома на Милтон-стрит.

— За сколько?

— За шестьсот пятьдесят каждый.

Дэнби ухмыльнулся. — Однако он оптимист, я вижу. Нет, Балтимор, на продаже домов вам не пожить капитала.

Вечером Эрнест рассказал кое-что Эви, не все, конечно, но достаточно для того, чтобы она поняла, что творится у Дэнби, и так, чтобы она не упрекала себя за то, что уговорила его поступить туда.

— Теперь он не хочет давать мне прибавки. А как же мы поженимся, если я не буду откладывать?

— Милый, в конце концов ты непременно добьешься

успеха. Я в этом не сомневаюсь. А что сейчас плохо — это беда. Через это все проходят.

— Да, я тоже так думаю, — устало ответил Эрнест. — Но мне нужно уходить от Дэнби, и как можно скорей.

Он опять начал просматривать в газетах объявления, писать письма, дожидаться ответа, а главное, старался, чтобы дома ничего не заметили. Никак нельзя было допустить, чтобы домашние попали, какого он дал маxу,бросив старую службу.

Крис сидел в спальне за шатким столиком, за которым в менее счастливые дни он преодолевал премудрость, заключавшуюся в руководстве Теофилуса Уокера, и писал письмо своей Монике. Ее карточка, в рамке от Вулвортса, смотрела на него с каминной доски. Она красовалась там уже около месяца в качестве предупреждения миссис Бантинг, что ей предстоит обзавестись невесткой. Он не отличался скрытностью Эрнеста, который хранил карточку Эви в ящике туалетного стола, под галстуками. До сих пор нельзя было понять, заметила ли миссис Бантинг карточку Моники, и это удивляло Криса, который был убежден, что девушку такой замечательной красоты просто невозможно не заметить.

Письмо подвигалось медленно. Иствержданное знание орфографии сильно мешало свободному полету мысли, необходимому для создания тех идеальных любовных писем, которые Моника желала получать от своего возлюбленного. Тщательно проверив еще раз, не осталось ли там орфографических или грамматических ошибок, — не то Моника, чего доброго, потеряет к нему уважение. — Крис положил письмо в карман комбинезона, чтобы завтра утром Ролло-младший мог передать его сестре.

Берт Ролло никак не мог попасть, с чего это Крис посладнее время прикидывался писать письма, — ему это казалось совершенно пустым занятием. Сказать по правде, и сам Крис этого как следует не понимал: идея переписки принадлежала Монике. Пасколько ему было известно, так уж заведено, чтобы молодые люди писали письма своим девушкам, и раз это нужно, то и он готов

писать письма, хотя здравая критика Берта встречала в нём сочувствие.

— Если тебе надо ей что-нибудь сказать, так почему же не поговорить в конторе? Все равно она ни черта не делает.

И вдруг с надеждой: — А может, вы поссорились?

— И не думали.

— Ну да мне-то что, передать я ей передам. Только я думаю, ты просто одурел.

— А мне наплевать, что ты думаешь, — отрезал Крис.

Крис теперь находил, что жизнь — дело нелегкое. Десятый месяц он служит у Ролло, а все еще на должности простого механика. Вначале путь его был усыпан розами, впереди мерцало повышение за повышенную. Потом вдруг застопорило, и путь этот стал тернистым. Вот уже несколько недель, как он не продал ни одной машины; все свободное время он посвящал Монике. Для того чтобы заработать комиссионные, надо было отказаться от общества Моники, а комиссионных он добивался исключительно для того, чтобы иметь возможность всегда наслаждаться ее обществом. Крису не сразу удалось ясно сформулировать это положение: тут был какой-то подвох, получался заколдованный круг. Единственным возможным выходом, с точки зрения Криса, было получить место старика Резерфорда, продавца машин в гараже, который тоже, в сущности, не продал ни одной машины, по крайней мере так считал Крис. То есть, конечно, он продавал машины тем покупателям, которые приходили и спрашивали их, но Крис не считал это настоящей продажей.

— Нам бы надо открыть автомобильную школу, Берт, — сказал он. — Название такое: «Кингвортская школа автомобилизма». Дать объявление: «Готовим к экзаменам на водителя».

— Да, это мысль, — согласился Ролло-младший, который всегда был рад случаю положить инструменты и передохнуть минуту-другую. — Тут есть и еще один плюс: будем катать хорошеных дамочек.

— А вдруг подвернутся какие-нибудь старые ведьмы? Для них надо бы женщину-инструктора. Моника подошла бы на это место.

Берт замотая головой. — Нет, куда ей. Тут надо такую женщину, понимаешь ли, с шиком. Я одну подходящую знаю, факт. — И возможная перспектива такого оживления рабочих часов на некоторое время заняла его воображение.

Пора положить этому конец, подумал Крис. — Попытай, Берт, что ты вечно придираешься к Монике? Не мешает тебе знать, что мы с ней собираемся пожениться.

— Как? — первенствовал Ролло-младший, всем своим лицом выражая сильнейшее изумление. — Жениться? Ты? На неё? Не может быть, ты шутишь?

— Я говорю правду и очень желал бы, чтоб ты оставил Монику в покое. Это не по-товарищески.

Берт с усилием постигнув непостижимое.

— Жениться? На неё? А что говорит родитель?

— Он еще ничего не знает, осел ты этакий! Знаешь один ты, и это пока секрет, помни. Само собой, что это еще нескоро. Поэтому-то мне и нужны дельги.

— Да, — сказал Берт, — повинное дело. — И все-таки он не мог себе представить, как это Крис будет обзаводиться, например, мебелью; все это вообще казалось ему чудным, прямо-таки невероятным.

— Ну, это твое дело, — заметил он, наконец, — женись, если хочешь. Человек волен поступать, как ему угодно; на то у нас и свободная страна. Только ты меня прямо убил, ей-богу.

Однако после этого он постарался взглянуть на свою сестру с новой точки зрения. Вполне объективно, как будто это была не его сестра, а чья-нибудь чужая. И он пришел к выводу, что если не очень придираться и не вспоминать, какая она бывает с мокрыми волосами, после того как вымоет голову, то она ничего себе. Он поспешно поделился этим открытием с Крисом, приводя для иллюстрации разные примеры. Так он рассказал, что недавно проезжал по Главной улице и вдруг заметил издали интересную девушку, а когда поравнялся и замедлил ход, чтобы, как водится, разглядеть ее хорошенько, оказалось, что это Моника. Этот случай произвел на него сильное впечатление, — он сообщил об этом Крису, движимый самыми лучшими побуждениями.

— Ей-богу, я даже было подумал, что это Молли Филлипс.

Крис посмотрел на него ледяным взглядом. — Молли Филлипс! Неужели ты мог принять Монику за такую девочку, как Молли Филлипс?

— Честное слово, принял. Без всяких шуток.

— Молли Филлипс, — презрительно повторил Крис. — Ну, и вкус у тебя, знаешь ли.

— Ну да. Я как раз се думал пригласить в инструкторы.

— А, провались ты! — проворчал Крис и с удвоенной энергией принялся за неодатливый болт, точно это была вселенная, так упорно сопротивлявшаяся ему. Пока он простой механик, ему печего и надеяться жениться на хозяйственной дочке. Сначала надо получить повышение. Но мистер Ролло, повидимому, отнюдь не собирался сажать его на место старого Резерфорда. И потому его плащ усиленного пахана на покупателей машин пока что висел в воздухе. — «У отца это вроде паутины, а тут шужен сачок для ловли бабочек», — так выражался на этот счет Ролло-младший. Предложение открыть школу автомобильного спорта тоже не произвело особенного впечатления на старика. Он просто указал сыну на вывеску: «Мы вас научим править машиной», которая пятнадцать лет висела в гараже и явно нуждалась в ремонте. Берт сообщил, что старик никак не хочет понять, что школа автомобильного спорта — совсем другое дело; ему кажется, что та вывеска это самое и сказали. А про элегантную штукатурку и слушать не захотел.

— Да и Монику это тоже не очень-то понравилось.

— Значит, надо придумать что-нибудь другое, — мрачно заметил Крис.

— А какой смысл придумывать, если родителям все равно никак не расшевелишь? Вот если бы изобрести что-нибудь...

— Нет уж, только не изобретать. Это у нас не выйдет.

— Почему же?

— Не знаю, — сказал Крис. — Не выйдет, и все тут.

— Послушай, Крис. У меня есть одна идея. Нельзя ли мотором надувать шины, а?

— Пет, это не годится, — сказал Крис. — Того и гляди шинки запнут. — Он погрузился в самые безнадежные размышления.

Да, иной раз трудно приходится, когда ты влюблен. Не удивительно, что один в таких случаях начинают писать стихи, а другие трачатся газом. Наверно, тоже из-за денежных затруднений.

В конце концов его размышления свелись к следующему: без капитала все равно ничего не выйдет. Эрнест не просто идиот, как Крис полагал до сих пор; оказывается, он прав. Без денег ты как без рук: а с деньгами можешь сделать все, что тебе угодно: и завести свой гараж, где ты будешь сам себе голова, и даже жениться.

Эрнест вошел в комнату мистера Дэнби с разобранной почтой.

— Панился покупатель на дома мистера Игла. Предлагает почти что его цену. Сообщить ему по телефону?

Лицо Дэнби выразило не совсем приятное удивление. — Еще чего! — проворчал он. — А ну, дайте-ка сюда письмо!

Он прочел письмо вслух недовольным голосом, сопровождая чтение комментариями относительно того, сколько развелось в Кильворте слов, которые сдуру¹суются, куда их не просят.

— Ладно. Я сам этим займусь. А вы оставьте Игла в покое, понятно? Я с ним поговорю сам. — И он предостерегающе взглянул на Эрнеста.

Скоро Дэнби взялся за телефонную трубку, и Эрнест соединил его с городом. Помер был не Игла, а одного из приятелей Дэнби, спекулянта, и иструдно было догадаться, о чем у них будет разговор. Впрочем, Дэнби голоса не попижжал, так что и догадываться не пришлось. Из-за перегородки Эрнест расслышал такие слова:

— Напишите предложение и посыпите его с рассыльным. Да поживее. Пометьте его вчерашним днем или раньше.

И тут в душе Эрнеста началась борьба.

Конечно, мистер Игл ему не друг и не брат — симпатичный старый джентльмен, которому он играет Бетховен.

вена и Бала в те вечера, когда Эви занята, — ничего большего. Приятные вечера — хорошая музыка, интересная беседа, у Игла Эрнест выкурил свою первую сигару. Но все-таки Игла в его жизни — всего-навсего проправа, а Дэнби — хлеб насущный.

Кроме того, такие дела, наверно, обделываются каждый день. Почему Эрнест знает, может быть, это даже принято в известных кругах; конечно, это не вполне законно, но в общем на такие комбинации, кажется, смотрят сквозь пальцы. В конце концов, дело есть дело, не так ли? По крайней мере Дэнби всегда это говорит.

Но Эрнеста не удовлетворяли эти доводы; не успокаивала его и мысль, что Игла может ведь и не соглашаться на предложение, раз оно ему не подходит. Он вздыхал, вергался на табурете и всем своим поведением очень напоминал мистера Бантинга. Никакая казуистика не выдерживала написка совести, ощетинившейся, словно еж. Если называть вещи своими именами, так это мошенничество, и он, Эрнест, принимает в нем участие.

«Боже ты мой, да лучше Флисы мести или получать пособие по безработице, — думал он. — Какое мне дело, что скажет отец или кто угодно? Не желаю, и все тут».

Рассыпанный прислонил велосипед к дверям и вошел в комнату. Письмо мистеру Дэнби. Срочное. Он у себя?

— Пройдите к нему, — сказал Эрнест.

Давешнее письмо с предложением купить дом Игла Дэнби оставил у себя, но Эрнест запомнил фамилию отправителя. Симкоук — хорошо, что фамилия не совсем обычная. Едва ли в Килворте или еще где-нибудь так уже много Симкоуксов. Он раскрыл телефонную книжку и начал искать, водя пальцем по строчкам. Ему смутно припоминался и адрес, указанный в письме. И вдруг палец его остановился. — Ага, вот! — пробормотал он вполголоса, выписав адрес из бумажки и положив ее в карман.

Зазвонил телефон Дэнби.

— Позвоните Иглу и попросите его зайти. Выручем, нет, соедините меня с ним. Я сам с ним поговорю.

«Вот как!» — подумал Эрнест, угрюмо усмехаясь ко-
вому доказательству того, что Дэнби ему не доверяет.

— Сейчас приедет, — сказал Дэнби, вешая трубку. — Вы никуда сейчас не уходите, Банкинг?

— Нет, и если я вам понадоблюсь, так я тут, сэр, — ответил Эриест, по, к сожалению, Дэнби не оценил его пронии.

Скоро подъехал на такси мистер Игл. Он прошел по коридору, постукивая тростью, и задержался перед дверью Эриеста. — Что это за спешка такая с продажей, Банкинг? Мне это не совсем нравится.

Широкое, красное лицо Дэнби вынырнуло из-за плеча старика. — Пожалуйста, пройдите ко мне, сэр. Прощу вас.

— А вам пора итти часчет арендной платы, Банкинг, — сказал он Эриесту, выразительно ткнув пальцем в дверь за спиной мистера Игла.

Эриест надел пальто и шляпу, машинально повилуясь этому жесту. Он пошел было к выходу, но на поддороге остановился, помедлил и вернулся к камину. Некоторое время он стоял в раздумьях, нахмурившись, поджав губы. Видно, Дэнби только что получил новое предложение от своих спекулянтов, вот это, с рассыпанным. Насчет Симкоуза он и не званился — тот предлагает больше, — а завтра Эриест напишет Симкоузу письмо и выразит сожаление по поводу того, что оба дома на Милтон-стрит уже проданы, но что есть другие проданные дома, список которых прилагается. Как часто приходилось Эриесту писать такие письма, и до самого последнего времени он не видел в этом ровно ничего подозрительного. До сих пор он был очень наивен. Зато теперь он не наивен и не боится Дэнби, а если на то пошло, то и работу не побаивается потерять. Он снял шляпу и пальто и решительно уселся за стол.

Дэнби выпил вместе с Иглом из кабинета, и Эриест слышал, как он уговаривал клиента:

— Я вам советую в ваших же интересах, дорогой мой. Больше вам никто не даст. В том районе, можно сказать дом. Подпочвенный слой — глина, вы же знаете. Многие покупатели и слышать не хотят о Милтон-стрит. Боятся, что из-за сырости дома простоят недолго.

Мистер Игл застегнул пальто доверху. — Я вам сообщу свое решение, — сказал он сухо. — До свидания.

В окно Эрнест видел, как он шел по мостовой к подождавшему его такси, видел, с каким трудом он садился в него. От резкого ветра лицо старика побледнело, он выглядел совсем дряхлым и беспомощным.

Дэнби ушел к себе, хлопнув дверью. При этом звуке что-то словно вскинуло в душе Эрнеста и перелилось через край. Он выбежал на улицу, задержал такси и, прогнувшись голову в окошко, задыхаясь, спросил:

— Сколько, он сказал, вам предлагают, сэр?

Игла ответил сколько.

— Вранье, сэр. Дают больше, только он задержал насолько у себя. Не соглашайтесь.

Глаза Иглы сверкнули. — И так и знал, что дело нечисто.

— Я к вам зайду вечером, сэр.

— Ножалуйста! — сказал Игла, и его сухие пальцы неловко сжали руку Эрнеста.

— Вы славный малый, Бантинг. Честный. Благодарю вас.

Такси отъехало. Эрнест взбежал по ступенькам, вошел к себе в комнату за пальто и шляпой и столкнулся с Дэнби лицом к лицу.

Дэнби задыхался от ярости. — Что вы говорили этому старому идиоту?

— Я спрашивал его насчет конторских книг.

— Врете, чорт вас деря! — закричал Дэнби и сжал рукав Эрнеста в своем волосатом кулаке. С минуту они с вызовом смотрели друг другу прямо в глаза. Потом Эрнест стянул руку Дэнби со своего рукава и так толкнул его, что он отлетел к перегородке.

Ему пришло в голову, что дела теперь уже не поправить. — место потеряно.

— Не трудитесь уводить меня, мистер Дэнби. Я ухожу сам.

— И слава богу! Жаждали вы не получить. Саминали? — заборал он. — Не получите!

Эрнест побледнел от гнева. Решительным движением он поставил кассу на стол между собой и Дэнби и твердо взглянул ему в глаза.

— Вот как, не получу? — сказал он со зловещей мягкостью в голосе и отпер ящик. Дэнби молча смотрел

ла него — его испугал этот приступ ярости у обычно тихого Эрнеста.

Эрнест хладнокровно отсчитал, сколько ему следовало, взял свою страховую карточку и вышел.

Так за полгода он прошел путь от канцелярии городского управления, через контуру агента по продаже недвижимости к месту помощника заведующего прачечной, которая находилась при последней изыскании. Игла предоставил ему это место, пока он не подыщет себе другого или пока прачечная не закроется.

Но он так вырос за последние время, что сообщил об этом Эви скорее радостно, чем с огорчением. В его рассказе была некоторая доля грусти, но был и юмор, и частично доля этого юмора была направлена по его собственному адресу. На будущее он взирал с легким сердцем — и это было ново для него.

Быть может, Эви поняла, что видит перед собой нового человека, отчасти созданного ее руками. Она дала ему понять, что гордится им.

— Ты мне напомнишь цыплят, которых я видела в инкубаторе, Эрнест. Они долбят и долбят скорлупу, а предолбив, ссылаются на волю и не могут. А потом вдруг сразу выпрыгивают из скорлупы. И тогда они становятся свободными, совсем другими существами. Вот что ты мне напомнил.

Эрнест в изумлении смотрел на нее.

— При чем же тут цыплята? — спросил он озадаченно.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Приблизительно в это же время мистер Балтинг осуществил давнюю мечту: панес визит фирме Брокхил. Первопачально он намеревался лихо подкатить на собственной машине к главному подъезду, но чем ближе к Сити, тем движение становилось все затруднительнее, и в Ильфорде он, наконец, решил поставить машину в гараж и доехать до места на автобусе. И все же его прибытие не лишило было некоторого блеска — на нем красовались новые коричневые штаны-гольф, тирольская шляпа с перышком. Кроме того, он курил сигару, купленную специально для этого случая в лавочке на углу.

Даже без машины невозможно было усомниться в том, что он процветает.

С каким волнением он толкнул врачающуюся дверь, вошел под давно знакомый кров и вдохнул давно знакомые запахи! Черный лак и амбивар волновали его сердце сильнее, чем аромат лилий.

А вот и Бордер, который вя крапельки не исчезлися; все такой же худой, с выбритым до синевы подбородком и подвижным, словно гуттаперчевым, лицом; он чему-то получает своего помощника в столь красноречивых выражениях, что сам Квинтилиан ахнул бы от изумления. Обернувшись, он увидел Бантига, и лицо его сперва растянулось, выражая крайнее изумление, потом смирилось в приветственную улыбку.

— Не Бантига ли я вижу пред собой? — воскликнул он и зашагал навстречу ему через свернутые в трубку дорожки и куски линолеума, роля по их адресу: — Прочь, неизвестные поддельные ковры! — Он то пожимал руку мистера Бантига, то похлопывал его по плечу, то игриво тыкал костлявым пальцем в живот. Он немедленно понес какую-то чепуху вроде: «Привет тебе, ты светлый дух, юношица», и «На смену тьме и льдам идет, сияя, лето», и хотя мистер Бантиг понимал, что это всего-навсего стихи, он так растрогался этим искренним изъявлением дружбы, что должен был выпустить сигару изо рта и несколько раз подряд шумно высыпать — только после этого он несколько успокоился.

Потом они пошли в кафе Мак-Эндрю (Бордер, махнув на все рукой, ушел, никому не сказавшись, и даже особенно настаивал на этом), и там Бордер вывел официанток из послеполуденной дремоты, проскандировав во весь голос: — Вы, черные, полуночные ведьмы, какое здесь творите колдовство? — По мнению мистера Бантига, он, пожалуй, хватил через край — ведь они всего-навсего пользовались короткой передышкой между обедом и пятичасовым чаем. Все официантки помнили мистера Бантига, они бросились к нему, они наперебой хлопотали о чае, одна даже погладила его по голове, так что он опять расчувствовался. Он и понятия не имел, что его здесь так любят. «Видно я и в самом деле по такой уже плохой человек», — подумал он.

Потом они с Кордером пили чай и сплетничали самым непозволительным образом. Кордер то наклонялся к нему и шептал на ухо, то откидывался назад для усиления эффекта и жестиколировал папироской. У Брокли были большие перемены, совершенно непредвиденные. Вентнор ушел, Слингер ушел, — и оба по просто ушли, а с треском. Обнаружены злоупотребления. Мистер Бантинг наторжил уши.

— Феноминальные, — сказал Кордер.

— Не может быть! — отзывался мистер Бантинг, мысленно отмечая этот непонятный, но чрезвычайно красивый эпитет; и пожелал узнатъ, что же все-таки сталоъ с Вентнором и Слингером.

— С замкнутыми-по-чистой совестию устами они изчезли с глаз, — ответствовал Кордер и, подумав, пояснил: — В тартарары. — Пичего более определенного мистер Бантинг от него не добился. В магазине, по словам Кордера, появились новые лица. Фирма Брокли теперь входила в торговое объединение и, сколько можно было судить по взложению Кордера, пересыпанному цветами красноречия, вернулась к старому и опять держала курс на высокое качество товаров, плюс некоторая реорганизация методов.

Потом он повел мистера Бантинга, еще не пережарившего всех новостей и размыслившего главным образом о судьбе Вентнора и Слингера, в отдел скобяных товаров и представил новому заведующему, суховатому джентльмену из Манчестера, довольно любезному и, кажется, деловому. На него, впрочем, знакомство с мистером Бантингом, как ни странно, не произвело большого впечатления.

— Теперь у нас все делается так, как принято в Манчестере, — сообщил ему потом Кордер. — Они там в Манчестере, знают, как надо.

На минуту перехватив нить разговора, мистер Бантинг успел все-таки сказать Кордеру, что приехал в город на собственной машине марки «коувэй», и если Кордер собирается обзавестись надежной машиной, так лучше этой ему по пайти; сообщил кстати, что съездья у него на хорошей дороге и что он вообще живет хорошо и чувствует себя отлично, потому что на почь обязательно

принимает от печени щепотку соды в стакане горячей воды и рекомендует Кордеру делать то же в качестве профилактической меры. Паконец, и очень неохотно, он расстался с Кордером и фирмой Брокли.

Это был один из счастливейших дней его жизни, особенно когда он вспоминал про Слипера и Вентнора. Куда же они все-таки девались? В тартарары? Гм... За такие дела полагалось бы понасть в кутузку. Странно все-таки. Не забыть бы справиться об этих тартарах в толковом словаре.

Он запел в гараж за машиной и скоро затарахтел, направляясь к северу, в Ливпорт, где ему надо было получить с жильцов арендную плату.

Он всегда чувствовал себя особенно независимо, когда сидел в движущейся машине. Кабинка из стекла и металла отделяла его от всего остального мира, и, сидя за рулем, он, точно на корабле или на самолете, мужественно боролся с ветром и дождем. И машина попадалась смазанная. Дорогой он часто об этом думал. Иногда, поддавшись духу авантюризма, он позволял себе увеличить скорость до сорока километров. На этой скорости он даже самые крутые подъемы одолевал без труда.

И вот как раз в такую минуту, когда гордость собственника громко всего заговорила в нем, мотор вдруг заглох. Каждому такие минуты известны по опыту. Машина шла прекрасно и как раз поравнялась с коттеджами, — он ушел всего на четверть часа, а вернувшись, обнаружил, что она заупрямилась и отказывается двинуться с места. Он нажимал на стартер, пробовал заводить мотор от руки, потел и пыхтел. И никаких результатов — короткая сердитая вспышка в моторе, потом упорное молчание. Мистер Балтинг чувствовал, что он становился смешон. Он знал, что такие доки, как его сын Крис, приподняли бы капот, что-то с чем-то соединили бы или даже просто стукнули по мотору кулаком и он бы сразу заработал и большие не доставлял бы никаких хлопот. А если заехать в гараж, с него сдерут пять шиллингов, да еще посмеются над простачком. Естади и гаража поблизости не было; кажется, до гаража падо было проехать несколько миль.

«Не позволить ли Крису?» — подумал он, вспомнив, что видел телефонную будку у дороги. Еще не так поздно,

может, удастся застать Криса на работе. И, извонив в гарик Ролло, он сдвинул машину к краю дороги и закурил трубку, делая вид, будто остановился тут просто для того, чтобы отдохнуть и поразмыться. Его больно колола собственная беспомощность при всяком рода технических неполадках.

Скоро прибыл и Крис в «коинвэ», несколько более внушительных размеров. Он выскочил из-за поворота и, поравнявшись с мистером Бантингом, затормозил с такой лихостью, что на это стоило полюбоваться. Рядом с ним сидела девушка, или, как сказал бы мистер Бантинг, «молодая особа», с очень розовыми щеками, одетая по последней моде, в крошечной шляпке набекрень, которая не прикрывала ее желтых волос, а скорее выставляла их паноказ.

— Это Моника, папа, — сказал Крис, как будто одного этого было вполне достаточно. — Мы как раз собирались прокатиться, когда ты позвонил. В двадцать минут доехали. Недурно, как по-твоему?

Мистер Бантинг и Моника глядели друг на друга с нескрываемым интересом. Он был слегка смущен, она — начуть. Надо было бы приподнять шляпу, но с этим он уже опоздал — получится глупо. Вместо этого он вынул трубку изо рта и сказал, хотя это замечание и было совершенно лишним:

— С машиной что-то не в порядке.

— Крис это мигом наладит, — уверила его Моника как будто Крис был ее протеже, а не родной сын мистера Бантинга.

— Эх, папа! Да у тебя горючее все вышло.

— Да что ты! — воскликнул мистер Бантинг, невольно краснея. Но знать, что машина остановилась оттого, что вышло горючее, значит просто-напросто отрекомендовать себя ослом. Неужели Крис не мог сказать это потише, по коффиузу его перед девушкой?

— Быть не может! — запротестовал он.

— Да уж верно. Я съезжу в ближайший гараж, привезу.

— Не попимаю, как это произошло, — обратился мистер Бантинг к Монике, когда Крис уехал. — Должно быть, бак протекает.

— Ну, это со всяким может случиться.

— Неужели?

— Ну что бы! Со мной тоже не раз бывало. Счетчик неверно показывает уровень.

— Утечка, может быть?

— Нет, просто показывает неверно.

В общем она, кажется, неглупая девуличка, подумал мистер Бантиинг.

— Я так рада, что познакомилась с вами, мистер Бантиинг. Я много слышала про вас от Криса.

— Да? — сказал он, чувствуя себя не совсем ловко.

— А вот я про вас ничего не слыхал.

— Крис за мной ухаживает, — пашнико сообщила она, как будто говоря: «Надеюсь, что я вам нравлюсь».

Потом она достала из сумочки портсигар. — А папиросы вы курите, мистер Бантиинг?

Когда Крис вернулся, они беседовали самым дружеским образом.

— Три мили до заправочной станции, — сказал Крис, — да и какая там станция, смотреть жалко. А движение по дороге большое, ты обратила внимание, детка? Чадо будет как-нибудь проверить в субботу.

— Это зачем?

— По-моему, тут самое место для гаража. Это папины коттеджи. Их можно спасти и построить заправочную станцию.

— Как спасти коттеджи? — эхом отозвался мистер Бантиинг. — Мои коттеджи! — До чего нахальная пыльче пошла молодежь. — А ты знаешь, что я с них получаю Фунт в неделю?

— Ну, но сравнению с тем, что может дать гараж, это кот наплакал. Неужели ты не можешь попять? Вот проведут еще поперечное шоссе, а ты уж тут как тут. как раз на перекрестке.

— Отлично понимаю, — возразил мистер Бантиинг. — И понимаю еще кое-что. — Не так-то дешево обойдется спасти коттеджи, построить гараж, оборудовать его, — да мало ли еще что. Где же мальчишке девятнадцати лет все это знать.

По все его возражения летели мимо их ушей, как стайка липпортских воробьев. Он пришел в себя, только

услышав, что между ними идет вполголоса совершенно частный разговор.

— Ну как ты, деточка, согласилась бы жить здесь? спрашивал Крис.

Моника посмотрела на удручающе ровную, совершенно голую, без единого дерева местность, обрамленную нескладными коттеджами, и мистер Бантинг изумился, как у Криса хватило духу задать такой вопрос.

— Это был бы просто рай! — блаженно вздохнула Моника.

Мистеру Бантингу начинать казалось — и это было так странно, что он доверил свою мысль только жене, и то по секрету — что мальчики за последнее время образумились. Доказательством этой желанной, хотя и запоздалой перемены было то, что они начали прислушиваться к его словам с уважением и даже иногда спрашивать совета.

Оба всерьез принялись за дело. Эрнест работал с раннего утра до позднего вечера, твердо решив поставить прачечную мистера Игла на ноги; Крис никогда не упускал случая поработать сверхурочно, а в свободное время, если только представлялась возможность, упражнялся в искусстве продавать машинки со всем рвением апостола, проповедующего новое евангелие.

Эрнест, которому пришлось разбираться в технических подробностях водоснабжения, прожидало открытие, что его отец прекрасно осведомлен во всем, что касается цедонпроводных труб, муфт, фланцев и манометров. Они подолгу беседовали, и мистер Бантинг изумлялся невероятным прободам в образовании сына. Он, например, не знал, что такое цинк — чистый металл или сплав, и что будет стоить дешевле — арматура из бронзы или из латуни. Чему их там учат в школе, когда они даже таких простых вещей не знают?

Эрнест не мог решить сам, во что должен обойтись капитальный ремонт водопровода в прачечной, поэтому мистеру Бантингу пришлось лично приехать в прачечную и осмотреть все на месте. Он нашел, что оборудование не соответствует спецификации, а накладные

расходы просто чудовищны. Последовал крупный разговор с рабочими и со старшим водопроводчиком, потом вызван был по телефону самый главный водопроводчик, и тут начался жаркий технический спор, причем мистер Бантиг держался все более и более авторитетно и на ходу сурово тыкал зонтиком то в одно, то в другое место, приговаривая иронически: — Это, по-вашему, свинец высшего качества? Ну, нет, вы меня не проведете!

Самый главный водопроводчик быстро капитулировал, и престиж мистера Бантига поднялся чуть ли не до небес.

Крис произвел учет движения по Линпортской дороге. Из своих наблюдений он сделал вывод, грешивший некоторой туманностью, а именно: если здесь будет останавливаться x процентов всех машин, проходящих по дороге, и каждой потребуется в среднем y галлонов горючего, это уже может послужить базисом для постройки гаража.

— А если есть базис, то можно строить, не так ли, папа?

— Вполне говоря, да, — согласился мистер Бантиг, для которого всякие иксы были загадкой, а слово «базис» надо было еще искать в толковом словаре. — Это дело необходимо как следует обсудить, со всех сторон.

Слово «базис» пустил в ход мистер Ролло, который прошмотрел составленный Крисом учетный лист движения и задал ряд вопросов, показывавших, что старик кое-что смыслит в деле. Потом надо было дать ему время на размышление, и он как будто размышлял, хотя, по словам Берта, с родителем никогда нельзя знать наверное. Иной раз кажется, что он погружен в сложнейшие сопротивления, а на самом деле думает всего-навсего о том, не размоют ли дожди лужайку для крикета.

Но как-то утром, за завтраком, он отрывочными фразами сообщил сыну, что «случайно» побывал в Линпорте и видел коттеджи и новую дорогу. Так же «случайно» он повидал городского архитектора и справился, нет ли каких новых строительных ограничений в связи с планировкой города. Наведя справки насчет домов под видом будущего поступателя и получив таким образом доступ к планам городского строительства, он пошутил

выяснил, какого типа дома предполагается строить в этой местности и при многих ли отведена площадь под гараж.

У Ролло-младшего из этих отрывочных сообщений сложилась такая картина, что родитель довольно долго слонялся по Липпорту, не выказывая при этом особой расторопности, но исподволь разузнавая обо всем косвенными методами, напоминавшими некоторые подвиги Шерлока Холмса. Берт был вынужден сознаться, что родитель показал себя отнюдь не дураком.

— По-моему, он собирается открыть филиал «Гаража Ролло» в Липпорте.

Крис посмотрел на него. — В самом лучшем случае мы можем привлечь твоего папашу в компанию. На равных с нами правах.

— Как, как, повтори?

— В компанию! — торжественно повторил Крис. — Ролло и Бантинг. Земля-то ведь наша, неужели непонятно? Пополам, если желаете?

— Ты хочешь сказать?.. — Берт даже положил на место глаечный ключ. — Ох ты, теперь попадаю! У нас будет настоящее, первоклассное дело. Отделения везде! Быстрое обслуживание! Элегантные такси! — Фантазия молодого Ролло расправила крылья и, оторвавшись от земли, воспарила в эмпирей. — Школа автомобилизма и все такое прочее. Да что может быть лучше!

— Давай все-таки придерживаться фактов, — оставил его Крис. — Ничего подобного у нас не будет. По крайней мере сначала. Прежде всего надо пачать, а вот как?

— В том-то и дело, — согласился Ролло-младший и сдвинул брови, готовясь к усиленной работе мысли. — А твой родитель что говорит, Крис?

— Все ворчит и говорит, что другое дело, кабы гараж был уже выстроен, а так как его лет, то ни о чем и разговаривать.

— И больше ничего?

— Ничего, разве только, что самые хитрые планы мышей и людей удачи не знают.

— Мышей? — изумился Ролло-младший. — Скажи, от не рехнулся?

Проект гаража так часто подсовывался мастеру Бан-

слово, не поговорив со мной, так мы упустим случай, какого больше уже не представится.

— Сядь и расскажи мне, в чем дело, милый. Только не волнуйся. — И она опять прижалась за шитье.

Они сидели перед камином, придвигнувшись друг к другу, и беседовали шепотом, когда вбежал мистер Бантинг, весь сияя от сознания важности происходящего, и потребовал виски.

— А, Эрнест! Ну, как дела?

— Папа, — сказал Эрнест вскакивая. — Послушай. Мне нужно кое о чём...

Мистер Бантинг поднял руку. — После, Эрнест. Дай самые лучшие стаканы, Мэри. У нас тут мистер Ролло, Эрнест. Удивительно приятный человек. — Подняв бутылку, он поглядел на свет, сколько в ней осталось виски.

— Но это же очень важно...

— Ничего, можно подождать. Я занят, видишь? Дела.

И он шумно умчался. Миссис Бантинг в раздумья вернулась из кухни.

— Семьсот фунтов, Эрнест. Уж очень много денег. Возьми мои табачные акции, бог с ними, только бы не новая закладпая!

Эрнест в отчаянии махнул рукой. Он видел, что борется один против всех, без всякой поддержки. Он не мог знать, как страшно звучит слово «закладная» в ушах женщины, которая слышала его ежедневно в течение илогих-многих лет.

Когда Крис вернулся домой, глазам его представилось зрелище, которое он запомнил на всю жизнь. Мистер Ролло и отец сидели за столом с сигарами во рту, щедро подливая друг другу виски. Мистер Бантинг был очень польщен посещением такого видного человека; он сиял и становился все разговорчивее и разговорчивее; он старался дать понять мистеру Ролло, что он тоже капиталист и, ищет подходящего «выхода» (как выражался мистер Ролло) для своего капитала. Он соглашался с мистером Ролло, что всего благоразумнее доверять заравому смыслу молодежи и как можно раньше предоставить ей самостоятельность в делах. Не распространяясь подробно о

древяном складе в Кэмдентауне, он намекнул, что и сам он с юных лет вел очень ответственное дело, и благотворные результаты такой ответственности налицо, в том комфорте, который его окружает.

Сдвинув свои кресла поближе, они закурили еще по сигаре и приступили к тому, что мистер Ролло называл довольно замысловато «экспериментальным проектом». «Чтобы быть более конкретными», — сказал он. Мистер Бантиг показал свой план — он же был уверен, можно ли назвать его «экспериментальным», но показал его не без гордости, объяснив попутно, что чутье делового человека все время подсказывало ему, какой это будет со временем ценный участок. И потому он его не продал, несмотря на самые выгодные предложения. За сорок лет в Сити можно кое-чему научиться, намекнул он скромно.

Мысль о квартирах в верхнем этаже произвела впечатление на мистера Ролло.

— Со временем очень подойдет для молодоженов, — сухо заметил он, и Крис покраснел до корней волос, хотя это замечание можно было истолковать в самом общем смысле.

Позже, когда мистер Бантиг лег в постель и окрыляющее действие старого виски уступило место сомнениям, трудности будущего встали перед ним стеной, отбрасывая на него свою мрачную тень. Эти трудности представлялись ему сейчас с необычайной четкостью.

Он перестает получать арендную плату с коттеджей — фунт в неделю. До тех пор, пока гараж не отстроят, он же будет получать ровно ничего, хуже, чем ничего, ему придется вынуть поскольку сотен из надежного строительного предприятия и вложить их в дело, которое, в сущности, является просто ловлей проезжаих на большой дороге. Все это похоже на сомнительную спекуляцию.

Мистер Бантиг перевернулся на спину и постарался припомнить, как далеко он зашел с этим рискованным проектом.

— Разумеется, риск есть, — припоминал он слова, сказанные спокойным голосом мистера Ролло, а он на это (довольно глупо, как теперь ему казалось) только отмахнулся, держа сигару в руке. — Хочешь доходов — не страшись расходов, — сказал он и сослался на Гепри

Форда, хотя при чем тут был Генри Форд, он уже не мог вспомнить. Словом, держался так, будто сам черт ему но брат.

А ведь напоминание о риске должно было его обра зумить. Он тревожно заворочался и сказал жене:

— Боясь, не поторопился ли я с этим гаражом, Мэри. Лучше бы дать эти деньги Эрнесту, пускай бы учился бухгалтерии, как ты думаешь?

— Когда мы помогаем малышикам, мы самим себе помогаем, — утешила его миссис Бантиг.

— Это верно. Но я хотел бы знать мнение Эрнеста. Он бы мог сказать, есть в этом плане практический смысл или нет.

— У Эрнеста есть свой план.

— Ну, еще бы, — отвётил он сонным голосом и приворчался, будто засыпает. Иланами он сейчас был сыт по горло.

Она толкнула его ложем. — Джордж, я хочу тебе сказать, ведь это насчет прачечной.

Окончательно разбуженный этим тощком, мистер Бантиг сел в кресли.

— Опять закладывать дом! Я же без того теряю фунт в неделю на этой затее Криса! Он, видно, думает, что я совсем из ума выжил!

Его тревожно подозрительно, что если Эрнест так думает, то он, того и гляди, окажется прав.

— А если это оккупится?

— Если, если! — прервал он жену. — А за что мы будем жить до тех пор? Годы пройдут, пока мы вернем эти деньги. А скорее всего совсем не вернем, все ухнет к черту.

Спор на этом не кончился.

— Я отдаю свои табачные акции Эрнесту, — объявила она решительнее. — Если ты помогаешь одному, я помогу другому.

— Хорошо тебе говорить, — возразил ей мистер Бантиг и погрузился в размышления, письменные и письязные, в ходе которых он видел воображаемый спор с Крисом, с Эрнестом, с мистером Ролло, и их воображаемые неразумные ответы так развоиновали его, что у него заболела голова и мысль работала, как дипломо. Тем временем жена

безмятежно спала, — он даже позавидовал ей в том, что она ничего не смыслит в делах. Погасли уличные фонари, часы в прихожей затикали громко, и мистер Бантинг очень удивился, когда они пробили три.

Три часа ночи! Четыре часа, как он лежит и спорит сам с собой, а к чему пришел? Ровно ни к чему.

Безнадежное чувство — обычное при бессоннице, — что заснуть уже не удастся, а вставать слишком рано, овладеет им. Он лежал без движения, тупо глядя в потолок.

Мистеру Бантингу и самому было не вполне ясно, как и когда он дал согласие переговорить со всеми теми специалистами по разным отраслям техники, которые являлись к нему в ближайшие несколько недель. Однако всеми подразумевалось, что он дал это согласие — сначала выслушивая, что ему говорили, а потом проявляя слишком уж очевидный интерес к делу. Приходил к нему и архитектор, выказавший весьма лестное внимание к его плану гаража и даже захвативший этот план с собой. Приходил и инженер из Лондона, появившийся в доме совершенно неожиданно и затеявший разговор о водонепроницаемых слоях и о том, что на глубине трехсот футов вода будет наверняка. Приходили мистер Илл и мистер Ролло, разные эксперты-строители и стряпчий. Все это происходило не по желанию мистера Бантинга, а как бы само собой и цирюльник своим чередом, навязывая на все его протесты. Его тоchio уносил поток деловых разговоров и обсуждений, не считаясь ни с его волей, ни с доводами разума — его брали приступом лошадиные джентльмены-специалисты с мягкими манерами и медовыми речами.

— Весь план чисто экспериментальный, — беспрестально напоминал он всем этим людям (он разыскал-таки в словаре это целеzное слово). — Пока только экспериментальный — ничего большего. — Надо было вести себя как можно осторожнее и осмотрительнее. — Паподобие змея! — бормотал он про себя.

И все-таки было очень приятно сидеть в гостиной мистера Илла и быть центром всеобщего внимания, потом, выпив хересу, отправляться во двор врачачной и там

определять точное место для колодца, заглядывая в представленную инженером светокопию. Ему было приятно слушать цептительные разъяснения инженера, — по крайней мере видно, что тот с ним считается как с деловым человеком. Приятно было, что врачи смотрели на него с любопытством и, как выяснилось из случайно услышанного им замечания, думали, что он «собирается купить врачечную». Он даже слегка позировал и с понимающим видом кивал инженеру, говорившему что-то такое пасчет альбуминового амиака. Он даже отвечал что-то не совсем определенное, но в утвердительном смысле, и ему и инженеру-водопроводчику, во природная осторожность заставляла его время от времени повторять, что все это только экспериментально, — они понимают, что он хочет этим сказать. И с каждым днем его все сильнее одолевали сомнения, понимают ли они его.

Сыграв роль капиталиста, он возвращался домой и там переживал неизбежную реакцию. Он сидел перед камином и силился привести в порядок свои впечатления. Им овладевало странное чувство, что он потерял всякую власть над событиями и даже над собственными речами и поступками. Ловкие люди толкали его в разные стороны, а он только делал вид, будто может финансировать всякого рода проекты. Под конец он ис на шутку испугался, что дело зашло так далеко, отступать уже было поздно, но итии вперед тоже было нельзя.

Не торопясь, взяв карандаш и блокнот, со свойственной ему методичностью, он подсчитал все расходы. Оба плана были практически осуществимы и даже выгодны — в этом он убедился, взглянув на дело вполне трезво. Для его сыновей в них заключалось прочное основание будущей жизни и полезной работы, которая могла привести к обеспеченности, — не скоро, но постепенно, со временем, быть может, когда его самого уже не будет в живых.

Все это опять сводилось к давно знакомой теме. Жертвовать собой. Давать и давать, не только деньги, но и моральную поддержку, и советы, и все, что у тебя есть. Возделывать виноградник, с тем чтобы плоды его доставались детям. Вот что значит быть отцом.

Мистер Баптилл почти с радостью взвалил на себя старую кошку Атласа и нашел, что она ему уже не по силам.

— Вот что получается, Мэри, — объяснял он жесте свои подсчеты. — Поступления уменьшаются, а платежи растут. Что же выходит? Между ними разрыв, пустота, зияющая бездна. И, надо сказать, очень не маленькая.

— Я знаю, милый, — сказала она, гладя его поредевшие волосы. — Я так и знала, что нам это не под силу. Ты сделал все, что мог, как и всегда делал. А больше ничего нельзя придумать?

— Ровно ничего. — Он обернулся к жене. — Послушай, плакать тут не о чем, Мэри. Ничего не поделаешь.

— Я плачу оттого, что ты такой добрый, — к его изумлению пролетела миссис Бантинг и выбежала из комнаты.

Он долго смотрел на захлопнувшуюся за ней дверь.

— Переутомилась, — поставил он, наконец, диагноз. — И нервы, я думаю. Надо бы полечиться фосфором.

Тем не менее ему стало ясно, что все эти планы надо бросить. Очень заочно, что и говорить, думал он, разглядывая документы, прежде чем убрать их.

Все в доме негрузилось в уныние, уныние банкротства, и первые экономические мероприятия мистера Бантинга вызывали не только сочувствие — почти благоговение. Он был теперь Чемберленом под Годесбергом — твердым и хитроумным полководцем, который даже в такой ситуации мог найти какую-нибудь крайнюю меру. Замечено было, что он стал больше курить, гуляя по саду или в угрюмой задумчивости стоя перед камином, — и никто, даже шлютом, не смел прервать его размышления.

Очень спокойно, но с откровенностью, характерной для нового порядка вещей, он объяснил сыновьям свое финансовое положение. Он попросил Эрнеста проверить его расчеты. Потеря дохода с коттеджей и акций, платежи по будущей закладной, еженедельный прожиточный минимум для всей семьи — цифры явно не сходились. Так это или не так?

Даже оптимизм Эрнеста не устоял перед объяснениями отца. Как выразился мистер Бантинг, им всем надо жить. Это было совершенно неоспоримо.

— Не о чем и говорить, папа. Тебе это не под силу. Большая заслуга с твоей стороны, что ты все это обдумал.

— И я так считаю, — вставил Крис.

— Спасибо, — ответил мистер Бантинг, чувствуя себя не совсем ловко; создалась какая-то такая атмосфера, что Джуди чего доброго могла провозгласить троекратное «ура» в его честь. — Так значит всему конец; и прачечной, и гаражу?

— Похоже на то, — согласился Эрнест, а вслед за ним и Крис.

— Это значит, что вы должны нынешнему заниматься своим делом, упустив случай, какого вам, быть может, никогда уже не представится. Только из-за того, что нам неоткуда взять денег и перебиться, пока не начнут поступать дивиденды.

— Пожалуй, что да, — сказал Эрнест. — Все сводится к этому.

Мистер Бантинг встал и, подойдя к камину, обвел всех детей истинно отеческим взглядом.

— Вот в этом ты и ошибаешься, Эрнест. Нет у вас, у молодежи, настоящей стальной хватки.

Они вопросительно взглянули на него.

— Теперь-то и нужно проявить инициативу, — сказал он. — В делах людских пора приходит, — звучно задекламировал мистер Бантинг, безбожно перевиная текст, — когда прилив несет людей навстречу счастью. Но пропусти прилив — и будешь целый век сидеть на отмелях в нужде и горе.

— Есть такие стихи, — объяснил он, — и больше они ничего не могли добиться. С некоторым проблемским надежды в душе они отправились наверх спать.

ГЛАВА ДЕВЯТИНАДЦАТАЯ

На следующий день обеденный перерыв застал мистера Бантинга в кафе Мак-Эндрю; он сидел напротив Кордера, наклонившись вперед, и что-то с жаром объяснял, а тот слушал внимательно и сочувственно.

— Ты стар, ты очень стар, — размыслия волух Кордер. — И опасаюсь я, ты не в своем уме.

— Мне всего шестьдесят три года или около того. За мной опыт всей жизни. Должна же для меня найтись какая-нибудь работа у Брокли.

— Такой, какая у тебя была, не найдется. Гордость надо будет спрятать в карман.

— Гордость! — воскликнул мистер Бантинг. — Да у меня ее вовсе нет. Ведь я это для мальчиков делаю, искажая? Мне все равно, какая будет работа, лишь бы дали три фунта в неделю. Времяно, понимаешь ли.

— Понимаю, — сказал Кордер и задумался. — Если хочешь, я поговорю с новым заведующим, — сказал он, наконец.

— Спасибо, Джо. Только ты прямо приступай к делу и не вдавайся в красноречие.

Они вернулись в магазин, и мистер Бантинг засел в каморке, в отделе ковров и линолеума, а Кордер поднялся на второй этаж. Из закутка Кордера мистеру Бантингу виден был его прежний отдел, где работали его подчиненные. Джентльмен из Манчестера тоже был там, спокойный и авторитетный, одним выражением лица уже вспушавший уважение. Небось, удивляются, зачем он пришел. Ну, скоро узнают, в чем дело. В нем зачевелились опасения неизвиданных, но теперь очевидных последствий того, что гордость спрятана им в карман. Может, скоро придется возить вагонетку по отделу, принимать приказы от бывших своих подчиненных или стоять у входа в форме расесьльного. «Ну, это уж слишком», — подумал он,кусая ус. Однако придется и это стерпеть.

— Ты делу оказал услуги, и это признают они, — пропел гал Кордер, подталкивая его вперед. — Ни слова больше!

Мистер Бантинг подумал, что без слов тут, пожалуй, не обойдешься, но безропотношел за Кордером наверх, ощущая прилив волнения и надежды. Перед дверью кабинета, где в былье времена сидел Вентнер, он остановился. Сердце у него стучало, как молот.

— Минутку, Джо.

— Ну, что еще такое?

— Лестница. Надо же дух перевести. Запыхался немножко.

На самом деле он пытался обладеть собой.

«Мальчики, — подумал он, — пу, вперед на приступ!»

Опять он увидел ястребиное лицо старика Джона Брокли в строгой рамке над камином. Под портретом

сидел лысоватый джентльмен, в черном сюртуке, очень подтянутый и деловитый.

— Я о вас слышал, мистер Бантинг. Так как вы долго у нас служили, я хочу для вас что-нибудь подыскать. Нам нужны люди в кладовой, ваш опыт там может пригодиться.

— Я в этом уверен, сэр.

— Три с половиною фунта вас устроят?

— Да, сэр. Видите ли, сэр, — и мистер Бантинг пытался в объяснения. Ему казалось очень важным втолковать новому заведующему, почему он вернулся на службу. Это не совсем обыкновенный случай: его сыновья...

Лысоватый джентльмен дотронулся до звонка: — Вы можете приступить к работе с понедельника?

— А? Да, могу, сэр.

— Значит, решено. Всего хорошего, мистер Бантинг.

Вопел служащий, и мистера Бантинга уволи, так и не дав ему доказать. Эти современные дельцы вечно заняты, им всегда некогда. Это не то что Джон Брокли. Он слегка даже обиделся на такое обращение. Но только сначала. Постепенно, со все возрастающим волнением, он почувствовал, что дело выгорело. Он отстоял крепость.

Дома к чаю было индальное пирожное, по особому рецепту сделанный омлет и все прочее, как полагается. Дух веселья овладел всем домом. — дух, который, по мнению мистера Бантинга, впрочем, не возражавшего против веселья, свидетельствовал о явном ценоизмании того, что борьба еще только начинается и до конца очень далеко.

Он дал всем немного успокоиться, потом обратился к своим семейным самым диктаторским тоном:

— Теперь нам надо глядеть в оба, — предостерег он. — Если вам для ваших проектов нужны деньги, так извольте быть поэкономнее. Обходиться без сильных ламп, без двух каминов и так далее. Поняли?

— Да, папа.

— А вам, мальчики, надо принадечь на работу. Не выбирать больше и не менять, И, пожалуйста, Эрнест, никаких джаз-бандов.

— Хорошо, папа.

— Все наше время будет занято, — в раздумья прозлез мистер Бантиг, — все время.

В этот вечер он обошел все спальни, вывернул все шестидесятсвечевые лампочки, купленные Эрнестом, и ввернул старые сорокасвечевые. Его престиж был восстановлен.

А теперь посмотрим на мистера Бантига через год с лишним после этих событий. Гараж Ролло-Бантиг мало-помалу начинает давать доход; с прачечной он получает десять процентов прибыли. Сыновья настояли на том, чтобы миссис Бантиг наняла поденную работницу, но сам мистер Бантиг все еще у Брокли — работает в кладовой. Оя стал там положительно незаменим. Правление советуется с ним по всякому поводу. Даже этот из Манчестера, иногда спрашивает его совета.

Мы видим, как он, облокотясь на забор, беседует о Оски, который пареет букет роз для мисс Бантиг. Выращивание роз, как Оски только что ему сообщил, есть искусство. У одних розы растут, а у других не растут. Это искусство.

— Ваша правда, — говорит мистер Бантиг, который согласен назвать его хоть колдовством, лишь бы Оски бесплатно снабжал его розами. Теперь он очень редко работает в саду. Он часто сидит на скамейке и думает о садоводстве или, скорее, о том, не нанять ли ему садовника. Ему трудно нагибаться — спина стала болеть куда больше, чем в старое время, и коленки не гнутся. Особенно трудно, когда идешь в гору. А в «Домашнем лекаре» ничего на этот счет не сказано.

— Увянь, прекрасная роза, — бормочет он, нюхая поднесенный ему букет.

— Чего? — говорит Оски, подозревая его в неблагодарности. С недавних пор ему стало приходить в голову, что Бантиг никогда как будто прохаживается на его счет. — Если они вам не нравятся, Бантиг..

— Нравятся, нравятся, Оски, это есть такие стихи, — кратко говорит мистер Бантиг.

— «Увянь, прекрасная роза» — стихи? — превритель не возражает Оски. — Чудные стихи, из мой взгляд. Ни

рифмы, ничего. Вы бы лучше спасибо сказали. С меня бы и довольно.

— Спасибо, — говорит мистер Бантинг самым ласковым голосом. — Только это проза, Оски.

Он оставляет соседа слегка уязвленным и песят розы в дом. Когда он по-пастоящему уйдет на покой, он тоже будет растить розы, много роз всяких сортов. Заведет орнажерю и садовника. Да и мало ли еще что.

Он садится в кресло и сразу принимает самую удобную позу. Никогда раньше кресла не казались ему такими удобными, должно быть, они, как скрипки, с годами становятся лучше. Набив трубку, он опять откладывает в сторону, стараясь вспомнить, о чем же это он думал. Что-то надо было сделать или сказать — не припомнить, что именно. Ну, потом самой собой всплынет.

Он задремал, и вдруг шаги разбудили его.

Перед ним стояла Джули, в шляпе и пальто, видимо, собираясь уходить.

— Здравствуй, папочка, — сказала она и, видя, что отец один, подошла поближе и прижалась щекой к его лицу. — Папочка, не одолжишь ли ты мне пять шиллингов до жалованья? Я видела очень милую шляпку. Это в последний раз, дорогой папочка.

— Посмотрим, — ответил мистер Бантинг, роясь в жилетном кармане с той же напускной серьезностью, с какой, бывало, искал медную монетку для Джули, когда она была ребенком. Но у него оказалось всего четыре шиллинга шесть пенсов. И с некоторым опозданием — теперь с ним это бывало сплошь и рядом — он припомнил, что эти деньги отложены им на бутылку виски.

— Больше у меня нет, — сказал он с грустью, и они оба замолчали.

Вдруг Джули раскаялась. — Не надо, папа. Я не знала, что ты без денег. Это не так важно.

Она собралась уходить, но он удержал ее за руку и почти судорожно вложил деньги ей в ладонь.

— Ничего, детка, возьми. В подарок, поняла? — Он посмотрел в миловидное юное личико, в ясные глаза. — Уходишь? Смотри, будь осторожна, детка, — заботливо сказал он. — Ты у меня быстро растешь. Почти уж совсем взрослая женщина.

В прихожей она обернулась и еще раз посмотрела на отца. В нем было что-то новое, чего она до сих пор не замечала, — лицо какое-то серое и движения медленные, и весь он был такой усталый. Он сидел, уйдя в свою мысль, слепой и глухой ко всему окружающему, точно позабыв про нее.

И вдруг она ясно увидела, что ее отец стареет.

Она тихонько вернулась, обняла его за шею, прижалась теплыми губами к его щеке и нежно шепнула:

— Паночка, милый, я так тебя люблю!

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

МИСТЕР БАНТИНГ В ДНИ ВОЙНЫ

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Мистер Бантинг стоял в затемненной кухне на коленях перед шкафчиком с обувью; сверху на него падал свет лампочки в синем колпаке. Его поза не отливалась особым достоинством, но мистер Бантинг не считался с этим, когда перед ним вставали такие неотложные задачи, как, например, сейчас. Нагнувшись над шкафчиком и быстро ожидывая взглядом его содержимое, он произвёдил обследование, имевшее непосредственную связь с проблемой лишних расходов.

Подобные обследования я раньше были самым заурядным явлением в коттедже «Золотой дождь», но теперь мистер Бантинг видел в них свой прямой гражданский долг в трудные дни войны. Как правило, они совпадали у него с очередными приступами расстройства желудка. Попав под власть гастрического демона, мистер Бантинг терял спокойствие и начинал рыскать по всему дому. Рыскать долго и далеко ему не приходилось, — природный щих сразу же наводил его на свежие следы того чудовищного расточительства, которое он считал наиболее возмутительным пороком своих домочадцев.

На сей раз по одной из тех несчастных случайностей, которые так часто потрясали основы семейного мира в коттедже «Золотой дождь», мистер Бантинг натолкнулся на пару туфель, принадлежащих Джули и сношеных до такой степени, что их уже нельзя былочинить. А всему виной лень и неряшество — не пострудилась во время отнести сапожнику! Теперь только в утиль годятся. Страна вела войну, и мистер Бантинг поднимал всю важ-

пость сбора утиля, но он не соглашался считать утилем то, что хотя бы в какой-то мере могло послужить ему самому. От туфель Джуди он перешел к осмотру башмаков Эрнеста и Криса, а потом занялся методическим и настойчивым, — ибо настойчивость была одной из самых характерных его черт, — обследованием всей имеющейся в доме обуви. В конце концов он добрался до шкафчика в кухне.

Стоя на кафельном полу, весь красный от натуги и волнения, мистер Бантинг извлек из шкафчика груду старых, давно преданных забвению туфель и башмаков и обнаружил среди них только одну пару должным образом подшитую и заплатанную — свою собственную. Больше всего его возмутило то обстоятельство, что, по-видимому, одни он зонимал пользу и достоинство каучуковых подошв фирмы Бэкстэр.

Мистер Бантинг знал, что, настаивая на необходимости разумной экономии, он подвергает себя осуждению со стороны своих домашних. Он догадывался, что осуждают его и сейчас — в эту самую минуту. Джуди, нинаявшая последнее время исключительно орехами и фруктами, пришла в кухню за яблоком, которое по таинственным законам диететики, ей надо было вкушать между семьью и восемью часами вечера. Она заметила, что отец стоит на коленях, окруженный со всех сторон изношенной, потерявшей всякий вид обувью, и с демонстративной беспечностью начала напевать какой-то мотивчик, действующий на мозг занятого человека, точно пазойливое жужжание мухи. Она, как ни в чем не бывало, весело спросила его:

— Хэлло, папка! Ты что-нибудь ишешь? — Потом перешагнула через эти недостойные ее внимания предметы и удалилась, неся яблоко на тарелке. Один этот факт, что ей требуется тарелка и нож, чтобы съесть яблоко, свидетельствовал о претензиях, совершенных неуместных в теперешние суровые времена.

Когда дверь за Джуди закрылась, мистер Бантинг поднял голову, прислушиваясь к тому, что говорится за этой закрытой дверью, и полагаясь, главным образом, на свое воображение. И воображение не замедлило подсказать ему насмешливые комментарии, которыми сопровождались

все доносы об отцовских «чудачествах». Губы мистера Бантинга выпячивались, усы встали испепелкой, как это всегда у него бывало в минуты гнева. Потом он кое-как сгреб обувь, швырнул ее обратно в шкафчик и встал с пола, потирая колени. Оли побаливали и разгибались с трудом; всегда надо становиться на подстилку, подумал он. Есть, кажется, такая болезнь, которой страдают, главным образом, горничные, забывающие принимать эту меру предосторожности.

Поглощенный своими мыслями, мистер Бантинг размешивал в чайной чашке питьевую соду. «Дети, думал он, не отдают себе отчета в том, что сейчас война. Побочные неприятные вещи проходят мимо их сознания, а радостные события, как например, последство, полученное после тети Энни, вызывают немедленный отклик. В те дни в доме не смолкли голоса, все старались перекроить жизнь на более широкую ногу. Но когда прозвучал боевой призыв... Увы! Достаточно им услышать самые слова «боевой призыв» — и они уж дальше и слушать не желают».

Однажды мистер Бантинг внимательно знакомился с брошюрами по противовоздушной обороне и подчеркивал в них самое важное. Один мистер Бантинг каждый вечер проверяя затемнение и, прежде чем лечь спать, собирая все противогазы и вешал их в холле, чтобы не искать в случае нужды. Правда, до сего времени в Англии было сброшено очень мало бомб, а в Килворте так ни одной. И о том, чтобы где-либо в Европе сбрасывали химические бомбы, тоже ничего не было слично. По словам Эрнеста, они были запрещены Гаагской конференцией. Но эти рассуждения не могли уснуть подозрений мистера Бантинга, — он не доверял противнику. Если правительство дает вам противогаз, значит, вы должны держать эту вещь там, где вы ее можете сразу пойти в случае необходимости, а если такой необходимости пока что не возникает, то время от времени осматривайте противогаз и аккуратно протирайте стекла. И мистер Бантинг сделал это — один за всех. А что он получал в награду за свои старания? Спокойственное словечко «надеяла» выпорхнуло из-за двери и донеслось до его покрасневших ушей как раз в ту минуту, когда он из-

девал синий колпак на лестничную лампочку. Мистер Бантиг вздрогнул от неожиданности и обиделся. Так обиделся, что не захотел даже отчитать Джулл, которая возмущала его своей вульгарностью. Но жене он потом все-таки пожаловался.

— Падо же кому-то этим запяться, — сказал он.

— Я знаю, голубчик. Но они устали от постоянных напоминаний о войне. — Подобные ответы заставляли мистера Бантига вздыхать так глубоко, что даже со стороны было видно, как у него вздымается и опускается грудь под бременем невысказанных чувств.

Никому не приходит в голову, как сам он устает от всех этих дополнительных забот, которые навалились в дни войны на каждого главу семейства. Заполнение продовольственных карточек и бланков на удостоверения личности, заявки на топливо, пакленивание бумажных цепосок на стекла. А они, видите ли, устают только от одних разговоров на эти темы.

Мистеру Бантигу не раз приходилось слышать, особенно от Эрнеста, что проявляемый им интерес к войне и то омолаживающее действие, которое она на него оказала, явилось результатом его неожиданного повышения по службе. Война гибельно отразилась на делах прачечной, где работал Эрнест, на делах гаража, который Крас держал вместе с Бертом Голло, и ни с того, ни с сего наградила мистера Бантига повышением по службе и финансовым благополучием. Вот почему, говорит Эрнест, отец так ясно отдает себе отчет в том, что сейчас война.

Когда она началась, мистер Бантиг работал в магазине Брокли на складе. Его дети почему-то представляли себе, что он ходит там в белом халате, как у бакалейщиков, и — тут воображение почти отказывалось служить им — катает по подвалу маленькую тележку, похожую на багажную. Кроме того — и это было уже гораздо правдоподобнее — отец властвует в подвале паским юношей по имени Чарльз, в душу которого старается заронить хотя бы искру честолюбия. Но никто из его домочадцев — так порой размышлял мистер Бантиг, — решительно никто не хочет понять, каково ему входить в торговый дом Брокли через заднюю дверь, спускаться вниз по ступенькам в подвал и падевать комбинезон,

и это после того, как он в течение двадцати пяти лет входил с главного входа и усаживался за стол в своем собственном кабинете. Бывали дни, когда он по забывчивости направлялся прямо к врачающимся дверям железоскобяного отдела или, увлекшись разговором с Кордером по дороге из кафе Мак-Эндрю, вспоминал о своем «лишении сана», как выражался его приятель, только уже войдя в помещение магазина.

Выrocем, он и не ждал от своих домочадцев, чтобы они представляли себе, какие мысли и чувства рождались в нем в такие минуты. Это неизбежно сопряжено со всякой жертвой, — ее не понимают и не ценят, как она того заслуживает.

Когда угрюмый Ходройд, выпетший заведующий скобяным отделом, спускался на склад или призывал мастера Бантина к себе для дачи распоряжений, тот с тоской сравнивал свое настоящее положение с прежним и потом долго шагал в подвале из угла в угол, погромким, задумчивым посвистыванием разгоняя тоску.

Но с началом войны мастер Банting, реагировавший на веци болезнью частью совсем не так, как от него ждали, заметно приободрился. — Меня работа ждет, Мэри! — говорил он во время торопливых утренних сборов перед уходом из дома. Он знал, что у него есть свой уголок в подвале, своя работа, знал, что есть и его доля участия в делах торгового дома Брокли. Он чувствовал себя гораздо лучше, чем в дни своего так называемого отдыха, ибо мастер Банting был человек по-старомодному верный. Он принадлежал Брокли душой и телом, он гордился своими связями с этой почтепной фирмой не меньше, чем Тибалт своей принадлежностью к роду Капулетти!

Первый намек на повышение был услышен мастером Банtingом в ту минуту, когда он сидел на складе и мысленно прикидывал, как бы так разместить тяжелые товары, чтобы они могли послужить прикрытием во время взрывов вражеских бомб. С первых же дней войны мастер Банting много раздумывал над способами, с помощью которых можно было бы перехитрить Гитлера. Услышав позати себя нечто вроде вступительных тактов в оперной арии, он обернулся и увидел Кордера, стояв-

шего на нижней ступеньке подвальной лестницы в сверхобычно театральной позе.

— Я присен тебе добрые вести! — провозгласил Кордер. — Еще немногого, и ты перестанешь быть троглодитом.

Мистер Бантиг недоумевающе посмотрел на него, ожидая пояснения этого странного слова.

— Как выяснилось, узурпатор Холройд пребывал в чине офицера территориальных войск. Он вернулся в свой полк.

— Призвали?

— Вот именно. Джордж, твое прежнее место свободно. Сердце у мистера Бантига скакнуло, как у молоденькой девушки.

— Это официально?

— Да. И вот я решил заглянуть к старику и напомнить ему, что здесь, во чреве земли, влачит жалкие дни Джордж Бантиг, жертва черствости людской.

— Знает он, что я здесь? Что я раньше работал в железо-скобяном, — он знает, — задумчиво сказал мистер Бантиг, терзаемый опасением, что кладовщики — это нечто вроде кузнецов, мгновенно исчезающих из поля зрения начальства, — их оно забывает гораздо скорее, чем какого-нибудь заведующего отделом.

— Пойду напомню ему, — сказал Кордер удаляясь. — Положись во всем на меня.

Мистер Бантиг с сомнением посмотрел сму в след, колеблясь между надеждой и страхом. Кордер замечательный малый, второго такого не сыщешь, но он ничего не может рассказывать просто, без околичностей; чуть что, ударяется в поэзию. Если он начнет говорить про забытых миром троглодитов, то мистер Бикертон поймет из всего этого, вероятно, не больше, чем понял сам мистер Бантиг.

Попытавши муки подсудимого, который знает, что суд удалился на совещание, мистер Бантиг сел на ящик и стал ждать приговора. Мыслей у него не было — одни отвращения. Он решительно стирал соблазнительные картины, которые рисовала ему надежда: старый закуток, длинные прилавки магазина, он сам, прочно стоящий у власти. Его мучила испряненная сухость в горле, тастой-

чива напоминающая о трубочке, курение которой было запрещено здесь. Он встал с ящика, зажег газовую конфорку и целил из-под края воды в чайник.

Пока вода закипала, мистер Бантинг разглядывал свое лицо и фигуру в крохотном зеркальце. Поправил галстук, почистил лацканы пиджака и посмотрел себе прямо в глаза. Другому об этом, конечно, никому не скажешь, но в глубине души мистер Бантинг считал себя молодцом хоть куда. Конечно, в нем нет шика и блеска (мистер Бантинг гордился тем, что не преувеличивает себя), но он настоящий англичанин — здравомыслящий, практический, стойкий и всегда — за исключением сегодняшнего дня — чисто выбритый.

Услышав шаги на лестнице, он потушил газ и с большим проворством, не производя ни малейшего шума, что свидетельствовало о солидной практике в подобного рода делах, спрятал чайник за пустой ящик, который с этой целью и был здесь поставлен.

— Вас просит мистер Бикертон, — чиркнул рассыпьный, спустившись ровно настолько, насколько это было необходимо. Мистер Бантинг важно кивнул, посмотрев на него поверх толстой инвентарной книги.

Выждав несколько минут, чтобы произвести впечатление человека занятого, он явился в кабинет директора. Фотография старого Джона Брокли все еще висела над коммивом. Если не считать Кордера и его самого, вряд ли кто здесь помнил основателя торгового дома Брокли вот таким, каким он был изображен на этом портрете. Вспыльчивый, добродушный, строгий и веселый. Мистер Бантинг не знал, кто другой бы был способен проворачивать столько всяких дел, и при том без малейшей спешки. Теперь таких больше не встретишь.

Мистер Бикертон быстро писал что-то; его розовая юбка поблескивала под лампой с зеленым абажуром. Он бросил взгляд в сторону, посмотрел на запись в блокноте, потом на мистера Бантинга, словно это была вторая запись в образе человеческом, и мысленно связал их между собой.

— Я прошу въезжать на себя замедление отделом мистера Холрояда на время его отсутствия, — быстро проговорил он.

— Слушаю, сэр. Счень буду рад.

— Постарайтесь, чтобы все было так же, как при мистере Холройде. — продолжал мистер Бикертон, задумчиво глядя на мистера Бантина своими большими, ясными глазами. — Это, конечно, временно. Жалование будете получать соответственно должности.

— Благодарю вас, сэр, — сказал мистер Банting. Благодарность его была велика, и он чувствовал, что этих слов недостаточно; надо как-то подчеркнуть ее... Надо еще что-то сказать... И, не находя подходящих выражений для своих чувств, он стоял с сияющей физиономией, превосходившей твердой решимости оправдать оказанное ему доверие.

Однако директор, видимо, считал, что интервью закончено. Не такое сейчас время, чтобы разводить церемонии. Ну, понятно, он ведь не знает, что мистер Банting в течение двадцати пяти лет заведывал тем самым отделом, который имеется сейчас отделом Холройда; он не знает, что мистер Банting поступил в универсальный магазин Брокли еще мальчишкой, что он свой человек здесь, а не какой-нибудь чужак, которого ничто не привлекает к Брокли, кроме заработка.

Не мешало бы показать ему свое развитие, то, что поднимает его над общим уровнем служащих.

— Я часто думаю, сэр, не устроить ли нам бомбоубежище в подвале?

— Бомбоубежище? — с удивлением повторил мистер Бикертон. — Это зачем же?

— На случай... э-э... воздушных палетов, сэр.

— Вы что, боитесь, мистер Банting? — Вопрос произвучал несколько иронически.

Мистер Банting считал себя выше подозрения в трусости. — Я просто думал, что об этом не мешает напомнить.

— Я не потерплю, чтобы мои служащие заряжались от страха перед налетами, — заявил мистер Бикертон, и его глаза сверкали синим огольцом, что случалось с ним не часто. Желая смягчить суворость своих слов, он улыбнулся мимолетной улыбкой, потом отпустил мистера Банtingа, показав пером в сторону двери.

Мистеру Банtingу было чрезвычайно приятно вырваться

ся из кратной полутычи склада на капитанский мостик своего прежнего отдела, по он думал, что остальные служащие отнесутся к этому как к очередной передвижке, вызванной военным временем. Он был памерен держаться по-деловому. Но, войдя в свой прежний отдел, он сразу почувствовал на себе словно свет прожектора. Бордер уже успел побывать здесь с новостями и подготовил ему встречу. Проходя между прилавков, мистер Бантинг со всех сторон слышал приветственные слова, пожимая протянутые ему руки. Он шествовал по длинному залу и всюду его встречали сердечные улыбки и поздравления, в искренности которых не приходилось сомневаться; его мягкое сердце совсем растаяло. Он никогда бы не поверил раньше, что прежние сослуживцы так обрадуются ему. Ах! Если бы Крис и Эрпест могли видеть эту цепь! Они поняли бы тогда, что их мнение об отце совсем не соответствует тому, что думают о нем люди солидные, считающие его в высшей степени достойной личностью.

Но, по здравом рассуждении, мистер Бантинг решил, что единственный вывод, который сыновья сделают из всего этого, будет таков: наверное, Холройд порядочная дрянь, и работать с ним было пелегко.

Совершив короткий предварительный обход отдела, мистер Бантинг удалился в закуток и притягивался переделывать здесь все по-своему. Он содрал с перегородки почтовую открытку с видом на ворота Реддэйльского парка (одно из сокровищ Холройда), и в эту минуту в закутке появился старик Тернер, которому хотелось сказать мистеру Бантингу несколько словечек наедине. Старик Тернер — его называли так уже давно, хотя он был моложе мистера Бантинга, — обычно таился в тепле, на заднем плане отдела, там, где продавались печи и трубы. У него были водянистые серые глаза и тихий голос теплового тембра, обработанный, повидимому, в перковом хоре. Старик Тернер отличался строгой принципиальностью и напоминал об этом чаще, чем его сослуживцы считали нужным. Он сразу же пояснил, что цель его посещения заключается в том, чтобы успокоить мистера Бантинга.

— Вы не подумайте, мистер Бантинг, что я вам зави-
дую. Об этом не может быть и речи. Вас поставили во

главе отдала, и вы можете рассчитывать на мою помощь. Все, что вам нужно — пожалуйста, я всегда готов выполнить, на этот счет не сомневайтесь.

Подкрепив свои слова серьезным взглядом водянистых глаз и крепко пожав мистеру Бантигу руку холодными пальцами, Тернер повернулся к выходу, и мистер Бантиг с удивлением смотрел на его удаляющуюся спину.

«Завидую!.. Не сомневайтесь!» Он отказывался что-либо понимать. Потом постепенно прозрел и понял истинный смысл этого невероятного по своей смехотворности заявления. Мистер Бантиг готов был вскочить с табуретки и бежать к Кордеру, чтобы поскорее рассказать ему этот анекдот. Старая черепаха Тернер вообразила, что заведующим назначат его, а Джорджа Бантига забудут в подвале! Вот как можно ошибаться в людях! Всю жизнь считаешь человека более или менее рассудительным, а на поверку он выходит осел ослом.

Как бы то ни было, перевод в отдел — хоть и временный — состоялся. Мистер Бантиг уселся на табурет в своем прежнем закутке с твердым решением продолжать работу методами Холройда, если уж мистер Бикертон настаивает на этом, но вместе с ним, кое-какие исправления.

В тот вечер, прежде чем приступить к часничанию, мистер Бантиг объявил о своем назначении, стоя на самой середине каминного коврика, служившего ему домашней трибуной, и стал ждать оваций. Но оваций не последовало. Молодые Бантиги были слегка ошарашены, как это часто с ними случалось, когда события выдвигали их отца на первое место. Гараж Криса находился при последнем вздохании, прачечная Эрнеста еле сводила концы с концами, а мистеру Бантигу буря была лишь почтом, — его звезда шла к зениту.

За столом воцарилось молчание, и эта пауза была настолько неестественна, что у мистера Бантига появилось такое чувство, будто он бросил в пруд камень, который исчез в воде без брызг, без единого всплеска.

Первым пришел в себя Крис. — Здоровой! Поздравляю, папа! — а Эрнест, не поднимая головы от чашки, смущенно пробормотал, что он очень рад.

— Да, вернулся назад, на старое место, — бодро про-

должал мистер Балтинг: — И, надо сказать, что сейчас самое время, припоминая во вниманье ваши дела. Ну, как у вас сегодня в гараже, Крис?

— И фунта не заработала. Бензина не достанешь.

— А в других гаражах бензина сколько угодно. Но знаю, Крис, о чём вы там думаете! — сказал мистер Балтинг и удалился на кухню, где он всегда совершал свои омовения, предпочитая ее ванной. До чайного стола, за которым хмуро обсуждались некоторые обстоятельства, связанные с этой перемежкой, донеслись всхлипки в раковину вперемежку с пением.

— Вот, Крис, что делает война, — сказал Эрнест. — Нации с тобой карьеры полетели вверх тормашками, а такие, как отец, урывают себе лакомый кусочек. А ведь ответственность за эту войну песем не мы, а люди его поколения. — Он отрезал себе ломтик кекса с такой гримасой, словно предвидел заранее, что тишина в нем перебоено.

Эрнест ощущал войну прежде всего как помеху, запутавшую дела прачечной Игл и К°. Они были достаточно заняты и раньше. Человеку постороннему показалось бы невероятным, что такое маленькое предприятие способно так запутать свои дела. Заведывание прачечной было отнюдь не спаской для Эрнеста, которому приходилось иметь дело с престарелым и осторожным мистером Блом, восставшим против всяких новшеств, с мрачным механиком, то и дело требовавшим ремонта, с текучестью рабочей силы и жалобами клиентов. Эрнест был уверен, что другим людям, зарабатывающим тысячи в год, не приходится разрешать и десятой доли тех проблем, с которыми он сталкивается ежедневно. И Эрнеста подбадривала, главным образом, та мысль, что немногие из его сверстников справились бы с такой работой.

Затруднения мирного времени были сущим пустяком по сравнению с теми, которые возникли в дни войны. Теперь в часы бодрствования Эрнест все свои мысли отдавал прачечной, а ложась в постель, передко поручал своему подсознанию и во сне продолжать разрешение этих проблем. Иной раз он так глубоко засыпался, что Крис спрашивал его, что, собственно, случалось, не пропали ли у какой-нибудь девушки шапочки в стирке?

— Воображаю, сколько раза придется выслушать на тему о том, что никто другой, как он, поддерживает огонь в семейном очаге, — продолжал Эрнест, глядя на дверь в кухню. — А к чему это приведет, тоже известно.

— К разумной экономии, — сказала Джули, которая умела передразнивать других людей и не всегда держала этот дар про себя.

— Но если твоя прачечная заглохнет, отцу от этого тоже не поздоровится? — спросил Крис. — Ведь он заложил дом ради тебя.

— Знаю, — сказал Эрнест; это было его большое место.

— Выходит, нам надо только радоваться, что он опять на прежней работе.

— И это знаю, — сказал Эрнест. — Но меня удручают... несправедливость. Трудишься, строишь планы, хочешь принести какую-то пользу, и вдруг начинается никому не нужная война, которая всей тяжестью падает на наше поколение.

— Вот, вот! То же самое я говорила Мэвис, — сказала Джули, восхищавшаяся способностью Эрнеста выражать свои мысли такими закругленными фразами.

Миссис Бантинг вошла в столовую с блюдом горячих, только что снятых с плиты сосисок. Следом за ней, подводя носом в предвкушении этого аппетитного блюда, появился и мистер Бантинг, докрасна натерпший себе лицо полотенцем.

— Вот это я люблю, — сказал он, садясь за стол. — Что может быть лучше жареных сосисок! Удивляюсь, почему ты так редко их подаешь.

— Потому что они вредны для твоего желудка, Джордж.

— Неправда, — сказал мистер Бантинг, пронзая вилкой две самых больших сосиски. — Во всяком случае... ради такого дня можно.

Он начал простирающи излагать свою беседу с мистером Бикертоном. Он был очень счастлив, очень доволен собой и не удержался, чтобы не вывести в конце неизбежную мораль: в дни нужды положитесь на людей надежных, испытанных.

— Конечно, ответственности на мне будет гораздо

больше, — сказал мистер Бантиг, опасаясь, как бы домашние не подумали, что его новая должность окажется легкой. — Мы получили много всякого оборудования для противовоздушной обороны.

— Папа, неужели палеты все-таки будут?

— Будут ли, нет ли, не знаю, но оборудование получено. Соски для зажигательных бомб, пожарные насосы, щипцы, портативные сирены, — да много всего!

— Но-моему, это неправильно, — вмешался в разговор Эрнест, — частные фирмы не должны наживаться на таких вещах, даже если они будут предметами первой необходимости. Сейчас стоит только развернуть газету, и моментально падаешься на рекламы всех этих военных товаров. Такое жульничество пойдет!

— Ничего подобного, — возразил мистер Бантиг. — Это вполне лекально.

— Конечно, лекально, — поддержала его Джули. — Лекальное ничего быть не может.

Мистер Бантиг бросил из-за косой взгляд, а к каменным физиономиям сыновей пригляделся повнимательнее.

— Не понимаю, — сказал он, — почему это у нас всегда так получается? Стоит только завести серьезный разговор, и вы сразу начинаете зубоскальть, как ослы какие-то. Если твоя прачечная отказывается работать на военные нужды, Эрнест, то неудивительно, что тебе приходится самому сбавлять себе жалование.

Дав всем понять, что на этом спор заканчивается, мистер Бантиг встал из-за стола, расстегнул верхнюю пуговицу на брюках и, облегчив себя таким образом, уселся в кресло у камина.

Он сидел там, дочитывая «Сирену» и то и дело подносил к трубке зажженные бумажные жгутики. Крис и Эрнест, наверное, ушли куда-нибудь или сидят в гостиной вместе с Джули; во всяком случае сейчас ему никто не мешает. В столовой воцарилось молчание. В этой блаженной тишине миссис Бантиг разбирала выстиранное и подштопанное белье. Он любил смотреть, как жена воспитается по хозяйству. Она знала до последней нитки каждую пару носков, каждую фуфайку, каждый носовой платок, она раскладывала все эти вещи на отдельные

кучки, соответственно их владельцам, словно карты в пасьянсе. Сосредоточенный вид, с которым миссис Бантинг занималась даже самыми несложными хозяйственными делами, забавлял мистера Бантинга и наполнял его сердце гордливой нежностью. В такие минуты его чувства вскипали, и он давал ей неожиданный шутливый щелчок.

Наблюдать за женой вот так, как сейчас, было все равно, что незаметно подглядывать за ней, когда она бывала одна. Словно он сидел в магазине за несколько миль от дома, а она здесь. Поглощенная своими делами, миссис Бантинг жила и работала в этом маленьком домашнем мире, где не было места ни вражде, ни жестокости и куда доходили только слабые отголоски событий внешнего мира.

Такие комнаты, думал мистер Бантинг, такие женщины, как Мэри, были и в тех городах и селах Польши, на крыши которых врагу, нежданно-негаданно посыпалась бомбы. Мистер Бантинг имел весьма приблизительное понятие о взрывах бомб, но сейчас он представил себе, как это было бы здесь, в коттедже «Золотой дождь»: громовой удар, вспышка огня, и потом нечто страшное в клубах дыма и пыли. Такие вещи случались и продолжают случаться даже сейчас. «Сирена» добросовестно сообщала о них, часто иллюстрируя свои сообщения фотоснимками. Мистер Бантинг мало-помалу привык к этим фото, на которых изображались дома, разрушенные бомбами, развороченные, непристойно выставившие из-под козырьков свои внутренности; многие из них были вполне почтенные, привличные дома, вроде его коттеджа.

Сделав над собой усилие, мистер Бантинг отогнал эти непропущенные мысли и картины. Откуда они приходили, он и сам не знал. Они возникали в мозгу без всякого повода, заставляя думать, что тут работает какой-то глубокий первобытный инстинкт, что это — предвестия и предостережения, одним словом, все то, во что здравомыслящий человек не должен верить. Надо гнать их прочь.

А может быть, — знакомые ощущения уже напоминали ему об этом, — может быть, тут просто-напросто сказываются не усвоенные желудком сосиски?

— Приму-ка я водовую таблетку, — сказал он, доста-

рая это сладобье с каминной полки. «Домашний лекарь» ничего не говорил о содовых таблетках, хотя и предостерегал от неумеренного потребления ацетоакислой соды.

— А какой тебе дадут оклад, Джордж, прежний?

— Да, — сказал он и добавил с педантической точностью: — Не знаю только, с какого дня, с сегодняшнего или завтрашнего. Надо будет спросить Бордера.

— Я очень рада, что ты уйдешь из этого подвала, там вездесущий воздух. Да у тебя уже сегодня вид гораздо лучше.

— Я чувствую я себя лучше, — сказал он. Но причиной такой праздничной бодрости было не только физическое раскрепощение от подвала, — его мысли и дух тоже почувствовали свободу.

— И все-таки, несмотря ни на что, — искренно сказал мистер Баптист, — мне хочется, чтобы немцев разбили и чтобы Холройд вернулся. Я очень рад, что выбрался из подвала, но, если меня опять туда загонят, я писком не огорчуся. Конечно, если в таком переводе будет необходимость. Но немцев надо вздуть как следует.

Он сидя на коврике перед камином, широко расставив ноги, чопорчивал трубкой и думал о Гитлере и о том, до какой степени этот Гитлер не помпает духа страсти, против которой он новая войну.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Ледяное молчание, наступившее вслед за тем, как мистер Баптист объявил о своем повышении по службе, красноречиво говорило о том, что его дети сразу же представили себе тяжелые последствия этого факта. Сама по себе такая перспектива была паруку семье; застой в делах у Криса и Эрнеста делал ее как нельзя более своеобразной. Но этот факт нельзя было рассматривать в отрыве от всего остального вследствие некоторых недостатков, присущих характеру мистера Баптиста. С тех пор как они себя помнили, отец выносили на своих плечах все бремя материальных тягот, но уже зато требовал, как чего-то само собой разумеющегося, диктаторской власти над домашними,

Правда, сыновья великолепно признавали, что мистер Бантинг помог им встать на ноги, вложив некоторый капитал в прачечную и переделав свои липпортские коттеджи в гараж. В простоте душевной на первых порах они готовы были винить в его помощи зарю новой эры. Но свет этой зари был какой-то новерный, прозрачный. Дети все чаще и чаще говорили на своих совещаниях (ибо рассуждать следует здраво, не вдаваясь в сентименты), что мистер Бантинг не стал бы брать под свою опеку эти предприятия, не будь у него твердой веры в из прибыльность. И действительно, интерес отца к прачечной и к гаражу то возрастал, то падал в зависимости от степени их доходности. В конечном же счете его негласное участие в делах сыновей приводило к усилиению его деспотической власти над их юными жизнями, лишенными, увы, той свободы, которая принадлежала им по праву.

Мистер Бантинг мог теперь возмущаться дороговизной обстановки в кабинете Эрнеста и указывать Крису на всю нелепость выбрасывания денег на рекламу. Стоило выйти какой-нибудь замысле в делах, и мистер Бантинг давал понять, что избежать ее было бы нетрудно, если бы только догадались во время спросить у отца совета.

Испомогая под тяжестью рабского ярма, дети частенько думали: а не таится ли за простодушием отца прозорливость, превышающая даже их собственную? Или (спрашивали они после некоторого размышления) случайное стечание обстоятельств придает его поступкам кажущуюся дальновидность, которой он на самом деле обладать не может? Взять хотя бы это случайное повышение в должности. Оно вызвано войной, их затруднения тоже вызваны войной. При чем же тут выдержка, решительность и все другие викторианские добродетели, наилюбленные мистером Бантингом? Факты говорят сами за себя, но мистер Бантинг истолковывал их по-своему.

Он все чаще становился на коврик перед камином и познавал мелочью в карманах, выбирая для этого такие минуты, когда Эрнест пытался сосредоточиться, и вид у него был довольный, сияющий, как у человека, который благополучно выбрался на берег и недоумевает, почему другим все еще баражатятся в волнах. Он постодолго

учил сыновей: не падайте духом перед трудностями, больше инициативы, надо ополчиться против моря бед и за свое держаться крючьями стальными, как сказал поэт. Если прачечная и гараж не приносят доходов, надо вспомнить одно верное средство, рецепт которого известен старшему поколению: впрягитесь в работу, не жалея сил.

Произошли подобные тирады, мистер Бантиг подразумевал, что если эти трудности все-таки не будут преодолены, то исключительно из-за нежелания следовать его советам. Значит, не впряженлись в работу или впряженлись, но недостаточно или не так, как впряжен бы сам мистер Бантиг, вернее, не так, как он впряжен в молодости. Никто не могожаловаться, что мистер Бантиг склоняется повторять свои наставления.

Он опять стал самим собой, как трогательно уверяла их миссис Бантиг. Крис же задумчиво заметил однажды, что если его дела не поправятся, он не сможет выходить из дома до тех пор, пока отец не купит ему новые погружки, ибо страсть мистера Бантига к разумной экономии вспыхнула с новой силой и была поставлена теперь на службу империи. Всем, кто разжигал камин, напоминалось, что грузовики нужны теперь для военных целей, а не для доставки угля, каждый недоеденный кусочек становился темой для лекции об исключительной важности экономии места на кораблях торгового флота. Теперьшнее время требует от нас самоограничения и напряжения всех сил. Что же касается трудностей, то они есть и у фирмы Брокли, но фирма Брокли старается преодолеть их, прилагает к этому все силы и действует с такой энергией, какая другим и не сияла.

В промежутках между этими лекциями мистер Бантиг ходил по дому, жужжа что-то себе под нос, точно пчела, и слегка ликовал своему избавлению от гастрита. Вероятно, это чисто первое. Принципы психологического порядка. Он открывал «Домашний лекарь» и листал его страницы, тихо посвистывая.

Эрнесту припала однаажды целый вечер слушать это посвистывание. Он сидел за столом в гостиной и выписывал своим четким почерком цифры, подсчитывая, во что обойдется прачечной затратение, в зависимости от того, какой типрилы брать материал. Этот непроизводи-

тельный расход сердил Эрнеста, но всякая возня с цифрами доставляла ему удовольствие, и он производил подсчеты с обычной своей аккуратностью — до последнего пения. Позади цифр, в глубине его сознания, бродили обрывки каких-то мыслей, но так бывало с ним и за роялем. За затемнение верхнего света — новинки, введенной в прачечной с целью экономии электричества, — уйдет несколько лишних фунтов. Мистер Игл, с самого начала восставший против верхнего света, не преминул редчаркнуть этот факт, что, по мнению Эрнеста, было неблагородно. Откровенно говоря, в словах мистера Игла слышалась даже ирония, словно ему было смешно наблюдать, как еще одна замечательная идея Эрнеста обернулась против него. До сих пор прачечная обходилась без верхнего света, и нововведение Эрнеста пошло ей впрок, — доказательство было налицо.

Эти трудности и многие другие были следствием войны. Быть они следствием усилий всей нации, направленных на осуществление тех простых мер, которые улучшают жизнь, Эрнест первый согласился бы ради этого на любую жертву. Но сейчас все уходило в какую-то прорву, хуже, чем в прорву, — вся лихорадочная деятельность, которую он наблюдал вокруг себя, посила разрушительный характер. Каждая бомба обходитяя, наверное, в сотни фунтов, а нанесенный ею ущерб исчисляется тысячами. Всей Европе, где так велика нужда в лучших больницах, лучших жилищах и в научно-исследовательских лабораториях, люди заняты производством бомб. Бомбы сбрасывают на болоты и лаборатории. Если патриотизм требует этого, Эрнест не желает иметь с ним ничего общего.

Подобные мысли никогда не тревожили Криса, вечно поглощенного личными делами. В данный момент он изучал по последнему номеру журнала «Полет» хвостовое оперение у бомбардировщика типа «Бленхейм». Бегло проглядев заметку на эту тему, Крис обратился к фото, на котором была изображена внутренность кабинны истребителя типа «Харрикейн», и сразу же весь загорелся. «Вот, значит, где ты сидишь!» Когда-то он с восторгом созерцал передний щиток какого-нибудь ролл-ройса, но теперь какие уж там ролл-ройсы.

Крис давно перестал читать автомобильные журналы, теперь он таскал домой только литературу по воздухоплаванию. У него в спальне валялись груды журналов «Аэроплан», «Полет» и «Аэроавиатика», которые он ни в коем случае не согласился бы сдать в утиль на пользу государства. Авиация поглощала все мысли Криса. Его мать больше всего опасалась, что они с Роллом-младшим соорудят собственными силами аэроплан и пустятся на нем в какую-нибудь смертоубийственную авантюру. Но отец критиковал его боязнь последовательно. Когда Крис служил в банке Барклэй, его интересовали одни автомобили, теперь же, работая в гараже, он интересуется самолетами. Понимому, отвлечь его от изучения самолетов можно только таким путем: устроить на какой-нибудь завод, где их делают.

Внимание Криса, устремленное на «Харрикейн», отвлекалось лишь непрестанной вазней с трубкой. Это была его первая трубка-бульдог, короткая, массивная; курить такую было бы в самый раз человеку лет пятидесяти. Крис пробовал держать ее сначала в правом углу рта, потом передвигал влево, потом на середину. Ему и в голову не приходило, что искусство курения трубки сопряжено с такими трудностями, главную из которых составляло поддержание в ней огня. Несколько раз он был вынужден бросать «Полет» и в течение по крайней мере полминуты энергично пыхтеть трубкой, после чего голова у него слегка кружилась, а в горле появлялось такое ощущение, словно там была содрана вся кожа. Крис уже начинал думать, что выбрал неподходящий сорт табака.

— Сколько ты спичек пажег! — сказала Джуди, глядя на пепельницу. — Дай-ка я их выкину, пока папа не пришел.

— Это не его спички.

— Ты забываешь, что страна ведет войну, и...

Эта цитата из мистера Бантинга была оборвана на полуслове Эрпестом, который зашуршил газетными листами, напоминая, что он занят серьезной умственной работой.

— Откуда у тебя трубка? — променяла Джуди. — Божественная Моника подарила?

— Да, — сдержанно ответил Крис.

— Божественная хотят, чтобы ее Кристофер был настоящим мужчиной?

— Да. Отсталы!

— А, чорт! — не выдержал Эрнест.

Джули удивленно подняла брови: — Что случилось?

— Разле тут можно сосредоточиться, когда вы болтаете, как сороки, и несете всякую чепуху! — и, собрав бумаги, Эрнест стал совать их в холщевую папку весьма делового вида. Эрнест сам удивился своему сварливому тону, уж очень это не соответствовало всему ходу его размышлений. И в голову ему снова пришла мысль, которая всегда заставляла его ironически улыбаться. Все его силы, все время и таланты уходят на прачечную. Сама по себе прачечная не такое уж плохое дело. Эрнест с удовольствием налаживал ее работу, но она была слишком маленькая и с каждым утром казалась ему все меньше и скромнее; там вовсе не требовались его выдающиеся способности. На то, что есть в жизни интересного, приходилось уделить крохи времени и сил, остававшиеся от прачечной. а за последние дни, с горечью думал он, пробегая глазами свои бумаги, этих крох стало еще меньше.

Иногда жизнь казалась Эрнесту совершенно бесцельной. Война оставила в ней только тяжелый, утомительный труд. Мыслишь, работаешь, стряпь какие-то плацы, но не для того, чтобы создать что-то лучшее; а на потребу шайке вандалов, говорившихся уличтожить все самое дорогое сердцу человека.

Блуждал в лабиринте таких размышлений, Эрнест первой одергивал себя, вспоминал прочитанные книги по психологии и думал: «Что это со мной? Просто рассеянние мыслей или это голос подсознательного?» Предаваться пустым мечтаниям, значит терять контроль над своим мыслительным аппаратом, а Эрнест весьма старательно контролировал его и достиг в этом искусстве большого совершенства; во всяком случае все психоуправления он мог проделать без записки. На время вопрос о том, что же собственно с ним произойдет, заслонил все остальные вопросы, но они не замедлили вернуться, попрежнему нераешимые и не поддающиеся разрешению. Повидимому, не со всякой жизнеподобной проблемой

могло было справиться при помощи четко работающего мыслительного аппарата. Эрнест услышал стук кухонной двери и шаги мистера Бантияга, который проверял затемение с улицы и, паверное, склонял критическим окном не только свой дом, но и соседние. Все стало каким-то переальным в эти дни: улицы темные, пустые, разве только проедет на велосипеде дежурный из штаба противовоздушной обороны в стальном шлеме и с противогазом через плечо — тоже призрак. Лучи прожекторов, таинственно спущенные по небу, и радио в домах, вкрадчиво повествующее о злой фантасмагории, разыгравшейся в мире. Люди превратились в беспомощные автоматы, двигающиеся по воле обезумевших хозяев.

Эрнест подошел к роялю и открыл крышку.

В каждой стране есть люди, которые делают бомбы и мины. Но люди, которые пишут музыку, там тоже найдутся. Эрнест часто утешал свое очарованное сердце этой мыслью.

— Недурненький мотив, — сказал мистер Бантияг, входя в гостиную. — Я еще с улицы услышал. Что это — новенькое?

— Да, это музыка Отто Рейнбергера, немецкого композитора. Ты, паверное, позовешь его гением.

— Пременно позову, — сказала Джули. — Так я влюблена бы ему в физиономию.

— Довольно, Джули, довольно; — мистер Бантияг хоть и остановил ее, но все же считал замечание Эрнеста излишним, чтобы не сказать больше.

— Если твой Отто сочиняет хорошую музыку, это еще не значит, что Гитлер должен повелевать ими, — сказал Крис. — Ты слишком уж поспешила со всеми этими иностранцами. Искушено какой-нибудь человек по фамилии, ну, скажем, Паркисон, не может сочинять такую же хорошую музыку, как твой Бетховен?

— Не знаю. Что-то не сочиняют. Сопаты Паркисона. Какой ужас!

Начался спор о сопатах Паркисона, который с каждой минутой становился все жарче, отвлеченные и вспоминающие для мистера Бантияга. Он поворачивал голову то в одну, то другую сторону, следя за спирщиками, но так ничего и не узнав про Паркисона, — не узнав даже,

существует ли такой человек, или это миф. Мистер Бантинг был согласен с Крисом, что Эрнест не стал бы ни покупать, ни играть, ни слушать сонаты, сочиненные человеком по фамилии Паркинсон, во в остальном этот спор казался ему глупым и бесполезным.

— Можешь говорить все что угодно, — заявила Эрнест, — по немцы великий народ и как музыканты не имеют себе равных.

— Я бы этого не сказал, — вмешался в спор мистер Бантинг. — И музыка у них бывает дрянная. Например, Бах... фуги эти самые. А то эти дурацкие фантифлюшки — этюды...

— Это Шопена. Он, кстати сказать, поляк.

Мистер Бантинг пощадил Шопена и снова накинулся на Баха. — Не понимаю, Эрнест, почему ты играешь эти фуги? Целители у нас нет своей, английской музыки?

— Искусство, — провозгласил Эрнест, — не злает национальных рубежей. — А Джули вдруг добавила, подзуживая спорщиков: — Как сказал поэт:

— Я не понимаю твоего отношения к Германии, — продолжал мистер Бантинг. — Можно подумать, что в тебе нет патриотизма.

— Может быть, и нет.

Мистер Бантинг возмутился до глубины души; он даже слегка покраснел. — Вот уж не думал, что придется мне когда-нибудь услышать от сына такие слова. Ты это серьезно?

— Я своим умом живу.

— А при Гитлере ты бы этого не мог.

— И при Гитлере и при ком угодно. Я, конечно, не хочу, чтобы у нас здесь был гитлеровский режим. Я верю в демократию.

— А-а! — с облегчением сказал мистер Бантинг, решив, что в словах Эрнеста о патриотизме таялся какой-то плохой смысл, доступный пониманию только «высоколобых». Для него же, как человека практического, вопрос стоял иначе: британская империя против гуннов. Мистер Бантинг вскочил на последнюю войну, и многое, что лежало погребенным в его памяти, снова воскресло: «Лузитания», немецкие зверства в Бельгии, вытаптывание из населения денег на военные нужды и жульническое

манипуляции, в которых все эти деньги пропали. Эрнест многое не знает; он слишком молод.

По тут Эрнест прервал его размышления. Оказалось, что он знал очень многое о той войне и ее последствиях. Он знал гораздо больше отца и вполне мог переспорить его.

— Если бы мы отнеслись к немцам справедливо...

Мистер Бантиг вскинул. Собственно говоря, он кинул уже давно, но до сих пор ему удавалось сдерживать себя, а сейчас он ощутил потребность дать, наконец, выход своему погодованию.

— Отнеслись справедливо? А они бы к нам как отнеслись? Да их совсем надо было придушить!

— Браво, браво! — воскликнул Крис, оказывая неожиданную поддержку отцу, что пришлось бы тому гораздо более по душе, если бы Крис тут же не добавил: — Просто не дождусь, когда меня возьмут в армию!

— Прекрасно, — сказал Эрнест. — Но вот увидите: когда эта бойня и разрушение кончатся, мы опять сядем с немцами за один стол и будем сообща налаживать жизнь. И если опять будет заключен несправедливый мир, начнется еще одна война и следом за ней другая, и так до бесконечности.

— Пока что мы их не побили, — весьма практически заметил Крис. — Подожди, die Luftwaffe еще ласт о себе знать.

— Побьем, побьем, да еще как, — сказал мистер Бантиг, учуяв в словах Криса пораженческие настроения. Сыновья раздражали его, и Крис, пожалуй, даже больше, чем Эрнест, потому что он вечно совался с этой Luftwaffe. Мистеру Бантигу не сразу удалось выяснить, что это страшное слово значит всего-навсего «германские воздушные силы». Так почему не говорить именно так или еще лучше: «воздушные силы гуннов», если уж выражаться точно?

Мистер Бантиг чувствовал, что из всех обитателей «Золотого дождя» единственный, кто действительно хочет побить немцев, это он сам, и только он занимает здесь твердую и смелую позицию, как и подобает истинному Джон Блю. К войне надо относиться так же, как и ко всему остальному, говорил он сыновьям: хочешь выйти победителем, впряжен в шею, не жалея сил.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Когда в следующую субботу мистер Бантиг поднялся вверх по Кэмберленд-авеню, из его Фиброго чёмоданчика чуть слышно доносился звон стеклянной посуды. Источником этого звуна, весьма музыкального, особенно на слух мистера Бантига, были две бутылки «припца Чарли». Две бутылки! Вот уж сколько времени у мистера Бантига не было в доме ни одной, но сегодня он впервые получил жалованье заведующего железо-скобяным отделом.

Мистер Бантиг пил виски исключительно с лечебными целями, имся в виду свой желудок. Виски обладало то ли слабительными свойствами, то ли уменьшало выделение газов; откровенно говоря, точно он не помнил, по «Домашний лекарь» высказывался в пользу этого напитка, предостерегая, однако, прогресс злоупотребления им; что, конечно, не относилось к мистеру Бантигу. Его бесспорная, вторая бутылка, приобретение которой гравично с расточительством. Выручим, она была куплена потому, что мистер Бантиг опасался неминуемого введения военного бюджета. Министр финансов уже не раз опережал его в этой области, повышая налог на виски, когда, казалось, повышать было уже некуда. Таким образом, покупая вторую бутылку, мистер Бантиг руководствовался принципами экономии. Однако вдаваться в подобные объяснения дома было бы рискованно, — их могут встретить скептически, и, что еще хуже, дети способны воспользоваться этим случаем и паковать себе дребедени, на которую министр финансов и не подумает повышать налог. Разумнее всего будет спрятать вторую бутылку в шкаф в спальню — для гостей.

Мистер Бантиг поднимался в гору медленней обычного; от скрипа его удерживал легкий звон, доносящийся из чёмоданчика. Кроме того, знакомая дорожа так менялась теперь день ото дня, что тут было на что посмотреть. Мешки с песком вокруг телефонной будки, мешки с песком вокруг поста воздушного наблюдения, мешки с песком в окнах. Широкая белая полоса вдоль тротуара и вокруг каждого дерева. Получалось довольно красиво, — так, вероятно, делают на континенте. То тут, то там земляные щели в садах или пустой дом с заколоченными

окнами. Все это было в новинку мистеру Бантингу, потому что за неделю он возвращался домой поздно, в первобытной тьме, освещая дорогу фонариком. Норавнявшись с почтовым ящиком, он бросил на него недоверчивый взгляд, стараясь запечатлеть в памяти его местоположение, чтобы не патыкаться в потемках на этот предмет, либо несчастные случаи на затемпенных улицах уже бывали.

Мистера Бантинга радовали даже эти скромные призвания серьезного отношения к войне. С тех пор как он развернул утром «Сирену», туман сомнений просочился во все закоулки его мозга, и мысли у него весь день были мрачные. Мистер Бантинг безоговорочно, со всей присущей ему паникостью, веровал в «Сирену», но он никак не мог понять, почему сегодня она рисовала в самых розовых красках легкий шанс к победе, а на следующий день погружалась в уныние. В сегодняшнем номере специальный корреспондент дал крайне безрадостную картину событий в европейском дипломатическом мире. Эта перемена тона была просто удручающей. Мистер Бантинг всегда с нетерпением ждал субботнего подвала дипломатического обозревателя «Сирены»; обычно они были написаны в добрых тонах и привлекли весьма приятными для читателя памятками, суть коих сводилась к следующему: то, что расценивается как промахи англичан, на самом деле есть не что иное, как с большим искусством замаскированные образцы дипломатической дальновидности, а кажущаяся бездеятельность правительства, — всего лишь ширма, под прикрытием которой действуют хитрейшие закулисные ходы. Еженедельное чтение этих статей убеждало вас в том, что Гитлера водят за нос. Но страшные откровения сегодняшнего номера «Сирены» были равносильны признанию, что лягушка захлопнулась, но поцарапалась в нее по Гитлер, а лорд Галифакс. Дальновидный обозреватель, писания которого наводили вас на мысль, что он запросто входит в кабинеты военных министров всех стран Европы, с прискорбием признавался, что видел не дальше своего носа.

Мистер Бантинг понял, что дипломатический обозреватель такой же человек, как и он сам, и потому способен ошибаться.

«Осложнений не миновать», — думал он, решительными шагами подпрыгая в гору. Обычно всякого рода осложнения не приносили англичанам особого вреда. В глубине души мистер Бантинг был уверен, что Англия только выигрывает от них. Тем не менее он задохнулся.

Мистер Бантинг осторожно переложил чемоданчик из правой руки в левую. Кожаный ремешок, охранявший его драгоценное содержимое, был взят у старика Тернера. В ответ на просьбу мистера Бантина этот убежденный трезвеник широко открыл свои воинственные глаза и недобродушно посмотрел на бутылки «принца Чарли», стоявшие в закутке на столе. Тернер, видимо, принял к выводу, что мистер Бантиг со все возрастающей скоростью катится по наклонной плоскости, а сам он поощряет пороки и способствует гибели этого отчего человека. Мистер Бантиг даже боялся, не отберет ли у него Тернер свой ремешок, ведь он был из тех людей, которые, узнав, что чемодан раскрылся и бутылки разбились, увидали бы в этом перст божий.

За последнее время его отношения со стариком Тернером заметно испортились. Тернер клал товары не в те ящики, в которые следовало, путал адреса на заказах и вообще был чересчур суетлив и забывчив. Мало того, мистер Бантиг уже не раз видел, как Тернер выбегал тайком на улицу купить четырехчасовой выпуск «Стандарта» и возвращался с весьма пленскусно засыпанной под пиджак газетой. Такие поступки были нарушением дисциплины, а за дисциплиной мистер Бантиг следил теперь очень строго. Он даже частенько подумывал, не слишком ли дружеский и теплый прием оказали ему подчиненные, не было ли в этом намека на его благодушие и расхлябанность? Холробда нельзя было упрекнуть в благодушии, он отличался педантичностью и обычно хранил угрюмое молчание, лишь изредка нарушая его резким, парализующим слух, как терка, голосом. И теперь мистер Бантиг по несколько раз в день выдвигал нижний ящик стола у себя в закутке, осторожно становился на него и обозревал все помещение отдела из ковша в конец. Этот маневр, который призывали в былье дни называли: «решка выросла», выполнялся теперь с такой же бесшумностью и незамет-

юстью, с какой выдвигается перископ на поверхность моря. Едва войдя в закуточек, мистер Бантинг тотчас же вырастал над перегородкой, уловляя нарушителей служебного долга с помощью этого нового тактического приема.

«Какое счастье, что есть на свете уик-энды», — думал он, открывая зеленую с белым калитку «Золотого дождя». Субботнее возвращение домой было для него, как и встарь, лучшей минутой за всю неделю; он радовался, словно капитан океанского парохода, когда тот пришвартовывается к пристани после долгого плавания. Крис и Эрнест являлись домой с одинаково будничными физиономиями — что в субботу, что в понедельник, по мистер Бантинг входил в коттедж, мурлыкая что-то себе под нос и громко и весело здороваясь со всеми; глядя на него, никто бы не подумал, что он виделся с семьей но дальше как сегодня утром, за завтраком.

— Вот и мы, — возвестил он, забежав на кухню поздороваться с женой. — Все дома? Прекрасно. Сейчас, только воротничок сниму, — и привел свои слова в исполнение, не замечая негодующе поджатых губ Джули, которая теперь часто подумывала, как же это будет, если она когда-нибудь станет невестой и ей придется приучать жениха к простецким замашкам папаги.

— Пирог с кроликом! — воскликнул Бантинг, ловко подспевшая на вилку кусок мастерски испеченного пирога. Как только в тесте показались поддающиеся опознанию части кроличьего скелетика, Джули вся передернулась.

— Фу! Дохлый кролик. Какая гадость!

Мистер Бантинг повернулся к лей, словно громом пораженный.

— А что такое? Пирог как пирог...

— Она задевалась вегетарианкой, — пояснил Крис. — Собользиничала в конторе у своего начальника.

— Как это гнусно — убивать животных! — сказала Джули. — Мы лиаем жизни несчастных, ни в чем не повинных кроликов только ради еды. Кто нам дал такое право?

Мистер Бантинг замер с вилкой в руке, глядя во все глаза на дочь. Это что-то новое. А она, выразив протест,

сидела теперь вся розовая, в ореоле морального подвига. Повидимому, Джули не отстает от братьев. Вместо того чтобы умнеть с годами, дети так забивают себе голову всякой чепухой, что творят последнюю способность рассуждать здраво и логично.

— Разрежь пирог, Джордж, — сказала миссис Бантиг.

— Сейчас разрежу, можешь же сомневаться.

Его возмутило, что ему отказывают в гуманности только на том основании, что он ест пирог с начинкой из кролика. Мистер Бантиг был человек очень добродушный. Сколько пауков он спас из ванны и выпустил на волю за окончик. Но он считал, что между кроликом, скачающим по калвертскому лесу, и кроликом, запеченым в пирог, нет ничего общего. Пирог есть пирог, одна из самых вкусных вещей на свете.

— Не увлекайся пирогом, Джордж. Ты же плохо перевариваешь сдобное тесто.

— Ладно уж, ладно, — довольно резко ответил мистер Бантиг. Он сердился, если ему мешали наслаждаться любимыми блюдами, а миссис Бантиг только это и делала. Когда на обед была курица, никому и в голову не приходило, что слабый желудок отца дает ему право на большую часть грудки.

— Как дела, Крис? Получили белзин? — спросил он.

— Нет еще, но я заполнил бланк заявки.

— Заполнил бланк. Это уже достижение.

— Без этого все равно не обойдешься.

— Правительство ни о чем другом, кроме бланков, не думает, — сказал Эриест. — Бюрократизм, и больше ничего. Бланк-то заполнишь, а они его затеряют.

— В Германии, наверно, еще хуже, — сказал мистер Бантиг с обычным для него патриотизмом. — А что ест Джули?

— Орехи.

— Очень подходящее, — сказал Крис. — Орехи — дурочкины потехи.

Мистер Бантиг посмотрел на тарелку Джули. Действительно, орехи, причем рубленые и поджаренные, вроде тефтелей. Хотя это, конечно, дурацкие привычки, но на вид кушанье получилось довольно аппетитно. Он никогда не думал, что орехи можно есть жареными.

— Сюда бы еще подливки, недурно и сбитые сливки, и запить рюмочкой наливки, — задумчиво проговорил он.
Джули вздрог Фыркнула: — Ой, папа! Какие ты смешные вещи говоришь!

Мистер Бантинг уставился на Джгули, потом на всех остальных. Что тут смешного? Он часто говорил действительно смешные вещи, и намеренно, но они не произвели на них ни малейшего впечатления. А стоит только сказать самую простую фразу... И, не желая даже обращать внимания на этих психонавотов, он спросил:

— Мама, а какой сегодня пудинг?

— Рисовый. Джгули приготовила.

— Какой ужас! — воскликнул Крис, откинувшись на спинку стула, а Эрнест сказал: — Ну, теперь у нас у всех желудки расстроются.

— Довольно, довольно, — строго остановил их мистер Бантинг. — Просто удивляюсь, почему вы всегда скоритесь между собой? Надо же Джгули когда-нибудь научиться справлять. Знали бы вы, что мы ели в ту войну...

— В ту самую, которая должна была положить конец войнам, — насмешливо вставил Эрнест.

— Слушай, Эрнест...

— Я вас очень прошу: довольно говорить о войне, — вмешалась миссис Бантинг, к великому облегчению мистера Бантина, который хоть и собирался возразить Эрнесту, но не знал, как это у него получится. Он покосился на пудинг ложкой и выкроил себе порцию из самой середины.

— Очень жаль, что у нас нет мира в семье, особенно сейчас, в военное время. Никто не знает, что еще с нами со всеми будет.

— Правильно, Джордж, — искренно поддержала мужа миссис Бантинг, что доставило ему большое удовольствие. А если бы она оказывала ему такую поддержку почтнее, было бы еще приятнее.

За поэлобеденной чашкой чая мистер Бантинг вдруг вспомнил, что «Золотому дождю» пора взяться за лопату и тем самым приблизить день победы над врагом. Авторы статей по вопросам садоводства и огородничества утверждали, что почву надо подготовить именно сейчас, согласно всем законам агротехники. (Мистер Бантинг

долго разыскивал это слово в своем толковом словаре.) Его старые башмаки, стоявшие в кухонном шкафчике и обреченные мысленно на утиль, еще отлично послужат ему в саду. Это была утешительная мысль, и мистер Бантинг надевал их, словно воин, преисполненный чесла мечом, который вскорости раскроит череп Гитлеру. Но он же сразу принял за работу. Сначала надо было составить план действий; как только перед ним встала проблема непосредственной работы с лопатой, его мысли обратились к Эрнесту и Крису. А вот разбить грядки, это он может сделать сам.

Саду мистера Бантинга пришлось многое претерпеть на своем веку, но он так и не покорился. Мистер Бантинг считал, что садоводство это его прихоть, так сказать, его конек, и то увлекался садом, то совсем его забрасывал, в зависимости от расположения духа. Такой метод неплох, если вашим коньком является собирание марок или астрономия, но применять его к садоводству не рекомендуется. В противоположность мистеру Бантингу природа не собиралась забрасывать его сад. Сорняки произрастали там в огромном количестве, их семена относило ветром в сад Оски, и между соседями возникли недоразумения.

В данный момент Оски шествовал по своему саду с мотыгой в руках, держа ее, точно винтовку с примкнутым щитком. Стопроцентно как-нибудь непрошенной былихи выдать нечаянно свое присутствие, и мотыга Оски моментально вырывала ее с корнем. Его движения были стремительны, словно он метал копье вслед движущейся цели. Кроме сорняков, Оски столь же яростно воевал с различными вредителями, а они, как и следовало ожидать, невзбранико плодились в саду мистера Бантинга, являясь справедливой карой за его нерадивость. Предполагалось, что эти насекомые, коим не удавалось скрыться от глаз Оски, проникают в его сад через изгородь и сразу же набрасываются на овощи. Оски разделялся с ними так же стремительно, как и с сорняками, но проявляя при этом еще большую злобу, памятуя об их происхождении. Сад Оски был панораме возделанным участком на много миль в окружности, и его хозяин гордился этим. Цветущий, чисто выполненный,

служил блестящим доказательством той истины, что при надлежащем умении и приложении можно превратить в жизнь все послы, которые мы читаем на пакетах с семенами.

— Думаете рыть щель? — заинтересовался Оски, наблюдая некоторое время, как мистер Бантиг ходит по саду и производит какой-то обмер.

— Хочу посадить побольше овощей. Интенсивная культура. Надо помогать стране.

— А я бы на вашем месте вырыл щель, — сказал Оски, словно стараясь направить устремления мистера Бантига в более доступную тому область.

— Это зачем же? Неужели вы думаете, что немцы прилетят в Кильворт?

— С них станется. Щели роются глубиной в шесть футов, с перекрытием, сверху еще слой земли в восемнадцать дюймов. Сверху можно посадить тыкву.

— Да нет, не стоит, — сказал мистер Бантиг, считавший, что щель только испортит ему сад. Но говорить об этом Оски было нельзя, и он придумал другое объяснение.

— Я читал в газете, что одно городское управление ввело налог на щели. Наших кильвортских умников тоже на это хватит. Им только бы придраться к чему-нибудь.

— А все-таки щель вырыть нужно, — повторил Оски, верный своему обычному методу в споре, который заключался в неоднократном возвращении к первоначальному тезису. — Страшны не столько бомбы, Бантиг, сколько осколки снарядов эк-эк¹. Что взлетело кверху, то упадет вниз. Вы знаете, с какой скоростью осколок снаряда пролетает четыре мили?

— Нет. С какой? А что такое эк-эк?

— Вот видите. Вы ничего не знаете, а уж готовы спорить. Послушайте моего совета: ройте щель и обратите особое внимание на перекрытие.

Мистер Бантиг смотрел, как Оски вышел из сада и направился дежурить на пост противовоздушной обороны. «Вот бедняга, — подумал он, — забил себе голову всякой

¹ Эк-эк — эзенитные орудия.

техникой». Оски имел обыкновение посматривать через садовую изгородь, точно защик через пограничную линию, за которой начиналась не дававшая ему покоя беснечная и свободная жизнь соседней территории. Он постоянно прерывал мистера Бантинга, затевавшего какую-нибудь работу в саду, и говорил, что наука и время года требуют сейчас производства совсем других работ, — как правило, такого характера, о которых мистер Бантинг даже не помышлял. Оски старательно, по всем правилам научного садоводства, подстриг бы обе яблони, росшие в саду «Золотого дождя», не подозревая, что цветы, а не плоды самое главное для мистера Бантинга. Особая прелест сада мистера Бантинга, где иной раз сажали лук, а вырастал нарцисс, была совершенно недоступна Оски, все мысли которого вращались вокруг фосфатов. Этот человек был настолько лишен поэтической жизни, что называл краепный шалфей aquilegia.

И все-таки, если в соседнем саду не было видно сухопарого, вечно чем-то занятого Оски, там чего-то нехватало. Впервые за время войны мистер Бантинг понял, что начальнику местной противовоздушной обороны Оски, наверное, нелегко отрываться от своего сада в субботу и воскресенье. — «Правда, все мы должны идти за жертвы», — подумал мистер Бантинг. Ему не хотелось чувствовать себя обязанным Оски. Он не считал его таким уж ярым патриотом. Весьма возможно, что Оски пошел в противовоздушную оборону просто из личной неприязни к Гитлеру, основанной, как можно было понять из его слов, главным образом на том, что ему не нравилась физиономия Фюрера. Вероятно, было приятно приобретать новые технические сведения и затем уже в качестве лица официального силком навязывать их другим — вот как с этой щелью. Совсем еще зевавши, вспомнив свой прежний военный опыт, Оски утверждал, что сачок безопаснее места во время бомбежек — воронка от первой сброшенной бомбы. В одно и то же место два раза никогда не попадает, потому что аэроплан (потерялся разъяснить Оски) — предмет движущийся.

Сидя у камина вечером, мистер Бантинг снова вспомнил о щели. Рытье щели обойдется фунтов в двадцать,

не меньше. Стоит только сказать об этом домашним, и они немедленно потребуют, чтобы щель была вырыта. Эрнест будет расирострепляться о ее значении с психологической точки зрения. Можно привести много доводов в пользу щели (потому-то мистер Бантиг и не заводил об этом разговора), но самый веский аргумент против нее заключается в том, что она вряд ли понадобится. Может быть, на Кильворт не упадет ни одна бомбы, а если и упадет, то не в их районе, и даже если бомбы будут брошены на Кэмберленд-авеню, то разве исключена возможность, что дом останется цел, а пострадает именно щель? Все это было очень сложно и неопределенно, за исключением одного факта: двадцать фунтов оставались двадцатью фунтами, а при наличии таких строителей, как в Кильворте, эта сумма могла возрасти и до двадцати пяти.

Так размышлял мистер Бантиг, дожидаясь последних известий. В «Стайдарте» ничего нового по сравнению с утренней «Сироной» не было. Ни единой ссылки на разоблачения дипломатического обозревателя, которые так изволновали мистера Бантига, что в вечерней газете он прежде всего пробежал глазами заголовки, ожидая дальнейших сенсаций. Уверившись, что империя не грозит немедленная опасность, мистер Бантиг засурил трубку. Последнее время он производил в этой области кое-какие эксперименты. Долгие годы мистер Бантиг курил только «Райскую смесь». Он начал покупать этот сорт еще тогда, когда «Райская смесь» стоила восемнадцать пенсов, выдержал постепенное увеличение налога до миллинга с лишним и не отступил от нее, когда цена была повышена еще на несколько пенсов. Но платить за «Райскую смесь» миллинг десять пенсов он не собирался. Ни один министр финансов не заставит Джорджа Бантига платить за табак такую цену. И он начал пробовать другие, более дешевые, сорта, наполняя «Золотой дождь» клубами зловонного дыма, который, по словам его домашних, въедался в занавески и превращал дом в настоящий трактир. Некоторые из этих табаков были действительно невкусные, и мистер Бантиг дарил их... по только военным.

— Покупал бы ты свой прежний табак, Джордж,

сказала ему как-то жена. — Тот, что ты сейчас куришь, просто ужасен.

— Я не намерен платить за него шиллинг десять пенсов. А это во всяком случае лучше, чем лопух, который курят пемцы.

— А я думал, что это и есть лопух, — равнодушным голосом сказал Эрнест, не отрывая глаз от книги. По-видимому, это была шутка. Эрнест не улыбался, когда говорил что-нибудь смешное; и вообще улыбка у него была быстрая, мимолетная. Крис сидел с ногами на кушетке, почти спрятавшись за номером «Аэроплана», и все больше и больше хмурил брови, погружаясь в дебри технических статей, которые, видимо, были выше его понимания. Джули сидела па табуретке, устремляя свое внимание поочередно то на посок цвета хаки, то на руководство по вязанию подобных вещей, и то и дело расплывала слизанце, ворча на путающуюся нерсть. Все молчали, занятые каждый своим делом. Субботний вечер в дни войны! Раньше мистер Бантинг часто рисовал мысленно такие картины: вся семья в сборе, никто из детей не убежал в кино на какую-нибудь глупейшую картину. Когда ввёли затемнение, он вообразил, что вот теперь вечера у них будут веселые и счастливые, — все дома, все собрались у камина, как в добре старое время. А вместо этого они сидят каждый сам по себе, и всех одолевает скучка. Да просиди он тут хоть неделю подряд, никому даже в голову не придет заговорить с ним.

— Ну что ж! — вздохнул он и несколько оживился, решив затемнить окна в спальнях и произвести обследование противогазов.

Противогаз Криса был обнаружен под кухонным столом, вместе с его же башмаками, причем один башмак лежал на противогазе. Его макинтош висел на вешалке криво, шляпа торчала на ручке отцовского зонтика. Даже здесь вид у нее был лихой, подстать хозяину. Со вздохом мистер Бантинг привел все это в порядок. Так он убил еще несколько минут.

На пороге гостиной его проптествовала проверка времени по радио. Он остановился, с легким волнением ожидая голоса диктора.

«На западном фронте без перемен».

«А, черт! — выругался он мысленно. — Так мы ни когда не выиграем войну. Чего они ждут? Принимались бы за этих мерзавцев как следует».

— Ната, выключи. Опять то же самое.

Мистер Бантинг сел в кресло. Он любил слушать последние известия. Если самому не послушать, толку никогда не добьешься; миссис Бантинг так все перегибала, что оставалось только удивляться. По радио она все-таки выключила. Скука военного времени снова спустилась на коттедж «Золотой дождь».

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Воскресенье сулило Крису приятную встречу с Бертом Ролло, приехавшим первый раз в отпуск. Крис привел свой «коувей» из гаража еще до завтрака и с такой поспешностью ложинулся на сду, что мистер Бантинг прочел ему длинную отеческую нотацию на тему о необходимости тщательно пережевывать пищу. Мистер Бантинг не мог установить причины плохой работы своего желудка, что же касается желудков других людей, то тут все было для него ясно. Крис слушал отца добродушно, но пропускал все его слова мимо ушей, и когда остальные члены семьи только добрались до грееков с вареньем, он уже мчался в Линпорт, где находился гараж «Обслуживаем без задержки».

На это предприятие следовало смотреть глазами верующего, который способен увидеть будущий могучий дуб в крохотном жолуде. В нем была заключена бездна возможностей. Поселок Линпорт рос, и гараж должен был расти вместе с ним, извлекая пищу из этой плодородной почвы. В пастонцев время гараж «Обслуживаем без задержки» занимал три стареньких перестроенных коттеджа, полученных мистером Бантингом в наследство от сестры, и в архитектурном отношении выглядел довольно испретабельно. Но этот недостаток был замаскирован изобилием хлестких реклам в американском стиле. Берт, преклонявшийся перед всем американским, время от времени добавлял к ним новые; он старался всеми способами придать делу широкий размах.

Автомобилист, остановивший машину у этого гаража, неизбежно проникался уважением к его образцовой работе. В этом и заключалась основная задача гаража — производить впечатление на клиента. В придачу к бензину он получал листок с разъяснением целой, которые ставят себе гараж «Обслуживаем без задержки». Потом ему проверяли давление воздуха в шинах, уровень масла, уточняли манометр, по которому клиент следил, и под конец привлекали его внимание ко всем подозрительным звукам в моторе. Клиент уезжал с полной уверенностью, что он имел дело с первоклассными специалистами.

В последние дни перед войной Крис предпочитал общество Берта Ролло и гараж всем другим развлечениям в мире, если не считать свиданий с сестрой Ролло, Моникой, с которой он был в некотором роде обручен. И даже этим удовольствием он готов был пожертвовать, если бы ради него пришлось отказать в обслуживании клиенту, чья машина нуждалась в ремонте. В гараже всегда находилась работа, всегда было, о чем поговорить и подумать. Гараж принадлежал им двоим, это была их зата, средоточие их жизни. Но война все изменила, она лишила смысла все их старания.

В последнее время выдавались такие дни, когда Крису совсем нечего было делать, и он сидел сложа руки или читал, или проводил долгие часы в беспечальных размышлениях. С тех пор как Берт ушел в армию, в гараже стало как-то пусто. Он стоял на перекрестке дорог, за милю от Аэропорта, на самом выгодном месте в смысле автомобильного движения, если, конечно, таковое было; но, с тех пор как движение частных машин почти прекратилось, здесь стало пустынно и безлюдно. Клиентов приходилось дожидаться часами; тишина, ни единого звука, кроме грохота проносившихся мимо грузовиков или гула самолета, в таком же пустынном небе. Засыпав этот звук, Крис выходил на середину дороги, щурясь на солнце, стараясь узнать, какая это машина, и с волнением долго превождал ее глазами, пока она не превращалась в черную точку, сливающуюся с синевой горизонта.

Сентиментальная мысль устроить встречу в гараже «Обслуживаем без задержки» принадлежала Берту Ролло. Крис не имел привычки анализировать свои ощуще-

ния, но сегодня он чувствовал, что это путешествие в Линнпорт доставляет ему большее удовольствие, чем многие предыдущие. Настроение поднималось у него с каждой милей, и, когда впереди замаячили разноцветные рекламы, он нажал педаль акселератора и дал гудок, словно возвешая о том, что это скажет сам Джон Нил, король охоты. Он подкатил к гаражу, затормозив с низким наполнением ходу, и вылез из машины, солидно попыхивая своей коротенькой трубкой.

Вот он Берт — в хаки! Ему показалось, что Берт вырос, загорел и стал еще самоувереннее. Он приобрел военную выправку.

— Ах, ты! — крикнул Берт, с братской нежностью оглядывая Криса с ног до головы (включая и трубку). Наступила короткая половка пауза, оба боялись выдать свои чувства. Взрослые заподозрили бы ее рукопожатием, но Берт и Крис еще не прошли тот этап, когда при встречах угощают друг друга шутливыми шлепками по различным частям тела. Поэтому первые несколько секунд они стояли смущенные, и Крис воспользовался этим, чтобы разжечь трубку. Потом он отпер гараж, притянув Берта войти туда и вдохнуть всей грудью его знакомые запахи.

— А... а... — приговаривал явно взбелтеившийся воспоминаниями Берт, обходя мастерскую, склад, оглядывая и кол, и потолки, и каждый верстак. И вдруг, прервав поток своих вопросов и ответов Криса, он показал на пачивку у себя за рукаве.

— Видал? Еффретор Ролло. Со вчерашнего дня. Еще дв. таких, и я сержант. Я уже водитель танка.

Крис был удивлен и даже почувствовал зависть. Он сказал недоумевающим тоном: — А я думал, ты работашь по ремонту.

— Дудки-с. Я на комиссии сразу заявил: «Маршировать не желаю и в кавалерию тоже не пойду. Подавайте мне танк».

Зависть снова навевалась в душу Криса, но это чувство было так чуждо его натуре, что оно всыхнуло только за секунду и сейчас же угасло. Тем не менее мысль о том, что вот Берт разъезжает в танке, а он, Крис, накачивает бензин в грузовички каких-то булочни-

ков, была мучительна. Ореол, окружавший когда-то гараж, сице больше потускнел.

— Эх, — сказал Берт, — хотел бы я покатать тебя в своем «Парциссе»! После танка управлять легковой — это просто детские игрушки. На танке, — знаешь, как? Никаких тебе препятствий. И проезжал сквозь стены, — заметь: сквозь стены! — сквозь изгороди, через канавы, сквозь горящий дом. Фью! О многом пришлось забыть с тех пор, как я сел в танк. Тут надо закалиться. Да-а, тебе бы понравилось. К сожалению, взять тебя я не могу, ведь ты инвалид.

Крис чуть покраснел.

— Как вспомнишь, какой скандал поднимают подилемы из-за царапины на уличном фонаре, — задумчиво проговорил Берт, — так просто себе не веришь.

Они подошли к его прежнему рабочему месту, и Берт, посмотрел на свой верстак, словно это была школьная парты; сходство нарушалось только портретной галлереей, украшавшей выбеленную стену. Это были все приятельчики Берта Ролло, а размеры и нестрота коллекции свидетельствовали не только о его влюблённости, но и многообразии вкуса. Часто бывало так, что, сидя за работой у себя в уголке, он вдруг впервые замечал какую-нибудь черточку в лице той или другой прелестницы, какое-нибудь явное указание на дурной характер или заподлицо, от которых ему приходилось страдать и которые способствовали приближению разрыва. И он снимал фотографию со стены, пристально ее разглядывал, дивясь своей прежней слепоте, и бросал в печку. Но грустный взгляд Берта говорил сейчас, что среди всех этих почти забытых лиц одно-два оставили раны у него в сердце. В данный момент он больше всего жалел, что ни одна из этих девушки не видит его в пилотке и с ефрейторской нашивкой.

— А как у тебя дела с нашей девчонкой? Попражнему?

— Да.

— Чудесно, — сказал Берт, впрочем, не очень искренне. Разговаривая с Крисом, он все время прислушивался краем уха, не едет ли Мояика в их семейной машине. Этого бы еще недоставало! Довольно и того, что раньше

она вечно крутилась около него и Криса. Крис каким-то таинственным образом безошибочно отличал звук ее машины от всех других и, преспокойно отложив гаечный ключ, спешил ей навстречу. Берту приходилось смиреннее ждать Криса с незаконченной работой и видеть, как сестрица выходит из машины, поворачивает голову то направо, то налево (чтобы показать профиль) и улыбается точно на сцене, так что поневоле за нее краснеешь. Берта удивляло, что Крис, юглуный парень и лучший механик в здешних местах, не понимает, что все это сплошное кривляние, и не хочет ловить, даже когда ему подружески указывают на это. Но он первый оказывался слепым по отношению к сестре Берта, то никто не заходил так далеко, — ведь Крис купил ей кольцо, аметистовое кольцо, и она открыто носит его, будто бы потому, что аметист — ее камень, соответствующий месяцу ее рождения, а на самом деле это подарок жениха, ставший двенадцать шиллингов шесть пенсов. Берт Ролло никогда не стал бы ухлопывать такие деньги на пустяки. Он тогда сказал Крису, что в году есть еще одиннадцать месяцев и на каждый приходится рождение какой-нибудь красотки.

— Если бы ты не поскунился ее и пошел в территориальные войска, — сказал он скорее с сожалением, чем осудительно, — были бы мы с тобой талистриями.

— Откуда я знал, что будет война? Почему твой отец не хочет перевести сюда Резерфорда? Мой год скоро призовут. Я вовсе не желаю, чтобы меня сунули куда-нибудь в первую попавшуюся часть.

— От моего папаши толку сейчас не добьешься, — сказал Берт. — Он и дела-то совсем забросил, а в голове только одно — гражданская оборона. Их там целая компания собралась — все его приятели по клубу, — а что они делают? Торчат целый день в полицейском отделении и учатся метать дротики. Он и старика Резерфорда заставил санитаром. Всех вербует патово-патово, даже мать в покое не оставил. Я рад радешенек, что не тут, а в армии.

Крис цахнулся, обдумывая это новое испытание. Он восхищался мистером Ролло; гараж «Обслуживаем без задержки» был обязан ему своим зарождением же мельте-

чем мистеру Бантингу. Даже сейчас он существовал как филиал большого гаража Ролло в Кильворте. Попыхивая черной сигарой, мистер Ролло постоянно повторял Крису, что липшортский гараж должен продолжать работу и при одном компаньоне, если другой ушел в армию. О соответствующих изменениях будем думать потом. Когда же к нему обращались с расспросами об этих соответствующих изменениях, он отрывался от воображаемого и весьма успешного метания дротика в различные предметы, имеющиеся в кабинете, и рассеянно, но терпеливо смотрел вопросившему прямо в лицо. Мистер Ролло был ярым спортсменом и часто производил манипуляции спортивного характера тростью, линейкой или тем, что в данный момент находилось под рукой, с поразительной четкостью ударяя по воображаемым мячам и загоняя их в воображаемые лунки. Он так увлекался этим, что иногда его приходилось окликать дважды, чтобы вернуть к действительности. Зато он никогда не сердился.

Крис, восхищавшийся прежде невозмутимостью мистера Ролло, теперь попял, что с ним труднее иметь дело, чем даже с отцом. А все-таки твердая воля есть не у одного только Монтегю Ролло, в Кильворте найдутся люди, которых ему не переуправить.

— Ты ему вот что скажи, — начал Крис и сразу стал похож на мистера Бантинга в самом его неподатливом настроении, — если он не займется гаражом в самом ближайшем времени, я этот гараж закрою и только меня и видели. После войны опять начнем. Но тогда, думаю, все будет по-другому.

— Конечно, по-другому, — охотно согласился Борт. — Слушай, а что если я к вам заеду сегодня? Твои еще не видели меня в форме. Ну, скажем, к чаю? — Борт явно считал, что достанет этим огромное удовольствие семейству Бантингов, и отказываться от такого великодушного предложения было невозможно.

В назначное время он появился на Кэмберленд-авеню в огромной машине мистера Ролло, щеголеватый, подтянутый, и подъехал к «Золотому дождю» как раз в ту минуту, когда Джуди возвращалась домой с воскресной

прогулки в обществе Мэвис. Увидев у зеленой с белым калитки великолепную машину, за рулем которой сидел веселый, Джули почувствовала сердцебиение и прибавила шагу, ибо «кортон-дэвид-24» — одно из самых внушительных созданий человеческого гения, особенно па взгляд обладателей дешевенького «конвэя». Джули приближалась к нему с душевным трепетом.

До того как Бантинг купили «конвэй», все марки автомобилей казались им более или менее одинаковыми; важно иметь хоть какую-нибудь машину. Вначале «конвэй» был полон очарования для его владельцев. По вскоре они научились делать сравнения, и «конвэй» стал казаться им устаревшим. Достаточно было одного взгляда на его капот, чтобы убедиться, что ему нет семь по крайней мере; крылья у него тоже были потнуты, так как мистер Бантинг не всегда удачно делал развороты. Джули, переживавшая это острее всех, стыдилась, если ее видели в машине вблизи дома. По тақая, как у мистера Ролло! Она остановилась, глядя на «кортон-дэвид» с завистью и восхищением.

— Ой! — Джули подошла поближе и заглянула внутрь. Она немного наклонилась вперед, распространяя вокруг себя аромат духов.

— Сколько она делает мыль, Берт?

Польщенный Берт признался, что при умелом обращении «кортон-дэвид» может показать довольно приличную скорость.

В голосе Джули зазвучали замыкающие нотки: — Слушай, Берт, поучи меня править.

— Да как же это можно, детка? До семнадцати лет разрешения не дают.

И вдруг от нее повеяло холодом, наступила напряженная пауза. Берт понял, что сказал что-то не то. На щеках Джули вспыхнули два ярких пятна, она смерила его уничтожающим взглядом. Этот взгляд должен был винить Берту, что за перо смотрят презрительно и с недосягаемой высоты.

— То есть как так до семнадцати лет? Мне уже восемнадцать. Исполнится в январе. Будьте любезны это запомнить, Герберт!

Посмотря на свой богатый опыт с женщинами, Берт

немедленно скис; он даже слегка покраснел. Ему никогда еще не приходилось наблюдать такой молниеносный переход от заискивания к враждебности. И Гербертом его никто не называл с тех пор, как он ~~кончил~~ школу.

— Ну, ладно, ладно, — миролюбиво сказал он и посмотрел на нее внимательнее. Шелковые чулки, туфли из высоких каблуков, чудом держащаяся на голове шляпа с перышком. И это Джули Бантинг! Только теперь он ее как следует разглядел. Берт вспомнил, что в последний раз, когда он ее видел, она была в форме, которую носили школьницы мисс Морган-Делл, — длиннолицая девочка в черных чулках, полосатой спортивной курточке и соломенной шляпке, и больше ничего. На какие превращения способны женщины, это просто уму непостижимо!

— Да я бы с удовольствием, — сказал он, идя следом за ней к дому и громко топая башмаками по асфальтовой дорожке. — Только когда? У меня всего два дня отпуска.

Никакого ответа. Они подошли к двери, Джули не постучала, не взялась за ручку, — она стояла поодаль и ждала, постукивая каблуком.

— Может быть, вы будете так добры?.. — насыпливо сказала Джули, давая этим понять, что перед дамой следует открывать дверь даже ее собственного дома. Красивый, как рак, Берт исполнил этот обряд, спрашивая мысленно, откуда она набралась таких великосветских замашек. «Наверное, романов начиталась», — решил он.

С чувством облегчения пропустив ее вперед и шагая сзади, Берт напомнил себе, что он как-никак солдат, а солдаты — народ храбрый.

Войдя в дом, он снова обрел самоуверенность, которой природа столь щедро его наделила. Он вспомнил о своем мундире и пашивке. Мистер Бантинг вышел ему навстречу с протянутой рукой — а это было большой честью — и, повидимому, собирался принять его, как равного.

— Я слышал, тебя повысили в чин, — сказал мистер Бантинг; он одобрял преуспевающих молодых людей. — За ступенькой ступенька, как сказал поэт.

— Берт, наверное, хочет чаю, — перебила его миссис Бантинг, которая не могла видеть равнодушно юношей в хаки и обязательно должна была приголубить их

Она накормила не одного солдата в прошлую войну и считала, что долг каждой женщины пичкать их доотвала, когда они приезжают в отпуск. Еда у нее была уже приготовлена, а при первых звуках голоса Берта она заварила чай. Можно было подумать, что Берт прибыл сюда из осажденной крепости.

— Я уверена, что в армии вас кормят плохо, — сказала миссис Бантигт, притягивая его к столу.

— Суровый образ жизни весьма полезен, — заявил мистер Бантигт и добавил: — Если желудок в порядке.

Мистер Бантигт смотрел на Берта, сидевшего напротив, и перед ним вставали быльные годы. В ту войну он жил в Кэмдентауне, и вокруг этого самого стола, который тогда стоял в таможней их квартире и, кстати сего раз-двигали, загораживал всю столовую, мистеру Бантигту часто случалось видеть юношей в хаки, славных ребят со свежим загаром, приобретенным в лагере, рассказывающими всякие интересные истории с испытытым уху провинциальным выговором. Он приводил домой солдат и моряков, встречавших на улице или на вокзале в компании для ожидающих, которым в чужом городе некуда было деваться. Все садились ужинать, разговаривали, пели. Какие это были прекрасные дружеские вечера! Он помнил лица и помнил имена, но часто одно не связывалось с другим. Фронтовая молодежь той войны! Многих вот уже двадцать лет как нет в живых. Их фотографии находишь между листами старых книг и в других самых неожиданных местах, и с карточками на тебя вдруг глянет улыбающееся, знакомое когда-то лицо, и ты стараешься вспомнить, кто это и что с ним случилось потом, и некоторым отвечашь улыбкой и взглядом, который говорит: «Тебя не забыли».

Когда мистер Бантигт смотрел на Берта, у него было такое чувство, словно это вернулся один из тех, юных и улыбающихся, как встарь.

— Рад тебя видеть, Берт. Очень рад. Ешь побольше, не стесняйся. Джулли, положи ему ложечку. Обрати внимание, — не на маргарине.

— Да... танки, — начал он. — Теперь, пожарное, да усовершенствовали.

— Ну, еще бы, — сказал Берт и пустился объяснять,

что может сделать танк, в частности, что может сделать «Нарцисс» при умелом обращении с ним. Не все можно рассказывать про танки, это военная тайна, и ее нельзя разглашать даже в «Золотом дожде». Однако после всех его рассказов оставалось только предположить, что неизвестное стоит на грани чуда.

— Ты и в отпуск на нем приехал? — кротко спросила Джули.

— Джули, Джули, — остановила ее миссис Бантинг, а Крис посоветовал приятелю не обращать внимания на сестру. Мистер Бантинг заметил, что вышла какая-то человеческая, но смысл быстрых и невнятных реплик, которыми обменивались присутствующие, ускользнул от него, и он вопросительно посмотрел на жену, но не получил от нее никаких разъяснений.

— А почему все-таки «Нарцисс»? Этого я не могу понять, — спросил Эрнест, которому претила кровожадность Берта.

— Лучше бы назвать его «Мститель» или «Страшилище», — сказала Джули. — Или «Скорпион». Одним словом, какое-нибудь имя со значением.

— «Страшилище» — самое подходящее для танка, — сказал Эрнест.

— Только не «Скорпион», — возразил мистер Бантинг. — Это название паяльной лампы. Но «Нарцисс» слишком поэтично.

Началось импровизированное состязание на лучшее имя для танка. Результаты были не блестящи, но все согласились на том, что любое из предложенных имен звучит «Нарцисса».

Берт прятнулся. — Да мне просто ничего другого в голову не пришло. Вспомнил одну старую отцовскую машину, вот и назвал.

— Какое это имеет значение? Важно, что Берт вернулся в своем танке домой жив и здоров, — сказала миссис Бантинг. — А все остальное — пустяки.

— Правильно! — поддержал ее мистер Бантинг. — И раз уж Берт приехал в отпуск, давайте проведем вечер вместе и веселиться. Эрнест поиграет нам, а мы споем. Ну как, Эрнест? Только не этюды и не сопрано. Чего-нибудь веселенькое.

Мистер Бантинг встал и направился в гостиную; ему хотелось, чтобы они смеялись, веселились, а не спорили о всяких пустяках. Странное дело, думал он, о чем бы ни заговорили в «Золотом дожде», непременно кончается спором.

— Ну-с, — сказал он, поднимая крышку рояля, — сейчас Джули пам споет. Спой ту песенку, что вас учили в школе. «У девушки косы...» — помнишь? Там есть недурные местечки.

— Напочка, у нас нет этих пот.

— Э-э! — разочарованно протянул он. — Чего нам нехватает, так это альбома со старинными песенками. Почему ты не купишь, Эриест?

— Я сыграю все, что тебе угодно, — предложил Эриест, не проявляя, впрочем, особого желания воскрешать веселье старомодных гостиных, любезное сердцу мистера Бантинга по воспоминаниям юности. Эриест скептически относился к такого рода развлечениям, но не хотел отставать от других. Жаль только, что отец не замечает общего чувства исковеркости.

— Очень мило с твоей стороны, — сказал мистер Бантинг. Он разохотился спеть что-нибудь и уже пробовал голос в самом низком регистре. Разве теперь услышишь «Сельского кузнеца»? Даже по радио никогда не передают, а этим юнцам «Сельский кузнец», наверное, покажется старомодным. А песенка прекрасная, и в свои юлостые годы он с успехом исполнял ее на любительских концертах.

— Что такое? — спросил вдруг мистер Бантинг, паклоняясь в сторону Криса. — Должен встретиться с кем-то? Какие у Берта могут быть встречи в воскресенье? Ему надо веселиться.

— Да нет, пана, это не деловая встреча. Он уговорился с одной девушкой.

— А-а, — сказал мистер Бантинг, вытаращив глаза. По Крис сидел как ни в чем не бывало, то же самое и Берт; смущался один мистер Бантинг. Хуже того, он очутился в глупом положении — ему как-то не пришло в голову, что этот веселый вечер никому не нужен.

— Берт мог бы привести свою барышню сюда. Мы были бы очень рады ей.

— Да это не его барышня. Просто мы решили провести вечер вместе. Ты, папа, не будешь в обиде?

— Конечно, нет. Я только хотел... так это... — Он запнулся. Он чувствовал себя обиженным.

— Вот и хорошо. А то мы уже уговорились.

— Пичего, Крис, пожалуйста. Идите, и желаю веселиться.

— До свидания, Берт! — крикнула Джули. — Всего хорошего, если не увидимся до отъезда.

Она проводила их до дверей и помахала Берту на прощанье. Хоть Джули и старалась держаться высокомерно, но, судя по всему, она не была нечувствительна к очарованию военной формы. Эта Джули, конечно, совсем еще девчонка, но тем не менее Берт козырил ей, чтобы ее потешить, — пу точь-в-точь так же, как мог бы позарить ей мешочек леденцов, будь она на годок-другой моложе... А мордочка у нее, надо сказать, преворотенькая.

— Слушай, что я тебе скажу, только помалкивай, — сказал ов Крису, когда они мчались по шоссе в огромном лимузине, — мою часть отправляют в Норвегию. Половину уже отправили. Всыпем башам по первое число.

— В Норвегию! — восхликал Крис. Сердце ему подпрыгнула зависть. Он покосился на Берта, которому предстояло столько увлекательного, и вздохнул тяжело, как вздыхает юность, закованная в цепи.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Эрнест сидел в полутемной гостионе и играл на рояле. Он вернулся домой утомленный и расстроенный неприятностями, крупными и мелкими: хмуростью хмурого инженера, застоем в делах, вздорожанием мыла, войной и лудностью жизни вообще. Он подошел к роялю, словно к алтарю, лица у него утешения. Его пальцы бегали во изящиях, а мысли вертелись все вокруг одного и того же.

При всей душевной мягкости Эрнеста в нем была какая-то стальная пружинка, которую сам он называл «алой воли», а отец — попросту упрямством. Пресса, пра-

вагельство, близкие и друзья могли придерживаться единого мнения по какому-нибудь вопросу, но если Эрнест думал иначе, он упорно отстаивал свои принципы и не считал нужным молчать об этом. Его совесть подавала голос кстати и пекстали, и Эрнест был уверен, что это голос не только совести, но и рассудка. Вот почему он чувствовал себя таким одиноким в этом охваченном войной мире, с которым ему никак не удавалось спеться. Эрнест был против этой войны, против всех войн, он считал войну безумием, которому следовало бы исчезнуть с лица земли тысячу лет назад.

Слишком свободное высказывание своих взглядов привело его сегодня в прачечной к словесной дуэли с мистером Иглом. Мистер Игл пережил на своем веку много войн; в бурской он участвовал сам, и она была еще свежа в его памяти. Он помнил даже более ранние кампании — против зулусов, дервишей и разных других врагов Британской империи. Война не представляла для него ничего нового, и поднимать из-за нее шум не стоило, ибо она неизбежна и будет врываться в человеческую судьбу вплоть до пришествия тысячелетнего царства. Новой была для мистера Игла только точка зрения Эрнеста — эта готовность воздействовать на врага методами убеждения, вместо того чтобы поддевать его изнутри. Мистер Игл считал пацифистов людьми, лишенными мужества и потому заслуживающими презрения.

— Вы, дружок, можете не беспокоиться. Вам не придется идти на войну, — сказал он не без яда. — Вы защищированы.

Вспомнив этот намек, Эрнест всхихнул. Он был освобожден от военной службы не из-за своих убеждений, а потому, что мистер Игл выхлопотал на него броню как на руководящего работника прачечной. Но мечтаниям всегда приходится терпеть несправедливые пинакли. На самом деле Игл боится, что, если взгляды Эрнеста станут широко известны в Кильверте, то прачечная потерпит убытки. Все другие убытки, вызванные войной, мистер Игл был готов принять stoически. «Этого требует родина».

Ничто не вызывало у Эрнеста такого раздражения, как подобные взгляды. В этом мире, который становился все

более тесным, пора уже было отрешиться от узких границ своей родины и начать думать о федерации стран.

Эрнест говорил со знанием дела. Он посещал лекции, подобрал целую библиотечку политической литературы. У него имелась даже «Майн кампф», и он осиял в ней столько же, сколько и большинство других читателей, — немногим больше половины; впрочем, он намеревался дочитать ее до конца — когда-нибудь. Дайте ему возможность свободно высказаться, и его логика убедит всех.

Эрнест знал о несправедливости Версаля, знал, что приход нацистов к власти в Германии вполне объясним. Он знал также, какую долю ответственности несет Англия за крах Лиги наций. Но, защищая иногда немцев, он не чувствовал при этом, что изменяет Англии. Эрнест считал, что обвинения в нелояльности ему могут предъявлять только самые косные реакционеры; надо смотреть право в глаза. Причины войны корениются в отживший свой век национальной верности, — так же как и родовая месть корениется в верности семейной. Теперь нужна верность всеобъемлющая, не считающая с границами государств и объединяющая все человечество в единое братство.

За эту идею, за мир без рубежей, управляемый одной огромной человеческой семьей, Эрнест цеплялся с таким упорством, которое ячко не могло поколебать, но он знал, что осуществит эту идею не сила оружия. Новый мировой порядок рождается только в том случае, если будешь сохранять веру в него, и пробуждать эту веру и в других людях, и рождаются он, быть может, через много-много лет, через много поколений в медленном ходе человеческого прогресса. В осуществлении своей мечты Эрнест никогда не сомневался и завидовал тем людям, которых увидят претворение ее в жизнь.

А теперь эта мечта была словно пламя свечи на бурном ветру.

Людей губят то, что они не умеют думать. Они принимают войну как стихийное бедствие, наподобие землетрясения, и не понимают, что это такой же результат человеческой оплошности, как и железнодорожная катастрофа. Такую отвагу и преданность своей стране, как в дни войны, не часто встречаешь в мирное время.

Готовность к жертвам, которая сейчас охватила людей, могла бы ввести человечество сразу в золотой век, если бы правильно использовать. А какими легковерными все стали — рады повторять любой слух.

Довольно прочитать передовые в таких газетах, как «Сирена», чтобы понять всю меру людского легковерия. Всех немцев «Сирена» изображала кровожадными варварами, за исключением тех случаев, когда нужно было представить их одураченными овцами. Гитлер хитер, как барышник, бесчестен; основа его политики — ложь и надувателство. Такие утверждения заставляли Эрнеста широко раскрывать глаза, он терял последнюю веру в способность людей рассуждать здраво. Правда, эти утверждения подкреплялись фактами, но Эрнест не был склонен безоговорочно верить всем газетным сообщениям. Гитлер — глава одной из самых великих наций, ее избранный и одобренный; он несет ответственность за миллионы человеческих жизней, за счастье своих соотечественников. Эрнест не допускал даже мысли, что человек, стоящий так высоко, может оказаться лжецом и прохвостом.

Однажды за роялем в темной гостииной и машинально пробегая пальцами по клавишам, Эрнест раздумывал о путаных судьбах этого мира, своихпувишегося мира, давно знакомого с горем, раскроенного на куски, из-за которых дерутся между собой ограниченные, несговорчивые люди. Они важно сидят за круглым столом, эти люди, и нет у них более веского довода в спорах, чем готовые к взлету бомбардировщики. Таковы лидеры Европы двадцатого века, а пройдет тысяча лет, и их действия, их политические взгляды будут казаться попустительством. Да, мир надо переустроить, и размышление о том, как это сделать, было любимым занятием Эрнеста, но он, по крайней мере, понимал, что такая задача потребует от человека максимума бескорыстия и душевной чистоты. В худшем случае можно положиться на человеческий инстинкт, который хоть и медленно, но приведет к цели, если ему не создавать помех. Но сейчас намятые злодейги пропагандисты опровергают весь мир ложью, и отзвуки их голосов слышатся повсюду.

На этом бурлящем фоне Эрнест видел свою жизнь —

еле заметную точку на огромном полотне. И все же — это человеческая жизнь! Разве тот, кто преобрегает своими правами, может уважать права других людей? Но точка остается точкой, он — всего-навсего пылинка в солнечном луче, и поддержки себе надо искать только в тайниках ума и сердца, — искать и не находить.

Минуту Эрнест сидел, прислушиваясь к своим путанным грустным мыслям, тонущим в звуках, которые его пальцы извлекали из рояля, скользя по клавишам, словно по воде. Рояль старенький, разбитый; когда они с Эви поженятся, — у них будет «Миссец». Эта статья расхода была уже внесена в бюджет идеального дома, который существовал пока только в записной книжке Эрнеста. «Миссец» стоял там рядом с кафельным камином, гравюрами, американскими шкафами для книг и многими другими вещами, свидетельствующими о хорошем вкусе хозяев. Время от времени Эриссту приходили в голову новые мысли относительно устройства идеального жилища, он тут же закреплял их в записной книжке, в которой подконец вырос солидный список домашнего клипсентаря самого высшего качества. Раньше, в свободные минуты, он постоянно брался за свою записную книжку и делал там пометки остро отточенным карандашом. Но теперь ему не хотелось заглядывать в нее. С тех пор как началась война, заветная книжка, как и многое другое, потеряла для него непосредственный интерес.

Тем не менее идеальный дом так ясно стоял перед мысленным взором Эрнеста, что в мечтах он часто приходил туда, бродил из комнаты в комнату, пил чай с Эви за столиком с выгнутыми ножками при свете свечей, отдыхая там от несовершенств «Золотого дождя». Несколько месяцев тому назад Эрисст был так полон этим, что мог бы составить пособие для молодоженов по устройству и меблировке дома и прочим хозяйственным вопросам, встающим перед каждой молодой четой. Но теперь он больше думал о самой Эви, к которой так рвалось его сердце, о смуглой, ласковой Эви, знавшей каждую его мысль, каждый порыв души.

Ведь, может быть, ему не дождаться конца войны, не дождаться свадьбы; может быть, впереди ничего не будет. Люди его возраста ближе к могиле, чем старики.

А по ту сторону их ждет забвение, в черной пасты которого уже исчезли в прошлую войну миллионы жизней. Таких, как он, тысячи, и война вычеркнет эти тысячи из списка живых, словно они никогда и не рождались на свет, никогда не тешили себя мечтами, желаниями и надеждами, так похожими на его собственные.

С тяжелым вздохом Эрнест прогнал от себя эти мысли. Он почувствовал, как в нем загорается холодный гнев, на который способны люди хоть и эгоцентричные, но мыслящие, те, кто считают себя скорее зрителями, чем участниками затеянной в мире сумасшедшей игры. Погружающийся в эти размышления, точно в бездну, а когда достигшись самого дна, тебя вдруг выносит на поверхность. Тут, видно, действует какой-то закон компенсации, думал он, нечто вроде эмоционального очищения. Блэйк говорит об этом в своих «Психологических этюдах». Во всяком случае он чувствует себя гораздо свежее после таких раздумий, — с обновленным духовным запасом. Вот теперь надо поиграть!

Он смело зажег свет в полной уверенности, что в затемнении позабочится кто-то другой.

Эрнест снова сел за рояль и в этой привычной для него позе стал, сам того не подозревая, самым обычным молодым человеком. Отважившись на приступ 48-й фуги Баха, он с одинаковой легкостью отбросил от себя и деловые заботы и тревоги о судьбах мира. Он с подъемом одолевал самые трудные пассажи и чувствовал, что играет хорошо. Ему было приятно сидеть в гостицей одному, но если бы его игру могла слушать публика, он, не отказался бы от этого. Иногда он воображал, что его слушают, чувствовал напряженную тишину за спиной, потом короткую паузу и за ней бурю аплодисментов. Часто эти мечты казались ему пустым тщеславием, но, с другой стороны, они вдохновляли его, и в такие минуты он играл особенно хорошо.

Эрнесту не приходило в голову, что у него есть аудитория — в столовой, в кресле у камина, аудитория, состоящая из одного человека, того самого, который купил ему рояль и частенько сожалел об этом, не обладая тем утонченным вкусом, каким Эрнест паделял свою воображаемую аудиторию.

Мистер Бантинг слушал Эрнеста уже добрых полчаса с тем вынужденным вниманием, которое человек попеволь уделает неприятным, раздражающим слух звукам. Потеряв надежду сосредоточиться на чтении газеты, он стал гадать, какое классическое произведение играет Эрнест, — точь-в-точь как Оски старался вспомнить садового вредителя, чтобы с тем большим основанием обрушить на него свою ненависть. Для сонаты это недостаточно торжественно, в этюдах большие фильтфлюзек. Прислушиваясь к тому, как пальцы Эрнеста петляют по клавишам, точно догоняя один другой, мистер Бантинг склонялся к мысли, что это фуга. никакой другой образец серьезной музыки не вызывал у него такого отвращения, и он применял это плавание ко всем без разбора классическим произведениям, с особым же удовольствием к тем, которые казались ему самыми мерзкими.

Мистер Бантинг опустил газету, уставился на стелу гостиной, откуда исцелись эти проклятые звуки, и скрчил гримасу. «Почему Эрнест никогда не вспоминает те венецианцы, которые играла «Гармоническая пятерка»? — удивлялся он. — Правда, джаз не сравнишь с хороплей старинной музыкой, но все же это куда лучше фуг».

— Фуги! — сердито сказал он вслух. — Мало нам приходится терпеть во время войны, а тут еще фуги слушай.

Ни жена, ни дочь не отвестили ему. Джули сидела за столом в круге света, падавшего из-под плотного абажура, и писала письмо. Губы у нее были сжаты, голова склонена набок, и глядя на то, с каким старанием она выводила заглавные буквы, трудно было поверить, что за ее обучение заплачены большие деньги.

Миссис Бантинг делала что-то с обрывками цветной шерсти, лежавшими в ее рабочей корзинке, — что именно, он не мог понять. Она рассматривала каждый узелок со свойственной ей хозяйственностью и уделяла мужу не большее внимание, чем Джули.

Что касается Криса, то его еще не было дома: тщательность, с которой он занялся заботой уходом своими зубами, прической, башмаками и галстуком, свидетельствовала о том, что ему предстоит свидание с Моникой Ролло. О развитии этого романа мистер Бантинг проводил

каким-то шюхом; тот же плюх говорил ему, что он должен притворяться, будто ничего не знает об этих делах и думает, что Моника приходит в «Золотой дождь» просто как сестра Берта Ролло и знакомая всей семьи. Что ж, прекрасно! Улыбки по поводу отцовской слепоты (их он тоже замечал) были ничто по сравнению с теми, которые появлялись на его устах, когда домашние из него не глядели.

Покуда мистер Бантинг предавался подобным размышлениям, фуга кончилась. Наступила короткая тишина, и он снова занялся газетой. Но не надолго. Несколько аккордов, таких мрачных, что они были способны заморозить улыбки на устах всех герлс Конкрайна, и Эрнест принялся за Бетховена. Этот композитор пользовался особой антипатией мистера Бантинга. Он считал его самой мрачной личностью из всех, кто когда-либо сиделся за рояль. Играя Бетховена, Эрнест словно истергал душу у инструмента. Он гремел, нагромождая аккорды, словно выискивая среди тех, которые еще пребывали в блаженном побытии, самые мучительные, и потом переходил на тягучес адажио, давая запыхавшемуся Бетховену несколько минут передышки, прежде чём грянуть новую серию режущих ухо звуков.

— Прелесть, что за музыка! — сказал мистер Бантинг, выведенный, наконец, из терпения. Но его никто не слышал.

Весь трудный день он ждал этих вечерних часов у камина, и вот они пришли, а он сидит одинокий. Пикто с ним не разговаривает: он точно какой-то автомат, который загребает деньги и приходит домой только перезарядиться. Читать ему не дают, его попытки затеять разговор не поддерживают. И мистер Бантинг вынул из кармана пухлую записную книжку с пометками по отдельу, которая служила ему последним прибежищем в борьбе со скучкой. Он раскрыл ее, и тотчас на пол полетели бумаги. Он читал их с большим вниманием и одну за другой бросал в камин. Это были записи расценок по системе Холройда, в которой мистер Бантинг так до сих пор и не разобрался. Считая, поглумившому, торговлю железо-скобяными товарами делом не достаточно сложным, Холройд содействовал ее усложнению путем введения

каких-то каббалистических знаков, вроде арифметической стенографии. Мистер Бантинг уже не первый раз принимался разбирать эти знаки, подходя, впрочем, к делу не как добросовестный исследователь, а скорее как предубежденный критик, сразу же задающий вопрос, на который никто не может ему ответить, а именно: на кой чорт все это нужно?

Быстро воспользовавшись одной из пауз Эрнеста, мистер Бантинг включил радио. Это был стратегический ход — стремительный захват блокированной территории тишины. Из радиоприемника вышли три молодых женских голоса, живописно именовавшие себя «вокальным джазом», должно быть, для того, чтобы легче вспомнить этот номер Британской радиовещательной корпорации. Голоса были резкие, слишком резкие и молодые для таких нескромных любовных песен, которые не могли претендовать в какое сравнение со старинной «Жимолостью». Но мистер Бантинг не выключал радио, пользуясь им как заградительным огнем против Фуг и показывая этим свое право развлекаться в своем доме по собственному усмотрению.

Пока Эрнест играл, Джули, глухая ко всем посторонним звукам, была занята своим письмом, но теперь она подняла голову и протестующе посмотрела на отца.

— Ой, папа, выключи. Я же лицу.

— Ну и лади.

Джули положила перо, тряхнула волосами, испустила глубокий вздох, окунула перо в чернильницу и снова принялась за письмо, всем видом показывая, что ее литературным наклонностям на каждом шагу чинят препятствия.

— Мама, скажи, чтобы он выключил.

Миссис Бантинг прислушивалась к «Трио сестер» и удивлялась, «почему таким особам разрешают выступать по радио».

— Погоди, Джордж, скоро будут последние известия, — сказал она.

Мистер Бантинг с явной досадой повернул розетку. Он знал, что если он попробует переключиться на другую станцию, его немедленно обвинят в том, что он опять мудрит с приемником.

Что за уныние и скука царят в этом безрадостном мире, как сказал поэт! Скука одолевает и дома и на людях, в газетах ничего нового. А выглянешь за дверь — и мороз подирает по коже: ни огонька, города будто и нет, кругом темно и пустынио, как на болоте. Странное ощущение — знаешь, что тысячи и тысячи жилищ, ярко освещенных изнутри, притянувшись в этой первобытной тьме и ждут чего-то, словно целый мир зарылся в землю. Входишь к себе в дом, в душную наглухо закрытую комнату, а газеты и радио до одури надоедают тебе бесконечным повторением имени «Гитлер». Сидишь всеми забытый, а покоя нет как нет. Тишину и покой разбивают фугами и сонатами.

А еще говорят, что война протянется три года.

«Что ж как-нибудь выдержим, — подумал мистер Бантинг. — Надо выдержать. Нас хватит на дольше, чем цх». Он удивлялся, почему немцы не восстали против Гитлера и не покопчат с этой войной. Уже сколько лет все пишут, что в Германии вот-вот вспыхнет революция. Видно, у немцев кишит тоски.

На асфальтовой дорожке послышались шаги и известывание Криса, а через секунду в дверях появился он сам, веселый, румяный, всегда милый отцовскому сердцу. У Криса даже волосы были веселые, они вставали густой светлой копной, когда он спускал шляпу, облицевая собой живучесть его латуры. Вот уж кого не назовешь «высоколобым». Ни зазнайства, ни притул. Забота ложилась на его плечи легко, как тень.

— Ну как, Крис, немцы не летают?

— Немцы? Да что ты, мама, конечно, нет.

Можно было с уверенностью сказать, что, расставшись с Моникой, Крис думал о чем угодно, только не о немецких бомбардировщиках. Он вошел, как всегда, чистенький, прифранченный, и оглядел всех с обманчиво певческой улыбкой. Проходя мимо стола, он вдруг продекламировал:

— Дорогой Билл!

— Свинья! — вскрикнула Джули и накрыла письмо промокашкой.

— Кто это — дорогой Билл? Мы его знаем?

Джули, вся красная, смотрела на него, вытаращив

глаза, и чувствовала, что отец так и подался вперед всем телом.

— Это одинокий солдат, если уж тебе угодно знать.

— Какой же он одинокий, в армии? Там таких еще миллионы. Папиросы ему посылаешь?

— Может, и посылаю.

— Эх ты, дурочка, одинокие солдатики только потому тебе и пишут. Они любят поживиться на шарманка. Ты бы видела, какие папиросы получает Берт.

— Подумашь, твой Берт Ролло!

— Берт парень что надо.

— Что это за выражения, Крис? «На шарманка», «что вадо», — мягко запротестовал мистер Бантиг. — Какой-то барбарилизм.

— Безусловно барбарилизм, — охотно поддержала его Джули. Миссис Бантиг со свойственной ей находчивостью сообразила, что подошло время последних известий, и включила радио. Мистер Бантиг повернулся к приемнику. Ничего нового, конечно, не будет, но все-таки...

— Позовите Эрнеста, может быть, он хочет послушать, — сказал он вполголоса.

При первых же словах диктора мистер Бантиг изменился в лице. Он молча посмотрел на жену, на Криса, даже на Джули. Они стояли у приемника настороженные, застывшие. Со все возрастающим волнением, которое отнюдь не умерялось бесстрастным голосом диктора, они выслушали все до конца в stoическом молчании. Потом мистер Бантиг решительным движением повернул розетку.

— Значит, наших выставили из Норвегии. Тут что-то пеладно. Ведь они только-только туда прибыли! — Вид у него был крайне серьезный.

— Берт туда уехал? — спросила Криса Джули.

— Да. А откуда ты знаешь?

— Знаю.

— Не правится мне это, — сказал мистер Бантиг, заняв место на ковре у камина и отмечая в сторону всякие личные соображения. — Совсем не правится. Тут что-то прошляпили.

Впервые с самого начала войны они видели его таким озабоченным.

— Сейчас будем ужинать, — деловито сказала миссис Бантинг.

Обычно в таких случаях мистер Бантинг справлялся, нет ли к ужину чего-нибудь вкуснятины, но сейчас ему было не до этого. Он поплелся за женой на кухню и принял неуклюже помочь ей. Уже по одному этому можно было судить о его смятении.

И вдруг в этой тишине, полной ощущения беды, раздался стук в дверь. Не обычный сдержаный стук, а грохот, разнесшийся по всему дому; так могло стучать только лицо, облечённое властью. Все замерли на месте и, затаив дыхание, смотрели на дверь; только когда грохот повторился с новой силой, Крис громко спросил: — Что такое? В чём дело? — Всем почудилось, что между этим стуком и катастрофой в Норвегии существует какая-то зловещая связь.

В дверях, поблескивал в лучшем свете стальным пломмом, стоял Оски.

— У вас просвечивает, — кратко сказал он.

Это было уже слишком. Оттолкнув жену в сторону, мистер Бантинг стал на пороге своего дома; он стоял там, готовый защищать его от всех вторжений.

— Просвечивает в кухне, — официальным тоном сказала Оски.

Не промолвив ни слова, мистер Бантинг первым сошел со ступенек, как был, в домашних туфлях, и завернул за угол дома. Он твердо верил, что нигде ничего не просвечивает; готов был поручиться за это. Но, став там, куда его поставил Оски, он увидел еле заметную желтую полоску с правой стороны окна. Обычно занавеска придерживалась в этом месте банкой из-под мыльной стружки. Теперь все ясно: кто-то сдвинул банку, — и вот вам, пожалуйте, явился Оски. Тем не менее мистер Бантинг уставился на окно и спросил: — Где просвечивает?

— Да вот где! Вот прямо перед вами. Обнаруживает расположение вашего дома.

Свет был слегка заметен, но мистер Бантинг признал справедливость претензий Оски. никто так не следил за светомаскировкой, как он сам. И все-таки ему не хотелось сдаваться. Он только что перенес тяжёлый удар, а

когда его что-нибудь выводило из равновесия, в нем вспыхивало упрямство. Кроме того, система дежурств по противовоздушной обороне не нравилась ему тем, что давала всякому Оски право совать нос в ваши дела и говорить с вами официальным тоном. С человеком посторонним он сразу бы пошел на уступки, но Оски был его ближайший сосед.

— Скажите, пожалуйста! А для чего вам нужно знать расположение моего дома?

— Навигация, — ответил Оски и добавил в виде пояснения: — Вычисляют курс.

— Ага! Значит, они вытащут из самолета и скажут: — Вот это, наверно, «Золотой...»

— Я спорить не собираюсь. Говорите прямо: вы потушите свет?

И свет потух. Какое-то третье, мирное настроенное лицо, — возможно, прислушивавшаяся к их разговору миссис Балтинг — во время повернуло выключатель.

— Спокойной ночи, — сказал Оски, нарушив нраждебное молчание. Его тяжелые ноги, словно закованные в громоздкие башмаки, зашагали прочь в темноту.

Мистер Балтинг хотел звать только одно: кто сдвинул с места банку из-под мышьякой стружки? Но он не стал спрашивать об этом. Он вернулся домой взбудораженный. Кроме того, ему начинало казаться, что банку нечаянно переставил он сам, когда хлопотал на кухне, помогая жене.

— Кого он из себя корчит? — всхлипал мистер Балтинг. — Напяли старую жестянку на голову... Наверно, и спит вней. Удивляюсь, как это он еще светлячкам не велит погасить свои фонарики.

Лучшие блестки остроумия приходили мистеру Балтингу в голову, увы, слишком поздно, по он в течение нескольких минут отыскивал свой ответ Оски, словно разящую стрелу со светляком вместо наконечника.

— Где Эрлеест? — буркнул он, садясь за стол. — Почему ему всегда нужны особые приглашения?

Эрлеест сидел в темной гостииной. Он потухнул свет, когда мистер Балтинг открыл входную дверь, и, прислушиваясь к спору, чувствовал, как по ногам у него

гуляет сквозняк, — в гостиную дохнуло суховыи ветром виншего мира. За последние полчаса Эрнест забыл о войне, но потушепый слет и умолкший рояль снова вернули ее.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Усаживаясь утром на табурет у себя в замужке, мистер Бантиг почувствовал, как у него ломит спину и ноги, и понял, что это последствия рытья щели. Общее повстрие не миновало и «Золотой дождь»: щель имелась теперь и на его лужайке; на ее сооружение почти целиком ушло несколько последних уик-эндов. Освободившись от услуг некоего субъекта, самоиздевенно, но без достаточных оснований говорившего про себя, что он человек рабочий, мистер Бантиг решил приняться за дело собственоручно. К работе он приступил, но без особого усердия, и, глядя на его потуги, Эрнест с Крисом сочли моральным долгом притти на помощь отцу.

Сооружение щели было закопчено, главным образом, благодаря практической сметке и физической выносливости Криса. Он выказал гораздо большие конструкторских способностей, чем Эрнест. Несмотря на свое явное умственное превосходство, Эрнест был по в состоянию уяснить себе самые простые приемы обращения с лопатой и даже не умел зажать рукава так, чтобы они не спускались каждую минуту. В конце концов его роль свелась к подаванию инструментов и досок.

Когда все было закончено и Крис с мистером Бантигом в изнеможении развалились в креслах, Эрнест ушел в гостиную и занялся счетами, принесенными из прачечной. Он же сказал эти слова про эти счета и предпочел торчать без всякой пользы у щели, то и дело засучивая рукава. «Вот он всегда так, — с раздражением думал мистер Бантиг. — Неужто его не освободили бы от работы? Но Эрнест, успокоив свою совесть, сидел за столом в гостиной до тех пор, пока все счета не были закончены, и вышел к ужину такой бледный и утомленный, что мистер Бантиг оглядел его с тревогой.

Зато на следующее утро Эрнест, конечно, не испыты-

вал ломоты или в спине, или в ногах, не то, что его отец, не пожалевший сил для общего дела. С трудом усевшись на табурет, мистер Бантинг прежде всего приколол на деревянную обшивку под слоем краски видневшиеся кое-где старые следы от кнопок. Мистер Бантинг внимательно и с большим интересом осмотрел эти дырочки: должно быть, остались от карты прошлой войны. Названия на новой были хорошо знакомы ему — Аррас, Камбрэ, Ипр; они говорили о грязи, крови, промокших часквозь человеческих тела, о том, что, как ему думалось, не будет уделом новых поколений. И опять знакомая страна на карте и стоят в ней те же захватчики. Названия, давно похороненные в памяти, оживали одно за другим: даже безвестные деревушки, и те знакомы — Лу, Позьер, Булькур. Прочитав их имена, и словно вызываешь из небытия тени преданий забвению армии.

Странный народ немцы, думал он. Очень странный. Не сидятся им у себя дома. Европе знакомы эти несметные полчища обутых в сапоги солдат, колонны которых тянулись по прямым дорогам континента, расплзались серо-зеленою плесенью по мирным полям в единственном мыслимом для них обрамлении обгорелых и разрушенных жилищ, с омерзительной деловитостью запечатлевших на официальных фотоснимках германских «побед». Тоже знают их теперешнее поколение, знало и предыдущее и даже то, которое было до него. А зачем это нужно? Какой в этом смысл? — Убей меня бог, не понимаю, — вздохнул мистер Бантинг.

В самом центре кафты проходила линия Мажино, о которой он столько знал по статьям и фотографиям. На сей раз немцам пришлось иметь дело не со старинными фортами в пасух вырытыми окопами. Теперь им так легко не пройти. Правда, они обзавелись линией Зигфрида — вот тут, чуть ниже его большого языка, скопированной с линии Мажино. Она сооружалась по плану самого Гитлера, а теперь вся затоплена водой; немецкие солдаты ищут там по колено в грязи. Всеменная об этом, мистер Бантинг охотно мирился даже с ироничным доказом.

Но сегодня ему было не по себе. Ломота в теле поме-

шала ему уснуть, и всю ночь в его мозгу одни за другим вставали вопросы стратегического порядка. Мистер Бантиг уделял очень много внимания стратегии; карта военных действий была куплена, с тем чтобы изучить норвежскую операцию. Он часто изобретал различные способы скорейшего разгрома немцев союзниками, способы, которые, повидимому, не приходили в голову генеральному штабу. Некоторые из этих планов были настолько просты и разумны, что мистер Бантиг хватался за «Сирену» в надежде отыскать в ней хоть какой-нибудь намек на то, что припятые правительством меры соответствуют его мыслям. Пичего такого не обнаружив, он растерялся говорил: — Не понимаю, о чем наши думают? — и ворчливо добавлял что-то насчет пятымцев и привилегированных школ. А бывало, что, лежа без сна, он мысленно подсыпал подводные лодки к норвежскому флоту; эти полные хитрости и даже коварства стратегические ходы были, повидимому, недоступны пониманию честных, по тунцоватых моряков из адмиралтейства. Почная типина и чувство одиночества сообщали его и без того дурным предчувствиям зловещую реальность. Он ворочался с боку на бок и приходил к убеждению, что надо немедленно обратиться с письмом к правительству и указать ему, где таится опасность.

Сегодня утром все его мысли были заняты неудачей в Норвегии. Эта неудача тревожила и удручила мистера Бантига. Официальные сообщения были скучны и осторожны, но, по словам Криса, Ролло-младший даже не успел высадиться в Норвегии и вернулся в Шотландию, повидимому, вместе со своим танком. Эти частные сведения проливали весьма неприятный свет на норвежский инцидент.

Что касается Джо Бордера, то тревожные заголовки в газетах, повидимому, не могли парушить его спокойного и даже радостного настроения. Глаза у него все так же поблескивали, взгляд был такой же острый, жестякуляция такая же оживленная. Он остановился в дверях закутка, улыбнулся, скривил гримасу и осведомился, чем так опечален его меланхолический друг.

— Что бледности твоей причина — усталость пль же лудка иссваренье?

— Шадоел! — неожиданно вырвалось у мистера Бантинга. — Как ты провел уик-энд?

Уик-энд у Кордера выдался неудачный, но из его рассказа трудно было понять, в чем собственно заключалась эта неудача. В субботу он купил книжку какого-то Геррика, старую, затрапанную, и по дороге домой потерял ее. Эта книжонка так занимала воображение Кордера и огорчение по поводу ее потери настолько затмевало в нем интерес к постигшей страну беде, что он провел остаток уик-энда в поисках ее на разных складах прошавших вещей. В то же время он не скрывал, что книга стоила ему всего-навсего девять пенсов.

Мистер Бантинг слегка дослушал рассказ Кордера об этом чичтожном событии и так и не поднял, в чем тут соль.

— Конечно, если ты ее еще не читал...

— Не читал? Геррика не читал? Святители пебесные! Да у меня есть полное собрание ценой в полтинни! Но это не одно и то же.

— Конечно, — сказал мистер Бантинг интересовавшийся мнением Кордера о Норвегии, а не о Геррике. Какой такой Геррик? Ему никогда не приходилось о нем слышать. Из всей этой истории он попал только одно очевидно, потерялась не дешевая книжка, а дорогая, — Кордер просто перепутал цены, что весьма непод抗战но для человека его профессии и может привести ко всякого рода неприятностям в отделе ковров и липолеума.

— Да-а, ты не библиофил, Джордж!

— Ты мисс столько всяких прозвищ давал, Джо, — вздохнул мистер Бантинг, — одним больше, одним меньше — не стесняйся.

Кордер, видимо, тоже, не отдавал себе отчета в том, что сейчас идет война. Его занимали книги, да все какие-то несуразные. Благодущие! Вся страна этим страдает, в том числе правительство и газеты. Англия, видите ли, всегда начинает неудачно. Нашли, чем гордиться! Хороший старт так же важен на войне, как и на скачках.

— А работа остается работой, — с чувством благодарности пробормотал мистер Бантинг. Работа приносил ему огромное удовлетворение. По крайней мере не ду-

масштаб о том, чего нельзя исправить. В конце концов чем может помочь стране человек его возраста? Стремиться, чтобы работа скорилась, приглядывать за своим железоскобляным отделом, другими словами, самому обслуживать покупателей, упаковывать товары — заколачивать ящики и выполнять много всяких других дел, которые обычно не вменяются в обязанность заведующему, вплоть до обметания пыли. — Ничего не поделаешь, вся молодежь сейчас на войне.

Подбодрив себя такими размышлениями, он заглянул через перегородку, проверяя, все ли на местах, все ли заняты делом, и уделяя особое внимание старику Тернеру в дальнем углу. Вдалеку минуту Тернер с беспомощным видом стоял над грудой оконной арматуры. Мистер Бантинг наблюдал за ним, и взгляд у него становился все более и более суровым. — Опять неправильно раскладывает, — пробормотал он. — Раскладывает неправильно, — и слез с ящика, грохнув ворот и открылся. Тернер всю свою жизнь работал в железоскобляном отделе, но тем не менее ему до сих пор не было известно, что существуют три вида оконных шпингалетов. Тернер знал только краны для горячей воды; вся его жизнь прошла среди этих кранов, а он был настолько нелюбознательен, что ни разу не поинтересовался, чем торгуют за соседним прилавком. Когда мистер Бантинг попросил его привести фунта полтора обойных (что было обычным обозначением для мелких гвоздей), Тернер выпучил из него глаза, точно мальчишка-ученик, впервые попавший в магазин.

— Я немного расстроен, — дрожащим голосом сказал Тернер в ответ на выговор. — Сегодня сообщения в газетах очень нехорошие.

— Мы все расстроены. Но отсюда не следует, что железные шпингалеты надо валить в одну кучу с медными.

— Вяловат, мистер Бантинг, но мы давно ничего не получали от сына. Он у нас на эсминце.

— А! — сказал мистер Бантинг. Он только что собирался запретить Тернеру бегать за газетами среди дня, но, услышав, что у него сын на эсминце, решил прощечь, по крайней мере на сей раз. Вместо этого он

взялся за беспорядочную груду оконной арматуры и с подчеркнуто терпеливым видом начал разбирать ее: вот эти шингалеты — для рам, открывающихся внутрь, сюда, эти — для рам, открывающихся наружу, туда, эти, патентоварные, и туда и сюда.

— Телерь поняли?

— Понял, мистер Бантиг, — смирило ответил Тернер.

«Жалкое, немощное создание, — думал мистер Бантиг, — быстро катится под гору. Его и жалеешь и невольно раздражаешься. Такой уж это человек».

И, словно подтверждая мысли мистера Бантига, Тернер сразу же воспользовался проявленной им мягкостью:

— Хочу поговорить с вами о наших окнах, мистер Бантиг. Це знаю, как вы на это смотрите. Мое место рядом с большим окном. А вдруг бомба...

— Бомба? Пока что их еще не сбрасывают. Боятся, как бы мы тем же самым не ответили.

В глазах Тернера блеснул слабый огонек надежды. Ему так хотелось, чтобы его успокоили. — Пят, вы правда так думаете?

— Может быть уверены. Да и зачем им бросать бомбы именно сюда? Других мест, что ли, нет?

— Это верно, — охотно согласился Тернер, точно находя в словах мистера Бантига подтверждение собственным мыслям. — Я, главное, насчет осколков стекла. Иной раз стоишь у окна, шу, знаете, и первишь-чаешь. — Тернер говорил об этом, как о чем-то совершенно неправдоподобном, чему мистер Бантиг ни за что не поверил бы, если бы не услышал из собственных уст Тернера.

— Вот когда они доберутся сюда, тогда и будето первничать, — сказал ему мистер Бантиг. — Еще успеете. А пока что займитесь оконной арматурой.

Вот бедняга, думал он, вернувшись в закуток в несколько лучшем расположении духа. Существует два типа людей, глядя на которых приобретаешься в военное время: первые — напицеры; старающиеся их успокоить и сам успокаивающиеся; вторые — твердые, выдержаные люди, вроде мистера Бикертона: от этих сам набираешься мужества. Мистер Бикертон упоминал о войне только в связи с торговлей и даже в этих случаях го-

ворил о ней самым деловым тоном, отводя ей не больше места, чем следовало, и не давая ей заслонять все остальное. Он не выказывал по отношению к ней никаких чувств — ни тревоги, ни благодушия. Мистер Бантиг считал весьма вероятным, что его начальник вообще не способен на какие-либо чувства. Небольшого роста, коренастый, быстрый в движениях, суровый, лисица поблескивает как будто добродушно, а взгляд острый, пронзительный. Властный взгляд — сразу тебя выхватит из самого дальнего угла. Такого человека, как мистер Бикертона, невозможно представить себе покоренным, побежденным или даже запуганным. Его взгляд, вся его вспышность не допускали подобных мыслей.

— Горячим изором нас сковал, — говорил Кордер, который почему-то называл мистера Бикертона старым моряком, что казалось мистеру Бантигу маловероятным предположением. Мистер Бантиг хоть и побаивался директора, но после своих коротких встреч с ним всегда чувствовал себя приподнятым.

Последние дни мистер Бантиг то и дело вынимал из работы часы и вздыхал, сетуя на медленную поступь времени. Такого застоя в торговле не было со времен царского послевоенного кризиса. Часто он сидел у себя в закутке и от печего делать чертил карандашом папорты прейскурантов, иррисуливаясь к шагам за перегородкой, и если шаги были мистера Бикертона, быстро переворачивал страницу и углублялся в содержание следующей. Время от времени он вышмыгал из закутка отдать кое-какие распоряжения, нужные и ненужные, с единственной целью пробудить свой отдел от самой настоящей свячки. Это было все равно, что разбалтывать веткой воду в гниющей луже. Общая вялость оседала здесь, точно легкий слой пыли, весь отдел зевал. И он ничего-то мог с этим поделать.

Скучный день разлообразился только завтраком в кафе Мак-Эндрю, где мистер Бантиг встречался с Кордером. Изучение меню, выбор блюд, газета Кордера, монтирувшая последние известия согласно своим собственным понятиям о степени их важности, что придавало им элемент новизны. А беседа с Кордером! Они рисовали на меню свои стратегические планы, и зеленая авторучка Кордера

то и дело совалась вперед, уточняя географию мистера Бантига. Кордер объяснял ему правильную тактику, пользуясь для этого графиками с уксусом, перечницами, ножами и вилками, расставленными в боевом порядке вдоль края стола, изображавшего береговую линию, и повелительным взмахом руки отсыпал обратно офицерку, если та в решающую минуту подходила к их столику за уксусом. Паряду с этими серьезными вопросами речь заходила и о будущем огороде Кордера, и мистер Бантиг заставлял его в планировке участка и уходе за овощами. В этих беседах мистер Бантиг с удовольствием выступал в роли эксперта, ибо Кордер никогда не занимался огородничеством и сейчас начинал это дело, руководствуясь исключительно патриотическими чувствами. Он признавался, что садик у него запущенный — одни лишь иллюции и терпни. Мистер Бантиг рекомендовал дважды перекапывать грядки. — Агротехника! — говорил он. — Серьезная штука.

Они с преохотой уходили из этого оазиса среди унылой нустыни дня и возвращались к скуке магазина. Когда пыль с безупречно чистых полов была стерта, оберточная бумага нарезана и все, что можно сделать, по ческой раз сделано и переделано близкими к бунту служащими, мистер Бантиг, считая свой отдел вполне подготовленным к любому нападку покупателей, буде таковые появятся, скрывался в своем закутке. При каждом появлении мистера Бикертона он вскакивал с места с такой поспешностью, которая, — он сам это чувствовал, — должна была казаться подозрительной. Как это ни странно, но мистер Бикертон был попрежнему деятелен и полон всяких планов. Последний его план состоял в расширении оптовой торговли путем поставки местным властям противопожарного оборудования. И он советовался с мистером Бантигом о деталях напорных пасосов, о брандспойтах, шлангах, муфтах, наконечниках, а лучше мистера Бантига никто не мог бы ответить на все эти вопросы. Он наслаждался такими беседами, и они подкрепляли его уверенность в том, что в случае сокращения персонала, расчет получит кто угодно, только не он.

По словам мистера Бикертона, спрос мирного времени исчез, а спрос военного времени еще не появился. Он

прекрасно знает, что теперешняя переходная полоса доставляет мистеру Бантигу много неприятных минут. Иольщенный заключавшейся в этих словах похвалой его усердию, мистер Бантиг ухитрился ввернуть в монолог директора словечко «фаза», полагая, что подобное доказательство его трудов еще больше поднимет его в глазах начальства.

После таких дней он возвращался домой в самом унылом расположении духа. Его беспокоила война, его беспокоили дела фирмы, его одолевали сомнения в политической прозорливости некоторых членов кабинета. Но, какая бы тяжесть ни лежала на его душе, подходя к дому, он старался стряхнуть подавленность. Мистер Бантиг считал это своим долгом. Остановившись в темноте у калитки, он смотрел на искисные контуры дома. Этот дом был олицетворением всего, чем он обладал, всего, что он любил, всего, что подвергалось сейчас опасности. Действительно ли их жизнь находилась под угрозой, в какой степени, мистер Бантиг не знал, но тень этой угрозы падала на него, когда он подходил к единственному месту в мире, которое он мог называть своим, к месту, где сосредоточивались все скромные надежды, вся его жизнь. Пути мира стали неизвестными, и чемнее это кончается — неизвестно. Пикто сейчас не властен над событиями. Мистер Бантиг слишком хорошо понимал это.

И он стоял у калитки, призывая к себе мужество и ту веселость, которая есть зламы мужества: пожилой, отнюдь не герического вида англичанин в котелке и в японированном синем костюме с фибральным чемоданчиком и помятым зонтиком в руках.

Он не первый раз проходил через испытания. Их было много и раньше — болезни, потеря близких, финансовые беды, безработица, гибель всех надежд, возложенных на сыновей. Были и другие кризисы: — скрытые от всех битвы с самим собой в глубинах ума и сердца. И все это он вытерпел и преодолел, и так будет и впредь. Даже если я на них упадет бомба, они выкарабкаются из-под обломков и начнут жизнь где-нибудь в другом месте, если, конечно, останутся живы. А если нет, значит, конец. Может быть, они даже не почувствуют этого. Сей-

час важно одно: не падать духом и жить, как всегда, изо дня в день, не опуская рук и не ослабляя хватки.

Мистер Бантиг не пересечивал своих умственных способностей и даже своего мужества. Но он непоколебимо верил в свою способность выдерживать до конца и не ослабить хватку.

Он появился на пороге «Золотого дождя», неловко выставляя напоказ деланное оживление и не умея ни по-настоящему проявить, ни совсем спрятать свои неподдельные чувства. Иной раз его оживление граничило чуть ли не с игривостью. И по этому признаку миссис Бантиг определяла самые его тяжелые дни.

Стоя у каминса, здороваясь с семьей, так словно они не виделись, по крайней мере, неделю и не забывая поглядывать на чайный стол, мистер Бантиг услаждал себя мыслью, что у жизни есть не одни темные стороны. Он пересчитал ее благодеяния. У него прекрасная жена, трое способных детей, хорошо обкуренная трубка, две бутылки «Принца Чарли» и свое место у камелька. Судя по всему что пишут в газетах, у Гитлера нет ни одного из этих благ, а ведь они — лучшее, что может дать жизнь, ради них только мистер Бантиг и работает.

Включив после чая радио, он сделал одно немаловажное открытие: дурные вести кажутся не такими уж страшными, когда слышишь их вторично. В первый раз они буквально сбивают с ног, а потом приходишь в себя и восстанавливаешь равновесие. Во всяком случае это так, если человек обладает британской твердостью духа. В благодушных англичан, вероятно, что-то есть, Кордер прав. Защитная броня для первов, профилактика... Он еще не успел посмотреть это слово, но ему было понятно, что Кордер имел в виду. Шадежный панцирь, с которым не страшны никакие беды... угрозы все развеет ветром, как у Брута.

Он пробежал глазами столбцы объявлений о найме, подыскивая что-нибудь подходящее для Джули, вегетариапствующий пачальник, которой ушел в армию артиллеристом. Трудно будет вегетарианцу в армии, подумал он; впрочем, надо надеяться, что ему там вырастят мозги. Его взор остановился на более или менее подходящей вакансии у инспектора продовольственного снабжения —

тридцать пять шиллингов в неделю и возможность убедиться собственными глазами, что только немногие люди считают ниже своего достоинства получать карточки из бекон.

Джули сидела за столом и писала очередное заявление с просьбой принять ее на работу. Крис читал «Аэроплан». Когда к нему обращались, он рассеянно хмыкал в ответ, не поднимая глаз от этого увлекательного журнала. Война сильно упростила жизнь — увидев Криса, мистер Бантиг сразу сделал вывод, что Молика сегодня дежурит в штабе противовоздушной обороны, куда ее завербовал мистер Ролло. Мистер Бантиг был бы, пожалуй, доволен, если б Крис поменьше читал об авиации; война интересовала его только с этой стороны. После отъезда Берта Ролло с Крисом что-то стало, он все время напряженно думал о чем-то; это чувствовалось и в странной молчаливости, которая нападала на него после чтения газет, и в еще более страшных высказываниях по поводу войны. Иной раз в его словах даже слышались намеки на то, что отец не понимает серьезности положения.

— Их надо остановить, папа, во что бы то ни стало, — говорил он. Дальше этого утверждения Крис не шел, но повторял его часто, словно призывая мистера Бантига стать на его точку зрения.

— Знаю, что надо. Но как?

— В воздухе.

— Правильно, им надо там всплыть, по...

— Папа, никаких «но». Их нужно бить в воздухе. А если мы этого не сделаем, они прилетят сюда и в таких вот местах, как Килворт, камни на камне не оставят.

— И зачем только изобрели эти аэропланы. Мерзость какая! — Мистеру Бантигу стоило лишь подумать о том, что кто-то летает — даже не он сам, а кто-то другой, — и его сразу же начинало потешивать от страха. В полетах ему чудилось что-то противостоящее, какое-то вторжение в запретную стихию. Сколько ни привыкай к этому, сколько ни вдалбливай себе, что тут все основано на науке, все равно, риск остается риском. Человек вскрияет свою жизнь машине и взмывает ввысь, в неизведанные пространства, откуда малейшая неполадка

механизма может погрузить его головокружительной спиралью назад на землю.

— Об этом теперь поздно говорить. Избрели, — ничего не поделаешь, и у Гитлера их куда больше, чем у нас.

Тут Джули испустила театральный вздох, откинувшись на спинку стула и стала ждать, когда тишина вновь вернется снова. Она не раз давала понять, что многочисленные заявления не приносят никаких результатов, потому что ей не дают ни секунды покоя в то время, когда она их пишет.

Мистер Бантиг сочувственно заглянул Джули через плечо. Ему же хотелось продолжать разговор об аэропланах, о бомбах и мощи пресловутой Luftwaffe.

— Какую тебе дали рекомендацию? — спросил он и вручил этот документ с чувством величайшего удовлетворения. — Прекрасная рекомендация, давно таких не видел, — сказала он, перечитывая во второй раз самые лестные фразы. — Это лучше, чем у Эрикса. Посмотри, Крис.

Джули выхватила у него рекомендацию. — Папа, не показывай ему. Он только издеваться будет.

— Честное слово не буду. Ну, дай.

— Про первую ты сказал, что она похожа на эпиграфию.

— На эпиграмму, — поправил ее мистер Бантиг. — Эшифатия — это надпись на надгробном памятнике.

— Не хочешь, но надо, — сказал Крис. Он, по всем признакам, был в добродушном настроении и не собирался затевать споры. Видно, толова не тем занята, должен быть опять перебор с бензином. Если Джули поступит на работу, это будет все-таки помочь, а Крису надо что-то делать с гаражом. Так размышлял мистер Бантиг, и ему казалось, что Крис думает о том же. Поднимая время от времени глаза, он ловил за себе задумчивый взгляд сыча.

И вдруг Крис спустил ноги с кушетки и сказал решительным тоном: — Я все уладил с мистером Ролло. Гаражом будет заведывать старик Резерфорд.

«Почему старик?» — подумал мистер Бантиг. Он очень не любил это слово. Резерфорду было всего пятьдесят шесть лет.

— Нельзя оставаться в стороне от войны, надо помочь.

— Правильно, Крис. Я видел в газете как раз то, что тебе нужно. На авиационном заводе требуются опытные механики. Подай заявление. Правда, тебе придется уйти из дома и жить при заводе. — Он задумался над этим препятствием.

— Стройть самолеты? — Нет, это не по мне. Я сам хочу летать.

Какое-то ледяное острие медленно прошло сквозь сердце мистера Бантига. Взгляд у Криса был покрепческому веселый, но очень твердый.

— Значит, ты будешь в воздушном флоте? — так и вскрикнула Джули.

Крис кивнул: — Думаю, что пилот из меня получится.

Мистер Бантиг сидел не шевелясь, молча, потрясенный до глубины души. Он колебался, не зная, чего требует от него долг. И в то же время он испытывал чувство гордости, мучительной, но огромной гордости.

Он видел, что его жена тоже смотрит на сына. Такое лицо он помнил у нее только в те годы, когда дети были еще малышами. Потом она стала и ушла на кухню.

— Гм! — как ни в чем не бывало буркнул мистер Бантиг, но он прислушивался к тому, что делается на кухне. Оттуда не допосилось ни звука, и все-таки он чувствовал, что жена неподвижно стоит там за дверью.

— А сразу в пилоты, пожалуй, почасть трудно?

— Пачину простым стрелком.

— Ну, что ты, Крис, — запротестовала Джули, — лучше офицером.

— Нет, простым стрелком на самолете. Так уж я решил.

— У тебя будут петлички с крыльышками? Вот замечательно!

Стараясь, чтобы никто не заметил его ухода, мистер Бантиг отправился на кухню. Жена стояла у раковины; их взгляды встретились, и он обнял ее за плечи. Судорожно глотнув, он прошептал: — Нельзя его удерживать, раз он считает, что это его долг.

— Да, — тихо сказала она, и хотя в ее голосе слы-

шались слезы, мистер Бантинг почувствовал облегчение. Больше сказать было печего.

— Не надо, чтобы он видел, как мы расстроены.

— Да, Джорджи. Если другие родители могут, то и мы можем.

— Да... верно. — Мистер Бантинг засуетился, собирая посуду к ужину. За кухонной дверью висел макинтош Криса с почти вывернутыми панцирьками рукавами. Он аккуратно расправил их и повесил макинтош на вешалку. Вид у макинтоша был беслечный и добродушный, словно он перенял у своего хозяина самые его малые черты. Мистер Бантинг разыскал башмаки Криса, они были залиты грязью, от которой портятся подошвы, если их не очищать скребком. Дети же следят за своей одеждой, им и в голову не придет надеть башмаки на колодки! Всеми этими делами приходилось заниматься мистеру Бантингу, но он не жаловался.

Ему казалось, что Крис не годится для службы в авиации, туда требуются отчаянные. А он мальчик спокойный, даже машину не водит осторожно.

Вернувшись в столовую, мистер Бантинг сел за стол и не спеша набил и закурил трубку, прежде чем возобновить прерванный разговор.

— Я только не советую тебе торопиться, Кристофер. Сначала надо уладить все с мистером Ролло.

— Папа, да я уже подал заявление. И медицинскую комиссию прошел.

Мистер Бантинг предчувствовал это, хорошо зная характер Криса. И все же сознание совершившегося факта принесло ему только облегчение. Когда решение принято бесповоротно, легче примириться с ним.

— Воображаю, с каким гордым видом будет шествовать божественная Моника рядом со своим листчиком! — задумчиво сказала Джули, которая могла разделить Жану Криса ~~только~~ в качестве сестры.

— А ну, переставь, — огрызнулся Крис и, спора завалившись с ногами на кухонную скамейку, открыл «Аэроилан», а отец, сидевший у камина, смотрел из него, полный тревоги и гордости.

Позже вечером мистер Бантинг остался у камина один. Он сделал обход дома, проверял, не просачиваются ли

окна в спальнях, и теперь ждал Эрнеста. Его трубка была набита табаком «Маяк», который он теперь курил. Цена всего-такого шиллинг четыре пенса. («Всего-такого! — подумал он. — Господи боже!») «Райской смеси», конечно, и в подметки не годится, но если привыкнуть, то курить можно. Мало-помалу его небо притягивается, как-нибудь привыкнет и пос миссис Бантинг. Женщина, за тридцать лет совместной жизни привыкшая связывать присутствие мужа с ароматом табака определенной марки, не сразу примиряется с перемещами.

Эрнест проводил вечер с Эви; теперь они встречались не часто. Как ассистента доктора Эрла, Эви была завербована мистером Ролло на пункт первой помощи. Ее дежурства там, работа в приемной, долгие часы, которые Эрнест просиживал в прачечной, — все приводило к тому, что времени на встречи оставалось мало. Отец раздражался на Эрнеста гораздо больше, чем на Криса и Джули, и вместе с тем больше жалел его. Жизнь давалась Эрнесту пеленко, он слишком много думал, слишком много спорил с самим собой, слишком посыпал со своей совестью, слишком много копался в психологических тональностях. «Жить легче, — думал мистер Бантинг, — если не задаваться высокими идеями и не устраивать трагедий по каждому так называемому принципиальному вопросу». Но Эрнест упрям; кто бы мог подумать, что молодой человек с такими нежными чертами лица и отнюдь не атлетического сложения способен так цепко держаться за свои идеи! Спорить с ним — лишняя трата времени, даже если только пытаешься убедить его, чтобы он больше падал себя. Бесполезно, все равно Эрнест выберет самый тернистый путь.

Эрнест бесшумно вошел в комнату, улыбнувшись своей мимолетной улыбкой. Вид у него был усталый. Пока сын снимал башмаки, мистер Бантинг успел припестри из кухни ужин на подноссе и разогрел какао. Не надо говорить ему про Криса. Женился он, а то опять начнет раздумывать. Мальчику нужно притти в себя, отдохнуть.

— Говорят, что ожидается вторжение панцев в Голландию, — взруг сказал Эрнест.

Он впервые допускал такую возможность. Обычно от него можно было услышать, что у Германии с Голландией

пакт о ненападении, что Гитлер недавно подтвердил это. Для Эрнеста этим было сказано все, дальнейшие домыслы казались ему неуместными. Что Гитлера возводят тяжкие обвинения, но Эрнест считал, что за его действиями стоят факты, которые многое объяснили бы, если бы их от нас не скрывали. Будучи человеком, поднявшимся из беспвестности, Гитлер вызывал к себе уважение Эрнеста. Но сегодня «Горизонт» писал о вторжении в Голландию как о чем-то вполне вероятном. То, что об этом заговорил «Горизонт», произвело на Эрнеста сильное впечатление. Прочтя такую статью в «Сирене», он отнесся бы к ней по-другому. «Горизонт» был его любимый еженедельник и вполне передовой. Если Гитлер нарушит свое слово, последствия будут гибельны. Уверенность Эрнеста в том, что из фюрера постоянно клевещут, была несколько поколеблена.

— Папа, мы с Эви ходили смотреть квартиры.

Он помешал какао и взглянул на отца, боясь, что тот же сразу его поймет.

— Скоро опять будет призыв.

— Тебя же возьмут, Эрнест. Ты забронирован. Зачем торопиться?

Он понял, что его слова затронули в Эрнесте чувствительную струну — его принципиальность. — Другие пойдут, почему я должен увлекаться? Конечно, мне бы хотелось в пестроевые, санитаром или кем-нибудь в этом роде. Убивать я не способен.

Наступило молчание. Потом Эрнест сказал: — Мы с Эви решили пожениться.

— Так, — сказал мистер Бантинг, получая второй удар за этот вечер.

— Мы будем жить совсем рядом, по соседству, — продолжал Эрнест развивать свои планы. — Сдается квартирка — две комнаты и кухня. — Он вытащил записную книжку и подробно рассказал все: какая плата и сколько придется доплачивать за пользование плитой и счетчиком; его приверженций деталям ум ничего не упустил из виду, и теперь все это было представлено отцу на одобрение. Но мистер Бантинг плохо слушал его.

Он часто подшучивал над идеальным домом Эрнеста, но сейчас во всем этом было что-то очень грустное и

трогательное. Прекрасные, юные мечты Эрнеста сжались до таких карликовых размеров, что вряд ли удовлетворили бы даже его отца.

— Ну, что ж, мы все желаем тебе счастья, сынок, — сказал он, кладя Эрнесту руку на плечо. — Я тебе, и Эви. Она хорошая девушки, мы ее очень любим. А теперь ложись спать, забудь все свои заботы.

Мистер Бантинг сидел у камина, придвигнув кресло к самой решетке, за которой тлели угасающие угли. Было поздно, но ему не хотелось спать. О многом надо было подумать, а мысли как-то разбегались. Он был скорее во власти чувств, чем мыслей. Он сидел, поставив ноги поближе к огню, слабые блики играли на его носных, чуть рыжеватых щеках, на потухшей трубке, которую держали короткие толстые пальцы. Семья разбредется. Он дожил до той минуты, которая была неназбежна с самого начала. Сыновья уходят из дома, скоро за ними последует и Джули, и он со своей Мэристанутся одни... старички у камина. Еще один этап жизненного пути пройден.

И все-таки как мало ему осталось от этих долгих лет семейной жизни: несколько ярких воспоминаний, выхватываемых из груды утраченного, забытого.

Твои самые горячие надежды, как молодые деревца. Ты сажаешь такое деревце в землю, заботливо поливаешь его, охаживаешь, оберегаешь от стужи. С волнением ждешь первых цветов и как радуешься их прелести — точно это зацвел миндаль весной. А на следующий день проходишь мимо и видишь, что лепестки уже усыпают землю.

Мистер Бантинг встал и выключил свет; последний уголек в камине мигнул и погас. Тяжело ступая по лестнице, он поднялся наверх, спать.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

В день свадьбы Эрнеста и Эви мистер Бантинг отпросился с работы. За последние недели торговля племени оживилась, и из-за этого этого дня он все подготовил с неменьшим старанием, чем перед уходом в трехгодичный

отпуск. Одн из продавцов должен был заменять его, и сейчас это облеченое столь высоким доверием лицо сидело в закутке и выслушивало от мистера Бантинга наставления, в которых предусматривались все могущие возникнуть трудности. Кроме того, мистер Бантинг заготовил инструкции и в письменной форме, а в добавление к этому обратился к некоторым служащим устно, уделив особое внимание старику Тернеру. От делая все от него зависящее, чтобы фирма не пострадала от того, что предоставила ему свободный день без вычета из жалования, кажется, первый за всю свою долголетнюю службу.

Давая мистеру Бантингу согласие на однодневный отпуск, мистер Бикертон спросил, призван ли Эриест.

— Нет, сэр, этот сын у меня не в армии, он забранирован. А вот младший учится в летной школе, — ответил мистер Бантинг и почувствовал, что мистер Бикертон сразу заинтересовался, поняв его отцовскую гордость, и проникся к нему еще большим уважением. Чрезвычайно приятно. Но еще приятнее был неожиданный подарок Кордера. Кордер никогда не видел для Эриesta, ни других детей мистера Бантинга; он знал их так, как мистер Бантинг знал Гамлета и Горацию — конасльшике. Но в этот день он появился в закутке со свертком, в котором, по его выражению, содержитсяritchий дар, — он ценен только тем, что с искренней любовью его к твоим ногам бросают, — и мистер Бантинг, конечно, попял, что Кордер хочет поздравить Эриesta, как поздравил бы его родной дядюшка. Позже, когда мистер Бантинг уже сидел в поезде, выяснилось, что в свертке было серебряное блюдо для закусок.

Свадьбу отпраздновали скромно. Родные Эви были далеки, и самым почтенным гостем оказался Осек, взявший на себя роль посаженного отца. Мистер Бантинг, не любивший больших сборищ, был всем этим очень доволен. Обрадовал его и пастор, который, как оказалось, хорошо знал Эриеста, и органист, повидимому, один из его друзей по музыкальной линии. Уважение, которое органист питал к Эриесту, сразу бросилось мистеру Бантингу в глаза и просто поразило его, ибо органист был не какой-нибудь маленький мальчишка и не длинноволосый фантазер, а весьма солидный человек его возраста, видимо,

судительный и здравомыслящий. Мистер Бантиг гордился сыном в тот день.

Он сидел в церкви, круглолицай, запыхавшийся от волнения, чувствуя себя несколько стесненным в своем парадном костюме. Наверху играл орган, и казалось, что каждый камень старой церкви откликается на эту торжественную музыку. Линнортская церковь, говорят, стоит уже шесть веков; кажется, ее строили монахи. Ее сумрак куда впечатльнее, чем современные фокусы с освещением. Он успокаивает, утешает и придает значительность всем жизненным событиям и всем мыслям, с которыми приходишь сюда. Эта тьма кажется тьмой былых столетий; глядываясь в нее, словно видишь перед собой исковые фигуры рыцарей, дам или даже тех самых монахов, которые построили этот собор. Они, как молчаливые свидетели прошлого, окружают тебя со всех сторон. Сколько супружеств было заключено здесь за долгие века, вот у этого камня перед алтарем, — скромных, нежных, верных и неверных, — их не сосчитать. Супружеские пары проходят перед твоим мысленным взором в причудливых одеяниях, бесконечной вереницей скрываются в веках, давно распротившиеся с жизнью, ставшие прахом и всеми забыты.

А вот теперь Эрнест и Эви.

Они стоят у алтаря такие юные, не умудренные опытом, стоят на пороге жизни в самую ее значительную минуту. Юность Эрнеста ничем не скроешь, она как падони, и сейчас это самое трогательное в нем. Он казался совсем мальчиком не сводившему с него глаз отцу.

Наступила тишина; за церковными окнами шумели ветры. Все сидели молча. Это измерение жизни, в которое они вступили сейчас, было бесконечно далеко от повседневности, отхлынувшей от них, как морской отлив. Мысли и чувства этих минут казались страшными даже им самим. Трудно было поверить, что на расстоянии одного дня пути от этой обители мира бушует война, кровопролитная, беспощадная уму своей беспощадностью.

Опустошающей душу страх охватил мистера Бантига. Он, вспомнил сегодняшние известия. Испанцы опрокинули французские укрепления: идет битва, «битва за прорыв». Развернув сегодня утром газету и увидев карту военных

действий, мистер Бантинг почувствовал ту дурноту, которая всегда охватывала его, когда он смотрел с большой высоты вниз и знал, что от гибели его отделяет один шаг.

Вот сейчас, в эту самую минуту, падают укрытые от врага пули, танки с грохотом несутся по полям, нехотя жмется к изгородям, прячется в опустевших домах. Там идут ожесточенные бои, а он сидит здесь, и ему не остается ничего другого, как ждать, надеяться и не пасть духом.

Грустные, тяжелые дни. По всей Европе новобрачные расстаются у алтаря, не зная, доведется ли им когда-нибудь свидеться. Наверно, и в Германии так, даже в Германии, в этой стране изуверских доктрин. Мистер Бантинг считал вполне вероятным, что какой-нибудь немецкий отец, так же как и он, и с неменьшей тревогой в сердце, присутствует при подобной сцене.

Он глубоко вздохнул и застыл на месте. Миссис Бантинг предостерегающе подтолкнула мужа локтем, уведомляя его этим, что она вздыхает и срывает уже не первый раз. Да, не пристало предаваться таким мыслям на вечагии.

Он вернулся к действительности, услышав голос наставника, который почувствовал, что вокруг все засуетились. Подружки невесты, Моника и Джули, стояли перед алтарем. Мистер Бантинг впервые видел их такими, как сейчас, без той колючей самоуверенности, которой в шапки дни отличаются все молоденькие женщины. Сейчас она отделена от них, может быть, не задолго; и, словно в награду за это, они будто помолодели и стали такие чистые, невинные; они стояли перед алтарем, как две пробованные маленькие девочки. Он перевел взгляд на Монику. Она всегда казалась ему чуточку «кукольной»: все на месте, волосок к волоску, каблуки — выше носа куда. А сейчас Моника стояла совсем тихо с букетом в руках, и в ее выразительных глазах отражался свет, льющийся из окон высоко над алтарем. Спору нет, она красавица, и человек посторонний вряд ли станет смотреть на Эви в ее присутствии. Но его глаза оставили лицо Моники и остановились на Эви с особенной нежностью. Эви обивалась вокруг сердца по сцене и мягко, словно нежные усыпки винограда, и оторвать ее

оттуда не было сил. И хотя мистер Бантиг всегда с восхищением смотрел на живописную Монику, душа его больше лежала к Эви.

Вот им надевают кольца: все взволнованы, у всех такое ощущение, что сейчас происходит самое важное; взгибают пастора.

Потом вся торжественность исчезла, и орган грянул радостную песнь. Все встали. И вот в ризнице все покончено, сразу послышались разговоры, смех; вот они вышли на церковный двор и дальше, в прозаический мир улицы. Перкизбериха с такси, мистер Бантиг мечется взад и вперед, отдает противоречивые распоряжения, в руках у него цилиндр, полный конфетти, а на груди огромная изысканная бутоньерка. Потом по мелькающим, словно в тумане, улицам, сидя чуть ли не на коленях друг у друга, домой, в «Золотой дождь», где миссис Оски уже приготовила завтрак в столовой, которая вдруг показалась тесной от такого количества людей, от шума — все говорят сразу, друг друга не слушают, а Эви и Эрнеста поздравляют так, словно они вышли с честью из какого-то тяжелого испытания.

— Единственное, о чем я жалею, — сказал мистер Бантиг, разрезая окорок, — это о том, что с нами нет Криса.

— И Берта, — совершенно неожиданно ввернула Джуди.

— Да, и Берта. Как это я забыл?

Оски поддержал эти сожаления, буркнув что-то нечленораздельное. Он был занят осмотром трех уголков сада Бантигов, которые раньше скрывала от него изгородь, и таким образом удовлетворяя давно мучившее его любопытство. Воин там малыши, дикорастущая мальва, извредный сорняк, оставленный мистером Бантигом на бордюре, потому что ему нравился этот оттенок синего цвета. В глазах Оски поблескивал затасанный огонек, он, видимо, решил на время отложить насмешки и новеселиться вволю потом. Покончив с осмотром сада, он сел за стол с торжественной и важной миной. Во время венчания Оски держался с поистине слоновой степенью, проходя сквозь все перипетии этой церемонии, как броненосец на маневрах.

Освободившись от своего шлема и положив на каждое колено по огромной ручище, он заявил, что сегодня поработал чаславу и надеется, что Эрнесту никогда не придется поминать его за это лихом. Эти слова, услышанные Оски впервые от тестя в день его собственной свадьбы, были встречены обществом, как перл остроумия; Эви и Эрнест покраснели, а мистер Бантинг замер с ножом в руке, заинтересованный тем, как они это примут.

— Прекрасные помидоры, мистер Оски, — сказал он, отдавая должное огороднику.

— Это «алый шар», — поведал ему Оски. Он хотел было добавить кое-какие подробности об этом сорте помидор, но Эви предупредила его:

— А какие чудесные букеты! Вы не обидитесь, если я свой отнесу в госпиталь?

— Нет, что вы, мисс, то есть я хочу сказать — миссис, — и Оски густо покраснел от конфузза за свою ошибку.

— Мистер Оски, я и не подозревала, что вы такой остроумный! — воскликнула Джули и почувствовала, что Эрнест наступает ей под столом на погу.

— Вот это ветчина! — сказал мистер Бантинг. — Голодающая Англия, а? Жаль, что Геббельс эту ветчину не видит. Тебе дать, Джули?

— Нет.

— Как? Даже ради такого дня?

— Оставь ее в покое, Джордж, — поспешила вмешаться миссис Бантинг.

Мистер Бантинг положил нож и вилку и потянулся за штопором. Он не хотел портить торжество разговорами о том, что ветчина — это дохлая свинья. Все это известно, но никто об этом не вспоминает во время еды, — во всяком случае люди умные не вспоминают.

После сладкого или портвейна; он был призван великолепным — Уящарт! Все оказались прекрасными дегустаторами. Портвейн бывался иногда слишком крепкий, иногда пересланчевый, а иногда от него болят головы. Но этот в самый раз. А что может быть лучше хорошего портвейна? Даже Оски улыбнулся. Он то и дело запускал палец под тесный стоящий воротничок и после

одной из таких операций мистер Бантиг, наконец, понял, почему у Оски такой необычайный вид сегодня.

Мистер Бантиг встал, готовясь провозгласить тост за здоровье молодых. Но, уже стоя, он почувствовал что-то неладное, какие-то странные ощущения в желудке, напоминающие морскую болезнь не, как и подобало истому британцу, оставил их без внимания. Он кашлянула, мужественно прочищая горло.

— Сегодня у нас торжественный день. Весьма торжественный день. Праздник Гимназии. — На всякий случай он поставил стакан на стол. Вкусных вещей, которых его желудок не переваривал, было съедено много, и мистеру Бантигу больше всего хотелось принять содовую таблетку, но сейчас не оставалось ничего другого, как одернуть жилет, и он одернул его недрогнувшей рукой, словно показывая этим, что осложнения внутреннего порядка могут подождать. Короткая пауза была заполнена криками: «Браво! Браво! Тиш!» — и миссис Оски прервала свои хлоопты, готовясь слушать продолжение тоста.

— Сердц воздлюбленных стезя да будет легкой, без препон. — Заметив, что Оски уставился на него, как истукан, мистер Бантиг добавил: — Как сказал поэт.

Мы знаем, все знают, каждый из вас знает... Мэр, что это за безобразие? — спросил он с неожиданной вскыпкой раздражения.

Заунуренный вой, будто тысячи или вдруг сорвались на всем ходу, заглушил его голос. Все замерли, вслушиваясь. — Что за ч... — начал мистер Бантиг.

— Сирены! — вскрикнул Оски. — Воздушная тревога! — Он схватил свой шлем. — Все в убежище. Спокойно. Не волноваться.

— Ах, попались они мне... — начал мистер Бантиг, все слив стоя в ораторской позе.

— Докончите свою речь в щели, — пресек его Оски. Тот у него был крайне официальный.

Они вышли в сад. Необходимость прервать свадебный застрак вызвала всеобщее негодование. Миссис Бантиг сказала: — Как это похоже на немцев. — А Джуди, глядя в облака, повторяла: «У-у!» — яростно и кровожадно.

— Вы, барышни, идите ко мне в щель, — распоряджалась Оски.

ся Оски. — Вот здесь можно пролезть. Не потопчите лук.

Спокойно и деловито Оски развел всех в предписаные по инструкции безотказные места. Мистер Бантинг даже находил его спокойствие и деловитость чрезмерными. Оски явно испытывал удовольствие, впервые применяя на практике все то, что ему было известно об обязанностях начальника пункта противовоздушной обороны. Убедившись, что все рассажены по щелям, он обозрел небо, где еще не было видно ни одного самолета, и отправился за свой пост, уверенный, что ему удалось перехитрить противника.

Молодожены, мистер Бантинг и миссис Бантинг сидели все четверо в щели на скамейке в непривычной темноте и сырости. Они еле переводили дух, точно пассажиры, чуть не опоздавшие на поезд, который вот-вот тронется. Они прислушивались, смотрели на маленький кусочек неба, видневшийся в квадрате входного отверстия. Все первно ждали, что будет дальше.

— Трологиты, — пробормотал мистер Бантинг. — Вот мы кто — настоящие трологиты.

— Джордж! — вскрикнула миссис Бантинг, протестуя против употребления таких сомнительных словечек.

— А здесь не плохо, — весело сказал Эрик.

— Свадьба все-таки состоялась, мистер Бантинг, — сказала Эви, — и даже позавтракать успели.

— Да, — рассеянно ответил он. Если бомба упадет в задний конец щели, им надо пригнуться, а если в передний... Эти тактические соображения были прерваны мыслью о более неотложном деле. Мистер Бантинг встал, подошел к выходу, посмотрел направо, налево и прислушался. Секунду его глаза задержались на Эрике, точно он хотела обратиться к нему с какой-то просьбой. Потом решение было принято.

— И сейчас! — крикнул он и, выбравшись по ступенькам наружу, сразу почувствовал себя совершенно беззащитным и уязвимым. Он кинулся через лужайку к дому. Остановился у двери. В воздухе раздалось «шиш», и он зтянул голову в плечи, но это был всего-всего ветер, прошумевший в кустах «золотого дождя». Наверху зопрежнему ни звука; если верить Оски, тревогу объявляют с пятиминутным запасом. Сердце у него

капотилось, во рту все пересохло. Он сполоснул чашку, выпил воды и пошел искать противогазы.

Их не было ни на вешалке, ни в столовой, ни на перилах. Он искал с лихорадочнойспешностью, шарил под пальто, под плюшами. Впервые с начала войны противогазы исчезли, и как раз тогда, когда в них могла оказаться надобность.

Он подавил в себе тарастающий страх и с минуту стоял не двигаясь. Когда от тебя зависят другие, надо как следует подумать. И вдруг он увидел их в открытую дверь гостиной.

Он вернулся в щель совсем обессиленный и, еле переводя дух, опустился на скамью.

Эриест посмотрел яга него и улыбнулся. «Может быть, я сделал глупость, — подумал мистер Бантинг, — перенугался, сам не зная чего». Пусть смеются, ему все равно. Противогазы-то здесь.

— Папа! — сказал Эриест и сжал ему руку. Мистер Бантинг почувствовал, что его поступок, может быть, и рассмешил Эриesta, но в то же время и растрогал.

Вдруг миссис Бантинг сказала: — Слушайте!

Слабый, хрипловатый вначале, звук звирал все выше, становился громче и, наконец вырываясь на одной мгновении, торжествующий, как трубный глас. Они переглянулись, словно спрашивая друг у друга, так ли это.

— Отбой!

Они вышли из щели на воздух и солнечный свет. Джуди и Моника махали им из соседнего сада, все смотрели на небо.

— Ложная тревога, — объявил мистер Бантинг. — Кто-то напутал. Ни одной бомбы не было.

И все же они поняли, что война спас на один шаг приблизилась к «Золотому дождю».

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Как быстро трехкомнатная квартира может превратить вид идеального семейного очага, Эриест узнал сейчас же после женитьбы. Шеуутные комнаты, которые они осматривали вместе с Эви, были для нее только сырьем

материалом. Ее воображение неустанно переделывало их по-своему, а Эриест послушно выполнял замыслы своего архитектора.

За всю свою жизнь он ни разу не вбил гвоздя в стену и сначала не понимал необходимости подготовительных работ с буравчиком. Несообразительность в такого рода вещах часто заводила его в тупик, он делал промахи, за которые сгорел бы от стыда, будь это при отце, а у себя дома это вызывало только веселый смех. В обеденный перерыв Эриест ходил покупать инструменты, шурупы, гвозди и советовался с москательщиками насчет способов окраски полов, а по вечерам учился этому ремеслу на практике. Работа, которую прежде он считал грязной и потому предоставлял отцу, теперь казалась ему не лишней интереса. Она развивала некоторые умственные способности, как, например, способность логически мыслить, а умственное развитие всегда было главной заботой Эриesta. Удивительно, что разумный человек может прибрить вешалку для полотенца так, что потом нельзя открыть дверь, но он быстро научился сначала соображать и только после этого вкручивать гвозди. Часто ему казалось, что все в квартире уже доведено до пределов совершенства, но Эви, не давая ему отдохнуть, придумывала все новые и новые улучшения и давала ему новую работу.

С веселыми запавскими из окнах и единственным дорогим украшением — пастящей гравюрой над камином — просто, но со вкусом обставленная квартира стала необыкновенно уютной. Хотя Эриест и любил родной дом, по возвращение домой до сих пор не было для него главным событием дня. А войти в квартиру да Мартин-стрит и затворить за собой дверь уже само по себе было отдыхом для души.

У домашнего очага Эриест чувствовал себя в тихой пристани, зато осталльное время он проводил в обстановке, где все было ему враждебно.

Чем хуже шли дела прачечной, тем больше приходилось работать Эриесту, и нередко эта работа бывала совершенно беспродуктивна. Он организовал противовоздушную оборону, убежища, сложил мюзик с песком, где полагалось, и подолгу беседовал с местным инспектором

частей устройства в прачечной дегазационной камеры. Во всех этих собеседованиях он принимал участие только по необходимости, в глубине души считая газовые атаки и воздушные налеты чистейшей фантазией. Его настроение не улучшалось оттого, что при этих беседах присутствовал какой-нибудь офицер британской армии, чья форма бросалась в глаза, сверкая галунами, коропами и прочими украшениями. Эрнест питал истицкую неприязнь к форме и не понимал, как можно досить ее без смущения.

Всех офицеров по прачечной и объяснял им назначение той или иной машины, он постоянно слышал в ответ: «Понятно!» и «Совершенно точно!» — или, по крайней мере, эти слова запомнились ему больше, чем другие.

На той неделе Эрнест давал объяснения капитану Смиту, а на этой приходилось их повторять капитану Брауну (не имевшему никакого понятия о капитане Смите). Он водил этих туристов по прачечной с профессиопальным терпением гида из Вестминстерского аббатства. Ему хотелось только поскорее отделаться от них и вернуться к работе, которая все усложнилась и усложнялась. Достать материалы можно было только путем бесконечных хлопот, а когда речь шла о том, чтобы сохранить за прачечной работников, то и хлопоты не помогали.

В самый разгар делового дня машинастка, выглядывая из-за кучи неотправленных писем, объявила ему, что записывается в сельскохозяйственный женский отряд.

— Зачем? — спросил он сухо.

— Я тоже хочу помочь радио.

— А здесь вы разве не помогаете?

— Нет, в военное время я не хочу оставаться на этой работе. Мне первый раз в жизни представляется случай покинуть на ферме.

«Уговаривать ее нет смысла», — подумал Эрнест. Она работала хорошо, всегда помнила как раз те подробности, о которых он забывал, и заменить ее будет трудно. Но ее потянуло к присоединению. У большинства людей, выступавших в армии, наблюдалась эта тяга, и Эрнест их не осуждал. А ему это не суждено, он прикован к своей конторке.

Для сокращения рабочего дня он передко завтракал

в прачечной бутербродами, уложенными в корзинку вместе с запиской от Эви, которую он читал и перед завтраком, вместо аперитива, и после завтрака; на десерт. После этого он некоторое время читал книгу Отто Рейнбергера «Жизнь и музыка». Это была самая изумительная книга, какую он знал, переведенная в прозу одухотворенной музыки Рейнбергера. Рейнбергер первый вывел его за пределы «прикладной психологи» и научил думать о душе. До сих пор Эрнест не мог без чувства юмора думать или говорить о душе или даже слушать, как говорят другие. Об этом как-то не пришло было говорить. А Рейнбергер писал о душе так же свободно и просто, как о разуме. У всего человечества — одна душа, писал он, и через нее общается с миром художник. Сущность того, что нам возвещает поэт, доступна только душе. Она не укладывается в слова и мысли; бессмертный дух человека узнает в ней вечное.

До сих пор Эрнест делал творчество на категории: творчество поэта, или художника, или музыканта; их отделяла друг от друга техника ремесла. Теперь он понимал, что все они входят в одно братство, и с техникой это не имеет ничего общего. Они — посланцы незримого и живут только в тех душах, где находят отзвук. Принадлежать к этому братству, значит быть свободным от бремени страхов, тяготящих материалистические умы. К мировой душе можно найти доступ молитвой или размышлением, через искусство, природу или красоту во всех ее формах. На каждом из этих путей растут свои цветы, и, не стремясь к будущему, не опираясь на прошлое, можно, идя по ним, жить в вечном «сейчас» сохранив неувядаемый свой венок.

Эрнест часто задумывался над книгой, чувствуя, что все его старые вехи сорваны, и впереди смутно маячат новые. Многое он не понимал, со многим соглашался безусловно, даже в тех случаях, когда Рейнбергер не заподозрил к разуму. Но больше всего его радовал факт, второстепенный для учения Рейнбергера, чисто внешний. Эта книга пришла к нему из Германии, она написана немцем, ее читают в Германии. Там, как и здесь, есть люди, которым не чужда новая концепция жизни в лучшем и более свободном мире.

Не стыдно закрыть такую книгу и развернуть газету, как сердце сжималось от сознания контраста между возможным и действительным. Никогда еще история человечества, думал Эрнест, не была запятнана такими чудовищными по своим масштабам и зверской злобе преступлениями. Вторжение в Португалию показало его политические убеждения, обнажив последние глубины человеческой подлости. Цинические оправдания Берлинса, казалось, исходили от каких-то пияцких существ, не достойных имени человека. Рейнбергер — немец, и эти, в мюнхенском погребке, тоже немцы, но соотечественники Рейнбергера слушают не его. Они заставили умолкнуть все эти тихие, слабые голоса. Даже здесь, в Кильворте, с его старинными церквами, образ мыслей, которого держался Эрнест, не встретил бы ничего, кроме открытой вражды.

Таков был фон его умственной жизни в те мрачные дни, когда германская армия пролагала себе кровавый путь через поля Франции и слово «вторжение», словно цитата из учебника истории, стало повторяться даже самыми трезвыми людьми. Эрнест не говорил о войне с кем, кроме Эви, но ее вера в бога была проста и наивна и не могла дать ему утешения.

Иногда по вечерам она торопила Эрнеста надеть шляпу и пальто, и они шли в «Золотой дождь» наслаждаться музыкой. Главный недостаток их квартиры заключался в том, что там не было рояля, да и поставить его было негде.

Мистер Бантинг всегда шумно приветствовал их, векал с кресла, придерживая газету на животе, словно фарук, и изумленно воскликнул: «Боже мой, Эрнест и Эви!» — как будто повстречал их на пляже в Брайтоне. Он вдруг становился необыкновенно деятелен, отодвигая стулья с дороги, словно без этого гости не могли пройти. Потом зажигал газовый камин в гостиной, объяснял, что во-первых, «надо же иногда протапливать комнату», а во-вторых, что этот камин марки «Радиант» был из бронзовых, достался ему почти даром и газ расходовал в самом ничтожном количестве. Мистер Бантинг повторял все это при каждом удобном случае, трудно сказать для чего: для того ли, чтобы Эрнест не стеснялся, или чтобы оправдаться самому, ибо всем было известно, как

он много лет подряд восставал против всяких лишних расходов, связанных с тонкой камипов.

Эрнест садился за рояль, а мистер Бантинг уводил Эви в сад показывать ей новые пасаждения или отведенные для них места, причем просил ее не покупать салата, — его будет сколько угодно, когда он взойдет. Оски, у которого салат уже взошел (слишком рано, по мнению мистера Бантина), просто чудо, что его не хватило морозом), выбрав самые лучшие экземпляры, как попалось, выдергивал их с корнем, готовясь передать пучок салата через забор. Он делал это изуважения к Эви, а также и для того, чтобы похвастать своим салатом перед мистером Бантином и показать ему, как важно при посеве выбрать надлежащий сорт.

Мистер Бантинг ничего так не любил, как, забыв о войне, слушать беседу жены с невесткой о всяких перелыцовых старья и кулинарных рецептах министерства продовольствия. Хорошо было сидеть вот так, покуривая, слушать эти разговоры и наслаждаться сознанием, что у тебя есть свой семейный очаг и жена, лучшая из всех жен на свете. Если есть в жизни что-нибудь лучше этого, то мистер Бантинг очень желал бы знать, что именно. Надо полагать, эти фантазии тоже не бездомные — смыт же они где-нибудь, и очень жалко, что они не могут сидеть спокойно по домам, вместо того чтобы, папялив мундир, маршировать по улицам, точно какие-то великовозрастные бой-скауты, и притом самого глупого сорта. Жаль, что мало таких людей, как он, особенно из континента. Чем больше Бантинов, тем меньше Гитлеров, — так полагал мистер Бантинг.

Эти размышления были прерваны Эрнестом, который, растявшись из-за рояля, угостил отца сигаретой. Мистер Бантинг только в этих случаях и курил сигареты и делал это очень неловко, рояся пепел на колени и то и дело повторяя: — Очень хорошо, Эрнест, — и машинально спрашивал, включен ли газ.

Отношения между отцом и сыном теперь несколько изменились, — мистер Бантинг, повидимому, считался с тем, что Эрнест иродился выше по общественной лестнице.

— Что значит, «сесть на три точки», Эрнест? Как будто что-то такое насчет авиации?

Подумав, Эрнест сказал: — Кажется, это правильный способ посадки самолета. Но-моему, так.

— Ну, значит, все в порядке. Крис пишет, что сел на три точки. А я, было, подумал, что это какой-нибудь новый трюк. Даже парочно написал ему и спровоцировал.

Он позожил недокуренную сигарету в пепельницу и смакнул с губ прилипшую крошки табаку. Было ясно, что его сильно тревожили эти три точки, а теперь он успокоился. Не к чему выкладывать различные фокусы. Дело и без того опасное.

Несмотря на твердое намерение не разговаривать о войне, он неизменно спорачивал на эту тему. Ему хотелось, чтобы его успокоили, как ни шатки были основания для такого успокоения. Эрнесту, который видел теперь отца не каждый день, он казался постаревшим, скрывающим тоску и тревогу за панским оживлением. «Сирена» теперь не приносит успокоения мистеру Бантингу. Великие бедствия надвигаются на страну, и ничего хорошего не предвидится в будущем: мистеру Бантингу это казалось мрачным, угрожающим.

— Не понимаю, как это немцы так продвинулись во Франции. Почему мы их не остановим? Мы же раньше всегда их задерживали. Что-то они уж очень близко, Эрнест. Если дойдут до Кале, плохо дело.

И все-таки мистер Бантинг не мог поверить, что немцы дойдут до Кале. На его карте это было даже и сейчас очень далеко от того места, где находились немцы.

— Что такое «блицкриг», Эрнест?

— Это значит «мгновенная война».

— Вот оно что. Странно, что это так называется. И, удовлетворившись объяснением, он оставил эту тему.

Мистер Бантинг проводил гостей до двери, постоял на пороге, пока они не скрылись в темноте, дождался, пока не щелкнет калитка.

— Я выкурю еще трубочку, Мэри, — сказал он жече. Этой последней трубочкой мирно заканчивался день мистера Бантинга. Иногда человеку хочется остаться одному, а другой раз ему нужно общество. А домашние этого не понимают, пристают в самую неподходящую минуту. Надев туфли, застрахованной от постороннего вмешательства, он пересматривал минувший день, а

зимогда и месяцы и годы, оставшиеся позади, и это отвлекало его мысли от будущего.

Иногда изатруяющий самолет пролетал низко над городом, и мистер Бантиг прислушивался к возникавшему в отдалении гулу, к тому, как машина пролетала над домом, и вазочки на камине дрожали, точно от страха, к тому, как гул замигал в отдалении. Потом он пригоорят кухонную дверь и смотрел из косые лучи прожекторов, бесшумно подавшие по небу в поисках насекомоподобного ускользнувшего от них пятнышка.

«Может, же времец», — думал он. Эрнест говорил, что никогда они летают над Кильвортом. Разведчики, так полагал Эрнест. А может, и наши, может, даже и Крис. Во всяком случае кто-то там есть, какой-нибудь молодой человек в мохах сидит в кабине, совершая фантастичный полет между двумя мирами.

Иногда, сидя потак перед камином, он вдруг пугался своего добровольного одиночества и спешняк наверх, в уютную спальню, улечься рядом с женой. Некоторое время он тревожно прислушивался, ловя каждый звук и вероятно отдавшие уже мысли этого дня, как собака ворочит настые листья, прежде чем улечься. Гитлер, Риббентроп, Геринг, опять Гитлер — без конца, утомительно и надоедливо вспыльвали в мозгу эти имена. Где-то спали или бодрствовали сейчас эти бандиты, они жили, их можно было где-то видеть в этот самый час. Мистер Бантиг ворочался с боку на бок, твердо решив не думать больше о них. Он будет думать только о своих личных делах. Надо сосредоточиться. Вот, например, салат, отчего он до сих пор не взошел? Переложено удобре-нием, говорит Оски, а может быть, и наоборот, не положено. И, думая только о своей грядке с салатом, мистер Бантиг скоро уснул.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Каждое появление почтальона было теперь большим испытанием для мистера Бантига, как для всякого человека, у которого сын служит в воздушном флоте, однако он совсем не был подготовлен к тому погряс-

ибо, какое испытал на следующее утро, прочтя правительенную инструкцию. В нем глубоко вкоренилось предубеждение против всяких официальных бумаг; они обычно бывали непонятны и всегда приходили неистати, словом, принадлежали к разряду мелких утренних неизрятностей. Он всегда разрывал эти конверты с восклицанием: «Опять формалистика!» — и тут же отбрасывал их в сторону, считая, что они могут и подождать. Однако на этот раз инструкция была снабжена совершенно ошеломляющим заголовком: «В случае появления неприятеля».

Сначала мистер Бантинг погорячился пробежал листок, затем уделил ему более пристальное внимание. Но листок не стал от этого осмысленней и доступней человеческому пониманию; он остался таким же официальным и невразумительным, как бланк подоходного налога. Мистер Бантинг подошел к окну и в полном молчании еще раз прочел его от начала до конца.

— Господи, это еще что! — воскликнула миссис Бантинг, когда он объяснил ей, в чем дело.

— Здесь сказано, что мы должны оставаться на местах.

— Как так? Если немцы придут?

— Да, тут так сказали. — Он же мог добавить к этому никаких пояснений. Это было слишком просто и поэтому совершенно непонятно. Предполагалось, как нечто вполне возможное, что немец-парашютист спускается прямо к вам в сад. Вы выглядываете в окно, видите этот фашистский авангард и не трогаетесь с места.

Мистеру Бантингу пришло в голову, что немцы могут помешать вам не трогаться с места. Что тогда делать? Прятаться в щель? При одной мысли об этом у него даже усы ощетнились. Отнюдь не британский образ действий.

Он вышел в сад, решил поговорить с Оски, и нашел его у капустных грядок. Ему показалось сначала, что Оски не читал еще правительенной инструкции, ибо он, как ни в чем не бывало поливал поздние сорта капусты из бочки с дождевой водой. Все движения Оски выдавали в нем специалиста; глядя на него, вы сразу понимали, что тут поливка производится с должной высоты и поденным углом, и вода разбрызгивается долж-

шим образом, а не просто по-любительски выливаются, как и куда попало.

— Дождевая вода способствует росту корней. От нее почва не спекается, как от водопроводной. — Оски, новидимому, считал, что мистер Бантиг подошел к забору с целью получить кое-какую полезную информацию и, опасаясь, как бы ограниченность его ума не послужила тому препятствием, добавил несколько пояснительных замечаний насчет того, что в дождевой воде больше естественных свойств, чем в воде, добываемой из артезианских колодцев Кильвортской водопроводной компании.

— Вы тоже получили такую штуку сегодня? Как вы это понимаете?

- Оски мысленно сравнил бумагу в руке мистера Бантига с другой, которую сам читал за завтраком, и нашел, что они ничем не отличаются друг от друга.

— Я только хотел бы попасть в отряд самообороны вместо противовоздушной. Я бы показал ирокзятым гуннам.

— Но что все-таки мы должны делать?

— То, что тут сказано. Оставаться на местах. Если только вы не состояте в гражданской обороне.

— Почему бы правительству не выдать нам по пачке ручных гранат?

— Потому что тогда вы превратитесь в франтире¹.

— Не понимаю почему, — сказал мистер Бантиг, сделав паузу, в тщетной надежде получить какое-нибудь разъяснение этого слова. Он подозревал, что оно иностранное. Оски, должно быть, выудил его из газеты.

— Если хотите знать, то главная опасность для нашей страны — это «пятая колонна». Их здесь тысячи. В такие времена никогда не знаешь, с кем ты разговариваешь.

За сич последовала небольшая пауза, во время которой взгляд мистера Бантига стал вопросительным и оскорблением. Но тут Оски подошел поближе к забору и попытал голос до таинственного шепота. Мистер Бантиг понял, что он-то, во всяком случае, вне подозрений.

— Тут у нас есть кое-что, за кем не mestalo бы последить. Старик Сандерс из «Мандэля», например.

¹ Франтире (франц.) — вольный стрелок.

— Полковник Сандерс! Да ведь он обучает добровольцев.

— А-а! — сказал Оски, — это и есть его хитрость. А куда он ездил отдыхать в прошлом году? Можете вы мне это сказать? — Убедившись, что мистер Бантиг сделать этого не может, он произнес уличающее слово: — В Мюнхен.

— Ну, нет, за полковника я ручаюсь, — твердо заявил мистер Бантиг — прекрасный человек. Он хотел было упомянуть о получении от полковника ампелописея, но сообразил, что это, пожалуй, еще не доказательство.

— Если у него не все чисто, я бы его расстрелял, без суда и следствия. Вот что я бы с ним сделал. Я бы их всех перестрелял.

Первый раз в жизни видел мистер Бантиг, чтобы Оски интересовался войной или, во всяком случае, расстреливанием людей. Правда, он не раз заявлял, что считает такой конец единственным правильным для полковника Сандерса, получившего премии за свои огурцы, которых — Оски это знал и готов был подтвердить под присягой — Сандерс никоим образом не мог вырастить сам.

Нельзя сказать, чтобы этот разговор особенно помог мистеру Бантигу разрешить практические трудности, связанные с приказом оставаться на месте; на всякий случай он посоветовал же не раз внимательней перечитывать инструкцию.

Через три минуты, избудораженный душой и телом, он уже шагал на станцию в сопровождении Джули, работавшей теперь в бюро снабжения па Бардольфгрин. Сегодня шло ишоссе было еще больше солдат, еще больше военных грузовиков, еще больше этих странного вида сооружений, которые, как он недавно узнал, назывались подвижными пулеметными установками. Это оживление на дорогах вселяло смешанное чувство тревоги и уверенности; если дела принимали серьезный оборот, то во всяком случае не забывались и нужные меры. На главном килвортовском перекрестке санеры строили блокгауз.

— Ну и дела, юроды господи! — воскликнул мистер Бантиг, сдвинув назад котелок, отчего у него на лбу обнаружилась красная полоска, обозначавшая обычное

местоположение этого предмета, и тут же надвинув его обратно.

— Мне очень хочется поступить во вспомогательный транспортный корпус, — сказала Джули.

— Ты сиди в своем бюро, — ответил мистер Бантинг твердо. Он был против того, чтобы молодые девицы уходили из дома и жили в лагерях, по причинам, которые не считал уместным обсуждать с такой девчонкой, как Джули. По правде говоря, ему не нравилась и ее служба в бюро снабжения, но там опасность была совсем другого рода: бюро помещалось рядом с заводом, изготавлившим бомбы. Он очень встревожился, когда узнал об этом.

Однако магазин Брокли ждал его, тяжелый, массивный, на вид почти такой же, как в то утро, сорок пять лет тому назад, когда он пришел сюда просить место рассыльного. Окружающие здания изменились до полной неузнаваемости, но торговый дом Брокли претерпел лишь самые незначительные изменения. Он сохранил солидный, впечатляющий облик памятника викторианской эпохи, его фасад говорил о положительности, о прочности и о том, что фунт здесь всегда равен двадцати шиллингам. Однако под занавесом войны исчезнула старые традиции фирмы Брокли, требовавшие прежде всего высокого качества. И это наполняло грустью сердце мистера Бантинга. Прежнего качества товаров уже не вернешь. Оно уже после прошлой войны не вернется. Часто ли попадает вам теперь в руки кусок настоящей кожи? С той поры, когда он из мальчика на побегушках превратился в приказчика, товары с каждым днем становились все менее и менее добродушными. Пынущие молодые приказчики разинули бы рот от удивления, попадись им товар такого сорта, каким ему приходилось торговать в те годы.

Но Брокли все же попрежнему был Брокли — последний оплот старинных торговых традиций, хотя для людей, помнивших, как мистер Бантинг, прежние времена, качество стало попыткой относительным.

Повидимому, все пассажиры в поезде, за исключением мистера Бантинга, состояли в той или иной добровольной организации. Большинство были членами отрядов граж-

данской обороны; они обучались стрельбе и бросанию ручных гранат и методически готовились к истреблению каждого немца, который вздумал бы ступить на английскую землю. В известном смысле они казались мистеру Бантигу даже более грозной силой, чем молодые солдаты; те беспечно шли в бой, выполняя приказ, но разве они знали по-настоящему, что такое родина, эти мальчики? А эти пожилые люди с мрачной решимостью готовились защищать все то, что они любили и берегли всю жизнь, и они не отступят. Они будут убивать бес понады.

Но и они были молоды, по сравнению с мистером Бантигом, не старше пятидесяти лет. А ему перевалило за шестьдесят, и хотя мистер Ролло согласился записаться его, но только как «резерв». Куда же ему еще записаться?

Да, это вопрос. Он задумался над пачкой переписанных писем, и до его слуха долетелось дребезжание дверной ручки его закутка, шуршание тряпки и чье-то мурлыканье — звуки, которые можно было объяснить лишь недавним вторжением в магазин Брокли женщин-уборщиц.

— Незачем защищать эту ручку, — сказал он, открывая дверь и адресуя свои слова к маленькой энергичной фигурке в чепце и фартуке, — совершенно ни к чему.

— Ничего, ничего, мистер Бантиг. Я люблю, чтобы вещи так и сверкали. Веселей глядеть.

Заметив удивление, явственно отразившееся на лице мистера Бантига, когда она назвала его по имени, обладательница чепчика и фартука заявила, тоном радостией доверчивости:

— Я миссис Масгрэйв. Мать Чарли, знаете?

— Вот как? — сказал мистер Бантиг, недоумевая, кто такой этот Чарли. Не тот ли Чарли из подвального склада? Мальчик, в котором он пытался пробудить честолюбие.

— Да, он самый. Он сейчас в армии.

— Вот как? — повторил мистер Бантиг и, давая понять, что занят, принял распечатывать конверт. Он уже предчувствовал, что эта маленькая быстроглазая женщина будет теперь каждое утро диктовать его разговорами.

— Он служит в пехоте.

— Так, так. Только не тряте большие ручки, ужасно гремит.

— Сейчас, одну минутку, — успокоила его миссис Мастрэйв, и ручка загремела еще пуще. Мистер Бантинг ждал, терпеливо снося и эту второстепенную неприятность, порожденную войной.

Когда уборщица ушла, он вздохнул и, высунув голову за перегородку, окинул взглядом свой отдел, подсчитывая личный состав. Да, народу осталось малоевато, но старик Териер был здесь. Териер ожидал этих утренних перекличек и, заметив устремленный на него взгляд начальника, торопился отвесить псевдожий, заносчивый поклон. Он никогда не опаздывал на работу; это был один из широко рекламируемых им принципов — в положенный час являться, в положенный час уходить. Взгляд его водянистых глаз каждое утро напоминал мистеру Бантингу об этой его единственной неоспоримой заслуге.

Если торговля сейчас и начала оживляться, все же она была сопряжена с большими трудностями. В первые месяцы войны было много товаров и никакого спроса, а теперь был спрос и не было товаров. Многие товары, типичные предметы мирного времени — мороженцы, жаровли для гренников, всякого рода глупейшие новинки, которые приходилось демонстрировать покупателям, — были теперь убраны, и, что скрывать, мистер Бантинг с великим радостью наблюдал их исчезновение. Но и другие, более существенные, предметы, необходимые при постройке домов, безнадежно залеживались; кроныштейны, водопроводные трубы, все строительные материалы были теперь ни к чему, ибо постройка домов прекратилась. Только теперь стало очевидным, как много на свете ненужных вещей.

По если вам требовался предмет первой необходимости, вы никак не могли его достать. Уоткинскую печь, например, нельзя было купить ни за какие деньги. Один клиент из Элджина заказал уоткинские почки уже несколько недель назад и так часто напоминал об этом, что мистера Бантинга передергивало при одном взгляде на его письма.

Было время, когда при виде телеграммы у него замирало сердце, но теперь они приходили ежедневно. Его закуток сделался местом слияния двух потоков телеграфных сообщений: от заказчиков, требовавших товар, и от поставщиков, уверявших, что сдать товар невозможно. Мистер Бантинг был зажат между этими непримиримыми противоречиями. Он встречал каждую телеграмму гневными возгласами и таким свирепым взглядом, что любой мальчишка-рассыльный, кроме рассыльного Бикертона, умер бы от страха.

Дни мистера Бантинга слагались из ряда мелких катастроф, которые он преодолевал путем срочных телефонных звонков и консультаций с директором, а также путем внезапных налетов и пакетов на персонал; эти вспышки активности сменились периодами безделья, во время которых его приказчики обнаруживали явную склонность к расхлябанности. Никогда еще не приходилось ему иметь дело с таким жалким сбродом, как эти новые приказчики. Казалось, у них могло бы хватить соображения хоть на то, чтобы держать на прилавках кое-какие товары и делать вид, что они чем-то заняты, на случай, если заглянет мистер Бикертон. Заведующему отделом не совсем удобно давать своим подчиненным советы такого рода, по сам он, когда был приказчиком, поступая именно так. Но нет, где там: после того как они, подговариваемые мистером Бантингом, обливаясь потом, заканчивали упаковку и отправку срочного заказа, они тотчас делали передышку. Они делали ее совершенно открыто и педвусмысленно, как кесцы, отдыхающие в жаркий полдень в тени изгороди. Когда голова мистера Бантинга появлялась над перегородкой, они смущенно выпрямлялись, всем своим видом давая понять, что им решительно ничего делать, — извечное заблуждение всех приказчиков скобяных отделов. Мистер Бантинг знал по опыту, что как раз в такие моменты следовало ожидать появления хозяинта, чей взгляд тут же замечал какое-нибудь мелкое упущение. Так было при старом Джоне, так было и при мистере Бикертоне. А в те минуты, когда служащие боялись запятнаны делом, начальство никогда не появлялось.

Мистер Бантинг был особенно суров по утрам и лишь слегка смягчался после завтрака. Правду сказать, он

сильно уставал, и пищеварение у него разладилось. Он все чаще и чаще прибегал к содовым лепешкам и прескруранту, который был для него такой же маскировкой сплошного безделья, как для сообразительного приказчика, разложенные на прилавке товары. Перелистывая страницу за страницей, он давал отдых своим ногам и своей совести, ибо разве можно упрекнуть заведующего за то, что его подчиненные пользуются моментом, когда он занят исполнением своих прямых обязанностей.

В одну из таких минут он услышал легкие шаги и, приоткрыв дверь закутка, увидел пожилую леди. Иначе как «леди» со назвать было нельзя — мистер Бантинг обладал тонким чутьем во всем, что касалось качества. У нее было маленькое миловидное лицо и седеющие волосы; она растерянно остановилась в дверях и, увидев мистера Бантинга, сразу с тем безошибочным чутьем, которое подсказывает робким желчицам, у кого они найдут помощь, обратилась к нему.

— Не скажете ли вы мне, как пройти в кабинет к моему мужу?

Мистер Бантинг почтительно склонил голову.

— Я миссис Бикертон.

— Да, — произнес он, и на его лице отразился живейший интерес; он преисполнился галантности: он не только укажет ей путь, он сам ее проводит. Но в эту высокоторжественную минуту с улицы в магазин вошел Тернер с номером «Стандарта», торчащим на четыре дюйма из-за отворота его пиджака. Он направился прямо к прилавку, с самым вызывающим видом по всю ширь разложил на нем газету и уткнулся в нее носом.

При виде такого вопиющего нарушения дисциплины, совершенного к тому же в столь неоднодушный момент, мистер Бантинг рванулся было к Тернеру, но затем, передумав, направился вверх по лестнице. Но он был чрезвычайно озабочен. Ему не сразу удавалось справиться с дверными ручками. Он скотыкал о ступеньки и всем своим видом выдавал свое душевное волнение. Он принял происшедший внизу инцидент очень близко к сердцу: это компрометировало его как заведующего отделом, и хотя мистер Бантинг обычно не придавал большого значения своему высокому званию, но в известных случаях умел

поддержать свое достоинство. Кроме того, никогда нельзя знать, что может взбрести на ум женщине, не считая ли она супружеским долгом сообщить мужу о некоторых наблюденных ею фактах.

Когда он вернулся в отдел, челюсти у него были стиснуты, губы сжаты. Никогда, с тех пор как он заведует отделом, не случалось у него подобного, да еще в столь неудачный момент. Чтобы приказчик занимался чтением газет за прилавком, без всякого стеснения размахивая этой газетой на глазах у всех, из глазах у самого заведующего! Ну, он сам виноват. Сколько уже раз собирался он предостеречь Тернера, да все откладывал по слабости характера, — и хотелось поднимать шум. Но теперь откладывать больше нельзя, ни на секунду. Он зашагал сию быстрей, словно спеша наверстать упущенное.

Вот он, Тернер, — так и прилип к развернутому на прилавке газетному листу, позабыв все на свете, кроме тофийских известий. Мистер Бантиг не подошел к нему, а ринулся па него, словно коршун па добычу. Он выхватил газету из рук Тернера и с цылающими щеками яростно смял ее, превратив в бесформенный комок.

Тернер устремил на него растерянный взгляд, как человек, крепко уснувший и грубо поднятый с постели; его водянистые глаза мигали, кадык дрожал. Но все это тщедушие не могло уже смягчить праведный гнев мистера Бантига.

— Что это за безобразие! Рухнулись вы, что ли? Вы знаете, где вы находитесь?

Тернер не ответил, только отшатнулся, словно от невидимого удара, и ухватился за край прилавка, ища опоры.

— Не можете подождать со своей газетой, пока домой придет? — и все повыше голос; — Не можете, я вас спрашиваю?

Тернер молчал. Он смотрел па мистера Бантига отсутствующим взглядом, словно видел его сквозь пелену тумана. Но мистер Бантиг видел его вполне отчетливо и не скрывал своего презрения.

— Какой вообще от вас толк? Вечно вы все путаете. Дела своего не знаете. А вот читать газеты... — Он снова повысил голос, взбешенный бесмысленным выражением лица Тернера: — Что вы, собственно, думаете, а?

Мистер Бантинг задыхался, но Тернер не отвечал ничего, во всяком случае ничего внятного, хотя губы его шевелились. Нагнувшись к нему, мистер Бантинг уловил только: «Бэджер».

— «Бэджер»? — воскликнул он вине себя. — «Бэджер»! О чём вы говорите? Совсем спятили?

— Эсмисец «Бэджер», — хрюпало повторил Тернер. — Да пак мой сын. Сегодня в газетах.

Мистер Бантинг застыл на месте; он чувствовал, как после пережитой вскипки кровь стучит у него в висках, казалось, среди полной тишины раздаются тромкие удары по паковальне. На несколько секунд он точно оцепенел, затем слова увидел перед собой Тернера, увидел его бесцветные глаза, еще более водянистые, чем обычно, дрожащие губы, шевелившиеся беззвучно, как извивающаяся в воде рыба. Мистер Бантинг нагнулся, поднял с пола смятую газету и расправил ее на прилавке. Теперь ему было все равно, если кто это и увидят.

Тернер показал пальцем: — Вот посмотрите, мистер Бантинг. Судно затонуло, и...

Мистер Бантинг, ничего не видя, наклонился над газетой. Щеки у него лыкали. Стыд, раскаяние, чувство содроганий несправедливости терзали его. Он не смел взглянуть Тернера в лицо, да этого и не потребовалось, ибо секунду спустя он услышал, как Тернер, словно пустой мешок, свалился за прилавок.

Кто-то помог ему усадить Тернера на стул, после чего он послал рассыльного в кафе Мак-Эндрю за горячим чаем. Потом он еще несколько минут беспечно торчал около приказчиков, хлопотавших вокруг бесчувственного Тернера.

Позже он сидел в своем закутке, чувствуя себя глубоко несчастным. Сколько раз смотрел он сквозь пальцы на разные беспорядки: то ему не хотелось поднимать шум, то казалось проще сделать вид, что он ничего не замечает, то находилась какая-нибудь другая, столь же малоуважительная причина. А вот сейчас, когда нужно было проявить смиренность, он разорвался и газерепился, и — что тут скрывать — ему даже приятно было, что он мог покричать на Тернера, мог проявить свою власть, в то время как ему следовало бы просто выка-

зать немножко сердечной доброты. Мистер Бантинг мало что так ценил, как сердечную доброту; это лучше, чем остроумие и воспитанность и все остальное, приобретенное искусственным путем, — это неподдельное человеческое чувство, таящееся в глубинах души. А ему-то этого основного, человеческого, и нехватило, да еще во время войны.

Напрасно другой половиной своего сознания он убеждал себя, что никак не мог знать, что написано в газете. Это не оправдание: он знал, что у Тернера сын из эсминца, и знал также, что Тернер один из тех, кого Кордер называет «нищими духом». Да, он знал достаточно, чтобы вести себя иначе.

Все эти беспорядочные мысли пропосились в его мозгу, пока он, присмиревший и пристыженный, сидел, опершись локтями о письменный стол, покусывая костяшки пальцев, терзаемый угрызениями совести. Ибо он обладал чувствительной совестью и тем, что называется «принципами». Он не смог бы объяснить, в чем они заключались, но они вкорелись в нем глубоко и прочно.

Сидя так в своем закутке, он дал себе торжественную клятву никогда не забывать о том, что если люди ведут себя странно и доставляют нам исприятности, то, может быть, это потому, что они переживают личное горе, причиненное войной. Это бессовестное и неясно сформулированное решение приободрило его. — Унал — так вставай, — пробормотал он. — Побит — дерись лучше. Вот как нужно. Какой толк сидеть и терзаться? — Он взялся за свои бумаги.

Мистер Бикертон недавно распорядился произвести инвентаризацию, желая выяснить, в какой мере фирма может расширять свои ресурсы для выполнения заказов организаций противовоздушной обороны. Это распоряжение доставляло нему уйму хлопот, и притом совершенно лишних, по мнению мистера Бантинга. Инвентарь своего отдела он мог с таким же успехом проверить по отчетам. В душу его закрадывалось подозрение, что мистер Бикертон точно так же выискивает работу для заведующих, как те выискивают ее для приказчиков.

И вот он сидел, складывая бесконечные столбцы цифр, карабкаясь по ним, как каменщик с грузом кирпичей.

но строительным лесам, чувствуя, что у него все сильнее кружится голова, но мере того как он забирается все выше. Он разложил перед собой листы с записью итогов, тщательно вписал полученные суммы в подсчетные графы, то и дело теряя промокашку, пачезавшую под грудой бумаг, и припаялся сверять итоги; и всякий раз, как итоги не сходились, он сердито ощетинивался и с укором взирал на непокорные цифры, словно обвиняя их в том, что они самовольно покинули свои места. Нельзя сказать, чтобы эта работа была ему по душе, но она поглощала все его внимание и отвлекала от мыслей о Териере.

Голос Кордера, спокойный и настойчивый, прозвучал внезапно над самым его ухом:

— Тревога, Джордж. Все ушли в подвал. А ты что ж, не слышал, что ли?

— Что такое? Тревога?

— Скорее в катакомбы, — сказал Кордер, знаком прятавшая мистера Бантина следовать за ним.

Мистер Банting вышел в опустевший отдел. Все приказчики уже спустились вниз; в отделе ковров тоже было пусто. Должно быть, кто-то заметил отсутствие мистера Бантина, и Кордер вернулся за ним.

— Странно! Как это я ничего не слышал! — удивленно воскликнул мистер Банting, спускаясь вслед за Кордером по лестнице. То, что он ухитрился проворонить спринту, занимало его сейчас больше всего.

Кордер искоса с улыбкой посмотрел на него. — Не слышно ничего в этих закутках, а?

— Должно быть, так, Джо. Я был очень занят.

Все были уже в подвале: заведующие отделами, приказчики — все, даже мистер и миссис Бикертон. При виде ее мистер Банting немного растерялся, но тут же вспомнил, что ему легко будет оправдаться: достаточно только рассказать мистеру Бикертону о сыне Териера.

Вот они сидят — маленькая кучка смущенных людей, все чувствуют себя неловко, все говорят притупленным голосом. Молодежь переплетывается в угол и потихоньку дурачится; мальчишка-рассыльный сосет перепачканные чернилами пальцы. Пожилые люди степенно сидят из

ящиках с товарами. Миссис Бикертон сидит на стуле, — откуда он здесь взялся, мистер Бантиг не имел понятия, — а ее супруг стоит рядом, заложив руки за спину: вид у него озабоченный; видимо, он досадует на бесмыслицу трату времени. «Разумеется, это досадная трагедия времени, — думает Бантиг. — Вся деловая жизнь города, вероятно, замерла».

— Это что ж, Джо, начинается пресловутый гитлеровский блицкриг, что ли?

— Да что-то ничего не слышно. Нет, стой, слышу, — и Кордер вытянул шею по направлению к окну над рабочей скамьей. Благословенны гудки сирен! Отбой!

Все гуськом поднялись по лестнице, мистер Бантиг встал с ящика с недовольным кряхтением. Неужто нельзя проверить как следует, прежде чем паводить из людей панику? Он сел за свой стол, привел в порядок бумаги и постарался привести в порядок и мысли.

Цифры стояли еще более неприступной стеной. Он двинулся на них в атаку и отступил, двинулся снова и, совсем спутавшись, отложил перо. Нет, ему их не одолеть.

Ему пришло в голову, что можно отнести все эти вычисления домой, к Эрнесту; тому никогда не надоедало доказывать, что четыре и три в одном столбце совершиенно то же самое, что пять и два в другом. Он неизменно получал удовлетворение, когда все именно так сходилось, как он ожидал. Да, Эрнест легко справился бы с этим, но уносить с собой деловые бумаги не годится.

— А, чорт бы побрал эту тревогу! — пробормотал мистер Бантиг. Она прервала его как раз на середине самой длинной колонки. Вот уж второй раз объявляют тревогу, и хоть бы одна бомба. «Нет уж, в следующий раз с места не сдвинуться, пока они не начнут падать», — подумал он упрямо.

Сейчас ему больше всего на свете хотелось покурить, но взгляд на часы убедил, что придется потерпеть еще полчаса. — Ну и дешек! — пробормотал он. — Ну и дешек! — Он сидел расстроенный и праздный, прислушиваясь к тиканью часов, приближавших час избавления.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Первое, что бросилось мистеру Бантингу в глаза, когда он в этот вечер открыл дверь в переднюю, были пилотка и плащ, висевшие на вешалке. Крис неожиданно приехал в отпуск. Мистер Бантинг сразу разболтался. Позабыв оставить зонг и чемоданчик, он распахнул дверь в гостиную, и там на коврике перед камином стоял Крис. Другой Крис, подтянутый, возмужавший, по все такой же мальчик, каким был. На груди серебряные крыльяшки — эмблема британского воздушного флота.

Учащенно мигая, не то от яркого света, не то от пальмынувших на него чувств, мистер Бантинг подошел к сыну и, схватив его за руки повыше локтей, крепко их сжал. Это почти находило на объятие. Сердце его было переполнено: он промычал что-то, откашлялся и воскликнул: — Ну, Кристофер! Рад тебя видеть. Очень рад!

— И я по тебе соскучился, папа.

Мистер Бантинг отстрился немножко, и Крис, улыбаясь, оглядел его с головы до ног. Мистер Бантинг не раз сомневался в привязанности своих детей, а вот сейчас он встретил такую простую и сердечную ласку, что больше и желать было нечего.

После первой стадии бессвязных приветственных восклицаний они сели рядом, и мистер Бантинг принялся рассматривать сына. Из кухни допосвился оглушительный стук тарелок и сковородок, вызывавший в памяти торжественные семейные обеды в сочельник. Миссис Бантинг, хотя и застигнутая врасплох, старалась не ударить в грязь лицом. Мистер Бантинг и Крис, будучи выше этой женской сути, держались в стороне, предвкушая, однако, результаты этой усиленной деятельности. Ровно два дня в его распоряжении, сказал Крис. Выдержав все испытания и получил назначение в авиаотряд.

Мистер Бантинг смотрел на сына и думал о том, что проредала Крис — за то время, пока они не виделись, сколько миль он отмерил по воздуху, бог знает как высоко над родной землей, в облаках, в бездущем голубом пространстве... и всякий раз благополучно возвращался вниз. Поразительная вещь, совершенно поразительная, хотя бы это повторялось изо дня в день. Мистеру Бантингу вспомнился

вилось то время, когда быстрая езда на велосипеде казалась пределом безрассудной отваги.

Видно было, что для Криса полеты все равно, что поездка в «конвэс». Но мистер Бантинг не мог к этому так относиться. По правде говоря, он чувствовал огромное облегчение от сознания, что сейчас-то по крайней мере Крис находится на земле и в полной безопасности, а не где-то там паверху, в воздухе.

— Авиаотряд, говоришь? — переспросил он, не совсем понимая, что это такое.

— Ну да, и я ужасно рад, сказать по правде.

— Значит, все хорошо, — заметил мистер Бантинг с удовлетворением.

Из кухни выглянула Джули. — Ты, наверное, пойдешь с Моникой куда-нибудь сегодня вечером?

— Ты хочешь сказать «божественной» Моникой? — мягко спросил Крис.

Джули покраснела. — Да нет... Вы пойдете куда-нибудь?

— Ничего не выйдет. Моника вернется домой только завтра. Пritлось послать ей телеграмму.

— Я пойду с тобой, если хочешь.

— Накуда Крис не пойдет. Только приехал и уже итти.

— Мы только на минуту, папочка, к Мэвис. Нужно вернуть книжку.

— Ты, кажется, собираешься итти за собакой, — сказал мистер Бантинг, озадаченный этой перемежкой плавов. — Вот уж целый месяц, как я только и слышу от тебя, что про черных шотландских терьеров. Ты же писала Берту, чтобы она сообщила тебе адрес какого-то собачника.

— Вот как, ты писала Берту? — спросил Крис. — Ну, знаешь, ему там во Франции есть о чем подумать, кроме твоих собак. Армия отступает со скоростью сорока миль в день.

— А он мне все-таки ответил. Но собака может излождать. Мы только на минуту зайдем к Мэвис.

— Однако хватило у тебя парадельств писать Берту, — повторил Крис, пораженный дерзостью своей сестры. — Если бы ты звала...

— Ладно, ладно, не ссориться, — вмешался мистер

Бантинг, в ответ на что Крис и Джули разом обрушились из него, уверяя, что они и не думали ссориться: станут они ссориться, когда Крис приехал в отпуск! Они протестовали с таким жаром, что совсем оглушили мистера Бантинга. Когда они дали ему, наконец, возможность раскрыть рот, он заметил, что если собака может подождать, то и книжка паверное тоже; весь дом и так завален чужими книгами, сколько раз он им говорил, что книги надо вернуть.

— Ой, папочка! Ну, перестань ворчать! Ты испортишь весь отпуск Крису, — заявила, наконец, Джули, после чего мистер Бантинг сразу примолк и огорченно задумался. Уж он-то меньше всех — и это им хорошо известно — склонен портить людям настроение. Просто он пытался рассудить здраво. Но если Крису хочется идти к Мэвис, пусть идет. Это маленько недоразумение расстроило мистера Бантинга.

Оставшись один, он направился к жене обсудить планы на вечер.

— Л, пожалуй, забегу к Эрнесту и Эви и притащу их ужинать. Проведем вечерок все вместе.

Возвращаясь домой, он чувствовал страшную усталость, но сейчас ее как рукой сняло. Он взял фонарик и палку, чтобы не споткнуться где-нибудь на незнакомом тротуаре, и отправился на Мартин-стрит.

Мистер Бантинг любил бывать там и частенько заходил потолковать с Эрнестом насчет войны. Он никогда не уходил от них, не подкрепившись глотком виски, ибо Эви свято верила в целебные свойства этого напитка, если его употреблять в подходящих случаях. По мнению Эви, разумное потребление виски отнюдь не являлось излишеством, а уж кому же лучше знать, как не ей, раз она работает фармацевтом у доктора. Эти ее слова, да и многие другие, не раз питировались им в коттедже «Золотой дождь», где господствовало мнение, что Эви его балует.

Эрнест вторично был забронирован, и это радовало мистера Бантинга: довольно и одного сына в армии, причтом Эрнест уж павершка попал бы в какую-нибудь беду. У Эрнеста были странные взгляды, если подходить к нему с обычной меркой. Если он заберет себе в голову, что

что-нибудь дурно, причто в мире не заставит его удержаться от критики. Он, образно выражаясь, один из тех людей, которые с радостью идут на расстрел во имя своих убеждений, ибо это наиболее красноречивый способ показать, как эти идеи им дороги. Эрнест не станет делать попыток освободиться от воинской повинности «по моральным убеждениям» — это было бы слишком легко. Он должен бороться и страдать за то, во что верил. Все же его взгляды на войну постепенно менялись. Мистер Балтинг не вполне ясно понимал происходившую в нем перемену, как, впрочем, не понимал ничего и в прежних идеях Эрнеста, за исключением того, что они были неосуществимы.

Эта неосуществимость его идеалов была основным предметом споров в маленькой квартирке Эрнеста.

— Сколько ты ли думай о коченеющих от стужи корсиканцах, ты руку не удержишь на огне, — любил повторять мистер Балтинг, пытаясь цитировать Шекспира или еще кого-то из любимых поэтов Кордера. Нужно принимать жизнь такой, как она есть, и на этом и строить идеалы, а не обманывать себя, воображая, что ты можешь так сделать, чтобы весь мир подчинился твоим теориям. Если бы каждый верил в то, во что верят Эрнест, война бы больше не было, с этим мистер Балтинг согласен, но в том-то и горе, что далеко не все в это верят. Прежде всего не верят немцы или, во всяком случае, нацисты. И с такими людьми нельзя миндальничать. Из своего личного опыта мистер Балтинг знал, что есть люди, убеждать которых в чем-нибудь — пустая трата времени.

— Треснул бы кто-нибудь как следует Гитлера по башке, когда он только начинял безобразничать на улицах, и не было бы никаких нацистов, — частенько повторял он. — Тогда, в самом начале, это было просто. А теперь для этого нужен миллион вооруженных людей.

По сегодня вечером он не собирался спорить; прошло то время, когда война была отправным пунктом для всевозможных теоретических рассуждений. Даже Эрнест, видевший жизнь в каком-то таинственном мерцании, пачинял тревожиться; обладай он способностью своего отца видеть вели в трезвом, дневном свете, он тревожился бы

еще больше. Мистера Бантинга до мозга костей пропицировал страх, что вся британская армия попала во Франции в ловушку и его соотечественников ожидают там либо поголовное истребление, либо капитуляция. Когда он, постукивая палкой по тротуару, медленно пробирался в темноте, лицо у него было испуганное, — длем он никому не показал бы такого лица. Беспримерное бедствие нависло над ними, неизбежное, неотвратимое. Дальше этого он ничего не видел.

Нужно было найти спасение от этого кошмара. Ведь Крис приехал в отпуск! Позвонив, он стоял на ступеньках и, как актер перед выходом, старался согнать заботу со своего лица.

Эрнест и Эви сидели за чаем, маленькая дешевая лампа на столе уютно освещала комнату, разбрасывая пятна света и тени. Вечерняя газета, аккуратно сложенная, лежала на диване, крупные заголовки бросались в глаза. У себя дома Эрнест выглядел взрослее, солиднее. Мистер Бантинг мысленно представил его себе в сорок лет и старше. Какова-то тогда будет жизнь?

Усевшись в мягкое кресло, по правде говоря, не казавшееся ему таким уж мягким, ибо мистер Бантинг, с трудом привыкал к новым вещам, он выложил свои новости: приехал Крис, они ждут их к себе ужинать. Он даже предложил Эрнесту немножко поиграть им на рояле.

— Фуги? — спросил Эрнест, чуть-чуть улыбнувшись.

— Я запасся резиновыми затычками для ушей. Надо было купить их десять лет назад; верно, Эви? Но теперь я глух ко всем немецким грохотам... и не только к назетам.

Он установил чайную чашку на колени. Но шутки скоро иссякли, и война незаметно прокралиась в беседу.

— Этот твой любимый, который писал опусы, как его... Отто, — ему же повезло, знаешь?

— Кто, Рейнбергер?

— Он самый. Есть в газетах.

Эрнест широко раскрытыми глазами уставился на отца; затем встал и взял в руки газету. Он перелистывал полосу за полосой, пробегая глазами по столбцам, и, наконец, замер над каким-то незаметным сообщением.

— Он умер. Через три недели после заключения в концентрационный лагерь Дахау.

Эрнест поднял глаза от газеты и увидел, что это сообщение ничего для них не значит.

— Через три недели, — повторил он как бы про себя. — Умер... через три недели.

Он снова сел. Газета упала на пол рядом со стулом. Он был потрясен. — Рейнбергер, — произнес он. — Что они с ним сделали?

— Не принимай так близко к сердцу, милый. Ничего уж тут не поделешь.

Эрнест посмотрел на нее. — Ах, Эви! Этот человек был надеждой Европы.

Мистер Бантиг обмедялся с Эви взглядом и покачал головой. Он в эту минуту больше сочувствовал Эви, чем Эрнесту; он подошел к ней и погладил ее по плечу. — Пойдемте к нам. Позабудем про эту проклятую войну. Мне хочется доставить Крису удовольствие.

По дороге до Кэмберленд-авеню Эрнест не сказал почти ни слова. Рейнбергер, а не Крис, заполнял сейчас его мысли. Нечально, что Эрнест так тяжело воспринимает жизнь и всецело мучается из-за таких вещей, которые, по мнению мистера Бантига, никак его не касаются. Вот хотя бы этот Рейнбергер — кто он такой? Гуманитарий, и ничего больше.

Должно быть, Эрнест ничего не может с собой поделать; нужно быть списходительным. Мистер Бантиг вздохнул. Он уже получил сегодня хороший урок от Тернера.

Все же, как-никак, сегодня Крис приехал в отпуск, и такое настроение никак не годится. Придя домой, он приложил все усилия, чтобы разрядить атмосферу.

Крис и Джули были уже дома. Миссис Бантиг поставила ужин на поднос и поразила всех, заявив, что оставшиеся ее дела могут и подождать. Это было неслыханной уступкой семейному торжеству. Мистер Бантиг с чрезвычайной гамалтностью и немалой суетой помог Эви снять пальто, с улыбкой заглядывая в зелено-карие глаза, которые с особой лаской лучились ему в ответ...

Потом Эрнест, стряхнув с себя, наконец, меланхолию и вспомнив совет жены, сыграл несколько веселых всадниц на рояле, не позабыв даже любимую отцом «Лилию

лагулы», а мистер Бантинг со стаканом портвейна в руке громко подхватил мелодию, исполнив первую за многие годы соло в семейном кругу.

Весела тоже была оживленной, уверенность и бодрость Криса всех успокоили. Действующая армия, как видно, не пугалась газетных заголовков. Она была готова к бою и жаждала immerяться силами с врагом. О воздушном Флоте Крис говорил мало, по то, что он сказал, произвело огромное впечатление на мистера Бантинга. Это звучало так просто и деловито.

— Я слышала, — сказал мистер Бантинг, внося в свою лепту оптимизма, — что бомбы, которые гуппы сбрасывали в Скапа, помечены тридцать девятым годом. А наши бомбы, как говорят, тридцать второго года.

— Ты хочешь сказать, что они старые, папочка?

— Дело не в том, — и он объяснил им, в чем дело. Это совершенно ясно, хотя он сам тоже не сразу понял. У немцев, значит, мало боев, раз они берут их прямо с завода. А мы напасли много, конили из года в год.

Это звучало отрадно — лишнее доказательство того, что англичане по такой уж медлительный народ, каким они никогда прикидываются. В те минуты, когда мистер Бантинг не осмыкал насмешками правительство за его неповоротливость, он, усмехаясь про себя, думал, что тут, пожалуй, добрая половина притворства. Миссис Бантинг, со своей стороны, заметила, что было бы хорошо, если бы немцы совсем остались без бомб.

— А как на них помечают дату, папочка? — спросила Джули.

— Ставят штемпель, как на конвертах, — сказал Эрнест, и это замечание, хотя, быть может, и излишне саркастическое, все же показывало, что Эрнест слова стал теми им самой.

Вечер закончился грандиозным ужином, причем на столе появились все любимые Крисом блюда, включавшие, по счастливой случайности, также все любимые кушанья самого мистера Бантинга. Несмотря на то, что от сверхсытного ужина все немного отяжелели, мистер Бантинг настойчиво подливал в стаканы портвейн до тех пор, пока в бутылке не осталось ни капли. — О, виноградный сок! — сказал он. Омар Хайям! Наполним чаши!

Долго помнил мистер Балтинг этот вечер, полный дружеских бесед и веселого смеха, словно похищенный у омраченных тревогой дней. Это был почти единственный по старинке проведенный вечер, какой он мог припомнить, за исключением рождественских вечеров. Отрадная минута, подаренная войной.

Он поднялся в комнату Криса пожелать ему доброй ночи и увидел, что тот сидит на постели, подтянув колени к подбородку, и бесцеремонно курит трубку.

— Иди, садись сюда, — приветствовал его Крис, не догадываясь, повидимому, о совершающем им преступление. Он поклонил рукой по одеялу. — Бери табачку и закуривай.

Мистер Балтинг уселся на кровати, чувствуя себя не совсем в своей тарелке. Сам он, ввиду торжественного случая, готов был посмотреть сквозь пальцы на курение в спальню, но как быть, если запах дыма достигнет чувствительного носа миссис Балтинг? Вся вина падет на него, а не на Криса, его сейчас же пепсирахально обвинят в том, что это он его совратил. Сознавая чудовищность всего происходящего, он взял табак из кисета Криса и набил трубку.

— Неплохой табачок, — заметил он. Даже не верится, что он сидит у Криса в спальню и курит его табак; три месяца назад это было бы просто невозможно. Удивительно, как война все меняет.

— Протяни ноги на стул и дай-ка мне поглядеть на тебя как следует. Ты себе представить не можешь, как мне хотелось попасть домой.

— Тебе нравится твоя служба, Крис?

— Еще бы! Это настоящая жизнь. Естественно... — и тут Крис сделал паузу и выколотил пепел из трубки прямо в фарфоровую вазочку на туалетном столе. — Если я сковыриусь, ты получишь извещение из магазин, а не сюда. Незачем пугать маму.

— Хорошо. Будем надеяться, что этого не случится.

— Да я сказал просто так, на всякий случай.

— Понимаю.

Они курили, беседовали, иногда молчали; и все это время мистер Балтинг с нежностью смотрел на сына. Только один Крис из всех детей унаследовал круглые щечки

ки и серые глаза Бантигов. Эрнест и Джули были худощавы и темноволосы, очень впечатлительны, наделены живым воображением и склонны к различным фантазиям и придумкам, о которых Крис никогда не попытывался. Он был так же далек от всяких психологизмов и прочих измов, как и его отец, но относился к ним более терпимо; у него были другие идеи, нежели у его отца, потому что он был моложе, но восприятие жизни у них было одинаковое. Остальные всегда с досадой слушали мистера Бантига, а Крис принимал его слова без предубеждения и дружески поправлял его, как равный равному. Они всегда хорошо ладили, и в детские годы Криса отец был самым близким его другом: они вместе ходили на футбольные матчи, и отец являлся для мальчика непререкаемым авторитетом во всех вопросах. То были счастливейшие дни отцовства; и если эти дни миновали, когда Крис подрос, разве не могут они вернуться? Эта ночной беседа в его спальне и запретное курение, придававшее ей легкий оттенок приключений, укрепляли близость между ними. Когда-нибудь война кончится, и у него будет родственная душа, дружественный спутник его старости.

Но за этими мыслями таялась все время еще одна: он хотел выразить ее Крису и не решался, боясь, как бы не вышло глупо, и поэтому держал ее про себя до последней минуты, пока не поднялся, чтобы уйти. В конце концов молодежь всегда одиозакова, все забывает. Дружеский совет помешать не может.

— Я заметил одну особенность в катастрофах с самолетами, — сказал он самым небрежным тоном. — Чаще всего, как мне кажется, они происходят оттого, что у летчика глухнет мотор. Ты будь с этим поосторожнее, Крис, когда летаешь. Не давай своему мотору заглохнуть. — Он посмотрел на Криса, и в его взгляде отразилась боязнь показаться смелым и другая, более глубокая тревога.

— Буду помнить об этом, папа. Я совсем не хочу сломать себе шею. Я ведь должен думать о Монике.

— Разумеется, — согласился мистер Бантиг. Том не менее это причинило ему боль. — Спокойной ночи, Кристофер.

Мистер Бантиг тщательно выколотил трубку в фарфор-

ровую вазочку. Скверная, неопрятная привычка. Мэри подпяла бы отчаянный шум; он сам был поражен своей дерзостью. Но Крису, конечно, все простится.

Он отворил дверь и прислушался: миссис Бантинг спала крепким сном. Он на пыточках вошел в спальню.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

Такого чудесного лета, как это лето тысяча девятьсот сорокового года, мистер Бантинг положительно не мог припомнить. Поля вокруг Кильверта расстилались за окном вагона такие зеленые и сочные, как никогда, и ветерок пробегая по ним легкой рябью. А живые изгороди в цвету! Лондон весь золотился от солнца, зеленые скверы на площадях были похожи на глубокие темистые пруды,— они маячили разомлевших от жары горожан оставить свои конторки и прилавки и снова стать детьми природы. По мистер Бантинг бросал лишь рассеянный взгляд на всю эту красоту; она наполняла его сердце печалью, словно каждое дерево, каждый цветок, каждая щебечущая пичужка были только эхом, только отголоском близящегося к крушению мира.

Все ближе и ближе громыхали тяжелые колеса немецкой военной машины, и казалось — ее не остановить. Непривычные твердыни прошлой войны уже нали. Одцадцать часов переправлялись из Дюнкерка войска — почти целая армия и с ней Берт Ролло. Его отец с поразительным бесстрастием рассказывал, что сын известил его о своем спасении двумя строчками на почтовой открытке. Когда Ролло-младший вернулся домой, он показался всем неестественно молчаливым и замкнутым. Мимолетно вспомнив в памяти, Берт исчез из мыслей мистера Бантинга, — человеческая пещинка, затерявшаяся в колимаре этих дней, либо все взоры были сейчас прикованы к Франции.

Все побережье этой несчастной страны от Ламанша до Атлантического океана, город за городом, занимал враг. Все, чего, по заверению авторитетных лиц, пельзя было допускать, произошло; и это было только началом. Франция шаталась; и не пашлось руки, достаточно крепкой,

голоса, достаточно твердого, чтобы поддержать ее. Вся Франция была в смятении, последние известия устаревали раньше, чем умолкал голос диктора.

Все эти события мистер Бантинг старался свести воедино и трезво обдумать. Факты нужно смотреть в лицо, и он старался делать это с тем хладнокровием, которое помогает сохранять мужество до самой последней минуты, пока земля не разверзется под ногами. Он думал о том, что есть же, наверно, какой-нибудь стратегический ход, при помощи которого можно ударить по слабому месту настягающего все силы противника и отбросить его назад. Он придумывал тысячу всевозможных планов, согнувшись над картой, слегка вытятив нижнюю губу. Лишь об одном он никогда не думал, — о капитуляции, ибо он был не из тех людей, которые легко осваиваются с мыслью о поражении. Весть о капитуляции Франции была для него потрясением, равного которому он не переживал за всю свою жизнь. Он выслушал ее с таким замирием сердца, что понял сам: это оставит на нем след до конца его дней.

Когда передача известий окончилась, он выключил радио и, оглушенный, остановился у окна, глядя в сад. Был тихий июньский вечер, в саду во всей своей красе благоухали розы, и над красными крыпами и лестными холмами медленно спускалось солнце, точно ему было жаль покидать такую прекрасную страну. Но закат не вызвал в мистере Бантинге никаких мыслей; мозг его окаменел. Все, казалось, умерло в нем, и только сердце сжалось и расширилось, точно оно жило у него в груди независимой от него жизнью. Он взглянул на жену и дочь, как ни в чем не бывало пакрывающих на стол. Не понимают они, что ли? Неужели он один способен думать и чувствовать? Он сел с пини за стол, но есть не мог, зато много пил и сразу почувствовал слабость. Ему даже показалось, что он болен. Но он знал, что это не болезнь.

Поскорее покончив с ужином, он выпил в сад. Оски, присев на корточки около грядки с цветущей капустой, оберегал гусениц. Тоже написал чем заниматься в такую минуту! Однако вот он сидит, приподняв лист за листом, и что-то ворчит себе под нос: то ли погодует на

гусениц за то, что их так много, то ли выражает разочарование по поводу того, что не может их найти. Он поднял глаза, видимо, отмечая присутствие мистера Бантига, по лишь как явление второстепенной важности.

— Слышили новость, Оски? Французы нас подвели.

— Слышил. А меня это не удивляет. Французы чудной парод.

Мистер Бантиг уже не раз слышал от него о разных чудачествах французов. Оски имел случай близко их наблюдать, когда был в армии в прошлую войну. Его слушателям всегда рисовалась такая картина: Оски сидит в углу какого-нибудь эстамине, мрачно пьет вино и с презрением поглядывает на чуждую ему породу людей, из которых ни один не может идти в сравнение с его собственной высокоодаренной особой.

— Неуравновешенный парод, — сказал он, подводя итог своим умозаключениям. — Я слышал, что Абевиль был занят шестью немецкими мотоцилистами. Большой город, не меньше Кильворта.

— Этого не может быть.

— Вы так думаете? — якобы возразил Оски и, выпрямившись, оглядел свою калпасту. Трудно было сказать, думал ли он о войне, или о своих пассажищах, или о том, как одно может повлиять на другое.

Потом он облокотился на забор и понизил голос до хриплого полу值得一ного. В сгущающихся сумерках он выглядел осунувшимся. «Мало спит, должно быть, — подумал мистер Бантиг, — все дежурит на посту противовоздушной обороны».

— Между нами говоря, друг, нам еще придется с ними повозиться. Францы умеют драться, когда у них много солдат да оружия. Это они любят. А когда приходится тут, они насуют. Только насовать-то им сейчас не перед чем.

Оски, повидимому, собирался уже повторить то же самое на другой лад, как он это всегда делал, будучи твердо убежден, что мистер Бантиг не в состоянии что-либо понять с первого раза.

— А что теперь будет, по-вашему?

— Гм! — протянул Оски и припался чистить скребок, временно сосредоточивая все свое внимание на

этом залятия. — Вот уж этого я вам сказать не могу. Но теперь мы, по крайней мере, знаем одно: рассчитывать нам не на кого, кроме как на самих себя.

Они еще постояли у забора, переговариваясь вполголоса. Мистеру Бантингу не хотелось уходить. Он открыл в Оски качества, которых раньше не замечал, — уравновешенность и спокойствие, присущие не столько от его достоинств, сколько от недостатков, ибо Оски был упрям и лишен воображения; его ничем не проймешь.

— Война еще не кончена, нет, до конца далеко, что бы там ни вообразил Гитлер, — сказал он. — В прошлый раз фрицы выдохлись у самого финиш. Надолго их лехватят. Самое главное — выдержать.

Эти слова мистер Бантинг повторял про себя, возвращаясь в дом по темному росистому газону. Он не мог определить, выражают ли они твердость или благодушие. Он еще не оправился от пережитого потрясения, его мучила неутомимая жажда узнать как можно больше. Повернув ручку приемника, он сразу услышал на редкость противный голос. Передача из Гамбурга. После первых же слов отирающие и что-то похожее на гнев сменили усталость и уныние: ему даже не верилось, чтобы официальные руководители Германии могли предполагать, что он способен поверить подобной вздорной болтовне. Старое-престарое вранье; он слышал все это еще в прошлую войну от кайзера. Ренегат у микрофона говорил слишком напыщенно, как плохой актер, не уверенный в себе: фальшивые интонации лишали его слова всякой силы. Мистер Бантинг слушал, наклонившись над приемником, и всем своим существом чувствовал, что с таким противником не может быть никаких комироческих.

Он как-то присмирел в последующие дни, да в эти дни газеты могли отрезвить хоть кого. Но вместе с тем он стал спокойней. Если ты остался один, то можешь, по крайней мере, не опасаться больше обмана и предательства. Ведь самое страшное именно это. Что особенно злило мистера Бантинга — так это постоянное воз врашение его мыслей к прошлой войне. Четыре года страданий, миллион убитых, а к чему? Чтобы победить

и обуздать этот самый народ, этих же немцев. А сейчас, через двадцать пять лет, они представляют даже большую опасность, чем раньше; задумали даже вторгнуться к нам, в Англию. Этот пункт всегда вызывал особенную горячность мистера Бантинга, он даже забывал о печальных событиях сегодняшнего дня и начинался раскачивать прошлое, требуя, чтобы ему объяснили, как можно было до этого допустить. — О чём же думали наши правители? Кое-кого нужно будет предать суду, когда все это кончится.

— Какая польза говорить об этом сейчас, пацан? — возразил Эрнест. — Это только лишает мужества. Нужно думать о настоящем и о будущем.

— Я знаю, — отвечал мистер Бантинг. Он старался не думать о прошлой войне. Эта победа пошла прахом, и, по его мнению, главным образом, из-за людей с такими вот идеями, как у Эрнеста. Но этой мысли он не высказывал. Сейчас не время ссориться.

Он перешел от больших тем к более мелким. — Выше виски, Эрнест, не оставлять же его нацистам.

Если немцы высадятся в Эссексе, они будут в Килворте через два часа. Это казалось невероятным, но нужно было смотреть правде в глаза. А куда бы они ни приходили, всюду они мародерствовали и грабили; известное дело, пастоящие гуаны; поэтому мистер Бантинг не собирался оставлять им ни виски, ни лиц, которые мистер Бантинг хранила в большом кувшине, вообще ничего, если только это не будет щедро посыпано мышьяком. Мысль мистера Бантинга работала неустанно, изобретая самые коварные методы борьбы; он готов был убивать немцев всеми доступными ему способами. Эрнест был уверен, что в случае вторжения мистер Бантинг непременно подведет себя под расстрел за какое-нибудь мелкое и бесполезное противодействие.

— В нашей стране есть что защищать, — заявил мистер Бантинг, выпив виски.

Несколько Эрнест понимал, мистер Бантинг готов был прежде всего защищать свое личное достояние и то, что он довольно туманно называл своими «свободами». Это, конечно, немало, по мысли Эрнеста или гораздо дальше. Для него война стала борьбой между двумя противополож-

ными миропорядками. Границы государства не были тем рубежом, который разделял сторонников этих систем; в каждой стране можно было найти и тех и других. Это была гражданская война в человеческой семье. Она началась в Германии как гражданская война, война пакистского режима против либерализма, и сейчас это тоже была гражданская война. Она велась не за территорию, а за власть над судьбами людей; за власть выносить решение, получит ли такой Рейнбергер право открыто высказывать свои мысли, как свободный человек, или ему заткнут рот в концентрационном лагере. Не понимать это, значило отбросить главный побудитель к победе.

Но для всех, с кем бы он ни говорил, война означала только одно — убивать немцев.

У мистера Игла был очень простой рецепт победы:

— Разбомбить мерзавцев. Вот как надо обращаться с гуинами. Увидите, они живо запищат. Разбомбить их! Разбомбить к черту!

Он постоянно проповедывал эту теорию в присутствии Эрнеста, потому что никак не мог простить ему его сумасбродных идей. Он считал Эрнеста размазней, пемогим лучшие тех, кто отказывается от военной службы по «моральным убеждениям».

Патриотизм Игла был старинного склада; прачечная была последним и самым скромным из его приключений. Эрнест знал, что Игл служил в Африке под начальством Робертса, много путешествовал и в молодые годы вел очень бурный образ жизни. Игл побывал в самых отдаленных уголках земли, над которыми развевается флаг Соединенного королевства, и, всякий раз, когда ему приходилось иметь дело с проклятыми чужеземцами, — будь то желтые или черные, он умел заставить их уважать этот флаг. А тем, у кого пехватало духа постоять за свою родину, цена была грош, по его мнению, и они становились мишенью для его пасмушек.

Перед уходом домой он частенько заходил в кабинет Эрнеста, посаживал там на стул, упираясь своими, узловатыми руками в паббалдиник палки, и с сухим удовольствием наблюдал, как реагирует Эрнест на его замечания.

— Я видел сотни этих немцев, — говорил он, не обра-

щая внимания на то, что Эрнест, повидимому, углублен в свои счета. — Это либо хвастливые забияки, либо трусы. Благодарение богу, у нас достаточно молодых людей, которые так и рвутся задать им перцу. Не будь их, вы бы не сидели здесь так спокойно.

— Так же, как и вы, — сказал Эрнест, не поднявши головы.

— Я? Мне, милый друг, стукнуло семьдесят шесть. Я отслужил свое пятьдесят лет назад. Что же я, нава-шему, должен сейчас делать?

— Не требовать от других, чтобы они делали то, чего вы сами не делаете. Меня хоть в этом нельзя обвинять.

— Ну, вы-то, конечно, не станете бомбить немцев.

— Не стану.

— Ну, еще бы! Пусть лучше приходят сюда и владеют пами. Если бы это случилось, вы бы живо изменили свою взгляды.

Эрнест положил перо. Он немного побледнел; в остальном у него был вид человека, решившего, цаконец, оторваться от дела и прогнать назойливую муху.

— Моя взгляды, мистер Игл, — мое личное дело и совершенно вас не касаются. Одно могу вам сказать: они не изменились, разве только в том смысле, что я сейчас еще больше убежден в своей правоте. А вам лучше всего освободить меня от работы.

— Что? Это почему?

— Вы, может быть, думаете, что мне приятно сидеть за конторкой в такое время? Есть тысячи вещей, которые я могу делать. Я могу пойти в армию санитаром. Или работать на тральщике. А я привыкал к этой конторке, и это вы меня к ней привыкли. Вы забропировали меня, и только вы можете меня отпустить.

— Вы что, серьезно?

— Вполне. Будьте добры дать мне расчет.

Мистер Игл поклонился вперед, опираясь на палку. Повидимому, этот серьезный молодой человек и в самом деле принял его слова чесноку всерьез: реакция получилась более бурной, чем он ожидал.

— Поглуптайте, Эрнест, вы же знаете, что я не могу вас отпустить. Разве может новый человек управляться здесь при таком старом оборудовании, как у нас? Все

полетит к черту. А ваши отец, яс забывайте, вложил сюда деньги.

— Мы сейчас говорим не о деньгах. Дадите вы мне расчет или нет?

— Не могу. Вы сами прекрасно знаете, что не можете. — Решительный вид Эрнеста совершил его ошеломил. — Я просто хотел посмотреть, насколько вы тверды в ваших убеждениях.

Эрнест с минуту смотрел на него, не отрываясь; его темные глаза горели. — Ну, что ж... — сказал он негромко и задумчиво. — А теперь я хочу посмотреть, насколько вы тверды в ваших. Каков будет ваши ответ?

Мистер Игл поднялся, его педагогические суставы хрустнули. Он знал, как опасно чересчур раздражать таких людей, и начал отступление. — Я никак не пойму вас, Эрнест, — сказал он, делая первый шаг к примирению. — Вы прекрасно знаете, в каком состоянии дело, и только потому, что я сказал лишнее слово, вы сразу разобиделись и готовы все бросить. Что ж... — он умолк, видимо, предоставляя Эрнесту сделать из его слов такой вывод, какой ему будет приятнее.

— Может быть, впоследствии вы поймете меня лучше.

— Ну, прощите меня, старика. Оставим это.

— Я вас не об этом просил.

— Не получите вы расчета! — закричал мистер Игл, покраснев, как индюк. Но его гнев тут же испарился, словно даже эта вспышка была ему не по силам, и он продолжал жалобным тоном: — Неужели вы уйдете, Эрнест, и бросите меня одного? Посмотрите на мои руки. Да я карандаш держать не могу!

— Хорошо, — сказал Эрнест и снова обратился к своим бумагам.

Выйдя за дверь, мистер Игл выпул выушительных размеров платок и с облегчением высыпался. В течение нескольких дней после этого он жил в страхе, что вопрос будет поднят снова. Но Эрнест больше об этом не заговаривал. Он опять стал относиться к старику с прежним уважением и оказывать ему различные мелкие услуги, в которых тот так нуждался. Но с той поры мистер Игл соблюдал большую осторожность в своем обращении с Эрнестом.

Позади прачечной плавно была установлена огневая точка; прицельные щели пулеметов, словно злые глаза, смотрелила дорогу, позади торчал поднятый вверх ствол зенитного орудия! В свободные минуты, выглядывая из окна кабинета, Эрнест видел сияющие на солнце верхушки деревьев и под ними эти орудия разрушения, неустанное напоминание о том, иронически думал он, что мы живем в двадцатом столетии, работаем под вооруженной охраной как когда-то дикии во время сбора урожая. Вечерами он отправлялся из санитарный пункт ждать бомб, которые должны были обрушиться на Килворт. В этом отношении современный человек опередил своих дедах предков — тем приходилось опасаться только стрел, которыми, как известно, орудуют лишь при свете дня.

В этих обязанностях самим неизвестным для Эрнеста была напрасная трата времени. Это была трата жизни. После ужина он провожал Эви до коттеджа «Золотой дождь» и заходил за ней на обратном пути. В промежутки он сидел на пункте с другими добровольцами. Они куряли, перекидывались отрывочными фразами или смотрели в окно на залитую солнцем улицу, короче говоря, болтались без дела, а именно этого Эрнест никогда делать не умел. Ему нужно было или упражняться на рояле, чтобы усовершенствовать свою технику, или почитать серьезную книгу, чтобы усовершенствовать свой ум, или обдумывать какое-нибудь усовершенствование прачечной, во всяком случае что-то делать.

Как-то раз к ним на пост поступил срочный вызов: где-то упала маленькая бомба. Выйдя из санитарной машины, Эрнест увидел пострадавший дом: с крыши его сошло черепицу, засыпало ею всю улицу. Забор перед домом был совершенно разрушен, и все окна в доме разбиты вдребезги. Перешагнув через сорванную с петель дверь, Эрнест вошел в комнату и увидел человека, сидевшего посреди гостиной на раскладной койке, среди осыпавшейся штукатурки и осколков стекла, и дрожавшего от испуга и боли. К своему изумлению, Эрнест заметил, что нисколько не испарничает. Он хладнокровно перевязал своему пациенту поврежденную руку, проделав это с большим усердием, так как сразу почувствовал интерес к новой возложенной на него задаче. Больше всего он

был потрясен бессмыслицей этой бомбёжки; он чувствовал себя актером, участвующим в каком-то грандиозном сумасшедшем спектакле.

Он знал, что Эви молится за него в такие минуты, молится о сохранении его жизни среди опасностей. Мысль, что она возносит такие молитвы каждый день, переполняла его нежностью, столь сильной, что у него щемило сердце. Для него ее вера была детской примитивной, одновременно и ниже и выше его. Он не верил, что бог захочет спасти одного из тысячи только потому, что за него молятся.

Последние дни Эви часточувствовала себя усталой. По воскресеньям она вставала поздно и, лежа в постели, руководила хлопотами Эрнеста по хозяйству. Ей недоставало колокольного звона; она всегда говорила, что на Мартин-стрит колокола звучат так серебристо и звонко, совсем как в деревенской церкви. Их перезвои напоминали воскресные дни в маленькой деревушке, затерянной среди болотистых равнин, где она провела свое детство. Теперь нигде по всей Англии не услышишь колокольного звона.

— Да, дорогая, ты не услышишь сто до конца войны. Разве только высадится парашютный десант.

— А что мы тогда должны делать?

Эрнест пожал плечами.

— Не знаю. Я только одного хотел бы: чтобы я в это время был здесь, а не в прачечной.

— Я не верю, что бог допустит такого злодея, как Гитлер, править миром. А ты веришь?

Эрнест поставил поднос рядом с кроватью. — Нет, дорогая, не верю. — Но он сказал это так, словно успокаивал ребенка.

— Ты забыл молоко, Эрнест.

— Ах, черт! — воскликнул он и пошел на кухню. Он никак не мог понять, почему он дома так забывчив, а на службе все прекрасно помнит. Там он никогда ничего не забывал и очень удивлялся, замечая чужие промахи.

— И ложку, Эрнест.

— Да я положил ложку, я прекрасно помню, — сказал он, повернувшись обратно и рассеянно глядя на поднос. Но ложки не оказалось.

Разыскивая молоко сначала в кладовке, потом из полках, потом на приступочке за дверью, Эрнест думал о несокрушимой вере своей жены в то, что бог не допустит зла. Эта вера была проста и бесхитростна, как вера ребенка в чистоту и неподдельность своего отца. Он никогда не смущал ее напоминанием о том зле, которое бог уже неоднократно допускал. Эви так безмятежно и терпеливо переносила все тяготы войны именно потому, что она верила, верила, что все в руке божьей. И божья воля в конце концов восторжествует. Эрнест никогда не употреблял таких выражений, но сейчас, когда он растерянно стоял посреди кухни, ему пришло в голову, что эти слова выражают и его веру. Правда и справедливость вечно, все духовное вечно. Дух всеобъемлющ, и он могущественнее материальных сил, одна простая песня может поднять больше армий, чем все разбойники вера в прошлом и настоящем. Эрнест твердо верил, что человеческие стремления к идеалу — самая несокрушимая сила в нашей жизни.

Он заметил, что стоит в кладовке; кажется, он что-то искал. — Ложку и молоко, — пробормотал он, сосредоточив сдвинув брови, и тут же увидел и то и другое на сундульной доске, где он сам их оставил.

За последние месяцы он научился ценить субботние вечера и воскресные дни, и страсть отца к уик-эндам уже не казалась ему смешной. Ему очень нехватало рояля, но он мог сидеть с закрытыми глазами и мысленно играть бетховенские сонаты, исполняя их с таким совершенством, какого он никогда не достигал на деле, и слыша их так хорошо, как если бы он сидел за роялем. Кроме того, было еще радио, и если Эви была занята на кухне, он иногда в увлечении начинал размахивать руками, воображая, что дирижирует оркестром. Он слышал про какого-то русского музыканта, который продевывал то же самое перед граммофоном, только падев предварительно фрак. Однажды Эрнест даже сбился абажур с лампами, подгоняя скрипки в заключительном *presto*. Эви опрометью прибежала из кухни и пролепестала: — Господи, Эрнест, как это случилось? — в ответ на это Эрнест растерянно уставился на жену и медленно покраснел. Он только мало-помалу и с удивлением обеждался, что его

причуды каким-то загадочным образом делают его даже еще милей.

Как-то раз, после дежурства, он зашел за Эви в «Золотой дождь» и застал там Ролло-младшего, который сидел, прямой, как палка, в кресле мистера Бантига, видимо, чувствуя себя незваным гостем и ужасно стесняясь своих огромных солдатских сапог. Всякий раз, когда он замечал, что эти чудовища вылезают на ковер, он немедленно убирал их пазух и размещая под креслом в самых разнообразных положениях. Щеки у него были еще краснней, чем прежде, и он казался выше и плотней, он походил теперь на призданного в армию полисмена. Когда вошел Эриест, он начал поспешно объяснять, что случайно оказался на Кэмберленд-авеню и решил «заглянуть». Он очень старался втолковать это Эриесту, да чтобы тот не написал странным его посещение; он успел уже несколько раз разъяснять это обстоятельство и мастеру Бантигу и Эви. Заметив, что закрывают к ужину, он сейчас же извлек из-под кресла свои сапоги и, тяжело переступая ими, выразил намерение «смотаться». Но его быстро убедили подсесть к столу.

Берт подтвердил, что он прибыл домой через Дюнкерк. Когда от него потребовали подробного отчета об этих событиях, он после некоторого размышления сказал, что это была довольно поганая штука. Война, повидимому, достигла той стадии, когда он перестал понимать ее. Его отправили в Норвегию, но он видел эту страну только сквозь пелену утреннего тумана, с борта транспортного корабля, на котором его вернули домой. Потом он был во Франции, откуда его еле-еле вывезли под градом бомб. Все эти эвакуации ему вовсе не нравились; а хуже всего то, что пришлось бросить свой танк. Сейчас у него совсем нет танка, да их и вообще-то не видно.

— Значит, твой «Шарпес» достался немцам? — задумчиво произнес мистер Бантиг, прикидывая в уме, сколько денег налогоплательщиков было на него ухлонано.

— Ну-да! Три фрица с офицером забрались в него и дали ходу. И сам видел, из-за яблони выглядывал.

— Как, ты стоял и смотрел на них? — спросила Джули.

— Угу. И двадцати ярдов не сделали, как взлетели на воздух.

Миссис Бантиг замерла с чайником в руке. — Боже мой! Как ты счастливо отдался, Берт! — Ясно, он был на волосок от смерти. Семейство Бантигов взглянуло на него с пробудившимся интересом.

— Берт, ах ты мошенник! — воскликнула Джули. — Ручаешься, что ты засунул туда танковзрыватель системы Ролло.

Лицо Берта просияло. — Угадала... — он хотел прибавить: «малютка», но проглотил это напечевование из уважения к миссис Бантиг.

— Ты думаешь, они высадятся у нас? — спросил мистер Бантиг самым небрежным тоном, на какой только был способен.

— Высадиться они, пожалуй, могут, — сказал Берт, сделав многозначительное ударение на первом слове. — А вот выбраться назад павряд ли. Тут мы их и прихлопнем.

— Может быть, ты и прав, — согласился мистер Бантиг. — Ну, хватит о войне. Поди-ка, Эрнест, пограй немножко, а я тем временем наберу для Эви сюлей.

И Берт остался一人 с Джули, выглядевшей сегодня очень неприступной. Он полез в карман, вытащил оттуда бумажник и из бумажника извлек свою фотографию. Поглядев на нее еще раз, чтобы придать себе мужества, он не без гордости протянул ее Джули. — Посмотри. Спялся, когда получил вторую нашивку. Хорошо?

— Очень мало, — сказала Джули, искоса взглянув на гиммок и продолжая вязать чулок.

Берт пододвинул карточку еще на дюйм, ближе.

— Если хочешь, возьми ее.

— Большое спасибо, Берт, только хватит ли у тебя на всех?

Он посмотрел на нее с оттенком обиды, но обезоруживающий взгляд ее широко раскрытых глаз рассеял его подозрения. Она ничего плохого не хотела сказать: просто у нее такая манера, решил он.

— Ничего, можно ведь еще отпечатать.

— Ах, и в самом деле! — сказала она таким тоном,

словно сделала необыкновенное открытие. — Только не стоит из-за меня беспокоиться. Разве только у тебя остается лишняя...

— Вот эта у меня и оста... — Он не договорил. Пет, он явно не умеет подойти к ней, все время говорит не то, что нужно. Чтобы выйти из положения, он решил начать с другого конца. — Достала ты собаку у этого парня, про которого я тебе говорил?

— Нет еще. Успеется. — Джуди не хотела говорить о собаке. Этот приятель Берта, собачник, был очень груб в своих объяснениях насчет причин, почему у него до сих пор нет щенков. О некоторых подробностях собачьей жизни, повидимому, невозможно говорить, не выходя из рамок приличия.

— Жалко, что Криса нет, — вздохнул Берт. После этого разговор окончательно увял, и Джуди полагала, что не во сне видела.

— Крис — молодчина. Летчиком заделался! На этот раз он меня обскакал. Я и не подумал об авиации, вбил себе в голову стать таксистом. — Он полагал, что Джуди будет приятно поговорить о Крисе. Но она произнесла только: — Одна с накидкой, другая так. — Услышав эти слова, он покинул голову и убедился, что они обращены не к нему. Она была полностью поглощена языком.

Появился мистер Бантинг с отборнейшими огурцами и кочапом цветной капусты. Он сразу заинтересовался фотографией.

— Это ты нам, Берт? — Он посмотрел на Берта, потом на фотографию, потом снова на Берта, критически сравнивая копию с оригиналом. — Хороший снимок! Ты тут, как живой, — вывел он свое заключение. — Поставим его на камин. А ты, Джуди, купи к нему рамочку, когда пойдешь мимо Булверта.

— Постараюсь не забыть, папа.

Берт поднялся. Ему не понравилось, что Джуди взглянула на фотографию с таким удивлением, словно уже успела позабыть об ее существовании. Он жалел теперь, что не отдал ее Молли Филлип вместо Бантингов. Ну, ладно, как-нибудь, она стоит на камине и выглядят совсем не плохо. Берт вынужден был это признать; и

написки заметны, но не слишком бросаются в глаза; в этом отношении всегда нужно быть очень осторожным.

— Ну, — сказал он нерешительно, переминаясь с поги на ёдгу, но всем своим видом выражая намерение трепутаться в путь.

— Всего хорошего, — сказал мистер Бантинг, распахнув дверь в переднюю и пожимая Берту руку, дабы помочь ему сдвинуться с места. — Очень рад был тебя по-видать.

— До свидания, Берт! — сказала Джулли мягко. Она задумчиво, но с явной симпатией смотрела на него. Ее глаза, казалось, сообщали ему лескую тайну, во ключа к этой тайне у него не было. Он вообще не понимал ее, совсем не понимал: художественная патура, решил он в конце концов. Она сидела с вязаньем в руках, тоненькая и миловидная, но вместе с тем какая-то далекая, словно он смотрел на нее, перевернув бинокль.

Когда Берт ушел, мистер Бантинг вздохнул с несокрытым облегчением. Ему всегда казалось, что Ролл-младший заполняет собой всю комнату; к тому же у него нет ни капли такта: может преторчать тут всю почь, держась за ручку двери, если его не выроводить.

— Ну, Эриест, надо копчать музыку. Эви пора домой, — сказал он, входя в гостиную. — Ты должен заниматься о своей хозяйшке. Кто знает, что нас всех ожидает впереди.

Они стояли в тускло освещенной передней, надевая пальто и шляпы, пропаяясь. Никому из них не верилось, что над ними может сгуститься беда, и все же сущное чувство тревоги охватывало их теперь при каждом расставании. Эриест почувствовал, как рука его отца, загруженная от постоянной возни с металлом, с необычной нежностью сжала его руку, и сердце у него замерло. Отец очень волновался за Криса, теперь уже летчика королевского воздушного флота, и за Джулли, работавшую по соседству с военным заводом; Эриест не раз замечал, как он сизиг в затуманности, рассеянно потягивая давно потухшую трубку. Беспокоятся ли он за себя, этого никто не знал. В Колворте было сравнительно безопасно, но мистер Бантинг каждый день ездил в Сити, где можно было ожидать чего угодно.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕРВАЙ

Мистер Бантинг так долго ждал, когда же началися пресловутый блэцкриг, что в конце концов успокоился и решил, что это еще одна пустая угроза. Но наступило утро, когда, выглянув в поезд в окно, он громко вскрикнул, а все пассажиры покинули с места и бросились к окнам. Там, совсем рядом с золотной железной дороги, среди знакомого пагромождения лондонских крыш, зияла пустота; оголенные, вывороченные балки торчали в небо, стены обвалились, и среди груды кирпича и обломков дерева пассажиры увидели жалкие остатки того, что еще вчера было человеческим жилищем. Убранство комнат, углаки квартир, обычно скрытые от посторонних глаз, — все это было беспощадно обнажено. Из развалинами поднимался легкий дымок пожарниц, а дальше, на горизонте, побо заволакивали густые клубы дыма, причина которого не было видно. Поезд несся вперед, и эта картина ошелестления быстро, как на экране, промелькнула перед их взором, но до конца пути мистер Бантинг не отходил от окна, с тревогой всматриваясь в даль. Но он нигде не заметил других разрушений, ни вдоль железнодорожного полотна, ни дальше, там, где башни и шпили и фабричные трубы возвышались над морем крыши, простиравшихся до самого горизонта. Несколько успокоенный необычными размерами Лондона, мистер Бантинг вышел из вагона с более легким сердцем.

Идя к торговому дому Брокли, он увидел, что в верхнем этаже разбито окно. «Вряд ли от бомбёжки, должно быть, случайное совпадение», — подумал он. В начале улицы он заметил разбитую витрину и осколки стекла, уже сметенные в водосточный желоб, но вокруг магазина Брокли все окна были целы. Разбилось только одно окно, и он задумчиво всматривался в него, решив, якобы, что это окно стекольного отдела. Он обратился с вопросами к швейцару.

— Да, да, мистер Бантинг. Лопнуло сегодня ночью во время налета.

— Удивительная вещь! — заметил мистер Бантинг, изумленный странному поведению бомб, которые разбивают дальние окна, не трогая тех, что поблизости. Действие

взрывной волны, должно быть. Он пошел прямо к Кордеру — поделиться новостями. В магазине Брокли окно разбито во время бомбёжки!

— Окно! — насмешливо повторил Кордер. — Я прятался от бомб всю ночь напролет. В нашем конце города их сбросили целую тонну.

— Не может быть! — воскликнул мистер Бантиг, зная склонность Кордера к преувеличению. — Чеужели, правда, тонну?

— Грехот войлы всю ночь стоял в моих ушах. Но уподобился ли я тигру? Нет, Джордж, — кроту, кроту. Я зарылся в землю.

— Скверная штука эти взрывы, — заметил мистер Бантиг. «Нужно беречь уши, — подумал он, — посить с собой затычки».

— Убило кого-нибудь?

Кордер кивнул. — Педаром их зовут гушиами.

Чувства, переполнившие мистера Бантига, когда он ехал в поезде, вырвались наружу.

— Мы должны дать им сдачи, Джо.

— Правильно, и помешать этим тварям врываться к нам. Мы должны бросить на них тучи истребителей. Схватиться с ними в голубом просторе.

— Да, да, — сказал мистер Бантиг и вспомнил, как он, бывало, стоял на пороге кухни, глядя на усыпанное звездами небо или на свинцовые тучи надвигавшейся грозы, и думал о том, как жестоко посыпать юношей, одних, в эту заливную луной неизвестность. Но он сказал: — Правильно, Джо, мы должны это сделать. Другого пути нет.

Внезапно его охватил гнев, и он воскликнул: — Я бы уничтожил всю эту проклятую немецкую породу. Только я знаю, что устраивать войны и переворачивать все вверх дном. Сволочи!

— Верно! Верно! Мы все так думаем, — сказал Кордер тем успокаивающим тоном, в которому сам мистер Бантиг прибегал бесчисленное количество раз в разговорах с бесчисленным количеством людей с тех пор, как началась война. Гневом и возмущением не поможешь. Нужно одно — держать себя в руках, не терять головы и делать свое дело.

Слышая рассказ Бордера о его почтых похождениях, мистер Бантиг думал о том, что будет делать он, если попадет под бомбезку и вокруг него будут падать мертвые и раненые, и дети звать на помощь из-под обломков. Однажды он видел автомобильную катастрофу: завернув за угол в своем «коинзее», он чуть не наехал на толпу, теснившуюся вокруг перевернутого автомобиля, возле которого стоял полицейский. На дороге виднелись длинные глубокие выбоины, и там, где они кончались, лежал сплющенный велосипед, а рядом с ним на траве сидела женщина и плакала. Объезжая толпу, он увидел на обочине фигуру человека, лежавшего на спине; лицо его было закрыто шляпой, ноги — опи-то прежде всего и бросились в глаза мистеру Бантигу — протянуты на дорогу. Человек лежал так неподвижно, что у мистера Бантига волосы зашевелились на голове и по телу пробежала дрожь, от которой руль ходуном заходил у него в руках. Он потом несколько дней не мог оправиться от потрясения. Но это были сущие пустяки по сравнению с воздушными налетами.

В районе Степни были сотни жертв; труны забрасывали, даже на церковные крыши. Мистеру Бантигу пришлось услышать много страшного. И наряду с этим ему рассказали поразительные вещи о поведении жителей этого района. На утро население Степни отнюдь не проявляло страха; настроение было гневное, вызывающее, даже бодрое — все что угодно, только не паническое. Эти люди, должно быть, из другого теста, чем он, думал мистер Бантиг; его поражало, что кто-нибудь может это выдержать.

— Ну ладно, — пробормотал он, отгоняя эти мысли и направляясь к своему закутку. Сколько ни думай, делу не поможешь, а работа не ждет. Пристиче счастье — со всех точек зрения, — что дела фирмы поправляются. Чем меньше людей в отделе, тем легче находить для них работу. Нет худа без добра; вот так и надо смотреть на вещи — уметь во всем находить положительную сторону. Дома над ним смеялись, когда он преподносил им эти крупицы житейской мудрости, и спрашивали, не в отрывном ли календаре он их вычитал. В обычное время эти слова могут казаться

и честными и избитыми, но только не сейчас, когда так тяжело. Не раз случалось ему, совсем было унав духом, находить утешение и поддержку в какой-нибудь прописной истине. В этом его преимущество перед «высокодобрыми».

Он устремил внимание на пачку писем, полученных из главной конторы, и сразу же обрел новое подтверждение той истины, что без худа нет добра. Уоткинские печи, заказанные много месяцев назад и с тех пор беспрестанно напоминавшие о себе потоком писем, получаемых от Мак-Колла из Элджина, наконец, были отправлены. Правда, только восемь, а не двенадцать (зачем Мак-Коллу понадобилось целых двенадцать штук, мистер Бантинг никак не мог себе представить, разве только, чтобы отоснить весь Элджин); но восемь он получит все сразу в награду за свою настойчивость. Вот и работа для Терпера; надо полагать, он сумеет сосчитать до восьми, полумал мистер Бантинг, выходя в отдел, чтобы распорядиться.

Сегодня с утра в отделе царило необычное оживление. До мистера Бантинга донеслись слова: — Слышал ли я? Осколки просвистели у меня над самым ухом. Я был в каких-нибудь сорока шагах...

— Ну, довольно, довольно, — прервал разговор мистер Бантинг, хотя и сам был непрочь послушать. — Забудьте о немцах и займитесь делом. — Он сказал это строгим тоном, давая понять, что воздушные падеты просто случайность, о которой и говорить не стоит.

В это утро было довольно много заказов и беспрерывный поток покупателей. В последнее время торговля шла почти нормально, и мистер Бантинг надеялся, что блицкриг ей не помешает. Удивительно, как иногда спрос возрастает, даже в такое время, как сейчас. Война войной, а люди все равно покупают вещи, если у них есть деньги. Не дальше как сегодня он продал набор металлических прутьев для лестничного ковра одной женщине из той части города, где была бомбовая. Глупей нельзя было придумать покупки, и с минуту он смотрел на женщину в полном недоумения. Но он исподтиши прихоть не без некоторого восхищения перед такой твердостью духа.

В перерыв он с Коддером взобрался на крышу магазина посмотреть на Сити. Кое-где еще подымался дым, но в остальном ничего не изменилось. Движение на улицах, толпы пешеходов — все было, как всегда. Гиганту был нанесен удар — сильный, но не настолько, чтобы он из нем скатался. Дальше к северу было большое зарево; по мнению Кордера, пожар был в стороне Моссли, по мистеру Бантингу мерещилось, что горят где-то возле Бардольфгрин, рядом с Джали и заводом, изготавливающим бомбы.

«Бомбы, вероятно, взрываются и при медленном изогревании, — думал он, — или даже от одной искры». Он слышал, что иногда бомбы взрываются через несколько часов после того, как бомбардировщик сбит.

— Теперь всем грозит опасность, Джо.

— Да, и попомни мое слово, Джордж: это только царапочки, прелюдия к драматическому действию. «Совершенно излишний пессимизм», — подумал мистер Бантинг.

Вернувшись в отдел, он подошел к одному из приказчиков, укладывавшему оставшийся от продажи товар, и его взгляд упал на дешевые отвертки, остатки вентноровских изысканий в области новых методов торговли. «Made in Germany» — было выштамповано на стали. «Сталь!» — подумал он презрительно, взяв в руки отвертку и проводя ногтем по острию. Какой-то немец сработал эту штуку, потом пошел домой, надел коричневую рубашку, кричал: «Хайль Гитлер!» — и предавался своим дурацким мечтам о мировом господстве. А может быть, какой-нибудь порядочный немец. Мистер Бантинг некоторое время раздумывал о «порядочном немце», то весьма недолго и без особой уверенности. Их сталь, их порядочность — все это подделка. Эрзац.

— Уберите это куда-нибудь подальше. Свяжите веревкой и суньте на верхнюю полку.

Такой вот товар очень любят всякие темные личности вроде Вентнора и воображают, что на нем может держаться торговля. Мистер Бантинг ничуть бы не удивился, если бы Вентнор оказался из «пятой колонны», это ласквозвь испорченный человек. Единственным

воспоминанием о нем была падиць: «Отдел продажи», красовавшаяся у самого входа. Словно человек, войдя в магазин и увидев прилавки с полками с товарами, сам по сообразит, что здесь производится продажа. Была еще одна вентноровская падиць, которая всегда поражала мистера Бантига своим исключительным шармом; он немедленно убрат ее, как только занял место Ходрида, и выбросил в корзину с утилем. Эта дощечка с падицью лезла в глаза покупателю, когда он выходил из магазина, и вопрошала, не забыл ли он чего-нибудь. Ну, что может быть глупее? Уж если человек что-нибудь забыл, так, значит, забыт; нечего и приставать к нему, думал мистер Бантиг.

Воспоминания о былых схватках с Вентнором проносились в его уме, пока он путешествовал от прилавка к прилавку, держа в руке дощечку, к которой блондин был прикреплен спичкой заказов. Время от времени он делал запись и проводил под каждой жирную черту. В глубине его сознания, как основная тема в музыкальном произведении, настойчиво повторялась мысль, что Вентнор исчез, а Джордж Бантиг остался. Основа космоса — моральное начало. Добротель торжествует. Да, в жизни не все плохо, а самое лучшее то, что настоящий добротный материал в конце концов всегда возьмет свое. Качество решает все. Долгота из дорогой шеффильдской стали не залеживается на полке, покрываясь ржавчиной, оно остается добрым и надежным при любых обстоятельствах; оно придает уверенность рукамастера. Немецкая отвертка была для мистера Бантига красноречивым доказательством; «заграниценное» в его устах всегда было синонимом фальши.

Он был в прекрасном расположении духа, и даже желудок работал исправно; сегодня часы текли незаметно. Он всегда выговаривал своим молодым приказчикам, если видел, что они поглядывают на часы; и среди служащих существовало поверье, что в магазине Брокля ни один приказчик, который любит смотреть на часы, не становится заведующим отделом. Но, будучи сам заведующим, мистер Бантиг мог видеть часы сквозь щелку из своего закутка, куда он в настоящий момент и удалился, чтобы заняться разбором бумаг.

Холройд переворотил очень много бумаг мистера Бантина, видимо, собираясь их скечь, но, должно быть, постыдился это сделать. Мастер Бантина извлек из винного ящика несколько тетрадей своих старых дневников и перелистал их. В течение многих лет он прилежно вел дневник. Он не помнил, чтобы когда-нибудь перечитывал его потом, — главное удовольствие заключалось в самом процессе записей. А вот сейчас можно установить, что 1 мая 1920 года он посажен двухпенсовый пакетик салата, а 14 мая шел дождь и он забыл зонтик. Так, торжественно освежая в памяти все эти житейские мелочи, он перелистывал поблекшие страницы, чтобы скоротать время и снова вдохнуть воздух тех дней, когда он был еще сравнительно молод. Больше всего интересовали мистера Бантина записи, относящиеся к детям; одна запись, сделанная в 1923 году, особенно его растрогала, и он долго с волнением глядел на нее, переносясь мысленно в те далекие времена.

«Купил Крису деревянную лошадку. 4 шил. 11 пенс.».

— Да, — пробормотал он и, вытащив из кармана платок, потер кончик носа. Ему пришла в голову мысль, не отнести ли дневник домой к Мэри. Крис был тогда совсем малыш, и мистер Бантинг видел мальчика перед собой, как живого. Деревянную лошадку! Теперь у него самолёт!

— Телеграмма! — пискнул мальчишка-рассыльный, без стука входя прямо в закуток и, как всегда, тараща глаза с очень нахальным, по мнению мистера Бантина, видом. Он уничтожающе посмотрел на мальчишку; он никогда не мог понять, была ли эта вечная узбюка природным недостатком или проявлением непочтительности.

— Так я и думал, — пробормотал он, читая телеграмму. Мак-Колл из Элджина желал знать, когда, наконец, получит он свои печи и получит ли вообще. В эту минуту Тернер как раз упаковывал злосчастные печи. Конечно, Мак-Колл из Элджина не мог этого знать, по все же, по мнению мистера Бантина, ток его телеграммы был слишком уж безапелляционен, далеко выходя за рамки неизбежной безапелляционности телеграфного стиля.

— Мистер Бикертон сказал, чтобы вы послали телеграмму, когда отправите письма; только я не могу ее отнести, я сейчас занят. снимаю кончики с писем.

Мистер Балтинг кивнул, не удостоив этого юнца чести слышать его голос, и большим пальцем указал ему на дверь.

Послюпив карандаш, он принялся составлять ответ Мак-Коллу. Ему хотелось умилостивить заказчика и вместе с тем слегка выправить ему мозги, по единственности телеграмма, которая удовлетворительно выполняла обе задачи и в то же время не была лишена всякого смысла, обошлась бы фирме Брокли по меньшей мере в три шиллинга. Так как привычка мистера Балтинга к экономии заставляла его так же ревниво относиться к служебным расходам, как к своим собственным, он составлял все новые и новые варианты, и каждый новый вариант правился ему еще меньше, чем предыдущий. Все же он продолжал делать замены и сокращения, чем дальше, тем все больше изумляясь, что такое простое дело оказалось столь трудным. Он был всецело поглощен этим занятием, как вдруг страшный грохот прокатился по всему зданию Брокли от подвала до чердака. Стол задрожал, табурет под мистером Балтингом заходил ходуном, и перегородка затрепетала, словно буяна жная. Когда грохот затих, он услышал вой сирены и почти в ту же секунду еще два взрыва, которые потрясли здание с такой силой, что пол закачался у него под ногами.

Испуганный, он выскочил из-за перегородки и, озираясь во стороны, устремился к подвалу. Все спешили туда же. Он услышал дробный стук каблуков по деревянной лестнице вверху и глухой топот шагов на каменных ступеньках подвала. Мистера Балтинга и самого подымало пуститься бегом, но он удержался. Бомбы уже ували, значит, спешить нечего, это он понимал, тем не менее он совсем запыхался, когда добрался до подвала.

Тяжело опустившись на ящик, он поглядел на потолок. Конечно, в подвале безлюдней, но тоже не совсем. При прямом попадании здесь еще хуже. Завалит целой тонной обломков. Мистеру Балтингу было не по себе,

и он посмотрел на своих товарищ, стараясь скрыть страх.

— А сейчас что это за грохот, Джо?

— Пулеметы — зенитная артиллерия. Над городом много самолетов. И наши, должно быть, тоже.

— Это хорошо! — одобрил он и подумал о Крисе. Ведь его отряд — один из тех, что защищают Лондон; очень возможно, что он сейчас там, наверху, в смертельной схватке с врагом. — своей первой схватке, быть может. Чичего ведь толком не знаешь; от этих мальчишек ничего не добьешься, они взяли себе за правило ни о чем не рассказывать.

Он мысленно подбадривал Криса, с гордостью перебирая в уме все его достоинства. Крис есть голова на плечах, и выдержка есть, и присутствие духа. Если он сейчас там наверху, — мистер Бантинг отчетливо представлял его себе, улыбающегося, с нахмуренными бровями, целиком поглощенного своей трудной задачей. Крис всякое дело умеет доводить до конца, он будет терпеливо, настойчиво подкрадываться к намеченной им жертве и потом ринется на нее в подходящую минуту. Из-за облака, скорей всего, подумал мистер Бантинг. Как свет на голову.

— Хорошо! — повторил он, чувствуя, как бьется у него сердце. — Нампи, я думаю, губят их. Собьют их всех к черту! Ого! Старый моряк и его супруга!

Мистер и миссис Бикертон спускались по лестнице так спокойно, как будто бомбардировщики уже улетели и опасность миновала. Директор неторопливо обвел всех присутствующих взглядом холодных голубых глаз и спросил.

— Господа заведующие отделами, все ваши служащие здесь?

Услышав со всех сторон успокаивающие заверения, он сложил руки за спиной и остановился несколько поодаль с таким видом, словно пребывание в подвале хоть и рождало его достоинство, но отнюдь не могло заставить его позабыть о нем. Миссис Бикертон сидела на стуле, скрестив маленькие ножки на каменном полу, сложив на коленях затянутые в перчатки руки. Она все еще была хороша собой; даже когда губы не

улыбались, в глазах ее мелькала тень улыбки, словно все люди, с которыми она встречалась, были ей приятны. Так же, как ее супруг, она умела сохранять спокойствие и держалась очень непринужденно.

Минуты тянулись медленно, в напряженном молчании.

— Скоро будет отбой, — сказал кто-то; его голос нарушил тишину, до сих пор прерывавшуюся только проезжающими машинами и плеском каналь, падавших с края. Мистер Бантинг, успокоившись, не без сентиментальности огляделся вокруг. Он почти два года проработал в этом подвале, и тогда он казался ему таким привычным, даже уютным. Сейчас это было тускло освещенное мрачное помещение с паутиной по углам, заваленное как поцело товаром. Никакого порядка, подумал он. Его излюбленный уголок, где он делал свои записи и предавался запретному чаепитию, показался ему довольно грязным и еще на самом сквозняке — какое же сравнение с его закутком наверху. Просто удивительно, как он это выдержал! Два года! Как время летит! Внезапно послышалось визгливое crescendo бомбы, затем мгновение полной тишины и оглушительный взрыв. В подвале все зашевелились, и кто-то пробормотал: — Где-то близко. — Вдруг мистер Бикертон быстро нагнулся к жене, которая, закрыв лицо руками, покачнулась и чуть не упала со стула. Он заботливо поддержал ее и приподнял ей голову.

— Ей, кажется, дурно. Пельзя ли воды?

Тернер, сидевший рядом с раковиной, секунду колебался, затем встал, пошатываясь, и подставил старую чашку мистера Бантинга под кран. По рука у него дрожала, и чашка колотилась о кран с таким звуком, словно кто-то в лихорадке стучал зубами. От залпа землетрясения задребежжало окно.

— Чем это цахчет? Газ! — в панике закричал Тернер, втягивая голову в плечи. По подвалу пробежал недобритейный ролот, чувство гнева охватило всех и вместе с тем чувство неуверенности. Тогда мистер Бантинг поднялся со своего ящика.

— Это порох, эх вы... — Он с трудом подавил желание выругаться. — Сядьте, — приказал он строго и взял у Тернера из рук чашку. Внешне спокойно, хотя

сердце у него бешено билось, он открыл кран. Он решил, что рука его не будет дрожать, и она не дрожала. Он насыпал воды в чашку, начавшия на выполнение этой задачи все свои мысли и всю свою волю. Но, бросив взгляд в окно, увидел, как склад пыротки распался на части у него на глазах. Передняя стена вся целиком взлетела на воздух и рассыпалась на кусочки, как игрушечный домик. Поднялось огромное облако дыма и пыли, сквозь которое мистер Бантинг увидел обломки, падавшие удивительно медленно и плавно. И, как бы откликаясь на этот взрыв, все здание Брокли дрогнуло и покачнулось словно под напором яростного ветра. Мистер Бантинг ждал, что окно сейчас разлетится и осколки засыплют ему лицо.

Но он все-таки добрался до миссис Бикертон с чашкой воды. Она уже приходила в себя. Он предупредительно повернул чашку, чтобы ей удобно было взяться за ручку.

— Простите, бледечко разбили, — пояснил он.

Она отпила воды, поблагодарила его слабой улыбкой.

— Вот и хорошо, — сказал он почти отеческим тоном. — Совсем молодцом!

— Благодарю вас, — сказал Старый моряк, и в его голосе прозвучали незнакомые мистеру Бантингу теплые нотки. Он взял пустую чашку из рук жены и, поглядев по сторонам, поставил ее на соседний ящик.

Тишина снова водворилась в подвале, и мистер Бикертон опять принял свою излюбленную позу — руки за спиной, глаза задумчиво устремлены в потолок; казалось, он прикидывал, выдержат ли балки. Снова послышался глухой удар, и куски штукатурки, как хлопья снега, посыпались с потолка, но это был отдаленный взрыв, и скоро пальба зепиток прекратилась и гудение моторов затихло.

— 1-й и 2-й убийцы уходят за сцену, — пробормотал Гордер.

Но все продолжали сидеть, сжась от сырости подвала, беспокойно поглядывая на потолок и не зная, на что решиться, оставаться ли здесь или идти наверх. Но они так и не тронулись с места: пока, наконец, не прозвучал отбой, дерзкий и торжествующий, как звук рога, призывающий тех, кто остался в живых.

Все гурьбой поднялись наверх. Мистер Бантиг снова уселся за свой письменный стол, прочел телеграмму Мак-Коллу и нашел ее никуда не годной. Он отправился к Бордеру.

— Состряпай-ка это для меня, Джо. Голова сегодня не работает.

Двумя-тремя росчерками своего зеленого вечного пера Бордер мгновенно обкорытал громоздкие фразы, и мистер Бантиг с испрятанным восхищением прочитал то, что осталось в результате этой операции, ябо слово, как бы оно ни было длинно, все-таки по правилам почтово-телеграфного ведомства идет за одно слово и не может стоить больше одного пенни.

Он пошел посмотреть, как у Тернера идет дело с упаковкой, и застал его в полном расстройстве и растерянности.

— Мне никак не отправить их сегодня, сэр.

У мистера Бантига даже все мускулы напряглись при виде этого безнадежного создания.

— Это почему?

— Посмотрите, сколько времени. Мы больше часа сидели в убежище.

— Печи будут отправлены сегодня, — возразил мистер Бантиг, призвав на помощь всю свою выдержку. — Я не уйду из магазина, и вы не уйдете, пока это не будет сделано. Восемь печей и все, что к ним полагается.

Он зашагал дальше, вытянув нижнюю губу. Подумать только, — задержать отправку по чистоте проклятых гуннов. — Чорга с два! — пробормотал он.

Поздно вечером он отправил телеграмму, подкрепившись чашкой крепкого чая у Мак-Эндрю и запагая по замыщенным осколкам стекла тротуарам кружным путем, мимо оцепленных улиц, торопясь на последний поезд.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

Это были дни, когда мистер Бантиг каждое утро, подъезжая к городу, высевывался из окна вагона и глядел на иссеченное лицо старого Лондона. Он знал его не хуже, чем свое собственное. Каждый коттедж и каж-

дый палисадник вдоль полотна, каждый склад и каждую фабрику, — он знал их все до мельчайших подробностей, до печных труб и садовых оград и запавесок на окнах. День за днем он пристально всматривался в знакомые здания и в общий облик города Лондона. И всякий раз, когда он замечал, что самые благородные здания еще стоят невредимо, у него легче становилось на душе, ибо для него не было на земле ничего разного Лондуу. Он не променял бы ни одной из его потешивших от копоти ист-эндских церковок на самые величественные храмы континента. В Лондоне было множество, различных зданий, которыми он гордился. Но он знал, что видит их сейчас, как уцелевших бойцов во время затишья между двумя битвами, и он смотрел на них с нежностью, ибо завтра их могло уже не быть.

Он глядел в ту сторону, где поднимались столбы дыма, стараясь угадать, что там подверглось разрушению: исповеданный исторический памятник или мирный жилой дом. Эти невзрачные домишкы не могли называться образцовыми жилищами, но они сохранили свой особый колорит, свою прелесть, которой лишены новые стандартные поселки. Это был его Лондон, Лондон его детских лет. И, глядя на груды обломков, он думал о живших здесь семьях и об ужасах, перенесенных ими в эту ночь.

И все же Лондон был огромен, настолько огромен, что его нельзя было разрушить; в сущности, он почти не изменился — это был выигрышный город.

Но когда, выйдя из посада, он шел по направлению к магазину Брокли, он видел все с близкого расстояния, чувствовал жар догорающих пожарищ и вздрагивал, заметив, что какое-нибудь знакомое здание исчезло из-за края. Он шел по обломкам, спотыкаясь о пожарные шланги, обходя края воронок, пробираясь сквозь толпу перепачканных сажей и кровью пожарных, шел к месту своей работы, занятый своими мыслями. Встречались ему на его пути и страшные картины, — он скорее угадывал их, чем видел, — куски брезента, покрывающие то, что было когда-то человеком. Однажды он заметил женский локон, выбившийся из-под грубого савана и весело развевавшийся по ветру. Он закусил губу и отвернулся.

Сбылись все предсказания, которые они слышали в течение многих лет, все предсказания, которым никто не верил; страшный кошмар стал явью. И сквозь этот кошмар шел мастер Бантиг, заниматься продажей железо-скобяных изделий, один из миллионов маленьких людей, которых Гитлер не сумел понять и убил, накапливая в себе мужественный, упорный гнев и решимость человека, который видит перед собой день грядущего возмездия. Скорбь и жалость пытали это медленно разгоравшееся в нем пламя, и для выражения того, что назревало в нем, мастер Бантиг не находил слов.

Его жена и Эрнест окружали его особыми заботами в эти дни. Миссис Бантиг была бы рада, если бы он ушел с работы и оставался дома, но не решалась предложить ему то, о чем он сам, повидимому, и не помышлял. Так же и он не предлагал Джули поискать работу в Кильворте, где было не так опасно, хотя всякий раз, когда он слышал завывающие сирены, его первая мысль была о Джули, о соседстве военного завода. Она приходила домой немного бледная, и беспокойная, но на вопрос, была ли бомбежка на Бардольфсгрин, отвечала только, что косоглазые нацистские летчики не способны попасть туда, куда они метят. Не понимает, глупая, что именно поэтому сий грезит опасность, подумал мастер Бантиг.

Ее бледность беспокоила его; он беспрестанно уговаривал ее пить мясной экстракт и вообще пытаться и основательней, а не сидеть на этой целевой вегетарианской диете. — Организм должен получать протеины, — настаивал он, — это очень важно. Вещества, необходимые для жизни. — Он твердил об этом до тех пор, пока Джули с неожиданной страстью не обрушилась на него:

— Оставь меня в покое, пана. Я совершенно здоровья. Не мешай мне есть то, что я хочу.

Он был просто огорчен. Точь-в-точь как Эрнест, подумал он. Уж если заберет себе что-нибудь в голову, тут никакие советы, никакие разумные доводы не помогут, будет стоять на своем, несмотря ни на что, пока не уложит себя в гроб. Это у них наследственное со стороны матери — редкостное управство. Мистер Бантиг даже рассердился.

Однако по к чему ее оторвать, она, в сущности, еще почти девочка, а девочки требуют к себе больше внимания, чем мальчики, эти почные тревоги плохо действуют на их перины.

Немцы, словно им мало было нарушать покой мистера Бантинга днем, начали беспокоить его и по ночам. Частенько теперь его будило восклицание миссис Бантинг: «Тревога!» Он садился на постели и прислушивался к вою спрены, слабому и приглушеному, словно она находилась где-то далеко, а не в полумиле от их дома. Но его мнению, она звучала недостаточно громко, — разве это может разбудить спящего здоровым сном человека? Вот опять пример бюрократизма со стороны правительства: полагаются на чиновников, вместо того чтобы призвать на помощь действительно даль него человека. А в результате Мэри боится глаза сомянуть, чтобы не прозевать тревогу. Засыпаявой спрены, они все втроем спускались вниз и либо раздували тлеющие в камине угли, либо садились вокруг приобретенного у Брокли «Редингта». Мистер Бантинг уже давно решил не уходить в щель, пока не начнется настоящая бомбежка, но из незной случай провел по газону белые волосы и врыл белые столбы у входа в убежище. Первое время они все держали наготове: карманные фонарики и противогазы на столе, пальто и шарфы под рукой и даже кухонную дверь оставляли открытой. Но мало-помалу они бросили все это. Миссис Бантинг дремала на диване. Джули частенько засыпала на стуле, положив голову на колени отцу. Только один мистер Бантинг бодрствовал из чувства долга, прислушиваясь к гудению самолетов, настороженно вышрямляясь, когда они пролетали так близко, что Джули открывала глаза и сонно бормотала:

— Он уже сбомбил свои бомбы, паночка? Сбомбил бомбы? — И в ответ на эту таращницу (надо полагать отголоски бюро снабжения на Бардольфгрин) он цептал, усиливая ее: — Они далеко, детка. Спи, спи; — Один раз непосредственно вслед за этими словами послышалось жужжение и резкий металлический стук по крыше гаража. И тут же миссис Бантинг села на диване и сказала укоризненно:

— Вот так далеко!

— Да, это всего-навсего осколок эк-эк.

— Кто его знает! Мне кажется, ты не очень-то хорошо в этом разбираешься.

— Прекрасно разбираюсь, — возразил он сердито. — Спи, пожалуйста. Велика важность — осколок!

Глядя на часы в томительные промежутки молчания и с сожалением провожая каждую невозвратно потерянную минуту, мистер Бантинг научился ценить сон. В нормальном время ложишься спать по заведенной привычке, чтобы как-то убить время до утра, но теперь, когда ночь за ночь он, зевая, сидел на стуле, сошлый, с воспаленными глазами, сон казался ему райским блаженством и недоступной роскошью. Как хотелось ему приткнуться где попало и знать, знать наверное, что его не разбудят тревога и дом не обрушится ему на голову. Даже само слово «сон» звучало как-то поэтично и убаюкивающе. Он бальзам полночный проливает в душу, как сказал поэт.

Часами, которым завершались эти бдения, он посыпал бутылочку «Ирица Чарли», подливая по чайной ложке в каждую чашку, и разносил их на подносе по спальням. С будильником была такая же история, как с сиропами, — его слышала только миссис Бантинг и поднимала своего супруга. Сонно мигая, он таращил глаза на циферблат до тех пор, пока тот от смущения не начинал расплываться, и все же мистер Бантинг никак не мог поверить, что уже наступил новый день.

Но одно обстоятельство заставило мистера Бантинга позабыть даже о блицкриге: приближался второй отпуск Криса. Готовясь к этому событию, миссис Бантинг «вырвалась» с тряпкой во спальню Криса и, начав с этого, затянула генеральную уборку, покемпогу расширяя свои операции, в результате чего по всему дому скоро распространился запах мебельной политуры. Из всех запахов на свете мистер Бантинг больше всего ненавидел запах мебельной политуры. Когда этот запах начинал поситься в воздухе, он уже знал наверняка, что на какой бы стул он ни сядет, тотчас окажется, что именно этот стул надо чистить. Всю эту процедуру он считал нелепым обрядом, особенно бессмыслицким в военное время. Какой, спрашивается, толк в генераль-

пой уберёте, если дом каждую минуту могут разбомбить? Крису, говорил он, совсем не нужно, чтобы его комнату убрали, он даже и не заметит, что ее убрали. Он может, конечно, заподозрить, что здесь кто-то хозяйничал, если его вещи раскинуты по разным углам, в то время как он предпочитает иметь их под рукой. Это было гласом вопиющего в пустыне. Миссис Бантинг не обращала никакого внимания на его протесты и, все время глядя куда-то мимо него, продолжала интересоваться только неодушевленными предметами, временно напустив на себя глухоту и упорно преследуя свои цели.

Но, наконец, вопреки воле мистера Бантинга и фюра, уборка была закончена, и для ожидания пришли к концу. Когда в день приезда Криса — по счастливой случайности он пришелся на субботу — поезд подошел к Кингсворту, все помыслы мистера Бантинга были только о том, чтобы скорей попасть домой. Он решил даже в виде исключения сесть в автобус, но, выйдя со станции, увидел Берта Ролла.

— А я тут с машиной, мистер Бантинг, и подумал, что раз Крис дома, я вас кстати подвезу, — объяснил он.

Получив это предложение, мистер Бантинг влез в «корто-дэвид», который немедленно рванулся вперед под звучный рев своей двухрогой сирены, предупреждавший менее величественные экипажи, что им следует посторониться, ибо едет сам капитан танковых войск Берт Ролло.

Берт сообщил, что до сих пор откладывал свой отпуск, чтобы взять его одновременно с Крисом. Речь его не так легко было уразуметь человеку, не знакомому с жаргоном кинофильмов, но мистер Бантинг понял, что командир устроил ему это дело. Этот командир — довольно лесоворчий тип, настоящий кремень. Все же он парень что надо, и Берт от него в восторге. В его словах содержался также намек на то, что этот восторг был обоюдным, даже, как попал мистер Бантинг, очень нылким со стороны самого командира, который и сварганил для Берта командировку с большой радостью и с болыким количеством

«о'кэй», процессыных с той и с другой стороны за столом в канцелярии батальона.

— Видели ли вы «Билвортскую газету», мистер Бантиг?

— Нет. Дома почитаю. А что?

— Ист, просто так, — загадочно ответил Берт и откинулся на сидения, управляя машиной лебрежным прикосновением двух пальцев. Сразу было видно, что даже «кортон-дэвид» всего лишь игрушка для человека, который привык водить танки. Он ускорял ход, тормозил, разворачивался, проносился стрелой по самым загруженным улицам — и все это с таким видом, что для него это не трудней, чем идти шагом в иголку. Мистер Бантиг вынужден был поставить свой чемоданчик на колени и слегка подпереть им живот, чувствуя, что при такой езде подпорка спереди столь же необходима, как сзади спинка сидения.

— Получил новый танк? — спросил он с оттенком иронии.

— Получил, повеявшую модель. Теленский, прямо с завода. А хорошо он ходит, как вы думаете?

На этот свой чисто риторический вопрос он не нашел нужным ответить, но, как видно, воспоминание об исключительной способности его танка к передвижению задело в нем какую-то струну, ибо он еще яростней пожал на акселератор.

— Легче, легче! — закричал мистер Бантиг, бросая на него свирепый взгляд.

— О'кэй, вот мы и дома. — «Кортон-дэвид» подкатил к воротам коттеджа «Золотой дождь» так мягко и бесшумно, словно перышко опустилось на землю.

«Слава тебе, господи», — подумал мистер Бантиг и, с шумом ворвавшись в переднюю, закричал: — Где Крис?

— Хэлло, пашечка! Крис ушел с Мопикой к Ролло.

— Ушел! — лицо у него сразу вытянулось, и, потрясенный внезапным разочарованием, он машинально поставил свой чемоданчик на первый лопавшийся стул.

— Миссис Ролло пригласила их обедать, а потом Мопика придет к нам пить чай.

— Так! — Очень неделикатно со стороны миссис Ролло, — решил он.

— Я могу отвезти вас, мистер Бантиг. Еды хватит на всех. Посхали?

— Нет, нет, спасибо. — Его возмущала даже мысль об этом. Но если Берт знал, где Крис, почему он ничего не сказал, должно быть, просто соображения нехватило. Но в конце концов Крис ведь покончит когда-нибудь с этим визитом и придет домой пить чай и весь оставшийся вечер проведет в своей семье. И то хорошо.

— Может быть, Берт, ты тоже придешь пить чай? — спросила миссис Бантиг.

— Обязательно приду. Большое спасибо. Я мигом сбернусь.

— Страшный молодой человек, — заметил мистер Бантиг, когда Берт ушел. — Какой-то чудак, по-моему. — Он никак не мог понять, зачем Мэри пригласила его. Крис и Моника навряд ли жаждут постоянного присутствия ее брата. Вот придет Мошка, потом еще кто-нибудь придет и с Крисом даже поговорить вволю не удастся.

— Видел ты «Кильвортскую газету», шапочка? — спросила Джуди, протягивая ему газету, сложенную так, чтобы сразу бросалась в глаза фотография. — Берта наградили орденом. Ты заметил у него ленточку?

— Ничего не заметил, — сказал мистер Бантиг, беря в руки газету. — «За отвагу в бою», — прочитал он. — «Капитан Ролло из Кильворта». — Это был тот же снимок, что стоял у них на камине.

— Вот оно что! — воскликнул он удивленно. — Берт Ролло!

— Вот видишь, шапочка, у него тоже есть кое-какие достоинства.

— Конечно, он храбрый парень. Но что это за глупая манера выражаться: «Вот мы и дома!» Он, кажется, здесь не живет. — Построение мистера Бантига все еще было омрачено пережитым разочарованием.

Однако ничего больше не оставалось, как дожидаться чая, устранившись, насколько возможно, от связанных с приготовлениями к нему суматохи. На протяжении всей его семейной жизни каждому посетению гостей предшествовала такая суетня, как будто Мэри не созерцала дом в такой чистоте и порядке, что могла

в любое время принять самое королеву. Но переделать жену было невозможно, да он и не особенно к этому стремился, за исключением кое-касих мелочей, в которых она проявляла особенное упрямство.

Он вышел в сад и окинул его смиходительным взглядом, обращая внимание не столько на пустые грядки, сколько на те, где что-нибудь произрастало, подобно тому как рыболов смотрят только на рыбные места. Урожай был не такой уж плохой в этом году, не так хороши, как у Оски, но все же впервые в жизни мистер Бантингу удалось вырастить огурцы. Правда, самый лучший экземпляр был случайно рассечен пополам, когда Джули как-то раз пришла охота промотыжить грядки, но все остальные росли себе понемножку, а это было основное, на что мистер Бантинг обращал внимание в своем огороде. Даже помидоры хотя и не особенно пышно зреали, но во всяком случае росли себе и росли, и он даже заметил на них крохотные зеленые шарики. Уже пора было отщипывать лишние побеги; как правило, Оски, перегнувшись через изгородь, производил за него эту операцию, говоря, что ему легче сделать самому, чем объяснять мистеру Бантингу, которые тут лишние.

Мистер Бантинг не перегружал себя работой по саду, делая только то, что казалось ему в данную минуту необходимым. В течение недели, когда у него не было свободного времени, он замечал в саду очень много неотложных дел. Но когда наступала суббота и у него было время погулять, оказывалось, что многое вовсе не так уж к спеху. Самым безопасным делом была поливка; она почти никогда не приносила вреда, и сегодня он послушался совета Оски и отравился одной поливкой. Когда он вернулся домой, чтобы помыться и переодеться, миссис Бантинг напомнила ему, что не мешало бы также и побриться.

Он круто обернулся к ней: — Это зачем?

— Придет Моника.

— Я брился утром, — возразил он упрямо. — Хватит и одного раза в день. «Бриться, еще чего не доставало!» — подумал он. Но, умывшись, он решил, что можно в конце концов пройтись разочком бритвой по подбородку.

и как раз в ту минуту, когда он уже приступил к этой операции, он услышал, как Джуди бегает из кухни в столовую и обратно, напевая какую-то идиотскую песенку на мотив своего собственного сочинения:

Божественную Монику я чаю мы все ждем!
Божественную Монику я чаю мы все ждем!

вследствие чего он приостановил деликатную процедуру бритья, ибо пользовался стандартной бритвой Брокли, а не так называемыми «безопасными» жестянками. Он отложил этот инструмент в сторону и начался намыливать подбородок, потом прошелся по щекам (кстати, раз начал), одновременно прислушиваясь и думая о своих детях; какой только чепухи пошесут! Сколько денег выброшено на их образование, и вот вам результат. Теперь Джуди поднималась по лестнице, повторяя эти дурацкие, чтобы не сказать хуже, слова и неожиданно присовокупила к ним новую, совсем уже возмутительную строчку.

Божественную Монику я чаю мы все ждем!
И ангелочка Эви!

Это было уж слишком. Мистер Бантиг положил кисточку, распахнул дверь ванной комнаты и закричал:

— Довольно! Чем у тебя голова набита, скажи на милость, — петь такие вещи про Эви! Да и про Монику тоже. Ты меня просто поражаешь!

Губы Джуди сложились в гримасу, беззвучно изображающую удивленный свист. — Ой, папка-ворчун сердится? — проворковала она и, подцепив кончиком пальца клочок мыльной пены с его щеки, пересадила ему это украшение на нос, другой клочок на лоб и продолжала разугбрашивать его таким образом, постепенно превращая в «очаровательного пятнистого, злющего-презлющего фокстерьера», пока он, осознав, пакощец, всю чудовищность подобного обращения, не схватил ее крепко-накрепко за руки и не приводил сдаться.

— Ой, папочка! Если бы ты знал, какой ты смешной! — воскликнула опа, корчась от смеха, и убежала в себе в спальню, провожаемая его растерянным взглядом. Сквозь закрытую дверь до него доносилась все та же ме-

лодия и какие-то певческие слова, прерываемые взрывами смеха.

«Первы. Реакция, должно быть», — подумал он. И нетерпеливым движением стер полотенцем клочки мыльной пены с лица. При первом же прикосновении бритвы он порезался. — О, черт! Черт! — воскликнул он в беспомощие. Но станет он бриться. Он окунул лицо в таз, сердито расплескивая воду, утерся и обследовал в зеркало свой подбородок.

«Пожалуй, лучше все же побриться», — подумал он и начал все спачала, изнемогая от усталости. — Политура! — пробормотал он с искривленным сарказмом, возвращаясь к первопричине всех домашних зол. — Чушь и чепуха!

Он спустился с лестницы, когда появились Крис и Моника. Он заспешил вниз, споткнувшись на нижней ступеньке, торопясь скорее пожать руку Крису. Но сейчас был неподходящий момент для изъявления чувств. Моника стояла рядом, а в присутствии этой ослепительной красавицы мистер Бантинг чувствовал себя плюшкою, как ворона перед щеглом. Очень сдержанно, очень мило она поздоровалась с ним, и каждый волосок ее идеально причесанной головки сиял на положенном ему месте, щеки розовели нежным, как заря, румянцем, а глаза чуть заметно потемели, встретив взгляд мистера Бантинга. Удивительно, какая она вся отделанная, даже ресницы у нее каждая сама по себе и загибаются так аккуратно, что невольно хочется рассмотреть поближе. Но общее впечатление, произведенное ею на мистера Бантинга, было таково, что он сразу потерял живость и стал преувеличенно вежливым и даже чуть-чуть церемонным. Он жалел, что не мог сойтись с Моникой поближе. Она славная девушка и добрая, говорил он себе, как бы одобряя ее за то, что исключительно красивая внешность не явилась для нее в этом отношении преодолимым препятствием.

К его большому облегчению Джули тепло приветствовала гостью. Начался обмен улыбками и поцелуями и оживленная болтовня на лестнице, когда гостья отправилась в комнату Джули, чтобы скинуть с кровати пальто и шляпу. Джули в этот вечер тоже приоделась и выглядела очень недурно, и мистер Бантинг с удов-

четвертнем отмётил, что беспокоявшая его бледность исчезла. Наоборот, сегодня щеки Джули были даже как-то пересчур румяны, особенно до того, как она поднялась с Моникой наверх; когда она спустилась оттуда, румянец у нее стал ровнее и уже не так бросался в глаза.

Когда журжанье их голосов затихло на лестнице, мистер Бантинг получил, паконец, возможность перекинуться словечком с Крисом, но в эту минуту появился Берт. Мистер Бантинг смутно надеялся, что Берту, бог даст, что-нибудь помешает, но яет, он уже был тут как тут, уверенный, как всегда, что весь мир готов принять его с распластанными объятиями. Снова началась болтовня, на этот раз чисто мужского и даже военного характера; Крис и Ролло разговаривали отрывисто, перекидываясь незаконченными фразами и пересыпал свою речь жаргонными словечками и американismами, а мистер Бантинг стоял в стороне, — как какой-нибудь статист, — ничего не понимая в их беседе за исключением того, что они, словно по молчаливому договору, пачисто его игнорируют. Видно, ему так и не удастся спросить Криса: «Ну, сынок, как живешь?», а Крису и горя мало, он даже ничего не замечает. Не обращая внимания на отца, который ждал его с таким нетерпением, он стоял на коврике перед камином, на этом исконном месте мистера Бантинга, стоял в излюбленной позе отца, покуривая трубку и поглядывая на дверь в ожидании Моники.

Мистер Бантинг отправился на кухню, чтобы предложить свои услуги, но был оттуда немедленно нагнан. Мэри первичала сегодня из-за скучности масляного пайка. Это затруднение, как видно, послужило причиной того, что попчики сегодня не удались. Мистер Бантинг фыркнул; он еще не имел такого случая, чтобы попчики удавались, когда в доме были гости, — либо дражжи никак не годились, либо печь плохо погревалась, либо случалось еще какое-нибудь непредвиденное несчастье, заставлявшее миссис Бантинг рассыпаться в извинениях, как только она сидилась разливать чай. Однако он не мог напомнить и такого случая, чтобы попчики, изготовленные миссис Бантинг, не таяли во рту, словно леденец.

— А черт бы побрал все на свете! — пробормотал он,

чувствую себя в разладе со всеми домашними. Он избрал из кухни в гостиную и остановился у окна, позывая к себе мелочью в кармане. Он может простоять тут целый час, думал он, и никто не заметят его отсутствия. Он так ждал приезда Криса, и вот Крис приехал, а пастроение у мистера Бантинга отвратительное.

Достав из жилетного кармана коробочку, он сунул в рот содовую таблетку и стоял, задумчиво посасывая ее. Сегодня все как-то не клеются: все какие-то упрямые и беспомощные, и никто не проявляет к нему ни малейшего внимания.

«Ну, ладно, ничего дуться», — подумал он. Но у него уже пропал вкус ко всему. Оставалось только одно — делать вид, что ничего не случилось. Он побрел обратно в столовую, где его появление осталось столь же незамечанным, как и его уход, и тотчас был встречен просьбой стать к сторонке, ибо Джули вносила поднос. Стол сегодня был раздвинут во всю длину и покрыт туту паркхамленной нарядной скатертью. Собрались все, пахнуло только Эрикста, дежурившего на санитарном пункте. В военное время трудно собрать всю семью: всегда кто-нибудь дежурит и не может притти. Все хором высказали сочувствие Эриксту, который страдает на пухлете, вместо того чтобы пить с ними чай. Мистер Бантинг, поэзии, немного повеселел, хотя ему все же казалось, что за столом слишком шумно, до того шумно, что у него разболелась голова. И это был именно шум, отнюдь не разговор: вопросы, восклицания, смех без притчины, и без всякого удережку, форменный базар, с его точки зрения.

— Ну, вот, раз мы все в сборе, — сказал он, словно призываая собрание к порядку, — я думаю, что мы должны приветствовать Криса и Берта, возвратившихся к нам после боевых схваток с врагом.

— Прекрасно сказано, папочка.

Мистер Бантинг и сам находил, что сказал не плохо. Экспромтом. Он заметно повеселел; жаль, что ему не пришло в голову принести бутылочку портвейна. Он уже собирался подкрепить свой любительской ораторский успех кое-какими замечнованиями из речей мистера Черчилля, но тут мистер Бантинг, не догадываясь, что он только

сделал многозначительную паузу, предложила ему разрезать широг.

Эти слова привлекли его внимание к столу и к перегору — от Блэклиссона, он готов был поклясться, заметив превосходно пропеченную румяную корочку.

— Кусочек широга, Берт. Широг с начинкой из дождливой свинины.

— Джордж!

— Ну да, а разве не так? Спроси Джули.

Джули метнула на него убийственный взгляд, затем, решив изобразить оскорблённую невинность, холодно и высокомерно подняла брови. Робкие потуги мистера Бантинага на остроумие частенько сводились к тому, что он повторял те шутки, которые запрещал говорить другим.

— Ну, как дела на войне, Крис?

О войне Крис мог сказать очень мало. Если ему задавали вопрос, он отвечал кратко и однозначно. Да, он летает на «Спитфайре»; да, восемь пулеметов. Он видел немецкие самолеты. Их «Мессершмитты» очень причудливые машины; да, чем выше поднимаешься, тем становится холодней. Он отвечал на эти вопросы, точно выполнял служебную обязанность: лично его гораздо больше интересовало, какие фильмы идут сейчас в килвортских кино.

Потерпев неудачу с Крисом, мистер Бантинг повернулся к Берту, положил ему на тарелку еще кусок широга рядом с остатками первой гигантской порции и спросил, как назвал он свой новый танк.

— Надеюсь, ты же забыл дать ему какое-нибудь ядовитое название? — спросила Джули. — «Оса», например. Я бы его назвала... да, как же его назвать? — И она прижала пальчик ко лбу. Не достигнув никаких результатов, кроме очаровательной гримасы недоумения, она вышла из положения, заявив: — Впрочем, ты, я думаю, уже назвал его.

Смущенный вид Берта говорил, что он не забыл еще, какой критике он подвергся, когда окрестил свой первый танк «Нарциссом». Всё семейство Бантинов горело желания узнать, как же назван новый танк, повидимому, считая, что Берт должен дать ему такое имя, которое вполне удовлетворило бы их. Миссис Бантинг пришла ему на помощь.

— Не говори им, Берт. Опять поднимут спор.

— Правильно, — согласился мистер Бантиг. — Что им... как сказал поэт. — Он хотел припомнить, что сказал поэт дальше, но не смог и снова занялся едой.

— Понятно, что все мы опять вместе. И ты, Эви, с нами. — Он посмотрел в ее зеленовато-карие глаза, темные и блестящие, всегда словно манившие заглянуть в них поглубже. — Жаль, что Эрлеста пет. Не придется послушать музыку.

— Мы с Моникой думали пойти сегодня в «Одеон», — слишком торопливо вставил Крис.

У мистера Бантига сдавило горло, «из чистейшего эгоизма», — сказал он себе вслед. Но ему так хотелось хоть пять минут побывать с Крисом. Он мечтал об этом со страстным нетерпением, что было неразумно, ребячливо, даже просто глупо, — он сам это понимал. У него было какое-то странное чувство, что он еще не повидался с Крисом, не ощутил его присутствия настоящему. А между тем, что могло быть естественней желания Криса провести вечер с Моникой? Ова, а родители, была для него сейчас на первом плане. Крису, конечно, и в голову не приходило, что его отца обуревают такие глупые чувства.

— Ну, конечно, ступайте развлекайтесь, — сказал он и подумал о Берте. Крис и Моника будут далеко не в восторге, если Берт уважается за ними; но Берт был лишен такта. Это было его самой ярко выраженной чертой характера, если не считать совершенно чудовищного аппетита. За столом мистер Бантиг, откровенно говоря, все время наблюдал за Бертом — не из-за недостатка гостеприимства, а просто из любопытства, которое естественно возникает у человека при виде всякого из ряда «выходящего явления».

Он закурил трубку, обычно следовавшую за каждым приемом пищи, и, стоя на коврике перед камином рядом с Бертом, занимавшим около трех четвертей пространства, принял обдумывать способ, как бы избавить от него Криса и Монику. Необходим стратегический прием; нужно задержать его здесь, пока Крис и Моника не уйдут. Можно, например, поводить его по саду, так сказать, поводить за нос.

— Я, пожалуй, пойду неговорю с мисс Бантиг.

Мистер Бантиг посмотрел на него в полной растерянности; затем лицо его прояснилось.— То есть с Джули? Она в саду. Скажи ей, чтоб она показала тебе огород.— Он предупредительно распахнул перед ним дверь в леонъко подтолкнул его к выходу.

Джули в саду срезала розы, являя собой весьма жизненное зрелище. Она всесело была поглощена этим занятием. Она тщательно составляла букет, с большим вкусом подбирая цветы и не гнушаясь иной раз перегнуться через забор и позаимствовать недостающий для полного эффекта цветок с кустов мистера Оски. Берт уже давно определил, что она — художественная натура, и при этом новом доказательстве его охватили робость и боязнь помешать занятию, в котором он чувствовал себя профаном. Поэтому он был приятно удивлен, когда, не поднимая головы, она встретила его вопросом.

— Берт, как же ты назвал свой новый танк?

До чего женщины любопытны! Как часто приходилось ему с этим сталкиваться — словно булавку воткнут в тебя в ту минуту, когда ты подходишь к ним с самыми мужескими чувствами.

— Может быть, ты назвал его «Мститель»? Или как-нибудь-нибудь хитрый зверем или птицей, «Коршуя», например, или «Филия»?

— Ну, брось это.

Она взглянула на него, прижав букет к груди, — очаровательная поза.— Ну, Берт, скажи мне.

— Видишь ли, вот это как вышло, — начал он, заранее приготовляясь к защите. Однако, обнаружив, что это довольно сложное дело, он махнул рукой и впервые безрассудной откровенности выпалил: — Я назвал его «Джули».

Она выпрямилась. — Вот как! Даже не «Чудовище», а просто «Джули»?

— Послушай! Ты меня не поняла.

— У тебя много знакомых девушки по имени Джули? Берт почувствовал, что краснеет, но все же кое-как выдавил из себя: — Только ты одна.

— Хи! — произнесла она, положила на ладонь рядиком две розы и с той неожиданной сменой настроения,

которая всегда ставила его в тупик, добавила: — Это очень мило с твоей стороны, Берт. Я польщена. Я удивлена, конечно, но все же я польщена.

— Значит, все в порядке, — сказал он великодушно и, почувствовав под ногами твердую почву, принял более неизнужденную позу. Он вытащил трубку, совсем новую, еще пахнущую деревом больше, чем табаком, и раскурил ее. По вспомнив, что курение всегда вызывало в нем желание плеваться, сунул ее обратно в карман. Надо бы завести себе такую, как у Криса, с патентованым фильтром в чубуке.

— Может, прокатить тебя в «кортон-дэвиде»?

— С удовольствием. Только не сейчас.

— А когда?

Она пожала плечами. — Как-нибудь в другой раз.

Они пошли по газону, направляясь к воротам. Ему показалось, что его выпроваживают воин. Не очень-то гостепримно, принимая во внимание то, что он ей сказал, подумал он, если, конечно, она не обиделась. Крис и Моника уже ушли, так что оставаться, в сущности, было незачем. Конечно, можно пойти к Молли Филлип, она «обожала», когда ее катали в «кортон-дэвиде». Она обожала сотни всяких вещей, которые Берт находил довольно разорительными; но правде говоря, он уже давно открыл, что она настоящая маленькая вертлявая пиявка.

Джули подошла к изгороди и облокотилась о нее, устремив взгляд на дорогу. Момент был самый подходящий для интимной беседы. Берт тоже облокотился об изгородь: что-то похожее на близость возникло между ними. Вдруг она ожила.

— Посмотри, Берт, твой приятель собачник.

Конечно, это был он, в кепке и обмотках, — лисаких сомниений. Подмышкой он держал черного, как уголь, щенка; голова у щенка моталась из стороны в сторону, как у фарфорового китайского мандарина, нос с фыркальем обнюхивал прижмавший его фекоть, а короткие передние лапы беспомощно болтались в воздухе. Необыкновенно живое, милое создание, с первого взгляда впускающее к себе любовь.

Приятное предчувствие охватило Джули. Она приподнялась на цыпочки и следила, как человек с щенком

внимательно изучает дощечки на всех воротах, решив, повидимому, во что бы то ни стало доставить щенка по назначению.

— И, пожалуй, пойду, — сказал Берт, отодвигая свои сапоги на несколько дюймов в сторону.

— Нет, не уходи. Это шотландский терrier. Я уверена, что это для меня. Видишь, он идет сюда.

Берт, как видно, тоже был уверен в этом; его смущение выдавало его. В эту минуту она подумала: какой же он все-таки милый, такой большой, нескладный, косноязычный. И то, что он хотел убежать от ее благодарности, сделало его еще более милым, — она слегка удергалась, чтобы не сказать ему об этом.

Человек со щенком увидел Джули и снял кепку, доказав таким образом, что ему известны элементарные правила вежливости.

— А, вот и вы, мисс! Держите его, держите крепче. Он верткий, как угорь.

— О Берт! Это же прелестно что такое! — воскликнула она, с трудом удерживая в руках черный вертлявый клубочек. — Да постой ты, шалун! Дай-ка я посмотрю, что у тебя тут написано.

«Для Джули». Только и всего, без излишней чувствительности. Все еще из теряя надежды, она нервно зевнула ярлычок и на обратной стороне прочла: «На память от Криса». На минуту ее восторг угас, сменившись безмолвным, но неоправданным удивлением. — От Криса, — повторила она и мужественным усилием заставила себя снова оживиться.

— Подумай, как это мило с его стороны! Я только один раз упомянула о собаке, и первое, что он сделал, приехав в отпуск, раздобыл мне то, о чём я так мечтала. Как это похоже на него, правда, Берт? Я должна поклонизовать щенка папе!

Помахав ему на прощание рукой, она оставила его одного; забыла даже условиться о прогулке в «кортен-дрейде». Она была страшно увлечена этим щенком, что уж слишком увлечена им, подумал Берт. Он считал, что она больше напускает на себя. Ему не раз случалось бояться ее, но впервые в жизни это произошло из-за щенка.

Да откуда же, черт возьми, мог он знать, что ей так хочется иметь щенка?

Он начал приводить первое впечатление, которое она произвела на него; ведь первые впечатления потом каким-то образом превращаются в сплошной самообман, в результате которого вы перестаете видеть девушку такой, какая она есть, а, как дурак, внушаешь себе, что она что-то совсем иное. А каково было его первое впечатление от Джули Бантинг? Просто девчонка, не смеяла даже еще школьной куртки — кошачьи в ней в саду. Сосунок, а воображает, что кроме нее нет девушек на свете.

К тому же, что касается шика... Мысль о шике, естественно, вызывала в его памяти Молли Филлипс. Каковы бы ни были ее недостатки, но у Молли был шик, так что ребята всегда спрашивали, где, черт возьми, он ее подцепил. И она умеет цепить человека, который участвовал в боях и получил две пашивки и орден.

Он достал трубку, то в ту минуту, когда он поднес к ней зажженную спичку, какие-то слова всплыли в его памяти. «Хищный зверь или птица, «Коршун» или «Филин»?» Вот оно что! Попятие.

Он стоял неподвижно, забыв о догоравшей у него в пальцах спичке, и внезапно уронил ее, поглавив ей вдогонку довольно крепкое словцо.

— Все острят! Видно совсем меня за дурака считают! — пробормотал он и мрачно зашагал по дороге, несасывая обожженный палец.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

В отпуску Крис большёшё шоссил питатское, и это вдохнуло Джули, зато очень нравилось мистеру Бантингу. Женская форма каждый раз напоминала ему, что сын находится в распоряжении воспитых властей. А у них свои соображения, в которых жизнь Криса далеко не главное. Быть может, ценой его жизни придется заплатить за победу. Но все это забывалось, когда Крис надевал свитер и фланелевые брюки. Хотя он всего только на прошлой неделе гонял немцев по всему небу, на этой неделе он очень охотно высовывался сажать капустную рассаду. Не

один нацистский летчик-демоубийца не смыслялся бы во время отпуска до такой работы, думал мистер Бантиг; тот и вообще не стал бы ничего делать, а щеголял бы в мундире и разыгрывал героя. У немцев все мундир да мундир — они просто жить без него не могут. Ни у одного из них правителей даже штатского костюма нет, если судить по фотографиям.

Волнение, пережитое им, и огорчение из-за нечуткости Криса скоро рассеялись и теперь казались ему даже глупыми; впрочем, не совсем. Мистер Бантиг не хотел верить, чтобы искреннее чувство, идущее из глубины души, могло быть глупым. Но все же между ним и Крисом установились прежние отношения, и Крис даже искал отцовского общества, когда не мог видеться с Моникой. Чичего особенного они не говорили, но оба оставались довольны беседой. Чувство радостного ожидания, с каким мистер Бантиг устремлялся домой после работы, омрачалось лишь мыслью, что семь дней не будут длиться вечно и что Крису очень скоро предстоит вернуться к своему страшному делу воздушного стрелка.

В последний вечер, после того как миссис Бантиг и Джули попрощались с ними на ночь, отец с сыном долго сидели вместе.

— Мы недолго, мама, — сказал Крис; я как только дверь за нею закрылась, он вскочил, вытащил из-за радиоприемника бутылку портера и штопор и с видом завзятого заговорщика попросил отца достать стаканы.

— Когда-то я еще попаду домой. Посидим, потолкуем.

— Портрет, а? — сказал мистер Бантиг. Он редко видел портер. Как-то не приходило в голову попросить, чтобы купили, а кроме того, портер гораздо дороже пива.

— Хорошая штука, Крис. Укрепляет организм.

— Помогает успеть после встряски.

Это было первое упоминание Криса о встрясках, но распространяться на эту тему он не стал. Вместо этого он положил ноги на стул, уселся поудобнее и улыбнулся отцу.

— Я чудесно провел отпуск.

— Правда, Крис? — отозвался мистер Бантиг. Всю эту неделю его тревожила боязнь, как бы Крис не скучался дома.

— Да, повеселился наслажду.

— Вот будет радость, когда ты совсем вернешься домой, Крис. Все теперь как-то научились больше ценить друг друга.

— Сначала надо побить немцев.

— Да, Кристофер, непременно надо.

Мистер Бантинг задумчиво курил. Ему невольно пришло в голову, что Крис очень похож на него самого и что с годами это сходство еще усилятся. Он продолжит род Бантингов, честных, обыкновенных людей, которые так нужны на свете. Но, разумеется, прежде всего надо побить Гитлера.

— Нелегкое будет дело, — раздумывал он вслух. В посреднее время у него бывали минуты, когда он чувствовал, что дальше не в силах терпеть. Разрушение и гибель — вот что ему приходилось ежедневно видеть в Лондоне; в поездах и автобусах он переживал страшные минуты, и работать приходилось в постоянном напряжении, прислушиваясь к гулу моторов над головой. Кроме того, он не высыпался. Побить немцев будет гораздо труднее, чем прошлый раз, всем еще много придется пережить. Но об этих мыслях он никому не говорил. Да и думал он так не всегда, а только когда очень уставал. Летчики — жизнерадостный народ, а у мистера Бантинга было правило: никому не портить настроения.

— Летит какой-то, — сказал Крис, прислушиваясь к гулу мотора. — Будем надеяться, что плакса Марии не завоет, а то как бы мама не сошла влиз.

Ему как будто хотелось, чтобы это совместное курение и выпивка были чем-то вроде секрета между ним и отцом.

Гул затих. Они налили по второму стакану и, откинувшись на спинки стульев, посмотрели друг на друга.

— Я недавно подбил «Дорнье». Он вынырнул из облака и прямо мне на прицел. Я и дал по нему очередь.

— Сбил?

— Они выбросились на парашютах. Я потом видел падата. У него гараж вроде нашего, где-то на Рейне. Звал в гости после войны.

Мистер Бантинг задумался. — Что ж, это может быть интересно. Поедем?

— Еще чего! Не такой уж я охотник до немцев.

— Да, конечно. Какая все-таки наглость — звать тебя в гости. Самое лучшее — не иметь с ними никакого дела. А что он за человек, Крис?

— Да как будто ничего. Сто лет не брьт, весь зарос щетиной. А вот в стрижке не нуждается.

— Голова, как биллиардный шар, да? Я вот все думаю, Крис, как это будет, когда ты вернешься домой после войны. Отложил для тебя немного денег. Не бог знает сколько, а так, кое-что, сколько мог. Я думаю, нельзя ли получше оборудовать гараж, помочь тебе немножко. Чтобы у тебя, когда вернешься, было свое солидное дело. А не эти полеты, вот что.

— Спасибо, отец, только я не хочу брать у тебя.

Мистер Бантиг взъединенно подался к нему. — Почему же, Крис? Мне хочется помочь тебе. Ведь война когда-нибудь кончится.

— Да. Опять будет «послевоенное время», верно?

— Конечно, будет, Крис, — сказал мистер Бантиг ободряющим тоном. — А войну надо пережить, только и всего.

Крис улыбнулся ему задумчивой, даже грустной улыбкой. Слова мистера Бантига повисли между ними в воздухе, точно напечатанные. Крис снял ноги со стула и зевкнул.

— Твоя правда, отец. А теперь пойдем-ка спать.

По совершенно возмутительному недосмотру со стороны начальства, как считал мистер Бантиг, — потому что это испортило ему уик-энд, — Крис должен был вернуться в свою часть в субботу утром. Воскресный день мистер Бантиг занялся разными пустяковыми делами, но все время думал о сыне. Он перебирал в уме все сказанное и сделанное Крисом, повторял про себя его слова, как повторяют любимую песню, и все казалось ему одинаково важным и запоминающимся. Каждый окурок в пепельнице будил воспоминание о каком-нибудь невзначай казанном слове. И когда, после долгих размышлений, мистер Бантиг нашел свою лопату на грядке только что высаженной капустной рассады, он отметил с нее ржавчину, думая: «Как это похоже на Криса», точно привычка забывать повсюду вещи была очень привлекательной чертой характера.

Прощалась пасека, кое-как — Крис еще не кончил завтракать, мистер Бантинг и Джули торопились на поезд. Моника должна была отвезти его в машине на станцию Карбери и там пробыть с ним до поезда, чтобы отдалить минуту расставания. Жизнь в коттедже «Золотой дождь» опять вошла в свою колею.

В воскресенье утром, стоя посреди гаража, мистер Бантинг задумался о том, почему он не назвал машину на имя Криса. Крис даже спрашивал об этом. А прежде мистеру Бантингу это не приходило в голову — как-то не догадывался. Надо немедленно сделать это до следующего приезда Криса.

Оттого, должно быть, что «коувэй» был уж очень старый и потрепанный, мистер Бантинг подумал, глядя на него: «Хорошая была машина, сослужила службу». Он включил зажигание и нажал стартер. Но ничего за этим не последовало, кроме едва слышного шума под капотом; мистер Бантинг приподнял его и заглянул внутрь. Затем он прочистил карбюратор, покрутил ручку; сначала терпеливо, потом со злостью, ибо операция с карбюратором была пределом технических познаний мистера Бантинга. И все же «коувэй» не сдвинулся с места, что было уже совсем непонятно. Мистер Бантинг всегда хвастает тем, как легко его машина берет с места, и передко наблюдая, как другие в поте лица стараются пустить в ход машину более дорогой марки, думал про себя, что как-никак иметь «коувэй» большое преимущество.

Он остановился и присел отдохнуть, мужественно борясь с искушением бросить машину и уйти. Он ведь забирался заняться совсем другим делом и, собственно говоря, в гараж пришел за удобрением. Но бросать что бы то ни было из поддороге было не в характере мистера Бантинга: всякие затруднения он принимал как вызов и боролся с ними. Кроме того, инструкт подсказывал ему, что тут все дело в карбюраторе, а разобрать карбюратор «коувэя» — детская игра, нет ничего проще. Так, по крайней мере, говорилось в инструкции.

И потому, вооружившись инструкцией и набором щеточек, мистер Бантинг присялся за карбюратор. В гараже стало тихо. Так тихо, что вскоре туда загляну-

ла миссис Бантиг и спросила, здоров ли он. В ответ ее довольно неловко попросили уйти. Окончательно запутавшись и теряя доверие к инструкции, мистер Бантиг все-таки выполнял все указания, хотя в тоне автора он все яснее улавливал намеки на то, что книжку эту он написал, собственно говоря, так, на всякий случай, ибо с «конвэем» до такой крайности дело дойти не может. Автор объяснял, как разобрать карбюратор, но о том, что делать дальше умалчивал. Повидимому, снова собрать и поставить на место. Мистер Бантиг знал, что такие, как будто бы беспомощные, операции иногда неизвестно почему помогали исправить повреждение. Но он рассердился на автора и, оставив в покое карбюратор, принялся с пристальным вниманием изучать последующие страницы.

Однако, дойдя до самого существенного, то есть до сборки карбюратора, автор руководства досадливо от нее отмахивался: было просто сказано, что вышеописанный процесс повторяется в обратном порядке. Говорилось также, что не специалисту лучше не трогать карбюратор, а поручить это дело агенту фирмы Конвэй.

Тут мистер Бантиг обозвал автора пехорским словом; его возмущало такое легкомысленное и такой нескрываемо высокомерный тон. Какой-нибудь директорский сынок из Ятола, решил про себя мистер Бантиг, выкорьмыши привилегированной школы, по всему видно.

Тем не менее он опять опустился на колени, упрямо выпятил нижнюю губу и с решимостью подавленного гнева припался сфибрать карбюратор. Все это грязное и кромотливое дело было им затянуто из самых лучших побуждений, и он, вполне естественно, ожидал, что оно принесет ему радость и яспость духа, а не доведет до потери равновесия и ругани, граничащей с богохульством.

«Конвэй» и теперь не двигался с места, и мистер Бантиг обиженно покосился на него. А «конвэй»,казалось, принял то упрямое выражение, которое свойственно феодализмом предметам и может довести человека до полного бешенства, а отвечать на это решит-

тельно нечем. Мистер Бантиг прошипал его яростным шепотом.

И тут он увидел Монику. Она входила в зеленую с белым калитку, грустная, задумчивая; завидев мистера Бантига, она просияла и остановилась; потом свернула от дома к гаражу. Мистер Бантиг знал, что она не сделала бы этого, если бы не была удручена мыслями о Крисе.

Вера мистера Бантига в утешительное действие житейских мелочей была непоколебима, и он приветствовал Монику сообщением, что у него «маленькое затруднение» с машиной. Он назвал это «маленьким затруднением», так как верил в «конвой» и в то, что больших затруднений с ним быть не может, особенно для члена семьи Ромло.

— Должно быть, Крис спаял ротор, — и, быстро стянув перчатки, Моника заглянула внутрь мотора. В эту минуту она была похожа на миссис Бантиг, исследующую швейную машинку; только Моника руководилась меньшими жепским чутьем и большими техническими познаниями. — Без ротора машина не пойдет, — улыбнулась она.

— Ну, конечно! — согласился мистер Бантиг, чувствуя себя довольно глупо, так как он понятия не имел, что такое ротор. Он знал, что нужно выпустить из машины, чтобы ею не воспользовались парашютисты, но сам он намеревался в случае десанта немцев припрятать более энергичные, меры.

— Крис положил его в коробку из-под табаку, — сказала Моника, оглядываясь по сторонам. — Вот он, а вставляют его вот так.

Показав на мгновение полоску розового шелка над круглым колечком, она уселилась на место водителя. «Бонвэй» довольно замурлыкал, точно Котенок, которому дали молока. Оказывается, мистер Бантиг не окончательно изогубил карбюратор — и то уже облегчение.

Почему-то всегда выходило так, что Моника видела его с самой невыгодной стороны; изверги, она считает его скучным, тупоголовым, отжившим.

Она повернулась к нему, блестя всей прелестью своей улыбки.

— В машинах я ни черта не смыслю, — сознался мистер Бантинг.

— Ну, что вы! — воскликнула Моника, словно поняв, что ее улыбка леверио истолкована, и они довольно долго беседовали о машинах; у обоих было чувство, что разговор вот-вот коснется Криса. Внезапно перейдя из конфиденциальный тон, мистер Бантинг спросил:

— Привожали его вчера вечером?

— Я доехала с ним до Сэррея.

— Вот как!

— Да.

Последовала пауза, которую мистер Бантинг машинально заполнил подсчетом расстояния от Килверта до Сэррея. У него мелькнуло смутное подозрение.

— О! — сказал он, не зная, что и думать.

— Мы расстались только сегодня утром. Его сразу же назначили в патруль... — Подавленное рыдание оборвало ее речь.

Сердце мистера Бантинга сильно сжалось, чудесно-смысленный вопрос стоял в его широко распрытых серых глазах. Ему ответили твердым взглядом: не беспыдны, но и не стыдящимся.

— Бедная моя девочка, — пробормотал он хрипло и обнял ее за плечи. Он не знал, что сказать, по мужественно отшатнулся. — В жизни всякое бывает. Вам с Крисом придется потерпеть.

Он запнулся, и все слова, которые он хотел бы ей сказать, развеялись, как дым. Моника посмотрела на него из-за платочка, которым вытирала посветлевшие глаза. Потом вдруг протянула руки и крепко обняла мистера Бантинга. Он услышал ее шепот: — Вы такой хороший, мистер Бантинг. Вас нельзя не любить. — На мгновение она прислонила теплыми губами к его щеке, потом убежала.

Мистер Бантинг стоял погреди гаража, слегка касаясь пальцами горячей щеки. Ох, уж эти влюбленные! Трудно им приходится в военное время, жизнь к ним сурова; а он не будет суров с ними. И все же он был расстроен, опечален, потрясен сильные моры.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Поезд, в котором ехал мистер Бантинг, остановился и неуверенно посвистел, потом опять осторожно двинулся вперед и подошел к лондонскому вокзалу.

Мистер Бантинг вышел из вагона, по платформа была не та, на которой он обычно высаживался, и, оглянувшись по сторонам, чтобы определить, где он находится, он застыл на месте, ибо представившееся ему зрелище ужаснуло его, и отвести от него глаза было невозможно. Над ним, через пробоины в крыше, сквозило чебо; перед пич зал ожидания и служебные помещения были завалены обломками рухнувшей крыши; под ногами со змейским шагом извивалась пожарная кишка. Впереди, в глубокой воронке, лежал паровоз, уткнувшись носом в землю, точно крот; видна была его исподняя сторона. Как его оттуда вытащат, мистер Бантинг не мог себе представить. С субботы знакомый вокзал изменился до неузнаваемости, обратившись в развалины, так что у мистера Бантинга при первом взгляде зхватило дыхание. Вот что бывает, когда фрицы нападают объект или попадут в него случайно. Этот хаос ужаснул мистера Бантинга, ибо он ненавидел всякое разрушение и все, что причиняло убытки, даже в домашних масштабах. А здесь немцы, видно, справляли истинную германскую оргию разрушений.

Наконец, спохватившись, что он стоит неподвижно и этим выдает свои чувства, а их он во что бы то ни стало хотел скрыть, мистер Бантинг двинулся дальше. «Миллионные убытки, — пронеслось у него в уме, — миллионные!» Он крепко поджал губы. Ни с чем несъобразно было то, что на границе этого хаоса стоял контролер, следя за порядком на своем маленьком отрезке потревоженного мира.

— В старый вокзал попало, да здорово как, — сказал чей-то голос за спиной мистера Бантинга, и он ответил кратко: — Очевидно.

Он был слишком потрясен, чтобы разговаривать на эту тему. Вдруг этот человек заронил яз пессимизма в его душу, а он сам в данную минуту не был уверен, что сумеет показать должную выдержку. Движимый

привычкой, он взглянул на часы. Они были на месте и шли, как всегда, не спеша и не отставая ни на минуту; липкий всякого выражения циферблат бесподобно взирал на мир, должно быть, совершенно так же, как и в разгаре бомбежки, когда кругом все рушилось под градом бомб. Гигантская минутная стрелка привычно дернулась, словно часы дружески подмигнули проходившему под ними мистеру Бантигу.

Выйдя на при вокзальную площадь, он обрадовался, увидев, как много уцелело даже в этом уголке Лондона. Район был не весь разрушен, и дезорганизация не очень заметна, даже поблизости от вокзала многое осталось нетронутым. По улице оживленно сновали пешеходы, ходили автобусы; девушка прошла мимо него, ведя на сворку непослушного терrier'a; в руке у нее была свежая булка, завернутая в шелковистую бумагу. В воздухе была разлита даже какая-то радость, быть может, чувство облегчения. Повернувшись спиной к вокзалу, шофера такси сбились в кучку у газетного киоска, должно быть, читали про войну. В них было что-то напомнившее ему Оски, какая-то невосприимчивость к ударам, неспособность понять все значение происходящего у них на глазах. Их флегма помогла мистеру Бантигу взять себя в руки, и он зашагал к магазину Брокли.

Оказалось, что в табачном киоске за углом можно было непрежнему купить упаковку табака «Маяк». Продавец, занятый сортировкой запоздавших газет, не стал распространяться о том, что произошло на вокзале. Сам мистер Бантиг тоже не заговорил об этом: он из принципа никогда не говорил о последствиях бомбёжек. Его вера в своих соотечественников была беспредельна, по все же он воздерживался от таких разговоров, которые могли их расстроить.

Очевидно, он приближался к другому очагу разрушения. Гостиница выставляла напоказ все свои спальни; банк, уже забитый досками, охранялся полицейским. Беспокойство мистера Бантига усилилось, и он ускорил шаг, стараясь разглядеть издали торговый дом Брокли, и, увидав его, наконец, вздохнул с облегчением человека, который уже знает самое худшее. Витрины в его отделе выпадали на улицу. У Кордера стекла тоже были разбиты.

и встерь колыхал драпировки внутри витрины. Швейцар уже подбирал осколки с деловитостью, которую мистер Бантиг про себя одобрил.—У вас в подвале есть доски, вот только кто бы помог прибить, — сказал швейцар, отрываясь от дела.

Мистер Бантиг щипнул головой и попытал осматривать повреждения. На сей раз попало и Брокли; война, о которой так много говорили в этом здании, подошла к нему вплотную. Что немцы покусились на Фирму Брокли, это, по мнению мистера Бантига, переходило всякие грани; он просто не мог найти слов для такого бесчинства. Окна, выходящие во двор, тоже были разбиты, пострадал кабинет мистера Бикертона, везде в беспорядке валялись товары, поломанные и запачканные. По закуток мистера Бантига был совершенен в том же виде, в каком он его оставил в субботу. Ни одна книга, ни одно перышко не сброшены на пол, ни пыльники на отполированном локтями письменном столе. Шрейскурашты, инвентарная книга, дневники мистера Бантига — все было целехонько и на месте. Он вошел туда с чувством облегчения: наконец-то среди этого хаоса он отыскал утюлок, где все осталось без перемен.

Мистер Бантиг падул щеки и сел. Затем, спохватившись, что он все сидит в шляпе, он снял ее и положил на стол. Ему хотелось отдохнуть и забыться хоть на минуту. На столе лежала записка, последняя из множества записок миссис Масгрэйв. Как и со всех предыдущих, в лей говорилось об успехах Чарли на японском по прище. Она была уверена, что мистер Бантиг страшно интересуется тем, как чувствует себя Чарли в армии, и в особенности опасается, как бы тот не наделал глупостей, например, не попал бы в гранатометчики. Чарли, сообщалось в записке, теперь работает на складе под началом капитана Райса, и драться ему не придется. Опыт, приобретенный им вкладовой фирмой Брокли под присмотром мистера Бантига, оказался ему во спасение.

— Тыфу! — воскликнул он, яростно разрывая записку на мелкие клюочки. Эта чортова баба теперь будет торчать тут целыми днями, скрести, тереть, чистить, отравляя воздух запахами весенней уборки.

— Мистер Бантиг! Мистер Бантиг! — донесся до

шего голос Тернера, еще более пронзительный и настойчивый, чем всегда, и перед ним появился Тернер, потрясенный, но, видимо, старающийся при мистере Бантигте держать себя в руках.

— Пойдите посмотрите, что с моим окном!

— О, черт! — пробормотал мистер Бантиг, вставая с табурета. Он был готов к любым неприятностям, и разбитое вдребезги окно Тернера только заставило его отметить еще одну интересную особенность действия воздушной волны. Окна в задней стене вылетели внутрь здания, а не наружу, как по фасаду. Это-то и взволновало Тернера, чье рабочее место находилось между окном и полками. — Посмотрите! — произнес он, указывая на осколки стекла, вонзившиеся в деревянную переборку. Он стал за прилавок и продемонстрировал, куда попали бы осколки, если бы падет произошел в рабочие часы. Они попали бы в разные места его тела, соответственно тому, где бы он стоял, и каждое ранение могло быть смертельно. Если бы он стоял вот здесь, когда разорвалась бомба, в него попало бы пять больших осколков. — Не очень-то было бы приятно, как вы думаете? — заметил Тернер. Слушая одним ухом Тернера, мистер Бантиг попытался осторожно вытащить осколок пальцами, потом пустил в ход плоскогубцы. Ему пришлось приложить много усилий, чтобы извлечь острые осколки из дерева. До сих пор он и не подозревал, какая страшная сила таится в этих взрывах. Но подозревал, что человека может перерезать на двое осколком стекла. Демонстрация на практике получилась очень впечатльная.

Вопрос был вот в том: что делать с окном Тернера? В кладовой Брокли стекла было много, фирма им торговала, и окно можно было вставить, после того как приведут в порядок витрины по фасаду. Тернер со страхом ожидал его решения. Бесполезно успокаивать его, подумал мистер Бантиг, что леммы не бросают бомбы два раза подряд в одно и то же место. Это заблуждение уже опровергнуто. Они их бросают куда попало, и это понятно, раз они ни во что особенно не целят, кроме как в «моральное состояние» нации.

Этого выражения не было в толковом словаре, составителя которого не могли предвидеть, что оно будет в

таком ходу, но мистер Бантинг отлично понял его из как текста. Немцы особенно старались поколебать дух гражданского населения, что, по мнению мистера Бантина, указывало на их собственное уязвимое место. Если человек, скажем, тот же Тернер, думает только о том, как отразится война на нем самом, то дело можно считать проигранным. Однако, осматривая разбитое окно, он думал не о Тернере, а о лондонцах, которые каждую ночь должны терпеть такой ужас. Сам он по вечерам после работы уезжал из Лондона, а им приходилось ночевать в убежищах и шелях или всем скопом укрываться в метро. Как часто он думал о них, лежа в постели, и почти стыдился того, что он здесь находится в безопасности, словно дезертировал с передовой линии и оставил женщины, детей и стариков защищать ее. Мысль о них, загнанных в подвалы и убежища, угнетала его; он представлял себе, как они жмутся там, зная, что даже в убежищах нет полной безопасности, — ее нет нигде.

Даже в кафе Мак-Эндрю не обходилось без трагедии. Девушку, которую они с Кордером считали своей присяжной официанткой и звали «домовитой Филидой» (иначе, собственно, мистер Бантиг так и не мог назвать), уже не было там. Ее открыли из-под развалин дома, в котором она жила. Мистер Бантиг помнил ее бледное лицо, мышавшего цвета волосы, тихий голос и приятную улыбку. Он часто думал, что хорошо бы ей пожить хоть месяц за городом. А теперь она умерла, убитая блицкригом, и еще одним человеком в Лондоне стало меньше. Узнав об этой смерти, мистер Бантиг горько вздохнул, что он уже старик и не может отомстить за нее.

— Они налетают больше по ночам, — сказал он Тернеру, подводя итог этим размышлениям и стараясь быть с ним помягче. — Если хотите, я велю забить окна досками. Будете работать при лампочке.

Торопясь уйти от неумеренных пульзепий благодарности Тернера, он случайно заметил какую-то груду, плохо прикрытую брезентом. Что-то похожее на трубы, довольно больших размеров, знакомая серая эмаль. Мысль, что это могут быть печные трубы, мелькнула у него в уме, но была отвергнута, как мысль с чем несообразная. Однако он натнулся и потянул к себе брезент. Клеймо

«Уоткинс» бросилось ему в глаза. Еще не веря себе, но с возрастающим беспокойством, он пересчитал их.

Восемь! Восемь труб! Это, должно быть, от печей, отправленных в Элджин. Сердце у него упало. Чья-то роковая ошибка свела па-нет все его усилия срочно выполнить заказ. Какой был толк отправлять печи без труб? Мистеру Бантингу мигом вспомнился Мак-Колл из Эйдингена, далеко не антс Тернера, если судить по письмам, и даже не слишком вежливый человек, но в эту минуту сочувствие мистера Бантинга было целиком на его стороне. Он представлял себе: Мак-Колл распаковывает долгожданные печи и в беспечности подсказывает на месте, — рыжий, пестово бранящийся шотландец, имеющий полное право негодовать.

Он укоризненно заметил: — Неужели вы отослали печи и позабыли про трубы?

Тернер судорожно глотнул вместо ответа. Под взглядом мистера Бантинга он весь съежился, стараясь стать незаметным, как фокеттеррер в ожидании хлыста. Мистер Бантинг до того растерялся, что даже не чувствовал гнева. Отослать печи без труб было уже большой глупостью, то не сказать об этом ни слова, разыграть такую комедию — заложить трубы мешками, скрывая свою ошибку, было уже чистейшим идиотством. Это поставило его в тупик. Ему пришло в голову, не выжил ли Тернер из ума. Тернер положительно был безнадежен; мистер Бантинг просто не знал, что с ним делать. Если бы разнос мог принести пользу, он разнес бы Тернера, но Тернера не стоило даже бранить. Если человеку столько лет, сколько кажется на вид, так Тернеру не меньше восемидесяти — ни жизни, ни энергии, а дома больная жена; и сын утонул в Северном море.

Оставался только один выход, — единственный практический и деловой выход.

— Отправьте их. Запакуйте и отправьте.

— Хорошо, мистер Бантинг.

Уходя, мистер Бантинг вздохнул, вздохнул от всего сердца. Так напутать — ведь это могло бросить тень на весь отдел, а главное, на заведующего! Он сам еще не знал, что лучше — написать Мак-Коллу или дать телеграмму. Свалить все на блицкриг и тем избавиться от

его гнева. Да ведь это, в конце концов, и правда. В известном смысле всему виной блицкриг.

— Нет! — пробормотал он и, сам не зная почему, зевнул: — Фирма Брокли. — Из всех фирм кому, как не ей, быть выше блицкрига. Ну, и заварится же каша, когда дело дойдет до мистера Бикертона!

Он поднялся на верх и перешел на постолл в коридоре, приглашивая единственную прядь волос и без всякой надобности пересчитывая пуговицы на жилете.

В полуоткрытую дверь кабинета виден был мистер Бикертон, стряхивающий кирпичную пыль с бумаг; он перебирался в другое помещение и давал распоряжения па этот счет. Его очень раздражала пыль, он то и дело доставал шелковый платок и смахивал ее с безукоризненно опрятного черного пиджака.

Мистер Бикертон не мог работать, если все вокруг не было чисто и опрятно, как в клинике. Сейчас он не мог найти самых нужных бумаг — провалились, точно сквозь землю. Завидев мистера Бантига, он жестом пригласил его войти, заметив, в совершенном неожиданном припадке откровенности, что если он сам за всем не присмотрит, то этот проклятый рассыпанный все пропажи будет сваливать на блицкриг.

— Очень трудно работать. Но припомните ли вы, какие расценки мы давали Уордузу на эти самые отрезки труб?

На свет явилась растрепанная записная книжка мистера Бантига, и из нее, словно конфетти, дождем полетели вырезки. — Па патрубки, — сказал он, поправляя пижонклатуру своего шефа. — У меня где-то записано.

Мистер Бикертон заглянул ему через плечо, пораженный не столько записной книжкой, сколько той уверенностью, с какой мистер Бантиг рылся в ней.

— Вы все сюда записываете?

— Почти. У меня много таких книжек находилось.

Среди массы подробностей, записанных единственно из любви к записям, палец мистера Бантига показал нужные цифры.

— Ага! — с облегчением произнес мистер Бикертон. Он замолчал, недовольным взглядом обводя окружающее. — Пойдемте лучше вниз.

Закуток мистер Бикертон оглядел одобрительно. Он вошел в него, как входят в дом во время грозы, и сел за стол мистера Бантинга, как усаживаются у каминя. Теперь-то и рассказать ему о промахе Тернера. Мак-Колл напишет, конечно, язвительное письмо, а нет ничего лучше, как заблаговременно предупредить человека, чтобы он перекинул мало-помалу, а не взорвался мгновению. Но Мак-Колл может послать не письмо, а телеграмму. Приходя в ярость, он всегда слал телеграммы, и его послания были бессвязны и полны восклицаний. Если придет такая телеграмма, да еще в день катастрофы, Тернеру не слюбровать.

Такие мысли пробегали в голове мистера Бантинга, когда он смотрел на мистера Бикертона, писавшего за его столом; тот, повидимому, настолько углубился в дела, что совсем забыл, где находится. Достав из кармана пачку писем, он стал быстро делать пометки и что-то высчитывать, не обращая никакого внимания на мистера Бантинга; только один раз он поднял глаза и спросил: — Да, Бантинг? Вам что-нибудь нужно? — На что мистер Бантинг ответил: — Нет, ничего, сэр, — и поспешил удалился, чувствуя, что шеф недоумевает про себя, какого черта попадобилось Бантингу в его кабинете.

За завтраком он молчал и раздумывал, оправдывать ли ему Тернера заранее или подождать известий из Элджина. Кордер принял его задумчивость за уныние.

— Будет тебе, Джордж! Лондон опять воскреснет. Как Феникс из пепла. Еще лучше прежнего — тот Лондон, о котором мечтал Рен.

— Может быть, — ответил мистер Бантинг, который и раньше слыхал про Рена, а про Феникса никогда.

— Я думаю, человечество сейчас на повороте: на пороге великого движения вперед. Правда, я и в ту войну верил, что будет перемена, но сейчас чувствуется больше уверенности, это ясится в воздухе. Новый мировой порядок. Да, трезвый ум народа — как это? — всегда обуздал раздоры и вражду. Но, конечно, теперь никто не читает Теннисона.

Мистер Бантинг позволил себе глубоко вздохнуть, что указывало на его долготерпение. — Не заводи ты опять про этот новый порядок, Джо. Это вот у Гитлера новый

порядок да у моего Эрлеста. И старый порядок был не-
плох, пока мы не позволили немцам опять заварить кашу.
Обыкновенному человеку ничего этого не надо, а нужен
ему приличный заработка да приличный дом да немножко
досуга, чтобы заниматься тем, что нравится. И чтобы
всякие хорошие вещи были подешевле! Теперь наши брат
и сестра даже виски почти никогда не видят, а скоро
и курить ему будет нечего. За дом придется вносить
платежи лет двадцать. Твой новый порядок ничего про это
не говорит. А ведь как раз это и помогает жить
обыкновенному человеку, это, так сказать, сахар в чашке-
чай. Этим мы живем, это — наша радость.

— Чистый материализм! — воскликнул Кордер. — Во-
да с ягодами, — лакомство Калибана!

Он наклонился вперед, тыча в воздух папирою.

— Неужели ты думаешь, что Англия останется все
той же? Мы все сражаемся бок-о-бок. От короля до
разносчика, мы все попали в переделку. И каждый верит
каждому, что тот выстоит. Неужели ты думаешь, что все
это кончится ничем?

Не часто приходилось мистеру Бантингу слышать,
чтобы Кордер говорил так серьезно. Обычно он как будто
ничего не принимал всерьез. За последнее время лицо
его осунулось, движения стали порывистей. Его дом в
Парли разнесло вдребезги бомбой вместе с драгоценной
библиотекой классиков в дешевых изданиях. Бомба выгна-
ла его из временной квартиры в Крайдоне, ему пришлось
пережить много такого, о чем Он никогда не рассказывал.
Он побледнел и словно истаял, но дух его стал еще неу-
крушимей и пламенней, в нем чувствовалось напряжение,
как в тую закрученной пружине.

Сейчас он наклонился вперед и заговорил, как человек,
который видит суть вещей, а не только то, что делается
на поверхности жизни, и умеет находить слова и тон,
покоряющие слушателя. — Это мылье вместе со мной кровь
свою прольет, тот станет моим братом, — сказал он с
непривычным жаром. — Вот что я думаю, когда хожу по
лондонским улицам.

Мистер Бантинг помешал кофе в стакане и выпил. От
такой глубины чувства, вложенного в застольную беседу,
ему стало даже исповедко. Он понимал такие чувства, но

никогда об этом не говорил, не мог даже слушать, не придав своему лицу такого выражения, как во время проповеди или на молитве. И потому, выдержав приличную паузу, он посмотрел на часы и сказал: — Пора идти, Джо.

Онишли к магазину Брокли, а сирены предостерегающие выла, заглушила шум уличного движения. Два-три пешехода остановились, глядя на небо, но большинство невозмутимо шло своей дорогой. При звуке сирен теперь никто не бежал прятаться; это и официально не поощрялось, и было дано разъяснение, — это еще не бомбёжка, а всего-навсего «тревога». Но Кордер проклинал ее, пользуясь высокопарными эпитетами, заимствованными, как полагал мистер Банкинг, все у того же Шекспира, пригодного на все случаи жизни.

Магазин напомнил ему о личных его затруднениях. Перед завтраком он условился с рассыльным, чтобы тот перехватил телеграмму из Элджина, и вот вам — на столе лежал желтый конверт — следствие этих переговоров и доказательство того, что на рассыльного можно было положиться во всяком незаконном деле. Хотя в этом не было ничего неожиданного, цулье мистера Банкинга зачастил так, как ни от одной телеграммы за последние несколько месяцев. Он не был уверен, захочет ли Кордер спуститься с отвлеченных высот на землю и дать ему совет насчет такого прозаического дела, как оплошность Тернер с трубами. Правда, сице известно, будет ли совет Кордера практически выполним и даже, будет ли он достаточно вразумителен. Ну, да ведь просять совета — это одно, а последовать ему — совсем другое.

— Джо! — негромко позвал он и, прикрыв за лицо дверь закутка, показал ему телеграмму. — У меня тут вышло маленько недоразумение с одним заказчиком из Элджина. А все Тернер. Как бы ты думал, что он выкинул из этого раз?

Он начал рассказывать все по порядку, начав с получения заказа в июле месяце; он излагал все обстоятельно и не спеша, и с неизбежными отступлениями и повторениями, попутно нагромождая все новые подробности и похлопывая ладонью по желтому конверту; он

не сводил глаз со своего друга и взглядом призывал его не терять терпения — сейчас он дойдет до самой сути.

— Так вскрай и посмотри, в чем дело! К чему все эти предисловия?

— Я только хотел объяснить тебе, — ответил мистер Бантинг, обиженный тем, что событие такой важности показалось Кордеру неинтересным. — Если он отказывается принять пачи, Тернер вылетят как дважды два. Одна доставка пачм обошлась в пять фунтов, — и со вздохом он вскрыл телеграмму и прочел ее:

— «С прискорбием извещаем Вас, что сержант пилот К. Р. Бантинг...»

Одну секунду мистер Бантинг, окаменев, смотрел на эти строки, потом письменный стол и стена покинулись навстречу ему, потолок и часы где-то вдали закружились, словно в тумане, и все скрыла надвинувшаяся Тьма.

Ногом ему чудились голоса и лица вокруг, лица близко, голоса далеко, и где-то совсем рядом — шокки стола и запах пыли, бьющий в нос.

Он шевельнулся, обвел взглядом лица, и ему стало совестно. — Я ничего, — сказал он, пытаясь подняться. — Я сейчас.

— Не волнуйся, Джордж. Сейчас тебе принесут чаю.

— Я ничего, — произнес мистер Бантинг, приподнявшись и переходя в сидячее положение. Почувствовав что-то соленое на верхней губе, он провел по ней пальцем и понял, что это кровь идет посом. Он постарался припомнить, что же произошло, собраться с мыслями. Но не смог, только закружилась голова, и он, обессилев, опять опустился на спину.

И тогда, без всяких усилий, правда эма вошла в его душу. Крис. Он вспомнил: Крис умер.

Это встало перед ним во весь рост, он словно перечитывал одно и то же несколько раз подряд, не вполне улавливая смысл. Его удивляло, что оно не чувствует сильного волнения, а только словно оглушен. И вдруг он вспомнил про жену, всхлипнув, втянул в себя воздух и отвернулся от склонившихся к нему лиц.

Кордер взял чайник и вытолкал всех за дверь.

— Дай я помогу тебе, Джордж. — С трудом Кордер усадил его на табурет и прислонил к перегородке.

— Ничего, ничего, я сейчас, — повторял мистер Бантинг. Он силился вспомнить, что же произошло с Крисом: что имело стояло в телеграмме. Он поискав ее глазами, беспомощно пошарил в карманах и оставил это. Вся его сила, словно ушла куда-то. От горячего чая поднимался пар, и ему захотелось пить; он медленно выпил чашку, потом налил другую, расплескав немного.

— Надо сказать жене, Джо, — прошелгал он и, уже не скрываясь, заплакал. — Прямо не знаю, как быть.

— Отдохни немножко, потом поезжай домой. Самое лучшее.

— Пришло оцинкованное железо. Мистер Бикертон сказал...

— Ты не думай об этом. Не волнуйся. Мы все так сочувствуем тебе, Джордж.

— Да, — коротко ответил мистер Бантинг. Дом казался ему так далеко, в конце тягостного и сложного пути. Он допил чай, думая о трудностях пути как об испытании, через которое рано или поздно придется пройти.

— Я позвоплю Эриесту, чтобы он встретил тебя на станции и сказал матери.

Мистер Бантинг закусил дрожащую губу. — Проклятый Гитлер! — с горечью вырвалось у него, и Кордер услышала, что он гневно и незнатно бормочет что-то в скомканый платок.

На некоторое время мистер Бантинг опять затих; Кордер в тревоге следил за ним, но молчал. Он ничем не мог помочь другу, разве только своим присутствием. Вскоре мистер Бантинг встал, лицо его казалось очень бледным по контрасту с выжеватыми усами.

Он попытал, что может сейчас уйти из магазина: мистер Бикертон даже настаивал на этом. Такое внимание как будто немножко утешило мистера Бантинга; он никогда не просил никаких поблажек у фирмы, и уйти со службы в три часа было для него нарушением уклада всей жизни.

Кордер протянул ему шляпу и пальто, чемоданчик, зонтик и вытер нос, запачканный кровью. Мистер Бантинг переносил все эти ухаживания послушно, как ребенок.

Стук захлопнувшейся за ним двери, казалось, отметил

конец чего-то, чегомо именно, он не знал, но в этом стуке было какое-то значение. Ему казалось теперь, что стол и табурет принадлежат кому-то другому, его прежнему «я», человеку, до сих пор не знаящему горя.

Он прошел через другие отделы, стараясь ни с кем не встретиться взглядом. Швейцар распахнул перед ажим дверь, он вышел на улицу и, свернув за угол, увидел Тернера с только что купленным «Стандартом» в руках.

Глаза Тернера блестели, походка была легкая. Его робкий дух теперь несколько по страшился нарушения дисциплины. Увидев мистера Бантинга, он замахал ему рукой и подошел к нему.

— Он спасся! Жив и здоров! Смотрите — написано в газетах.

Сердце мистера Бантинга усиленно забилось при таком невероятном известии. Тернер задыхался от волнения, его худые руки, судорожно вцепившиеся в отвороты пальто мистера Бантинга, заметно дрожали.

— Спасся! Славу богу! — задыхаясь, повторял Тернер. — Это напечатано в последних известиях.

Мистер Бантинг заглянул в газету, но не мог ничего прочитать. Новость доходила до него отрывками, в задыхающейся передаче Тернера.

— Они все высадились в каком-то норвежском порту. Их подобрал крейсер. Весь экипаж «Бэджера».

— Очень рад! — хрюкнул ответил мистер Бантинг, чувствуя, как что-то в нем умирает медленной смертью. Он силился что-то еще прибавить, но Тернера уже не было: он радостно побежал дальше, к магазину Брокли. Спохватившись, что смотрит без всякой цели на поток уличного движения, мистер Бантинг возобновил прерванный путь к вокзалу.

Из перрона в Килворте от группы встречающих отделилась одна фигура, и Эрнест, бледный и расстроенный, подошел к нему. Мистер Бантинг чувствовал на себе его пристальный взгляд. Отойдя на несколько шагов, он прежде всего задал тревоживший его вопрос:

— Ты сказал матери?

Эрнест кивнул. Минутное чувство облегчения сменилось в душе мистера Бантинга новой тревогой.

— Что она? Как она это приняла?

Эриест ответил не сразу, он отвернулся и посмотрел в сторону. Некоторое время они шли молча, и душа мистера Бантина наполнялась зловещими предчувствиями; наконец, не выдержав, он резко дернул Эриesta за рукав и заставил его остановиться и взглянуть ему в лицо.

— Я не знаю, как она это пришла. Она просто стояла и смотрела, вот... — Голос его прервался, и лицо исказилось.

— Спокойнее, Эриест, спокойнее. Не надо этому поддаваться. Мы должны думать о твоей матери.

— Да, — просто сказал Эриест и прибавил: — Там Эви.

— А! — и мистер Банting впервые за эти несколько часов вздохнул с облегчением. Они пошли дальше.

— О твоей матери, вот о ком мы должны думать, — сказал он, — словно повторяя лозунг, и взглянул искоса на сына, который шел рядом, понурив голову; воротник его макинтоша смялся, и выражение лица было напередаваемо горестное. Мистер Банting подавил вздох. Казалось, дороге не будет конца, они или, словно во сне, не к какому-то прозрачному миру. Вдруг совсем неожиданно он очутился перед зеленою с белым калиткой, и минута испытания грозно на临илась на него. Чуть помедлив, он толкнул калитку и первый прошел вперед.

Эви встретила его на пороге. Ее взгляд, как и взгляд Эриesta, остановился на нем, исследуя каждую черту.

— Она молодцом. Очень хорошо держится.

Он кивнул ей и остановился в дверях, глядя, как она идет по дорожке навстречу Эриесту, потом вошел в прихожую и сняла с себя пальто. В открытую дверь ему виден был стол, изкрытый к чаю. Белела, как снег, скатерть, поблескивали чашки, ярко пыпал огонь. Все было как всегда, когда он возвращался домой. Но Мэри нигде не было видно.

— Мэри! — позвал он, потом погромче: — Мэри!

Руководимый чутьем, он направился в кухню и там увидел жену, она стояла возле раковины в переднике и домашнем платье. В ее позе было что-то покорное, что-то слабое и беззащитное и в то же время сильное своей стойкостью — это он почувствовал в краткий миг про-

светломия. Быстро стоял вот так, посреди всей этой будничной обстановки, бледная, стареющая, с огрубевшими от работы руками, она воплощала собой самую трагическую и извечную жертву войны — мать павшего в бою. Это могла быть чья угодно мать, в какой угодно воюющей стране.

Их глаза встретились, и долго сдерживаемое горе проявлялось. Она беспомощно протянула к нему руки и в следующее мгновение уже рыдала, уткнувшись лицом в его пиджак. Он усадил ее на старенький кухонный стул, и несколько минут она плакала неудержимо, а он, наклонившись над ней, бормотал и по договаривал какие-то слова и фразы. Скоро она затихла, и, подняв голову, посмотрела ему в глаза.

— Надо жить и дальше, милая, — сказал он. — Надо перенести это. Как сумеем.

Она так пристально гляделась в его лицо, что, казалось, не слышала его слов, и, проподняв уголок передника, она осторожно стерла пятнышко крови с его верхней губы.

— Ты здоров, Джордж?

— Я? Да я ничего. А что?

Она с сомнением посмотрела на него: казалось, слезы опять вот-вот хлынут из ее глаз. Потом она сказала: — Ты, должно быть, хочешь чаю, — встала и, как всегда, заботливо заварила чай и принесла тарелки.

С тревогой он следил за тем, как она машинально выполняла свои обязанности холмийки, с видимым усилием заставляя себя думать о том, что делает. Когда она уходила из кухни, он поворачивал голову и прислушивался. Но удобное кресло и тепло очага вызывали в нем неизрекаемую усталость. Он наклонился вперед, подперев подбородок руками, смотрел в огонь и думал.

Она дотронулась до его плеча.

— Я ничего не хочу, — сказал он, повернув к ней усталое лицо.

— Надо же чем-нибудь поддержать силы, дорогой мой.

— Ну, тогда чашку чая.

Она помедлила немного, потом привнесла чашку и дала ей в руки, привнесла тарелку и подождала, пока он не начнет есть и пить. Это словно сняло с ее души какое-

то тяжелое бремя, и она неожиданно улыбнулась с глубокой нежностью.

— Тебе, должно быть, ужасно тяжело, Джордж.

— Не во мне дело, — прошептал он. — В тебе.

Она тихо покачала головой. Она знала, что как жена и мать утешать должна именно она. — Нам вместе придется переживать эти тяжелые дни. Все-таки легче, когда у тебя кто-нибудь есть.

Вечером он сидел один у камина. Жена и дочь легли спать.

Удар обрушился, и в этом смысле самое худшее было уже позади. Теперь мало-помалу должно было наступить выздоровление, и время должно было залечить рану и утишить боль. — Авессалом! — шептал он. Всегда Авессалом, лучший из сыновей, любимое личтя. Он любил Криса. А знал ли об этом Крис? Он вспомнил последний вечер, проведенный с сыном, разговор в спальне. Крис, конечно, уважал отца. Но он был легкомыслен, мальчик еще, ему только что исполнилось двадцать лет.

Говорят, молодость — золотое время жизни, но вот сейчас, когда мистер Балтинг вспоминал собственную жизнь, все лучшее, как ему казалось, было уже после двадцати лет. О прежнем своем «я» он думал, как о совсем другом человечке, настолько отличавшемся от того пожилого, трезвого мужчины, каким он был теперь, что он почти с любовью вспоминал ^о живом, полном надежд мальчике, каким он был когда-то. Но все лучшее в его жизни лежало по эту сторону. Хлеб, который он ел с радостью, вино, которое он пил с легким сердцем, дни, прожитые в согласии с любимой женой, — все это было уже после двадцати лет. А Крису пришлось отдать все это. Не за какой-то «новый миропорядок», — Крис так же мало думал об этом, как и его отец. Он погиб, защищая свой дом и семью и те несколько миль английской земли вокруг Килворта, которые он изучился любить еще с детства.

А теперь он умер. Все мысли кончались на этом, растворялись в этом одном слове. Никогда уже они не услышат, как он идет, насвистывая, по дорожке.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

Возвращаться на службу после смерти Криса было для мистера Бантинга тяжелым испытанием, и ему пришлось постоять некоторое время перед дверью, собираясь с духом, прежде чем войти в магазин. Но он прошел по отдельам к своему закутку, повидимому, никем не замеченный. Бордер, угадывая, что сейчас он нуждается только в одном — чтобы его оставили в покое, избавил его от бесконечного повторения одних и тех же плензовых выражений сочувствия. И мистер Бантинг с головой ушел в работу; дело нужно было делать попрежнему, и забота о мелочах помогала ему забывать самое главное.

В первый же день по возвращении он с обычной своей аккуратностью просматривал почту, облокотившись о стол. Но смысл написанного доходил до него с трудом, что-то все-таки ускользало, как ускользает звук от глухого, сколько бы он ни напрягал слух. Звонит, он не совсем еще пришел в себя; раньше, помнилось ему, он удивительно быстро догадывался, что именно требуется клиенту.

Очень часто в эти первые дни он лежал себя на том, что погружался в какой-то транс, и мысли о работе незаметно сменяются мыслями о том, как-то Мэри проводит одна эти дни. Ей, конечно, очень тяжело, она все в той же обстановке, повсюду она видит вещи Криса. И вдруг, опомнившись, он взглядал поверх перегородки на циферблат больших часов, и найдя, что стрелки не передвинулись, хватался за свои часы, не в состоянии понять, что эти трансы делятся всего мгновение. Потом он сосредоточивал все свое внимание на письмах, перечитывая их медленно и тщательно до тех пор, пока все не становилось ему ясно.

Чуть ли не первым из всего магазина прямо заговорил с ним мистер Бикerton. Он зашел к нему в закуток, прежде чем подняться наверх, в койтору, и мистер Бантинг встретил его, призвав на помощь всю свою выдержку. Он стоя выслушал слова своего шефа — они были доброжелательны и искрени, в них было все, что может быть в словах; никто ведь не мог ничего ему дать кроме слов, сочувственных, но бессильных. Мистер

Бантиг терпеливо выслушал их, не отводя глаз от пресс-шапье. Когда шеф замолчал, он поднял глаза и сказал.

— Благодарю вас, сэр. Я это очень ценю. Конечно, никто не понимает, что значит потерять сына, пока сам своего не потеряет. Я и не жду, чтобы они понимали. Это уж нам с его матерью служило как-то пережить и при этом не пасть духом.

Мистер Бантиг не знал, что во время этого двухминутного разговора он был исполнен истинного и скромного величия, словно человек, которого один-единственный раз в его жизни увенчали лаврами.

— Правда, — сказал мистер Бикертон. — Это одни мы понимаем. Мы должны терпеть и не падать духом.

Од ушел. Его слова, отздавшиеся эхом в душе мистера Бантига, наконец, дошли до его сознания.

— Джо, — начал он, перейдя в отдел ковров, — разве у Старого моряка тоже погиб сын на фронте?

— Как же, а ты и не знал? Ещё в самом начале. Оттого и жена к нему часто приходила.

Мистер Бантиг, задумавшись, вернулся к своему столу. Од не мог припомнить ни одного дня за все последние месяцы, когда мистер Бикертон пришел бы на службу не такой, как обычно, изменился бы хоть на iota; всегда безуиречно одетый, точный во всем, лаконичный, требовательный, как адмирал. Удар нанес ему глубокую внутреннюю рану, и только гордость скрывала рубцы. Он напоминал стойка, или, древнего спартанца (исторические познания мистера Бантига были довольно смутны), или тех аристократов, которые без трепета смотрели из топор узлача. — Должно быть, учился в поэвилегированной школе, — проговорил мистер Бантиг, впервые не вкладывая в эти слова презрительного оттенка. Бывают же такие люди, не человек, а кремень; он изумлялся им, но сам был не в состоянии подняться до таких высот. Он хорошо знал, что мужества в нем мало.

На гвозде, вбитом в перегородку, висел его противогаз, вещественное свидетельство того недоверия, которое мистер Бантиг продолжал питать к Гитлеру. Но, в сущности говоря, мистер Бантиг сейчас уже мало интересует

совался противогазом; этот висел здесь просто потому, что дома ему выдали другой.

После смерти Криса он первым долгом попросил мистера Ролло записать его на более активную работу. Он просил спокойно, но настойчиво, и отклонения дозвод, будто бы Кильворт не угрожает немедленная опасность. Со смертью его сына в рядах борющихся против Гитлера образовалась брешь, и, поскольку это в силах мистера Бантинга, он намерен заполнить ее. Теперь он был чем-то вроде связиста в местном штабе Гражданской обороны; ему дали особого фасона противогаз в мешке и стальной шлем, такой же, как у Оски, только он стеснялся выставлять его напоказ. Он сидел в штабе по вечерам, три раза в неделю, и возвращался домой ранним утром, чтобы урвать несколько часов сна, если этому не мешала тревога.

Миссис Банting уговаривала его бросить работу в штабе. Это уж слишком, убеждала она, такая работа ему не под силу. Но Джули потихоньку отговаривала мать.

— Пусть его, если хочет. Ему кажется, что его мало используют. Я сама хочу идти в шоферы санитарной машины. Надоело сидеть в бюро снабжения и вязать.

— Ты знаешь, как отец на это смотрит.

Джули вздохнула. Мистер Банting был против того, чтобы дочь тоже работала в штабе. — Нельзя же оставлять мать одну в доме, милая, вечер за вечером.

— Все вязанье да вязанье! — воскликнула Джули. — Связала бы я удавку для Адольфа, вот уж старый грязный «дреззак»!

— Джули!

— Это не ругань, мама, это по-немецки.

— Мне кажется, воспитанные девушки так не говорят.

— Конечно, нет, мамочка. Я это выучила на тот случай, если встречу параньюстиков.

Что думал мистер Банting в дни, последовавшие за смертью Криса, никто из домашних не знал. В дни несчастья он обычно замыкался в себе. Чувствовалось, что он оправляется от удара, мало-помалу приводит в порядок свои мысли, старается примириться с новым

положением. Что он записался в оград местной самооборны, потому что Криса убили на войне, это миссис Бантинг поняла; мотивы его поступков были ей достаточно ясны, и ясно было, что он хочет помочь довести до конца то, что начал Крис. Если Крис умер, то пусть его смерть будет не напрасной. Из отрывочных фраз и бурканья она поняла до некоторой степени образ мыслей своего мужа. И часто с тревогой поглядывала на него, стараясь, чтобы он этого не заметил.

Иногда он отрывался от работы в саду и смотрел вдали за пределы своего маленького участка на весь пейзаж в целом. Уроженец Лондона, с годами он привязался к Эссексу. Биворт лежал в красивой местности, и он научился любить эти места. Это, кажется, называется патриотизмом: любить свою страну, любить ее почву и деревья, ее запах и вкус, стремиться сохранить все это и передать потомству. А вторгнуться в чужую страну — это не патриотизм. Ради этого Крис не стал бы записываться добровольцем. Он только защищал свою родину. Иногда мистер Бантинг глядел на воробьев, клевавших из птичей кормушки, с каким-то чувством товарищества, не поддававшимся определению, и на несколько минут они притягивали к себе его внимание. То вдруг он бросал работу, чувствуя незримое присутствие Криса. Бывали минуты, когда ему казалось, что Крис где-то совсем рядом; куда ни надал взгляд, всюду воспоминания. Все это он испытывал просто потому, что смерть Криса произошла еще так недавно. Он помнил это, ибо ему было очень хорошо известно, как время стирает память об умерших. Когда Эрнесту минет шестьдесят, чем будет для него Крис? Только преданием, не более, смутным видением среди ярких воспоминаний юности.

В такие минуты душа его раскрывалась настежь, и в нее входило горе; с искаженным лицом он уходил в сарай и, усевшись на перевернутый ящик, облегчал душу рыданиями. Вскоре он опять выходил из сарая и, пряча лицо, погибался над самым цветущим из своих питомцев, перекапывал землю у корней или окучивал их. Если Джули или жена заговаривали с ним, он глядел на них покрасневшими глазами, как бы умоляя, чтобы

они ничего не замечали. Все жалели его, так казалось мистеру Бантингу.

Оски дошел до того, что выкопал ему весь его урожай картофеля. Мистер Бантинг выкапывал картофель по мере надобности, по одному кустнику за раз. Однажды в субботу, выйдя в сад и соображая, как ему быть с этой работой, отложенной по недостатку энергии, он увидел, что Оски с видом знатока отряхивает последний корень, и можно было сразу заметить, что он не повредил ни единого клубня.

— Поправится вам, Бантинг, или нет, а я вам все выполнал. Какой толк, если картошка гниет в земле, да еще в военное время? — Он оперся на вилы, как Гедеон опирался на копье, считая павших врагов. — Картофель ничего себе, хотя земля и не годится для «Короля Эдуарда».

— Даже и совсем неплохой, — исправил мистер Бантинг, который в конце концов сам вырастил этот картофель. Он обвел взглядом ряды вырытого картофеля и удивился, что его так много: урожай был невиданный для коттеджа «Золотой дождь».

— Ну, в чем дело? — спросил Оски. — Глядите, все ли тут? Не беспокойтесь, все налицо, ни одной штуки в земле не осталось. Картофель, Бантинг, это не все равно что хрен. Один раз посадишь, а во всю жизнь с ним не разделяешься. Ну, а уж этот на будущий год не взойдет.

Оски деловито обтер вилы с видом человека, раз и пятьдесят покончившего с картофельным вопросом. На будущий год его не оскорбит зрелище картофельных ростков, вылезающих из земли на соседских грядках, с бобами и горохом. Це в пример мистеру Бантингу, он не ценил этих неожиданных возрождений и не смотрел на них как на бесплатную премию.

— Спасибо, Оски, очень любезно с вашей стороны. — Ониостояли рядом, пока мистер Бантинг закуризил трубку, раздумывая, в чем заключается истинно научный метод: следует ли сначала дать обсохнуть вырытому картофелю или убирать его сразу, облеченный мокрой глянью. Ему казалось, что Оски ждет, пока он выскажет свои соображения на этот счет, конечно, ошибочные,

чтобы можно было тут же указать на ошибку. Но глаз эксперта в эту минуту блуждал по саду мистера Бантигга. Кое на чем он останавливался, выражая изумление, потом двигался дальше, словно разрешив еще одну загадку.

Оски замаркался тяжелыми сапогами и откашлялся. Он собирался уходить.

— Не забудьте высадить цветущую капусту, вы и то уже опоздали. На восемнадцать дюймов друг от друга, чуть присыпать костяной мукой.

— Я то забуду. Рассада у меня очень хорошая.

— А лучше бы вы посадили «Короля Кобден», — заметил Оски. Он понятый не имел, какой именно сорт посадил мистер Бантигг, зная только, что не этот. — Я сам всегда сажаю «Короля Кобден». Для глинистой почвы самый лучший сорт.

Все любезности Оски были намеренно грубоваты, словно он чуял, что в таком виде соседу будет легче их принять. И действительно, когда с мистером Бантиглом обращались слишком бережно, это только сильнее давало ему почувствовать, что он — человек, убитый горем. Он отнюдь не желал показаться неблагодарным, но ему было неприятно, что некоторые понижают голос, обращаясь к нему, было неприятно подчеркнутое внимание к его нуждам. Все это делалось с самыми лучшими намерениями, он ничем не мог оправдать своей враждебности, но неприятное чувство все же оставалось. Он понимал, что люди стараются оказать ему поддержку в несчастьи, но он мог перенести его и один, не падая духом. Он выдержал удар, и это его же сломило. Это потрясло его физически, но в нем окреп дух, решимость жить и бороться, которую ничто не могло поколебать. Дома ему приходилось отклонять излишнюю заботливость семейных, прикидываясь забоченным и даже ворчливым. Так и надо поступать. Только выдай себя — и ты пропал. Одного слова, одного взгляда было довольно, чтобы от выдержанки миссис Бантигг ничего не осталось; она каждую минуту была готова разразиться слезами.

Когда они лежали вместе в темноте, он еще позволял себе быть нежным, и тогда она давала волю своему горю, но в другое время лучше держаться, как всегда,

и помогать ей по хозяйству. Он наблюдал за ней пристально и с тревогой. Она еще постарела, ходила по дому с застывшим лицом, то и дело терпеливо и безуспешно отстраняя со лба мешавшую прядь волос. Когда он заговаривал с ней, она отвечала не сразу, точно не слышала. Потом обворачивалась и улыбалась ему, словно боек, не желающий сдаваться.

Все сирены нарушили ход домашней жизни так часто, что больше уже не кричали из комнаты в комнату: «Тревога!», а сообщали об этом самым обычным разговорным тоном, как о перемене погоды. Но сирена очень раздражала мистера Бантина: ее завывание раздавалось всегда в самое неподходящее время. Только он наденет домашние туфли и поставит ноги на каминную решетку, как уже и начинается. Сирена то застигала его в ванне, то прерывала самые интересные сообщения по радио. Нередко он отказывался верить, что объявили тревогу, так как сам по слышал сирены, даже высунувшись в окно. Нередко он пропускал тревогу, увлекшись чтением, и слышал только, как Джули кричала ему:

— Сбомсил бромбу! Ты слышал бромбу, папа?

На что мистер Банting отвечал единственным вздохом и уже собирался отчитать дочь за то, что она коверкает язык, но во время вспоминал, что сейчас это не так существенно.

— Отойди от окна!

— Я на наблюдательном посту. Слышишь? Папа поглядись за ним.

— Кой чорт, разве тут мыслимо читать? — вопрошал мистер Банting, опуская газету на колени и укоризненно глядя на жену.

— В поле бросает. Ага, попало, всыпали тебе?

— Что за язык для девушки, Джордж! Ты бы сказала ей.

— Я должен ей говорить? Вот это мне нравится! — Он иронически фыркал. То он «вечно придирается» к Джули, то, оказывается, недостаточно ее одергивает. Уж лучше пусть будет веселая, думал он, пусть даже и лурит немножко. «Суровость и веселье», — как сказал Уилстон; должно быть, позаимствовал у Шекспира, лумалось мистеру Банtingу. Некоторые выражения пре-

мьера запомнились ему: — «Никогда еще такое огромное большинство не было обязано столь многим меньшинству». Крис был один из этого меньшинства. Он пал не в какой-нибудь колониальной экспедиции, а в час, когда решалась судьба родины... Горе проходит, а гордость остается.

Был еще Эрнест. Мистер Бантиг со всей искренностью пытался подойти ближе к оставшемуся в живых сыну и поцеловать его. Эрнест все еще не был в армии. Следовали ли по этому поводу огорчаться или, наоборот, радоваться, мистер Бантиг не знал. Мальчик делал то, что от него требовало начальство, но иногда мистер Бантиг пытался поделиться с сыном тем, что его волновало, ибо отцовские слова западают в душу, и зреют там, как вино в темном подвале; как будто даже и забываются, но незримо остаются в каком-то скрытом уголке и начинают говорить полным голосом только через много лет после того, как они были сказаны. Как и ему самому вспоминались слова отца, так и его слова, быть может, когда-нибудь вспомнятся Эрнесту.

Все эти разговоры о целях войны, о «миропорядке» и о «прекрасном новом мире» были для мистера Бантига только отзвуком старых, давно забытых и нарушенных обетов. Сколько бы человек не двигался вперед, место его все же на земле, а она никогда не станет миром богов, вкушающих нектар и амброзию. Человек должен поднимать целину, сеять, жать и собирать в житницы, должен рассчитывать и строить, покупать и продавать. Его орудия, его пища, его нужды, его радости и страдания до конца мира будут все те же, что сейчас и тем были всегда. В погоне за мечтой и фантазией такие люди, как Эрнест, забывают о самой основе, о том фундаменте, на котором они должны возводить здание, забывают даже о том, за что еще недавно боролись с таким ожесточением и что защищали с таким трудом. В надежде на то, что его слова когда-нибудь вспомнятся, мистер Бантиг наставлял сына сдержанно, но в высшей степени убежденно:

— Все эти идеи, Эрнест, разумеется, хороши, и я их не осуждаю. Но теперь же в них суть. Самое важное — следить, как бы опять не начались то же самое. Чтобы

немцы не набрались сил и опять не начали того же. Ведь все эти молодые наци, Эрнест, через двадцать лет станут взрослыми. И как ты думаешь, что из них выйдет? Если с ними обращаться, как ты говоришь, по справедливости; то через двадцать лет твои сыновья тоже наденут защитную форму.

— Но, папа, нам же придется когда-нибудь договариваться с этими людьми. Мы с ними живем на одной земле. Должны же быть хорошие люди и среди немцев.

— Да, конечно, — согласился мистер Бантиг, но неуклонно продолжал идти к цели. — Все эти хорошие немцы после войны станут у власти, как это было после той войны. Ты пигде не съешьши ни одного наци. А потом, когда ты с ними расцепуешься и заключишь вечную дружбу и дашь им взаймы, а сам разоружишься, то вдруг окажется, что все хорошие немцы куда-то исчезли, а власть опять в руках прежних гуашов. Мы, старики, это уже видели, но нас уже не будет, чтобы предвестречь вас, молодежь.

Эрнест молчал, попирая, что отец говорит от души и боится, что его слова пройдут бесследно.

Мистер Бантиг продолжал, не глядя на Эрнеста и блуждая рассеянным взглядом с предмета на предмет, как всегда, когда говорил серьезно.

— Я иногда думаю, что и после теперешнего немцы опять позьмутся за свое, если мы их не остановим. У них миллионы юношей умственно развращены гитлеровским режимом. И вам, идеалистам, с ними не справляться. Я не против ваших убеждений, я тоже хотел бы, чтобы в нашей стране жилось легче. Но для этого прежде всего надо защищать ее от врагов и не рисковать ее безопасностью.

— Да, — сказал Эрнест, взвешивая сказанное отцом. — С послевоенной Германией, конечно, будет не так легко разделаться, не так легко будет искоренить эту ложную философию и всякую фальшь. И от того, будет ли это сделано, зависит предотвращение будущей войны. Но мы ведь не можем вечно с ними драться, папа. Если мы хотим мира в Европе, нам придется работать во имя мира с той самой минуты, как мы положим оружие. Вот в чем мы ошиблись в прошлый раз.

— Не совсем так, — сказал мистер Бантинг. — Ошибка была не в том. Ошибка была в том, что мы забыли все, что узнали о немцах за четыре года. Мы не только сложили оружие. Мы его бросили.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Эрнест и Эви сидели рядом на табуретках под лестницей. Она положила голову ему на плечо, и могло бы показаться, что она спит, — было уже за полночь, — если б вся она не была насторожена, стараясь в ожидании бомбардировщиков уловить малейшее недоступные человеческому слуху звуки. Время от времени сквозь щель в почтовом ящике видна была белая вспышка. Тогда Эви вздрогивала, а Эрнест успокаивал ее, говоря:

— Ничего, ничего, дорогая. Это, должно быть, звонитки.

Никогда в жизни Эрнест не чувствовал себя настолько измученным душой и телом. Долгие часы в прачечной, напряжение и тревога у себя дома, ночью дежурства в штабе три раза в неделю довели его до того, что у него осталось одно желание — забыться спокойно, как животное. Сегодня у него был первый свободный вечер за всю неделю, и он с радостью опустил тяжелую голову на подушку и блаженно засыпал, когдавой сирены разбудил его.

Он встал и оделся со стопческим спокойствием, заботливо наблюдая за Эви, так как время родов было близко, и она особенно нуждалась в его внимании и ласке. Теперь они сидели рядом во тьме, под лестницей, англичанин двадцатого столетия со своей женой, укрываясь от летучих гадов, как первобытные дикари, с горечью думал он.

Он смотрел в темноту перед собой, раздумывая о том, вернется ли когда-нибудь знакомый ему мир. Если оглянуться назад, казалось, что то время, когда страна не знала войны, было изумительно счастливым. Оно походило на блаженное детство, время невинных игр и бесхитростных затей, не замечаемого никем не ценимого счастья. И все это прошло и так забылось, что Эрнест с трудом мог вспомнить, как это ходят по освещенным улицам.

За последние несколько лет он слышал много споров и читал много статей о том направлении, какое принимает мировая политика; но теперь он еще раз спросил себя, как мог мир дойти до того, чтобы для сохранения свободы человечества понадобились такие крайние меры, как бомбы, убежища и вот такое пересиживание смерти под лестницей. Ответ, однако, был ему известен. Великие нации ограничивались тем, что наблюдали, как истребляются мелкие, как власть переходит в руки бандитов, и гонения и убийства совершаются невозбранно. Христианские государства не отзывались ни словом, пока все эти преступления совершились за их пределами. Они отреклись от братства между людьми.

Все это до сих пор не волновало Эрнеста. Он этого не одобрял, разумеется, но это его не затрагивало. Только теперь, среди обломков несовершенного мира, его воображение представило себе этот мир таким, каким он мог бы быть — несвирепо просторным, полным плясок под ярким солнцем, радостного труда, ласуги и красоты; его идеалы опережали достижимую действительность как раз настолько, чтобы прищурить воображение. Но до войны он никогда не думал об этом. Тогда он думал только об «успехе» и «эффективности», об осуществлении своей частной, очень ограниченной уточни, о тщеславном «личном совершенствовании».

А теперь он сидит под лестницей со своей молодой женой, и их смерть и жизнь зависят от слепого случая.

— Слышишь? — Эви выпрямилась и схватила его за руку.

— Я ничего не слышу.

Несколько глухих взрывов, один за другим, раздались в отдалении, точно где-то падали огромные тяжести. Эти звуки окончательно разбудили его, он поднял голову. Последовала пауза, потом опять глухое сотрясение. Была какая-то дьявольская методичность в равномерном повторении этих звуков.

Эви вздрогнула. — Это бомбы Килворт. Во что они метят? Там же ничего нет.

Эрнест взял ее за руку, они вместе поклонились вперед. Послышался гул самолетов, летящих над городом, залп зениток, потом опять гул машин, изменивших курс.

Трудно было понять, что происходит. Так они сидели очень долго, молча, прижавшись друг к другу.

— Пролетели дальше, кажется, — сказал он, паруяша напряженное молчание.

И сразу наступила пугающая тишина. Дом, казалось, затянул дыхание; потом послышался свист, грохот, и стены затряслись. С улицы донеслись крики, звук торопливых шагов.

— Кого-то разило! — Он привстал, стараясь лучше расслышать.

Эви разразилась рыданиями: — Я не могу больше! Не могу! Боже, помоги мне!

Эрнест обнял ее, притянул к себе. Он сознавал свою полную беспомощность.

— Не бойся, дорогая!

Он услышал, что Эви шепчет молитву. Как ребенок; она и цеплялась за него, как ребенок, и сердце его растяжало. Но сам он не мог молиться так, как молилась Эви. Он не мог верить, что молитва может отклонить бомбу от намеченного пути. Где ее сбросили, там она и упадет. Самое важное — не падать духом; терпеть, если так суждено; мужественно умереть, если так будет нужно. Для него в этом была вся суть.

Если это конец жизни, думал он, то что же в ней было самого ценнего? Конечно, только те минуты прозрения, когда словно срывается завеса и вся житейская шелуха на мгновение кажется проходящей и нереальной. Только в такие минуты человек понимает самого себя, свое внутреннее «я». Аккорд Бетховена, закат солнца, прекрасные просторы полей, восторги любви — вот что вызывает к жизни такие прозрения. Они делятся всего один миг и годами живут в памяти — крупицы золота среди макарни. Ими, а не долготой дней измеряется жизнь человека. Молитва Эви вырывалась из сердца, как мольба ребенка, а для него единственным способом выразить себя были устремления духа.

Сидя под лестницей и не отводя темных глаз от щели в почтовом ящике, Эрнест вдруг понял истинником, более глубоким, чем мысль, и недоступным разуму: всякое устремление духа есть молитва. Человек молится так, как подсказывает ему его совесть, его сознание. Он был

неспособен просить бога о сохранении жизни, ибо как под градом бомб могла быть исполнена эта просьба? Но в наивысших человеческих достоинствах он мог молиться; и теперь у него было только одно желание: молча, от всего сердца и с глубокой верой Эрнест, впервые со временем детства, в невольном порыве молился о том, чтобы ему было даровано мужество.

Крепче прижав к себе Эви, он смотрел во тьму задумчивыми, полными мысли глазами. Она перестала плакать, и беспомощно прислонялась к его плечу. Долгое время все было тихо. Вдруг шляпа Эрнеста упала с вешалки и покатилась в угол.

Оба вздрогнули и придвигнулись ближе друг к другу, глядя во тьму.

— Что это?

— Кажется, моя шляпа. — После некоторого молчания оба засмеялись, и напряжение рассеялось.

— Смотри, не наступи на нее, — сказала Эви, спать входит в роль заботливой хозяйки. — Самая хорошая твоя шляпа.

Шляпа отвлекла их немного и ослабила напряженность ожидания. Эви подняла голову и вытерла глаза; Эрнест чувствовал, что она ему улыбается во тьме. Он освободил затекшую руку и спросил:

— Теперь тебе лучше?

— Да, немножко. Думаю, что все обойдется.

— Я, пожалуй, закурю. — Вспыхнула спичка, освещив ее бледное лицо.

— Подожди, кажется, они возвращаются.

— О чорт! — Он погасил спичку и прилушался.

Они вновь носились бомбы. Звук был такой же, как и вначале, но почему-то не так пугал. Взрывы стали громче, они все приближались, словно быстрые шаги великанов.

— Они все ближе. Сейчас бросят сюда.

— Нет, — сказал Эрнест.

Но, словно в опровержение его слов, оглушительный, все нарастающий свист пронесся над крышей, и дверь затряслась, будто великан рвал ее с петель. Иосуда из буфета зазвенела и попадала на пол, послышались несколько взрывов один за другим, словно яростные удары по живому телу.

— Держись за меня, — сказал Эрнест сквозь стиснутые зубы; но она медленно соскользнула на пол, и ее табурет опрокинулся. Он нагнулся над ней, засветив фонарик, думая о том, что дом, во всяком случае, не обрушился на них. Он не узнал ее лица, так оно изменилось.

— Тебе придется пойти за доктором. Это... Это...

— Но, дорогая моя, как же я тебя оставлю одну?

— Доктора!..

Он остановился вперешимости, не в состоянии сбиться с мыслями. В квартире над ними никого не было; ни друга, ни знакомого, ни соседа поблизости. Она в испуганном крикнула:

— Доктора, дурак! Ступай за доктором! Неужели ты не соображаешь?

— Сейчас, дорогая, иду, — сказал он покорно и, встав, заботливо прикрыл ее своим пальто. Потом надел макилот и пошел к двери.

— Эрнест!

— Да? — Он вернулся и стал на колени рядом с ней. Из тьмы протянулись ее руки и обвили его шею, и она прошептала, прижавшись к его щеке:

— Прости меня, я не хотела...

— Ничего, дорогая. Я сейчас.

Он закрыл дверь и остановился на крыльце, глядя на город. Бебо над горизонтом светилось от зарева пожаров. Над пылающими зданиями ползали, скрещиваясь, конические лучи прожекторов, и их отражения призрачно поблескивали в темных стеклах окон. Разрывы зепятных снарядов усеивали пебло миниатюрными молниями, грохот и гул, казалось, сотрясал землю до основания.

Это была картина гибели и ужаса в полном смысле слова, и Эрнест стоял передней, словно перед воплощением всего, чем организованное зло могло грозить его духу, — смотрел, меряясь с ним силами. Наконец-то оружие извлечено из ножен, наконец-то разразился бой за вечные истины, бой, в котором его жизнь утратила цену или может утратить в любую минуту. И в нем проснулось мужество, воля к борьбе и победе — неоспоримое доказательство бессмертия.

Он слышал, как самолет с восемью спикерами, как за-

щелкала по крышам пущенная пулеметная очередь. Он прижался вплотную к дверному выступу, прислушиваясь к гулу невидимого бомбардировщика, скошившегося укрыться в облаках. У него было такое чувство, что он присутствует при отвратительной хулиганской выходке. Эрнест не мог не верить своим глазам, и все же эта выходка оставалась для него запостыжливой. Это, вероятно, и есть немецкая трусость в действии. Губы его искривились. Не часто приходилось ему испытывать такое чопное презрение, какое он испытывал сейчас к этому воздушному хулигану.

Он бегом бросился к калитке и свернула на мостовую. Чуть ли не первой он встретил женщину в длинном пальто и широкополой шляпе. Он остановился и окликнул ее.

— Скажите, вы сестра?

— Да. Кто-нибудь ранен?

Только тут Эрнест обнаружил, что задыхается. — Моя жена... налет...

Она, повидимому, поняла, что перед ней стоит молодой супруг и будущий отец. Спокойным голосом прервав его отрывистые и бессвязные объяснения, она словно отмахнулась от его тревоги.

— Хорошо, молодой человек. Ведите меня к пей.

Они вошли в квартиру. Он зажег свет и разглядел свою гостью, — пожилая, румяная, повидимому, знающая свое дело женщина. Они вместе отвели Эви наверх, в спальню.

— Вы же боитесь оставаться наверху, когда такое творится?

— Вот еще! Есть мне когда бояться. Вспомните воду и посидите внизу, молодой человек. Если понадобится, я вас кликну.

Эрнест стоял на коврике перед камином, совершивши потерявшийся от волнения. Потом, влекомый какой-то силой, он подошел к шкафчику, где хранились виски для мистера Бантига. Ему довольно часто приходилось слышать о мужьях, которые папиваются доильна в то время, как их жены рожают, и ему это казалось бессердечным. Однако он налил себе полный стакан и немедленно почувствовал облегчение, хотя чуть не задохся с перви-

вычки. Ему пришло в голову, что если он поднимется наверх, сестра сразу учуянет запах виски и сделает выводы не в его пользу. Но он, хоть и выиграл, а все же не такой, как другие мужья. Поискал кругом, он пашел мешочек с конфетами Эви и положил в рот мяту ленишку, потом закурил папиросу, чтобы заглушить подозрительный запах мяты и постоял, расставив ноги, прислушиваясь к шагам сестры над головой.

В зеркале он увидел свое отражение. Оно тоже прислушивалось, и лицо у него было довольно бледное, как ему показалось. Он долго глядел на него,ща сочувствия. Оно отвечало ему улыбкой па улыбку. Он будет отцом; вот этот, в зеркале, будет отцом. Удивительно! Какое ему дело до юношеских налетов? Да ровным счетом никакого, по выражению Эви, что бы ни значил этот «ровный счет». Самолет прогудел над крышей; снаряды зениток с взлого взлетели кверху и разорвались приглушенным грохотом. Он поднял стакан, поздравляя молчаливое отражение в зеркале. С виду порядочный малый, а главное, неглупый, думал про него Эрнест. Но стакан был пуст. Эрнест обнаружил это, сначала поднеся стакан ко рту, а потом подняв его четвертой рукой к свету. Голова у него слегка кружилась, когда он ставил стакан на стол.

Ему пришла мысль, что он такое же бессердечное животное, как все остальные мужья. Он был полон рассказаний, которое мгновенно перешло в злобу против немцев. — Скоты! — бормотал он. — Скоты! — Он вышел на лестницу и прислушался, потом, вернулся и обвел взглядом комнату. Подъем духа в нем быстро сходил пачет.

Все, над чем здесь трудились руки Эви, казалось, смотрело на него с умоляющим выражением: вышитые подушки, коврик, вязаный джемпер. Все эти вещи говорили ему о ее терпении и кротости. Сейчас у них был заброшенный вид вещей, оставшихся без хозяйки. В страхе он скимал руки, прислушиваясь, когда умолкал огонь зенитных батарей. Но наверху что-то не шевелилось. Он вышел в прихожую и поднялся до половины лестницы. Перила дрожали под его рукой, слышен был свист падающих осколков, но он не обращал на это внимания. Налет близится к концу, думал он. Страшно было вспом-

шить, что он длился все это время, с тех пор как они с Эви укрылись в прихожей. Казалось, прошли целые века. Он чувствовал, что и Эви с тех пор отошла от него.

С бьющимся сердцем он поднялся выше по лестнице и остановился на площадке у окна, че смея итии дальше. Отодвинув штору, он увидел первую светлую полоску зари на востоке, и тут же сердце у него забилось от крика новорожденного.

Так, хилый и прежде времени, родился сын Эрнеста в ту пору, когда свет боролся с тьмой.

Предупрежденная сестрой, рано утром явилась миссис Бантиг, а с нюю Джули и мистер Бантиг — все в грязи, измученные, растрепанные.

— Какая ужасная ночь, бедные вы мои.

— Теперь все уже кончилось, мама, — сказал Эрнест. Голова у него болела и во рту было сухо, но сердце испепелила радость.

Костюм мистера Бантига был спереди залитан грязью. Ему пришлось лечь ничком на тротуар, чтобы его не разнесло на куски. (Он точно запомнил место и мысленно отметил его мемориальной доской.) Прихлебывал чай, он в паузах между глотками терпеливо повторял, что это было совершенно необходимо, очевидно, думая, что без повторения этого не поймут. Коттедж остался первым, и по соседству не произошло ничего особенного, выплетели только стекла в оранжереи Оски. Утром, к великому облегчению домашних, мистер Бантиг, встревоженный и весь в грязи, вернулся из штаба.

— Слава богу, все живы и здоровы, — пронептала миссис Бантиг. — Главное, Эви! Говорят, в городе был сплошной ужас, — кругом пожары, очень много убитых и раненых.

— Да, Килворт пострадал, — сказал мистер Бантиг, допив чай и вставая, чтобы положить конец этим разговорам. — Ну, пора и на работу. Идем, Джули.

Оставшись вдвоем с матерью, Эрнест присел отдохнуть. Ему предстоял тяжелый день. Пятница всегда была тяжелым днем в прачечной. Миссис Бантиг с радостью ухаживала за Эрнестом; пододвинула ему скамеечку под ноги, принесла поднос с завтраком и поставила на угол

стола. Во время налета она сидела с застывшим лицом в убежище. После того как она пересела смерть Криса, она равнодушно встречала все невзгоды, какие могла обрушить на них война. Но рождение внука было для нее возможностью коснуться новой жизни, беречь ее, заботиться о ней, и Эрнест впервые увидел, как ее лицо осветилось искренней улыбкой.

Перед уходом на работу он поднялся наверх и вошел на цыпочках в спальню посмотреть на Эви с сыном — они крепко спали. Все, что совершалось вокруг, не могло полностью затмить в нем радость отцовства. Среди событий огромной важности это событие не теряло своего значения; началась еще одна человеческая жизнь со всеми таящимися в ней возможностями. Он сопел вниз, почти ничего не видя от волнения, попрощался с матерью и направился в врачебную. Но придя на место, где она была, он падал только груду плеча.

От этого зрелища у него захватило дыхание; он медленно двинулся в обход, исследуя пожарище. Стены еще кое-как держались, но он с первого же взгляда убедился, что спасти ничего нельзя. Исковерканые маховики, согнутые валы лежали под обгоревшими изразцами и балками закоптелой, бесформенной массой обломков. Он осторожно пробирался между пыли, улавливая останки то одной, то другой машины и изумляясь, как могло все так спутаться и смешаться.

На том месте, где был его кабинет, он заметил кое-что из своих личных вещей; там виднелась книга, здесь картина, разбитая ваза для цветов. Он их не тронул.

Все, во что он вложил свой труд, погибло, лежало у его ног черной руиной. Точно так же, как человеческие пассажиры в окружавшем его мире. Надо было слова строить на развалинах или признать себя побежденным. Но не было острой боли от удара, какую он ощутил бы раньше, в начале войны. В войне, которая ведется таким способом, как эта война, казалось самым естественным делом в одно прекрасное утро найти развалины на месте творения своих рук.

Увидев, что мистер Игл, облаченный в теплую пальто, подходит к нему, опираясь на трость, он почувствовал великую жалость, не допускающую словесного выражения.

С минуту они стояли рядом, не говоря ни слова. Потом Игл сказал: — Ну, вот и конец прачечной.

Слова эти настолько шли вразрез с мыслями Эрнеста, что он обернулся к нему в изумлении: — Конец? О, нет! Она возродится. Мы ее отстроим заново.

— Вы — может быть, но не я, мой мальчик. — Старик передвигательным, слабым движением протянул вперед руки. — Я слишком стар для новых затей. А кроме того, что же тут отстраивать — ведь камня на камне не осталось.

Эрнест попытался ободрить его. — Я говорю не о перестройке. Совсем новое и лучшее здание. По новому плану, солнечное, без темных углов.

И оно возникло перед глазами Эрнеста, здание из стекла и стали, но громоздкое, по строгих и цянцых пропорций, без дымных труб, без куч шлака. Он увидел его под солнечным небом, такое прекрасное, каким оно не могло быть в действительности. Но это видение согрело ему сердце. После войны будет полная возможность строить заново, и не одни только прачечные. И перед ним открылись другие, более широкие перспективы, прекрасное новое, возникшее из отмирающего старого.

— Уж эти ваши идеи, Эрнест! — воскликнул Игл, посмеиваясь. Потом он изменил тон, доверчиво придинулся ближе, и его жесткие пальцы сжали руку Эрнеста. — Да, но все-таки хотелось бы посмотреть на это. Хотелось бы, милый Эрнест. Я старею, но все-таки дотяну до этого. Как, по-вашему? — Его глаза, окруженные сетью морщинок, смотрели вопросительно и тревожно.

— Конечно, вы тоже это увидите, сэр, — ответил Эрнест и задумался, мысленно очутившись очень далеко от этих развалин, которые, казалось ему, были скорее показательны, чем существенны. По сравнению со всем остальным пожар прачечной был незначительным происшествием, но он входил в мировые события, был неотделим от них. Насилие никого не убеждает. Нельзя насилием заставить людей принять новый миропорядок, если они в него не верят. Когда-нибудь он приедет на это место своего сына и расскажет ему, как в день его рождения, стоя здесь, он поклялся помочь построить из этого хлама обломков нечто новое и лучшее.

А пока дело шло не об этом. Если хотеть, чтобы что-нибудь уцелело, то долг Эрнеста — не здесь. Есть вещи в жизни, за которые надо бороться; но те, кто стоят вне борьбы, сберегут их. Наконец-то Эрнест ясно увидел свой путь: он лежал перед ним прямой, как стрела.

— Вот что, сэр. Теперь я освободился. Я могу вступить в армию.

— Что? Вы хотите идти в армию?

— Да, в пехоту. Буду драться.

Игя смотрел на него, моргая. — Драться — вы? — И он всерился в него изумленным взглядом. — Вы чудак, Эрнест. Я вас никогда не мог понять.

— Буду драться, — повторил Эрнест и стиснул зубы, чтобы не сказать больше. Если и есть среди немцев хорошие люди, то это не имеет значения: это казалось важным раньше, но не теперь. А если есть в Германии люди, которые думают так же, как он, но которые по слабости позволили зажать себе рот, то он будет бороться и за их освобождение.

Ему вспомнилось кое-что из «Майн кампф». Из всего высокопарного бреда, заполнявшего книгу, он не мог припомнить ни одного слова, отвечающего высшим запросам человеческой души. Она проповедывала изуверский мистицизм, основанный на софизмах и передержках, делавший идола из государства. Согласно этому учению такие люди, как Эрнест, должны лишиться всяких признаков индивидуальности и влиться в серую аморфную массу безличностей, на все согласных, одинаково одетых, одинаково мыслящих проходящих гусиным шагом мимо царька времени, имитируя античный салют. Казалось бы, этот дикий бред должен был прогнуть под градом насмешек при самом своем зарождении.

Однако целая пачия приняла его. Вся власть, весь государственный аппарат был организован с целью вдовбить это извращенное учение в умы миллионов, задушить совесть миллионов.

Эрнесту казалось удивительным, что никогда идеалы говорящих на английском языке народов не проповедывались с таким рвением и жаром, с каким пропагандировалась ересь горсточки приверженцев нацизма. Ни Англия, ни Америка никогда не тратили столько пыла,

чтобы вложить в умы молодежи свои национальные идеалы. А ведь эти идеалы являли собой все лучшее в духовном наследии человека: веротерпимость, свободу личности, справедливость. И только с этим наследием можно надеяться на прогресс человечества.

Он отогнал от себя эти мысли.

— Прощайте, сэр.

— Прощайте, Эрнест.

Мистер Игл смотрел на него грустным, любящим взглядом. В Эрнесте по временам можно было наблюдать бесповоротную решимость, решимость не на жизнь, а на смерть: он имел мужество бороться даже без надежды на успех. Сколько бы ни падало бойцов рядом с ним, Эрнест неуклонно будет идти вперед; если он не устоит на по-гах, он и на коленях поползет дальше, одушевленный идеей. Но он хрупкого сложения, тонок и строен, и руки у него почти девицьи; его поддерживает только внутренний огонь.

— Сохрани вас бог и дай вам вернуться домой, — сказал мистер Игл более хриплым и ворчливым, чем обычно, голосом, и его костлявые пальцы от волнения еще крепче вцепились в руку Эрнеста. Чтобы ни ожидало юношу, с его стороны это было последнее прощание, старик это знал. Он стоял среди развалин, глядя, как Эрнест удаляется от него решительными шагами.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Мистер Бантинг доблестно отправлялся каждое утро в Лондон, где бомбочки не прекращались. Сборы к отъезду проводились им в ящю повышенном настроении. Он чистил шляпу, свертывал зонтик и укладывал бутерброды в чемоданчик, наспинствуя, как зяблик. Можно было подумать, что он собирается на пикник в Маргэйт. Все это имело целью рассеять страхи миссис Бантинг, но только заставляло ее скрываться на кухню и за дверью вытираять глаза уголком фартука. В минуту прощания оба бывали взволнованы, и у обоих проглядывало чувство, более сильное, чем обычная супружеская привязанность.

Хотя мистер Бантинг и делал вид, что не придает зна-

чения частным наездам, втайне и он подчас переживал тревожные минуты. Он вздрагивал при неожиданном шуме, сердце у него падало, и дыхание прерывалось. Такие ощущения быстро проходили, он сейчас же справлялся с собой. Их мог вызвать неожиданный шум мотора, порыв ветра, падение какого-нибудь металлического предмета с прилавка в магазине. Он порицал свои нервы за эту слабость так же сурово, как желудок за персварение, словно разные части его организма были виноваты в том, что не слушались его воли.

В поезде он теперь редко смотрел в окна — постепенное разрушение Лондона не вызывало уже такого жгучего интереса, как в первые дни. Очень часто по утрам он ехал на работу не выспавшись, и ему было трудно даже прочесть «Сирену». Если попадалось место в углу, он пытался отдохнуть по системе, описанной на странице медицинских советов «Сирены». Как-то раз ему удалось задремать на пельте полчаса, и сосед-пассажир разбудил его на ковчечной станции.

— Тревога, сэр.

Мистер Бантинг поблагодарил незнакомца за предупреждение и встряхнулся, очень довольный результатом первого опыта проверки новой системы. К северу на небо виднелись вспышки разрывов, но очень немногие; должно быть, какой-нибудь фриц разгуливал в одиночку. Из-за угла показался торговый дом Брокли, и он внимательно осмотрел его, этаж за этажом, витрину за витриной, словно ревизоря свою собственность. В знакомой обстановке прежняя храбрость и присутствие духа вернулись к нему.

— Последнее время вам везет, — сказал он швейцару, проходя мимо него бодрой, как всегда, походкой.

Работа сейчас сосредоточилась в одном-двух отделах — во всех остальных она почти осталась пуста. Но мистер Бантинг был занят по горло. Он был самый старый и самый опытный из всего штата; из прежних заведующих отделами оставался только он один. В глазах своего префера он теперь поднялся весьма высоко. Другие, быть может, быстрее соображали и быстрее работали, но положиться можно было только на мистера Бантинга, на его добродетельность. Даже если его посыпали в чужой отдел от-

править несколько ярдов линолеума такого-то сорта, то мистер Бантиг не только находил требуемый сорт, но и проверял еще раз номенклатуру, прежде чем отрезать ровно столько, сколько требовалось, — мистер Бикертон мог быть совершенно уверен в нем. Он был так же надежен, как кронциркуль самого мистера Бикертона. Теперь ему нередко приходилось бывать в чужих отделах, но он никогда не заходил в отдел ковров и линолеума без крайней надобности. Среди скатанных в трубку ковров сквозь отзвуки речей Горацио и Брута, но самого Джо Бордера уже не было там.

Одной из задач мистера Бикертона было теперь восстановить записи, пострадавшие во время бомбёжки. Одни-два изворотливых клиента пытались оспаривать некоторые условия поставок, и мистер Бикертон возлагал большие надежды на упорство мистера Бантига при расследовании сути дела. Учитывая яличный товар, допрашивая упаковщика и производя розыски в подвале среди тары, можно было восстановить почти все данные пакладных. Но во всем, что относилось к отделу железо-скобяных изделий, фирма полагалась единственно на записную книжку мистера Бантига.

Занятый этим делом, мистер Бикертон, осанистый, сия розовой лысипой, сидел в кабинете по одну сторону стола, а мистер Бантиг, тоже осанистый, но погрубо сколоченный — по другую. Тут они встречались почти как равные, ибо шеф давным-давно оставил свой суход, начальствующий тон в разговорах с мистером Бантигом.

Заложив нужное место пальцем и пропуская стихи, афоризмы и рецепты лакомых блюд, записанные вперемежку с тем, что касалось железо-скобяных изделий, мистер Бантиг прочел вслух:

— Сорок, диаметр три восьмых. — И так как пауза по ту сторону стола свидетельствовала о непонимании, прибавил: — Сетки, сэр, проволочные сетки. — Он надеялся, что теперь будет достаточно ясно.

— Понимаю. Дальше.

— Кажется, сбро-слии бом-бу, — заметил мистер Бантиг, произнося слова медленно, с расстановкой, так как он нередко перевирал их, заразившись этим от дочки.

Вон там, сэр. — Он показал записной книжкой, в каком направлении, впрочем, не очень точно.

— Но слышалось едва слышное, изойлиное жужжение, похожее на комарийный писк.

— Удивляюсь, как это немцам не надоест, — заметил мастер Бикертон, отодвигая стул и подходя к окну. Он стоял, глядя в небо, а мистер Бантинг тем временем оттачивал карандаш, с удовольствием раздумывая о том, что сегодня суббота и погода проясняется.

— Норазительный тип этот Гитлер, как, по- вашему? — спросил мистер Бикертон, подходя к камину. — Должно быть, никогда не имел дела с порядочными людьми. Вот уж действительно мания величия.

— Вы совершенно правы, сэр, — отвечал мистер Бантинг, мысленно запоминая второе и записывая первое слово, чтобы потом справиться в толковом словаре.

— У нас в Англии тоже бывало авторитическое управление — в далеком прошлом, конечно. Помазанный божий и так далее. Идея ошибочная, но все они, по крайней мере, были джентльмены. Мы никогда не повиновались каким-то провокостям.

— А ведь был простой маляр. В этом, конечно, ничего плохого нет. И все-таки странно, сэр: каких-нибудь десять лет тому назад вы могли бы видеть там, как этот самый Гитлер красит водосточную трубу!

Взгляд мистера Бикертона задумчиво остановился на его помощнике. — В самом деле. Мне это никогда не приходило в голову. Что же, будем продолжать?

— Оттого же, пока они еще далеко.

Мистер Бикертон сел и, словно отогнав от себя мысль о совершенствах своего собеседника, сказал:

— Нет, вы славный малый, Бантинг.

— Я, сэр? — Взгляд мистера Бантинга выразил недоудивленное изумление, но минутой позже он покраснел от удовольствия. — Да что вы, сэр, — пробормотал он и окончательно смущился.

Спустившись вниз, он обнаружил, что магазин уже заперт, — его шеф всегда забывал о времени. Единственными звуками было позякивание ведра, шлепанье тряпки и папевающий что-то голос миссис Масгрэйв, только что приступившей к субботней уборке. Чувствуя,

что удовольствие от полученного комплимента все рас тет в нем, мистер Бантиг довольно ласково приветствовал ее, воздержавшись от замечания, что медные ярды на прилавках чистить не стоит, так как от этого только липнет к пальцам вонючий состав.

— Мистер Бантиг, — сказала она, понизив голос, — вы меня извините, что я вам раньше этого не говорила, но мне так жалко было, когда вашего сына убили.

Он тотчас же насторожился. — Благодарю вас, миссис Масгрэйв.

— Да, очень жалко. Очень. Бедный мальчик, а все из-за этого Гитлера. И такой молодой. Ведь он у вас летчик был, кажется?

— Да, — ответил мистер Бантиг, не отрывая глаз от стола, по которому сползла назад и вперед тряпка миссис Масгрэйв.

Она, как видно, приготовилась к сочувственной, дружеской беседе. — Каково-то сго матери это переживать! Просто ужас. Как же это случилось?

Мистер Бантиг почувствовал, что ему становится невмоготу. И тут его осенило.

— Как ваш Чарли? — спросил он вдруг.

— Разве я вам не говорила? — Она выпустила из рук тряпку и оперлась всем своим тщедушным телом о стол. — На прошлой неделе немцы бросили бомбу как раз там, где стояла их часть. На то самое поле, вот проклятые!

— Чарли не ранен?

— Нет, но он слышал, как бомба взорвалась. Но-моему, военное министерство должно перевести войска куда-нибудь в другое место. Как вы думаете?

— Без сомнения, — серьезно ответил мистер Бантиг, проходя в закуток, где он надел пальто и шляпу и постоял несколько минут молча, борясь с приступом расстроевшего горя. Потом, словно вспомнив одну из своих пропавших истин, он глубоко вздохнул и побред по отделам к выходу, чтобы слиться с толпой из улицах и вокзалах Лондона.

Возвращаясь домой к копчу мяя, после визита к рекомендованному Оски торговцу семенами за каким-то удивительным кэрликовым горошком, мистер Бантиг

увидел, что впереди маячит фигура Ролло-младшего, наподобие вставшего поперек дороги броеносца. Сигналы с его стороны были самые дружественные; встреча поразила его, как самый необыкновенный в мире случай. Крепким рукопожатием и громогласными восклицаниями он старался показать, что понимает, как мистер Бантиг рад и даже счастлив его видеть.

Да, он в отпуску. Мистер Бантиг, может быть, этого не знал? Он ехал всю ночь и попал домой в два поль-поль, совершившо точно. Теперь он был переполнен до краев добродушем и желанием усвежить. Кстати, у него тут под рукой «кортон-дэвид». И пяти минут не пройдет, как мистер Бантиг будет дома.

— Гм, — произнес мистер Бантиг, с сомнением глядя на машину, которая угрожающе мурлыкала, как хищный зверь перед прыжком.

— Мне это нетрудно, — уверял его Берт, распахивая перед мистером Бантигом дверцу и широким жестом за-голяя его в машину. Почти в тот же миг он и сам вскочил с другой стороны, и «кортон-дэвид» рванулся с места. — Скользит, как по бархату, — объяснил Берт. Ему, казалось, пахнавшему привычного в бронетанковых частях грохота и скрежета гусениц.

По дороге он сообщил, что все утро осматривал пострадавшие районы Кильвортса. Они незгладимыми чертами запечатлелись в его памяти. В немом бешенстве он перешел с одной скорости на другую.

— Это я тоже приписал им к счету, — сказал он. Потом подумал с минуту. — Да! Так что помните мои слова, мистер Бантиг.

— Не налетите на почтовый ящик! — закричал мистер Бантиг, когда они помчались по Кэмберленд-авеню. Ролло-младший окинул его тем особенным взглядом, который дает собеседнику попять, что его слабое место обнаружено. Столб с почтовым ящиком благополучно промелькнул мимо и скрылся вдали, нисколько не поврежденный, чему был очевидцем сам мистер Бантиг, проводивший его изумленным взглядом.

— Не понимаю, затем их ставят так близко к тротуару, — вслух размышлял Берт. — Правда, когда ведешь танк, это не имеет значения.

Перед своим домом мистер Бантинг вылез из машины со странным ощущением, что вся паша плацета палетела на что-то и разом остановилась. Его ноги с радостью коснулись привычной, твердой почвы. С некоторым облегчением, но все еще чувствуя вихрь в ушах, он открыл дверь и впустил гости в столовую. Эви, с закатанными рукавами, одевала ребенка после ванны, тут же стояла порядком запачканный Джули в чепце с пыльной тряпкой в руках.

Обе замерли на месте и вытаращили глаза, голенький ребенок брыкал ножками, лежа на столе между пинами. «Ну, уж я-то тут ни при чем, — подумал мистер Бантинг. — Если есть хоть какая-нибудь возможность совершить бес tactность, то уж, будьте покойны, Берт Ролло эту возможность не упустит».

— Берт! — воскликнула Джули. Последовали быстрый обмен взглядами и пауза, прерванныя ответным: — Джули! — так что мистер Бантинг пасторожил уши. Он почувствовал, что с ним тут вовсе не считаются, — его как бы совсем нет. В присутствии Берта мистеру Бантингу всегда казалось, что тут все чужое и даже самый дом не его. Вот и теперь высокая фигура Берта в защитной форме, огромные ноги и широкие плечи заполнили всю комнату, так что хотелось открыть окно и впустить свежий воздух.

— Ну! Неужели это эрнестов сосунок?

— Да, — улыбнулась Эви. — Как он вам нравится?

— Замечательный, — сказал Берт. Вероятно, он никогда не видел младенцев так близко. Его удивило, что у человека могут быть такие маленькие ручки и ножки; крохотные поготки казались ему просто чудом совершенства. — Здорово! — объявил он, но старался держаться от ребенка подальше, словно боясь причинить ему невправимый вред каким-нибудь неосторожным движением.

— Садитесь, Берт, — гостеприимно притягнул мистер Бантинг, так как Берт в конце концов был все-таки солдат его величества и, без сомнения, человек, нужный для того, чтобы разделаться с немцами. Казалось, его единственным стремлением было именно разделаться с немцами; он не о чем другом просто не мог говорить.

Все эти месяцы, как выяснилось, Берт ждал вторже-

ния пеприяталя. Танк он держал наготове. Ночь за ночью он с надеждой выезжал на свой пост; утро за утром наступал холодный рассвет, а немцев все не было и следа. Впечатление у слушателей было таково, что Берта это бездействие раздражало все больше и больше, и, наконец, он сделал вывод, что насчет вторжения только зря трепались. Но один приятель, который читает газеты и во всех отношениях парень не промах, говорил ему, что Гитлер, может быть, как раз и ведет игру в расчете вот на таких, как Берт, которые любят драться сразу; хочет поймать их, когда они, уложив винтовки в чехлы играют в шинг-поиг в клубе Христианского союза молодежи. После чего, выкурив трубочку или две и пораздумав над этим, Берт объявил ему: — Попимаю, приятель, — и пошел осматривать свой танк, а все детали мотора осмотрел два раза подряд каждую. Только надоело ждать, пока противник подойдет к нему. Бронетанковые части в Африке всыпали Муссолини по первое число, и в том районе, где стоял Берт, ребята очень жалели, что их не пригласили на спектакль.

— Африка — дело подходящее, для танков годится вполне, — заметил он. — Только мне больше хочется подраться с фрицами, чем с итальянцами. Вот увидите, мистер Баптиг, как мы их разделаем, дайте только срок.

* — Вы там что-то затеваете?

— Ага! — отозвался Берт и посмотрел на свои сапоги, с сапог перевел взгляд на дверь, за которой исчезла Джуди, потом взглянул в окно, в сад, где тоже не видно было Джуди.

— Очень приятно вас видеть, все-таки, — заметил мистер Баптиг, нарушившись половое молчание.

Мистера Баптига несколько смущало то, что Берту был оказан довольно холодный прием, впрочем, сомнительно, что он это заметил. В ответ на слова мистера Баптига Берт одобрительно кивнул. Он не отрывал глаз от миниатюрного одеяния, высевшего перед огнем, таких крохотных одежд ему еще не приходилось видеть. Малопомалу он пришел к выводу, что это рубашка, хоть и лялипутских размеров.

— Эрнест, кажется в походе? — спросил он Эви.

— В Дарвентском полку.

— Так я и думал. Это пехотный. — Он погрузился в размышления о том, какие бывают странные вкусы. — В пехоту, скажи, пожалуйста. Видно, иным это нравится.

На лестнице послышались шаги Джули, и она вошла в комнату, умытая, без ченца. Щеки у неё теперь пылали румянцем, и локоны приобрели ослепительный блеск. Она была в своем самом нарядном платье и в новом джемпере, и у всех присутствующих просто дух захватило от такой метаморфозы. У мистера Бантинга на лице появилось то недоумевающее выражение, с каким он глядел на трансформаторов и фокусников на эстраде. Он покачивал голову то направо, то налево, следя за ее движениями. По Джули, вероятно, этого не замечала, по крайней мере, делала вид, что ничего особенного тут нет. Из всего ее поведения явствовало, что никаких перемен нет и вернувшись в гостиную та самая Джули, которая только что вышла из комнаты. Она остановилась в дверях, держа что-то над головой.

— Глядите, что я нашла в шкафу в комнате для гостей!

Сначала мистер Бантинг не поверил своим глазам. Но ошибиться было невозможно: высоко над головой Джули держала бутылку виски, ту самую бутылку, которую он купил еще до военного повышения цен.

— Го-оп! — крикнула Джули, подбросила ее и поймала.

— Джули, ради бога! — в тревоге завопил мистер Бантинг.

— Го-оп! — опять крикнула она и еще раз поймала бутылку, но соблюдая ни малейшей осторожности.

Сделав три быстрых шага, мистер Бантинг подошел к Джули, решительно, но бережно выхватил бутылку у нее из рук и уже искал глазами, куда бы ее спрятать.

— Дурочка! — упрекнул он, так как сердце его все еще ускоренно билось. — Ты меня просто напугала.

Джули с улыбкой обернулась к Берту. — Как, ты теперь сержант? Папа, ты и не заметил, у Берта третья пашняка!

Мистер Бантинг действительно не заметил, да и теперь не обратил особого внимания, хотя Берт повторил, что эта дубина Адольф даже и этого не выслужил в

прошлую войну за все четыре года. Сказать по правде, мистера Бантина даже затошило слегка, так он исхнулся за бутылку.

— Надо поздравить Берта, папа, тем более, что он сам здесь, — сказала Джули и, не дожидаясь его согласия, достала два стакана и пошла за графином с водой; на все эти приготовления, как заметил мистер Банting, Ролло-младший глядел весьма одобрительно.

— Так и быть, выньем, — сказал он, разлив виски по стаканам и подняв свой кверху.

— За отсутствующих друзей! — торжественно произнес мистер Банting, чувствуя, как блаженное тепло разливается по всему телу.

— За отсутствующих друзей! — и он вспомнил Криса и Эрнеста и всех молодых служащих фирмы Брокли, которые теперь далеко отсюда, из сухо и аза море.

— Вот это виски! — похвалил Берт, выдохнув воздух. — Забористое! С пустым стаканом в руках он изучал ярлык на бутылке, наморщив лоб, и разбирал слово за словом, пока мистер Банting не допил свой стакан до дна и не поставил его на стол с выражением, говорившим о том, что с этим покончено и продолжения не будет. Однако Берта это ничуть не смущило, и он предложил «кстати» выпить за здоровье младенца, всем своим видом выражая готовность подчиниться принятому в таких случаях обычью. При этом он деловито осведомился, сколько вмещает такая бутылка.

С героическим сиэкойствием, но уже не доливая до краев, мистер Банting налил еще по стакану. Он не мог не заметить, что уровень жидкости в бутылке значительно полнился.

— За юного Джорджа Кристофера! — произнес он. Если память ему не изменяла, то Джорджа Кристофера пора было кормить, но Эви была слишком застенчива, чтобы делать это при посторонних. Стаканы были осужены и поставлены на стол, и мистер Банting слегка забеспокоился. Сопоставленные бутылки, стаканов и графина выглядели очень соблазнительно, напоминая известную песню о «чаше круговой». Если все это оставить на столе, то Берт, чего доброго, вдохновится и предложит еще какой-нибудь тост, например, за мистера Черчяляя

или Рузвельта, которым он особенно восхищался. По мнению мистера Бантинга, у Джули должно было хватить соображения на то, чтобы убрать все это со стола; будет слишком подчеркнуто, если он уберет это сам. Но Джули не отличалась сообразительностью, она опять куда-то исчезла, и он мог только с рассеянным видом, по очень плотно закупорить бутылку.

Скоро она вернулась в пальто, многозначительно натягивая перчатки. Берт сперва воспринял лишь общее впечатление обаятельности, и только потом до него дошло, что она собирается уходить.

— Ты куда-нибудь собираешься?

— Никуда особенно, просто в город.

— У меня тут машина. Если хочешь, я тебя довезу.

Она изумленно приподняла брови. — Неужели? Большое спасибо. Ну, до свиданья, папочка!

Как только дверь за ними закрылась, мистер Бантинг проворно вскочил с места и убрал бутылку в пустой угол буфета, отведенный для ее предшественниц. Купить бутылку за двенадцать шиллингов, совсем забыть про нее и найти снова, когда налоги довели цену до шестнадцати шиллингов — это было все равно, что откопать зарытое сокровище.

— Вэт так-то лучше, Эви, — заметил он, закрывая дверцу буфета.

Эви сидела с ребенком у груди и глаза у нее были задумчивые и счастливые. Это было кроткое, нежное, робкое существо, в доме ее было бы не слышино и не видно, если б не улыбка, особенно теплая по отношению к мистеру Бантингу, как ему казалось, и не тихий голос, в котором не было ни одной резкой поты. Чего может быть естественнее и иллюстрирующее этого, думал мистер Бантинг, глядя на мать с ребенком у груди.

У Эви был вид женщины, жизнь которой полна. Глядя на нее, он вспомнил Монику, у которой война отняла самое дорогое. Теперь мистер Бантинг никогда не видел Моники, но про нее ходили разные слухи, и это его беспокоило. Танцы, коктейли, головокружительный вихрь увеселений — вот какова была теперь жизнь Моники. Одних людей горе толкает в одну сторону, других — в другую. Слишком велика разница в возрасте, даже и го-

форить с молодежью бесполезно, все равно не столкнешься.

Он надел пальто и вышел посмотреть на свой сад, намокший под дождем и совсем голый, кроме нескольких вечно зеленых кустов, пострадавших от непогоды. На следующий год он постарается не запускать его так, приложит больше труда. Это и есть способ выиграть войну, да и что угодно другое — придалечь и довести дело до конца. Так всегда и поступали англичане, а другие страны, как это ни удивительно, думал он, забывают, чему учит их наша история. Они кричат о победе, еще не начав настоящему войну, но вот такие люди, как он, верили в стойкость и упорство: стиснутые зубы, как бульдог, и приучились переводить дух, не выпуская врага, сколько бы он тебя ни терзал и ни калечил.

По стране уже прибывала исагу; так сказал Уинстон, каждое слово которого он восхищал и обдумывал. Скоро мы сразимся с гунами, вооруженные не хуже их; мистер Бантинг знал, что вся армия только этого и ждет.

Будь то Крис, который трезво смотрел на вещи, и, зная, чем он рискует, пошел один против восьми «Мессершмиттов», или Эрнест, которой преувеличивая опасность, но не бежал от нее и не терял присутствия духа, или хотя бы Ролло, у которого не хватало ума, чтобы распознать опасность, даже когда она была перед глазами, — все молодцы, немцам до них далеко. И таких, как они, — тысячи; десятки тысяч, и здесь и во всей империи, за морями.

Он набил до отказа свою обкуренную трубку и только тогда заметил, что к забору подходит Оски. Стоило мистеру Бантингу погрузиться в размышления, и паверняка можно было рассчитывать, что перед ним появится Оски.

— Вот вам немножко семян, Бантинг. «Эйса Брэг».

— Он передал конверт, надписанный краиндиом.

— Как следует удобрите землю костяной мукой и сажайте пореже. Смотрите, чтоб монка не поела.

— Спасибо, Оски. Кажется, этих у меня нет. В самом деле, неужели нам и цветов не сажать из-за этого Гитлера?

— Цветов! Какие же это цветы? Это лук.

— Лук? Ах, да, да, конечно. — Мистеру Бантигу послышалась в голосе Оски знакомая пакетикающая нотка. — Это будет очень кстати. Так вы говорите костной мукой?

Он записал на конверте про костяную муку и двинулся дальше, чтобы избежать разговора об обязанностях садовода во время войны. Оски в этом вопросе придерживался самых строгих правил. На тех, которые не сеют и не жнут в интересах общественного питания, Оски смотрел косо. Даже сеять зеленый горошек, и то, по его мнению, было не патриотично. Он твердил одно: надо сеять корнеплоды к зиме; ему было известно во всех подробностях, как их следует хранить. Мистер Бантиг подошел к фасаду коттеджа и нагнулся над клумбами, осматривая те места, где в свое время должны были расцвести крокусы и рододендроны. Он взглянул на «золотой дождь», который он забыл подстричь, и подошел к миндальному дереву у калитки. Из всех весенников весны мистера Бантига больше всего радовало миндальное дерево в цвету. На нем уже появились бутончики, и в них, потихоньку набираясь сил, таялась та нежная прелесть бело-розовых цветков, которую мистер Бантиг не мог видеть без волнения. И теперь при одной мысли о них в нем с тепловалой склон воскресла надежда и вера во все то, чего человек не может ни подавить, ни задержать, ни ускорить. Оно растет и зреет, повинуясь извечному закону, так же как стремление к свободе растет даже под гнетом. Но образ цветущего дерева в воспоминании казался очень смутным, а в действительности его цветения еще долго ждать, — событие грядущих дней. Оно явится, когда услышит заветное слово, сказанное только ему одному.

Он вошел в дом, достал с кухонной полки ящик с семенами и положил туда «Эйса Краг». Ему не часто разрешалось занимать полки в кухне для своих личных надобностей, но это место на полке мистер Бантиг отвоевал для ящика с семенами. Там имелось все что угодно, особенно много было пакетиков с семенами овощей, и, перебирая их, мистер Бантиг с удовлетворением думал о том, сколько денег он скопомит таким путем. Но он особенно ожидался, доходя до пестрых пакетиков

с летниками: резедой, шпорником, душистым горошком и настоящими старомодными настурциями, изображенными на пакете в самых ярких красках. Как там Гитлер ни свирепствуй, а бордюры в саду у мистера Бантинга будут летом весело пестреть цветами. Он убрал ящик на полку. Он знал, что этот ящик нарушает весь порядок на кухне, и все-таки настойчиво требовал, чтобы он оставался на полке. Время от времени он доставал его, и, сидя у камина в февральский вечер, читал и перечитывал инструкции на пакетах и никому другому не позволял даже дотрагиваться до этого ящика.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Когда обязанности мистера Бантинга позволяли ему отрываться от дежурства у телефона в штабе Гражданской обороны, он проводил часок — другой в задней комнате вместе с мистером Ролло, упражняясь в метании дротика. Их организация, заявляя мистер Ролло, должна культивировать общественный и особенно спортивный уклад, и чем больше он думает, тем больше убеждается, что этим делом должен заняться именно он, мистер Ролло, так как за это время, с начала войны, он обнаружил в себе позаурядные организаторские способности. Непосредственной его задачей было организовать спортивную команду при штабе, и когда она как следует натренируется, устроить состязание и выиграть кубок.

— После войны это будет очень приятным воспоминанием.

— Мысль хорошая, — согласился мистер Бантинг, которому теперь стало ясно, что кубок будет стоять на камине в собственном кабинете мистера Ролло.

Как инструктор мистер Ролло проявлял величайшее терпение. Даже когда мистер Бантинг совсем не попадал в доску, он только вдумчиво исправлял его позиции и советовал «целиться поаккуратнее».

— А, черт! Никогда я не попаду.

— Попадетс, — возражал мистер Ролло спокойно и уверенно и в виде поощрения вручал мистеру Бантингу одну из своих черных сигар. — Давайтс-ка подкрепимся.

И с видом жреца, посвящающего новичка в таинство, он снял с полки две карточки, за которыми обнаружилась небольшая батарея пивных бутылок. — Когда захотите что-нибудь спрятать, ставьте сюда. Только никому не говорите — это против правил. Разумеется, это только для избранных.

— Разумеется! — подтвердил мистер Бантинг, очень довольный, как всегда, когда ему случалось выкурить хорошую сигару. Что он попал в число избранных, казалось и справедливым и в высшей степени приятным.

Метание дротиков в штабе повело к метанию дротиков на доме. Возвращаясь домой в темноте, мистер Бантинг по дороге практиковался в движениях кисти, а после чая вытаскивал из свет самодельную доску и приглашал Джули поупражняться с ним за компанию. Его очень привлекала общественная сторона работы в штабе: силстри, приятельские отношения, привилегии для избранных — все это напоминало ему холостую свободу былых дней и вызывало желание воспользоваться ею как можно полнее. Так что, вопреки протестам миссис Бантинг, доску по вечерам оставляли за кухонной дверью. Днем миссис Бантинг прятала ее в чулан, говоря, что подобные развлечения напоминают ей трактир. Ей никогда не приходилось бывать в трактирах, но она знала, что там собирается самая подозрительная компания.

Кроме того, она обращала внимание мужа на царапины в рубцы на самой двери, которая была «вконец испорчена» из-за того, что он делился как попало. Но мистер Бантинг, до сих пор очень осторожный и даже щепетильный по отношению к своей собственности, считал, что это пустяки — стоит только после войны сравнять замазкой и закрасить, и дверь опять будет, как новая, если, конечно, до тех пор самый дом не разбомбят вдребезги. Каждый промах сопровождался глухим стуком, после чего отец с дочерью молча обменивались взглядами, а в гостиной вздыхала миссис Бантинг не столько о кухонной двери, сколько о муже, который раньше все вечера проводил, бывало, за серьезным чтением, а теперь бросается палками, как мальчишка.

Однажды вечером он прикрыл глаза, сосредоточившись мыслями на единственном приеме, который мог спасти

его от промаха, как вдруг Джули сказала: — Послушай! Летит самолет. Я пойду выгляну.

— Это зачем?

— Да я ведь в пожарной охране. Туши свет, папочка.

Мистер Бантинг повернул выключатель и, держа на нем палец, подождал, пока она выйдет.

Джули взъерошенно закричала: — Папочка, иди сюда! Я вижу зажигалки.

— Но ведь тревогу не объявляли?

— Все равно, немцы летают. Смотри!

Выглянув за дверь, он увидел, что вся линия горизонта пламенеет неестественным светом. Крыши, коньки и шпили кровель чернели на ослепительном белом фоне. Они походили на геометрические фигуры, резко очерченные и очень маленькие; небо над ними светило, как над плавильной печью.

Шаркая туфлями, в кухню вошла миссис Бантинг.

— О, какие ужасные люди! — простонала она.

Мистер Бантинг взял ее за руку и прислушался, вперешимости глядя на небо, так как после зажигательных всегда бросали фугасные.

— Опять летят! — крикнула Джули.

Вторая пачка зажигательных бомб со свистом прорезала воздух. Окружающая тьма мгновенно ожила, словно в нее с размаху бросили сотни пылающих факелов. Они разгорались все ярче и сильней, зарево все белело и ширилось, озаряя печные трубы и деревья каким-то страшным, воровским светом. Сверху едва доносился гул бомбардировщика, медленно описывавшего круг. За ним скользили, скрецивались и переплетались яuchi прожекторов, теряясь в облаках. Нетрудно было представить себе экипаж, молодых людей в меховых костюмах, прячущихся на высоте, во мраке, и с этой безопасной позиции разглядывающих город внизу, который теперь в их руках и где они могут калечить, убивать, ослеплять людей, не зная даже, кто их жертвы или какое драгоценное достояние человечества они уничтожают.

Мистер и миссис Бантинг отступили за порог кухни, но отрывая взгляд от колыча огней. Дальше к западу один из таких огней стал тусклово-красным. К небу полетели искры.

— О боже мой! — вздрогнула миссис Бантинг. — Так и от Килвортса ничего не остается!

— Останется! — сказал мистер Бантинг. — Сейчас мы их ликвидируем. Идем, Джули!

Они побежали по дорожке, оставив миссис Бантинг и Эви сидеть под лестницей. Мистер Бантинг чувствовал особый подъем, по нему было известно, что этот подъем больше чем наполовину состоит из страха: глубоко укоренившейся, первобытной боязни перед огнем-разрушителем, от которой у него сохли губы и учащалось дыхание. С бьющимся сердцем и открытым ртом он, ныкти, бежал за дочерью, стараясь не отставать.

Вдруг она остановилась. — Напочка, а ты захватил скоток для бомб?

— Конечно, захватил! — обиженно ответил мистер Бантинг. Какой же был бы толк бегать по улицам без скотка? Вопрос Джули дал ему почувствовать, что хоть он, по крайней мере, не потерял головы.

— Вот одна, — сказал он, остановившись над какой-то испачкай штукой, похожей на столько на бомбу, сколько на мокрую, гаснущую головешку.

— Это пакудышная, — заметила Джули.

— Все-таки лучше засыпать ее песком.

Он разыскал мешок с песком около фонарного столба и швырнул его на бомбу, а в голове у него промелькнула смутная догадка: не саботаж ли это? Может быть, какой-нибудь поляк или чех насыпал в бомбу цемента вместо взрывчатых веществ. Эта мысль сообщила ему приятное чувство товарищества, словно бомба была посланием от безыменного гражданина порабощенной Европы, который полагался на мистера Бантинга. Шипение в канаве прекратилось, бомба, должно быть, погасла. Он отступил немного и минуту следил за ней, чтобы увериться в этом окончательно; потом ему пришло в голову, что бомба может взорваться. Эти гунпы уж так устроены, что им только одного надо — убивать да калечить, вот они и стали делать такие зажигалки, которые взрываются, — об этом недавно говорили по радио.

— Идем, — сказал он и, подобрав скоток, заторфился дальше.

Обогнув угол, они наткнулись на «настоящую», как

выражалась Джули. Бомба лежала на мостовой, выбрасывая языки пламени и яростно шипя. Мистер Бантинг посмотрел по сторонам, нет ли мешков с песком, но ничего не увидел — вспышка ослепила его. Оставалось только набрать в сотовок земли у кого-нибудь в палисаднике. Он отворил калитку.

— Вот мешок с песком, — сказала Джули, взваливая мешок на плечо.

— Дай мне...

— Смотри, папа! Бантингги, вперед! — крикнула она, подбежав к бомбе, аккуратно сбросила на неё мешок и отскочила назад, отряхивая руки и тяжело дыша. — Теперь засыпь ее с боков, папа.

— А ты бы поосторожнее, — посоветовал он, когда бомба погасла и непроглядная тьма сразу обволокла их со всех сторон. — Подожжешь платье.

— Но, напочки, какая же осторожность па войне?

Они пошли дальше. Вспышки уже не освещали всего неба: раньше казалось, что полыхает весь город, а теперь светилось только несколько огненных точек. Они дошли до угла и остановились, поглядывая по сторонам. Красные огни меркли один за другим — должно быть, много бомб было уже потушено, а другие выгорели сами собой — и мрак начал застывать окружать улицы.

— Пожалуй, можно и домой, — сказал мистер Бантинг, подумав, что теперь, должно быть, десятки людей вышли тушить бомбы.

Джули взяла его под руку. — Где-нибудь наверно, еще есть. Вперед, друзья ковбои!

Мистер Бантинг неохотно поплелся за дочерью. Он не сочувствовал ее увлечению зажигательными бомбами, а словечки, заимствованные у Ролло-младшего, всегда раздражали его. Они прошли до конца одну мирно спящую улицу, где не было ни света, ни звука, ни движения, и только что свернули на следующую, как мистер Бантинг остановился, глядываясь в одно место, не в состоянии решить, что он видит — пожар или зажигательную бомбу, и где это — далеко или близко.

Джули унеслась вперед, и ее возбужденный, девически эвонкий голос долетел до него из темноты:

— Вон она, па крыше! Попыхает во-всю.

Мистер Бантинг выругался шепотом. Бомба в саду или на улице — это пустяки, а вот на крыше... — Да какого же черта они не обьявляют тревогу и не созывают людей? Везде распущенность и беспорядок. Ни души, кроме него и Джули, а та радуется неведомо чему, как будто это не бомба, а клевер о четырех листиках. Он побежал вперед, крепче ухватив совок, соображая, как бы позвать на помощь. Теперь он ясно видел бомбу па крыше, застрявшую между двумя разбитыми черепицами и догоравшую па этой безлюдной улице незримо ни для кого, кроме старушки, которая высунулась из калитки и пояснила проходившему мимо мистеру Бантингу, что бомба — «вон там!»

Она точно возложила па него всю ответственность за эту бомбу и сейчас же ушла в дом.

Только подойдя вплотную и увидев солнечные часы па лужайке и виргинский плющ на коньке кровли, он узпал дом полковника Сандерса. Мистер Бантинг заволновался, заколотил в дверь, крича в щелку почтового ящика: — Скорее! Зажигалки! Скорее!

— Простите, — сказала Джули, когда дверь открылась, — у вас крыша горит.

Полковник, чьи седые волосы еще сильнее отливали серебром в лунном свете, вышел па лужайку и поднял голову.

— Лестница есть? — спросил мистер Бантинг, не зная еще, кто па ней полезет.

— Нет, придется с чердака.

Он вошел в дом и полез па чердак, отец и дочь без всякой церемонии лезли за ним. Хотя, чувствуя опасность, полковник двигался гораздо быстрее и энергичнее, чем обычно, по в том, как он поднимался по лестнице, было что-то странное, чего мистер Бантинг не замечал за ним па ровном месте. Ему вспомнились сплетни, ходившие по городу в то время, когда Сандерса назначали командиром роты Гражданской обороны. Говорили не только, что он слишком стар, но что он еще и хромой, а Оски прямо утверждал, что у него одна нога искусственная. Мистер Бантинг никогда не верил, па теперь сам увидел, как полковник ставит па ступеньку сначала

одну ногу, а потом с большим усилием подтягивает к ней другую.

Вдруг полковник остановился, опираясь на перила; из темноты появилась его жена, удивленно глядя на Джули и мистера Бантина. Она приставила ладонь к уху, и полковник громко сказал ей:

— На крыше у нас бомба, дорогая моя!

— Не послать ли за Уильямом?

— Боюсь, что времени нехватит. Сделаем сами, что можем, — и при свете его фонарика они полезли вверх, пока не очутились под люком, ведущим на чердак. Мистер Банting нажал на люк ручкой совка, и до них донеслось шипение и запах дыма.

Появилась миссис Сандерс с высоким стулом в руках. Возникла небольшая заминка, всего на несколько секунд, но все же достаточно долгая, чтобы мистер Банting успел почувствовать стыд за то, что человеку старше его самого приходится обнаруживать перед ним свои немощи.

— Полезу я, — сказал он, становясь на стул.

Подталкиваемый снизу, он пролез в люк и стал колениями на балку. Кто-то подал ему ручной совок.

— Воду можно брать из ванной, — сказал полковник, которому тоже помогли взобраться вслед за мистером Банtingом.

— Не стоит. На крыше есть бак.

Встретив непонимающий взгляд полковника, мистер Банting сказал сердито, как будто говорил со стариком Тернером: — Бак! Вот он, прямо перед вами.

— Ах, да, да, верно.

Откашливаясь и отглевываясь, мистер Банting пополз к пылающей бомбе в углу чердака и попытался подсунуть под нее совок. Удалось ему это или нет, он не мог сказать — дым ослепил его и заставил отступить. Зашатались балки, и бомба провалилась вниз, на пеккрытие. Только не мешкать, иначе прогорит и оно и возникнут новые очаги пожара. И мистер Банting оставил балки в покое — суть не в них, а в бомбе, — и, сердито поглядев на нее, он повел наступление. Ловко брошенная пожарная книжка легла ему на плечо, а еще через секунду полилась вода.

— Вот это дело! Качайте во-всю!

Обернувшись, он увидел, что полковник добрался до бака. Он обвязал лицо мокрым платком; глаза смотрели из-за плаща тревожно и решительно, как перед боем. Позади него просунулась в люк Джули с красными от дыма глазами, но очень оживленная и довольная.

Лежа на животе и задыхаясь от дыма, мистер Бантинг направил струю на огонь. Бомбу он, наконец, потушил и теперь припался за балки. Они страшно трепетали в огне, кругом сыпались искры. А он все поливал да поливал с методичностью подлинно практического и трезвого человека, который не позволяет никаким зрителям впечатлениям отвлечь его от сути. По лбу струился пот, заливая глаза. Утирая его пальцами, он измазал все лицо. На что стал похож его костюм, он не отважился и думать. Но он был бодр, настроен по-боевому. Наконец-то и он участвует в войне!

Вдруг пронзительно завыла сирена. Джули обернулась, иронически адресуясь к ней:

— Да не может быть? Что вы говорите?

Мистер Бантинг в ярости накинулся на нее; у него и так полны руки дела, а тут еще эти глупые замечания!

— Ступай, спрячься, глупая! Тут тебе делать нечего.

— Ну, как у вас? — спросил полковник.

— Затихаст. Но лучше залить как следует. А то как бы не раздуло ветром.

Некоторое время ничего не было слышино, кроме скрипа насоса и тяжелого дыхания полковника. Он качал все медленнее и медленнее; наконец перестал совсем.

— Больше не могу, Бантинг. Неужели еще не погасло? — задыхаясь, пролепетал он. Уже несколько минут он не видел пламени и качал только потому, что мистер Бантинг, как видно, человек основательный и если уж берется тушить пожар, так делает это по всем правилам.

Даже и теперь он ответил по сразу, а спачала попыкал совком в мокрую паковую золу.

— Да, погасло, — ответил он наконец, как будто только теперь мог это гарантировать.

— Ну, слава богу! — воскликнул полковник, отвязывая платок и утираясь им.

Лежавший на животе мистер Бантинг встал. Стоять во весь рост было невозможно, и, перепробовав всяческие позы, мистер Бантинг присел на корточки, прислонившись к балке и потирая колени. Так они сидели молча, все потные, в дымном столбе света, падавшего из люка из чердак. Довольно неподходящее положение для двух стариков, подумал мистер Бантинг. Однако приходилось либо примириться с такими положениями, либо отдать все, что имеешь, покориться и жить под началом кучки хвастливых немцев. Вэт уж ясно думал он, что доживет до такой нелепой альтернативы. Полковник выглядел неважно, даже и для семидесяти с лишним лет: все морщины выступили резче на бледном от усталости лице. Он вытер лоб медленным, усталым движением.

Тут только они заметили, что в доме стало совсем тихо.

— Должно быть, все укрылись в убежище.

Мистер Бантинг не ответил: у него слишком пересохло во рту. И двигаться ему не хотелось. Ему хотелось только пить — «глоток свежительный старинного напитка», как сказал бы Кордер, — пива, что ли. Хотелось выпить теперь, пока он еще не умылся, не переоделся, не сошел вниз.

Под домом пролетел самолет; он узпал прерывистое гудение немецкого бомбардировщика и вспомнил, что была объявлена воздушная тревога. Заговорили зенитки, сотрясая чердак.

— Теперь пойдут фугасные, — заметил полковник.

Ни один из них не двинулся. Мистеру Бантингу еще тесный и темный угол под крышей казался надежнее всякого убежища. Он уже привык к этим колебаниям между жизнью и смертью, привык с благодарностью оглядываться назад, на все, чем он успел насладиться в жизни, понимая, что вряд ли ему будет отпущенено еще много таких наслаждений. Страх охватывал только в тот момент, когда ударяла воздушная волна и оглушительно рвалась бомба, и невольно приходила мысль: что-то делается там, где она упала?

Бомбы падали с визгом, и весь дом содрогался чва. Он звоном, какой бывает, когда бьется посуда. Где-то щеткой, зости раздался самый сильный взрыв, какой ему пришлку, пережить; балка, к которой он прислонился, толкнувш-
го в спину, бак с водой загудел, как колокол, и он ясно, услышал грохот рухнувшего здания. Он посмотрел па полковника, но у того был такой вид, словно он вообще не замечает происшедшего. Подобный стоицизм был выше сил мистера Бантинга; теперь он думал о жене, которая сидит вместо с Эви и ребенком под лестницей. В нем на-
растали ненависть и злоба против всего немецкого, по си-
ле превосходившая все когда-либо испытанные им чувства. В прошлую войну он никогда не чувствовал такой глубокой и ожесточенной ненависти к врагу. Мистер Бантинг вообще не склонен был ненавидеть, но в эту минуту он страстно желая, чтобы война не кончалась до тех пор, пока немцы у себя на родине не испытают все то, чему они с такой жестокостью подвергают других.

Внизу хлопнула дверь, кто-то, сиотыкаясь, быстро поднимался по лестнице. Мистер Бантинг услышал, как везут на стул, и в следующее мгновение в люке появилась Джули.

— Опять зажигалки... Целыми пачками.

Он испуганно посмотрел па нее.— Боже мой! А ты разгуливаешь по улицам!

— Не говори глупостей, папочка. Я ведь в пожарной охране.

Он беспомощно махнул рукой и взглянул па полковника, точно спрашивая, есть ли у него дочери. Но полковник старался разобрать, что говорила ему Джули. Оба делали какие-то пояснительные жесты.

— Кажется, есть одна на плоской крыше.

Сначала мистер Бантинг не желал этому верить. Его охватило раздражение, как при мелких домашних неурядицах. В Килворте тысячи крыш, с какой стати именно па крышу полковника должна второй раз упасть бомба? Все обидное и несправедливое являлось ему сначала под злчиной неправдолюбия.

— Да они бросают их сотнями,— пастаивала Джули.— Тысячами!

— Надо бы посмотреть,— сказал полковник и начал

дергать раму слухового окна. Открыть его он не сумел, и мистер Бантинг, пробравшись по балкам, поднял щеколду.

— Простите, Бантинг, вы уже столько сделали...

— Ничего. Как же мы влезем?

Полковник согнулся колено и указал на него. — Становитесь, ничего ему не сделается.

Никогда в жизни мистер Бантинг не воображал, что ему придется делать такую глупость. Но другого выхода не было. Он стал на колено полковника, протиснул голову и плечи в окно и оказался под черепицами. Свежий ночной ветер пахнул ему в лицо, никогда еще, кажется, он не дышал таким чистым, прохладным воздухом. Он вдохнул его полной грудью и сразу почувствовал прилив сил, по одновременно в нем пробудилось сознание опасности. Как раз под этим черепичным скатом переходил в небольшой участок плоской крыши, и там горела бомба.

— Дайте совок, — сказал он и, взяв совок, погнулся. Потом высунулся еще дальше и опять нагнулся.

— Нет, не выходит! — сказал он и присел, услышав взрыв зенитных осколков, пролетавших мимо под довольно опасным углом, как ему показалось.

Он осторожно выглянул опять. — Удержите вы меня, если я высунусь еще дальше? — спросил он и почувствовал, что полковник крепче ухватил его за лодыжки.

Он нагнулся над черепицами. Если бы полковник выпустил его, он соскользнул бы на плоскую кровлю, где был парашет, который не дал бы ему упасть. Поза была не столько героическая, сколько неудобная и пеленая. Он вытянул руку, подцепил бомбу совком и уронил ее.

— Черт! — выругался он и подумал, падая ли на грудь еще ниже, потом решил, что не стоит. До чего глупо — человек его возраста, и вдруг висит вниз головой, высунувшись из слухового окна. Все вообще бред и чепуха. Он отогнал эту мысль и заставил себя успокоиться. Опять подцепив бомбу, он покатил ее к параллете. Она опять сорвалась, и секунду-другую он молча смотрел на нее, не понимая, в чем дело, потом осмотрел совок со всех сторон.

«Ну, постой же!» — подумал он и очень медленно и осторожно, весь обратившись во внимание, подцепил бомбу сбоку и столкнул ее в сад.

Внизу, с обычным после отбоя чувством псыразимого облегчения, мистер Бантинг выпил стакан пива. Он умылся, по миссис Сандерс все еще чистила его щеткой, пока он пил пиво. Полковник откупорил одну бутылку, потом другую, рассеянно и непавязчиво, но очень радушно опережая желания гостя. Его жена все огорчалась, что у мистера Бантинга намокли отвороты брюк, и всячески выражала свою благодарность. Оба супруга были старые люди, по меньшей мере, лет на десять старше мистера Бантинга. Убранство гостиной было у них чириное и старомодное, и манеры подстать, и церемония их любезность стесняла мистера Бантинга.

С Джули полковник был особенно галантен.

— Ваша дочь пьет херес, мистер Бантинг?

— Ну, еще бы! — вмешалась Джули. — Бог спасибо! — Этот сорт вина был неизвестен в коттедже «Золотой дождь».

Он наполнил ее стакан. — Я всегда буду вспоминать о вас, дорогая моя, — сказал он торжественно, — как о девушки, которая была в пожарной охране и не ушла с поста, хотя кругом сыпались бомбы.

— А мне это нравится.

— Вот как! — улыбнулся он. — Мы все-таки растим неплохую молодежь. А, мистер Бантинг?

Не вполне понимая, что именно хотел сказать полковник, мистер Бантинг все же согласился с ним. Он сказал также, что пиво прекрасное, но поспешил отказаться от третьего стакана, опасаясь, что его похвалу примут превратно. Он всегда боялся «злоупотреблять чужой любезностью», по его выражению. Уходя домой, он оглядел свой костюм в высоком зеркале Сандерсов, запахивая пиджак и выгибая шею, чтобы разглядеть брюки сзади.

— Как, по-твоему, мама заметит что-нибудь?

Джули неожиданно фыркнула, поставила рюмку на стол и неудержимо раскашлялась! Потом посмотрела на него насмешливо и ласково.

— Нет, папочка, — сказала она, делая серьезные глаза. — Где же ей заметить.

— Напрасно ты пила это вино, оно для тебя слишком крепко, — сказал он, когда они вышли, и подставил ей руку. Она с ложностью прижалась к нему.

— Лучше не говорить дома, что мы лазили по Крышам. Твоя мать из-за всего волнуется.

После ужина он довольно долго чертил огрызком карандаша в блокноте. Иногда выходил в кухню и своей стальной линейкой измерял разные части совка для бомб. Борта, по его мнению, были неправильной формы, а посредине нужно было бы сделать углубление. Закончив чертеж, он проставил размеры и с гордостью полюбовался на него.

Потом писал почерк листа: «Чертеж для мистера Бикертона», — не потому, что боялся забыть, а из любви к записям. Аккуратно сложив листок, он запер его в чемоданчик, который брал с собой в город.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

В следующие за этим недели мистеру Бантингу иногда казалось, что в военных действиях наступило затишье. Никаких внешних признаков затишья не было, бомбежки продолжались, но он не мог отделаться от этого чувства. Дневные иочные тревоги, как ни были они страшны, стали с течением времени привычным делом, и люди приспособились к ним. Мистер Бантинг приспособился даже к большему: он ждал еще худших ужасов. Он ждал, что волна бомбажек будет все нарастать, города будут пылать и рушиться под градом бомб, падающих с неба. Начнутся убийства и зверства в масштабах, превосходящих самые кровавые побоища в истории. Несколько человеческий ум может быть подготовлен к таким событиям, ум мистера Бантинга был к ним подготовлен с помощью доктора Геббелса и его присных, которые заранее предупреждали, что все это неизбежно.

Была угроза войны, и война началась; была угроза блицкрига, и она осуществилась. Мистер Бантинг, заранее переживший страх перед этими испытаниями, ждал, наблюдал. Если ему, как всем англичанам, нехватало воображения, зато у него была английская флегма и деловитость. Он был потомком того человека, который сумел уйти от гнавшегося за них дракона, и, весь израненный и обожженный, все же доложил святому Ге-

оргию, что огненный язык дракона хотя и смертоносен, но длиной не в семь футов, как говорили, а немногим меньше. Только так и только такие люди могут подойти к дракону и сразить его.

Занимаясь такими наблюдениями среди тревог и бомбёжек, частых страхов и постоянного беспокойства, мистер Бантинг внезапно обнаружил, что блицкриг уже достиг своей полной мощи. Весь пар был вышущен, в котле фюрера больше ничего не оставалось. Однако потрясти мир не удалось. Жизнь мистера Бантинга перестроилась, как и жизнь фирмы Брокли, как и жизнь Сити. Не будучи героем, он переносил войну со всей твердостью, доступной пожилому человеку, страдающему одышкой, и со всем спокойствием и презрением к врагу, способному так его недооценивать. Да, затишье в войне было. Оно было в нем самом, в умах и сердцах тех, кто окружал его.

Он проходил по новому, изменившемуся войной миру и не забывая любоваться на распускающиеся листья. Он не умел утешаться мыслью о далёкой утопии. Это было хорошо для Эрнеста, а он жил изо дня в день и радовался, глядя, как пробиваются из земли первые зелёные ростки его десятка нарциссов, как распускаются первоцветы, пересаженные из Кильвортского леса много лет тому назад. По воскресеньям он занимался перепланировкой сада, и живший в соседних кустах реполов, отличный от всех чужих реполов, скакал за ним из пятам, в ожидании хлебных крошек.

Однажды миссис Бантинг расстроила его вопросом, который задавала раза четыре в год:

— Как живётся мистер Кордер? — Последовало напряженное молчание, сердце мистера Бантинга перевернулось.

— Джордж, мне кажется, ты стал плохо слышать.

Раздражение помогло ему в эту трудную минуту. Облизав пересохшие губы, он ответил:

— Кордер здоров, Мэри. В общем, как всегда.

Первый раз в жизни он солгал ей. Сколько ударов! Они подстерегали везде, поражали изнутри и извне, предвиденные и непредвиденные. Он встал и вышел в сад, но, завидев Оски, повернулся и ушел в пустую гости-

ную. Там он стоял перед истопленным камином, закусив верхнюю губу, с посеревшим лицом.

Он нашел Кордера на верхней площадке лестницы. Все служащие были в подвале во время падета, так по крайней мере казалось мистеру Бантингу. Он сам был там, когда бросили первую бомбу, и видел, что Кордер сошел вниз вместе с другими. Он даже помахал ему рукой, что Кордер, должно быть, не заметил. В подвале было много корзин, мешков и ящиков, и служащие сидели на них по-двое и по-трое. Когда все кончилось, мистер Бантинг вышел из своего угла и вместе с другими поднялся наверх. Вот тогда-то он и услышал испуганный крик и, бросившись вперед, увидел, что один из служащих наклонился над чем-то похожим на кучу смятого платья. Сначала он не узнал, кто это.

Потом, растолкав других, он стал на колени и нагнулся к своему другу.

Кордер с трудом повернул к нему голову, его тубы зашевелились.

— Что он говорит?

— Не знаю, сэр, что-то непонятное, ничего не разберу.

— Бредит, должно быть. Бедный Джо!

Сердце мистера Бантинга разрывалось. — Джо! — крикнул он и, нагнувшись пониже, еще раз тихонько назвал его по имени. Он жаждал хоть какого-нибудь знака, что Кордер его узнал, так как чутче говорило ему, что помочь уже ничем нельзя.

Кордер приподнялся, глядя на мистера Бантинга блестящими, но пустыми глазами. Он хотел что-то сказать и не мог. Потом, словно повернули выключатель, — свет погас. Кордер повалился на бок и затих.

В первую минуту мистер Бантинг не понял.

— Джо, — все повторял он, сжимая своей рукой еще теплую руку Кордера. Он отказывался поверить в эту смерть. Он обвел взглядом стоявших вокруг, словно умоляя о помощи.

— Идемте, мистер Бантинг, тут уже больше ничего нельзя сделать, — сказал мистер Бикертон, и он исстал, в полном отчаяния прошел по затихшему магазину в свой закуток и закрыл за собой дверь. Он сел,

глядя в пространство потерянным взглядом и не видя ничего.

Через некоторое время он заметил на полу какой-то блестящий предмет. Нагнувшись, он поднял зеленое вечное перо Кордера. Не сразу он понял, как оно очутилось тут.

Теперь он стоял, прислонившись к холодному камину, и все подробности этой сцены проходили перед ним безжалостно отчетливо, как во время бессонницы. Всю свою трудовую жизнь он провел рядом с Джо Кордером. Знал, что сын у него в Австралии, замужняя дочь — в Америке. Он представлял себе дом Кордера, как представляешь себе дом, описанный в романе, зная всю его семейную историю со всеми удачами и неудачами. Но детей Кордера он никогда не видал.

Он вздохнул. Как безвременно и неуживчива обрывается жизнь в дни войны, и на какой тонкой ниточке она висит! Кордер поднялся из лодыжки в закуток, думая, что мистер Бантинг не слышал сирены, как было уже один раз.

Чем можно оплатить этот долг? Ничем, разве только — изо всех сил стараться быть достойным такой жертвы.

Джули просунула голову в дверь. — Что ты тут делаешь, палочка? Ты что-то плохо выглядишь. Животик болит?

— Просто думаю, деточка.

— Потому что если это животик, так тебе придется пропивать аррорут по рецепту миссис Бантинг.

— Я здоров, — сказал мистер Бантинг тоном, не допускающим и мысли об арроруте. — Думаю, вот и все.

— Так иди думать, где поуютнее, палочка. Ты видел вчерашнюю газету? Нашли гоняют итальянцев по всей Африке.

— Ага! — одобрительно воскликнул мистер Бантинг. Надо отвлечься от своего личного горя, спрятать его даже от сверхъестественной чуткости жены. Пусть никакое горе не подрывает его решимости, его желания видеть, как врага расколотят и покарают за все его преступления. До сих пор он видел только торжествующие заголовки телеграмм об Африке, а теперь в газете есть полный обзор. Надо посмотреть на карте, по-

тому что мастер Бантиг купил новую карту войны и теперь был намерен следить за победами. Он часто объяснял положение дел на фронте миссис Бантиг, особенно в Абиссинии. Там, по его мнению, и заварилась вся каша, там и следовало начать первый ответный удар.

— Муссолини не может ни ввести войска, ни вывести, понимаешь? — И он тыкал в карту своим коротким пальцем. — Они окружены со всех сторон — там и австралийцы, и южноафриканцы, и английские войска, и флот. — Он объяснял с увлечением. — А потом в Абиссинии начнется восстание. Шедут стрелять из-за кустов и скал. Это и есть партизанская тактика. Вот что Муссолини устроил со своими войсками. Загнал их в тупик.

— Боже мой! Что же теперь с ними будет? — ужаснулась миссис Бантиг, по старомодным представлениям которой все они были чьи-нибудь сыновья.

— Да то же самое, что будет с немцами в Польше и в некоторых других местах. Посшибают им головы.

— Джордж, что за выражение! — Миссис Бантиг обратилась за поддержкой к Эви, чье влияние на мистера Бантига не имело границ.

— Посшибают головы, — повторил мистер Бантиг, заметив, что глаза Эви сочувственно блеснули. — Это их научит сидеть у себя дома на кухне. А когда эти чертовы немцы запросят пощады, как ты думаешь, что мы им ответим?

Тут он подался вперед, весь покраснел, шевеля усами. — Мы им ответим: «Погодите, сволочи, мы еще не начали как следует. Мы вас еще проучим!»

— Ура! — крикнула Джули. — Сволочи, «дрекзаки»!

— Боже мой! — вздохнула миссис Бантиг, видя, что отец с дочерью забыли о всяких приличиях.

— Да, сволочи...

— Довольно, Джули, — остановил ее отец. Он одобрял патриотизм дочери, но опасался, что значение некоторых слов, которые она употребляет, гораздо краинче, чем она думает.

— Берт говорит, что теперь на наших танках такая же броня, как на бронепосадках. Они могут загнать в

Рейн самые мощные немецкие танки. И снять их, как жестянку сардины.

— Берт? — повторил в недоумении мистер Бантинг. Иногда он бывал удивительно непонятлив.

— Ну да, Берт Ролло, глупый!

— Ах, да, Берт. Не понял, о ком ты говоришь. Неужели он опять в отпуске?

— А я почем знаю.

— Когда Берт получит отпуск, он нас, разумеется, навестит, — сказала миссис Бантинг.

Почему «разумеется»? — подумал мистер Бантинг, но тут же перенес свое внимание на приготовления к ужину. Из кухни доносился аппетитный запах и заманчивое шипение. Рыбные котлеты или оладьи, а то любимые Джули пирожки из тертых орехов, — это и правда вкусно. Во всяком случае, не аррорут. Нечего сказать, до чего дошло, если человеку нельзя приять содовую таблетку без того, чтоб его не уложили в постель и не начали пичкать аррорутом. Собственно говоря, аррорут ему всегда был вреден. А всего полезнее, конечно, хороший глоток виски. И совершенно позачем угощать им здоровых молодых людей, когда оно стоит шестьнадцать шиллингов бутылка.

— Неужели эти мерзавцы и нынче почью прилетят? — спросил он, приготовляясь к сну. Он подошел к двери взглянуть, какова погода. Ни одной звезды в небе, воздух неподвижен, и по земле, оседая каплями влаги на каждом листке, стелется густой туман, такой густой, что не видно ни сарая, ни гаража.

Мистер Бантинг вздохнул свободно. — Слава богу, сегодня выпимся как следует. Бомбардировщики в такой тумане сюда не сунутся. И для сельдерей это полезно.

Перед завтраком, снимая маскировочные шторы, мистер Бантинг увидел миндалевое дерево в подвешенном убore, блестящее на солнце. Неожиданное зрелище взволновало его сердце, как музыка. Словно тысячи розовых бабочек сидели на безлистных ветвях, тихонько трепеща крыльшками.

Он остановил миссис Бантинг, проходившую по комнате, и подвел ее к окну.

— Погляди, Мэри! Миндалевое дерево зацвело!

— Какая прелесть, правда?

— Да, — сказал он мягко, чувствуя, что в сердце к нему закралась надежда и согрела его. Цветение миндаля всегда означало перелом года, оно было вестником весны. Последние месяцы он не мог отделаться от мысли, слишком неразумной, чтобы говорить о ней с кем-нибудь, что в этом году цветение миндаля будет значить особенно многое. Часто в тусклые зимние дни, когда все кругом было сковано холодом, пусто и голо, он думал: «К тому времени, как зацветет миндаль, и в войне наступит перелом...»

И вот деревцо стояло в полном цвету, словно только что зажженный светоч надежды. И кто может сказать, кто знает, какие события пазревают сейчас, подготовляя богатую жатву, — осуществление лучших надежд человечества!

Он вспомнил, как в прошлом году стоял здесь, глядя на цветущий люнвильский сад, в те дни, когда обезумевшая Франция покорилась врагу и Англия осталась одна, когда ее армия погибла на дюнкерском побережье и для защиты родины пехватало оружия. Тяжело было в тот день на сердце мистера Бантинга; казалось невозможным, что почти через год он будет стоять здесь, полный новой надежды, сильный знанием, что из-за океана к нему идет помощь, такая, какой ни одна страна еще не оказывала другой. Да, многое преодолело человеческое мужество, мужество безыменных и бесчисленных воинов Асгардии. Если упорно итии вперед, непременно, рано или поздно, будет перелом.

Сегодня утром, когда он брался, ему все вспоминались слова: «Претерпевший до конца».

— Откуда это, Мэри?

Миссис Бантинг наморщила лоб.

— «Претерпевший до конца спасается», — сказала Эви. — Это из библии.

— Да, да, — вздохнул он. Жизнь показала ему многие его недостатки, а война — все остальные. Он не герой, не обладает блестящими способностями, но одновон он умеет — терпеть. Он может вытерпеть все до конца. В этом он силен, и так случилось, что теперь это почти единственная его обязанность.

Он хотел было разобрать вещи на чердаке, на тот случай, если бомба пробьет черепицу, но Джули уже сделала это за него. Набралась целая куча хлама, которую надо было отнести в гараж и рассортировать, и этим он занялся в свободные несколько минут перед уходом из дома. Среди множества других вещей он нашел британский флаг. Мистер Бантинг понятия не имел, откуда взялся флаг, он был не охотник до выискивания флагов, это его стесняло. Но, развернув флаг, он нашел бумажку, на которой было написано мальчишеским почерком: «Флаг Криса Бантинга для коронации». Крис вывесил его из окна своей комнаты в день коронации, мистер Бантинг помнил, как он развевался.

Хотя флаг починял и обтрепался, в нем было что-то родное и горделивое. С ним были связаны тысячи воспоминаний, он видел его то развевающимся на ветру, то повисшим без движения. Благородный символ. В последний раз он видел его прикрывающим тело сыча.

Он взял полотнище в руки. «Бантинг»! Так ведь называется эта материя — самая простая, дешевая, обыкновенная ткань. А ведь из этой самой ткани делаются победные знамена.

Он спрятал флаг и отнес его на кухню. — Я еду на работу, — сказал он жене. — Спрячь это хоросинко, Мэри. Придет день, когда понадобится вывесить.

У калитки он остановился и с минуту смотрел на окно комнаты Криса. Свежесть утреннего воздуха приятно смешивалась с запахом трубки мистера Бантинга, когда он твердым шагом шел по дороге.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая. Мистер Бантинг в дни мира	3
Часть вторая. Мистер Бантинг в роли зрителя . . .	146
Часть третья. Мистер Бантинг в роли прорицания .	222
Часть четвертая. Мистер Бантинг в дни войны . . .	263

Редактор О. Холмская

Подписано к печати 3.VIII—43 г. Тираж 10 000 экз. А2618.
15½ печ. лист. 27,34 уч. лист. Цена 12 руб.

1-я Образцовая тип. Огиза РСФСР треста «Полиграфнига».
Москва, Валовая 28.

2 руб.